

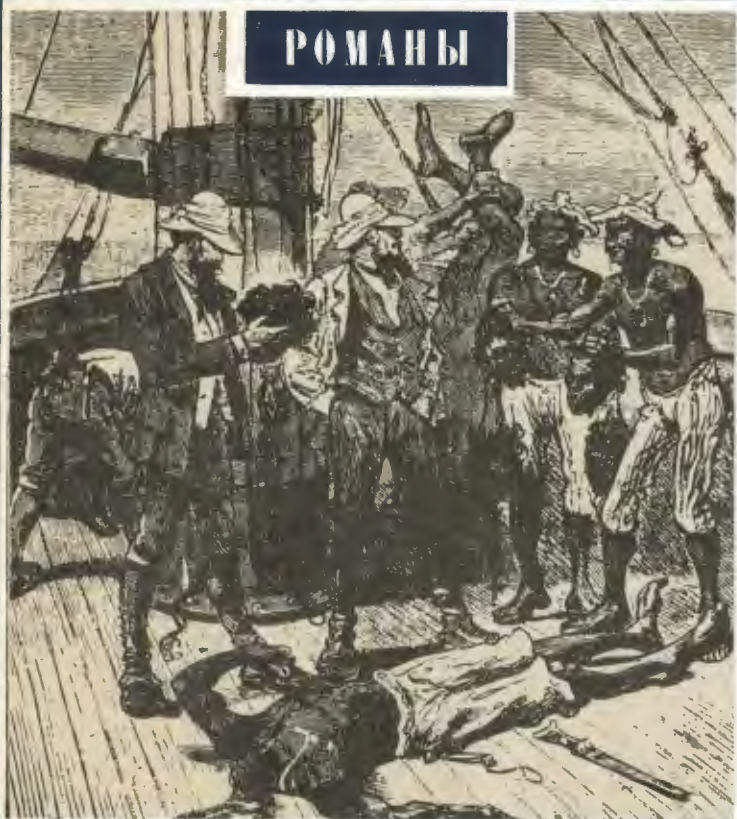

ЛУИ

БУССЕНАР

РОМАНЫ

ЮЖНО-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

**ЛУИ
БУССЕНАР**

Луи Буссенар
(4 октября 1847 г. — 9 сентября 1910 г.)

Л. УИ БУССЕНАР

РОМАНЫ

ПОД ЮЖНЫМ
КРЕСТОМ
ЛЕДЯНОЙ АД

Челябинск
Южно-Уральское книжное издательство
1993

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ РОМАНОВЪ
ЛУИ БУССЕНАРА

Подъ Южнымъ Крестомъ

Переводъ Е. Н. Киселева

I. КОРАЛЛОВЕ МОРЕ.
II. РАДЖА БОРНЕО.
III. РАЗБОЙНИКИ ЗОЛОТЫХЪ ПОЛЕЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО П. П. СОЙКИНА
СТРЕМЯННАЯ, 12, СОБСТВ. ДОМЪ
1911.

ПОД ЮЖНЫМ КРЕСТОМ

Часть первая

КОРАЛЛОВЕ МОРЕ

Глава I

Пролог.— Парижанин Фрикэ и его друг Пьер де Галь.— Монте-Карло на крайнем Востоке.— Выставка сокровищ.— «Макао».— Игроки всех цветов, одинаково обкрадываемые.— Шестидесятилетний шулер.— Торговцы людьми.— То, что называется «Баракон».— Корабль «Лао-Дзы».— Ложный путь.— Оба француза в западне.

— Итак, вы отказываетесь уплатить мне долг?

— Нет, синьор, нет. Примите мои извинения. Я не отказываюсь, я только не при деньгах сегодня. Но вы знаете, что здесь так же, как на вашей славной родине, карточный долг — священный долг.

— Гмм... Священный долг. Это смотря с кем имеешь дело.

— Я вам даю слово Бартоломео ди Монте... Никто здесь не сомневается в слове Бартоломео ди Монте.

— В слове торговца людьми...

— Ваша милость желает сказать то, что говорит. Вообще, если мои слова вас оскорбляют, это не мое дело. Я окончательно потерял терпение за эти две недели пребывания в вашем вертепе.

— Однако, синьор...

— Молчать, черт возьми! Вы плут и больше ничего. Я хорошо видел, как вы передали кучку пиастров своему сообщнику, поспешившему дать тягу.

— То есть как — плут? Вы сказали, что я плут?!..

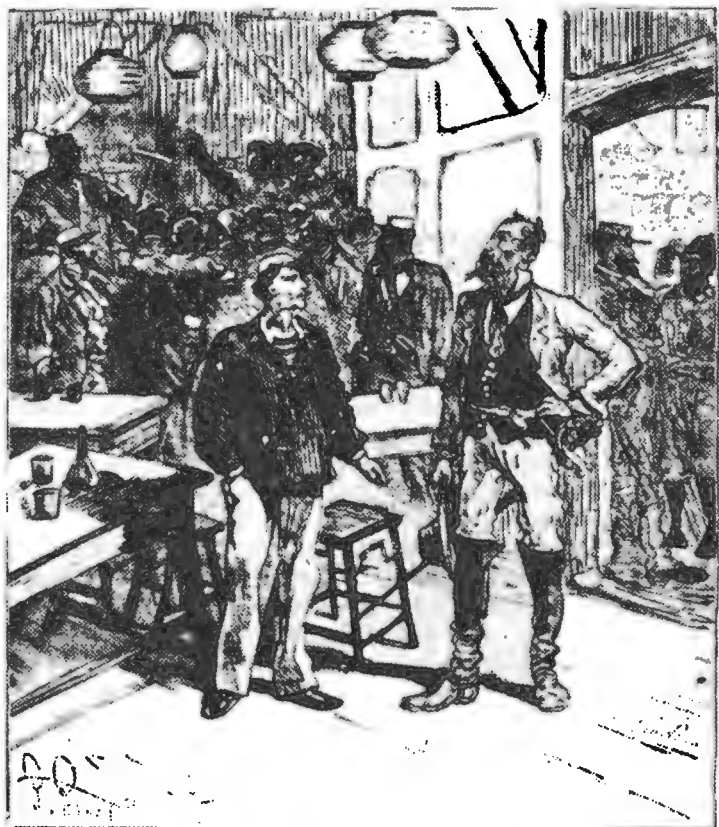
— Да, плут. Выигрыш меня несколько не интересует. Я не игрок, но вместе с тем не желаю, чтобы какая-нибудь шоколадная кукла надувала меня и при этом смеялась надо мной.

— Я охотно простил бы, принимая во внимание вашу молодость, эпитет плута, которым вы меня наградили, но последние слова, в которых я вижу оскорбление моей

Роман написан в 1883 г. — (Здесь и далее примечания автора.)

— Вы сказали, что я плут?!

национальной гордости, заставляют меня требовать удовлетворения. Завтра, синьор, на рассвете вы узнаете, что такое гнев Бартоломео ди Монте...

Взрыв смеха первого собеседника перебил эту речь, произнесенную на французско-испано-португальской смеси языков.

— Да, но если я соглашусь на эту дуэль, то явлюсь не иначе, как с толстой бамбуковой палкой. Ах, какая у вас грозная шпага! Не этим ли оружием вы думаете пресечь нить моей жизни? Ха-ха-ха!

— Это шпага великого Камозанса.

— Как, еще одна?.. Ведь мне уже предлагали продать с полдюжины шпаг великого Камозенса. Впрочем, у нас во Франции у каждого антиквария найдется палка Вольтера.

Этой насмешки знаменитый Бартоломео ди Монте не мог снести: он повернулся и, гремя своей чудовищной саблей, вышел на веранду.

Француз остался один. Это был молодой человек, почти юноша, несмотря на то, что маленькие усики с особенным старанием были закручены кверху. Одет он был в синюю матросскую куртку, ноги его утопали в широчайших фланелевых панталонах, а клеенчатая американская кепка лихо сидела на макушке головы, придавая французу вид боевого петушка. Открытый ворот рубашки обнажал бронзовую от загара и необыкновенно сильную грудь.

Этот молодец, весивший не более полутора ста фунтов, должен был быть страшно силен.

Он еще улыбался при воспоминании о стычке с желтым Бартоломео, когда тяжелая рука, с размаху опущенная на его плечо, и грубый голос за спиной заставили его вздрогнуть.

— А, это ты, мой старый Пьер?

— Я самый, мой мальчик.

— Каким образом ты меня отыскал здесь?

— Это так же просто, как выпить свой вечерний грог. Когда ты съехал на берег, я рассудил, что бродить одному в этом гнезде португальских пиратов не совсем удобно, и, чтобы избавить тебя от неприятного абордажа, я взял твой курс. Пробродив некоторое время в этих переулках, грязных, как палуба угольного брига, я, наконец, нашел тебя, моего дорогого Фрикэ, и, клянусь тысячью штормов, не оставлю теперь ни на минуту.

— Дорогой Пьер, — ответил на эту громовую речь растроганный Фрикэ, — ты всегда был одинаково добр ко мне.

— Пустяки, мой мальчик. Я твой должник и, вероятно, не скоро еще расплачусь с тобой.

И старый матрос снова опустил свой кулак, величиной с голову ребенка, на плечо Фрикэ.

На голову выше юноши, вдвое шире его, он казался гигантом среди малорослых португальцев Макао. Вообще тот, кто знал Пьера де Галя, понимал, что гораздо лучше иметь его своим другом, чем недругом.

Но вместе с тем, что за добрые глаза и открытое лицо были у этого бизона! Его грубый, как рев муссона, голос дышал искренностью, а серые глаза, привыкшие пронизывать туман и темноту, своим взглядом веселили душу.

— О чем задумался, Фрикэ?! — снова вскричал Пьер, встряхивая Фрикэ.

— Я думаю, мой друг, о нас самих... Кажется, мы с тобой довольно-таки постраниствовали по свету, немало пережили приключений хороших и дурных и все-таки наткнулись здесь, в грязном Макао, на нечто совсем неожиданное. Я только что имел стычку с шоколадным дворянином Бартоломео ди Монте. И как подумаешь, что этот негодяй — отпрыск великой и сильной расы, эта желтолицая обезьяна с кривыми ногами — помесь португальца и китайки, — может оказаться потомком Альбукерка или Васко де Гама. Несчастное, худосочное создание, прозябающее в удушающей атмосфере подонков Востока, трус, нахал, предатель, — и мне придется драться с ним, с этим Бартоломео ди Монте!

Пьер слушал молодого товарища с разинутым ртом. на его лице отразилось не столько удивление, сколько восхищение познаниями Фрикэ.

— Знаешь, дружище, — сказал он тоном, исполненным почтения, — ты стал так же учен, как корабельный доктор, клянусь тысячью штормов.

— Да, я немного работал, занимался, — отвечал сконфуженный Фрикэ. — Впрочем, в этом, так же как и во всей моей судьбе, заслуга принадлежит дорогому Бреванну.

— Славный малый, — заметил задумчиво Пьер.

— Бедный Бреванн! — продолжал Фрикэ. — Если бы не крах, который его постиг, я продолжил бы свое образование и не забрался бы сюда, в этот грязный притон воров, для вербовки дешевых работников.

— По крайней мере, мы вырвем их из когтей торговцев людьми?

— Без сомнения. Ты, конечно, знаешь о той миссии, которая возложена на меня: завербовать этих несчастных, которые влачат существование, худшее, чем псы, и переправить их в нашу колонию на Суматре, где они будут не рабами, а свободными рабочими.

— Да, если бы они были доверчивее и знали, что их ожидает лучшая судьба, мы бы так долго здесь не торчали.

— Да, бедняки боятся, что их постигнет участь австралийских рудокопов, возвращающихся большею частью на гробовых судах *.

— Но теперь, кажется, все улажено, и мы можем выйти в море.

— Завтра, завтра, дружище. Мне надобно только кончить дело с этим Бартоломео ди Монте.

— Но покамест тебе здесь нечего делать, мы можем уйти.

— Сейчас, Пьер. Мне нужно сказать еще два слова одному из этих игроков.

Молодой человек смешался с толпой, окружавшей игорный стол, и предоставил Пьеру де Галю в одиночестве наблюдать интересное зрелище, открывшееся его взору.

Под волшебным светом разноцветных бумажных фонарей, причудливыми фигурами свешивающихся с потолка, волновалась разноликая толпа всех цветов кожи. За грязным столом разыгрывалось адское «макао», эта азартнейшая из азартных игр.

Богатые китайские коммерсанты из самых отдаленных провинций и даже с острова Гайнана специально приезжают в это Монте-Карло крайнего Востока, чтобы проиграть несколько сотен золотых тэли **.

Между желтыми лицами граждан Поднебесной империи виднелись индусы, негры, малайцы и европейцы, загорелые, почти черные, как актеры в мелодрамах, изображающие убийц. Банкомет, шестидесятилетний китаец с седой, жидкой косичкой, отвислыми губами и руками обезьяны, кидал карты, засаленные, как передник кочегара. После каждого тура он окидывал ставки понтёров ястребиным взглядом, ловко загребал проигрыши и со вздохом отсчитывал фунты и тэли немногим счастливым.

Кучка денег банкомета быстро росла, настолько быстро, что один американский капитан, опорожнив свой кошелек, кончил тем, с чего бы ему следовало

---

* Китайцы, по законам своих предков, должны быть погребены на территории Поднебесной империи. Пользуясь этим, англичане организовали целое пароходство для перевозки бранных останков китайцев из мест эмиграции в порты Поднебесной империи. Часто в гробы кладут контрабандные товары, и китайская таможня не может ничего сделать, так как открыть гроб считается большим святотатством.

** Китайская монета, приблизительно равная английской кроне.

начать: он стал присматриваться к рукам банкомета. Через четверть часа наблюдений он бросился на китайца с громким криком.

— Каторжник, шулер, вор! — взревел он так, что стекла веранды зазвенели.

Затем, схватив косу банкомета так же спокойно, как смолистую снасть своего корабля, он встряхнул мошенника и, не обращая никакого внимания на его испуганные вопли, распорол его балахон карманным ножом.

О, чудо! Сотни семерок, восьмерок и девяток высыпались из складок платья китайца к величайшему негодованию игроков, которые думали, что имеют дело с честным банкометом.

Это краткое правосудие закончилось полным содомом: все бросились на деньги, и началась общая потасовка.

Фрикэ, наблюдавший с грустью эту жалкую сцену, вдруг почувствовал острую боль в плече. Он обернулся и увидел Бартоломео ди Монте с поднятым ножом, желавшего воспользоваться удобною минутой, чтобы избавиться от дуэли.

Фрикэ быстро схватил португальца за руку и так сжал ее, что тот отчаянно завопил:

— Простите... синьор!.. Вы мне ломаете руку.

— Негодяй, тебе недостаточно, что ты меня обокрал, ты пожелал еще убить меня из-за угла, как трусливый шакал!

— Простите, я вас едва задел, и то потому, что меня нечаянно толкнули. Простите.

Фрикэ, наконец, разжал пальцы, высвободив онемевшую руку португальца.

— Желтая макака, — сказал, смеясь, молодой человек, — я мог бы раздавить твою голову пяткой, но мне это противно. Вон отсюда, и живей!

В эту минуту к Фрикэ пробрался Пьер де Галь.

— Стоило ли оставаться, чтобы иметь дело с этими мошенниками? Сильно ли тебя ранила эта обезьяна?

— О, пустяки, небольшая царапина.

— Ну, в таком случае идем из этого вертепа, и завтра в путь.

Друзья покинули игорный дом, еще не стихший после скандала, и направились в свою гостиницу. Найти ее было делом отнюдь нелегким. Нужно быть моряком, чтобы ориентироваться в лабиринте узких переулков, которые скорее похожи на галереи водо-

стоков, чем на улицы. Они переплетаются между собой, карабкаются на горы, опускаются в овраги и, наконец, теряются в море китайских лачужек, разбросанных в хаотическом беспорядке.

Основанный в 1557 году португальцами Макао лежит на самой оконечности полуострова. Он насчитывает теперь до двухсот тысяч жителей, из которых только семь тысяч европейцев. Часть города, где последние проживают, представляет собой крепость с пушками, обращенными во все стороны.

Фрикэ и Пьер долго блуждали по этим переулкам и только к рассвету добрались до дома.

В то время, когда они входили, мимо двери проскользнули две темные фигуры.

— Клянусь брюхом тюленя, — вскричал Пьер, пристально всмотревшись, — это тот самый американец, который вздул шулера, и португалец, который хотел тебя убить!

Наутро друзья отправились в «Баракон», так называется здание китайской эмиграции. Некогда оно было монастырем иезуитов, теперь же служило этапом для бедных кули *.

Первый, кто попался французам навстречу, был португалец Бартоломео. С удивительным бесстыдством он подошел к Фрикэ и услужливо стал расспрашивать его о здоровье. Не удостоившись ответа, негодая удалился, скроив отвратительную гримасу, которая должна была изображать улыбку.

— Прощайте, синьор, — говорил он, уходя, — будьте здоровы. Надеюсь, что вы никогда не забудете встречу с Бартоломео ди Монте.

Пьер де Галь и Фрикэ, не обращая внимания на слова португальца, вошли к главному агенту эмиграции.

Жилище его поражало безумной роскошью, где европейский комфорт спорил с богатствами Востока. Но за дверями кабинета начиналось царство нищеты и голода. Бедные, оборванные китайцы, не имевшие более щепотки рису на пропитание в течение целых суток, покорно ожидали решения своей участи. Все они с унынием, гонимые только неумолимым голодом, покидали зеленые берега Поднебесной империи, как будто чуя, что больше их не увидят.

Действительно, из десяти тысяч китайцев, которые

---

* Нарцательное имя китайских рабочих.

ежегодно покидают Макао и уезжают в Калао, из пяти тысяч направляющихся в Гавану после закрытия Сан-Франциско, — добрая половина не возвращается совсем, и очень многие совершают обратное путешествие на кораблях-гробах.

Лучшая участь ждет тех работников, которые уезжают на плантацию французских колонистов на Суматре: там на них не смотрят, как на рабов или вьючный скот, а главное, никогда не лишают их свободы, тогда как в английских и испанских колониях рабочие попадают в вечную кабалу.

Она, собственно, начинается с первого дня поступления китайца в «Баракон». Его кормят несколько недель в кредит; таким образом, наемщик, взяв его в работники, вычитает чудовищные комиссионные из будущего жалованья китайца; болезнь или малейшая оплошность в работе облагаются большими штрафами из скудного жалованья, и в конце концов несчастный, работая, как вол, находится долгое время в полном рабстве.

Мы уже знаем, что Фрикэ и Пьер де Галь были посланы французскими колонистами Суматры для найма рабочих. Честные и гуманные труженики не хотели приобретать рабов, — им нужны были только свободные работники.

Судно, зафрахтованное для транспорта, было невелико, всего в семьсот тонн, при машине в двести лошадиных сил. Оно было построено в Америке, но владелец почему-то дал ему китайское название «Лао-Дзы».

Кроме того, капитан нарисовал на носу корабля огромный глаз, как это делают на китайских джонках для отвращения морских бед, что придавало пароходу сходство с каботажным судном китайских портов. Когда все формальности были соблюдены и колониальный прокуратор обошел ряды китайцев с опросом, по своей ли они воле едут, Фрикэ подписал контракт с агентством и внес за каждого китайца по восемьсот франков.

Этим окончилась двухнедельная процедура найма работников, и теперь дело было за «Лао-Дзы», начавшим разводить пары, чтобы сняться с якоря.

Этот американский пароход с китайским названием был чрезвычайно грязен. Цветной экипаж его, как будто набранный со всех концов мира для коллекции, скорее был похож на шайку бандитов, чем на честных матросов.

Бросив первый взгляд на черную палубу, на убран-

ные паруса, на сваленный беспорядочно товар, Пьер де Галь, старый матрос французского военного флота, только покачал головой и проворчал несколько самых сильных морских проклятий.

— Грязная шаланда для мусора, — говорил почтенный моряк. — Это скорее китайский пират, чем честный купец *. Наконец, разве это экипаж?.. Какой-то малаец, хромоногий негр, косою потругалец... Тысяча залпов, это зверинец, и больше ничего!

Рассуждать было уже поздно: «Лао-Дзы» отдал все швартовы и отошел от пристани.

— Go ahead **! — раздалась команда с мостика.

— Черт возьми, — вскричал Фрикэ, обернувшись, — ведь капитан нашей шаланды, оказывается, тот самый малый, который побил вчера шулера в игорном доме! Да и старшего помощника мы тоже встречали.

— Однако молодцы! — ответил с презрением Пьер. — Оставили корабль и две недели пропадали в вертепах. То-то и палуба так чиста. Впрочем, пароход хорошо нагрузили, так что волны смоят всю грязь, перекатываясь через палубу.

Предсказания старого моряка сбылись очень скоро. «Лао-Дзы» прошел Сульфурский пролив, миновал острова Сано, Патунь, Лантао и вышел в открытое море.

Это было в ноябре. Муссон норд-остовый в это время особенно свиреп, а океан беснуется. Бедный пароход качало, как жалкую шлюпку, а волны непрерывной чередой перекатывались через палубу.

Капитан с хладнокровием янки прогуливался по мостику, полагая, что все обойдется благополучно, если только аккуратно жевать двойную порцию табака.

— Отчего эта обезьяна не поставит парусов? — ворчал Пьер де Галь. — Все-таки качка была бы не так чувствительна для тех бедняков, которые находятся на нижней палубе.

К вечеру янки пришел к тому же заключению. Два десятка разномастных матросов, как обезьяны, поползли по марсам и через четверть часа «Лао-Дзы» нес марселя, фок и бизань ***.

---

* На морском языке «купцом» называется всякое торговое судно.

** Вперед! (англ.)

*** Название парусов.

Этот маневр, как будто сделанный в угоду Пьеру, однако, не прервал его ворчанний.

— Чудеса, право! — говорил он Фрикэ. — Мы, черт знает, куда идем. Ведь муссон — норд-ост; значит, идя к Сингапуру, мы должны иметь его сзади, между тем реи так обрасоплены, как будто мы держим курс на Филиппинские острова.

— Я ничего тебе не могу сказать, — отвечал Фрикэ, — ведь я невежда в морском деле; впрочем, быть может, янки имеет какое-нибудь особенное намерение.

— Конечно, но его намерение совсем не чисто.

— Пойдем-ка лучше спать, Пьер. Ты ведь знаешь, что лучший советник — сон.

Но старый моряк не разделял этого мнения.

На рассвете он проснулся и с удивлением заметил, что ни стука машины, ни толчков винта не слышно. Он бросился на верхнюю палубу.

Самое сильное ругательство неволью вырвалось из его уст, когда он увидел, что «Лао-Дзы», рискуя потерять мачты, нес все свои паруса. Всякий клоч парусины, не исключая бом-брасов, был поставлен назло сердитому муссону, который гнал пароход со скоростью десяти узлов.

— Положим, это прекрасно, — ворчал Пьер, — форсировать вовсю; но почему эта каналья не сворачивает к западу?

Чтобы разрешить этот вопрос, бравый моряк полез на мостик к компасу. Он уже взобрался туда, как вдруг был остановлен грубым окриком рулевого.

— Пассажиры сюда не входят!

— Но я желал бы посмотреть компас, — отвечал Пьер де Галь.

— Я вам повторяю, что пассажиры сюда входа не имеют! — крикнул еще грубее американец.

Взбешенный Пьер сошел на палубу и, встретив помощника капитана, пожаловался ему на грубость рулевого.

— Курс парохода — не ваша забота, — ответил Пьеру помощник и скрылся в рубке.

Старый матрос ничего не ответил и спустился в каюту. Когда Фрикэ проснулся, то застал Пьера чистившим свой револьвер.

— Что с тобой, старина? — спросил молодой человек.

— Нужно приготовиться всадить две унции свинца

в голову этой обезьяне, которая командует нашей шаландой.

— Что ты хочешь этим сказать? Разве твои подозрения подтвердились?

— Или я сильно, непозволительно ошибаюсь, за что мне нужно матросскую фуфайку заменить бабьим чепчиком, или эта каналья ведет нас в Тихий океан.

— Если бы мы были одни, я бы мало беспокоился о наших шкурах, — озабоченно произнес Фрикэ, — но на нас лежит обязанность исполнить поручение друзей, которые рискнули всем своим капиталом.

— Во всяком случае, этот долговязый американец нам дорого заплатит! — угрожающе закричал Пьер, потрясая револьвером.

Час завтрака настал, и наши друзья, хоть и сильно смущенные странным поведением капитана, подкрепили свои силы несколькими китайскими блюдами.

Тут произошло нечто совершенно необъяснимое.

Они впали в глубокий тяжелый сон. Как долго он продолжался, никто из них не мог дать себе отчета.

Когда они проснулись, полная темнота царствовала вокруг. Головы французов были точно налиты свинцом, а руки и ноги связаны.

— Черт возьми, — прошептал Фрикэ, — я на четырех якорях!

— Тысячу смертей! — вскрикнул громовым голосом Пьер. — Мы брошены в трюм!

Глава II

Строгий арест. — Моряк, который не согласен иметь кормилицу. Замыслы бандита. — Страшные угрозы. — Почему бандит не выбросил обоих пассажиров за борт. — Два океанских пути из Макао в Сидней. — На всех параз. — Рискованный маневр. — Неминуемая авария. — Прощайте, хорошие дни. — На коралловой отмели. — Агония погибающего судна. — Капитан, который оставляет свой корабль первым. — Что произошло в глубине трюма «Лао-Дзы». — Побег эмигрантов.

Фрикэ был прав, Пьер же ошибался только в определении места.

Они лежали связанными по рукам и ногам, но не в трюме, а вблизи своей каюты. Сильное наркотическое средство сделало свое дело: оно совершенно ослабило мускулы моряков, без чего вряд ли веревки удержали бы их.

С хладнокровием человека, бывавшего и не в таких

передрягах, Фрикэ попробовал крепость пут и, убедившись в их солидности, прервал молчание:

— Пьер, все это произошло по моей вине, я должен был принять в расчет твои подозрения.

— Разве можно было что-нибудь предпринять?

— Конечно.

— Каким образом?

— Очень простым. Я схватил бы за шиворот капитана, ты другого бандита, его помощника. Мы их упрятали бы в надежное место, и, поверь мне, что тот сброд, который составляет экипаж парохода, не выразил бы ни малейшего протеста, если бы мы приняли на себя командование «Лао-Дзы».

— Да, мой друг, нам следовало произвести подобную диверсию, хотя эти проклятые янки даже во сне держатся за рукоятку револьвера. Но хуже всего то, что мы отвечаем за бедных работников. О, если бы речь шла только о наших жизнях...

— Да, это главное несчастье, — подтвердил грустно Фрикэ.

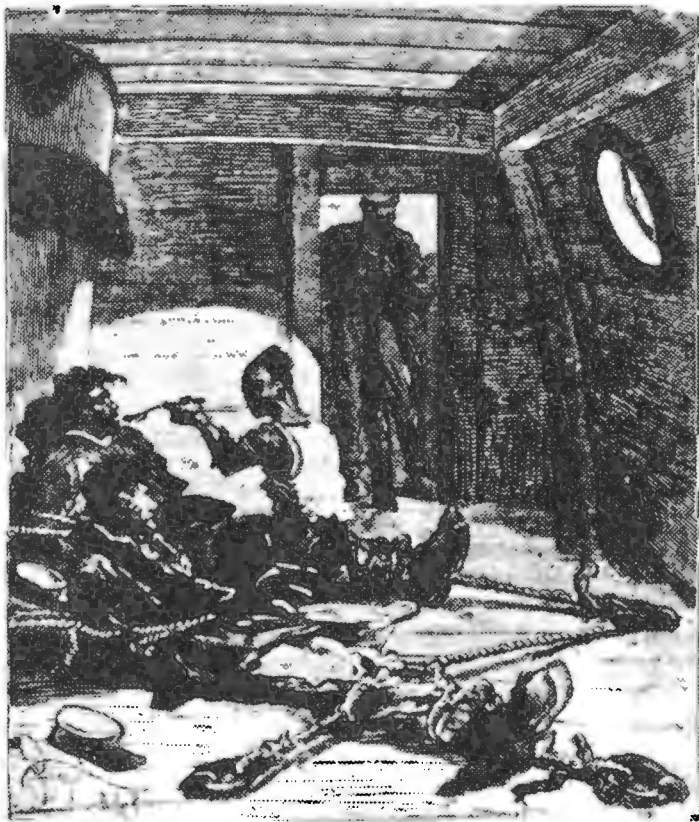
— Но что же нужно этому бандиту? — вскричал в ярости Пьер. — За что же тот безобразный пингвин связал нас и бросил сюда? Неужели за то, что я справился вчера о компасе? О, если бы я знал это, то лучше набрал бы полный рот морской воды и держал бы ее до самой Суматры.

— Утешься, мой друг, — сказал Фрикэ, — ты, бедняга, ни в чем не виноват. Я догадываюсь, к чему сводится игра этого бандита. Американец, очевидно, никогда не имел намерения доставить нас по назначению. С того самого дня, как началась погрузка работников на палубу парохода, он уже задумал отнять у нас и перепродать бедных кули за свой счет. Немного позже, немного раньше — его преступный замысел должен был осуществиться. Ты, быть может, только ускорил развязку. Но вот что приходит мне в голову. Не связан ли со всем происшедшим шоколадный дворянин Бартоломео ди Монте? Ведь ты припоминаешь его последнюю угрозу?

— Как же, очень хорошо помню эту обезьяну, с его безобразной улыбкой, когда он что-то кричал нам вслед. Если мне придется снова побывать в Макао, то вряд ли он будет вообще когда-нибудь улыбаться.

— Кроме всего этого, — прибавил, ворочаясь, Фрикэ, — положение наше не из самых удобных: у меня болят все кости.

— Этот бандит хочет дать мне кормилицу!..

— Бедный мальчик, — с состраданием взглянул на товарища Пьер, — сразу видно, что ты первый раз в такой передрыге. В молодости мне часто приходилось иметь дело с пеньковыми шнурочками. Имей терпение и утешайся хотя бы тем, что бандиты нас не разлучили.

В это время брезент, покрывавший трап, открылся, и в каюту проник свет. Через минуту по трапу спустился молодой китаец с огромной дымящейся чашкой рисовой похлебки, в которой плавали ломтики сомнительного мяса.

— Ба! — вскричал Фрикэ. — Нам падает манна с неба.

— Молчать! — вдруг раздался грубый голос в каюте.

Это был часовой, который пришел вслед за китайским мальчиком.

Поваренок, дрожа, поставил миску, набрал полную ложку похлебки и поднес ее к мохнатой физиономии Пьера.

— Проклятие, — вскричал тот, — этот долговязый бандит хочет дать мне кормилицу! Мне, Пьеру де Галью, старому боцману фрегата «Молния» и патентованному первому рулевому! Никогда!

Китаец, встретив энергичный отказ, поднес ложку ко рту Фрикэ. Тот, преодолевая отвращение, сделал несколько глотков.

Увидя это, бретонец, в свою очередь, смирился и позволил себя накормить.

— Так и быть, — покорно шептал бедняга, вытягивая губы вперед, когда мальчишка подносил к нему ложку с похлебкой.

Когда окончился этот скудный завтрак и китаец унес свою миску, Пьер де Галь подозвал часового и обратился к нему с речью на каком-то фантастическом языке, который должен был считаться английским.

— Хотя вы и порядочный мошенник, — начал он, — но все-таки матрос, а следовательно, должны знать, что для моряка после еды нужна порция табака за щеку.

Американец выслушал и безмолвно отошел в угол.

— Экое животное, — выругался Пьер де Галь. — Хорошо же, мне придется завязать узелок для того, чтобы рано или поздно заставить тебя плясать под свою дудку.

Пятнадцать смертельно томительных дней протекло, не принеся ни малейшего облегчения в судьбе заключенных. Единственным утешением для Пьера был сюрприз, сделанный ему маленьким китайцем: он незаметно сунул моряку пакет с табаком.

— Бедный юнга, — говорил Пьер, — не весело должно быть твое житье на этом проклятом пароходе, судя по синякам, которые украшают твою рожицу. И, несмотря на это, ты все-таки остался добрым малым.

Моряк схватил зубами драгоценный пакет и через несколько минут самых нечеловеческих усилий рас-

крыл его и заложил за щеку гигантскую дозу табака.

— О прелесть! — шептал он, захлебываясь от восторга. — Ведь это бархат! Бедный Франсуа, как жаль, что ты не понимаешь в нем толку!

— Да, старина, я не нахожу в этом удовольствия, но зато я дал бы теперь день жизни за несколько глотков чистого воздуха. Без этого моя голова раскалывается на части.

— Не отчаивайся, ведь чем-нибудь все это да кончится.

Прошло еще два дня, в течение которых Пьер де Галь стал серьезно опасаться за здоровье друга. Наконец, на третий день в их каюту вошел капитан.

— Я полагаю, — начал он без всякого предисловия, — что вам здесь довольно скучно.

— Нет, ничего, — ответил с иронией Пьер, — а вам?

— Дело идет о вашем освобождении. Я не буду тратить слов, ибо вы знаете, что *time is money**.

— Что нужно для этого сделать? — спросил Пьер.

— Вот что, — ответил американец, больше обращаясь в сторону Фрикэ, — вы должны продать мне китайцев. Они мне нужны. Акт перепродажи будет совершен на французском и английском языках. Вы его подпишете...

Пьер де Галь и Фрикэ застыли от внезапности этого бесстыдного предложения.

— К сожалению, — продолжал бандит, — состояние моих финансов не позволяет мне дать вам высокую цену, но все-таки вы получите пятьсот долларов, то есть две тысячи франков. Конечно, эта цифра гораздо меньше той, которую вы заплатили, но что делать... Я вас высажу на берег Австралии, недалеко от Сиднея, и если вы захотите, то найдете себе выгодное занятие в английских колониях.

— Как, значит, мы идем не на Суматру, а в Австралию? — вскричал Фрикэ, видя, что его предположение оправдалось.

— Yes, — невозмутимо вымолвил капитан.

— А если я не подпишу акта? — спросил Фрикэ, едва сдерживая, стиснув зубы, крик негодования.

— Тогда, к моему огорчению, я принужден буду продержать вас здесь без пищи и воды до тех пор, пока голод и жажда не подадут вам лучший совет.

---

* Время — деньги (англ.)

— Вы самый последний из плутов! — крикнул в бешенстве Фрикэ.

— О, как французы болтливы! Ведь поймите, что это лишние слова, а время все-таки — деньги. Скажите же ваш окончательный ответ.

— Если бы не веревки, я задушил бы вас, вот мой ответ, — сказал Фрикэ и повернул голову в сторону.

— Как вы вспыльчивы, молодой человек. Я мог бы преспокойно послать вас в далекое путешествие на дно океана, но это, конечно, не скрепит акта перепродажи, и потому я жду. До свидания, через два дня после хорошего поста мы опять поговорим.

Американец насмешливо поклонился и вышел.

— И этот моряк капитан! — с негодованием сказал молчавший до сих пор Пьер. — О позор, позор для всего американского торгового флота!

— Знаешь, старина, дела-то наши улучшаются!

— Каким образом? — вскричал изумленный Пьер. — Разве тебе так приятно умереть с голоду?

— Пьер, милый мой, ты старый боцман, бравый матрос и не можешь догадаться, что бандит находится в весьма невыгодном положении. Он не может нас выбросить за борт, потому что для входа в порт ему нужны документы, дубликаты тех, которые остались у португальских властей, с моей подлинной подписью о перепродаже ему работников. Если у него не будет этого документа, то по извещению о прибытии «Лао-Дзы» на Суматру его сейчас же арестуют.

— Понимаю, значит, этому кашалоту не так легко вывернуться из этого положения.

— Разумеется, иначе мы давно бы пошли на завтрак акулам.

— Тсс! — вдруг произнес Пьер, прислушиваясь. — Мы, кажется, пошли под парами.

Это обстоятельство, кажущееся незначительным, произвело большое впечатление на обоих друзей.

Вот что произошло со дня их заключения.

«Лао-Дзы», поставив все свои паруса, взял обычный курс из Макао в Сидней. Этот путь, которым идут все суда, сначала направляется к острову Люцон, одному из Филиппинских островов, затем проходит по каналу, который разделяет Люцон от Минданао, впадает в океан, пересекает экватор на меридиане Анахоретовых

островов и, описав отлогую кривую, кончается у Сиднейской бухты *.

Таким образом, весь путь похож на гигантскую букву S, где Макао — верхняя точка, Сидней — нижняя, а середина кривой приходится как раз на экваторе.

Первую половину пути «Лао-Дзы» преодолел блестяще. Попутный муссон гнал его со скоростью девяти и даже десяти узлов. Скоро пароход достиг экватора и вдруг попал в полосу безветрия. Капитан, боясь надолго заштилеть в этих широтах, велел тотчас развести пары. Но для того, чтобы сократить путь, топливо и припасы, он решил не описывать вторую половину кривой, а идти по прямой линии. Его новый маршрут пролегал через острова Адмиралтейства, пролив Дампиера и архипелаг Луизианы.

Этот путь был так рискован, что ни один моряк никогда не избрал бы его. Но американец, как азартный игрок, шел ва-банк. Ему решительно не было дела до того подводного лабиринта коралловых рифов, которого так страшатся моряки. Он приказал только для успокоения кидать лот ** с обоих бортов, хорошо понимая, что это не спасет «Лао-Дзы», если встретятся рифы.

Этот маневр, однако, не мог обойтись благополучно. По выходе из канала Дампиера американец направил пароход к мысу главного острова из группы Люзанских, как вдруг судно получило страшный подводный удар. Крик ужаса вырвался у сотни несчастных китайцев, запертых на нижней палубе, когда мощная струя воды хлынула в пробойну.

Капитан остановил машину и спустил двух водолазов для осмотра подводной части парохода. Они убедились в том, что хотя киль сильно пострадал, но обшивка еще надежна и, кроме места пробоины, нигде больше не испорчена. Отверстие тотчас заделали, и капитан скомандовал ход вперед.

Увы! «Лао-Дзы» остался на месте безмолвен и недвижим: машина не работала. Очевидно, толчок вызвал в ее сложном механизме какое-то серьезное повреждение.

Между тем начинал задуть ветерок. Капитан ре-

---

* Здесь и далее сохранены географические названия, принятые в конце XIX — начале XX века. — *Прим. ред.*

** Прибор для измерения глубины моря.

шил воспользоваться им и поставил паруса. «Лао-Дзы» набрал небольшой ход.

Ветер постепенно свежел и произвел большое волнение. «Лао-Дзы», согласно поговорке своего хозяина «time is money», нес много парусов, как будто бросая вызов опасности.

Так прошла ночь. Наутро вдруг послышался злоеющий шум прибоя.

— Право на борт! — бешено закричал капитан.

Но было поздно. «Лао-Дзы» на полном ходу влетел в самую середину коралловой мели. Раздался страшный треск; пароход застонал, раза два покачнулся и плотно уселся на рифах. Судно исполнило свою лебединую песню.

Капитан это тотчас же понял и, не желая принимать бесполезных попыток сняться, распорядился спустить на воду лучшую шлюпку. Забрав с собою белый экипаж корабля, вооруженный с головы до ног, взяв деньги, припасы и воду, он горестно махнул на все рукой и оставил погибавший пароход.

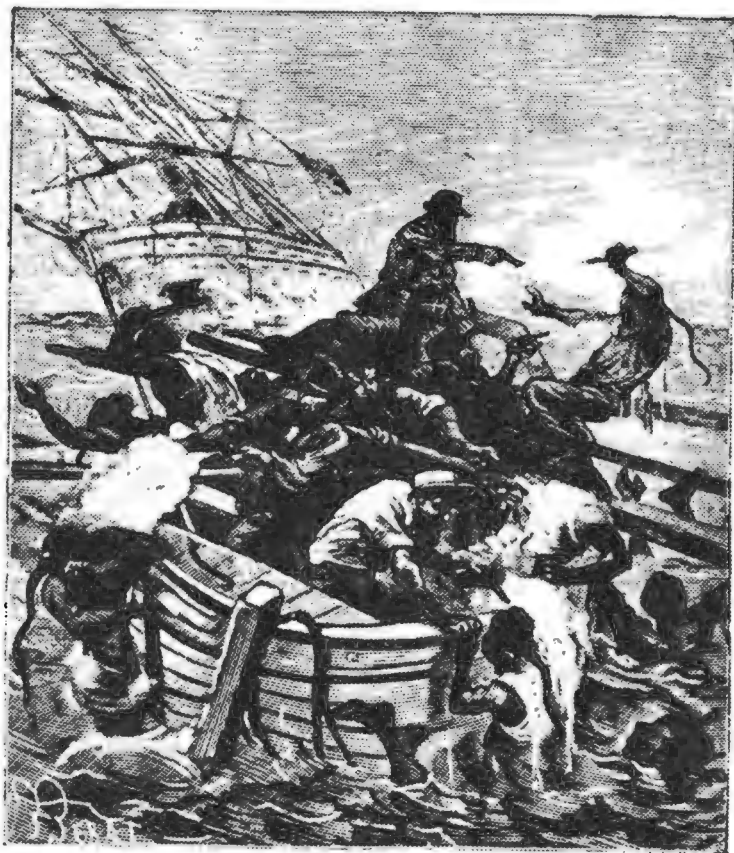
Предвидя, что «Лао-Дзы» продержится недолго, что через некоторое время он развалится по швам и волны разнесут его по щепам, негодяй ни на минуту не задумался о судьбе несчастных эмигрантов и позаботился только о своей шкуре.

Малайцы, бенгальцы, индусы, составлявшие половину команды парохода, обезумев от ужаса при виде капитана, удалявшегося в шлюпке вместе с белыми матросами, метались с воплями по палубе, хлопоча около других шлюпок.

Крики и стоны, несшиеся с нижней палубы, где были заключены китайцы, вдруг смолкли. Что случилось с несчастными двумястами китайцами? Неужели вода уже затопила их?

Поспешность, с которой белые оставили погибавшее судно, объяснялась очень просто: несчастные бедняки, по распоряжению капитана запертые в душном помещении один на один с опасностью, были бы ужасны во гневе, если бы освободились, и по заслугам отплатили бы своим мучителям. Капитану хорошо известны были результаты нескольких возмущений эмигрантов, доведенных до отчаяния. Как правило, они становились у решетки, упираясь в нее спинами, и через несколько часов нечеловеческих усилий, непрерывно толкая ее, пробивали брешь и потоком устремлялись на судно, не щадя никого.

Янки встретили китайцев градом пуль...

Какое дело было бандиту до жизни двухсот человек? Он застраховал свой живой груз, точно так же, как и пароход.

Однако то, чего страшился капитан, не миновало его. В момент отплытия шлюпки решетка, закрывавшая трап в помещение эмигрантов, разлетелась вдребезги, и из черного, зиявшего, как бездна, проема появились изможденные, изнуренные, полузадохнувшиеся существа, с безумно блуждавшими глазами.

Шатаясь, как пьяные, ослепленные дневным све-

том, они разбежались по палубе, смешавшись с толпою цветных матросов, хлопотавших около шлюпок. Первые китайцы были убиты, обагрив своею кровью палубу. Человек же пятьдесят, увидев, что шлюпка капитана уже отплыла, тогда как другие не были готовы к спуску, бросились в море вплавь догонять ее. Но янки были не из тех, кто позволяет отнять у себя шлюпку. Они встретили китайцев градом пуль, сабельными ударами, за несколько минут навеки успокоив человек двадцать. Остальные, увидев бесполезность своей попытки, поплыли обратно на корабль, между тем как шлюпка с бандитами быстро скрылась из виду.

Когда пловцы вернулись на «Лао-Дзы», палуба его была усеяна трупами индусов и малайцев, на которых пленники выместили свою злобу.

А Фрикэ и Пьер, связанные, по-прежнему лежали на старом месте. В минуту аварии капитан забыл о них.

Глава III

Ужасные мучения пленников.— Наводнение на палубе.— Бред.— Счастливая находка.— Плот.— Салют флагу.— Невольное заключение на острове.— Новые Робинзоны.— Пленение краба.— Первая встреча с туземцами.

Оба пленника лежали в темноте, измученные, с воспаленными глазами, запекшимися губами и онемевшими членами, чувствуя, что скоро наступит всему конец. Во время суматохи на трап навалили груды вещей, перекрыв тем самым приток свежего воздуха, и несчастные французы задыхались.

— Мы сидим на рифах,— хриплым голосом прервал молчание Пьер.

— Тем лучше,— шепотом ответил ему Фрикэ,— скорее кончатся наши мучения...

— О проклятие! Моряк должен умереть в море, а не будучи связанным, как мешок с сухарями.

Фрикэ ничего не отвечал.

— Мальчик, что с тобой? Отвечай! — с ужасом закричал Пьер, думая, что его товарищ умер.

— Что тебе нужно? — слабым голосом ответил Фрикэ.

— Ты ничего не отвечаешь, твое молчание меня пугает.

— Каждое слово, которое я произношу, отдается

ударом молота в моей голове. Но ты не беспокойся, я еще сохранил силы и деятельно работаю.

Пьер затих и подумал, что его товарищ впал в бред.

— Будь спокоен, старина, — продолжал Фрикэ, — ранее чем через двенадцать часов мы будем свободны. Но эти проклятые веревки чертовски крепки. Впрочем, терпение. *Qui vivra — verra* *, — закончил парижанин, продолжая свое таинственное занятие.

Между тем с минуты на минуту страдания их становились невыносимее. Когда судно с разбегу уселось на рифе, толчок едва не погубил их. По звуку они догадались, что острые коралловые отростки впились в бок судна и в нескольких местах сделали пробоины.

В то время, когда Фрикэ закончил свою работу и с торжеством потрясал в воздухе обагренным собственной кровью ножом, волна с адским шумом ворвалась на палубу и накрыла их с головой.

— Победа! С одной веревкой покончено...

Новая волна прервала его речь: он захлебнулся соленой водой.

Освободивши одну руку, Фрикэ ничего не стоило справиться с другими веревками. Он перерезал их и вскочил на ноги.

— Пьер!

Ответа не было. Разбушевавшийся океан, точно торжествуя свою победу над бедным судном, бешено катил свои волны по всем палубам парохода, унося все, что могло быть унесено.

— Пьер, — еще раз крикнул Фрикэ и, не получив ответа, начал ощупью пробираться к тому месту, где должен был находиться моряк.

С ужасом Фрикэ заметил, что, освободив себя от пут, он уничтожил и те крепления, которые удерживали старого моряка на наклонной палубе. Теперь его снесло волною вниз к пробоине и придавило тяжелым блоком.

— Пьер, дорогой!.. Мой брат! — с воплем бросился на помощь товарищу Фрикэ, страшась, что тот умер.

Голос молодого человека снова стих, потому что новая волна накрыла палубу.

Но Фрикэ был не из тех, кто при несчастии падает духом. Едва порыв слабости прошел, как молодой человек, несмотря на пятнадцатидневные страдания, го-

---

* Поживем — увидим (лат.)

лод и жажду, бросился освобождать Пьера, не подавшего ни малейших признаков жизни.

Провозившись с четверть часа, путем нечеловеческих усилий Фрикэ удалось освободить Пьера и оттащить его к трапу, где было немножко светлее.

Уложив моряка на ступеньках, Фрикэ заметил, что лоб его окровавлен.

— Это пустяки, — рассуждал молодой человек, надеясь на геркулесовское сложение своего товарища, — гораздо хуже, что он захлебнулся.

Призвав на помощь все свои познания в деле спасения утопленников Фрикэ начал приводить в чувство Пьера. То, что другому могло стоить жизни, обошлось bravому моряку полчасовым обмороком. Он скоро зашевелился, глубоко вздохнул и, наконец, открыл глаза.

— Пьер, ты жив, старина! — вскричал радостно Фрикэ. — Мы еще не скоро бросим с тобою мертвые якоря.

Пьер де Галь хотя и очнулся, но несколько минут сидел как будто в оцепенении. Он тупо смотрел на зиявшее отверстие в борту судна, откуда хлестали желтые волны. Вдруг его взор перенесся на товарища, и он стал вспоминать.

— Что с нами? Где мы?

— У себя, в своей волчьей яме.

— Но что случилось с пароходом?

— Сел на риф, почти разбился.

— А экипаж... пассажиры?

— Не знаю, старина, для этого нам надо пойти посмотреть.

— Черт возьми, — вскричал Пьер, — у меня лоб в крови!

— Пустяки. Это упавший во время толчка мой нож оставил тебе новое украшение на лице.

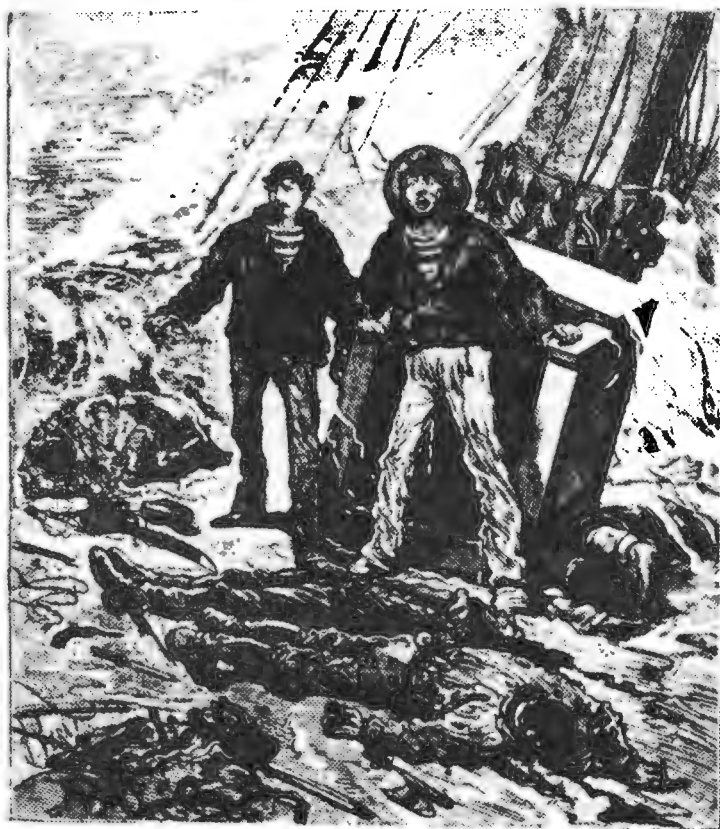
— Ну и прекрасно. Теперь идем осматривать пароход, и горе этой каналье-американцу, если он еще не успел дать тягу.

— Не беспокойся, такие люди ни о чем, кроме как о своей шкуре, не пекутся.

— Но если они оставили пароход, то что же случилось с несчастными китайцами, запертыми в трюме? Ведь они все должны были погибнуть, потому что трюм уже давно полон воды.

Фрикэ и Пьер ошибались. Освободив трап от громоздивших его вещей, они вышли на верхнюю па-

Они вышли на палубу и наткнулись на трупы

лубу и тотчас наткнулись на несколько трупов матросов. Следов же китайцев не было видно.

— Ну, слава Богу, они ушли, — вздохнул Пьер, — не без кровопролития, правда...

— Да, это была настоящая бойня, — с отвращением произнес Фрикэ, оглядывая трупы.

Двести китайцев, очевидно, неплохо похозяйничали, прежде чем оставить пароход, и счастье французов, что они провели это время в западне.

Несколько бочек пресной воды и ящик с сухарями

случайно уцелели среди всеобщего разрушения, и французы утолили голод и жажду.

После этого оставалось поразмыслить о способе переправы на видневшийся справа туманный берег.

— Терпение, мой мальчик, — повторял Пьер, оглядывая палубу, — если нам не оставили шлюпок, то мы построим плот. Для этого нам пригодятся рей и доски обшивки, а за бочонками остановки не будет. Только бы не попасть к дикарям на вертел. Впрочем, чему быть, того не миновать: ты ведь знаешь, Фрикэ, что гадалка в Лориане предсказала мне рано или поздно быть съеденным. Ха, ха, ха! Я давно смирился с мыслью, что мои ноги зажарят, как бифштекс.

И brave моряк, проголодавший две недели и едва не погибнувший полчаса тому назад, захохотал как ребенок.

— Однако к делу, Пьер.

Через минуту работа у них закипела. Пьер орудовал топором, а Фрикэ пилой.

— Скоро мы оснастим нашу ладью, — говорил по своему обыкновению сам с собою старый моряк, — и в путь. Мы захватим всю провизию, воду, оружие, инструменты, не помешает и карта. Затем мы оторвем кусок парусины от любого паруса и, кажется, тогда будет все.

— Нет, дружище, ты позабыл еще о трехцветном флаге. Вот он, — сказал Фрикэ, развернув старый французский флаг.

Через несколько часов плот уже был на воде. На нем красовалась маленькая мачта, смело торчавшая с обрывком паруса. Затем французы перетаскили провизию и водрузили свой национальный флаг, обнажив головы.

Наконец, укрепив с одной стороны плота в корме весло, Фрикэ дал знак Пьеру рубить снасть, державшую их у борта «Лао-Дзы».

— Прощай, наша тюрьма! — воскликнул Пьер.

Освобожденный от препятствий плот плавно понесся вдаль, покачиваясь на гребнях волн. К счастью, море начинало успокаиваться. Пьер поставил импровизированный парус и пустил плот в бакштаг*.

Скоро глазам друзей представилась чудесная картина. Плот входил в лагуну. Здесь утихло волнение,

---

* Определенный курс парусного судна. — *Прим. ред.*

При виде европейцев он застыл на месте

и вода становилась похожа на расплавленный металл. Подковообразная коралловая плотина, которая была так крепка, что могла противостоять какой угодно буре, воздвигла барьер океану.

Еще пять кабельтовых — и плот подошел к берегу кораллового острова.

— В четвертый раз я превращаюсь в Робинзона, — сказал Фрикэ.

Захваченные сухари, подмоченные соленой водой, не могли уже удовлетворить друзей. Нужно было по-

искать какой-нибудь живности, так как только мясо могло восстановить их истощенные силы. В то время, когда друзья безнадежно осматривали побережье, в кустах неподалеку послышался треск.

Фрикэ раздвинул ветви и увидел феноменальной величины краба. Не будучи ни натуралистом, ни ученым, парижанин не стал задаваться естественно-научными вопросами, а уложил его на месте ловким ударом по спине.

Через несколько минут бедный краб уже знакомился с огнем костра, пред которым в нетерпении стояли друзья.

— Знаешь ли ты о том, Пьер,— сказал Фрикэ,— что обитатели кораллового архипелага — любители человеческого мяса.

— Тсс,— шепотом произнес Пьер де Галь.

— Что такое?

— Какая-то черная образина.

Фрикэ обернулся и увидел за кустом высокого, совершенно нагого дикаря, вооруженного копьем. Очевидно, дым и запах жареного привлекли его внимание. При виде же двух европейцев он застыл на месте, а глаза его наполнились ужасом.

— Обольстительно хорош,— заметил с хохотом Пьер.

— Синьор, потрудитесь войти,— с иронией поклонился Фрикэ.

— Но на всякий случай оставьте свою алебарду в передней,— прибавил Пьер.

После нескольких минут созерцания дикарь огласил воздух резким гортанным криком и приблизился вплотную к французам.

Его живые глаза с величайшим любопытством, смешанным со страхом, перебегали с одного на другого. Ободренный неподвижностью Пьера, дикарь протянул вперед руку и дотронулся пальцем до его лица, как будто желая стереть с него краску. Убедившись, что ее нет, дикарь бросил свое копьё на землю, схватился за бока и начал хохотать. Затем, не удовлетворившись таким проявлением веселости, он бросился на песок и, скорее рыча, чем смеясь, принялся кататься по земле.

— Он немножко фамильярен,— заметил Пьер,— но ничего, веселого характера и, вероятно, добрый малый.

— Он, очевидно, очень редко видел европейцев и потому счел нас за пришельцев с Луны.

— Но посмотри, Фрикэ, у него даже зубы черные.

— Да, это от нехорошей привычки жевать бетель, — ответил Фрикэ.

— Что, если мы пригласим его позавтракать?

— И прекрасно; тем более, что краб уже готов.

Пьер сорвал два листа от веерной пальмы, вынул из пепла одну из клешней краба и, положив ее на импровизированное блюдо, поднес дикарю.

«Добрый малый» долго не церемонился. Он почти вырвал лакомый кусок из рук моряка, точно боясь, что тот его хочет подразнить, и жадно принялся пожирать свою порцию.

— Брр... с такими челюстями ты далеко пойдешь, — смеялся Пьер, — в особенности при твоём пристрастии к мясу европейцев.

Дикарь живо справился с клешней и попросил еще. Насытившись, он снова начал разглядывать друзей, преимущественно останавливаясь на Пьере. Когда же тот вынул свой бумажный платок величиною с шлюпочный парус, дикарь совсем ошалел. Яркий красный цвет ослепил его: он бросился к моряку с желанием вырвать платок.

— Потихо, мой милый, — оттолкнул дикаря Пьер де Галь, — во-первых, платок один и прачка не скоро предвидится, во-вторых, твоя пуговица с кольцом совсем не нуждается в нем.

Дикарь, видя, что ему отказывают, совершенно неожиданно схватил свое копье и бросил его в Фрикэ. Тот успел отпрыгнуть в сторону, а копье, пущенное со страшной силой, вонзилось в землю по самое древко.

Когда Пьер бросился на черномазого, тот испустил дикий крик, повернулся на пятках и скрылся в кустах.

— Вот что значит счастье при несчастии, дружище, — с облегчением вздохнул Пьер, видя, что его товарищ цел и невредим.

— Да, это удача. Наверное, проклятое копье было отравлено.

— Однако нам надо быть начеку: негодяй, вероятно, скоро приведет сюда целую банду черномазых. Эх, напрасно я не отдал этой обезьяне платок.

— Зачем, этот красный кусок материи послужит для нас ценным товаром при обмене. Конечно, теперь, когда война объявлена, следует быть настороже. Но,

в конце концов, обстоятельства подскажут нам, что надо делать. Во всяком случае, давай-ка проревизируем наши боевые силы.

— Два топора, две абордажные сабли, два ружья, три ножа. Кажется, арсенал достаточно полон.

— Самое лучшее, что мы можем сделать, — решил Фрикэ, — это вернуться к плоту и, в случае нападения, выбраться на нем к середине коралловой бухты. Там мы все-таки будем в большей безопасности.

— Вероятно, дикарь принадлежит к племени людоедов, — рассуждал Пьер. — Он не похож ни на негра, ни на индуса, ни даже на малайца. Я никогда не встречал таких особей. Этот негодяй, в котором я так ошибся, сочтя его добрым малым, не очень черен; его челюсти слишком выдаются вперед, голова похожа на метлу, а волосы совсем не вьются.

— Bravo, Пьер! Ты сделал самое точное описание головы папуаса. Значит, мы попали на прибрежные австралийские острова. Знаешь ли, старина, ведь дело дрянное, и, если хочешь, я тебе сейчас объясню почему.

— Мои уши раскрыты как лиселя *, — сказал Пьер, приготовившись слушать своего друга.

— Видишь ли, дружище, — начал Фрикэ, — один из самых замечательных ученых путешественников последнего времени, Русель Уэлас, путем измерения глубин моря в этих широтах убедился, что между Индо-Китаем, Новой Гвинеей и Австралией находится одно подводное плоскогорье, горные вершины которого одиноко поднимаются над поверхностью воды в виде островов. Эти острова, имеющие форму подковы, примечательны следующим: с внешней стороны их архипелага море так мелко, что ни одно судно не может приблизиться, с внутренней же оно так глубоко, что можно потопить фрегат до самого клотика **. В одном только месте это подводное плоскогорье пересечено глубоким оврагом, дна которого еще не достиг ни один лот. В районе этой подводной пропасти, как будто рассекающей земной шар надвое, проходит довольно быстрое морское течение. Суда пользуются им, как попутным. Пропасть, очевидно, разделяла два материка, когда-то существовавших и теперь затопленных. Один из них был продолжением Австралии, другой Азии,

---

* Боковые паруса, ставящиеся во время слабого ветра.

** Верхушки мачты.

а между ними лежал глубокий пролив. Это мнение подтверждает тот факт, что ни флора, ни фауна Полинезии и Малайского архипелага не сходны. Даже на островах, лежащих вблизи друг от друга, но разделенных подводной пропастью, замечается во всем и, конечно, в людях, их населяющих, огромное различие. С одной стороны (с азиатской) обитает племя с красноватым цветом кожи, с плоскими лицами и монгольскими глазами, длинными, прямыми волосами, обладающие спокойным, миролюбивым характером, — это малайцы; с другой — живут племена, близкие к негритосам и несравненно более воинственные, чем их соседи.

— Из этого ясно, как день, что мы попали по ту сторону подземной ямы, и потому нам следует держать ухо востро.

— Да, Пьер, этот черномазый доказал нам всю правоту знаменитого ученого.

— Однако, Фрикэ, ты порядочно успел начинить свою голову и стал теперь учение любого доктора второй степени. Откуда это к тебе пришло?

— О, ты преувеличиваешь, Пьер, — сконфузившись, отвечал Фрикэ, — я еще полный невежда, мой умственный багаж очень невелик.

— Ну, нет, не согласен, я много потерял времени, пока втиснул в свою пустую голову две-три дюжины терминов да букварь, и то она едва не лопнула, а ты между тем рассуждаешь так умно и ясно о самых удивительных вещах. Как тебе это удалось?

— Очень просто, мой друг. Ты ведь знаешь, что до семнадцати лет я перепробовал все, за исключением хорошего. Бродя оборванцем по Парижу, я знал наизусть все его фонтаны, в воде которых приходилось размачивать свой черствый хлеб, и был несказанно рад случаю, давшему мне возможность добраться до Гавра. Здесь началась еще более суровая эпоха моей жизни. Сначала юнга, потом кочегар, затем матрос... Потом ужасное приключение, едва не стоившее мне жизни, когда я попал на невольничий корабль и не хотел повиноваться его капитану-португальцу. Я побывал в пустынях Африки, болотах Гвианы, девственных лесах Амазонки, пока не познакомился случайно с господином Бреванном. Тут началась моя умственная работа. Он сунул мне под нос книгу и сказал: «Читай». Это было трудно сделать, не зная алфавита, но через две недели я уже легко читал всевозможные

учебники. Я работал, как негр на плантациях, не спал ночей и достиг своего. Когда через полгода господин Андре проэкзаменовал меня, то он был так приятно удивлен, что у него выступили слезы. О, я никогда не забуду этих слез, для меня они были лучшей наградой.

Растроганный этими воспоминаниями, Фрикэ замолчал. Пьер из деликатности тоже хранил молчание. Но упавший вблизи камень величиной с кулак возвратил их к действительности.

— Ба! Камни в наш огород, — засмеялся по своей привычке Пьер, — что это значит?

Второй острый камень и гораздо крупнее первого упал у самых ног друзей. Вслед затем из кустов выскочила дюжина дикарей.

Пьер, не говоря ни слова, поднял камень и швырнул его в середину толпы.

Дикари посоветовались несколько минут и, как будто решив, что оружие незнакомцев им не страшно, бросились на французов.

С ловкостью бретеров* Фрикэ и Пьер обнажили свои абордажные сабли и стали в позицию защиты.

— Ну, господа, — обратился к дикарям Пьер, — если вы не имеете другого оружия, кроме ваших камешков и палочек, то до свидания, будьте послушными детьми, ступайте домой.

Дикари остановились. Что больше их поразило — сабли или речь моряка, — неизвестно.

Эта заминка дала возможность французам добраться до плота.

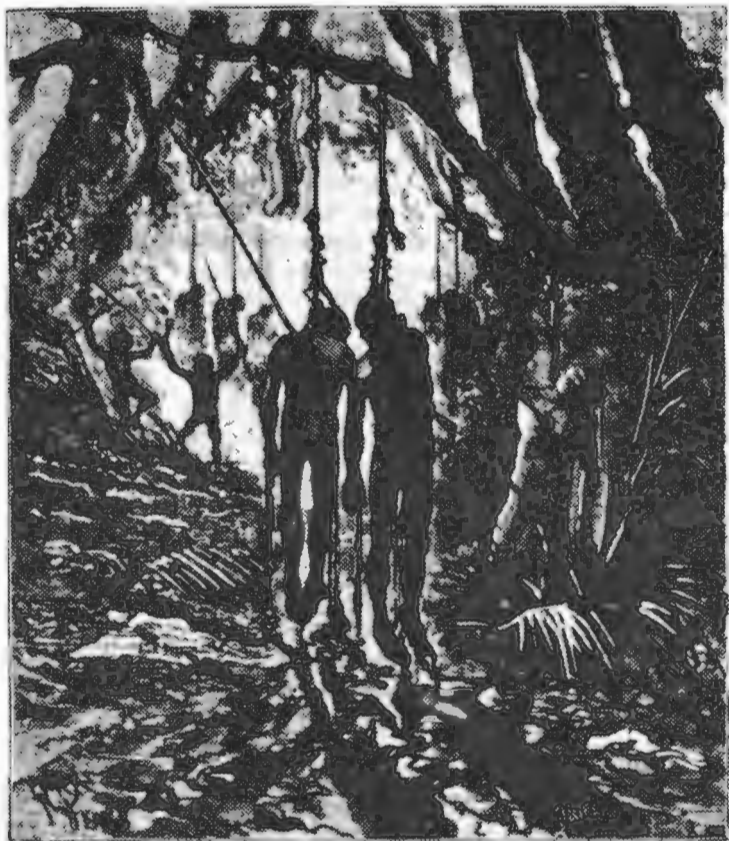
В это время солнце начало погружаться в море, с тою особенностью, которая характерна только для экваториальных стран, где тьма быстро, почти внезапно окутывает землю. Это обстоятельство еще более помогло друзьям укрыться на плоту, отплыть на средину бухты и даже заснуть, по выражению Пьера, «по-жандармски», что означало: одним глазом.

Они отдыхали так часа два, как вдруг страшный шум, донесшийся с берега, разбудил их. Вскочить и вооружиться для них было делом минуты. Красное зарево освещало лес. Оттуда несло какое-то адское пение и жалобные крики. Что это было? Праздник ли духов, сон, действительность?

---

* дуэлянтов. — Прим. ред.

Все китайцы висели над кострами

— Боже, там происходит нечто ужасное! — вскричал Пьер. — Только сотня несчастных, с которых сдирают кожу, может так кричать!

— Мы должны были бы сойти на берег. Черномазым, кажется, не знакомо огнестрельное оружие, и потому нескольких выстрелов будет достаточно, чтобы их разогнать.

— Ты прав, Пьер. Быть может, они убивают людей, потерпевших крушение; мы должны сделать все возможное для их спасения.

На несколько минут крики замолкли, но зато потом раздались еще ужаснее, чем прежде. Сотни людей вопили, стонали и просили пощады. Это были стоны, исторгаемые человеческим телом, подвергнутому пытке; телом, которое через несколько минут превратится в труп.

За этим душераздирающим хором раздался другой — хор торжествующих, опьяненных демонов. Затем зарево в последний раз ярко вспыхнуло и начало угасать.

Повинуясь голосу сострадания, Пьер и Фрикэ подтянулись к берегу и тихо, крадучись, стали приближаться к месту кровавой тризны. Пренебрегая интересами собственной безопасности, они шли вперед на верный риск. А дикий хор пел свою песню.

Пьер и Фрикэ пробрались, наконец, к поляне, освещенной а *giogno* * ветвями каучукового дерева, которые горели как факелы.

Ужасное зрелище представилось их взорам.

Все китайцы, пассажиры «Лао-Дзы», спасшиеся с парохода на шлюпках, висели над кострами. Они были повешены друг за другом, — дикари очень просвещены в деле утонченного мучительства. Толпа дикарей, мужчин и женщин, человек в пятьсот бесновалась вокруг повешенных, отрывая от тел несчастных кули дымящиеся куски мяса.

Вид двухсот мучеников и толпы опьяненных кровью каннибалов способен был довести до обморока человека с самыми крепкими нервами.

Глава IV

Первые открытия в Океании. — Мореплаватели XVI, XVII и XVIII веков. — Магеллан, Мендона, Мендоса, Кавендиш, Симон Кордес, Зибальт Верт, Фернанд Квирис, Торес, Лемэр, Ньи, Гертос, Карпентер, Эдельс, Авель Тасман, Каулэй, Рочевэн, Комодор Байрон, Валас, Картрэ, Дампьер, Кук, Бугэнвиль, Лаперуз, Дантрекасто, Бодэн, Крузенштерн, Коцебу, Фрейсине, Шуген, Дюмон Дюрвиль. — Оргия над человеческим мясом. — Каннибалы Кораллового моря. — Слишком поздно. — Единственный уцелевший из двухсот китайцев. — Юнга с «Лао-Дзы».

За исключением нескольких пустынных островов Крайнего севера и юга, незаметно сливающихся с веч-

---

* Искусственным освещением, по силе приближающимся к дневному свету (ит.). — *Прим. ред.*

ными льдами полюсов, все водное пространство земного шара находится в руках человека.

Он давно покори́л его и, казалось бы, славные имена Колумба, Кука, Магеллана должны были бы уйти в область легенд.

Но между тем именно теперь всем цивилизованным миром вдруг овладела страсть к исследованию малоизвестных стран. Чувство национального соперничества никогда не приобретало таких размеров, как в конце XIX века. Люди бросились в глубь девственных стран, игнорируя усталость, болезни и самую смерть. Многие из них становились мучениками, погибали и обограли своею кровью документы открытий человечества.

В то время, когда мореходы и флотоводцы XVI — XVII веков довольствовались только поисками новых стран и открытием их, ученый путешественник XIX века исследует неизвестные земли и знакомит с ними остальной мир.

Эра исследований сменила эру открытий. Секстант и микроскоп заменили меч.

Девятнадцатому веку как будто хочется написать последнюю страницу истории завоевания человеческого мира. Это будет самая блестящая страница из всей книги.

Поднять таинственную завесу, прикрывающую неизвестные дебри Африки, перешагнуть через бесплодные пустыни Австралии, проникнуть в глубь непроходимых лесов царицы рек Амазонки — вот задача и цель отряда тружеников науки.

Мы видим, как варварство отступает назад шаг за шагом перед факелами пионеров цивилизации, и если один из них падает на этом тернистом пути, то другой тотчас подымает светоч, не давая ему погаснуть.

Теперь, когда мы пристально следим за успехами этих отважных людей, шествующих мирным путем, не будет ли кстати воскресить в памяти имена тех путешественников, которые подготовили для них почву.

Первый, кто смело устремился в океан, в надежде найти неизвестные, богатые страны, был португалец Магеллан, которого Карл V послал в Тихий океан «для отыскания южного прохода». Магеллан отплыл с пятью судами. В пути два капитана из его эскадры восстали и повернули назад. Магеллан остался с двумя судами и, к довершению несчастья, болезнь свалила его

с ног. Но это его не остановило. 21 октября 1520 года он достиг пролива, который носит теперь его имя. Он его прошел, поднялся к северо-востоку и пересек экватор у 170° восточной долготы. Здесь он открыл группу островов, окрестив их Разбойничьими, а ныне они названы Марианскими. Сделав еще несколько открытий, Магеллан повернул свои корабли в обратный путь. Но, увы, ему не суждено было увидеть родину! 5 апреля 1521 года он был убит в стычке с дикарями архипелага Фиджи.

После трех бесполезных попыток Карважала, Мадрилероса, Альфонса де Салазара Альор де Соведреа открыл большие земли, которые назвал Новой Гвинеей, потому что предполагал их близость к африканской Гвинее.

В 1533 году Гурдат, Грижалыи, Гаэтано прошли этим же путем, но ничего нового не нашли.

Мендона и Мендоса, в свою очередь, заплыли в глубь Великого океана и открыли группу островов, сказочно богатых и потому получивших название Соломоновых. Затем они наткнулись на острова Изабеллы, Меламты, Маркизские, которые посетили впоследствии Кук в 1793-м и Крузенштерн в 1804 году.

Знаменитый английский адмирал Дрэк в 1577-м прошел путем Магеллана и открыл массу островов, но не позаботился о том, чтобы нанести их на карту, и потому потерял на многие из них право первооткрывателя.

Только в 1586 году Кавендиш совершил полное кругосветное путешествие. Он покинул Плимут и направился через Атлантический океан мимо мыса, ныне носящего название Горна, прошел Магеллановым проливом и вернулся в Европу, обогнув мыс Доброй Надежды.

Два голландских моряка, Симон Кордес и Зибальт Верт, прославили свою страну, пройдя Магеллановым проливом и поднявшись до Филиппинских островов и Японии.

Лоцман Фернанд Квирис в скором времени открыл группу островов, которую назвал Сагитера (ныне Таити), Бугэнвиль — остров Матеа и группу Новых Цикладов (названных Куком потом Гибридами). Торес, плававший вместе с Квирисом, отделился от экспедиции близ Гвиней и обнаружил пролив между Новой Голландией и Новой Гвинеей, который носит до сих пор его имя.

В 1616 году два голландца, Лемэр и Шутэн, нашли новый пролив ниже Магелланова, прошли мимо мыса Горн и обнаружили Собачьи, Кокосовые и 15 июня Разбойничьи острова.

В это же время Ньи, Гертос, Карпенгер, Эдельс и Витт начали исследовать материк Австралия, а голландец Авель Тасман обессмертил себя открытием Новой Зеландии, острова Амстердам, группы Дружеских, Принца Вильгельма, Роттердама и других островов, окончив свое изумительное путешествие в Батавии в 1643 году.

Год от года победы умножались, и острова обширной водной равнины Великого океана начинали заселяться. В 1663 году англичанин Буалей открыл остров Галопagos, а его соотечественник Дампьер — пролив между Новой Британией и Новой Гвинеей.

Комодор Байрон первый составил полную карту Океании и открыл ряд новых островов — Опасных, Герцога Йорского и т. д.

Но слава всех этих мореплавателей бледнеет с появлением знаменитого Кука... Он совершает три кругосветных путешествия, держит в своей власти океан в продолжение десяти лет, окончательно исследует Полинезию, открывает массу островов, приводит в систему карты своих предшественников и трагически заканчивает свою морскую карьеру в 1779 году на Сандвичевых островах, будучи убитым дикарями. Куку по справедливости принадлежит слава первого географа Великого океана.

Также печально кончил другой знаменитый путешественник, Лаперуз, наследник славы отважного капитана в Тихом океане.

XIX век начинается открытиями Бодэна и русского адмирала Крузенштерна, который исследует северные воды Великого океана вплоть до Японского архипелага и Курильских островов.

Дюмон-Дюрвиль завершает славную галерею мореплавателей Великого океана. Судьба этого человека замечательна: пренебрегая опасностью, жизнью, углубляясь в неизвестные страны и отваживаясь с небольшим экипажем высаживаться среди самых диких племен, он погиб, пятидесяти лет, не в море, а в вагоне сошедшего с рельсов поезда железной дороги.

Дюмон-Дюрвиль был не только мореплавателем, но и серьезным ученым: геологом, гидрографом, ботани-

ком и астрономом. Он первый начал исследовать вновь открытые страны, их флору, фауну, климат. Изучив Черное море, написав о нем целый том на латинском языке, Дюмон-Дюрвиль отправился в экваториальные страны и пробыл там шесть лет; результатом его путешествий были богатейшие ботанические, минералогические и зоологические коллекции.

Второе путешествие Дюмон предпринял через два года, с целью отыскания следов погибшего Лаперуза. После трехлетних скитаний по водной равнине он, наконец, набрел на остовы двух кораблей, лежащих на коралловых рифах. Это были «Буссоль» и «Астролябия» — корабли несчастного Лаперуза. Воздвигнув ему здесь памятник, Дюмон отплыл через Яву, Сингапур и мыс Доброй Надежды назад во Францию. На этот раз он опять привез с собою богатейшие коллекции, размеры которых поистине поразительны: десять тысяч образцов растительности Полинезии и т. д.

Позже, желая пополнить свои этнографические познания, Дюмон снова предпринял путешествие, открыв на этот раз два острова — Жуанвиль и Луи Филипп. Посетив острова Маркизовы, Таити, Самоа, Каролинские, он смело направился к югу, в арктические страны, где сделал ряд важных для навигации наблюдений над морскими течениями и дрейфующими льдами. После этого он вернулся во Францию.

Если сложить все странствования этого мореплавателя по их протяженности и составить прямую, то она могла бы опоясать земной шар по экватору четырнадцать раз.

Теперь, когда читатель вспомнил историю открытий в Тихом океане, вернемся к нашим друзьям, заброшенным капризом судьбы на неизвестный островок, по всей вероятности, находившийся вблизи Новой Гвинеи.

Фрикэ и Пьер де Галь, спрятавшись в кустах, долгое время не могли прийти в себя при виде страшной картины, представившейся их глазам. Никогда в течение своей бурной жизни, полной различных превратностей, Пьер и Фрикэ не встречали ничего подобного. Вид опьяненных кровью дикарей среди двух сотен мучеников леденил кровь в жилах.

Когда прошла первая минута оцепенения, Фрикэ рванулся с негодованием вперед.

— Потихе, мой мальчик, — удержал его Пьер, —

ты только добьешься того, что мы окажемся рядом с китайцами.

— По крайней мере, я перебую дюжину этих зверей.

— Ну, а дальше? Предположим даже, что мы убьем двадцать, тридцать человек, их еще останется несколько сот.

— О, если бы у нас была митральеза, которую я видел в Гавре! Я зарядил бы ее картечью и пустил бы несколько залпов в толпу этих каннибалов.

— Посмотри, Франсуа, если меня не обманывают мои глаза, один из несчастных китайцев еще жив. Но они намереваются его сейчас убить.

Действительно, группа людоедов набросилась на китайца, лежавшего под деревом. Они схватили его за косу и потащили к костру. В этот момент Фрикэ прицелился. Мгновение — и огненная молния пронизала тьму, раздался выстрел и один из каннибалов упал.

Китаец, пользуясь этим, вскочил и побежал.

Когда смятение дикарей прошло, они пустились вдогонку за пленником. Раздался залп из двух выстрелов, и вновь два дикаря свалились.

Китаец на этот раз заметил, где находятся люди, желающие его спасти. Пользуясь замешательством дикарей, он спрятался в кустах близ наших друзей.

— Если ты понимаешь хоть слово по-французски, — обратился к нему Пьер, — то не шевелись.

Китаец замер. Томительная тишина воцарилась теперь на шумной дотоле поляне. Дикари были объаты суеверным страхом. Этот не понятный для них звук и молния, загадочная смерть соплеменников, невидимые враги совершенно сбили их с толку.

— Последний залп! — скомандовал Пьер.

— Пли! — ответил Фрикэ.

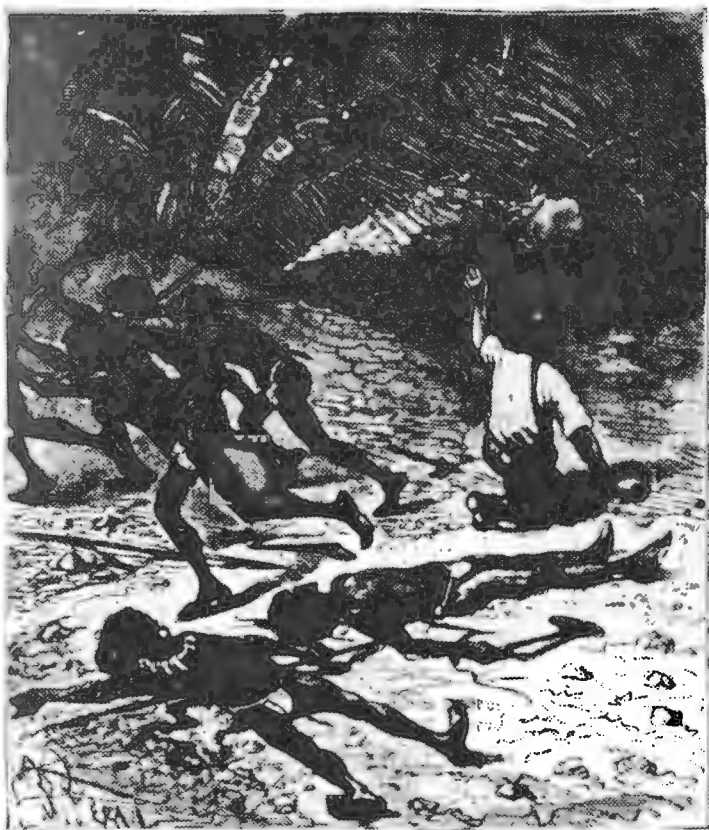
И четыре выстрела из дустволок уложили еще четырех дикарей.

Страшный вопль пронесся в толпе дикарей, и они рассеялись, как тьма при появлении солнца.

— Теперь в обратный путь, — скомандовал Пьер, — необходимо возвратиться на плот, там безопаснее. Мы все равно не можем вернуть к жизни бедных страдальцев; достаточно, что удалось спасти хоть одного.

Китаец, таким чудесным образом спасенный, робко стоял между французами.

Страшный вопль пронёсся в толпе дикарей...

— Melçi, messel... melçi, — лепетал он прерывающимся голосом, благодаря своих спасителей.

— Что ты говоришь, мой мальчик?

— Я говорю melçi... Вы спасли мне жизнь.

— А понял! Ты хочешь сказать meççi.

— Да.

— Как жаль, что мы не пришли вовремя, — с грустью сказал Пьер, — быть может, тогда не произошло бы этой бойни.

— Вы правы, господин, — заплакал китайчонок, — теперь они убиты... все убиты... я остался один.

Наши друзья, не колеблясь, завладели судном

— Но ты не один, раз находишься с нами. Мы тебя берем с собой, и ты поделишь нашу судьбу. Мы с Франсуа составили экипаж, ты будешь юнгой.

— Я уже был юнгой... но наше судно разбилось.

— Что ты говоришь? — вскричал Фрикэ. — Значит, это тебе мы обязаны спасением; ведь ты бросил мне нож, когда мы лежали связанными?

— Да, господин.

— Ба! — вскричал, в свою очередь, Пьер. — Ведь это ты стащил для меня табак?

И друзья бросились обнимать маленького китайца и затем продолжили путь. Через некоторое время они достигли берега моря. Невдалеке покачивалось на волнах большое судно папуасов с парусами из кокосовых листьев. Оно было снабжено водой, рыбой, плодами. Очевидно, дикари покинули его, чтобы поживиться лакомым блюдом, неожиданно посланным им крушением «Лао-Дзы».

Наши друзья на плоту подъехали к нему, не колеблясь, завладели им и устроились на ночлег с намерением утром покинуть его.

Глава V

История картавого китайчика.— Китайчонок становится «настоящим матросом».— Осмотр неведомого острова.— Флора и фауна коралловых островов.— Как крабы открывают кокосовые орехи.— Бегство дикарей и посещение «Лао-Дзы».— Драгоценная находка.— Каждый готовит по сюрпризу.— Иллюминация, устроенная Пьером де Галем.— Остров Вудларк.— План действий.— Окружены со всех сторон людоедами.

Остаток ночи тянулся томительно-медленно, приводя в отчаяние отважных моряков. Никто из них не мог сомкнуть глаз ни на минуту, и не без причин. Пьер и Фрикэ, привыкшие к всевозможным неожиданностям, люди закаленные, с крепкими нервами, пожалуй, могли бы заснуть, даже несмотря на близость каннибалов, но им не давал покоя целый легион невидимых врагов, от которых не было никакого спасения. Вся бухта была усеяна целыми тучами австралийских комаров; эти маленькие чудовища, жало которых не прокусывает кожу папуасов, с ожесточением впились в нежную кожу белых, не щадя даже молодого сына Поднебесной империи.

Парижанин ругался на чем свет стоит и посылал в преисподню микроскопических вампиров, с их хоботками, наполненными ядом, с их пронзительным, приводившим в дрожь жужжаньем. Моряк запалил свою трубку, не жалея табака, в надежде, что едкий табачный дым отгонит мелких, но беспощадных и надоедливых врагов. Но напрасно: куренье принесло не больше пользы, чем проклятия.

Утомившись от бесполезной войны с целой армией, они сели и начали тихо разговаривать. Маленький китаец, «говотивший по-фланцузски» и не выговари-

вавший буквы «р», рассказал свою историю. Это была короткая, но потрясающая драма.

Его отец был могущественным мандарином * провинции Фу Кiang, главный город которой Фу Чоу. Как и вообще все китайские чиновники, он не был разборчив в средствах своего обогащения и нисколько не церемонился с жителями провинции. Ему было легко совершать всевозможные злоупотребления, а потому, между прочим, он занялся и торговлей людьми. Были пущены в ход все средства для достижения успеха в этом выгодном деле: посылались эмиссары, зазывавшие переселенцев в Америку и т. д. Но чаще всего практиковался более дешевый способ — кража людей. При этом мандарин, пользуясь своею властью судьи, приказывал брать под арест первого попавшегося и приговаривал его за какое-либо выдуманное преступление к бессрочному заключению в тюрьме. А из тюрьмы арестант без шума и хлопот препровождался прямо на борт корабля.

Вообще этот «мудрый и заботливый» мандарин был, по выражению капитана корабля «Лао-Дзы», очень ловким человеком и состоял в постоянных «деловых» отношениях с капитаном.

В последний раз случилось так, что янки пондобился проворный и ловкий юнга для личных услуг. Вообще китайцы весьма подходят для подобных поручений, однако требуется время, чтобы обучить их, и торговец людьми был тем более в затруднении, что в числе его подчиненных в то время не было ни одной подходящей для этих целей кандидатуры. Однако, следуя пословице «time iz money», капитан долго не раздумывал. Как раз и случай вышел подходящий.

У мандарина был сын, мальчик лет 16. Он воспитывал его весьма заботливо. Этот торговец человеческим мясом любил свое детище и, что не часто встречается среди китайцев, поручил миссионерам обучить мальчика. У последних мальчик выучился немножко говорить по-английски и по-французски, читать, писать, считать, вообще узнал все необходимое для того, чтобы впоследствии стать хорошим помощником своему отцу в его прибыльном деле. Но американец рассудил иначе: он решил, что будущий негодант может быть хорошим юнгой в настоящее время.

---

* Название высших чиновников в старом Китае. — *Прим. ред.*

И вот, в одно прекрасное утро, янки под каким-то предлогом зазвал мальчика на свой корабль. Пригласив его в каюту, он дал команду поднять якоря, и корабль, уже закончивший погрузку своего «товара», быстро вышел в открытое море.

Нет надобности описывать горе мандарина; но торговец людьми в данном случае понес лишь заслуженное наказание. Бедный же мальчик, неповинный в преступлениях своего алчного отца, стал жестоко расплачиваться за его грехи. Его тотчас же заставили выполнять свои обязанности, то есть всевозможные прихоти пьяницы капитана, за что он получал от него лишь одни затрещины. А так как капитан был пьян ровно двадцать четыре часа в сутки, то можно себе представить, какая жизнь выпала на долю несчастного мальчугана.

В жизни нередко случаются странные вещи. Вот и здесь: этот мальчик, сын гнусного торговца людьми, имел доброе и честное сердце. Не думая о собственных страданиях, он при всяком удобном случае во время плавания, как мог, оказывал, помощь несчастным «пассажирам». Видя, что у одного из них нет табака, он с невероятными трудностями достал у своего палача горсточку и передал несчастному. Он же надрезал ножом веревки, которыми был связан Фрикэ, так что тот впоследствии легко справился с ними, улучив удобную минуту.

Вот такую короткую, но трогательную историю рассказал простодушный китайчонок на своем малопонятном жаргоне. Его новые друзья не вполне понимали смысла его речи, но тон ее глубоко тронул их.

— Бедный мальчик, — сказал Фрикэ, — мы не забудем того, что ты для нас сделал. Мы постараемся заменить для тебя твою семью, из которой ты так варварски вырван, а потом и возвратить тебя твоим родным.

— Да, да, — заметил Пьер, — мы будем заботиться о тебе, как родные.

— Кстати, как тебя зовут?

— Ша Фуа Цзенг.

— Ах, бедняжка, да разве это имя? Ведь это все, что угодно, только не имя. Как видно, ты не был записан в книгах Батиньольского мэра... Послушай, ведь мы никогда не привыкнем к этому имени. Мне кажется, что было бы лучше дать тебе какое-либо французское

имя. Если уж ты так стоишь на своем, то ничто не препятствует тебе снова назваться как хочешь, когда воротишься на родину.

— Плавда,— согласился китаец.

— Вот и отлично. Ты, я вижу, совсем славный мальчик. Хочешь, мы назовем тебя Виктором?

— Виктолом... да, это холосо.

— Ах, черт возьми! Я и забыл, что ты не выговариваешь «р». Впрочем, ничего, привыкнешь... Кстати,— вдруг переменял Фрикэ тему разговора,— мне кажется, что мы немножко позабыли о папуасах, или понгосах, как ты их называешь, матрос.

— Это потому, что мне нет нужды вспоминать о них,— хладнокровно заметил последний.

— Согласен, но я заговорил об этом потому, что наш мальчик может рассказать нам о том, как эти папуасы расправились с его товарищами.

Рассказ был краток, но ужасен. Кули при гибели корабля удалось высвободиться из своей западни гораздо раньше, чем двум французам. С помощью канатов они наладили сообщение с берегом и доставили туда немного провизии. К несчастью, на корабле было множество бочек с виски, которые они также переправили на берег. Перебравшись на сушу, они прежде всего мертвецки напились, а в это время папуасы подкрались к ним, и большая часть попала в их руки без сопротивления.

Некоторые, менее отуманенные парами алкоголя, пытались было сопротивляться, но это привело лишь к тому, что все они были тотчас же перебиты.

Виктор (отныне мы будем называть его так), спрятавшись между корней громадного кедра, видел потом ужасную и отвратительную сцену, как папуасы привязали несчастные жертвы за волосы к ветвям деревьев и затем лакомились их теплой кровью. Обнаруженный в последний момент молодой китаец также стал бы жертвой дикарей, если б в это время не подоспели Пьер де Галь и Фрикэ и не спасли его своим храбрым вмешательством.

На горизонте уже занималась заря, когда китаец закончил свой рассказ. Через несколько минут взошло солнце; надо было на что-то решаться.

— Ну, что ж мы будем делать? — спросил Фрикэ и, взглянув на китайца, продолжал: — Черт возьми, да ведь ты же почти совсем гол, мой бедняжка.

— Челные солвали мой камзол и изолвали блуки.

— Ах, негодяи! Ну, хорошо еще и то, что они, кстати, не сорвали с тебя и кожу. Кстати, на берегу должно кое-что остаться. Хорошо бы нарядить тебя матросом! Не правда ли?

— Плавда!

— Отлично! Так к берегу, к плоту.

Пьер взялся за весло из крепкого тропического дерева, Фрикэ также; и пирога, управляемая искусными и сильными руками двух европейцев, быстро понеслась к берегу. Хотели было поднять парус, но Пьер нашел, что это слишком опасно, так как папуасы в таком случае заметили бы их. Легко обогнув коралловые рифы, путники вскоре подплыли к плоту, на котором были сложены припасы. К счастью, папуасы не заметили их, а они могли в настоящее время сильно пригодиться. Но, увы! Тут были только остатки припасов, и притом немногочисленные, а на пироге можно было бы захватить вдвое больше. Поэтому погрузка не отняла много времени. В числе других вещей, действительно, оказались рубашка и панталоны для молодого Виктора. Китайца тотчас же нарядили в новое платье, и оказалось, что оно чрезвычайно шло ему; по выражению Фрикэ, он выглядел в нем «настоящим матросом». Сам Виктор был в восторге.

— Что ж мы будем делать дальше? — спросил Фрикэ, когда погрузка была окончена. — С такими соседями, как наши, мы не можем оставаться здесь долго, нельзя быть совершенно спокойными ни на минуту. С другой стороны, плоха надежда и на то, что нам удастся уладить с ними дело миром. Как ты думаешь, Пьер?

— А я хочу услышать сперва твое мнение. Скажи, что ты думаешь, и из двух соображений выберем наилучшее.

— Хорошо. Прежде всего, одно из двух: или мы находимся на маленьком острове, или же на твердом материке.

— Справедливо.

— В первом случае нам нечего засиживаться здесь, и было бы лучше поискать другой остров, где мы могли бы найти более безопасное пристанище. Таких островов тут должно быть много и искать пришлось бы недолго. Наоборот, если это твердый материк, то нам надо как можно скорее удалиться от этих мест, заселенных

людоедами, да еще опьяненными вчерашним пиршеством. Мы должны и в этом случае уйти как можно далее от подобных соседей.

— Что же дальше?

— Затем, я думаю, надо было бы хорошенько обследовать этот коралловый риф и определить его размеры. Теперь у нас хватит провизии на целую неделю, а в речках можно набрать сколько угодно воды. Таким образом, мы можем обследовать риф без всяких затруднений и лишений. Если же в это время дикари вздумают напасть на нас, то мы попробуем убедить их теми же аргументами, как и в прошлую ночь. Тогда наши аргументы хорошо подействовали, авось и впредь будет то же. Вот мое мнение. Когда же мы выполним эту часть программы, то о дальнейшем можно будет еще раз посоветоваться.

— Я согласен с твоим мнением. А пока приступим к делу, не мешая прежде и закусить.

Скудный завтрак был съеден с таким аппетитом, какой может быть только у моряков, потерпевших крушение; затем началось обследование рифа. Пирого, которая, как уже было сказано, отличалась превосходными морскими качествами, под управлением двух искусных морячков быстро понеслась на восток. Первый день прошел без всяких приключений, и папуасы ничем не давали знать о своем присутствии.

Самым серьезным затруднением была лишь адская жара, невыносимая даже для моряков, привыкших к тропическому климату. Кроме нестерпимого жара, солнечные лучи, отражаясь от раскаленных белых коралловых рифов, буквально ослепляли отважных моряков. К счастью, глаза их могли отдохнуть на окаймлявшей горизонт свежей роскошной зелени, какая может быть только в Океании.

Фрикэ, более Пьера знакомый с тропической флорой, сообщил по дороге своим спутникам сведения об этой роскошной растительности. Большинство деревьев были полезны для человека, и все чудо как хороши. При рассказе об этих деревьях Фрикэ придерживался не научной, а собственной классификации и потому разделял все растения на съедобные и несъедобные. Громадные, цветущие папоротники, обвитые лианами с одуряющим запахом, сменялись ксанторреями с тонким стволом и роскошным шлемом из громадных листьев. Вокруг них виднелись стебли дикого сахарного трост-

ника, на которых сидели сотни щебечущих птиц; перья их переливались всевозможными цветами; массы великодушных и невиданных бабочек вились вокруг венчиков огромнейших роскошных цветков, придавая еще более прелести картине тропического леса.

В общем, флора и фауна страны были довольно однообразны, но это было однообразие роскоши, так как все, что было вокруг, было одинаково экзотично и удивительно.

Время от времени путники слышали глухой шум от падения на землю кокосовых орехов; и тогда Фрикэ указал своему товарищу на любопытное явление, оспаривавшееся многими учеными: крабы, такие же охотники до ядра кокосового ореха, как медведи до меда, раскрывали необычайно твердую скорлупу и лакомились сладким кушаньем.

На первый взгляд, кажется положительно невозможным, чтобы краб своими клешнями мог добыть ядро из необычайно крепкой волокнистой скорлупы. Но на самом деле это так. Кроме природного инстинкта, крабы обладают, несмотря на неуклюжую внешность, необычайной ловкостью. Они выбирают одну из ямок на наружной поверхности скорлупы и здесь волокно за волокном, с необычайным терпением, расщепляют скорлупу своими клешнями, пока не доберутся до содержимого. Окончив эти подготовительные работы, краб концом клешни, как буровом, просверливает большое отверстие и, таким образом, получает возможность полакомиться вкусным блюдом, которое пожирает с алчностью.

Фрикэ за рассказами не забыл и о необходимости позаботиться о провизии. Крабы один раз уже служили им ужином, и на этот раз путники набрали про запас несколько огромных крабов, положив их на дно пироги на спину и, конечно, оторвав при этом их ужасные клешни.

Прерванное наступлением ночи путешествие возобновилось с появлением зари. Вскоре французы убедились в предположении, что остров не имеет больших размеров, так как в течение менее 12 часов они проплыли около половины круга. Еще более убедил их в этом заключение найденный около полудня полуразрушенный, без снастей, остов «Лао-Дзы».

Удивительно, как останки корабля могли до сих пор еще держаться на воде. Вокруг судна сновало мно-

жество пирог, однако с той осторожностью, с какой подходят хищные животные к большой по размерам добыче; одновременно в движениях дикарей сквозили и жадность, и осторожность, и страх.

Отступать было поздно.

— Попробовать пугнуть их? — спросил Фрикэ, взяв в руки ружье.

— Пожалуй, — заметил Пьер с обычным хладнокровием, но вдруг спохватился: — Послушай, вот мысль: если мы попадем на корабль, быть может, мы найдем там вещи, которые нам могут весьма пригодиться. Мало ли что может быть на корабле; надо пользоваться случаем, которого потом не воротишь, ибо будет поздно.

— Что ж, — согласился Фрикэ, — подплывем и протрем глаза этим чернокожим дьяволам!

Появление пироги с белыми людьми произвело необычайное смятение среди папуасов. Острое зрение чернокожих мародеров быстро выделило новых гостей. Быть может, они вспомнили о событиях ночи третьего дня и сочли новых гостей виновниками своего бегства, быть может, самый вид новых пришельцев показался им подозрительным, — как бы то ни было, они сочли за лучшее как можно скорее удалиться от остова корабля, не рискуя вступать в битву с белокожими.

Подплыв к кораблю, Пьер привязал пирогу к оторванной якорной цепи; по ней же, как по лестнице, все взобрались на палубу «Лао-Дзы». Но, увы, они нашли здесь немного: несколько уцелевших ящиков с консервами, рыболовные удочки и снасти, которые, впрочем, могли пригодиться в будущем, кусок паруса и т. п. Но кладовая, к несчастью, была затоплена, и потому захватить много провизии не было возможности.

После некоторых безуспешных поисков они хотели уже оставить корабль, как вдруг Фрикэ случайно попал в каюту капитана. В ней царил страшный беспорядок, видно, и сюда заглядывали кули, не оставившие ничего целым, даже морской карты, от которой болтались одни клочья.

Парижанин машинально взял в руки один из этих клочков и вдруг вскрикнул:

— Черт возьми! Да ведь это маршрутная карта, где «наш разбойник» отмечал свой путь! Вероятно, он делал это вплоть до самого момента крушения. Если так, то мы найдем здесь весьма небесполезные сведения.

И запасливый парижанин спрятал обрывки карты в своих карманах.

— Постой, — вдруг снова крикнул он, — револьвер! Револьвер системы Нью-Кольта... очень хорошая штука! А вот и патроны. Все это нам пригодится.

Видя, что больше поживиться нечем, парижанин вышел на палубу и застал Пьера, возившегося с каким-то, видимо весьма тяжелым, мешком, наполненным шариками величиною с кулак.

— Ты с чем это возишься тут? Уж не картофель ли?

— Гм! — усмехнулся Пьер. — Хорош картофель! Увидишь после, а пока подожди.

— Хорошо! — согласился Фрикэ. — Мне кажется, что каждый из нас готовит друг другу по сюрпризу.

— Быть может. А пока поспешим в путь.

— Ты что-то очень торопишься!

— Да, тороплюсь. Я хочу устроить небольшую иллюминацию и доставить вам удовольствие лицезреть ее на приличной дистанции, больше ничего. Впрочем, пора!

— Я думаю направиться к берегу; переночуем на земле, а потом... потом увидим.

— Есть что-нибудь новое?

— Много нового!

С отбытием белых папуасы, как коршуны на падаль, набросились на полуразрушенный корабль. Ранее они лишь плавали вокруг него, боясь взобраться на само судно, так как величина его пугала их. Теперь, убедившись, что какие-то белые люди уже побывали здесь, они смело полезли наверх.

Пьер, Фрикэ и молодой китаец, укрывшись за скалой, выступавшей из моря, ждали, что будет. Моряк таинственно улыбался. Вокруг корабля теснился круг папуаских лодок. Вот лодки подошли к самому «Лао-Дзы», и дикари с воем полезли наверх.

Вдруг на палубе что-то вспыхнуло, и страшный столб дыма и пламени поднялся выше самой грот-мачты. Раздался потрясающий грохот, от которого дрогнули скалы, далеко вокруг море вспенилось и закипело, и громадные валы понеслись от корабля во все стороны. Судно взорвалось. Когда море снова успокоилось, на нем уже не было лодок: все они потонули при взрыве. Тем не менее дикари погибли далеко не все, и масса черных голов, тяжело пыхтя, направлялась к берегу, в ужасе удаляясь от страшного для них места.

Вдруг на палубе что-то вспыхнуло

— Вот вам и иллюминация, о которой я говорил, — усмехнулся Пьер. — Хороша? Всеми виной бочонок пороху. Я нашел его на корме, куда, вероятно, его затащили кули, предполагавшие, что в нем содержится тафия*. Во всяком случае, это послужит недурным уроком для дикарей, и впредь они научатся бояться этих плавающих чудовищ даже после крушения.

— А ведь если бы взрыв произошел всего лишь

---

* Сахарная водка.

двумя минутами позже, вероятно, не уцелел бы ни один дикарь.

И очень жаль, что этого не случилось. Я был бы очень рад, если бы взрывом испепелило две-три лишние дюжины этих дьяволов в человеческом образе. Ты знаешь, что я не трону пальцем и ребенка. Но эти дикари — другое дело. С тех пор, как я увидел, как они предательски набросились на двести беззащитных жертв, пили их кровь и пожирали их еще живыми, признаюсь, с тех пор я несколько изменил свое мнение о «добрых детях природы».

— Полагаю, что так, — со вздохом заметил Фрикэ. — Жалеть их нечего, а все-таки грустно...

— Что ж, уж не следовало ли, по-твоему, давать им сахару, чтобы приручить к себе? Нет, мой милый, ты уж очень снисходителен. Я даже думаю, что настоящий урок еще недостаточен для дикарей... Видишь, как они в иступлении поднимают кулаки к небу, слышишь ли завывания, которые они, вероятно, адресуют своим диким божествам? А ведь мы еще не выбрались отсюда...

— Пока нет, но завтра выберемся.

— Как? Разве тебе известен путь? Ты знаешь где мы?

— Да.

— Говори же!

— Сейчас, вот и мой сюрприз тебе. Я полагаю, и с весьма большой вероятностью, что мы находимся на коралловом острове Вудларк, имеющем в окружности не более сорока пяти-пятидесяти миль и лежащем под девятым градусом южной широты и сто пятьдесят третьим восточной долготы от Гринвича.

— Ты удивляешь меня.

— Итак, — продолжал Фрикэ, будто не заметив, что его речь прервали, — мы находимся приблизительно на три градуса к востоку от крайней оконечности Новой Гвинеи.

— Иначе на семьдесят пять лье.

— Совершенно верно. Таким образом, мы должны сесть в нашу ореховую скорлупу и постараться достичь Новой Гвинеи.

— Это мне представляется тем более возможным, что дикари, насколько мне известно, не решаются на своих лодках пускаться в открытое море.

— Наоборот, жители Меланезии и Полинезии проплывают в открытом океане расстояния по четыреста и

даже по пятьсот лье на своих лодках. Но, положим даже, что мы благополучно достигнем берегов Новой Гвинеи, что будет с нами дальше?

— Мы возьмем курс сперва на юг, а потом, не теряя из виду берега, поплывем на запад.

— Словом, это будет каботажное * плавание. А что далее? Долго ли оно продлится?

— Конечно, ведь мы должны проплыть вдоль берега весь Папонэзский залив, начиная со сто пятьдесят первого меридиана.

— От Гринвича?

— Всегда от Гринвича. Я сказал: от сто пятьдесят одного градуса западной долготы до сто сорок второго.

— То есть мы должны пройти девять градусов.

— Иными словами, по меньшей мере около двухсот двадцати пяти лье; а потом мы пойдем к Торресову проливу.

— Зачем?

— А затем... Но пусть это пока останется сюрпризом.

— Что ж, не вижу никаких препятствий к выполнению этого плана.

— Наоборот, препятствий множество: во-первых, мы все время должны плыть около выступающих в море острых утесов. Не забудь, что при этом придется руководствоваться в пути лишь звездами, а ты знаешь, как важно верно взять направление. Наконец, велика вероятность и того, что мы встретимся с дикарями и что нам не хватит провизии и пресной воды.

— Верно. Осторожность никогда не мешает... Истинная храбрость состоит в том, чтобы без страха смотреть в лицо опасности, в то же время выбирая средства, чтобы избежать ее... Впрочем, я ударился в философствования...

— Ничуть. К этому я еще добавлю: истинное мужество должно состоять в том, чтобы считать случайность даже возможную уже настоящей и невозможную вероятной.

— Кстати, каким образом ты узнал, где мы находимся?

— Я нашел обрывок морской карты в каюте капитана-янки.

— И эта находка, добавлю от себя, тем более кстати,

---

* прибрежное.— *Прим. ред.*

что у меня есть средства руководствоваться в плавании не одними звездами...

— Что это такое?

— А вот эта безделушка, — и Пьер вынул из кармана маленький компас, прикрепленный в виде брелока к большим серебряным часам.

— Bravo! Я не надеялся, что у нас окажутся столь полезные вещи. Отлично. Провизии у нас пока достаточно, и завтра же с восходом солнца мы можем отправиться в путь на нашей пироге.

В первый раз путники провели ночь спокойно. Лишь только взошло солнце, все были уже на ногах; затем укрепили посреди пироги мачту; и Пьер стал было уже прилаживать парус, как вдруг у матроса вырвалось иростное проклятие.

Перед лагуной, где находились путники, чернела линия лодок, на которых было около духсот папуасов. В то время, как эти лодки образовали грозный полукруг, столько же вооруженных с ног до головы дикарей замыкали полный круг на береговой линии.

Таким образом, трое храбрецов были окружены со всех сторон множеством вооруженных кровожадных дикарей. Положение было ужасным, критическим.

Глава VI

Блокада дикарей.— Как Пьер «играет в мяч».— Ужасная, но необходимая мера.— Водобоязнь на суше и водолюбие на море.— Благополучное плавание.— Новый коралловый остров.— Что такое атолл.— Флора и фауна кораллового острова.— Подводный мир.— Минуты отдыха.— В ожидании изготовления торта.— Теория происхождения коралловых островов.

При виде боевого порядка дикарей Пьер разразился отборнейшей бранью.

— Ну, черные херувимы, еще посмотрим кто кого... Хорошо, господа пангосы, я вижу, у вас разгорелся аппетит; вероятно, мы — блюдо вкусное, да как бы вам им не подавиться...

И вдруг, обратясь к Фрикэ и китайцу, он повелительным тоном приказал:

— Все по своим местам! Без страха!

Фрикэ, знавший по опыту неистощимую находчивость и изобретательность моряка, проявлявшихся в невероятных ситуациях, понял, что тот не шутит, и быстро поднял парус. Пьер стал у кормы, по-

ложил у своих ног мешок с «шариками», так заинтересовавшими Фрикэ еще на палубе «Лао-Дзы», и, взяв в руки весло из крепчайшего австралийского дерева, спросил еще раз:

— Все готово?

— Готово!

Пирога накренилась и быстро понеслась вперед, рассекая волны и оставляя за собой длинную пенящуюся полосу.

— Огниво при тебе?

— Конечно.

— Зажги трут!

— Готово!

— Предоставь его в мое распоряжение. Я правлю, — продолжал он, стоя у кормы, — прямо на дикарей. Если они выпустят нас из своего круга лодок, тем лучше для них. Если же они позарятся на наше мясо, тем хуже для них! *A la guerre comme à la guerre!* * Готовьтесь, господа; ждите, когда они начнут, потом предоставьте возможность мне ответить первому, а затем и вам никто не помешает послать им несколько свинцовых гостинцев.

Решение было исключительное и безумно смелое: одна пирога с тремя людьми смело шла прямо на целую флотилию с ордой дикарей, которые в молчании потрясали копьями, камнями и топорами, кривляясь на все лады.

Немало мужества понадобилось, чтобы хладнокровно и уверенно идти прямо на эту страшную линию лодок, подобно чудовищной боа-констриктору **, все теснее обвивавшейся вокруг своих жертв.

Но Пьер улыбался. Фрикэ, взяв в руки ружье, поправил козырек картуза для защиты от солнца и приготовился стрелять. Китаец же дрожал всем телом. Пирога была уже не более как в 30 метрах от дикарей. В это время мимо уха матроса просвистал первый камень, брошенный людоедами.

Это послужило сигналом. Пирог дикарей стали тесниться вокруг европейцев. Раздался оглушительный вой, за ним последовал настоящий град камней. Путники пригнулись к бортам пироги.

Пьер достал из своего мешка какой-то шарик вели-

---

* На войне, как на войне (фр.). — Прим. ред.

** Огромной змее-удаву. — Прим. ред.

чиной с апельсин и поднес его к горевшему труту.

Хорошо, голубчики мои,— заметил он многозначительным тоном,— вы хотите полакомиться нами. Отлично, но только прежде поиграем с вами в мяч!

И неизвестный снаряд, брошенный ловкою и сильною рукой, оставляя за собой в воздухе легкий след дыма, полетел в круг лодок дикарей.

За первым последовал второй, пущенный на другой фланг.

Прошло несколько секунд томительного ожидания. Вдруг раздался глухой, потрясающий взрыв. Среди густого столба белого дыма с трудом можно было разобрать, как четверо дикарей кувыркались в море, убитые или тяжело раненные.

— Черт возьми! — вскричал парижанин. — Да ведь это граната.

— Как видишь, — хладнокровно заметил матрос. — Еще раз, два! Пли! Хорошо!

Неистовые крики бешенства послышались из лодок дикарей. Камни по-прежнему градом летели на лодку европейцев, но дикари, видимо, были поражены свершившимся, и направляемые неуверенною рукой камни по большей части летели мимо. Прошло еще несколько минут, и страшная линия лодок разомкнулась. На поверхности воды плавала масса обломков, там и сям виднелись черные туловища дикарей: было видно, что шарики Пьера произвели ужасное действие.

Между тем пирога с распущенным парусом, как морская чайка, быстро скользила по поверхности волн, все более удаляясь от противника.

— Клянусь честью, — серьезно заметил Пьер, — я не виноват в происшедшем. Не мы начали эту бойню, и я умываю руки, как Понтий Пилат. Что ты думаешь по этому поводу, матрос?

— Я думаю, что если бы ты не захватил с «Лао-Дзы» этих игрушек, то все мы были бы зарезаны, зажарены и съедены... Я не понимаю только одного: зачем эти вещи были на «Лао-Дзы»? Ведь там они вовсе не требовались.

— Как, ты этого не знаешь, ты, знающий чуть не все на свете?

— Не знаю.

— Да ведь это был корабль с кули, которые во всякую минуту могли восстать. Ввиду этого на подобных кораблях всегда имеется целый запас подобных

вещиц. Если есть возможность, то берут и митральезы, в большинстве же случаев довольствуются одними гранатами.

— Ах, черт возьми!

— Что такое?

— У нас нет воды.

— Неужели?

— Да. Будучи на берегу, мы позабыли запастись пресною водой, а теперь уже поздно.

— Как ты думаешь, не пригодятся ли нам эти кокосы? В каждом около поллитра сока, а у нас, кстати, есть и два бочонка, каждый вместимостью литров в двенадцать.

— Бочонки? Где же они?

— Они пред тобой. Видишь эти два колена из ствола бамбука, пустые внутри? Вот тебе и бочонки, где сок может отлично сохраниться.

— Это меня успокаивает. Признаться, я лучше четыре дня не буду ничего есть, но для меня сущая пытка пребыть полсуток без питья.

Пирога направилась на юго-восток, резко рассекая волны океана. Дул свежий береговой ветер, и потому пока можно было обходиться одним парусом, без помощи весел. Пьер вынул обрывок морской карты и свой маленький компас, выровнял возможно точнее направление лодки и хладнокровно закурил свою трубку.

Благодаря тому же ветру, жара была весьма сносной, и потому первый день плавания прошел как какая-нибудь *partie de plaisir* *. По наступлении же ночи, к необычайному удовольствию пловцов, на небе всплыла луна, а ее света было совершенно достаточно, чтобы ориентироваться на воде и вести лодку в нужном направлении.

К сожалению, карта была далеко не полной, и потому представлялась немалая опасность наткнуться на подводную скалу или риф. Опасения эти оказались не безосновательными: через 24 часа плавания, на следующее утро, на восходе солнца путники вдруг услышали невдалеке какой-то шум, похожий на гул громадного водопада.

Пьер осмотрелся кругом.

— Куда же это мы попали? — заметил он. — Все

---

* Увеселительная прогулка (фр.). — Прим. ред.

время я направлял пирогу по компасу и карте, ошибки быть не могло, а не далее как в миле от нас слышен какой-то шум... Между тем ближайший остров Избиения должен находиться не ближе сорока пяти миль. Вероятно, мы подплыли к какому-нибудь совершенно неизвестному острову. Во всяком случае, нам надо употребить все усилия, чтобы не попасть в буруны, иначе нашу скорлупу вместе с нами... поминай как звали!

Чтобы течение не прибило лодку к скалам, Пьер и Фрикэ взяли весла и стали энергично грести, помогая парусу. Борьба с волнами и течением была долгой и упорной. После двух часов невероятных усилий пирога миновала опасные места, впереди показалась земля, при одном виде которой у Пьера вырвалось восторженное восклицание.

Это был типичный коралловый атолл, так хорошо описанный знаменитым натуралистом Дарвином, маленький островок, в виде браслета опоясавший внутреннюю лагуну. Словом, это был точно такой же остров, как и Вудларк, с теми же коралловыми рифами вокруг, защищавшими его от волн океана. Растительное царство не отличалось особым разнообразием. Вечная кокосовая пальма — необходимый атрибут всякого кораллового острова — высоко поднимала свой изящный ствол, а вокруг нее виднелось несколько других пород тропических деревьев. Совсем другой вид имела внешняя сторона острова, та самая, где прибой образовал страшные буруны. Здесь были мыльное дерево, рицины, драконовое дерево, мускатное — словом, самая роскошная тропическая растительность. Закономерно возникает вопрос: откуда вся эта флора могла появиться на пустынном острове посреди океана? Как могли попасть сюда все эти деревья и растения? Ответ очень прост. Морские волны смывают с берегов азиатского материка массу разнообразной растительности. Все это уносится морским течением к австралийским островам. Более слабые растения, находясь долгое время в соленой воде, погибают, но многие переносят это плавание, и ко времени, когда их выбросит на какой-нибудь из коралловых островов, их семена еще настолько жизнеспособны, что принимаются на новой почве. Так на одиноких коралловых островах появляется роскошная и разнообразная растительность, могущая, на первый взгляд, поставить в тупик любого натура-

листа относительно своего происхождения. На самом же деле тут нет ничего удивительного, ибо жизненная сила растительных семян необычайна. Недавно в египетских пирамидах найдены были зерна пшеницы, пролежавшие там более 4000 лет. И что же? Эта пшеница, будучи посеяна, взошла!

Такова жизненная сила природы.

Царство животных на острове не отличалось особым разнообразием. Несколько видов ящериц, пауки и масса суебливых муравьев. Всюду виднелись крабы-пустынники, лениво ползавшие по песчаному берегу или гревшиеся на солнце. Множество морских птиц носилось в воздухе: бакланов, фрегатов, морских ласточек и т. д.

В отличие от известкового берега, покрытого лишь тонким слоем почвы и потому не особенно богатого растительностью, в воде в полном смысле слова кипела жизнь. Не было ни одного углубления между скалами, где не обитало бы множество рыб всевозможных видов, величин и цветов; ни одного грота, где не кишели бы великолепные виды зоофитов. Вода была до того прозрачна, что легко можно было видеть даже каменистое дно моря, и удивленным глазам путников открывалось редкое, невиданное зрелище. Мириады водных обитателей с невероятной быстротой сновали туда-сюда, гонялись друг за другом, пожирали слабейших, убегали от сильнейших. Лучи солнца, проникая на глубину, переливались всеми цветами радуги, отливая золотом и серебром на чешуе рыб. Вот морской рогоносец с черным носом, обыкновенно обитающий лишь у берегов; радужный губан, с блестящей чешуей и как бы опоясанный золотым поясом; светящиеся фосфорическим светом пиропеды; морские павлины, роскошью своего облика соперничающие с земными; глифизодоны с лазуревым телом и красными перьями; полосатые, как зебры, акантуры с хвостом, вооруженным двумя шипами, могущими нанести опасные раны; страшные «морские дьяволы» и т. д. Словом, взорам открывался целый необъятный мир неведомых морских обитателей, такое роскошное подводное царство, какое может быть только в тропических морях Океании.

Пловцы едва могли оторвать глаза от чудной картины. Но положение их было не из тех, чтобы надолго забыться, и они причалили к берегу. Привязав пирогу к дереву, путники занялись практическим разрешением

обычных для всех моряков вопросов: где причалить? Нет ли воды? С этой целью все отправились в глубь острова, однако ни на минуту не теряя из виду того места, где они спрятали лодку. На этот раз счастье улыбнулось им чуть ли не впервые после отъезда из Макао. Вскоре они нашли воду, которая, как в вазах, сохранялась в огромных раковинах близ берега. Вода эта осталась тут после дождя, а густая листва предохраняла ее с тех пор от испарения.

Находка эта была бесценна; оба француза были в восторге и радовались так, как могут радоваться только французы, неистощимые в веселье, бесстрашные в опасности. Даже китаец Виктор изменил на этот раз своей обычной национальной молчаливости.

Пьер, как истый сибарит, лениво растянулся на мягком ковре из пальмовых листьев. Время от времени, поджаривая в скорлупе огромного краба, он перебрасывался с Фрикэ репликами.

— Как ты думаешь, — говорил он, — ведь земля, на которой мы теперь лежим, далеко не такая, как на материке?

— Без сомнения. Материковая почва состоит из множества чередующихся слоев различных геологических формаций; в недрах земли находятся разные минералы. Здесь же нет ничего подобного, и под тонким слоем почвы находятся лишь остатки известковой скорлупы полипов, слипшихся в однородную массу. Бог знает, на какую глубину.

— Признаться, я во всем этом ровно ничего не понимаю, хотя все это слышал еще на корабле.

— Тем не менее все это вполне правдоподобно. Ты можешь сам легко убедиться в этом, так как в настоящую минуту мы находимся именно на одном из коралловых островов. А о кораллах ты, вероятно, слышал?

— Еще бы не знать кораллов! Из них наши мастера делают для модниц всевозможные украшения, которые те носят и в ушах, и на шее, и на руках, и чуть ли даже не в носу. Но откуда все это берется в воде, вот что непонятно!

— Я кое-что читал об этом в книге английского ученого Дарвина...

— Английского? — как бы с укоризною заметил собеседник.

— Ну да. К сожалению, я не имел возможности дочитать эту книгу до конца. Впрочем, я прочел до-

Пьер лениво растянулся на мягком ковре из пальмовых листьев

статочно, чтобы сказать тебе, что все эти острова не более как плоды работы бесчисленного множества мельчайших животных, раковины которых, каждая в отдельности, едва видимы невооруженным глазом, а в громадной массе своей эти раковины образуют целые острова среди глубокого моря.

Пьер, казалось, стал что-то вычислять и лишь временами многозначительно замечал:

— Необычайно! Удивительно!

И потом снова замолкал.

Действительно, жаль, что парижанин, обладавший удивительной памятью, не имел случая основательно ознакомиться с этим явлением. Нет сомнения, что при его необычайном таланте рассказчика он прочел бы своим спутникам интереснейшую лекцию о том, как мельчайшие животные совершают свою работу, как из глубины моря постепенно появляются коралловые острова, с их кокосовыми пальмами, зеленеющими кустарниками, прибрежными рифами, барьерами, как бы нарочно построенными искусным инженером для защиты берегов от прибоев волн. В самом деле, море пожирает все, разрушает удивительнейшие и грандиознейшие сооружения людей и не может победить простой преграды, явившейся естественным путем! День и ночь безбрежный океан бурлит вокруг маленького кораллового острова, каждую минуту его волны бьются об эти небольшие островки и рифы. Если бы они были все сплошь из порфира или гранита, они давно уступили бы океану, были бы размыты и уничтожены; между тем они, будучи из вещества гораздо более хрупкого, остаются целы и невредимы.

Объяснение этого странного, на первый взгляд, факта в том, что здесь с могучим океаном борется живая, органическая сила, — те полипы, которые «построили» эти острова. Они являются созидательной силой и противостоят всем усилиям океана. Что же может сделать хоть и могучая, но слепая сила океана против работы этих «архитекторов», трудящихся день и ночь? Таким образом, всесильное море, перед которым иногда пасуют даже люди, уступает полипам, воздвигающим вместо разрушенных новые, более грозные укрепления.

Не хватило бы целого тома, чтобы описать строение, жизнь и нравы этих любопытных «архитекторов». Их постройки протянулись теперь на сотни и тысячи миль посреди Великого океана, и ученые разделяют их на три разновидности: атоллы, барьеры и коралловые пояса. Внимание ученых и путешественников уже давно занимали полипы и плоды их деятельности. Еще в 1505 году Пирар де Лаваль писал: «Удивительно смотреть на каждую из этих лагун, называемых по-индейски атоллами, окруженных со всех сторон каменной стеной без всякой помощи человека».

Первые путешественники полагали, что полипы строят острова по инстинкту, с той лишь целью, чтобы

превратить лагуну в безопасное для себя убежище. Но Дарвин доказал, что полипы, живущие снаружи коралловых островов и как бы охраняющие их, не в состоянии жить во внутренних лагунах, где вода всегда спокойна и где обитают другие их виды. Здесь сказалась удивительная мудрость природы: две различные породы живых существ бессознательно действуют в общих интересах, как бы по строго обдуманному плану. Кстати, согласно наиболее принятой теории, атоллы — суть следствия подводных извержений. Но все новейшие изыскания ученых опровергают это.

Есть еще теория, принадлежащая путешественнику Шамиссо, в 1815 году совершившему кругосветное плавание вместе с русским капитаном Крузенштерном и сыном знаменитого Коцебу. По его мнению, рост коралловых островов и их круглая форма обусловлены действием приливов и отливов. Но и эта теория также давно уже опровергнута. Кроме того, ныне стало известно, что полипы не могут жить глубже 30 метров (около 12 сажен) ниже уровня океана. Возникает вопрос: на чем же они строят свои острова? Полагали, что фундаментом их является песок, громадными массами скапливающийся на дне океана. Но известно, что волнение не затрагивает океанических глубин. В то время, когда на поверхности океана бушует страшная буря, в глубине его все спокойно. Каким же образом целые массы песка могли сконцентрироваться среди океана на неизмеримой глубине? Полагая же, что фундамент для постройки коралловых островов вулканического происхождения, пришлось бы предположить, что подземные силы действовали с таким расчетом, чтобы поднять землю как раз на 20—30 метров ниже уровня океана. Предположение невозможное. А если отпадает версия того, что фундамент для коралловых островов поднимался снизу вверх, то остается предположить, что он опускался сверху вниз.

И это предположение оказывается справедливым. В самом деле, новейшие изыскания ученых доказали, что море разрушает мало-помалу, но неуклонно, все наши материи, которые постепенно все более опускаются. В таком случае, при постоянном, медленном оседании почвы опустившиеся слои земли служили фундаментом, на котором полипы и возводили свои постройки, а те, оседая, со временем, в свою очередь, служили фундаментом для построек следующих поколений полипов, и так далее.

Барьеры, окружающие коралловые острова или берега материка, отделяются от земли глубоким каналом с необычайно чистой и тихой водой.

Величина коралловых островов различна. Наибольшие находятся у берегов Новой Каледонии и имеют величину от 130 до 150 лье.

Нельзя не обратить внимания еще на одну особенность в строении коралловых островов. Внутренний склон островов чрезвычайно отлог, наружный же, напротив, крут и возвышается порой на 300 и более футов над уровнем моря. Таким образом, острова являются как бы грозными крепостями, воздвигнутыми посреди безбрежного океана и снабженными высочайшими стенами. Морю иногда удается пробить в них бреши, и такой величины, что туда могут проходить даже большие корабли, находящиеся в лагунах свободную и безопасную гавань.

Весьма интересна гипотеза Дарвина о происхождении канала между барьером и коралловым островом. Предположим, что земля опускается постепенно или сразу на несколько футов. Так как полипы не могут жить на глубине 30 метров, то естественно, что они выбираются выше, на ту глубину, где они могут существовать; таким образом, вокруг острова образуется как бы небольшой вал, а так как оседание почвы продолжается, то полоса между берегом и барьером мало-помалу углубляется и расширяется, а лагуна становится пригодною для житья лишь наиболее нежных видов коралловых полипов.

Если же опускается не остров, а твердый материк, то в результате получается то же самое, только в более масштабных размерах. Горы со временем становятся островами, окруженными барьерами; последнее, когда горы погрузятся в океан, превращаются в атоллы с лагуной посреди.

Все это время полипы деятельно работают. Как только море опустится ниже глубины, на которой они могут жить, они взбираются выше и выше, возводят все новые и новые постройки, и, таким образом, в результате труда миллионов маленьких животных появляются огромные острова.

Да простит нам читатель, что мы оставили наших героев; они устали после трудов и спят богатырским сном, а потому: «Спокойной ночи!»

Глава VII

Мрачная страница жизни Фрикса и Пьера де Галья. — Берлога бандитов моря. — Борьба насмерть и дорого купленная победа. — После четырех дней плавания. — Новая Гвинея или Полинезия. — Самый большой остров на свете после Австралии. — Горцы и береговые жители. — Роскошная флора. — Первый выстрел Пьера де Галья. — Вкусное жаркое. — Кенгуру. — Проект запаса съестных припасов ввиду долгого плавания. — Особенная мука. — Саговое дерево.

Рассвет уже приближался, когда Пьер проснулся. Фрикс уже не спал и задумчиво глядел на горевшее в вышине созвездие Южного Креста.

— О чем это ты так задумался? — спросил Пьер де Галь, приметив, что его друг впал в мрачную задумчивость.

Парижанин вздрогнул как бы пробужденный от сладкого сна. Быстро овладев собой, он заговорил медленным и торжественным тоном, как-то странно противоречившим его обычной веселости.

— Уже не в первый раз, — начал он, — моя нога ступает на коралловый риф; наше пребывание здесь воскресило в моей памяти один из самых драматических эпизодов моей жизни, полной всевозможных треволнений. Не прошло еще и трех лет с тех пор, как другой коралловый риф, очень похожий на этот, был театром кровавой битвы. Экипаж французского крейсера, — все храбрецы на подбор, — преследуя без устали таинственных бандитов, загнал тех, наконец, в их берлогу — остров, находившийся далеко от Парижа, на сто сорок три градуса восточной долготы и двенадцать градусов, двадцать две секунды южной широты, то есть отсюда, по крайней мере, в ста восьмидесяти лье.

— Мой корабль «Молния»! — вскричал Пьер прерывающимся голосом. — Капитан де Вальпрэ... мой командир.

— А! И ты вспомнил, старый дружище. Да, подобные приключения не забываются.

— Да! Как это было ужасно!

— Это была целая шайка кораблекрушителей, злейших врагов общества, известных нам до тех пор под именем бандитов моря!..

— Самое подходящее им имя...

— Как бешенные, отбивались они от нас. Стой они за правое дело, этих извергов сочли бы за героев.

Бледно-розовые верхушки подводных кораллов окрасились тогда в темно-красный цвет. Коралловый остров, прозванный «*Escume de Sang*» *, утратил свой прекрасный цвет и превратился... о, страшно вспомнить...

— Какая ярость! Сколько ожесточения! Какая дикая резня!

— Помнишь ли, Пьер, этот убийственный огонь, встретивший нас в темном, узком проходе, когда мы ползком добрались до него, предводительствуемые командиром. Эти громовые удары, потрясающие грот, блеск молнии, беспрестанно прорезывающий мрак ночи, оглушительный свист, обломки скал, отбиваемые пулями, стоны умирающих...

— Да, помню... Разве это можно позабыть?

— Тяжело досталась нам победа... А все-таки это было славное время.

— Да, время хорошее... А храбрый доктор Лампериер, а господин Андрэ, мой приемный отец и брат?..

— А помнишь ли командира де Вальпрэ, этого самого удалого из всех моряков?

— Предо мной снова оживает эта кровавая битва, завершившая экспедицию: капитан пиратов один посреди огромной залы с коралловыми сводами, отливающими кровью при ярком блеске электрических фонарей... Вон он поднял карабин... целится в окошко из толстого стекла в вершине грота и кричит громовым голосом: «Вот, где могила бандитов моря!» Раздался оглушительный выстрел... Стекло разлетелось вдребезги. Вода хлынула в грот, поглощая убитых и раненых, друзей и врагов. Затем звуки рожка... Отступление...

— Да, отступление, только после победы.

— Однако, Фрикэ, ты смущен, дрожишь... Да отчего же? Разбойников уничтожили. Андрэ стал другом командира, ты моим, и все остались довольны. Правду сказать, тяжелая досталась работа обоим вам, особенно если принять во внимание, что на военном корабле вы были простыми пассажирами. Без вас не одержать бы нам победы!

— Да я вовсе не смущен, тебе показалось, а все же меня волнует одно важное обстоятельство, и скрывать его я, пожалуй, не буду: меня томит какое-то предчувствие, что враги наши тогда не погибли. Шайка бандитов моря слишком многочисленна, организация

ее вполне совершенна, и мне просто не верится, что она уничтожена бесследно.

— Как это не верится? Неужели ты думаешь, что этот проклятый корабль, могущий в одно мгновение ока превратиться в бот или простую шхуну, приводимый в движение не паром, а какой-то чудодейственной машиной, скрывавший свою артиллерию, как какой-нибудь жалкий торговец трески, не поглощен морскою пучиной?

— Потонуть-то он потонул. Но было ли это следствием аварии? Сомнительно что-то. Кто может поручиться, что это чудо современного строительного искусства не было способно превратиться во что-нибудь новое, например, в подводный корабль?.. Повторяю, кто может поручиться, что из морской пучины он не выплыл еще более крепким, еще более способным противостоять всякой опасности и теперь по-прежнему рассекает морские волны?

— Все возможно. Но все-таки тот старый мошенник, глава всей шайки, живший в Париже чуть ли не по-царски и бросившийся в водосточную трубу, убегая от преследований полиции, вознамерившейся посадить его в тюрьму за все проделки, — этот-то уж наверно погиб!

— Да, говорят, что после грозы в водосточной трубе, сообщавшейся с домом, в котором жил этот предполагаемый главарь бандитов, был найден неопознанный труп с лицом, изъеденным крысами. Ты думаешь, этот труп был его?

— Гром и молния! Ведь, пожалуй, ты прав! Но тогда, если это была ошибка, нам придется все начинать сызнова.

— Без сомнения, и вдобавок в условиях самых неблагоприятных: сейчас мы в самом плачевном положении. К тому же мы не одни.

— Да, у нас на попечении ребенок. Бедная малютка!..

— Ты не забыл ее?

— Что с тобой! — вскричал Пьер де Галь. — По-забыть мне это милое существо! Я и сейчас вижу, как она стоит предо мной с ее длинными белокурыми косами, голубыми, как это дивное небо, глазами... У меня в ушах до сих пор звучит этот милый голос, тихо нашептывающий мне слова утешения: «Мой милый Пьер, да ведь вы тоскуете по морю, ступайте же туда и поскорее возвращайтесь назад. Мне будет тя-

жело расстаться с вами, мне будет очень скучно без вас, но я буду писать вам. Для моряка тоска по океану то же, что для нас тоска по родине. Я понимаю вас, и разделяю ваши чувства, недаром же я дочь моряка»... Ах! Такая музыка, как эта, дорожке для меня и шума волн, и команды на море, она ласкает мой слух и живет вот тут! — закончил Пьер, с силой ударяя могучим кулаком себя в грудь.

— Дочь моряка, — печально ответил парижанин, — она глубоко убеждена, что отец ее был всегда честным человеком, вполне достойным имени матроса, и не ведет бедняга, что он запятнал его грязью, сделавшись пиратом.

— Она! Бланш! Дочь Флаксхана, капитана бандитского корабля! Хорошо еще, что только мы знаем эту ужасную тайну, и уж, конечно, никогда не выдадим ее. Наша маленькая сестренка Бланш будет счастлива.

— Отец ее умер, раскаявшись. Вина его сглажена. Ты прав: дитя будет счастливо...

— Да, заботиться о ее счастье — мой долг. Чем больше я думаю о ней, тем невероятнее мне кажутся все наши последние несчастья. Господин Андрэ разорен, доктор тоже, у командира только и осталось что его жалованье, на которое он должен содержать мать и сестру. И все это случилось менее чем в два года. Господин Андрэ, желая поправить свое расстроенное состояние и оставить хоть что-нибудь своей приемной дочери, организовал на последние средства компанию «плантаторов-путешественников» в Суматре. Мы встретились с ним перед его отъездом, он пригласил меня, я согласился; ты был тогда в Тулоне, тебя вызвали, и мы отправились в обществе доктора. Поначалу все шло хорошо; но затем мы поплыли в Макао искать работников. И эта пустая прогулка при совершенно ясной погоде сталкивает нас с бандитами моря; на нас нападают, грабят и вдобавок, запирают. У нас безвыходное положение, и мы втроем — третий почти дитя — сидим сложа руки на неизвестном подводном рифе, недалеко от берегов Новой Гвинеи.

— Уж не думаешь ли ты, — смущенно возразил Пьер, — что последнее наше несчастье — дело рук наших врагов?

— А почему бы и нет?

— Время тратится впустую; пора, наконец, взять и реванш. Вот причины, по которым нам надо во что

бы то ни стало и как можно скорее возобновить наше прерванное плавание, добраться, наконец, до цивилизованных стран и бороться, бороться до конца со злом.

Пробыв на пустынном острове до полудня, путешественники спустили пирогу на воду и, запасшись немалым количеством черепашек, оставили вскоре далеко за собой коралловый риф, кратковременное пребывание на котором пробудило в них так много дорогих и вместе с тем полных драматизма воспоминаний.

Четыре дня они находились уже в плавании, не встречая на своем пути ничего, кроме нескольких больших земель, отделенных группой островов, принимаемых Фрикэ, и не без основания, за острова Антрекасто. Их обитатели, чернокожие, с которыми встречалась пирога французов, столь же гостеприимны, судя по проклятиям и угрожающим жестам, что и жители острова Вудларка.

Высадиться на берег было решительно невозможно, к великому огорчению Пьера, которому хотелось отдохнуть именно на земле, а главное, полакомиться чем-нибудь более питательным, чем вся эта мелочевка, захваченная на скорую руку.

К Фрикэ неожиданно снова вернулась его обычная веселость, и он, забыв все бывшие невзгоды, беспечно потешался над самим собой и над своими товарищами.

— Мой начальник Пьер, — говорил он, — сильно занят своим голодным желудком. Пускай он подождет немного, и его угостят, как в самом лучшем бульварном ресторане.

— Гм! — злился добродушный моряк. — Бульвары! Ох, как далеко они от нас. А ты с такой охотой уничтожаешь всю эту дрянь, как будто она приготовлена из самой лучшей пшеничной муки...

— Дрянь? Вот как! — перебил его Фрикэ. — Дрянь! Эти кокосы, бананы... Да я и у тетушки Шеве не видал ничего подобного.

— Молчи, бездельник; сейчас видно, что в продолжение целых пятнадцати лет ты не умирал ни разу с голода.

— А разве ты не знаешь, что по воздержанности я превзойду и самого верблюда.

— Так чего ж ты хнычешь?

— Совсем не хнычу. Меня убивает лишь то, что мы совсем не продвигаемся вперед и что теряем время совсем по пустякам. А это так невыносимо. Не правда ли, Виктор?

— Ui, messel, — застенчиво ответил молодой китаец.

— «Да, сударь, нет, сударь», нечего сказать, разнообразен твой разговор, мой милый мальчик, — продолжал Фрикэ. — Нас здесь всего трое и все мы друзья, не так ли? К чему все эти глупые церемонии? Выбрось ты их, как вещь совсем ненужную. Зови каждого из нас просто по имени.

— Ui, messel.

— Говори: Фрикэ, Пьер де Галь.

Бедный Виктор молчал, еще слово — и он, кажется, разрыдался бы.

— Да будет тебе, дурачок, ты видишь, мы шутим. Хохочи вместе с нами. Называй нас, как тебе вздумается. Ты милый, маленький человек, и мы оба любим тебя от души.

И старый моряк протянул Виктору свою мускулистую руку, а Фрикэ, глядя на него своими добрыми глазами, всячески старался успокоить мальчика:

— Да ну, перестань печалиться. Мы дети Парижа... Париж это Пекин Франции, мы все от природы немного насмешливы, но зато мы люди сердечные, и уж если кого полюбим, преданы ему, как пудель своему хозяину... Вот и опять сболтнул, ну какой смысл толковать о пуделе уроженцу страны, где собаки все голы, как череп мудреца... А! Господин Пьер, настала, наконец, и ваша очередь полакомиться. Сейчас можно будет разжиться кое-чем и для вас. Вы знаете, что такое саго.

— Нет, не знаю.

— Ну, так узнаете. Итак, приготовимся-ка к высадке на берег; через несколько часов мы будем в Новой Гвинее.

— Ты думаешь, что мы, наконец, у берега и что наши странствия окончены?

— Я в этом уверен, если только, — но это, кажется, исключено, — мы не сбились с пути.

— О, за это я ручаюсь.

— И я тоже. Тем более, что эта высокая цепь гор, так отчетливо вырисовывающаяся на горизонте, может принадлежать только большой земле. Но вот что хорошо: чем обширнее земля, тем меньше она населена.

— И тем паче людоедами.

— В большей части, конечно, да. Может быть, нам посчастливится напасть и на каннибалов. Все зависит от случая. Во всяком случае, такого приема, какой нам

был оказан на острове Вудларке, нам нечего опасаться. Папуасы, населяющие этот материк, общаются с европейцами.

— Ты говоришь, материк?

— Мне кажется, что Новую Гвинею можно вполне так назвать, ведь после Австралии это самый большой остров на земном шаре.

— Неужели?

— Если память мне не изменяет, он имеет площадь четырехста лье длины на сто тридцать ширины, и поверхность его равняется сорока тысячам географических миль *.

— Лакомый кусок суши, нечего сказать.

— Но к сожалению, малоизвестный. Западный берег еще посещаем, там даже есть несколько голландских учреждений, но здесь-то уж точно ничего подобного нет.

— Вернемся к жителям...

— Жители, по мнению одних исследователей, — помесь малайцев с эфиопами.

— По-моему, они не походят ни на тех, ни на других.

— Вот в этом я с тобой вполне согласен. Их делят даже на две группы: арфаки, или горцы, и папуасы, или береговые жители.

— Папуасы?

— Да! Ведь ты, конечно, знаешь, что Новую Гвинею называют иначе Папуасией; название же «арфаки» произошло, по всей вероятности, от одноименной цепи гор. Но делать вывод, что жители внутренней страны тоже арфаки, пожалуй, будет немного рискованно.

— Впрочем, какое нам до всего этого дело?

— Напротив, папуасы, или береговые жители, не помню, где я читал про них, менее свирепы, чем горцы. Помнится даже, жители деревеньки Дорей, где есть голландская резиденция, живут в больших ладах как с белыми, так и с малайцами, доказательством чего служит тот факт, что когда путешественники или купцы пристают к берегу со стороны гор, папуасы с ужасом им кричат: «Арфаки! Арфаки!»

— А далеко эта деревенька Дорей, жители которой в сношениях с цивилизованным миром?

---

* Географическая миля равна 7420 м. — *Прим. ред.*

— Около четырехсот лье отсюда на северо-восток, а мы как раз находимся на юго-востоке.

— Ах, черт побери! Надо много времени, чтобы миновать этих арфаков.

— Мне кажется, лучше миновать всю эту местность и направиться на Буби.

— Это еще что такое?

— Я уже говорил, что готовлю тебе сюрприз.

— Это очень любезно...

— Во всяком случае, остановиться где-нибудь необходимо; надо отдохнуть после утомительного переезда с «Лао-Дзы» и запастись провизией... Я вот что предлагаю. Пристав куда-нибудь, мы тотчас же выберем сообщда надежное место, где спрячем наше оружие, провизию и инструменты, — одним словом все, что нельзя взять с собой.

— На наше счастье, в гротах здесь нет недостатка.

— Потом мы спрячем нашу пирогу так, чтобы о нашем прибытии никому не было известно.

— Превосходно! Твой проект я вполне одобряю. Теперь остается только привести его в исполнение... Вот и земля... причаливай потише.

Высадка на берег обошлась без всяких приключений, и план парижанина был тотчас же приведен в исполнение. Когда пирога и все ее содержимое были тщательно спрятаны, путешественники, захватив с собой оружие, топор и пилу, направились в глубь материка.

Через несколько минут они покинули побережье и очутились, точно по волшебству; среди восхитительной растительности. Представьте себе бесконечный луг, прихотливо убранный гигантскими роскошными растениями и фантастически разбросанными там и сям мелкими кустарниками. Мимозы, тропические растения, индийский дуб, мускатное дерево, коричневый лавр, хлопчатник, хлебное дерево, всех сортов пальмы, папоротники, бобовое растение с чудного цвета листвою, гигантские «не-тронь-меня», верхушки которых сплелись вместе и образовали вечнозеленый непроницаемый свод, — все усеяно крупными яркими цветами и перевито ползучими лианами.

Любуясь этой замечательной картиной, Фрикэ все-таки не забыл принять необходимые меры предосторожности. Проворно, одним взмахом топора он делал на стволе гигантских ятрышников чуть заметные зарубки.

Пьер через минуту появился, волоча уродливое четвероногое

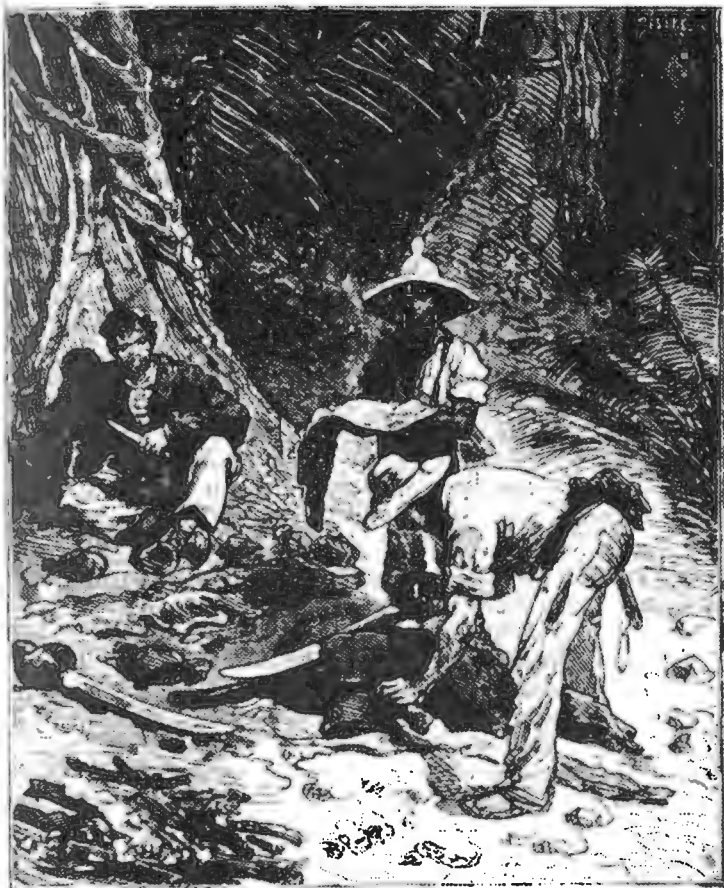
— Это для того, чтобы отыскать дорогу назад.

— А вот это для завтрака, — живо проговорил Пьер де Галь, стреляя в сторону кустарника.

Целая стая голубей с шумом вылетела из-за густой листвы, а попугаи, разбуженные этим не привычным для них шумом, взапуски тараторили и громко протестовали против такой обиды.

— Завтрак-то от нас улетел, мой старый дружище Пьер.

— Ну, голодные, сейчас мы примемся за дележ добычи

— Куда пялишь свои глаза? Мой завтрак не сидел так высоко, и если б ты видел, как он галопировал сейчас, подпрыгивая, как лягушка величиною с целого барана; вот была потеха-то...

Пьер кинулся в кустарник и через минуту появился оттуда, волоча за ногу уродливое четвероногое, шелковистая шерсть которого, светло-серого цвета, была пробита пулей.

— Погляди-ка, съедобное ли это?

— Э! Э! Это съедобное. Счастливая у тебя рука для дебюта. Это прелестное кенгуру.

— Ну и чудесно. Разделаем-ка поскорей животное, а ты, чтобы не терять времени, разводи костер.

— Какое нетерпение...

— О, что касается меня, я готов сейчас съесть котлеты из слоновьего мяса, тигровое филе, даже филе бешеной собаки не побрезговал бы.

— А! Так вот она такая кенгуру. Я очень доволен за всех нас. Как хотите, а животное это пресмешное; задние ноги длиннее передних чуть не в шесть раз, хвост в аршин, а голова хорошенькая, как у гачели.

— Ну, несчастные голодные, сейчас мы примемся за дележ добычи! Нет ни хлеба, ни вина, зато мяса вдоволь.

— Если б ты захотел подождать, можно было бы разжиться и тем, и другим.

— Подождать, когда я голоден, как провиантская крыса!.. Ты сошел с ума, мой милый!

Недолго, однако, пришлось дожидаться Пьеру. Костер ярко пылал, и кенгуру, надетая на тонкий вертел, превосходно жарилась, распространяя запах, возбуждающий аппетит.

Фрикэ вместе с Виктором, пока их друг с широко раздутыми ноздрями наблюдал за жарким, исчезли и вскоре вернулись нагруженные оба, как мулы контрабандистов.

— Вот тебе и десерт, обжора ты этакая. Бананы, манговые ягоды и ананасы. Ты доволен?

— Как адмирал.

— Так примемся же поскорей, ведь и мы голодны, как волки.

Когда волчий аппетит был несколько удовлетворен, Фрикэ, ко всеобщему удивлению, не раскрывший рта во время еды ни разу, заговорил первый:

— Вот когда мы порядком подзакусили, друзья мои, если только вы захотите послушать моего совета, займемся сейчас же заготовкой провизии на будущее. Такой случай, как теперешний, редко выдается, тем более, что Полинезия, если верить, конечно, путешественникам, страна не богатая дичью.

— Что касается меня,— отвечал Пьер,— я готов делать теперь все, что от меня потребуют, хоть снова сейчас в открытое море. Ну, говори, что тебе нужно от нас, Фрикэ.

— А вот что. Наш бот может вместить две тысячи килограммов провизии.

— Матрос должен был сказать две тонны.

— Ну, положим, две тонны. Мы находимся вначале длинного путешествия. Кто из нас может поручиться, что нам снова посчастливится удачно где-нибудь посадиться и разжиться провизией? Стало быть, нам необходимо теперь же запастись провиантом и притом в таком количестве, чтобы плыть вперед, не приставая к незнакомому нам берегу.

— Это очень хорошо, мой милый, не поручишься ли ты, что наш запас не превратится через некоторое время в гнилье?

— Поручусь... Мука, а также мясо и рыба, если только нам посчастливится запастись и тем и другим, сохраняются непременно. Мясо и рыба продержатся обязательно две или три недели, а мука месяцев шесть, а то и более.

— Что касается мяса и рыбы, пожалуй, ты и прав. И то, и другое может быть и прокопчено, и посолено, но мука... а за каким чертом ты возьмешь муку?

— А саго?

— Ну!

— Мы отправимся сейчас на поиски саговых деревьев и завтра с рассветом примемся за сбор.

— Стало быть, по-твоему, саговое дерево то же самое, что и хлебное, плоды которого вместо рыхлого теста, пожалуй, даже вкусного, содержат в себе чистую муку? Я припоминаю теперь, что кое-что слышал об этом.

— Слышал-то ты слышал, да хорошенько не вслушался, мой милый дружище. Самый ствол дерева содержит эту питательную массу, которая для жителей Полинезии то же, что маниок для обитателей тропической Америки; одним словом, масса эта вполне заменяет хлеб. Однако бесконечные разговоры и длиннейшие описания здесь ни к чему, это нужно видеть собственными глазами. Почва здесь самая благоприятная для произрастания сагового дерева. Местность болотистая, вода солоноватая. Одним словом, я уверен, что найду много саговых деревьев. Итак, скорее в путь. Посмотри-ка, видишь этот ствол, почти горизонтально пригнутый к земле и одетый густой листвой, а на верхушке огромный букет цветов?

— Это-то и есть саговое дерево?хлопот нам будет не

особенно много; какое странное, однако, сооружение. И всегда они так низко клонятся к земле?

— На такой земле, как эта, совсем не редкость встретить иногда целые заросли саговых деревьев, буквально вытянутых по земле. Впрочем, эта особенность отнюдь не препятствует силе их роста, питательным качествам.

— Мы сейчас примемся за сбор?

— Зачем? Скоро уж наступит ночь. Лучше займемся сейчас устройством какого-нибудь шалаша в надежде на богатую жатву. С помощью нескольких тонких жердочек, искусно прикрепленных к двум деревьям, и восьми-десяти листьев сагового дерева нам, авось, удастся сварганить прекрасное помещение. Сбором же займемся завтра.

Глава VIII

Матрос, потом дровосек и, наконец, мельник. — Хозяйственные принадлежности для приготовления муки у папуасов. — Различные блюда из муки. — Импровизированный котел может взорваться. — Неожиданные страшно проголодавшиеся гости. — Два негра. — Типы людоедов. — Преимущество знаний малайского языка. — Неожиданное нападение.

Болтовня и свист попугаев, славивших восход солнца, разбудил троих друзей, проспавших целую ночь крепким, беспробудным сном.

— Живо за работу, дети мои! — вскричал Пьер, вскочив на ноги первым. — Солнце ярко светит, топоры наши остры, и нам ничего не нужно, кроме проворства, чтобы сбор вышел на славу.

— Как, — ответил парижанин, припоминая вчерашний аппетит своего друга и крайнее нетерпение, с каким он старался его удовлетворить, — как, натошак и за работу?

— Милый мой, не все праздник. Вчера за наше долготерпение мы были вознаграждены вдвойне, а сегодня за работу, закусим после.

— Будь по-твоему. Итак, живо, тем более, что скоро наступит такая жара, что нам волей-неволей придется остановиться.

— А что ты хочешь, нет на свете стран хуже экваториальных, где солнце превращает тебя в какую-то тряпку, разжижает твой мозг, уподобляя его молоку кокосового ореха, мутит его и одурманивает.

— Да, разница немалая между этим испепеляющим солнцем и тем благодатным, на котором весело зреют вишни Монморанси или поспевают виноград в Сюренах.

— Но все-таки нужно быть и справедливым. Взгляни-ка на эти гигантские деревья, эти прекрасные плоды, эти роскошные цветы; быть выброшенным бурей здесь — чистая благодать; и что касается меня, я предпочту во сто раз охотнее коптиться в обществе кайманов или гремучих змей, чем замерзать и коченеть в Ледовитом океане.

— Я не спорю с тобой. Но ты должен все-таки сознаться, что эти долгие ночи, жаркие до одурения, ослабляют и душу, и тело. В самом деле, ночь тянется двенадцать часов, наступит день — плодотворно можно работать с шести до девяти утра и затем с трех до шести вечера, а все остальное время, то есть восемнадцать часов в сутки, жариться, как в пекле.

— Однако пора за работу.

— Идем, и, чтобы не тратить попусту драгоценного времени, я займусь сейчас, с твоего, конечно, позволения, распределением работы. Первым делом надо срубить это кокосовое дерево и обобрать с него дюжину орехов, еще не совсем спелых.

— Готово! — ответил Пьер, ударив пять или шесть раз топором по тонкому стволу, со стоном повалившемуся на землю.

— Видишь этот волокнистый мешок из тонких нитей табачного цвета, обрамляющий у основания побег каждого ореха?

— Обоими глазами.

— Он-то и послужит нам ситом при собирании саго. Смотри же, снимай мешки осторожно, не разрывай их.

— Ну, вот так.

— Теперь каждому из нас нужно запастись толстой дубиной.

— Это легко. Изготовление каждой займет не более пяти минут, и в четверть часа все три будут готовы.

— Ладно, а теперь выберем дерево. Вот это, мне кажется, самое пригодное для нас. Оно и не высоко, и не толсто: всего шесть метров в высоту, один метр двадцать пять сантиметров в диаметре, — и кажется полностью пригодной муки, по крайней мере, судя по этой золотистой пыли, обильно покрывающей листья у их основания.

— Надобно разобрать его на части.
— Сейчас. Но прежде нам надо приготовить ступку, пестики же у нас есть.

— Это верно. Но где ты возьмешь эту ступку?

— Ступка у нас есть, но... занята пока.

— Ничего не понимаю!

— А это очень просто. Плотная часть ствола дерева не более трех сантиметров; проведи легонько пилой вокруг ствола, отсчитав двадцать пять сантиметров от земли.

— Ах, черт возьми! Какое плотное дерево!

— Хорошо еще, что оно не слишком толсто. Вот оно и отделилось от пня. Взгляни-ка на эту массу, наполняющую оба ствола.

— Да она похожа цветом на кирпич.

— Это только внизу; чем выше, тем она становится светлее. Несколько ударов живо обратят в пыль то, что наполняет пень.

— Наконец, я догадался. Пень сагового дерева и послужит нам ступкой. Фрикэ, ты просто волшебник.

— Теперь, когда запаслись первою необходимою нам посудой, нам надо раздобыть корыто и корзины.

— Выделкою корыта мы займемся сами. Виктор должен приняться за изготовление корзинок. Эти гигантские листья могут быть легко превращены в корзины, в каждую из которых свободно уместится двадцать килограммов муки. Края листьев редкой прочности, что касается прожилок посредине, их мы приспособим для других целей.

— Ну, Виктор, развернись и сделай нам каждому по корзине.

— Ui! Ui! С удовольствием.

— Корыто же, которое нам придется тащить на берег ручейка, весело журчащего, если меня не обманывает слух, недалеко от нас, мы сделаем из дерева, вырубленного с другой стороны ствола, подле самого букета цветов.

Изготовлением корыта парижанин занялся лично сам и, надо отдать ему справедливость, с большим искусством. Употребив в дело топор, пилу и абордажную саблю, он искусно содрал с дерева полукруглую широкую полосу коры, которую и затянул сеткой, сделанной из волокон мешка, покрывающего у основания придаток кокосового ореха.

— Вот готово и корыто, а вдобовок снабжено ситом. Ну, Виктор, что подделывают твои корзины?

— Сейчас, Фликэ, сейчас! Мой сделал уже две, скоро будет готов и третий.

— Разобьем теперь на отрезки не длиннее метра наше дерево и примемся за извлечение питательного вещества.

— Сколько надо, однако, предварительных работ, чтобы получить эту плотную массу, так похожую на сушеные яблоки. А что, не завязнут ли в ней руки, как в только что во взбитом масле?

— Попробуй.

Силач матрос проворно засучил выше локтя рукава рубашки, обнажив таким образом руки атлета с мускулами, крепкими, как толстые веревки.

— Я буду извлекать оттуда массу точно так же, как выгребает бретонская хозяйка сливочное масло из маслостойной кадки.

Фрикэ насмешливо улыбался.

Пьер де Галь запустил обе руки в плотную массу, усиленно рванул и... стыдливо опустил глаза, видя всю бесполезность дальнейших усилий.

— Жалкий хлебный подмастерье, ничего не смыслящий! — выругался он, делая гримасу. — Тесто прикреплено к квашне.

— Именно прикреплено, — засмеялся Фрикэ. — Посмотри-ка, — продолжал он, разгребая тихонько саблей мучнистую пыль и обнажая тонкие деревянистые волокна, горизонтально пересекающие мягкое вещество, — видишь эти тонкие бечевки?

— Да, да, вижу! Чем теперь уничтожить эти проклятые веревки, так прочно угнездившиеся в самом стволе?

— Для этого у нас есть дубины. Примемся же толочь ими плотную массу, разорвем волокна, и освобожденная мука посыплется прямо в ступку.

— Хорошо, а потом?

— Поведем работу по порядку. А после увидим.

И два друга, оба замечательные силачи, вооружились длинными пестами и принялись усиленно толочь плотную массу, которая, будучи обращенной в порошок, посыпалась в изобилии в приготовленную ступку.

Цилиндр, за минуту до того полный питательных веществ, был теперь совершенно пуст; его стенки оказались не толще трех сантиметров, и теперь своей пустой формой он напоминал водосточную трубу.

— Поступим так же и с другими частями, обратив все содержимое их в грубую муку, затем, хорошенько промыв ее, посмотрим, что делать дальше.

— Вся эта работа отнюдь не кажется мне трудной или утомительной. В самом деле, это замечательно: за-
пасться так быстро съестными припасами и употребить на это так мало труда.

— Но вот что бесконечно удивляет меня: дикари, населяющие эти благодатные страны, изобилующие рыбой, дичью, а вдобавок и этой конфетной мукой, находят все-таки возможным предаваться каннибализму.

— Это тем более удивительно, что самый плохой работник, каким представляется, конечно, любой из этих лентьев-дикарей, может свободно в течение дней шести сделать полный запас на весь год.

— Просто отказываешься верить; в наших краях самые искусные рыболовы и трудолюбивейшие земле-
пашцы, трудясь в поте лица в продолжение целого года, еле успевают обеспечить себя на полгода.

— Да, — ответил Фрикэ, тяжело вздыхая, — когда я думаю о своей жизни, полной труда и всевозможных лишений, я не могу удержаться, чтобы не воскликнуть: «Как счастливы жители жарких стран!»

— Судите сами, — продолжал он, не переставая толочь муку. — Дерево, например, такое, как это, семи метров в высоту и одного метра тридцати сантиметров в диаметре, может дать тридцать таманов, или свертков, каждый в пятнадцать килограммов. Из каждого тамана можно приготовить шестьдесят пирогов, весом каждый в четверть килограмма. Двух таких пирогов совершенно достаточно для обеда, а пяти — на целый день. Эти восемнадцать сотен хлебов, весящих все вместе четыреста пятьдесят, а то и все пятьсот килограммов, составят пропитание на год и вдобавок достанутся без особого труда, ибо два работника могут управиться с деревом в пять дней, а две женщины за то же время могут наготовить хлебов. А так как крахмал сохраняется превосходно и в сыром виде, то менее чем в десять дней можно сделать запас на целый год.

— Ну, после этого нечего и удивляться тому, что дикари так любят бражничать. Этот легкий способ прокормиться может породить самую убийственную лень.

— Черт побери! Да вдобавок еще в этих странах, совсем диких и необитаемых, такая работа представляет несравненно меньше трудностей, чем в странах

до некоторой степени цивилизованных, как, например, на Моллукских островах, Сероме, Мальдивских островах, Суматре и Амбоине, называемых «странами саго», где добывается и вывозится большая часть этого ценного, питательного вещества, которое в таком большом ходу в Европе. Этот легкий способ пропитания имеет и обратную сторону. Жители добавляют к своему рациону лишь небольшое количество рыбы, а все свободное время, которого у них положительно излишек, они употребляют на грабежи или рыбную ловлю около соседних островов. Они не считают нужным возделывать землю и впадают в жалкое существование, несмотря на плодородие почвы.

— Если твой расчет верен, мой милый, а я в этом убежден, нам, чтобы обеспечить себя пищей на три месяца, придется трудиться всего полтора дня.

— Это вполне справедливо, и нам совсем не потребуются чрезмерные усилия, тем более, что самое трудное уже сделано. Сегодня после полудня мы перенесем все собранное нами в корзинах, приготовленных для нас Виктором, к ручью. Потом все это промоем.

— Каким же образом?

— Самым простейшим. Мы устроим наше корыто на берегу реки, выбрав место поглубже, наполним его водой и начнем просеивать муку сквозь сито; отсеянное будем старательно перемешивать в воде, чтобы крахмал поскорее разошелся и осел на дно. Весь мусор останется, таким образом, на поверхности. Крахмал быстро образует густую массу; когда она плотно уляжется, ее надо будет процедить, дать стечь воде и затем просушить в тени. А чтобы избежать лишних хлопот при погрузке, надо будет скатать ее в хлебы весом от десяти до двенадцати килограммов и тщательно завернуть в листья сагового дерева. Приготовленные таким образом, они сохранятся весьма долгое время.

— И что за счастливый случай занес нас сюда! Положим, мы рискуем быть съеденными, но зато можем быть твердо уверены, что, отправляясь из этой благодатной страны в далекое плавание, не умрем с голода.

Оставим троих путешественников заниматься своей работой и скажем еще несколько слов о саговой пальме и о саго, этой океанской «пшенице», превосходящей по своим качествам и питательности даже маниок, манну обитателей Южной Америки.

Листья этого дерева служат для разнообразных це-

лей; жилки, проходящие по середине гигантского листа, могут с успехом заменить бамбук. Лист от трех до пяти метров длиной, мясистый у основания, точно обтянутый сверху тонкой, удивительно крепкой кожей, годен для постройки шалашей и может служить также вместо балок в зданиях, построенных из другого материала. Листья, уложенные на плоскую поверхность, образуют пол. Подобранные одинаковой величины и формы, скрепленные вместе и гладко отесанные, они заменяют доски, превосходя последние по своим качествам, не говоря о том, что стоят гораздо дешевле, они никогда не коробятся, не требуют ни окрашивания, ни покрытия лаком, не плесневеют, не подвержены гниению и вдобавок еще могут противостоять страшным тропическим ливням. Поэтому-то этот прекрасный строительный материал в последнее время заменил все остальные при постройке жилищ европейцев в этих странах. Никакая постройка не может сравниться по прочности и красоте с этими шалашами ровного темного цвета, возведенными исключительно из одних листьев саговой пальмы, укрывающей и питающей сотни тысяч людей.

Что же касается муки, она не столько полезна, сколько питательна; из нее можно приготовить и разные кондитерские изделия. В сыром виде, прокипяченная один раз в воде, она образует студенистую массу, слегка вязкую, которую едят, добавив в нее соли, лимона и индийского перца; сделанные же из нее маленькие пирожки превосходны, особенно, если приправить их соком сахарного тростника и толченым кокосовым орехом. Блюдо получается нежное и необыкновенно вкусное.

Верхушку саговой пальмы венчает огромный букет, похожий на букет капустной пальмы. Срезанный кочан вместе с индийским перцем кладется в бамбуковый ствол толщиной с человеческую ногу. Ствол, плотно закрытый со всех сторон, ставится на огонь. Когда этот импровизированный котел совершенно обуглится, что происходит через четверть часа, блюдо готово и с хлебом из саго чрезвычайно вкусно. Здесь следует упомянуть о маленькой предосторожности, соблюдение которой при изготовлении этого вкусного блюда непреложно. Во время варки нужно подальше находиться от огня, потому что иногда импровизированный котел разрывается как бомба. Неприятность выходит двойная: останешься без обеда, к тому же рискуешь окриветь.

Наконец, пушок, покрывающий молодые листья.

идет у туземцев на изготовление очень оригинальных тканей, жилки — на выделку прочнейших снастей, из плодов готовится хмельной напиток, очень приятный на вкус, и водка, чрезвычайно крепкая. Вот самое полное описание саговой пальмы.

Промывка муки и выделка из нее хлебов давно уже были окончены, и ответственная операция просушки, порученная Виктору, подходила к концу. Три друга после кратковременного и благодатного пребывания в юго-восточной части Новой Гвинеи помышляли уже о дальнейшем путешествии. Фрикэ и Пьер де Галь мирно беседовали, а молодой китаец, сидя под деревом, внимательно следил за процессом сушки, усердно перенорачивая крахмалистые хлебы, разложенные в тени. Парижанин, растянувшись на спине и приподняв вверх ноги, рассеянно следил за проказами попугаев, а моряк, лежа на животе и упершись подбородком на сложенные крестообразно руки, продолжал интересную беседу, пересыпая ее вычурными выражениями, свойственными лишь ему одному.

Внезапный звук быстрых шагов, потом сдерживаемого дыхания запыхавшегося человека заставили их поворотно вскочить на ноги. Фрикэ первый поднялся и схватил саблю, моряк вооружился дубиной, служившей перед этим для размалывания саго.

Виктор же, не на шутку перепуганный, позеленел от страха, рот его искривился, глаза расширились; он кинулся к своим товарищам, показывая пальцем на густую зелень, которую он только что раздвинул. Бедный мальчик, несмотря на смертельный испуг, не издал ни звука. Тело его конвульсивно съежилось, но сильная воля не изменила ему ни на минуту.

— Виктор, — тихо обратился к нему Фрикэ, — что это с тобой? Ты весь дрожишь. Уж не наступил ли ты на хвост змеи, или не увидел тигра, пожелавшего впустить свои острые когти в твои икры?

— No, messel, — пролепетал он, — по... не дикий звель... дикали... там.

— Дикари!.. А сколько их?

— Двое.

— Только двое? Ну, из-за таких пустяков не стоит так волноваться, мой дорогой малютка. Ты позеленел от страха и похож сейчас на недозревший лимон.

— А где они, эти самые дикари?

— Там... в лесу.

Перед путешественниками предстали два странных существа

— Кто там есть? — громко и самым доброжелательным тоном произнес парижанин. — Покажитесь, пожалуйста.

Это любезное приглашение возымело полный успех.

Густые ветви раздвинулись во второй раз, и перед путешественниками предстали два странных существа. При виде вооруженных людей они сначала смутились, несмотря на то, что сами были вооружены с головы до ног; Фрикэ, заметив их миролюбивое расположение духа, тотчас же швырнул на землю свою саблю и, весело улыбаясь, пошел им навстречу.

— Ах! Черт возьми! — проговорил он насмешливо. — Да они уродливы, как обезьяны, и грязны, как плетенка старьевщика.

— Ну, этого нельзя сказать, — возразил Пьер де Галь, — а все-таки ушат воды и швабра им, кажется, не повредили бы; впрочем, они явились сюда, видимо, не с худыми намерениями. Добро пожаловать, дорогие гости!

Дикари, пораженные этим потоком слов, не двигались с места. Среднего роста, чуть больше полутора метров, с медными браслетами на руках и ногах, с кольцами, продетыми в ноздри и уши, они были и смешны и жалки.

От их тела, покрытого густым слоем грязи, и ног, снизу доверху в ссадинах, распространялось такое зловоние, что стадо кайманов пришло бы в неопишемую радость.

Несмотря на раны и комья грязи, их черные мускулы тела были сильны и крепки, но красотой и пропорциональностью сложения они уступали настоящим папуасам. Колени их были искривлены, ступни совершенно плоски, шея необыкновенно коротка. Что же касается головы, она существенно отличалась от головы антропофагов*, населяющих остров Вудларк. Огромная, круглая, она казалась лишь слегка обрисованной совсем неумелым рисовальщиком. Брови большие и мясистые, как у человекообразных обезьян, из-под которых глядят маленькие злые глазки; толстый, приплюснутый нос; четырехугольные, сильные, как у дога, челюсти и толстые, мясистые губы, — одним словом, вся физиономия напоминала раздавленную маску.

Волосы их, слегка курчавые, были заплетены в мелкие косички и спускались на затылок, как колосья маиса; толстые круглые браслеты из меди украшали руки; у одного из дикарей в ноздре было продето огромное костяное кольцо, как-то странно обрамлявшее рот, у другого же небольшая кость, продетая в ноздри, уродливо выворачивала их. Плечи и грудь были испещрены голубыми и красными рубцами, — то были остатки давнего татуирования.

Вооружение их состояло из длинного двухметрового копья с бамбуковым концом, рукоятка которого была украшена огромной кистью из перьев казуара, и лука

---

* людоедов. — *Прим. ред.*

из каштанового дерева с тетивой из индийского тростника. Стрелы совершенно прямые, тонкие, полутораметровой длины, были выточены из бамбука и оканчивались своеобразным веером из множества мелких косточек. Это оружие, если верить самым правдивым исследователям, страшно только своим внешним видом, так как папуасы весьма неискусные стрелки.

Оглядев с ног до головы троих друзей и оставшись совершенно довольными произведенным осмотром, они скорчили жалкую гримасу и похлопали себя по животу, желая показать этим красноречивым жестом, что они голодны.

Фрикэ, тотчас же понявший эту выразительную пантомиму, не замедлил ответить им:

— Вы явились к нам как раз вовремя. Вчера мы были бы в большом затруднении пригласить вас откусывать, сегодня же совсем другое дело, кладовая наша полна... Но и лишние разглагольствования ни к чему, вот чем мы вас попотчуем.

И он протянул дикарям целый сверток саго, остатки кенгуру и огромный кусок капусты саговой пальмы.

Невозможно описать восхищения, отразившегося на физиономиях дикарей при виде столь обильного угощения. Широкая улыбка пробежала по их мясистым губам, открыв двойной ряд зубов, белых, как слоновая кость. Не теряя времени, два рта, или скорее, две пасти, широко раскрылись, улыбка исчезла, и они принялись уничтожать все предложенное им с поспешностью, указывающей на невообразимую крепость их челюстей. Пиршество продолжалось четверть часа, в течение которой только и слышался скрип зубов, сопровождаемый беспрестанными подмигиваниями, гримасами, кривляньем, казалось, что ел не только рот, а все существо дикаря. Наконец эта гимнастика кончилась, дикари наелись до отвала и довольным голосом протянули: «Ох!»

Затем они обменялись несколькими словами на неизвестном языке, к неудовольствию Фрикэ, которому очень хотелось потолковать с ними.

Но вдруг, к его великой радости, Виктор, спрятавшийся где-то в кустах при виде их отвратительного обжорства, превозмог свой страх, приблизился к дикарям и ответил.

— Скажи, пожалуйста, разве ты говоришь по-папуасски? — спросил удивленный парижанин.

— Нет, Фликэ. Дикали говорят по-малайски! А я понимаю этот язык.

— По-малайски! Они говорят по-малайски, но тогда значит, недалеко есть какой-то очаг цивилизации. Это может изменить наши планы.

Надежда эта была, увы, несбыточна. Вот что передал ему Виктор, переводчик, конечно, очень усердный, но собственная речь которого требовала по временам разъяснений.

Эти два дикаря были из племени каронов*. Покинули они родину очень давно. Когда они отправлялись в путь, их было много, но их войско было уничтожено могущественным неприятелем, жестоко преследовавшим их. Все их товарищи были съедены; они остались вдвоем, блуждая с места на место, как отверженные.

— А мне кажется, — заметил Фрикэ, выслушав переводчика, — что одного беглого взгляда на их физиономии вполне достаточно, чтобы выдать им без предварительного экзамена диплом антропофагов. Спроси-ка у них, едят ли они человеческое мясо.

Этот вопрос заставил дикарей громко расхохотаться. Их отвратительные зверские физиономии осветились желанием отведать лакомого блюда, и они поспешили ответить утвердительно, как будто каннибализм был самой естественной вещью в свете.

— А много ли съели они людей?

Один из них скромно вытянул свои обе руки, показывая таким образом, что он участвовал в десяти таких обедах. Другой показал сначала обе ноги, потом и руки.

— По скромным подсчетам выходит двадцать. Это славно. Оригинальный способ решать социальные и демографические проблемы страны.

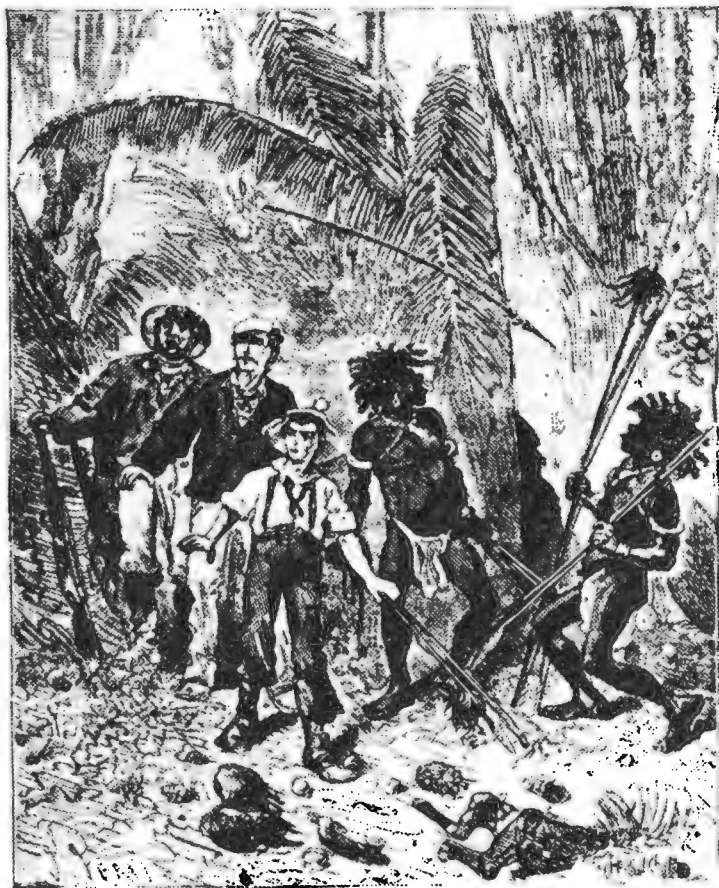
Виктор после длинного разговора, сопровождавшегося выразительной пантомимой, продолжал свой интересный перевод, из которого Фрикэ уразумел, что кароны никогда не позволяют себе наброситься на первого встречного. Они пожирают лишь трупы врагов, павших на поле сражения.

— Тонкое различие, нечего сказать. А все же, кто знает, может быть, самым существенным мотивом к этому чудовищному зверству служит постоянный голод.

---

* Кароны живут в северо-восточной части Новой Гвинеи, около Амбербаки, деревеньки, расположенной в 75 лье от Дорей. Они не принадлежат к племени папуасов; это негры, которые приближаются к первобытным дикарям Филиппинских островов.

Длинная стрела вонзилась в ствол банана

— А саго? — внушительно перебил его Пьер де Галь. — Им лень нагнуться и взять... Им лень взяться за работу, позволяющую в десять дней сделать годовой запас.

— Я не собираюсь оправдывать, но...

Пронзительный свист прервал речь парижанина, и длинная стрела вонзилась в ствол банана, как раз над головой карона.

Бедный дикарь задрожал от страха и упал на землю.

Пьер и Фрикс схватились за ружья и стали в оборонительную позицию.

— Ну,— пробурчал парижанин.— Мы совершенно спокойно прожили несколько часов. А теперь снова готовится резня.

Дикий вой прокатился по огромному лесу. Ветки гигантских деревьев, беспрестанно раздвигаемые, гнулись во все стороны...

Глава IX

Нашествие папуасов.— Пьер де Галь и Фрикс приняты за антропофагов.— Предводитель дикарей Узинак.— Ресурсы парижанина.— Инструментальный концерт.— Страсть папуасов к музыке.— Уроженцы Новой Гвинеи не нуждаются в продолжительном сне.— Chef d'œuvre * морского строительного искусства туземцев.— Рабство в Папуасии.— Горцы и береговые жители.— Различия в темпераменте и привычках.— Деревенька, выросшая на озере.— Вход в воздушное помещение.— Дома с решетчатым полом.— Опасность поскользнуться.— Хождение по узкому коридору требует большого мастерства в гимнастическом искусстве.

С дюжину папуасов, вооруженных луками и стрелами, выскочили из леса и мгновенно окружили двух каронов, физиономии которых выражали смертельный испуг. Европейцы, верные своему обыкновению никогда не нападать первыми, как люди миролюбивые и, кроме того, уверенные в своей силе, не двинулись с места. Дикари, рассчитывавшие, быть может, иметь дело с одними каронами, при виде белых на миг смутились; казалось, их поразило присутствие европейцев в таком месте и в таком обществе.

Они обменялись между собой словами и жестами; заметив, однако, полное бесстрашие парижанина и бретонского моряка, их готовность каждую минуту отразить нападение, а также при виде двух ружей, действие которых, по-видимому, им было хорошо известно, они обратили весь свой гнев против жалких обезьян-негри-тов, сделавшихся от ужаса пепельно-серого цвета. Подобно дикому зверю, попавшемуся в западню, они не пробовали даже защищаться; страх приковал их к месту и парализовал.

Не обращая более внимания на белых, папуасы тесным кольцом окружили каронов. Двое из них пригнули их назад за волосы и занесли над их головами

---

* Шедевр (фр.).—Прим. ред.

саблю «реда», без которой папуас не выходит никогда и никуда и которая служит ему для самых разнообразных целей. На выручку каронов кинулись Фрикэ и Пьер. Моряк, как всегда ловкий, с одного маху сшиб с ног папуаса и схватил на лету руку, занесшую саблю, Фрикэ же ловким ударом ноги уложил на спине другого.

— Давненько я не упражнялся в «фехтовании»; этот ловкий удар поразомнет мне ноги, — промолвил он.

Неожиданное заступничество смутило черных, и как ни странно, не ожесточило их, как следовало бы ожидать, а только изумило. Пока виновники неудавшегося покушения медленно поднимались на ноги, порядком сконфуженные, а другие воины боязливо пятились назад, дикарь, выглядевший их вождем, опустил вниз свое копьё и обратился к европейцам на незнакомом им языке.

Речь была длинная и сопровождалась самой отчаянной жестикуляцией. Оратор указывал на каронов, продолжавших дрожать от страха; жестами он показал, что им надо отрубить головы, потом широко открыл рот, поводя глазами то на белых, то на негритов.

— Черт побери, — проворчал, наконец, Фрикэ, смеясь и в то же время гневаясь. — Кажется это: негодяй принимает нас за антропофагов.

— Это ни на что не похоже, — рассерженно ответил Пьер де Галь. — Ну стоит ли в самом деле быть образцовым матросом, питаться в продолжение тридцати лет сухими турецкими бобами и соленой свиной, для того, чтобы эти дикари издевались над тобой подобным образом?

Фрикэ протянул руку за куском саго и принялся грызть его с большим аппетитом, потом, указав на черных и свой собственный рот, жестом он дал понять о любви к растительной пище и полное отвращение к человеческому мясу.

Дикарь, очевидно, не понял Фрикэ и объяснил его жест тем, что парижанину было не по вкусу человеческое мясо в сочетании с саго.

— Да ведь я не настолько глуп, как ты думаешь. Теперь он воображает, что я люблю человечину без хлеба. Как бы мне заставить этого скота папуаса понять меня?

Разговор затягивался и, казалось, начинал принимать дурной оборот, потому что черные воины, оправив-

нились от испуга, потихоньку брались за оружие, готовясь, конечно, к внезапному нападению.

Но на этот раз явился спасителем опять тот же маленький Виктор. Сметнув, что если он не вмешается, им грозит страшная беда, он, к удивлению своих товарищей, смело подошел к предводителю дикарей и заговорил с ним степенным, ровным голосом, тембром своим, однако, напоминавшим болтовню попугая.

Виктор говорил долго и таким убедительным тоном, что друзья его не верили своим ушам. Аргументы, приводимые им, должно быть, ясно говорили за себя, потому что, о чудо, хмурое лицо начальника озарилось вдруг светлой улыбкой, он отшвырнул оружие и протянул по-европейски руку изумленному парижанину; Пьер, не менее удивленный, поспешил тоже ответить на это неожиданное проявление учтивости, и все воины, желавшие по всей вероятности только мирного окончания дела, тоже приблизились с изъявлениями самой покорной дружбы.

— Так вот как! — с восхищением обратился Фрикэ к китайцу. — Уж не говоришь ли ты на всех языках народов мира, милый малютка?

— Нет, Фликэ, они тоже говорят по-малайски. Очень холоسو по-малайски. Они знают много евлпейцев.

— Но о чем же толковал он нам прежде?

— Увидав нас с антропофагами, — отвечал молодой китаец на своем наречии, — папуасы вообразили, что мы их союзники и что разделяем с ними отвратительный промысел. Предводитель говорил вам, что там, далеко, где солнце заходит, он видал тоже белых, одетых и вооруженных, как и вы, но эти белые были добры и приветливы, убивали только кровожадных зверей и ловили птиц и насекомых. Они, дикари, служили им в их разведках проводниками и научились любить и уважать их. Ошибка их в отношении к нам произошла оттого, что они видели нас делившими свою трапезу с каронами, которые считаются здесь людьми вредными и которых стараются всеми силами истреблять. Что же касается их, — они люди хорошие, мирные; они могут перерезать горло своему недругу, но никогда не предаются канибализму.

— Все это я понимаю очень хорошо, но что собираются они теперь сделать с нашими гостями, начинающими, наконец, приходить в себя после заданной им хорошей трепки?

— Отрубить им головы...
— Ну, скажите пожалуйста. Если этот храбрец...
Спроси, однако, как его зовут?

— Узинак.

— Если этот храбрец Узинак только что находил весьма странным и непонятным, что белые едят человеческое мясо, то передай ему от моего имени, что эти же самые белые находят привычку черных рубить на куски себе подобных просто возмутительной.

— Они говорят, сто это их обысай.

— Надо изменить его, потому что, пока я жив, я не позволю, чтобы два существа, которых я приютил под моей кровлей... кровли собственно нет, ну, да это все равно... которые сидели за моим столом... стол — земля, но так лишь говорится... были бы подло зарезаны.

— Он согласен, но просит бус и ожерелья.

— Скажи ему, что он многого хочет, сейчас я не богаче нищего, который потерял все.

Узинак не верил своим ушам: как это, белые приехали в страну папуасов и не имеют ни бус, ни тканей, ни ожерельев? Что же делают они здесь? Разве они не собирают насекомых, не ловят солнечных птичек*?

— Передай ему, что у нас нет никаких вещей, но что, если он согласится отпустить каронов, я ему сделаю великолепный подарок.

— Ты, кажется, многое на себя берешь, мой милый, — заметил Пьер де Галь.

— Совсем нет, разве ты забыл, что у нас там есть одна или две красные рубашки? Дикарь будет в восторге.

Черный вождь, обрадованный обещанием, повернулся к каронам и торжественно произнес по-малайски:

— Честное слово белых мне за вас порукой. Белые никогда не лгали... Идите!

Два каннибала, пораженные таким счастливым исходом дела, молча поднялись и, подпрыгивая, как кенгуру, исчезли с такой быстротой, что только пятки за сверкали.

Фрикз, не менее их довольный, предложил своим новым друзьям перекусить чего-нибудь в ожидании ужина. Предложение его было принято с восторгом, тем более понятным, что желудки папуасов всегда пусты. Трапеза продлилась до ужина, скрашенного па-

---

* Райские птички.

рочкой кенгуру, очень кстати застреленной Пьером де Галем. Когда наступила ночь, зажгли огромный костер, кругом которого уселись папуасы, большие охотники до всяких забав и страстные любители поболтать.

Вести разговор, конечно, было нелегко, потому что вопросы и ответы передавались через переводчика, говорящего по-французски пополам с китайским, но беседа не была вялой благодаря различным комментариям словоохотливых собеседников. Вечер оживлял Фрикэ. Парижанин хорошо знал страсть всех дикарей к музыке, и папуасов в особенности. Хотя он нестерпимо фальшивил, и пение его было ничем иным, как безбожным коверканием музыкальных тем, он все-таки сумел ловко выйти из положения, устроив инструментальный концерт собственными стараниями.

Инструментальный концерт под 150° восточной долготы и 10° южной широты! Но веселый парижанин и тут не смутился. В тот самый момент, когда островитяне, усевшись с поджатыми ногами в кружок на земле, затянули бесконечную и жалобную мелодию, посреди лужайки раздались звуки музыки, то живые и веселые, то протяжные и напоминающие звуки рожка, то вдруг переходящие в мелодию, чарующую и нежащую слух, как пение соловья.

Восторг дикарей был неописуемый. Игра «талантливоего» музыканта была поистине изумительна. Изучив в совершенстве свой таинственный инструмент, он извлекал из него сильные и в то же время удивительно нежные звуки. Прекрасная мелодия сменялась модной шансонеткой, шансонетка полькой и т. д., и т. д. Он приступал к исполнению любой музыкальной вещи с искусством признанного маэстро и с одинаковым успехом доводил ее до конца. Увертюра к «Вильгельму Телю», шансонетки из «Прекрасной Елены», баллада короля Туле (Thule) или хоры из опер лились безостановочно, чередуясь друг с другом. Любопытно было смотреть, как стонали дикари при звуках хора воинов из «Фауста», как плакали, слушая песенку «Розы», или пускались в пляс при звуках польки Форбаха.

Порядком устав, наконец он вынужден был остановиться, несмотря на то, что ненасытные слушатели громко требовали продолжения концерта. Фрикэ обещал им непременно сыграть для них завтра, после чего он

мог, наконец, свободно растянуться под деревом и вкушать всю сладость сна. Пьер улегся рядом с ним.

— Удивительно!.. Поразительно!.. Ничего подобного я никогда не слышал... Совсем, как в театре Бреста. Да, наконец, каким же это образом? Уж нет ли у тебя в животе музыкального ящика? Ты не человек, а просто чудо.

Фрикэ захохотал.

— Можно, пожалуй, подумать, что ты насмехаешься надо мной. Как будто ты не знаешь, что два куска коры, выскобленные совершенно гладко и завернутые в обрывок листа, представляют род кларнета, в который надо только дуть и твердо знать свой репертуар. Всякий уличный мальчишка Парижа слушал музыкальные *chef d'oeuvre* не один, а десятки раз... с высоты того самого райка, который был для меня в дни представлений настоящим раем.

— А самый инструмент?

— Да ведь я только что описал его тебе. Я наострил-ся играть на нем в те дни, когда повесничал на улицах Парижа; и какую же брань прохожих и вой собак вызывал я, предаваясь изучению этого самодельного инструмента! Довольно, однако, попробуем теперь заснуть. Пока все идет благополучно. Наша звезда не изменила нам по сие время, и мы с избытком вознаграждены здесь за оказанный нам прием на острове Вудларк. План наших будущих взаимоотношений с папуасами у меня готов. Удовлетворение их страсти к музыке заменит мелкий стеклянный товар. Покойной ночи!

Но уснуть и погрузиться в мир грез оказалось вовсе не так легко, как представлялось им вначале; и два друга заметили, благодаря светлой ночи, как мало папуасы нуждаются в отдыхе. И в самом деле, вместо того, чтобы растянуться на земле, они остались сидеть вокруг костра, болтая, смеясь, перебирая в памяти все события этого вечера и усердно припоминая мелодии примитивного инструмента парижского шалопая. Проспали они каких-нибудь два часа и, лишь только солнце позолотило верхушки гор, принялись рыскать по поляне.

Следующий день был посвящен просушиванию саго и загрузке пироги, найденной в тайнике и извлеченной на свет Божий бесстрашными черными водолазами. Фрикэ подарил Узинаку совсем новую огненно-красного цвета рубашку, в которую храбрый предводитель дикарей нарядился тотчас же. Пьер пожертвовал, в свою

очередь, платок алого цвета, разорвав его на полосы по числу воинов. Дикари обрадовались этому подарку не менее их начальника и тотчас же соорудили из этих лоскутьев ожерелья, громко прославляя щедрость европейцев, умеющих угостить и вознаградить своих гостей сообразно с положением и заслугами каждого.

Так как страна изобиловала саговыми пальмами, папуасы, пересилив свою врожденную, вошедшую в пословицу, лень, заготовили громадное количество ценной муки. Отношения продолжали оставаться самыми дружелюбными, благодаря веселому нраву парижанина, благодушию моряка и не прекращавшейся ни на минуту занятой болтовне, переводимой Виктором.

Таким образом, Фрикэ узнал, что Узинак, уроженец севера Новой Гвинеи, забрел в эти отдаленные места, находящиеся на расстоянии четырехсто лье от его деревеньки, влекомый единственным желанием кочевать, столь свойственным народам примитивных рас. Случай забросил его в племя дикарей, живущих на юго-востоке острова, в восьми днях плавания отсюда. Благодаря его храбрости, он стал их вождем и сумел заставить повиноваться себе беспрекословно. Отправившись в путь две недели тому назад, они забрели в эту отдаленную часть острова поохотиться, половить рыбу и намеревались уже отплыть в обратный путь, когда увидели негритов, почитаемых ими за кровожадных зверей и всячески преследуемых.

Из всего этого рассказа парижанин прочно удержал в памяти лишь то, что деревенька, откуда родом дикари, находится на юго-востоке.

— Bravo! Это совпадает с нашим маршрутом, отправимся, стало быть, вместе.

— Да, да, непременно вместе, — добавил Пьер де Галь.

Приготовления к дальнейшему плаванию, наконец, были окончены, запас саго туземцев перенесен на их барку, так искусно скрытую в бухте, что европейцы и не подозревали даже о ее существовании.

Увидав это чудо морского строительного искусства папуасов, Пьер де Галь вскрикнул от удивления.

— Гм! — пробурчал, в свою очередь, Фрикэ. — Как тебе этот адмиральский корабль?

— Не глупы наши союзники, очень не глупы. Пирог сделана просто-напросто из бечевки, и рыболовы Ла-Манша, если б только увидели ее, не преминули

Чудо строительного искусства папуасов

бы воспользоваться этим остроумным изобретением.

По красоте, легкости и удобству пирога представляла остроумнейшее изобретение из всех судовых построек подобного рода. Самые большие из них, так называемые «пироги для дальнего плавания», имеют чуть не двадцать аршин в длину и два аршина в ширину. Такова была и эта, которой, как знаток, любовался Пьер де Галь. Это скорлупа, выдолбленная из ствола совершенно здорового кедрового дерева, чрезвы-

чайно легкая на ходу; несмотря на большие размеры, толщина ее не более четверти вершка, к тому же для большей крепости и устойчивости она снабжена с внутренней стороны откосными подпорками. Красиво поднятая в носовой части широким деревянным водорезом, она могла смело рассекать волны и быстро нестись вперед.

Пирога могла совершать крутые и быстрые виражи, отнюдь не уменьшая скорости хода, и без риска опрокинуться. На две трети она была покрыта навесом из листьев, поддерживаемым легким шестом, назначение которого — защищать экипаж от палящих лучей солнца. Носовая часть была отделана широкими досками с резьбой, расположенными вертикально. Орнамент имел форму или листа, или человека, или зверя. Здесь буйная фантазия имела полный простор.

Что же касается мачты, если судить по внешнему виду, это была одна из самых наивных и, на первый взгляд, нелепых выдумок. Представьте себе огромные козлы, служащие плотникам для состругивания досок, имеющие вместо двух подпорок три. Замените тяжелые деревянные брусья тремя бамбуковыми жердями, прикрепленными к передней части пироги, и вы получите представление об этой мачте без рей, вантов и штога. Кроме того, что она убирается без всякого труда, она обладает еще одним несравненным свойством: не создавать сопротивления ветру и не мешать усилиям гребцов. При попутном ветерке тотчас же ставится широкий парус — просто-напросто большая рогожа, сплетенная или из пушка, покрывающего молодые листья саговой пальмы, или же из самых тонких листовых жилок. Этот парус, обернутый вокруг бамбуковой ветки шестиметровой длины и двухметровой ширины, распускается самым обыкновенным способом. Если ветерок свежее — достаточно ослабить средний канат, поддерживающий рею наверху мачты, и парус спускается. Руль — длинное, с широкой лопаткой весло, привязанное к задней части пироги волокнами индийского тростника, которым черномазые управляют необыкновенно ловко.

Пирогу европейцев привязали к паруснику папуасов. Затем наши друзья, подобно счастливцам, отправляющимся искать более гостеприимную страну, удобно разместились на гребном судне дикарей, торжественно названном адмиральским кораблем.

Парижанин мечтал увидеть где-нибудь французский флаг, поднятый, как помнит читатель, во время отплытия «Лао-Дзы». Хотя корабли цивилизованных наций редко появляются в этих водах, Фрикэ все-таки надеялся, если сверх чаяния таковой встретится, обратить на себя внимание экипажа. Почему, в самом деле, не попытать счастья? С другой стороны, эти места изобилуют, по словам Узинака, пиратами-папуасами, делающими набеги на берега, грабящими окрестные села, бесцеремонно нападающими на рыболовов и увозящими их в рабство. Только вид флага, указывающего на присутствие людей цивилизованных и располагающих огнестрельным оружием, удерживает дикарей от грабежей и буйств.

При слове «рабство» Фрикэ наострил уши.

— Как? В Папуасии есть невольники! Неужели дикарям недостаточно и одной большой язвы — канибализма? — спросил он Узинака.

Вождь расхохотался и передал следующий ответ:

— Папуасы не все антропофаги. Очевидным доказательством этому служат, например, береговые жители. Что же касается горцев, о, это другое дело. Береговые жители — люди смирные, гостеприимные, любят кочевать с места на место и питаются тем, что доставляет им рыбная ловля и саговое дерево, попавшееся по пути. Горцы же, напротив, ведут жизнь оседлую, они охотятся, разводят иньям, сахарный тростник и т. д. Они сильны, свирепы и канибалы.

— Здесь, в этой стране, как я вижу, — заметил Фрикэ, — все наыворот. Везде, чуть не во всех странах света, землепашцы обыкновенно люди смирные, между тем как береговые жители — сущие разбойники. Не так ли, Пьер, по крайней мере, в наших странах?

— Совершенно верно, мой милый; но все-таки это не так странно, как тебе кажется. Ты забываешь, что мы у антиподов и что мир здесь перевернут вверх дном.

— Браво, — засмеялся Фрикэ, — ты первый угадал причину.

— А что касается невольников, — объяснил Узинак, — ты сам увидишь, что мы с ними хорошо общаемся.

— В этом-то я не сомневаюсь, мой храбрый папуас, и эта надежда отчасти мирит меня с населением громадного острова Океании.

Плавание продолжалось без всяких особых приключений целую неделю, останавливались только в безлунные ночи; тогда пироги приставали к берегу, путешественники располагались лагерем в нескольких шагах от них и с рассветом снова пускались в путь. Корабли цивилизованных стран в пути им не попадались, зато бесчисленное множество пирог, зачастую с весьма подозрительным экипажем, пересекало дорогу нашим друзьям и их союзникам. Однажды даже одна из сомнительных пирог попробовала было совершить на них внезапное нападение. Приблизившись к ним на расстояние звука человеческого голоса, дикари быстро сорвали крышу из листьев, мешающую натянуть лук. Это означало уже не пустое любопытство, а пахло наглой агрессией. Фрикэ, проворно схватившись за ружье, выстрелил. Успех был чрезвычайный: черные зачинщики ссоры мигом водрузили крышу на место, что, по выражению Пьера, было равносильно непредвиденному закрытию пушечного люка, и быстро удалились в противоположную сторону.

На восьмой день около полудня пирога вошла в узкий пролив, мелководный и усеянный коралловыми рифами, мешающими плаванию до такой степени, что несколько человек черных принуждены были сойти в воду и тащить пирогу веревками. Но неожиданно этот узкий мелководный пролив превратился в глубокий и расширился до размеров лимана, окаймленного с двух сторон густым кустарником из корнепусков.

Лиман этот не мог быть ничем иным, как устьем реки; на это с очевидностью указывала глубина и внезапно потемневший цвет воды. В этом месте имела как будто расщелина в коралловой скале, ибо полипы, погибшие в смеси пресной и соленой воды, оставили свободным доступ к берегу.

Солоноватая вода, гибельная для кораллов, способствовала зато росту корнепусков, этих «деревьев лихорадки», как называют их туземцы тех стран, болотистые местности которых сплошь покрыты этим растением, распространяющим вокруг губительные миазмы.

Пирога в это время проходила мимо целого ряда судов всех величин, начиная с самого большого и кончая крошечной «душегубкой», на одного гребца. Крики радости встретили появление белых, и «Табе Тауап» (здравствуйте, господа) огласило воздух.

Середина реки была покрыта как бы громадным

букетом из зелени, множеством островков с извилистыми крутыми берегами. Наконец течение реки замирало в широком бассейне, усеянном болотными растениями, в самой середине которого возвышалось с дюжину построек чрезвычайно странной архитектуры.

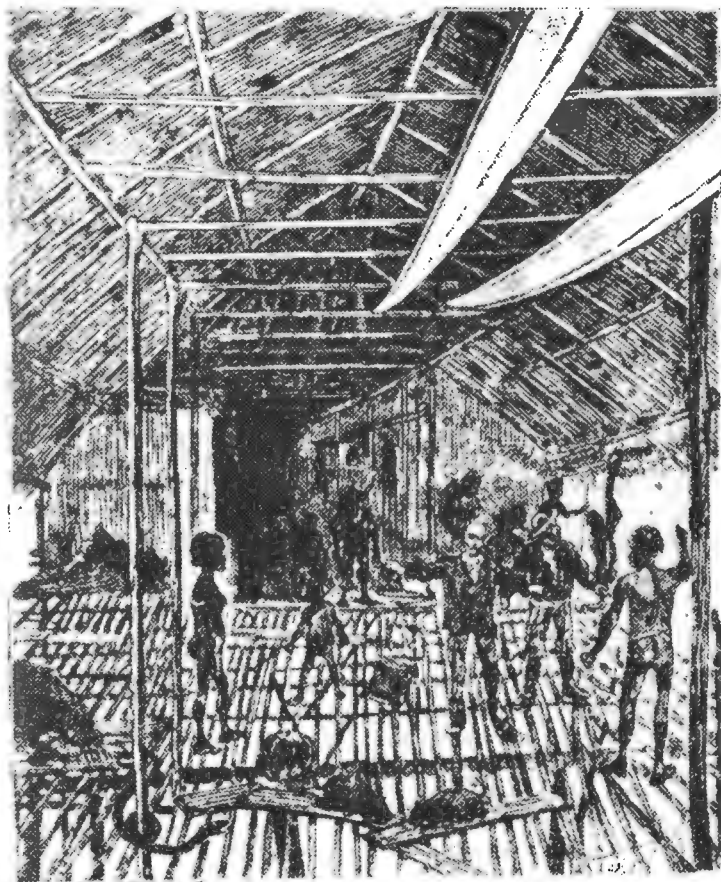
Это был целый лес свай от семи до восьми метров высоты, между которыми сновала в лодках веселая и болтливая толпа. На них были воздвигнуты на расстоянии пятидесяти метров от берега громадные постройки двух совершенно различных типов, сооруженных целиком из дерева. Большая часть из них имела форму квадрата, увенчанного громадной крышей, сделанной из листьев банана или кокосового дерева, напоминающей навес пироги. Два дома, гораздо меньше других и отстоящие от них на некотором расстоянии, походили на огромные ниши, поддерживаемые четырьмя длинными жердями.

Фрикэ знаком спросил Узинака, в чем причина этих различий, папуас ответил ему, что в нишах живут молодые люди в брачном возрасте.

Почти половина домов была соединена с берегом целым рядом бревен, положенных концами вместе и поддерживаемых в наклонном положении козлами; столкнуть этот импровизированный мост в воду и тем самым положить непреодолимую преграду между постройками и твердою землей не составило бы большого труда. Другие же строения, совершенно изолированные от берега, стоят на своих сваях, к которым привязаны лодки. Фрикэ, пораженный неожиданным и странным зрелищем, не верил своим глазам. Это точные копии свайных построек, обнаруженных в центральной Африке, которые, по словам Ахилла Раффрай, одного из самых добросовестных французских исследователей Новой Гвинеи, удивительно схожие со «станциями, растущими на озерах». Те существовали в доисторические времена и известны нам из описаний ученых, сделанных так верно, как будто они скопированы ими с натуры на островах Папуасии.

Пирога остановилась, и Узинак приготовился взойти в свое воздушное жилище; ни лестницы, ни каких-либо других подъемных средств не было и в помине. Папуас проворно вскарабкался по сваям, за ним последовали тем же путем, с ловкостью белки, два француза и молодой китаец, восхищая зрителей смелостью и ловкостью движений.

— *Странное помещение!* — проговорил Пьер

Трое друзей, наконец, достигли жилища папуасов.

— *Странное помещение,* — проговорил Пьер, взбравшись первым. — В нем есть все, кроме самого необходимого.

— О, ла, ла! — ответил Фрикс. — Да здесь, должно быть, живут сумасшедшие. Каким образом, черт возьми, держатся они на этом полу и не падают в воду с этих перекладин, между которыми чуть ли не метр расстояния... О, милосердный Боже, как все это чудно!

Зрелище было поистине удивительное. Жилище папуасов, имеющее, как мы уже сказали, форму широкого четырехугольника, представляло внутри раму на сваях, с накинутыми на нее в поперечном порядке перекладинами, образующими открытые решетчатые отверстия в квадратный метр, точно колодцы на море. Такой пол составлял продольный узкий коридор. По обе стороны его были устроены легкие перегородки из листьев и жилок саговой пальмы с семью или восемью дверями, ведущими каждая в комнату отдельной семьи. Наконец, на фасадной части дома, обращенной к морю, была широкая эспланада *, открытая со всех сторон, с крышей из листьев. Это бельведер **, где собираются днем семьи, населяющие воздушное жилище, подышать чистым воздухом. Под понятием «семья» подразумевается не только отец, мать и их потомство, оно берется в самом широком смысле и включает как людей близких, так и невольников, — одним словом, всех, кого общие нужды объединили вместе и поставили под власть, скорее номинальную, чем действительную, *ra-ter familias* *** из туземцев.

Каждая отдельная комната предоставлена во владение одной семье, и нередко в обширном воздушном помещении живут вместе пятьдесят или шестьдесят мужчин, женщин и детей, за исключением молодых людей, помещенных в отдельных домах.

Все дикари в костюмах праотцов, грязные и вонючие, преважно стояли на перекладинах, дружески приветствуя европейцев.

Если наружный вид свайной постройки был странен и оригинален, то внутренние покои помещения превосходили все ожидания. Фрикэ и Пьеру де Галь казалось, что они просто-напросто попали в жилище нечестивых, так здесь было грязно, скверно и неудобно. Мебель состояла из накиданных там и сям целых куч веток, рогож, коры бамбука, лохмотьев и листьев, готовых, казалось, каждую минуту сверзиться в воду и беспорядочно набросанных на решетчатые отверстия нескольких досок, отесанных с помощью реда, добратся до каждой из которых представлялось не искусному

---

* Площадь перед зданием. — *Прим. ред.*

** Место, с которого открывается вид на окрестности. — *Прим. ред.*

*** Отца семейства. — *Прим. ред.*

гимнасту делом практически невозможным. Одни из досок служат кроватью, другие же очагом. Подстилка из листьев на первых заменяет матрацы, а толстый слой золы, покрывающий другие, служит очагом. Съестные припасы, непригодные для еды в сыром виде, жарятся или варятся в золе. Копья, стрелы, остроги, весла виднеются во всех углах, затем несколько цилиндров, — вот и все.

Окинув быстрым взглядом эту примитивную фаланстерию, Фрикэ вздумал перейти длинный узкий коридор, чтобы осмотреть бельведер. Миновать эти решетчатые отверстия, под которыми шумело и клокотало море, оказалось делом не совсем легким. Парижанин, однако, не смутился, он видал многое и почище этого. Ловко перепрыгивая с перекладины на перекладину, он достиг, наконец, эспланады и остановился, пораженный величественным видом. Пьер смело следовал за ним; подобная гимнастика была для него делом привычным, недаром же он с малолетства находился на корабле. Виктор же, несмотря на сильное желание не отставать от товарищей, не мог сдвинуться с платформы, на которой стоял. Сильное головокружение приковало его к месту. Для него разостлали, наконец, рогожи, по которым он, колеблясь, двинулся вперед, сопровождаемый свистом и насмешками четырех- и пятилетних мальчишек-дикарей, перепрыгивавших с перекладины на перекладину с проворством и ловкостью обезьян в обществе маленьких свинок с розовой мордочкой, бегущих за ними по перекладинам так же быстро, как по ровной земле.

Узнав нагнал в это время двоих французов и, указывая жестом руки на воздушный дом, казалось, хотел сказать им:

— Будьте, как дома.

Глава X

*Суеверия папуасов. — Малейшее отверстие в крыше влечет за собой величайшие бедствия. — Змеи, откармливаемые для употребления в пищу. — Условия рабства в Новой Гвинее. — Гирлянды из человеческих черепов и ловкие отсекатели голов. — Птички солнца. — Приготовления к охоте за райскими птичками. — Легенда о райских птичках. — *Sacoléli*, или танцующее собрание. — Избиение. — «Крупный изумруд». — *Dyphillodes magnificus*, или царские райские птички. — Цвета ослепительные, но вполне гармоничные. — Философские рассуждения Фрикэ относительно парижанок и англичан. — Пир у римского императора.*

Фрикэ и его друг, находя совершенно невозможным дальнейшее пребывание в предоставленном в их распоряжение Узином помещении, чуть не герметически закупоренном со всех сторон, решили перебраться на бельведер. Там, по крайней мере, им, людям, привыкшим дышать чистым воздухом, нечего было опасаться зловонных испарений воздушного пандемониума. Но исполнение этого намерения не обошлось, однако, без длинных пререканий.

Войдя в эту узкую клетку, Фрикэ очутился в совершенной темноте. Свет и воздух были ему необходимы. Но так как его просьба должна была быть передана через Виктора, переводчика довольно бестолкового, Фрикэ сделал то, что сделал бы и всякий другой, очутившийся на его месте, то есть без дальнейших рассуждений принялся за разборку крыши.

Это подняло целую бурю. Все обитатели дома, мужчины, женщины и толстопузые ребята, столпились у его конурки и принялись галдеть на все лады, не исключая и маленьких свинок, презрительно отворачивавших свои розовые мордочки и яростно помахивавших хвостиками в знак своего полного негодования.

— Но, что, однако, их так раззадорило? Как будто я совершил какое-то тяжкое преступление? Здесь ведь можно задохнуться. Поймите же, я совсем не намерен украсть у вас вашу клетку. Ну-ка, Виктор, разузнай у них, уж не совершил ли я какого-нибудь святотатства.

Тем не менее дикари оказались по-своему правы в шумном выражении своего неудовольствия. Молодой человек узнал, что даже самое маленькое отверстие, пробитое в крыше, повлечет за собой немедленное появление душ усопших предков, что эти последние принесут с собой всякого рода колдовство и что комна-

та неминуемо превратится в настоящий источник всяких зол и бедствий.

— Ну, так и надо было бы сказать с самого начала. Кой черт мог предположить, что предки их, вместо того, чтобы оказывать благодеяния потомкам, делают ни с того ни с сего их злейшими врагами и всеми силами стараются насолить им? Во всяком случае, если их предки так уж злы, то не очень же они сильны, ибо в отверстиях здесь, кажется, не имеется недостатка. Но вот любопытно: излюбленное место пребывания душ усопших предков, по мнению дикарей, — это крыша. Отнесем же с уважением к верованиям наших хозяев и переменим поскорее помещение. Э!.. Э!.. Это еще что такое? — вскричал Фрикэ слегка изменившимся голосом.

Сделав шаг назад, он нечаянно наступил на что-то мягкое и в то же время упругое, двигавшееся по полу, покрытому корой. В то же время в темной комнате распространился приторный запах мускуса и явственно раздался легкий шелест чешуи, услышав который, со всех сторон сбежались свинки и выстроились перед дверью полукругом, вытягивая розовые рыльца и оглашая воздух адским хрюканьем.

— Уж не наступил ли я на кого-нибудь из предков? — спросил молодой человек, сопровождаемый тремя или четырьмя великолепными змеями в три метра длины, страшно толстыми и отливающими самыми яркими красками.

— Однако как тебе это нравится? — проговорил Пьер де Галь. — Наши друзья-папуасы приготовили нам странных соседей на ночь.

— Змеи! Ах, черт побери! Пожалуйста, не шути, это единственное животное, которого я боюсь. Не то чтобы они внушали мне страх, но какое-то непреодолимое отвращение, пересилить которое я не в состоянии.

— Однако как странно, свинки совсем не кажутся испуганными. Наоборот, змеи намереваются ретироваться назад. Вот так смельчаки! Да смотри же, они намерены сожрать их.

Но не так отнесся Узинак к этому нашествию свинок. Проворно схватив длинное копьё и употребив его, как хлыст, он метко щелкнул им по свинкам и разогнал крикливый батальон. Между тем свинки, боязливо и в то же время ластясь, как балованные собачонки, прятались в руках женщин и детей;

начальник дикарей загнал в комнатку красивых пресмыкающихся и шумно захлопнул за ними дверь.

— А то, чего доброго, они их съедят,— сказал он по-малайски,— а змеи еще недостаточно жирны.

— Кто? Змеи?

— Конечно. Мы откармливаем их для своего пропитания. Они живут на свободе и совсем не ядовиты.

— Предположим, что так, мой достойный папуас. Но мой друг и я не очень расположены к такого рода животным.

Хотя Фрикэ не имел, к несчастью, времени изучить ту часть зоологии, которая трактует о породах змей, тем не менее он все-таки не испугался этих змей, самых красивых из всех пресмыкающихся,— если только змея может быть красива,— и самых безвредных. Он сразу распознал *Con'dropython pulcher*, змею из породы, обитающей исключительно в Папуасии и представляющей как бы переходное звено между пресмыкающимися Старого и Нового Света, ибо как по строению тела, так и по своим повадкам она существенно отличается от питона Африки и ужей Америки.

Чешуйки, окаймляющие пасть змеи, изборозждены четырехугольными ямочками, что придает ей в высшей степени отталкивающий вид, несмотря на чрезвычайно красивую кожу. В длину она от двух до трех метров; в молодом возрасте — она кирпично-красного цвета, испещренная иероглифами, позднее становится ярко-оранжевой, и иероглифы исчезают; затем цвет переходит в темно-зеленый с мелкими крапинками, и, наконец, когда змея вырастает, она становится голубовато-стальной.

Но какую бы она ни была,— ядовитой или не ядовитой, красивой или отвратительной,— Фрикэ не терпел змей.

С двумя своими товарищами он переселился в открытую часть воздушного дома, где и провели они все трое ровно три дня в ожидании обещанного им Узи-наком веселого праздника, после которого друзья снова намеревались пуститься в путь-дорогу на своем хрупком челноке.

Прежде чем принять участие в празднике, о подробностях которого великий вождь хранил самое строгое молчание, наш герой мог заняться изучением папуасов, этого любопытного племени дикарей, о котором в Евро-

не почти не имеется никаких точных сведений. Внешним видом папуасы совсем почти не отличаются от туземцев острова Вудларка: тот же черный, как сажа, цвет кожи, те же черты, но прическа... прическа совсем иного рода. Перед вами целые копны волос, сложенных и перепутанных так, что одного взгляда достаточно, чтобы привести самого смелого из художников в неописуемое изумление и полнейшее отчаяние. Прическа эта делается с помощью головни, продетой в густую шапку косматых волос. Вот еще одна оригинальнейшая прическа, какую когда-либо можно встретить: вообразите копну волос, разделенную на десять, пятнадцать, а то и двадцать клубков, туго перевязанных у корней крепкой бечевкой и приподнятых вверх на тонкой ножке, прямой, как помпон кивера. Вот и третья не менее любопытная: громадный шиньон, тоже туго перетянутый у корней и разворачивающийся в огромный гриб, с крепко всаженным в него папуасским гребнем с тремя или четырьмя зубцами, скорее похожим на вилку, чем на что-либо другое.

Занимаясь изучением дикарей, Фрикэ припомнил, между прочим, и разговор о невольниках, происшедший в первую встречу с папуасами, когда последние намеревались по-своему разделаться с каронами-людоедами.

Невольников насчитывается в Новой Гвинее очень много, но и в клетке Узинака их было тоже немалое количество; тем не менее парижанин не мог их распознать, настолько их жизнь мало отличалась от жизни хозяев. Одинаковые украшения, пища, одинаковое расовое происхождение диктует им и общие интересы, за которые они борются сообща и с равным усердием. Большая часть из них — дети, найденные на поле сражения или захваченные в плен после битвы; вырастают они на глазах хозяев, став взрослыми, откупаются на волю и становятся равноправными со своими прежними хозяевами.

Впрочем, улучшением своего положения невольники всецело обязаны голландцам. При прежнем же владычестве малайских султанов туземцы Новой Гвинеи так же, как и туземцы Африканской Гвинеи, подвергались частым набегам. Корабли малайцев зачастую приставали к их берегам, и папуасы платили им контрибуцию пленниками, захваченными во время их бесконечных войн с соседями. Такая практика теперь совер-

шенно ликвидирована, и торговля живым товаром строго запрещена как в Новой Гвинее, так и в Африканской.

Торжественный день, наконец, настал. В то время, как Пьер, Фрикэ и Виктор спали на своих рогожах еще крепким сном, жители воздушного пандемониума с Узинаком во главе сошли на землю, сохраняя полное безмолвие. Они скоро возвратились назад, оглашая воздух дикими криками и торжественно волоча за собой огромные мешки, наполненные какими-то таинственными предметами.

Когда мешки втащили на платформу, шум и гам усилились до невероятности. Затем Узинак и два почетных лица приступили осторожно к их вскрытию.

При виде содержимого мешков на лице Фрикэ невольно отразилось полное отвращение. Они оказались наполненными человеческими черепами, высохшими, глянцевыми и нанизанными по шесть штук на стебли индийского тростника.

— Вот так сюрприз, — шепнул он Пьеру, отворачивавшемуся от мешков с таким же омерзением.

— Если это приготовление к празднику, каков же будет, в таком случае, сам праздник?

— Черт побери! Если только они намерены заставить нас присутствовать при их угощениях человеческим мясом, я не хочу видеть этого гнусного пиршества! Будь, что будет, но я исчезаю!

— Вот так общество! Змеи, откормленные на убой, дикари-каннибалы и маленькие дети, готовые играть в шары из мертвых голов!

— Замечаешь ли ты, однако, восторг и вместе с тем благоговение, с каким они относятся к этим костям; право, можно подумать, что это религиозная церемония.

Мужчины мерным и важным тоном выкрикивали нараспев что-то вроде стихов, женщины и дети отвечали им, пронзительно взвизгивая, потом трое священнодействующих неистово потрясали мешками, и кости глухо стучали, ударяясь друг о друга. Унылое пение тянулось так долго, что у виртуозов от излишнего усердия совсем пересохло в горле, и они вынуждены были беспрестанно прикладываться к хмельному напитку, приготовленному из саговой пальмы, чрезвычайно вкусному и очень пьяному.

Европейцы боялись, как бы этот заунывный пролог

не повлек за собой что-нибудь еще более заунывное. Но опасения их были напрасны. Священнодействие, наконец, закончилось, стебли с нанизанными на них черепами были воткнуты в косяки, поддерживающие крышу бельведера, где они, колеблемые ветром, качались, словно фонари.

— Теперь можно отправляться и на охоту, — вымолвил Узинак со своим обычным добродушием.

— А, так мы идем на охоту? А кого же мы будем преследовать, мой друг папуас?

— Птичек солнца, — ответил он радостно.

— Позвольте же мне вам заметить, — возразил парижанин, указывая на груды черепов с застывшей гримасой, — что ваши приготовления к этой веселой забаве, по меньшей мере, странны.

На лице Узинака выразилось удивление.

— Разве белые не знают, что папуасы никогда не отправляются в путь, не обезопасив своего жилища от вторжения разных негодяев? А чем же лучше и отпугнуть их, как не выставлением напоказ черепов врагов, убитых в сражениях!

Фрикэ отрицательно покачал головой.

— А когда белые отправляются на охоту или идут на войну, кто же оберегает их дома от вторжения злых людей? Кто же защитит их семьи от всякого рода негодяев?

— Наши способы ограждать наши дома и наши семьи от всяких дурных случайностей гораздо более просты. Независимо от крепких запоров, в каждом городе есть джентльмены, одетые во все черное, которые зовутся городской стражей и которые без всяких церемоний тотчас же арестуют всякого, кто покусится на чужую собственность.

Последняя фраза, переданная дикарю Виктором, произвела на него странное впечатление.

Папуас отчаянно замахал головой и отвечал, немного подумав:

— В Дорсее и Амбербаки я знавал много белых, относящихся к черепам далеко не с таким отвращением. Они покупали их и увозили с собой в свои страны. На что же были они им нужны, как не для острастки врагов?

«А, — подумал не без основания Фрикэ, — это по всей вероятности, натуралисты пополняли свои коллекции для научных целей».

Но что мог смыслить в этом Узинак? Вряд ли ему было известно даже и название науки «антропология», а потому Фрикэ не счел нужным разубеждать дикаря.

— Ну, а собственников черепов вы, конечно, съели?

— Нет,— отвечал храбрый вождь, улыбаясь.— Мы не едим наших врагов. Когда мы воюем, если победа остается за нами, мы уводим в рабство женщин и детей и отсекаем головы всем мужчинам. Один удар реда — и готово. В этом мы все чрезвычайно искусны. Тело бросаем в воду, а головы приносим домой. Правда, давно, очень давно, их варили и съедали. Такое обыкновение существует в моей стране и поныне, мы же прячем головы в муравейник. Никто не вычистит так черепа, как муравьи. Обглоданные черепа тщательно хранятся посреди леса в дуплах старых деревьев; и в торжественных случаях, когда, например, жилище покидается на более или менее продолжительное время, или при каких-нибудь других не менее важных случаях, они вносятся в дом, и никогда ни один из врагов, как бы смел и нахален он ни был, не дерзнет переступить порог жилища, охраняемого этими вражескими черепами, столь ужасными на вид. А теперь в путь-дорогу, отправимся поохотиться за райскими птичками.

— А на что они тебе нужны?

— Через пять новолуний мы отправимся на север, в деревеньку, где живет много малайцев. Мы повезем с собой кожу птичек. Малайцы охотно покупают их и перепродают белым. Они дадут нам за них стали для копий, остро отточенных реда, рису и огненной воды,— закончил вождь, жадно облизываясь.

— Будь по-вашему, да, кстати, нам лучшего и желать нельзя. Охота несколько развлечет нас, а затем и мы двинемся в путь.

Фрикэ и не подозревал, что шкурки райских птичек составляют предмет обширной торговли и что этот товар высоко ценится малайцами. Довольно трудная операция: содрать кожу с прелестной птички, не попортить ее ни в одном месте и не выдернуть ни одного перышка,— хорошо известна некоторым из дикарей. Проворно сняв кожу, они тотчас же пропитывают ее особым ароматическим составом, чтобы предохранить от гниения, затем тщательно просушивают и сбывают в большом количестве. Впрочем, этот промысел был известен и в более давние времена, ибо, когда

первые путешественники подплыли к Моллуккским островам, — странам по преимуществу мускатного ореха, гвоздики и других пряностей, продававшихся тогда на вес золота, — туземцы показывали им, между прочим, и птичьи кожи, с таким чудным опереньем, что белые, очарованные яркостью и нежностью их красок, забывали на миг свои приземленные расчеты.

Малайцы называли их «manouk dawata» — Божьи птички. Португальские мореплаватели, мало сведущие в естествознании, не замечая у них ни крыльев, ни лап, воображали, что им на самом деле присуще такое необыкновенное строение тела. За красоту перьев они называли их «passaros do sol» — птички солнца, а голландцы звали их «avis paradiseus» — райские птички.

Иоганн Ван-Линсготен в 1598 году, оставив за ними название, данное им голландцами, сочинил про них следующую легенду. «Эти замечательные по красоте перьев птички, — рассказывал он, — не имеют ни крыльев, ни лап — в этом убеждают экземпляры, привозимые из Индии в Голландию. Этот товар настолько нежный и ценный, что не может быть доставлен за дальностью расстояния в Европу. Никто не может созерцать их живыми, потому что они все время парят в воздухе, кружась постоянно около солнца и слетая на землю лишь для того, чтобы умереть».

Через сто с лишним лет после путешествия Ван-Линсготена, Фуннель, один из товарищей Дампье, увидел в Амбоине несколько особей птичек, которые привели его в полный восторг. На его вопрос ему отвечали, что птички эти, лакомые до мускатного ореха, прилетают за ним чуть не до Бандских островов, что орехи действуют на них опьяняющим образом; одурманенные, они падают на землю и становятся добычей муравьев.

В 1760 году Линней, сам знаменитый Линней, сделался жертвой такой же мистификации, как и все другие мореплаватели. Знаменитый шведский ученый называл райских птичек «paradisea apoda» — безногие райские птички. Впрочем, в Европу не было тогда доставлено ни одной особи и вдобавок еще не имелось решительно никаких сведений об образе жизни этих прелестных созданий.

Ни об одной, может быть, природе птиц не было высказано столько всякого вздора, сколько о райской птичке. Так, например, одни ученые пресерьезно уверяли, что райская птичка, лишенная возможности са-

диться на землю или на деревья, держится на ветках с помощью имеющих у нее длинных перистых усиков и что, кружась постоянно в воздухе, она спит, кладет яйца и высиживает птенчиков на лету. Другие, чтобы придать такому необыкновенному явлению больше вероятности, уверяли, что самец имеет посреди спины углубление, в которое самка и кладет яйца, а затем высиживает их, благодаря имеющемуся и у нее в брюшке соответствующему углублению; третьи, находя эту гипотезу довольно смелой, утверждали, что самка прячет яйца под крылья в середину самых густых перьев и т. д., и т. д., — словом, догадкам и предположениям не было конца.

Даже в настоящее время описание этого великолепного образца океанийской фауны продолжает оставаться далеко не полным и не точным, потому что и сейчас находятся естествоиспытатели, утверждающие, и вдобавок еще в печати, что птички эти ежедневно совершают перелет в Тернат, на Бандские острова и Амбоину. Эту гипотезу, не имеющую под собой ни малейшего основания, отвергают только двое ученых: Руссель Валлас и Ахилл Раффрай, — добросовестно изучившие на месте эту породу птиц. На вышеназванных островах, так же, как и в Европе, никогда не видели райских птичек, доказательством чему служит название «*bourong mati*» — мертвые птички, данное им туземцами.

Наш парижанин, не отказывавшийся при всяком удобном случае поучиться, мог теперь ознакомиться, хоть немного, с нравами и образом жизни красивейших из птиц.

Охотники в числе тридцати человек были вооружены не так, как обычно: лук был гораздо меньшего размера, стрелы не с костяным и железным наконечником, а с небольшим шариком, в толщину большого пальца, для того, чтобы только оглушить птичку, но ни в коем случае не ранив ее и не испортив, таким образом, ее нежных перышек.

Фрикс и Пьер захватили с собой на всякий случай ружья, хотя у них не было дробы, да, впрочем, ни дробь, ни пули не долетели бы до той высоты, на которой обитают райские птички. Охотники пустились в путь ночью и достигли девственного леса минут за двадцать до восхода солнца. Узинак предупредил европейцев о необходимости соблюдать самую строгую ти-

Охотники остановились и спрятались в кусты

шину, потому что дичь была одна из самых пугливых и чутких.

Черные охотники продвигались медленно, друг за другом, бесшумно перескакивая через лианы, еще мокрые от росы, осторожно раздвигая траву и минуя корни, которые вились и переплетались, как гигантские пресмыкающиеся. Лишь только первый луч восходящего солнца позолотил верхушки могучих деревьев, среди величественной тишины, царившей еще

над сладко-дремлющим лесом, зазвенела дрожащая нотка, прозвучавшая в воздухе и радостью, и какою-то удалью. Птичка солнца славилась появление светила, имя которого она носила.

Охотники остановились, спрятались в кусты, присели на корточки, удерживая дыхание и держа наготове стрелы, а вождь между тем указывал пальцем на верхушки деревьев, по которым и прыгали прелестные птички, переливавшиеся яркими, роскошными цветами.

На крик самца, звонко пронесшийся в воздухе, ответил издали более нежный голос самки. За ним со всех сторон полились звонкие песни самцов. Узнав, потирал руки и беззвучно шептал:

— Охота будет редкая. Voungong gaja, — так называют папуасы райских птиц, — намерена начать.

— Что это такое? — спросил Фрикэ.

— Voungong — примутся сейчас плясать.

— Плясать?

— Гляди во все глаза и молчи.

Вождь не ошибся. На высоте восьмидесяти футов от земли на могучих ветвях, расположенных горизонтально и сплошь покрытых бархатной зеленью, суетились, перепрыгивали с ветки на ветку, дразнили друг друга, слетались вместе и вдруг порывисто рассыпались в разные стороны, окруженные золотым сиянием, сверкающим и переливающимся как бриллиантовые пылинки, особей тридцать самцов. Соперничая друг с другом в грации и красоте, они плавно шевелили своими волнистыми перышками, осторожно расправляли крылышки, очищали каждое перышко, встряхивались, нахохливались, приподнимая свой роскошный воротник, и кружились, и играли в воздухе, отливая в солнечных лучах всеми цветами радуги.

Время от времени пронизывая зеленый свод, слетались попарно все новые и новые птички. Saco-léli, или танцующее общество, было вскоре в полном сборе.

Восторженно, не отрывая глаз, смотрел Фрикэ на это восхитительное зрелище. Эта далекая страна, этот девственный лес, отвратительные каннибалы, окружающие его, и сам он, как бы заблудившийся здесь, в этой непроходимой лесной чаще, — все это еще более усиливало впечатление. «Столько красоты рассыпано по безлюдным местам!» — помимо воли проно-

силось в голове молодого человека. И тем не менее, эта-то дикость и первозданность и есть необходимые условия для ее сохранения, ибо наступит день, заглянет сюда то, что мы называем цивилизацией, девственный лес начнет рушиться, увлекая и давя при падении своих очаровательных обитателей, оценить которых по достоинству только и могут люди цивилизованные.

Что-то просвистело в воздухе и вывело Фрикэ из мечтательного настроения. За свистом послышался легкий, как бы приглушенный шум. Райская птичка, пораженная меткой стрелой охотника, стремглав летела на землю, кружась и переворачиваясь в воздухе, а перышки ее играли разными цветами. Странная вещь: товарищи ее, купаясь в золотых лучах солнца, кокетничая друг перед другом изяществом и красотой оперенья, не обратили решительно никакого внимания на то, что произошло в лесной чаще, куда еще не успело проникнуть солнышко.

Это самозабвение и было причиной их гибели, потому что, насколько райская птичка дика и пуглива, когда она слышит в лесу голос или шаги человека, настолько же она становится доверчивой и даже неосторожной, когда, отыскав удобное место для своих забав, предается *zasoléli*. Первая жертва неосторожности упала прямо к ногам парижанина, который мог теперь рассмотреть ее со всех сторон, не двигаясь с места. Убитая птичка была из породы так называемых «крупных изумрудов». Ростом почти с голубя, сама она была цвета жженого кофе, голова и шея — бледно-оранжевого, горло — изумрудного цвета. Под крыльями у нее находятся два длинных густых пучка шелковистых перьев орехового цвета, окаймленных ярко-красной или ярко-оранжевой узенькой полоской. Эти пучки перьев, когда птичка неподвижна, почти незаметны под крыльями и имеют вид двух бугорков; но когда она приходит в возбужденное состояние, крылья поднимаются вертикально, головка вытягивается, два перистых пучка раскрываются в два веера, окаймленных золотом и пурпуром, постепенно меняющихся и у основания переходящих в темно-палевый цвет. Птичка почти совсем исчезает под этой роскошной парюрой *. Тело ее словно съеживается, и золотое сияние оперенья, резко оттенен-

---

* Головной женский убор с драгоценными украшениями.—
Прим. ред.

ное оранжевым тоном головки, играет неподражаемыми цветами.

Избиение продолжалось, к великому огорчению Фрикэ и Пьера, внутренне проклиная жестокость малайцев и глупое кокетство цивилизованных дам, которые, из пустого каприза разнообразить свой туалет, отнимают у природы ее наилучшее украшение. Самок охотники щадили лишь потому, что перья их не так красивы, как перья самцов, да к тому уже и птичий турнир устраивался исключительно в их честь. Они служили приманкой и неимоверно облегчали задачу охотникам, ибо лишь только падал один самец, на зов самки тотчас же появлялся другой, потом третий и т. д., и т. д.

Из восемнадцати видов ныне известных райских птичек, из которых одиннадцать исключительно принадлежат Папуасии, по крайней мере, три вида были начисто истреблены охотниками, выбиравшими, конечно, самых красивых и наиболее редких из них.

Едва истек какой-то час времени, как уже полсотни трупиков устилали почву, точно сорванные со стебельков цветы. Кроме «крупного изумруда», парижанин мог еще рассматривать и восхищаться птичкой, названной Бюффеном «великолепная»; это *paradisea regia* Линнея, ныне известная под названием «*dephylodes magnificus*»; величиной почти с черного дрозда, она кажется в два раза толще его благодаря приподнятым вверх перышкам, выглядывающим из-под крылышек. Чтобы разукрасить эту маленькую птичку, природа пожертвовала, кажется, всеми сокровищами своей палитры. Как описать это крошечное тельце, глазированное яркой киноварью, сверкающее золотым блеском, постепенно переходящим в районе шейки и головки в ярко-оранжевый! Нежное, белое, атласное, как лепесток лилии, брюшко оттенено полоской изумрудного цвета; глаза светятся из-под светло-зеленых бровок, сходящихся вместе у золотисто-желтого клюва, тонкого, длинного и элегантного, как носик колибри. Обилия цветов и красок оперенья было бы достаточно, чтобы сделать из этой игрушечки чудо из чудес. Но для щедрот океанийской Изиды этого оказалось мало, и она наделила ее еще двумя украшениями, единственными в своем роде. На груди птички находятся два маленьких грудных мешка из перышек орехового цвета пятисантиметровой ширины, окаймленных темно-зеленой полос-

кой, которые при желании могут быть превращены птичкой в два изумрудных веера. К этой оригинальной, роскошной парюре, не имеющей себе равных, надо прибавить еще два совершенно правильных, не очень длинных хвостовых пера, тонких и разветвленных, как металлическая проволока, скрещивающихся у основания и затем разворачивающихся в две извилистые арабески, выложенные мягким пушком и сверкающие на солнце как драгоценные камни.

Избиение окончилось, убийцы — слово несколько не преувеличено — нарушили, наконец, молчание. Двое французов могли теперь вдоволь любоваться и восхищаться райскими птичками, к великому удивлению дикарей, обращавших столько же внимания на красоту bougong-гаја, сколько обращают наши крестьяне на серенького воробья.

— Бедное маленькое Божье создание, — шептал растроганный Пьер, осторожно приподнимая одного из «мелких изумрудов», на кончике носика которого виднелась засохшая капля крови. — Как все это нежно, красиво, как золотой луч солнца, и вас-то, таких красавцев, эти чернокожие так безжалостно мучают и, вдобавок, не добивши, сдирают с вас, полуживых, кожу... И для чего это нужно, желал бы я знать?

— А для того, чтобы украсить шляпки хорошеньких, а может быть, даже и некрасивых женщин, которые, не довольствуясь естественными украшениями, занимают их у бедных маленьких птичек.

— Ну, так если будет когда-нибудь на Божьем свете особа, которая будет называться madame Пьер де Галь, и если ее супруг, здесь присутствующий, будет даже миллионером, madame Пьер де Галь пойдет скорей с непокрытой головой, чем позволит себе из-за пустого, глупого кокетства поощрить такое варварство. Честное слово порукой в том!

— Ты совершенно прав, матрос, меня тоже коробит эта жестокость по отношению к этим прелестным созданиям. Вглядишься, однако, как все в них гармонично, как красиво, в тон подобраны эти яркие цвета; ничто не нарушает гармонию, не режет глаз, несмотря на поразительную яркость красок. А маленькое тельце, как оно грациозно!

— Все это я вижу и сам. Громадный ара, тоже имеет «огненный щит», как и у птичек солнца, и цвет перьев прекрасен, а попугай все-таки смешон.

— Браво! И знаешь почему? Причина очень простая: райская птичка носит туалет, как парижанка, а американский попугай одет в те же цвета, но безвкусно подобранные, как англичанин.

Папуасы между тем были заняты выделкой кож райских птичек, чтобы, предохранив их от гниения, сделать, таким образом, дорогим предметом торговли. Операция эта совсем простая и исполняется дикарями с большим искусством. Отрезав лапки и крылышки и вычистив мясо, они натягивают кожу на основу, предварительно пропитав ее особым ароматическим составом, и затем просушивают. В этом-то виде райские птички и отправляются в Европу.

Через час от целой груды птичек остались лишь небольшие узкие цилиндры и куча окровавленного мяса, положенного на широкий лист.

— А с этим что ты намерен сделать? — спросил парижанин Узинака, указывая на птичье мясо.

— Съесть, — отвечал храбрый воин. — Bougong-gaja — превосходное блюдо во всякое время года, а в эту пору в особенности. Сейчас они питаются мускатным орехом, который, действуя на них опьяняюще, придает их мясу чрезвычайно приятный, ароматический вкус... Впрочем, ты сам увидишь!

— Покорно благодарю, — живо воскликнул Фрикэ. — Не чувствую сегодня никакого аппетита. Я удовлетворюсь куском саго, и мне будет казаться, что я сижу за столом самого римского императора.

Глава XI

Осажденные в воздушном доме. — Пираты. — Воспоминание о марафонском воине. — Любопытный способ постройки. — Голод. — Съедят их или нет? — Что было на кончике лианы, прицепленной к стреле с желтыми перьями? — Двадцать пять килограммов свежего мяса. — Кому приписать это доброе дело? — Благодарность обездоленных. — Опять кароны-людоеды. — Главный фетиш папуасов. — Птица ночная после солнечной.

— Ну, матрос, что ты об этом скажешь?

— Что мне бы очень хотелось уйти.

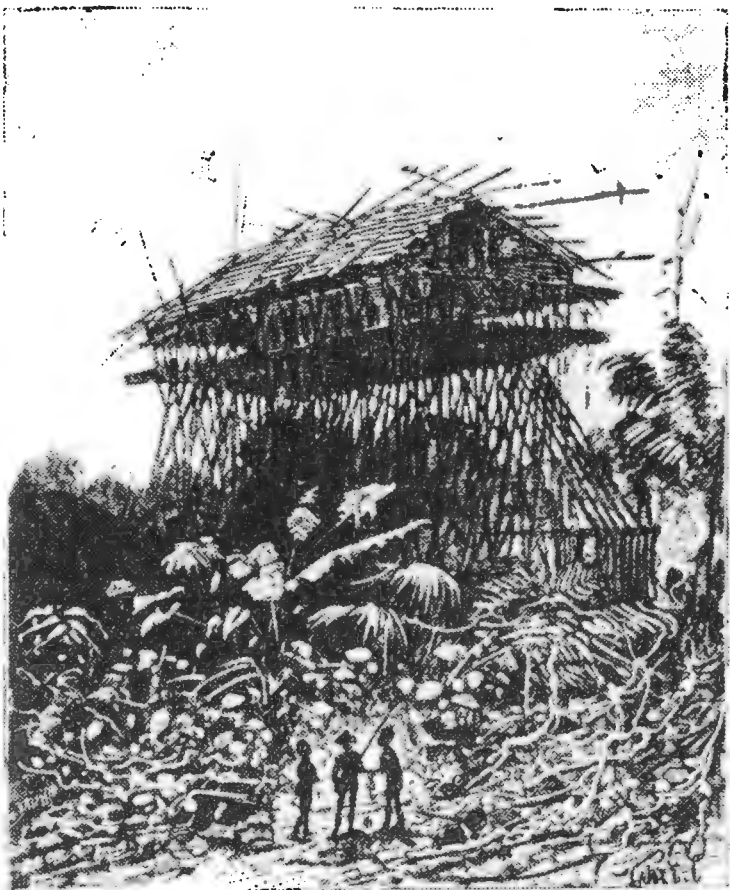
— Да и я тоже не прочь.

— Решительно, на нас все беды.

— Беда за бедой!

— В конце концов это становится несносным. Там, на борту «Лао-Дзы», мы были заперты в приятной

— Мы окружены и, того гляди, будем съедены

компании с голодовкой, здесь мы окружены и, того гляди, будем съедены.

— Осаждены на высоте сорока пяти футов, на какой-то решетчатой крышке люка в двести квадратных метров...

— И притом нечего жевать!..

— А что поделявает неприятель?

— Да по-прежнему прячется, норовя пустить в нас одну из своих шпиговальных иголок с красными перьями.

Несмотря на темноту, Фрикэ тихонько подвинулся к самому краю воздушной площадки, жадно вглядываясь в темноту.

— Осторожней, матрос! Решетка-то ведь широкая, а сетки внизу нет.

— Я не боюсь! Для меня это дело привычное.

— Ничего нового?

— Ничего. Под деревьями темно, как в колодце. Света луны недостаточно, чтобы осветить всю эту чашу.

— А кстати, что поделывают наши друзья папуасы? Их что-то не слышно.

— Да то же, что и мы: подтянули животы. Они на другом конце хижины, сидят на корточках вокруг огня, заслоненного листьями саговых пальм.

— Нет, я опять-таки скажу, что это долго продолжаться не может и что, если мы не осмелимся сделать вылазку, то придется съесть друг друга.

— А все оттого, что наши райские птицы завели нас так чертовски далеко.

— Да. Мы было готовили их для небольшой закуски. Что ж делать? Приходится смириться.

— Как жаль, однако, что у нас не осталось дюжин двух или трех этих маленьких птичек. Теперь они были бы весьма кстати.

— И притом хотя бы сотню-другую килограммов саго! Хоть и сказался бы недостаток воды, но ничего, можно было бы потерпеть.

— Тогда как при этой голодовке роковая развязка неизбежна.

— Ты видел, с какой отвратительной жадностью смотрели папуасы на бедного нашего Виктора?

— Тс!.. Пусть мальчик ничего не подозревает. Однако я не советовал бы им дотрагиваться до него, а не то им придется отведать несколько унций свинца. У меня, к счастью, цел еще револьвер американца. Первого, кто осмелится наложить руку на мальчугана...

— Пьер!

— Я здесь...

— Я попробую заснуть, а ты тем временем поглядывай. Нашим союзникам я доверяю почти так же мало, как и осаждающим. Когда твое дежурство кончится, я тебя сменю.

И Фрикэ, который, как и его товарищи, уже три дня обманывал голод жеванием листьев, растянулся на рогоже.

Что же произошло с того момента, как папуасы, окончив охоту и содрав кожу с райских птиц, готовились приняться за завтрак?

А вот, что.

Жаркое уже поспевало, охотники сидели на корточках — любимая их поза, даже тогда, когда у них есть на чем сидеть. Шла веселая беседа. Черные лица расплывались в широких улыбках: охотники с радостью мечтали о стеклянных бусах, о топорах с раскрашенными рукоятками и в особенности о многочисленных бутылках с водкой, которые они рассчитывали получить от малайских торговцев в обмен за перья райских птиц. Ни дать ни взять, как в басне «Разбитый кувшин».

Вдруг в лесу послышался шум. Все мигом вооружились. Шум усилился; казалось, это бежит зверь, настигаемый охотниками. Из чащи вышел человек. Узнав, признал в нем своего. Несчастный едва дышал и был весь покрыт пеной. Стараясь унять рукою кровь, лившуюся из раны на груди, он с трудом прохрипел срывающимся голосом:

— Гуни!.. Гуни!..

В ту же минуту он свалился с ног, как марафонский воин *. Только, увы, весть была не о победе.

Это слово ошеломило охотников. Если пираты напали на деревню, то вернуться на берег невозможно. Нужно было скрыться подальше в лесу и спрятать в безопасное место богатую добычу, доставшуюся утром.

Два человека быстро подхватили раненого, один за руки, другой за ноги. Третий взял еду, и вся толпа в сопровождении европейцев и китайца скрылась от врага. Через полчаса усиленной ходьбы они достигли прогалины. У опушки стоял большой покинутый дом. Беглецы вообразились на него с ловкостью обезьян, едва успевая запастись несколькими кокосами и бананами. Этого очень мало, но время не ждет, враг близко. Однако охотники успели укрыться. Теперь им страшен только голод и жажда.

Мы уже описывали ранее болотные хижины, выстроенные на сваях, которые делают их совершенно недоступными с суши или моря.

Не менее любопытны и жилища, выстроенные на

---

* Эллинский воин, прибежавший в Афины из местечка Марафон, чтобы сообщить о победе над персами (490 г. до н.э.). — *Прим. ред.*

твердой суше: в случае нужды они также могут служить настоящими крепостями.

Смелость и легкость этих построек невероятны. Глядя, как они лепятся на высоте четырнадцати-шестнадцати футов от земли, невольно задаешься вопросом: как это их не унесет ветром? Тяжелые, прочные сваи заменяются здесь длинными, тонкими жердями, искусно скрещенными друг с другом и соединенными лианами так, что все они взаимно поддерживают друг друга. Представление об этих сооружениях могут дать лишь американские железнодорожные мосты, построенные из дерева. Чтобы придать зданию прочность, на высоте, по крайней мере, десяти метров от земли из жилок саговых листьев настилается пол, который плотно скрепляет между собою все жерди сверху. Настоящий же пол находится на пять-шесть метров выше первого. Снаружи он образует платформу, опирающуюся на сваи, и в центре этой платформы возвышается хижина.

Вход в это жилище, напоминающее скорее гнездо хищников, крайне первобытен и не всякому доступен. С большой площадки против двери спускаются штук шесть жердей, очень тонких и гладких, образующих угол приблизительно в 65 градусов и в шести метрах от земли упирающихся в другую площадку, на которую нужно подняться тоже по жердям, но уже вертикальным. Таким образом, на папуасскую лестницу приходится взбираться, как на мачту. Это дело для папуасов, — как взрослых, так и малолетних, — не более чем игра. Впрочем, и неудивительно. Не то же самое ли мы видим в Ландах, где четырехлетние дети так ловко умеют бегать на огромных ходулях, или в аргентинских пампасах, где маленькие гаучосы отличаются таким же мастерством? Все дело в привычке.

Как бы то ни было, в воздушное жилище можно проникнуть только таким путем и только с одной стороны. Если бы неприятель вздумал его штурмовать, взбираясь по опорным столбам, то он уперся бы головою в пол, со всех сторон выступающий над фундаментом.

Нам возразят, что осаждающие могут поджечь постройку. Но дело в том, что папуасы только для того и воюют, чтобы съесть своих врагов или отрезать им головы. Обугленные тела побежденных не годятся ни для пира, ни для украшения жилищ.

Срубить столбы? Но ведь и у осажденных есть оружие, которым они могут поразить врагов, если те подойдут слишком близко.

Пираты, о приближении которых возвестил раненый, нашли свайный дом достаточно защищенным и не решились приблизиться к нему. Но они не без основания предположили, что владельцы дома на болоте могут стать хорошей добычей, и пустились по следу охотников.

Вот какими судьбами очутились европейцы и пануасы в критическом положении на высоте пятнадцати футов от земли.

От голода Фрикэ проснулся задолго до окончания дежурства Пьера. «Кто спит, тот обедает», — гласит пословица. Но без обеда сон не крепок, и после сна голод вновь дает себя чувствовать. Фрикэ потянулся, зевнул и задумался.

Резкий и довольно сильный толчок снизу вывел его из задумчивости.

— А! — пробормотал он. — Наши осаждающие что-то хотят предпринять. Посмотрим.

Он нащупал на всякий случай свой револьвер и убедился, что оружие находится в прекрасном состоянии. Предосторожность оказалась, впрочем, ненужной, потому что стук не повторился. После этого парижанин промечтал еще около часу, поглядывая на звезды, покуда не заалел край востока.

В это же время проснулся и Пьер — по старой привычке моряка подниматься перед утренней вахтой.

— А, ты уже проснулся? — спросил он. — Что новенького?

— Увы, ничего, все по-прежнему.

Моряк окинул землю быстрым взглядом и вскрикнул от удивления:

— Ничего! Так это, по-твоему, ничего? Что это значит? — продолжал он, подойдя к самому краю площадки. Черт возьми, это очень странно!

И было чему удивляться.

На земле тесною грудой лежало четыре или пять убитых четвероногих, белая шкурка которых была испачкана свежей кровью; только дружеская рука могла положить их так близко от осажденных. Животные были связаны лианой, через которую была продета палка. Конец палки, неизвестно чем поддерживаемой, был недалеко от платформы. Стоило только протянуть руку, чтобы поднять этот запас свежего мяса.

— Да будут благословенны те, кто, тронутые нашей горькой участью, прислал нам бесплатно целую корзину дичи! — с комическим пафосом воскликнул Фрикэ.

Парижанин прилег на платформу, стараясь разглядеть, чем поддерживается спасительная лиана. Оказалось, что в саговое дерево глубоко воткнута костяным острием длинная и крепкая стрела, в другой конец ее с желтым опереньем упирается лиана.

Молодой человек вспомнил тогда про звонкий стук, который он слышал ночью. Он протянул руку, чтобы взять неожиданно полученный дар, как вдруг над его ухом прожужжала стрела, пущенная из леса, и вонзилась в стену над самой его головой.

Пьер де Галь немедленно ответил выстрелом из ружья.

— А если тебе этого мало, поганый негрит, то у нас есть еще порох и пули, — проворчал он. — На военном языке это называется «прикрывать движение».

«Движение» Фрикэ, поддержанное стрельбою Пьера, удалось вполне, и перед глазами изумленных папуасов явились пять великолепных *phalangers*, называемых туземцами «ку-ку».

— Вот и будет, чем закусить, — сказал Фрикэ, обращаясь к Узинаку. — Это нам прислали в подарок неизвестные друзья. Велите же поскорее приготовить этих животных, а то у нас в лагере все проголодались.

Узинаку на этот раз даже переводчик не понадобился: он сразу все понял, — и папуасы мигом набросились на мясо. Растерзали его в клочки и тут же принялись есть в сыром виде. Парижанин едва успел спасти одного *phalanger*'а для себя и своих спутников.

— Курьезный зверек, — говорил Пьер, пока Фрикэ торопливо сдирал белую пушистую шкурку, покрытую темноватыми крапинками.

— Ты видишь только его хвост и круглую, как у кошки, голову с большими испуганными глазами. А ты взгляни на огромную сумку на его животе, в которой он прячет своих детенышей.

— Знаю, я уже слышал про это. Не видав еще ни разу вблизи этого зверька с портфелем, я тем более рад познакомиться с ним накоротке. Он весит, по крайней мере, килограмма три без костей. У нас теперь есть чем закусить. Надо поскорее его зажарить, а то наши приятели съедят свою долю и начнут завидовать нашей.

Вопреки обыкновению, Фрикэ пребывал в задумчивости, разрезая на куски мясо двуутробки.

— Что ж ты молчишь? — приставал к нему моряк.

— Я думаю. Когда мы подкрепим свои силы, что будет дальше? Положение наше не изменилось, а наши благодетели, не думаю, чтобы были в состоянии продолжать поставку продуктов.

— Так-то так, но что же делать?.. А кстати, как ты думаешь: кому мы обязаны этим приношением?

— Взгляни на стрелу. Видал ли ты, чтобы папуасы употребляли стрелы с костяным острием и с желтыми перьями на тупом конце?

— Папуасы не употребляют, а употребляют людоеды, которым мы намеренно оказали услугу.

— Людоеды-кароны, не так ли? Я узнаю их стрелы.

— Так, так. Бедные! На них здесь смотрят, как у нас в Бретани на волков, а у некоторых из них, оказывается, благодарное сердце соседствует с желудком, способным переваривать человеческое мясо. Нельзя не сознаться, что хоть нам и попадались здесь дурные люди, но встречались и хорошие.

— Да, и я задаюсь вопросом: что было б с нами, если бы мы не познакомились с Виктором и с этими несчастными, так вовремя отблагодарившими нас? В результате оказывается, что добрые чувства скорее можно встретить у людей, обездоленных судьбою!

Когда настала ночь, послышался такой же короткий стук, как и накануне. Фрикэ и Пьер догадались, что это опять прилетела стрела.

Послышался жалобный крик и какое-то странное трепетанье. Дождавшись утра, два друга поспешили узнать, в чем дело. Заглянув под платформу, они вскрикнули от разочарования: на конце гибкой лианы, приколотой, как и накануне, к стреле, была привязана черная птица величиною с голубя. Она жалобно пищала и билась точно жук, надетый на нитку злым ребенком.

— Если это все, что нам послали, то мы сегодня не объединимся, — сказал Пьер с комической покорностью.

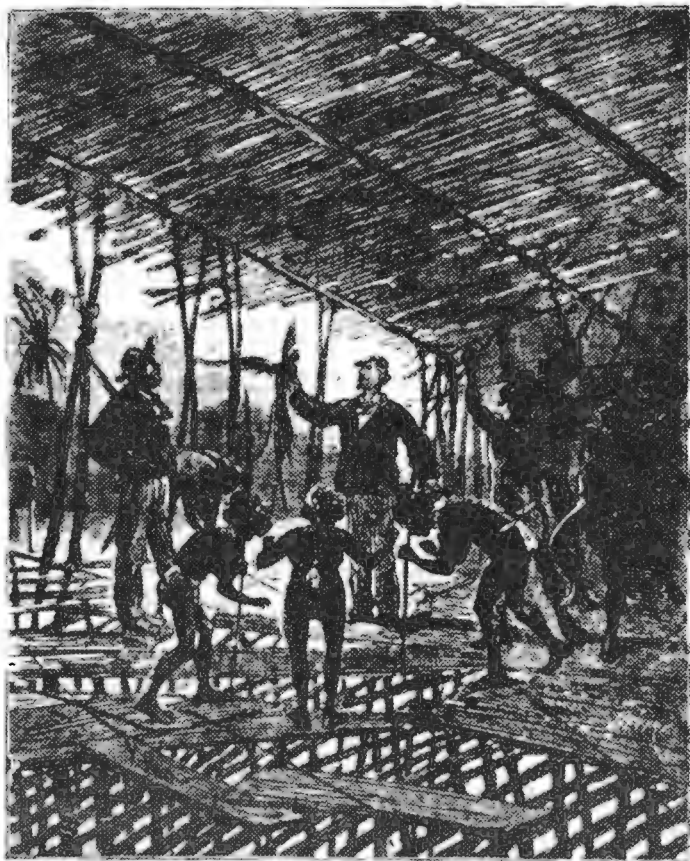
— У них есть какое-то намерение, — сказал Фрикэ. — Быть может, Узинак объяснит нам этот ребус.

Сказав это, он стал поднимать лиану, которая гнулась во все стороны под трепетавшей птицей.

— Берегись, матрос, вспомни про стрелы. Пожди, я заряжу ружье.

Предосторожность была излишней. Осаждающие не

При виде этой птицы папуасы точно сошли с ума

думали повторять вчерашнюю преступную попытку, и Фрикэ спокойно завершил свою операцию.

О чудо! Как только молодой человек овладел птицей, которая была ничем иным, как какаду, черным, как ворон, папуасы Узинака и сам Узинак точно сошли с ума. Они начали прыгать, махать руками, рвать на себе волосы и, наконец, бросились к ногам парижанина, словно моля о чем-то.

Какаду продолжал лищать, широко раскрывая свой огромный клюв, в глубине которого виднелся толстый цилиндрический язык.

— По-видимому, у тебя в руках какая-то местная святыня, — сказал Пьер.

Предположение оказалось верным. Поклоны и приветствия дикарей становились все шумнее. Наконец, Узинак первый обхватил жерди, соединявшие хижину с землей, и храбро спустился на землю в сопровождении своих воинов.

Затем он знаками дал понять парижанину, чтобы тот тоже спустился и не выпускал из рук птицы. Фрикэ не заставил себя упрашивать и, пропустив вперед Виктора и Пьера, соскользнул последним, как капитан, покидающий свой корабль.

Связанный попугай, сидя на дуле ружья, которое нес за плечом Фрикэ, дал себя нести, точно ручной. Папуасы окружили их, словно почетным караулом, и углубились в лес, не заботясь более о врагах.

На вопрос Фрикэ Узинак, опуская глаза, словно он был не в силах смотреть на птицу, отвечал:

— Они ушли. Они не смеют нападать на тех, кому покровительствует птица ночи.

Глава XII

Вновь кораблекрушение. — Несколько жителей каменного леса. — Письмо Фрикэ. — Ужасная буря. — Огни каннибалов Кораллового моря. — Что означали крики: ooo!.. ooo!.. ooo!.. eeel!.. — Табу. — Благотворительное влияние протокола, составленного весьма кстати одним жандармом по случаю преступления каннибалов. — Три года спустя. — Совершенно голые туземцы в костюме французских жандармов. — Канонизированный Пандор. — Островок Буби и Postal office. — Убежище для потерпевших крушение.

Прошел месяц с того дня, как наши французы и их союзники-дикари вышли при таких удивительных обстоятельствах из своего отчаянного положения. Судя по тем, частью странным, частью страшным, историям, героями которых они были со времени отъезда из Макао, надо думать, что и на этот раз у них не было недостатка в приключениях.

В данный момент, однако, злая судьба, преследовавшая их и с неумолимым упорством строившая им всевозможные козни, которые они преодолевали благодаря своему мужеству, силе и смелости, как будто упустила их из виду.

Или, быть может, судьба устала за ними гнаться? Или беда, действительно, отдыхает, как шутя выразился Фрикэ.

В парижанина, очевидно, вселился оптимизм, ибо объективные обстоятельства нисколько не способствовали этому.

Но так как все на свете относительно, то, быть может, нынешнее положение наших героев и вправду можно считать неожиданным счастьем по сравнению с прежними их бедствиями.

Папуасы исчезли. Фрикэ, Пьер де Галь и молодой Виктор находились на островке, затеряншемся в океане. Кругом пенились волны и разбивались о непроходимую путаницу зубцов, острых выступов, подводных утесов, отмелей и рифов, покрытых белыми клочьями пены. Поблизости от этого места в изобилии виднелись барьерные рифы и атоллы с их неизменным убранством из пальм; и море на всем необозримом пространстве было усеяно островами и островками. Бурное течение с громким рокотом стремилось через этот лабиринт, воздвигнутый бесконечно малыми существами; и океан, негодую на цепи, налагаемые на него работой ничтожных атомов, с бессильною яростью кидался на эти груды камней.

Тысячи морских птиц летали и кружились шумными стаями, то описывая в воздухе большие круги, то вдруг быстро опускаясь в самую середину волн и выхватывая оттуда лакомую добычу. Солнце играло на белых ветвях умерших кораллов, и его отвесные лучи вносили жизнь в среду растениевидных животных, которыми был усеян подводный цветник. Литофиты с мягкими движениями своих бесчисленных щупальцев; астреи, усеянные звездами; флюстры, утопающие в мягком, почти неосязаемом кружеве; тизифоны с прелестной перламутровой чашечкой на тоненькой ножке; дендрофиллы, почки которых напоминали осиновы; горгоны, огромные и светящиеся, отливающие всевозможными оттенками — фиолетовым, красным, зеленым, оранжевым; мадрепоры, нептуновы колесницы, меандрины с длинными щупальцами; миллепоры, лосиные рога, со своими изящными формами; пурпурные актинии, выделяющие едкий сок; моллукские Изиды, употребляемые туземцами как лекарство от всех болезней; трубчатники, называемые также морскими органами, потому что их трубки расположены симметричными рядами, точно трубы у органа; далее пантакрины, голотурии, астерофоны и пр., — одним словом, все лучшие образчики группы полипов и иглокожих распускались

под горячими ласками тропического светила, между тем как веселые и подвижные толпы рыб играли и плескались в теплых, прозрачных, как хрусталь, волнах.

Три друга, которые уже успели досыта насмотреться на это зрелище, не обращали никакого внимания на блестящую выставку, перед которой замер бы от восторга даже наименее впечатлительный из натуралистов. Их большое убежище находилось на десять-двенадцать футов выше уровня моря. Таким образом, они были защищены от высоких волн, приносимых во время бури восточным ветром. Гарантом их безопасности были пещеры, находящиеся под белым, как снег, верхним слоем рифа и способные выдержать самый сильный шторм.

Виктор был занят прозаическим приготовлением завтрака. Он сидел на солнцепеке перед жаровней и кипятил на ней большой медный луженый котел. Котел шипел, и из носика его вылетала струя пара, подобно той, что навела на знаменитое открытие гений Джемса Уатта. Нечувствительный ни к лучам солнца, ни к пламени очага, как настоящая саламандра, китайчонок встал, удалился на минуту и вернулся с тремя чашками и объемистым чайником, в который и налил немного кипятку.

Растянувшись на спине у входа в пещеру, Пьер де Галь курил свою неизменную трубку; неподалеку от него перед крупным обломком скалы стоял на коленях парижанин и мелким почерком исписывал многочисленные листы белой бумаги, один за другим. Перо его, настоящее стальное перо, быстро бегало по бумаге; парижанину часто приходилось макать его в большую чернильницу, потому что чернила быстро высыхали. Не переставая работать, он с наслаждением заправского курильщика вдыхал благовонный дым превосходной сигары.

Молодой человек прервал свое занятие и подозвал к себе гражданина Поднебесной империи.

— Что, Виктор, скоро чай?

— Сейчас, Фрикэ, сейчас...

— А жаркое из говядины с луком? — спросил Пьер, раздувая ноздри.

— Жарится.

— А!.. Заморим, значит, червячка.

— Сейчас!..

Чай, сигары, говядина, лук!.. Откуда же у наших

друзей вся эта гастрономическая роскошь? Откуда у Фрикэ чернила, перья и бумага, после того, как мы оставили его среди дикарей с попугаем на плече?

Еще минутка терпения — и любопытство наших читателей будет вполне удовлетворено.

Первая часть завтрака прошла в молчании. Три Робинзона, — мы имеем полное право назвать так людей, находящихся на необитаемом, хотя и полном еды, острове, — три Робинзона оказали большую честь жаркому; и молчание было нарушено лишь после того, как Пьер, основательно подкрепившись, допил последнюю каплю ароматной наливки.

— Ну, матрос, что нового в твоём корабельном журнале?

— Для тебя — ровно ничего. Я закончил рассказ о приключениях, случившихся с нами с того дня, как мы простились с жителями Новой Гвинеи; мне остается только запечатать письмо и сдать на почту.

— Хорошо, что почта не далеко.

— Да, но скоро ли придет почта, чтобы взять письмо и, кстати, захватить нас? — грустно возразил молодой человек.

— Потерпи, сынок, потерпи! С нами случилось и худшее, а это еще ничего.

— Неизвестно, что будет впереди.

— Ну, вот! Ты, право, сегодня какой-то смурной. Меланхолия, что ли, на тебя напала?

— Я просто скучаю.

— А разве мне весело?

— От этого мне не легче, что тебе тоже невесело. Я вполне понимаю, что ты стареешь, хотя здесь мы как сыр в масле катаемся. У меня идея: не прочитаешь ли ты мне свой журнал? Мы скоротали бы время.

— Это было бы недурно, но я боюсь, что это тебе покажется неинтересно.

— Глупости! Ты молодец рассказывать: откуда только у тебя что берется. Я всегда дивился твоему уменью.

Парижанин расцвел. Он улыбнулся, собрал разбросанные листы, сложил их по порядку, сел на землю и начал читать:

— «Старый дружище!

Со времени моего последнего письма с острова Су-матры нас преследуют несчастья и...»

— Ну зачем же несчастья? — резко перебил возму-

щенный таким началом Пьер де Галь.— Дела в настоящее время идут как нельзя лучше.

— Если ты будешь перебивать меня с первой же строчки, то я никогда не дочитаю до конца. Да, наконец, я говорю не о нынешнем положении, а о том, что было два месяца назад.

— Твоя правда,— сказал сконфуженный Пьер.— Я говорю вадор. Впредь постараюсь держать язык за зубами.— Продолжай!

Фрикэ продолжал:

— «И если так будет и дальше, то мы рискуем попасть в приключения еще более удивительные, чем те, которые я Вам сейчас опишу. Судите сами. Как Вам известно, мы поплыли из Суматры в Макао за китайскими кули для нашей колонии. Мне помнится, я писал Вам об этом в Париже перед самым отъездом. Дела шли великолепно, как вдруг жулик-американец, капитан корабля, перевозившего кули, позавидовал нашему приобретению. С полнейшей бесцеремонностью засадил он нас, не долго думая, в трюм, чтобы голодом вынудить у нас отказ в его пользу. Отсюда вижу, как вы дергаете себя за усы и грозно ворчите, поглядывая на свою саблю: «Эх, если бы я там был!» Все равно, было бы то же самое, мой старый друг. Вас точно так же связали бы, как и нас, и Ваша репутация полетела бы к черту. Но все это ничего. Не буду распространяться о кораблекрушении, когда мы чуть не утонули, будучи заперты в трюм. Спасшись чудом, мы выбрались на остров, населенный каннибалами; и все двести наших китайцев были съедены, чему мы, при всем нашем желании, никак не могли воспротивиться. Нам удалось уйти из этого проклятого места в отнятой у негодаев пироге; и мы прибыли в Новую Гвинею; этот остров вам известен; жители его так же охочи до человеческого мяса, как и Ваши старые враги, канаки Новой Каледонии. Опять та же история. Ни одной человеческой души — все людоеды. Кое-как, однако, выбрались мы целыми и невредимыми и из этой вынужденной экспедиции, пожив в домах, построенных на сваях среди воды, отведав саго, поохотившись на райских птиц и спасши жизнь двум дикарям, которые чуть-чуть не были съедены. После того мы распрощались с Узином, честным папуасом, подружившимся с нами, и направились в Торресов пролив. Мы плыли в туземной пироге. Провизии было запасено достаточно на троих.

Наша скорлупка понеслась с быстротой курьерского поезда

(Да, я и забыл Вам сказать, что дорогой мы прихватили с собой китайчонка, который едва не был зарезан.) Четыре дня плыли благополучно. На пятый появились признаки приближающейся бури. Мы были в открытом море. К берегу пристать нельзя; пришлось плыть вперед, тем более, что ветер относил нас от земли. Пьер убрал мачту, а парус из саговых волокон мы приспособили вместо крыши для пирога, сделав в нем три отверстия, чтобы нам можно было высунуться до пояса.

Приготовившись так, мы стали ждать урагана. Ждать пришлось недолго. Ветер, начавший крепчать еще за полчаса перед тем, превратился в бурю. Небо почернело, как сажа. Наша скорлупка, подхваченная, словно смерчем, понеслась с быстротой курьерского поезда. Загремел гром, засверкали со всех сторон молнии, — словом, нас оглушило и ослепило, точно мы находились под выстрелами стотонной пушки. Легкая пирога вела себя отменно. Она плавала, как пробка, и не зачерпнула ни капли воды, благодаря тому, что мы постарались прикрыться парусом, который был непромокаем, как брезент. Невозможно было видеть, куда несет нас шквал. Немыслимо было даже обменяться хотя бы словом. Ветра мы не особенно боялись, но зато опасались наткнуться на риф. Было чудом, что до сих пор этого не случилось. Буря бушевала два дня без перерыва. За это время мы едва успевали урывками перехватить кусочек-другой саго. По временам пирога так ныряла и выделявала такие пируэты, что будь Вы с нами, Ваш желудок, такой восприимчивый к морской болезни, успел бы, наверное, вывернуться наизнанку раз пятьдесят в час, как перчатка. Нечего и говорить о том, что мы были совершенно разбиты и едва дышали. Однако всему бывает конец, даже страданиям. Черная мгла, устилавшая небо, прорвалась в нескольких местах. Молнии стали реже, гром глуше, и ветер немного стих. Появились звезды. Где, черт возьми, мы могли быть? Пройденное расстояние должно быть немалым, и мы не сразу смогли сориентироваться. Между двумя порывами ветра мне послышался голос Пьера: «Матрос! Впереди огонь!» Я вытаращил глаза, но ничего не мог разглядеть, так как пирога нырнула в это время вниз. Когда она поднялась, я снова открыл глаза, распухшие от соленой воды, и увидел не один, а целых десять огней, если не более, сверкавших красноватыми точками на горизонте... «Черт возьми, — сказал я про себя, — берег близко, и нас течением несет вперед». И что греха таить, я почувствовал в эту минуту, как волосы у меня становятся дыбом, а сердце готово вырваться из груди. Я обернулся к Пьеру, который сидел сзади меня. Мне бросился в глаза его темный силуэт, и я расслышал тяжелое дыхание, словно от усиленной физической работы. «Что это ты делаешь?» — закричал я ему. «Хочу повернуть руль». Напрасный труд. Раздался треск; весло сломалось пополам. Мы ока-

зались окончательно во власти стихии. Катастрофа была неизбежной. Я уже слышал знакомый плеск волны, разбивающейся о берег. Я успел только протянуть руку Пьеру, который крепко ее пожал. Вслед за тем мы были подхвачены огромной волной. С минуту мы застыли в невесомости на гребне волны, похожей на свод подломившейся арки, внизу под которой была бездна. Потом я вдруг почувствовал, что пирога отрывается от водяной поверхности. Равновесие было потеряно. Я почувствовал, что падаю. Что-то толкнуло меня с неслыханной силой так, что я потерял сознание. Оказывается, старый дружище, даже человек, прошедший, как говорится, сквозь огонь, воду, медные трубы и чертовы зубы, может иногда упасть в обморок, как томная барышня, увидавшая паука. Именно так и случилось с нами. Следовало ожидать, что мы будем превращены в лепешку. Но наша звезда еще не закатилась. Буря, так грубо бросившая нас на берег, позаботилась заранее приготовить нам ложе из водорослей, вынесенных со дна океана. Это-то мягкое ложе до некоторой степени и смягчило силу удара. Долго ли я спал — не могу Вам сказать, но, должно быть, довольно долго, потому что, проснувшись в минуту восхода солнца, я сам удивился, что остался жив. В руке у меня был ножик, который я машинально достал в последнюю минуту, чтобы разрезать стеснявший меня парус. Поэтому я был теперь совершенно свободен от всяких пут. Разумеется, прежде всего я занялся своими товарищами. Позади меня послышалось чье-то энергичное чиханье. Я обернулся и увидел ноги, торчавшие из кучи водорослей. Обшарить эту кучу было для меня делом одной минуты. Чиханье возобновилось, и такое громогласное, что не оставляло сомнений в отличном здоровье производившего эти звуки. Ноги задергались, и я увидел Пьера с ошалелым лицом и с бородою в тине, как у морского царя. «Матрос! Сынок! — сказал он мне с чувством. — Это ты! Аварии никакой, а?» — «Я весь разбит, но цел». — «А тот мальчуган наш?» — спросил он с тревогой. В самом деле, где Виктор? «Сооо!.. Мооо!.. Нооо!.. Неее!» Ах, эти крики!.. Я узнал их. Вы, надеюсь, их помните. У австралийцев они означают сигнал к сбору. Мы опять попали к людоедам. Странная, право, моя судьба: вечно оказываться у людоедов. Где только не варится человеческое мясо — я уж тут как тут, в двух вершках от кастрюли. Право, это

скучно, и мне хотелось бы разнообразия... Защищаться успешно не было возможности: наше оружие пошло ко дну вместе с припасами. Но, с другой стороны, неужели следовало подставить шею, как баранам? Ни за что на свете! Приходилось пустить в ход бокс... К счастью, в эту минуту наш китайчонок выбрался из нашего общего ложа, такой же невредимый, как и мы. Крики усилились. Народу было, очевидно, много, и глотки были здоровые. Место, где мы стояли, никуда не годилось для обороны. Мы решили добежать до камедного дерева, ствол которого мог избавить нас от несчастья быть съеденными. Сказано — сделано. И вот мы встали вокруг дерева спиной к нему. И вовремя. Австралийцы приблизились, передовой отряд состоял человек из двенадцати. Они увидели нас. Мы уже собирались предупредить нападение и ударить первыми, как вдруг — о чудо! — один из них, самый рослый и, очевидно, главный, остановился, увидав нас, бросил на землю свое копьё и бумеранг, вытянул вперед руки и... начал петь... Опасаясь предательства, мы продолжали стоять в оборонительной позиции, но это оказалось совершенно лишним. Прочие туземцы точно так же бросили оружие на землю, точно так же вытянули руки и в такт с предводителем приблизились, распевая и приплясывая... Разумеется, мы были в изумлении и восторге. Но мы еще больше удивились, когда явственно различили в их крике три слога, произносимых с особенным восхищением: «Ба-ба-тон!.. О!.. О!!! Ба-ба-тон?.. Табу! Табу!» При слове «табу» все падали перед нами ниц, как перед идолами, и приближались к нам уже не на ногах, а на коленях. Пьер щипал себя до крови, чтобы увериться не во сне ли он, а я всеми силами старался удержаться от смеха, чтобы не скомпрометировать наш божественный сан. Приблизившись ко мне, вождь быстро встал на ноги и принялся душить меня в объятиях, тереться носом о мой нос, потом опять обнимать и опять тереться носом, чуть не сдирая с меня кожу. Пьер и Виктор, обласканные, полузадушенные, в той же мере испытали эту австралийскую учтивость. Снова слышались крики: «Ба-ба-тон!.. Табу!» Я начал что-то припоминать и, взглянув на татуировку дикарей, разразился самым непочтительным смехом. Татуировка делала честь таланту художников. Я опишу тебе татуировку вождя. Ноги черные, как эбен, напоминают ботфорты. Бедра выкрашены аквамаариновой краской, так что кажется,

будто на них надеты панталоны, заправленные в сапоги. Спина, грудь и прочее покрыты татуировкой того же цвета. Это — туника, у которой есть и пуговицы, и выпушки, и даже ленточка ордена почетного легиона, обозначенная красным на левой стороне. Черная полоса вокруг поясницы означает пояс, к которому желтыми штрихами пририсован эфес кавалерийской сабли. Что до лица, так это просто чудо: белокурые усы, закрученные чуть не до ушей, и маленькая бородка, видимо, претендовали на сходство с хорошо знакомым нам лицом, ибо слегка малиновый оттенок носа присущ только Вашему носу, старый дружище, не в обиду будь Вам сказано. Одним словом, совершенство татуировки было таково, что наши австралийцы, голые, как черви, оказались одеты ни более ни менее, как в полную парадную форму колониальной французской жандармерии, то есть в Вашу, дорогой Барбантон. «Ба-ба-тон!.. Табу!.. Это ты, могучий, священный, святой Барбантон!»

Я окончательно понял все. Судьба вторично забросила меня на австралийский берег, недалеко от того места, где я едва не был убит вместе с господином Андрэ, доктором Ламперриером и матросом Бернаром. И в этом самом месте, потерпев крушение, как и мы, грешные, Вы явились нам спасительным божеством. Я живо помню, как Вы разбросали ударом сапога уголья, готовые нас изжарить, вынули саблю и составили протокол на все действия каннибалов; как потом Вы в одиночку напали на все скопище, разогнали его, упали на землю, зацепившись за какой-то корень, и стали «табу». Это было справедливо, потому что в своем блестящем мундире Вы имели тогда весьма сановитый вид. Одним словом, мы, жалкие оборванцы, были бы непременно съедены, если бы не Вы... Островитяне остались до такой степени верны Вашей памяти, что и после нашего отъезда из Кардвелля Вы остались одним из наипочитаемых святых австралийских святцев. Вожди дикарей присвоили себе Вашу внешность, и Ваш мундир запечатлелся на их коже, как Ваше имя в их сердцах. Между нами, я думаю, что канонизация в тех местах вызовет со временем — так через несколько сотен лет — особенно кропотливые исследования этнографов, пожелавших изучить происхождение этого культа... Как бы то ни было, но для нас было большим счастьем, что Ваше «табу» оказалось через

три года таким же действенным, как и в первый день. В самом деле, австралийцы, живущие в этой местности, вместо того, чтобы съесть потерпевших крушение, стали с тех пор оказывать им всевозможное гостеприимство. Будьте уверены, что все это Ваше влияние. Наши милые дикари снабдили нас решительно всем и устроили нам несколько праздников. В Вашу честь были принесены жертвы, и мы принимали участие во всех церемониях, горлая во всю мочь вместе с дикими: «Барбантон табу!»... Эта песня сделалась национальным гимном у «н'юа-ток-ка» — таково название племени ваших обожателей. Благодаря их любезности, мы получили возможность добраться до острова, на котором пребываем и по сей день. Наша новая резиденция находится по дороге из Австралии на север; и корабли, идущие через Торресов пролив, обязательно заглядывают сюда, так что у нас есть слабая надежда вернуться со временем домой. Островок прозывается Буби-Эйланд! Живем мы на нем в полном достатке, несмотря на то, что он необитаем, а может, и благодаря этому. Зато британское адмиралтейство поместило тут всевозможные припасы для потерпевших крушение, без различия национальностей, и даже почтовый ящик. Высокая мачта с развевающимся английским флагом еще издали указывает плывущим на существование этого кораллового острова, спасшего жизнь многим несчастным. К мачте приставлена бочка, покрытая просмоленным полотном, на котором крупными буквами написано: «Postal office» *! Эта-то бочка и есть почтовый ящик. В ней находится бумага, перья, чернила и мешок для писем. Кроме того, в ней есть чай, соль, сахар, сигары, огниво, табак. Рядом с ней — просторная пещера, снабженная всевозможными припасами: сухарями, ветчиной, солониной, сушеной рыбой, свиным салом, ромом и пресной водой.

На видном месте внутри пещеры находится толстая книга с надписью: «Реестровая книга при убежище для потерпевших крушение»; на заглавном листе красуется написанное на нескольких языках приглашение такого содержания: «Мореплавателям всех наций предлагается вписать сюда все сообщения и замечания касательно изменений, наступивших в наружном виде Торрессова пролива. Покорнейше просим капитанов

---

* Почтовое ведомство (англ.).

кораблей оказывать по мере возможности поддержку убежищу».

Таким образом, всякий мимо идущий корабль считает долгом причалить к острову. Он забирает письма, пополняет истребленные или попорченные припасы и на нем же уезжают жертвы морских катастроф. Случается это сплошь да рядом, о чем красноречиво свидетельствует реестровая книга. Наконец, в некоторых местах на островке посеян лук, тыква и картофель. В закрытой пещере, подле водоема с водой для питья, имеется целый запас платья. Места, где находятся водоем и пещера, обозначены на плане, хранящемся в бочке...

Из всего мною сказанного Вы видите, мой милый товарищ, что трудно придумать лучшую обстановку для потерпевших кораблекрушение. Мы нагуливаем здесь жирок в ожидании корабля, который отвезет нас в цивилизованную страну. А до тех пор потрудитесь засвидетельствовать супруге мое совершенное почтение и примите уверение в моей искренней преданности вам.

Виктор Гюйон, по прозвищу Фрикэ.

P. S. Пьер де Галь заочно жмет вашу руку.

Буби-Эйланд, 0° 36' 30'' южной широты и 141° 35' 6'' восточной долготы».

На конверте значилось: «Господину П. Барбантон, улица Лафайет, Париж».

Глава XIII

Что было в Postal office. — Два письма. — Адрес на одном из них. — Удивление Фрикэ. — Парус. — Голландская штуна «Palem band» — Великодушное гостеприимство. — Размышления капитана Фабрициуса Ван-Прозта о таможнях вообще и о нидерландских таможенных чиновниках в частности. — После пирата — контрабандист. — Гастрономическая фантазия малайцев. — Ловля голотурий. — «Трепанг» как национальное блюдо на малайском архипелаге. — На пути в Тимор.

Дни угрюмо тянулись за днями, и спокойное море было убийственно однообразно. На его сероватой поверхности, точно оазисы на песке пустыни, там и сям зеленели атоллы, окруженные неизбежным кольцом кокосовых пальм; но та движущаяся точка, которую только моряк может разглядеть и признать за то, чем она в действительности является, — за кончик кора-

бельной мачты, — решительно не показывалась на горизонте. Желанный корабль не приходил. Понятно, что дни казались нашим злосчастным путешественникам непомерно длинными, несмотря на сравнительный достаток, царивший на острове Буби.

Хотя путь через Торресов пролив значительно сокращает расстояние между восточным берегом Австралии и большими Малайскими островами, переезд этот гораздо опаснее. Шутка ли, в самом деле, пробраться через целую сеть островков, отмелей и рифов, которыми усеяно Коралловое море, где вдобавок течение настолько бурно, что это место справедливо считается одним из самых опасных на земном шаре. Невозможно ни обозначить с точностью все рифы, торчавшие из воды в этом полуторастоверстном канале, ни провести точной береговой линии; и берега, и рифы постоянно меняют свой вид в результате непрерывной работы мадрепоров. Вследствие этого корабли здесь чрезвычайно редки, несмотря на всю смелость английских мореплавателей, которые перед американскими имеют то преимущество, что умеют быть осторожными, когда нужно.

Из этого, однако, не следует, что Буби-Эйланд посещают только какие-нибудь заблудившиеся суда или что моряки Соединенного Королевства плавают из Австралии на север только обходным путем. Далеко нет. Парусные корабли совершают четыре раза в год служебные рейсы между Батавией и Сиднеем. Два корабля, пользуясь северо-западным муссоном, дующим с октября до апреля, отправляются из Батавии в ноябре и в марте и приходят в Сидней в двадцативосьмидневный срок. Юго-восточный муссон, дующий с апреля по октябрь, позволяет этим судам, отправляясь в мае и сентябре, совершить за такое же время обратный рейс из Сиднея в Батавию. Эти корабли, бесстрашно входящие в Торресов пролив, делают всегда стоянку у острова Буби. Кроме того, тем же маршрутом три раза в год следуют паровые суда «Eastern and Australian Mail Steam Company», поддерживая сношения между этими безотрадными местами и остальным миром. Выходит, стало быть, что убежище для потерпевших кораблекрушение не так уж заброшено, как может показаться сначала. Но, во всяком случае, каждый, кто попадает на этот остров, должен просидеть на нем самое малое два месяца, и то при благоприят-

ных обстоятельствах. Понятно, что эти шестьдесят дней могут иногда показаться вечностью. Пьер и Фрикэ досадовали тем более, что им ничего не было известно про периодические рейсы английских кораблей, и они не могли даже приблизительно рассчитать, когда наступит час их освобождения.

Парижанин сунул свое письмо в мешок, находившийся в бочке. До сих пор он еще ни разу не поинтересовался его содержимым, полагая, что он пустой. Вообще Фрикэ был человек деликатный. Однако, опуская письмо, он, по привычке моряка, скромный багаж которого часто подвергается нападению тараканов, встряхнул мешок, чтобы выгнать из него бесцеремонных насекомых. К его удивлению, из мешка выпали два письма.

Он машинально взглянул на адреса. Почерк был твердый и угловатый, принадлежавший как будто англичанину или немцу. На одном конверте было написано: «Господину Венсану Боскарену, Париж, улица Руссо».

— Хотелось бы мне побывать там, куда рано или поздно придет это письмо,— сказал он с оттенком грусти.— Я не завистлив, но этому письму положительно завидую. Ну, французское послание, отправляйся вместе с моим письмом к жандарму. Что касается другого...

Взглянув на адрес другого письма, он вскрикнул крайне изумленный.

— Гром и молния!.. Нет, это уж слишком... Надеюсь, я не во сне и не в бреду. Пьер, Пьер!..

Бретонец не слушал, уставившись на горизонт. Вдруг Фрикэ увидел, что он подбрасывает вверх свою шапку, забыв про знойное тропическое солнце, и начинает выделять самые замысловатые на, точно итальянец, увлеченный звуками тарантеллы.

— Слушай, матрос!.. Эй, Пьер!.. Знаешь ли, кому это письмо?..

— Ну тебя с твоим письмом!.. Сунь его в ящик!.. Тысяча залпов! Его нынче же вынут оттуда и увезут.

— Ты в своем ли уме!

— Я-то в своем, а вот ты, смотри, не помешайся от радости, мой мальчик.

— Да что случилось?

— Эх, ты. Сразу видно, что ты не лазил по мачте на трехпалубном корабле. Где ж тебе заметить!

— Да что заметить-то?
— Парус, мой мальчик, парус!
— Парус?.. Ты видишь парус?
— Слава Богу, я не стану говорить наобум. Стало быть, парус, коли я говорю. Вглядишься хорошенько, сам увидишь.

— Да, правда, — отвечал молодой человек, на подвижном лице которого отразилось сильное возбуждение.

— Так вот то-то же!.. Через пять минут покажется и сам корабль... А! Это шхуна. Бьюсь об заклад, что голландская, с таким же круглым брюхом, как и у пивных пьяниц, что на ней едут.

Гонимый и ветром, и течением корабль продвигался быстро, искусно огибая коралловые утесы. Скоро на нем был поднят флаг. Пьер оказался прав: судно было голландское. Это можно было заметить теперь по развернувшемуся трехцветному флагу, с такими же цветами — белым, синим и красным, — как на французском флаге, только расположенными горизонтально.

— Недурно, — сказал Пьер. — Я рад попасть на голландское судно. — Голландцы — хорошие моряки и храбрые матросы; с ними можно столкнуться.

Шхуна легла в дрейф в двух кабельтовых от берега; от нее проворно отделилась шлюпка и понеслась к островку. Шлюпка не успела причалить, как один из сидевших в ней уже обратился к нашим друзьям с вопросом на незнакомом языке.

— Черт побери, если бы мы понимали эту тарбарщину... А объяснить все-таки нужно... Мы — французы; не говорит ли кто-нибудь из вас, господа, на нашем языке?

— Я говорю, — отвечал один голландец. — Полагаю, что для вас всего приятнее уехать отсюда?

— Я тоже так думаю, — в один голос отвечали Пьер и Фрикэ.

— А если так, на борт! Скоро начнется отлив, и нам нельзя терять времени.

Наши приятели не заставили повторять дважды это любезное приглашение. Они явились в убежище едва не в костюме Адама, сборы их были непродолжительными, и через несколько минут они уже сидели в шлюпке.

Когда шлюпка подошла к шхуне, с последней был

спущен трап, по которому наши друзья взобрались с ловкостью бывалых людей. Голландские матросы приняли их на палубе с радушием, которое моряки всегда оказывают потерпевшим крушение, помня, что и им самим каждую минуту угрожает такая же участь.

Капитан велел поставить паруса по ветру, не заботясь больше о Postal office. Эта особенность не ускользнула от Фрикэ и показалась ему совершенно несообразной ни с международным правом вообще, ни с инструкциями, изложенными в «реестровой книге» убежища, в частности.

Когда маневры были окончены, капитан пригласил пассажиров к себе в каюту и пожелал узнать, какими судьбами попали они на Буби-Эйланд, Фрикэ кратко пересказал их приключения. Из предосторожности умолчав о действиях американца капитана, он описал кораблекрушение, переезд с острова Вудларк на Новую Гвинею и закончил рассказом о последнем пребывании у австралийцев.

Капитан, добродушный толстяк с коротко стриженными волосами и загорелым лицом, круглый, как бочка, при всей своей флегматичности не мог не выразить удивления, выслушав эту поразительную историю.

Затем он прибавил с добродушием и сердечностью моряка:

— Я рад вдвойне, что случай привел меня на Буби-Эйланд. Я не собирался заезжать сюда, а просто маневрировал, когда вас заметил вахтенный. Не случись этого, сидеть бы вам до марта месяца, покуда не пришел бы парусный корабль, следующий из Батавии в Сидней. А так как вам нужно на Суматру, то вы потеряли бы еще один месяц, так и не повидавши своих. Я иду не прямо на Яву, но через шесть недель все-таки надеюсь быть в виду этого острова, как только окончу погрузку... а это будет скоро. До тех же пор будьте на моем корабле, как дома. Вы вольны делать, что вам угодно: хотите — работайте, хотите — смотрите, как мы будем работать.

— Ну, уж нет, капитан, — возразил на это Пьер де Галь, — не бывать тому, чтоб я сидел на корабле сложа руки. Позвольте мне с моим матросом разделить труды вашего экипажа; мы хорошо будем исполнять команды.

— Как хотите, друзья мои. Это уж ваше дело.

Повторяю: вы вольны делать, что хотите. Помогайте нам, если вам так этого хочется.

— Спасибо, капитан, вы — славный человек.

— Теперь, капитан, — сказал Фрикэ, — позвольте мне задать вам один вопрос.

— Хорошо, спрашивайте.

— Почему вы не сошли на берег расписаться в книге и взять письма из Postal office?

Капитан рассмеялся во весь рот при этом неожиданном вопросе.

— Уж так и быть, я, пожалуй, скажу вам, — отвечал он. — Все очень просто. Я плаваю по морю не ради славы: я простой шкипер, собственник этой шхуны, и волен плавать, где хочу, и брать груз, какой мне угодно! Ну-с, нидерландские чиновники, или, как это называется по-французски, таможенные досмотрщики, любят совать свой нос всюду, где их не спрашивают, и ужасно бесцеремонно проверяют фрахты кораблей, чтобы обложить их пошлинами, совершенно, на мой взгляд, произвольными. Если бы я взял письма из Postal office, то должен был бы передать их консульским агентам, а те непременно стали бы спрашивать, куда и откуда я еду, да что везу, и так далее. И заплатился бы я за свою любезность тем, что на мой товар посыпались бы всевозможные пошлины. Нет, я предпочитаю принимать и сдавать груз знакомым людям, в знакомых местах и без всякого таможенного досмотра. Вы поняли, надеюсь?

— О, вполне поняли, — сказали французы с улыбкой, и капитан простился с ними.

— Ну, — тихо сказал Пьер своему товарищу, — наш капитан не из невинных. Впрочем, на сей раз нам повезло больше, чем при отъезде из Макао. Американец был подлый пират. Голландец — простой контрабандист. Это, что ни говори, прогресс. Кстати, что ты мне говорил тогда про письма? Я помню, они тебя почему-то очень заинтересовали.

— Да, и не без основания. Угадай, кому адресовано одно из писем, находящихся в мешке? Ни за что не угадаешь.

— Откуда же я могу это знать?.. Нет, не догадываюсь.

— Представь, на конверте было написано: «Синьору Бартоломео ди Монте, в Макао!»

Пьер подпрыгнул на месте, точно получил пулю в грудь.

— Человеку с рапирой!.. Шоколадному дворянину!.. Торговцу людьми!.. Соучастнику пирата!..

— Ему самому!..

— Однако!.. Какой же дьявол мог положить письмо в бочку? Стало быть, американец, улизнувший на шлюпке, побывал на острове?.. Да нет, этого не может быть. Я положительно теряюсь в догадках.

— Уж не знаю, он или кто другой. Но только случай устраивает иногда престранные встречи.

— Гром и молния!.. С письмом этим следовало сделать... знаешь что?.. Прочсть!

— Нет, зачем же!

— Как зачем? Да ведь оно от бандита к жулику?

— К жулику — это так, но от бандита ли — это еще не доказано.

— Как не доказано? Да иначе быть не может. Конечно, этот негодяй побывал здесь, как и мы. Для меня в этом нет ни тени сомнения.

— Пускай. Но я все-таки предпочел бы отнестись с уважением к чужому секрету.

— Вот еще!.. Деликатничать с такими мерзавцами все равно, что кормить свиней апельсинами.

Тем временем шхуна «Palembang», капитан которой, мингер Фабрициус Ван-Прозт, был одновременно и арматором * ее, шла в открытом море с целью удовлетворить гастрономические прихоти малайцев, которые не меньше китайцев любят полакомиться изысканным блюдом. Восемь матросов шхуны с утра до ночи были заняты ловлею голотурий.

Мы не станем здесь особо распространяться о страсти малайцев к этому виду иглокожих. Известно, что малайцы готовы пожертвовать чем угодно, лишь бы потрафить своему странному вкусу, и потому голотурии составляют в тех местах весьма важный предмет промысла, равно, как треска на Ньюфаундленде. Малаец питает к голотурии такую же нежную страсть, как англичанин к пудингу, как немец к кислой капусте, как эскимос к тюленьему жиру или как итальянец к макаронам... Голотурия — национальное блюдо не только на Малайских островах, но и на берегах Камбоджи, в Китае, в Кохинхине, в Аннаме и так далее. Тысячи джонок пускаются на ловлю этих мягкотелых животных; этим промыслом не брезгают также голланд-

---

* судовладельцем.

ские, английские и американские арматоры, извлекая из него для себя весьма значительную выгоду.

Что же такое эта голотурия? Отдел иглокожих, семейство голотурий... и т. д., и т. д.— ответит нам любой учебник зоологии. Постараемся дать объяснение не столько научное, сколько практическое.

Вообразите себе цилиндрическую, кожистую, сокращающуюся трубку, длиною от пятнадцати до двадцати пяти сантиметров, наполненную водою, в которой плавает зернистое вещество. На переднем конце, напоминающем воронку, находится круглое ротовое отверстие, усаженное щупальцами, действующими наподобие присосков. Наружная часть тела снабжена щупальцами, приспособленными отчасти для передвижения, отчасти для захватывания пищи.

Голотурия, или трепанг по-малайски, водится в огромном количестве на утесах и на песчаных побережьях, по которым она ползает с помощью своих щупальцев. Перазборчивая в пище, она проглатывает все, что попадется. В этом вся ее жизнь и деятельность. Ее десять или двенадцать щупальцев беспрестанно заняты поисками мелких живых существ, кусочков морских растений, рыбьей икры и даже песчинок, которые тут же исчезают в ее постоянно раскрытом рту.

По странной прихоти природы, кишечный канал голотурии устроен чрезвычайно нежно и не приспособлен к такой разнообразной пище. Поэтому голотурия страдает частым расстройством желудка. Так как ей трудно бывает освободить его от всякого рода непереваренной пищи, то она выбрасывает наружу и содержимое и содержащее, то есть не только пищу, но и сами внутренности, все равно, как мы бросаем изношенную перчатку или сапог. Это самопожертвование несколько, но-видимому, не стесняет голотурию, так как после того она немедленно принимается вырабатывать новый кишечный аппарат, который через некоторое время подвергается той же участи, как и предыдущий.

Но это еще не все, голотурия дает приют мелким ракообразным и, что еще удивительнее, мелкой рыбе из породы *fierasfer*. Эти рыбки плохо видят и, как кроты, любят темноту, определив смутно, где отверстие воронки, находящейся у ротового отверстия голотурии, они бросаются в него, проникают в глотку, разрывая ее, потому что она слишком для них узка, и помещаются между внутренностями и внешним покровом, где и жи-

вут себе преспокойно, причем любезную хозяйку несколько, по-видимому, не стесняет их присутствие.

Трепанг сам по себе довольно тверд, но малайцы знают очень действенное средство размягчить его. Они просто-напросто обрекают его на брожение или, скорее, гниение, что должно показаться отвратительным даже для завзятых любителей лимбургского сыра или рокфора. Говорят, однако, что трепанг, приправленный пряностями, перцем и прочими разгорячающими специями, которые так приятны малайцам, начинает уже нравиться многим европейцам.

Способ ловли до крайности прост. Для этого нужно только иметь хорошее зрение да запастись известным количеством бамбуковых палок, соединенных концами, в зависимости от глубины воды. Последнюю палку снабжают заостренным крючком, с помощью которого голотурий очень ловко извлекают на поверхность. Для сохранения их очищают от внутренностей, кипятят несколько минут в воде и затем просушивают на солнце.

Эта ловля требует много терпения и ловкости. Поэтому американские и европейские шкиперы всегда берут с собою несколько хороших гарпунщиков, опытный глаз которых умеет различить голотурию на глубине двадцати метров. Наряду с этим кропотливым, но верным способом, крупные предприниматели используют другой, тоже очень действенный, но дорогостоящий, так как он требует большого числа людей и нескольких шлюпок. Такие предприниматели, будучи уже настоящими арматорами, заходят далеко в море, в места, где за голотуриями охотятся редко, и ловят свою добычу во время отлива, подбирая голотурии в бесчисленном множестве у обнажившихся берегов. Достаточно двух или трех подобных сборов, чтобы нагрузить целый корабль.

Так действовал и капитан «Palembang'a», шхуна которого водоизмещением в двести тонн была уже почти нагружена, когда он принял на борт временных жителей Буби-Эйланда.

Появление их на борту словно принесло счастье: голотурий вдруг появилось такое множество, что на восьмой день шхуна, нагруженная доверху, уже взяла курс к острову Тимору. Пьер, Фрике и Виктор могли теперь считать себя спасенными, так как они приближались к европейским поселениям, а оттуда до Суматры было рукой подать.

Глава XIV

Мучения экзаменующегося на степень бакалавра.— Остров Тимор и его жители.— Ночные сигналы.— Нежданный гость.— Интересные разоблачения касательно личности Фабрициуса Ван-Прозта.— Кто такой мистер Голлидей.— У бандитов моря оказывается главарь.— На полотне тента.— Бегство со шхуны и захват лодки.— Прелесть возвращения на цивилизованную землю.— Странное отношение португальских таможенников к контрабандистам всех наций.— В тюрьме.

Все сочинения по географии единодушно свидетельствуют о том, что остров Тимор находится между Молуккским морем и Индийским океаном и простирается от 120° до 125° восточной долготы и от 8°30' до 10°30' южной широты. Это все или почти все, что можно узнать о нем из специальных источников. Всякий согласится, что это очень немного, и люди, изучающие географию, не собирающиеся ограничиться одним перечислением французских провинций до Корсики включительно, справедливо могут претендовать на более обстоятельные указания. Но это будет с их стороны напрасным трудом, потому что одни из географов показывают, например, длину острова в 500 километров, тогда как другие храбро уменьшают эту цифру на 50 километров. То же самое произойдет и с шириной, которая будет колебаться между 105 и 125 километрами. О цифре, указывающей численность населения, я уже и не говорю: тут математическая фантазия господ географов дойдет, как говорится, до апогея. Положим, что профессор Сорбонны или какого-нибудь провинциального факультета, экзаменуя кандидата на звание бакалавра, обратится к нему с вопросом:

— Потрудитесь мне сказать, сколько всех жителей на острове Тиморе?

— Миллион двести тысяч,— ответит тот без запинки, радуясь, что ему удалось вдолбить эту цифру в одну из клеточек своего мозга.

Но, увы! Я предвижу, как откинется назад почтенный экзаменатор и возразит с язвительной насмешкой:

— Ошибаетесь, на Тиморе всего четыреста девяносто одна тысяча жителей.

Тогда экзаменующийся проклянет свою память и пошлет к черту как географов, так и ни в чем не повинных жителей Тимора, ибо, благодаря этой разнице в семьсот тысяч, он блистательно «провалится», как го-

варивали мы в те далекие времена, когда получали дипломы, напечатанные — о, ирония! — на ослиной коже.

И все-таки бакалавр будет прав, хотя его ученый инквизитор тоже не ошибется: географы с равным авторитетом подтверждают точность как той, так и другой цифры. Дело в том, что все эти географы одинаково ошибаются, потому что нелепо претендовать на точность статистических данных по отношению к стране, почти совершенно не исследованной. Вместо того, чтобы манипулировать ничего не значащими цифрами, не лучше ли честно сознаться в своем незнании, за которое ничуть не приходится краснеть; а почему — это мы увидим ниже.

Жители Тимора разделяются на три отдельных расы, с незапамятных времен живущие вместе, но до сих пор сохраняющие свою этническую индивидуальность. Это, во-первых, коренные жители, или автохтоны, которых можно отнести к черному племени по цвету их кожи и курчавым, как у папуасов, волосам. Оттесненные малайцами в глубь острова, в непроходимые лесные дебри, они ведут дикий образ жизни, вооружены копьем да луком, невероятно кровожадны и предаются людоедству.

Вторая раса — малайцы, с длинными волосами, медно-оливковым цветом кожи, выступающими скулами. Будучи потомками старинных завоевателей Индийского архипелага, они до сих пор сохранили основные черты характера предков: храбрость, независимый нрав и великодушие.

Третью расу представляют китайцы, эти евреи крайнего Востока, которых всюду можно встретить, которые всюду благоденствуют и держат в своих руках всю торговлю, благодаря необыкновенной сметливости и пронырству.

Спрошу по совести у самых безнадежных фанатиков статистики: есть ли возможность обследовать эти болота, горы, леса и реки и сосчитать всех живущих там двуруких, питающихся мясом своего ближнего?

Равным образом, кто определит с точностью, сколько малайцев занимается морским разбоем и сколько китайцев занято укрывательством и эксплуатацией их добычи?

Тем не менее цивилизация уже давно наложила руку на этот богатый край. Остров Тимор принадлежит

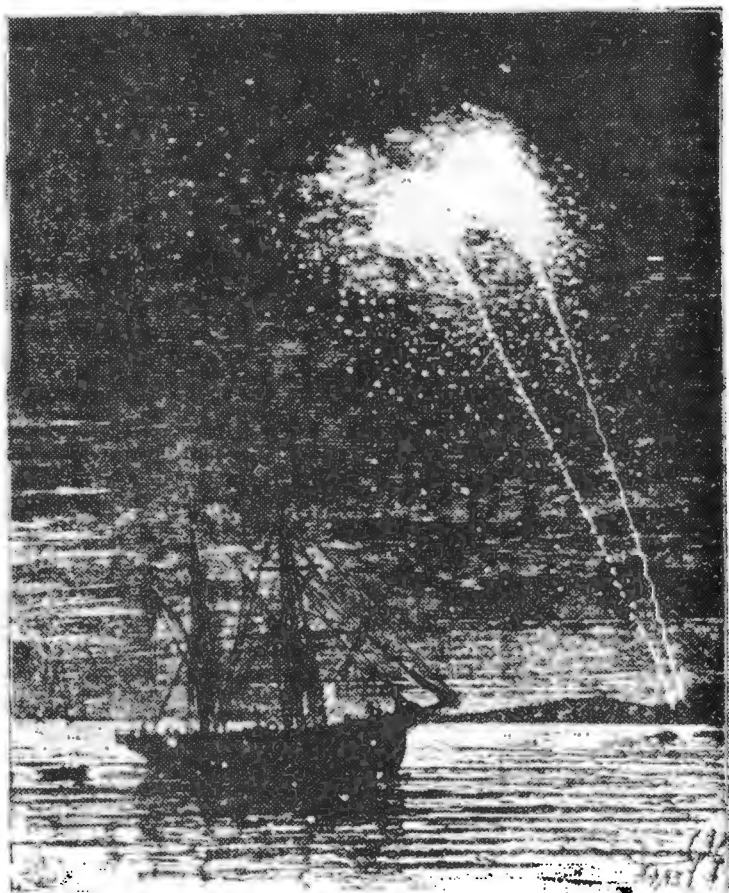

голландцам и португальцам. Они поделили его между собою и хозяйничают на нем, кажется, недурно. Этот раздел был совершен в 1613 году. До того времени португальцы одни господствовали на морях Индо-Китая, но тут вынуждены были уступить голландцам богатейшие из своих владений. У них остался только остров Сolor да восточная часть Тимора, которыми они владеют и по нынешний день.

Голландский флаг подымается над фортом Сопсог-диа, который составляет цитадель Купанга, главного города нидерландских владений на западном берегу острова. Как люди находчивые, голландцы сделали совершенно неприступною эту крепость, хорошо защищенную уже самой природой. Под укрытием крепости грациозно раскинулся город Купанг, разделенный на две половины рекою, на берегах которой возвышаются красивые дома с черепичными крышами. Жителей насчитывается около 5000, а голландцы считаются мастерами. Всюду царит строгая чистота, отличающая голландцев, на всем лежит отпечаток благополучия, свойственный всем их колониям. В городе много церквей, банкирских контор, ресторанов; есть театр; по улицам важно расхаживают таможенники, готовые в любую минуту приступить к исполнению своих священных обязанностей.

Капитан Фабрициус Ван-Прозт по опыту знал неподкупность этих достойных чиновников в зеленых мундирах и всегда старался держаться от них как можно дальше. И теперь, хотя его шхуна, подойдя к острову, выбросила голландский флаг, она не пошла к Купангу, а взяла курс на север, обогнула мыс Якки и поплыла вдоль португальского берега. Достигнув приблизительно $123^{\circ}15'$ восточной долготы, шхуна легла в дрейф в открытом море, на расстоянии трех миль от берега. Ночь была совершенно темна, что для капитана было очень кстати. Вдали в темноте мерцали смутные огоньки, означавшие обитаемое место. Это, действительно, был городок Дилли, или Делли, столица португальской колонии и неудачный соперник Купанга. Если бы было светло и если бы «Palembang» встал на рейде — рейд, сказать правду, там очень хороший, — то наши друзья увидали бы жалкие трущобы, похожие на самый бедный голландский поселок. Мазанки, крытые соломой или полусгнившими листьями, крепость или, вернее, площадка, обнесенная земляным валом, церковь,

Огромная ракета поднималась во мрак

построенная самым первобытным способом, и, разумеется, таможня, и все это грязное, неопрятное, пыльное, — вот наружный и внутренний вид этого «города». О цивилизации напоминают здесь только многочисленные толпы чиновников и разодетых франтоватых офицеров.

В описываемый момент, однако, ничего этого не было видно. Ночь — не видать ни зги. Таможенники спали сном праведников. Пьер де Галь, Фрикэ и неразлуч-

ний с ними Виктор, присев около руля, тихо разговаривали, предвкушая скорое возвращение домой.

Сильный свет заставил их вдруг поднять голову. Огромная ракета огненной змеей поднялась во мраке над шхуной и исчезла в высоте, рассыпавшись множеством искр.

— Нас ждет что-то новенькое, — сказал тихо Пьер. — Уж, конечно, этот фейерверк делается не для негритов и мартышек, живущих на острове.

За первой ракетой, шипя и рассыпая искры, взлетела вторая, потом третья, потом опять настала темнота.

Прошло три четверти часа в полном спокойствии, после чего со стороны земли послышался всплеск весел. Шум приблизился, раздался пронзительный свист. На носу корабля появился фонарь и сейчас же исчез. Этот беглый свет успел, однако, указать положение «Palembang'a», который, вследствие особых отношений капитана с властями, не имел на себе положенных огней.

К шхуне подъехала лодка, глухо стукнувшись о борт. Послышалось ругательство, произнесенное хриплым голосом на английском языке.

— Тише, дети, тише, — сказал капитан, нагнувшись через борт.

— Ах, это ты, старая морская свинья! Ах ты, чертов кашалот! — отвечал разбитый голос. — Не мог ты нам посветить немножко? Здесь темнее, чем в пасти у сатаны, нашего с тобой покровителя.

— А, да это мистер Голлидей, — весело отвечал капитан с большим удивлением.

— Он самолично. Только уж и отощал же он за это время. Надеюсь, что вы не подвергнете меня карантину, как чумного, а? Так бросьте же мне поскорее канат, да не забудьте пинту лучшего виски... А вы, молодцы, — обратился он к гребцам — привяжите лодку, пока я не вернусь.

— Черт возьми, — шепнул Фрикэ на ухо Пьеру, — голос-то знакомый.

— Провалиться и мне, коли я не слышал этого рычання кое-где прежде, — отвечал Пьер.

— Если это он...

— Что тогда?

— Мы здорово влипли. Что мне пришло в голову?..

— Что такое? Говори.

— Через десять минут он узнает, что мы тут. Тогда нам несдобровать.

— Что же делать?

— Я знаю, куда можно спрятаться так, что нас не найдут до утра. Мы взберемся на полотно тента, под которым мы теперь стоим; капитану пришла счастливая мысль не убирать его на ночь. Мы будем там, точно в гамаке, и обдумаем, что делать. Ну, полезай первый, а я подсажу Виктора.

В одну минуту они были на тенте. И вовремя. Капитан и вновь прибывший, крепко пожав друг другу руки, подходили к месту, только что оставленному нашими приятелями.

— К чему такая крайняя осторожность? — говорил человек с хриплым голосом. — Вы принимаете своих друзей в темноте, точно они совы. Неужели вы так сильно боитесь португальских таможенников. Да они спят теперь крепким сном, тем более, что вы, вероятно, заранее позаботились усыпить их несколькими пиастрами.

— То-то и есть, что нет, я ни с кем еще не виделся на берегу. Да я и ждал не вас, а главного агента, и начинаю беспокоиться, почему его нет до сих пор. Незнакомец громко захохотал.

— Вот не думал, что вас так легко можно выбить из седла! А еще контрабандист!.. Ву God!.. Разве мало мы с вами выкрали грузов желтого мяса? Мало разнесли джонок, пощипали купцов и ограбили контор?

— Тише, мистер Голлидей, тише!.. Ну, если кто услышит!.. Одни ли мы, по крайней мере? Нет ли кого-нибудь поблизости?.. Знаете, есть вещи, про которые не следует вспоминать.

Эти слова еще более развеселили гостя.

— Да что с вами? Или ваши люди превратились в мокрых куриц? Или вы стали заряжать свои двадцатичетырехфунтовые пушки перцем?

— Увы! — простонал капитан. — Несчастный, вы пьяны, как сапожник!

— С чего это вы взяли, что я пьян? Оттого, что я вспомнил доброе старое время? Да разве вам стыдно, что вы были удалым пиратом Индийского океана?

— Я теперь простой торговец трепангом.

— Шутник! Сколько лодок вы ограбили дорогой?

— Ну, мистер Голлидей, говорите, сколько вам нужно?

— Мингер Фабрициус Ван-Прозт, вы оскорбляете

старую дружбу. Я тоже не ожидал, что буду иметь счастье с вами увидеться. Я увидел ваш сигнал и понял, что какое-то судно остановилось в открытом море, не желая пристать к Делли. Я ехал только для того, чтобы предложить свои услуги, потому что мне нужно поправить свои дела.

— А, понимаю. Вы хотите забраться на корабль и присвоить себе груз.

— Конечно. Я в настоящую минуту совсем на мели. А тут как на грех черт принес сюда вас, вместо кого-то другого. Очень жаль, потому что, по нашим правилам, и с вами ничего не могу сделать, если только вы не вышли из союза.

При последних словах насмешливый тон перешел в угрожающий.

— Ничуть. Я по-прежнему предан нашим общим друзьям. Но говорите, пожалуйста, потише. Я уверен не во всех своих людях. Эта ловля не более как предлог убедиться в верности моих новых рекрутов. Я рассчитываю в скором времени приняться вновь за прежние экспедиции. Кроме того, у меня на борту есть пассажиры.

— Пассажиры? Ну, от этого дрянного груза вам надо поскорее отделаться.

— А мне бы хотелось завербовать их к себе. По виду они здоровые молодцы и славные ребята.

— Ну, так что же, давайте говорить по-французски. Этот язык в здешних местах совершенно неизвестен.

— Да они сами французы!

Наши приятели не пропустили ни одного слова из этого разговора, так как английский язык они знали очень хорошо.

— Французы! — возразил с удивлением незнакомец. — Где это вы их выкопали?

— На Буби-Эйланде.

— Я сам был там меньше месяца назад.

— Вы?

— Да, я... потерявши предварительно корабль с грузом отборного желтого мяса.

— Чудесно!

— Корабль разбился о скалы, и в результате убыток в сто тысяч долларов круглым счетом... Вы очень добры, что находите это чудесным; очень вам благодарен.

— Я не в том смысле... Но мои французы тоже ехали на корабле, который разбился около этого места.

— А! Вот потеха, если это они самые? Скажите, один из них старый матрос, тип корабельной крысы?

— Так, так.

— Другой — молодой человек... Оба здоровенные молодцы?

— Да, да, и с ними еще китаец.

— Китаец! Вот как? Наверное, это один из моих кули... Ну, что ж, тем лучше: убытку стало на триста долларов меньше. Сознайтесь, что случай великолепный?

— Да, если вы надеетесь извлечь из него выгоду.

— Я и мы или, вернее, наш союз.

— Это как?

— Эти два человека специально указаны главарем. Нужно отнять у них всякую возможность вредить нашему союзу.

— Нет ничего легче; пеньковый галстук на шею или пушечное ядро к ноге.

— Нет, на первых порах их не следует убивать.

— Почему?

— Про то знает лишь главарь.

— А! Ну, тогда, конечно...

— Как бы то ни было, я очень рад, что они не съедены папуасами, как я предполагал, когда находил-ся на острове Буби. Это очень огорчило бы главаря: он имеет на них какие-то виды... Где они у вас?

— Вероятно, спят на своих койках.

— Отлично. Тут-то мы их и захватим. Только предупреждаю: они настоящие черти.

— Примем к сведению.

Капитан поднес к губам свисток. Он собрался дать сигнал к аресту своих пассажиров, как вдруг взвилась новая ракета и осветила берег.

— О, лентяи, как они долго не отвечали.

— Слишком поздно, — сказал мистер Голлидей, — потому что теперь с вами я. Я займусь вашим делом. Лодку свою я отошлю назад к берегу, а вы плывите к Бату-Гиде. Там мы найдем целую флотилию охотников за трепангом — должно быть, тех самых, что вы ограбили дорогой. Вы продадите им голотурии, которые вы у них отняли, и дело кончится к обоюдному удовольствию.

Американец наклонился через борт и отдал на малайском языке приказание своим гребцам, которых в темноте не было видно.

— А теперь в путь. Как только поставим паруса, сейчас же примемся за французов. То-то они удивятся, увидев мою козлиную бороду!

Но Фрикэ не дослушал циничной беседы двух негодиев и быстро обдумал план — смелый, почти отчаянный, но вполне удавшийся именно вследствие своей кажущейся неисполнимости.

Он шепнул несколько слов на ухо Пьеру де Галю, который ответил крепким пожатием руки. Затем парижанин с ловкостью обезьяны уцепился за край тента, соскользнул по железному пруту, служившему подпоркой, прижался к борту, ощутив босыми ногами малейшие впадины, отыскал рулевую цепь, спустился по ней к воде и стал ждать, держась одной рукой за цепь и погрузившись в воду по самые плечи.

Ни малейший звук не выдал бандитам их кошачьих движений.

Пьер, казалось, не трогался с места. На самом же деле он продельывал какую-то странную операцию с Виктором, который покорно ему подчинялся.

— Тебе не страшно? — спросил он китайца.

— Нет.

— Веришь ты мне?

— Да.

— Хорошо. Давай мне свои руки.

Мальчик повиновался, и старый боцман крепко связал ему руки платком.

Затем, схватив китайца своими сильными руками, он взвалил его себе на спину, просунул голову через связанные руки мальчика, крепко привязал его галстуком к своему телу и спустился вниз тем же путем, что и Фрикэ.

— Теперь поплывем к лодке, только как можно тише, — сказал Фрикэ.

— Валяй, сынок.

— Надо держаться поближе к кораблю, и не слишком удаляться друг от друга.

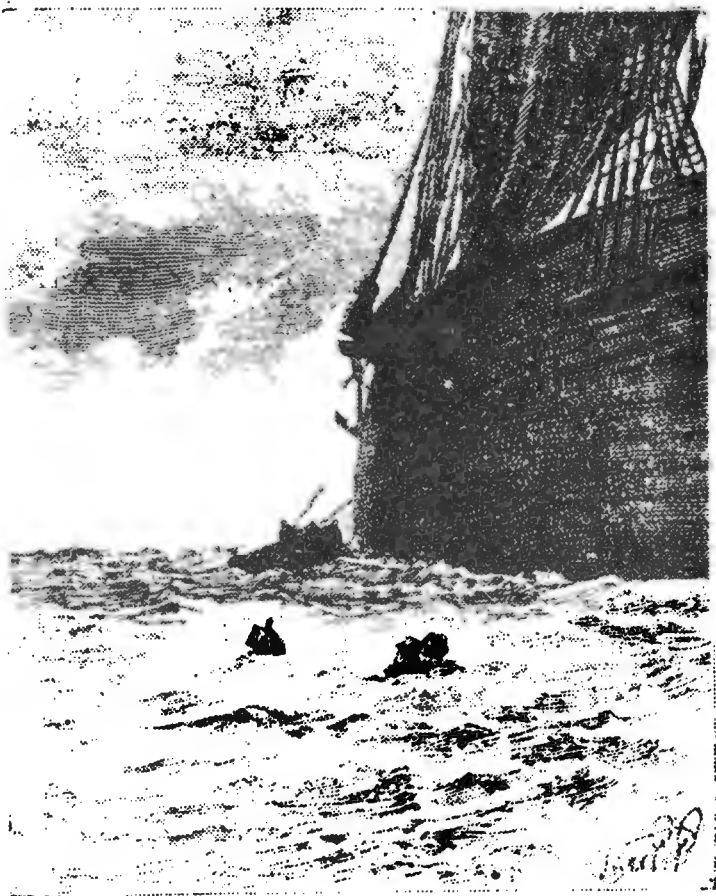
— Хорошо. Виктор, ты не боишься?

— О, нет.

— Так зажми хорошенько рот и старайся не наглотаться воды, когда нас накроет волна.

Как раз в это время мистер Голлидей отдал своим

Пьер и Фрикэ напали на лодку

гребцам приказание плыть к берегу. Те уже хотели исполнить приказ, как вдруг Пьер и Фрикэ одновременно напали на лодку, дружно схватили каждый по гребцу и сдавили их так, что ни один из них не успел пикнуть. Гребцы защищались слабо, как будто только для вида, да и французы к тому же были сильны.

Отделившись от корабля, лодка поплыла по течению, но Пьер, отвязав Виктора, сильным ударом весла направил ее к берегу, на котором светились огни.

Полузадушенные малайцы неподвижно лежали на дне. Их обморок позволил Фрикэ помочь Пьеру в управлении лодкой, и скоро она причалила к берегу, на котором стояла толпа людей с фонарем.

— Наконец, мы на цивилизованной земле, — сказал Фрикэ, вздыхая с облегчением.

— Недурно, матрос, — отвечал Пьер, — хотя это все еще не наша сторона. Но мы можем все-таки скоро вернуться туда через Суматру.

— Без сомнения. Здесь мы можем рассчитывать на лучший прием, чем у дикарей.

— Что за люди? — грубо закричал по-португальски один из людей, стоявших около фонаря.

— Черт побери, опять ничего не понимаю, — пробурчал Пьер де Галь.

— Мы — потерпевшие крушение, выброшенные на остров Буби и доставленные сюда голландской шхуной, — отвечал по-английски Фрикэ.

— Это что за шхуна? — спросил прежний голос, на этот раз уже по-английски, но с ужасным португальским акцентом.

— «Palembang».

Люди в темных мундирах и с кривыми саблями у пояса быстро подошли к нашим приятелям.

— Вас послал капитан Фабрициус Ван-Прозт?

— Вот еще! — необдуманно возразил Фрикэ. — Что общего может у нас быть с этим старым негодяем? Мы не бандиты моря, а честные французские моряки, желающие вернуться на родину.

Произошло быстрое совещание на португальском языке, потом один из толпы, по-видимому начальник, сказал довольно вежливо:

— Хорошо, господа, следуйте за мною.

Три друга не заставили повторять дважды это приглашение и, насквозь мокрые, двинулись за своими проводниками. Скоро они подошли к низкому дому весьма невзрачной наружности, с покосившимися стенами и решетчатыми окнами. Дверь отворилась настежь. Но обходительность быстро сменилась невероятной дерзостью. Пьера и Фрикэ грубо втокнули в дом, где царила полная тьма. Дверь с силой захлопнулась за ними, послышался зловеющий скрип задвигаемых засовов, и насмешливый голос крикнул узникам:

— Покойной ночи, господа. Мингер Фабрициус Ван-Прозт — честный моряк, таможня на него не может

пожаловаться. Если вы не друзья ему, то у вас, значит, дурные намерения. Мы решим, что с вами делать, посоветовавшись с ним.

И толпа удалилась.

— Гром и молния! — заворчал Пьер. — Мы опять в ловушке!

Фрикэ в бешенстве скрежетал зубами.

— А где Виктор? — заговорил опять моряк. — С нами ли он, по крайней мере? Виктор! Виктор!..
Ответа не было. Ребенок исчез.

Глава XV

Ярость Фрикэ. — Тщетные утешения. — Удивление человека, никогда ничему не удивлявшегося. — Помогите! — Сломанная решетка и оглушенный часовой. — Два хороших тумака. — Полишинель в тюрьме колотит комиссара, избивает до полусмерти жандармов и запирает их вместо себя. — Зачем понадобилась французам амуниция двух португальских раможенников? — Туземцы Тимора. — В горах. — Беспечность белых. — Хлебное поле. — Фрикэ назначает час отъезда на Суматру.

Веселый и беззаботный, как все парижане, Фрикэ никогда не терял самообладания; невозмутимое спокойствие не покидало его даже в самые критические минуты. Не мудрено поэтому, что припадок дикой ярости, который с ним случился после ухода португальских чиновников, не только удивил, но даже испугал Пьера. Старый боцман буквально не знал, что делать, видя своего друга в таком необычном состоянии.

В тщетной надежде успокоить расхолодившегося товарища, старый матрос сказал ему несколько ласковых слов. Но это вмешательство только усилило бурю.

— Негодяи!.. Мерзавцы!.. Что мы им сделали?.. Что сделал им этот бедный мальчик?.. Зачем они так бесчеловечно разлучили его с нами?.. Куда он без нас денется?

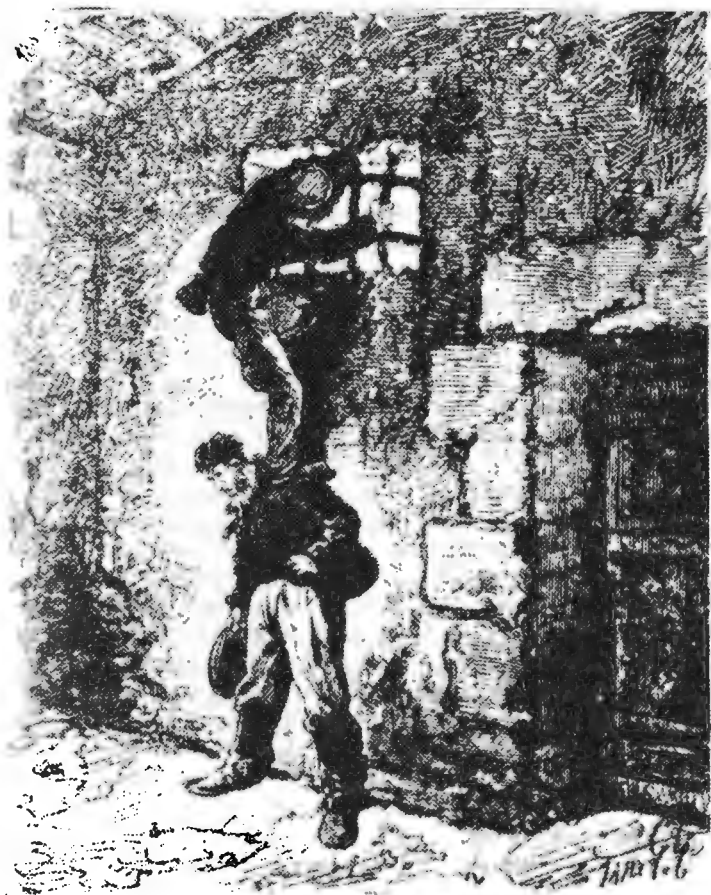
Всегда великодушный, молодой человек прежде всего подумал о китайчонке, забыв про собственные несчастья.

Пьер де Галь нашелся только послать энергичное ругательство в адрес португальцев.

Фрикэ снова заговорил осипшим от ярости голосом:

— То, что мы лишний раз попали под арест, это ничего, нам ничего не сделается. Но бедный, незащищенный ребенок! Что с ним будет среди пиратов и разных

— Теперь я стану тебе на плечи

гнушенных чиновников?.. Возмутительно!.. Они продадут его, точно говядину, а мы будем сидеть тут да грызть в бессилии кулаки. Ну нет же! Не будет этого! Я выйду из этой поганой лачуги, хотя бы мне пришлось головой пробить ее стены, и задам этим негодьям!

— Вот это дело, матрос, в этом я с тобой совершенно согласен. Нам ли не справиться с этой мазанкой?

— Не осмотреть ли нам прежде всего решетку у окна? Если она плоха, то нам легко будет ее

вырвать. Прислонись-ка поплотнее к стене. Так. Теперь давай я стану тебе на плечи. Раз, два!.. Крепко. Негодяи имеют понятие о цементе.

— Смелее, смелее, сынок!..

— А, подается. Мы достигнем цели, если ты продержишься до тех пор.

Снаружи слышался чей-то грубый голос, приказывающий молодому человеку замолчать. Сквозь темноту Фрикэ разглядел чей-то силуэт и увидел, как сверкнуло дуло ружья. Он бесшумно спустился на пол и сказал своему товарищу:

— Этого еще не доставало: у нашей двери часовой! Подлецы! Нашли время караулить честных людей, когда под носом промышляют контрабандисты!.. Впрочем, ведь они с ними спелись. Хотя, что смотреть на эту растрепанную куклу! Я опять влезу, и не пройдет полчаса, как решетка будет выломана. Тогда часовой меня, конечно, заметит, выстрелит и промахнется. В ту же минуту я прыгну прямо на него и начну его душить. Ты прыгнешь вслед за мной. Если тебе загородят дорогу, ты, конечно, знаешь, как поступить. Только бы сначала выйти на свободу, а там увидим.

— Это так же просто, как закурить трубку.

Фрикэ стал опять подниматься, как вдруг с той стороны, где стоял часовой, послышался пронзительный крик. Детский голос кричал: «Помогите! Помогите!» — и так отчаянно, что молодой человек весь задрожал.

— Это Виктор! Горе тому, кто его обижает!

Тревога и ярость удесятирили его силу; упершись головой, плечами и коленами, он сдавил решетку своими сильными руками, решившись: «или пан или пропал».

Толстые железные прутья медленно согнулись, потом разом выскочили болты, и со стены градом посыпалась на пол штукатурка. Образовалось отверстие, едва достаточное, чтобы пролезть. Но Фрикэ это не смутило. Он не чувствовал даже того, как острые прутья царапали его тело. В десяти шагах, в темноте, слышались звуки какой-то возни. Одним прыжком Фрикэ был там и всей своей тяжестью обрушился на человека, только что приподнявшегося с земли, на которой лежало чье-то неподвижное тело. Тот не успел пустить в дело оружие: кулак Фрикэ тяжелым молотом опустил на его голову, и негодяй без крика повалился на землю.

Лежавший на земле был Виктор. Узнав своего друга, он зашевелился и жалобно застонал.

— Фликэ! О Фликэ! Как я лад!

— Ну, что, мальчуган, ты не ранен?

— Нет. Он меня побил за то, что я хотел идти к тебе.

В эту минуту подошел Пьер, таща какую-то ношу, что именно — мешала рассмотреть темнота.

— Ты тут, Фрикэ? — спросил он шепотом.

— Тут.

— А мальчуган?

— И он здесь.

— Хорошо. Теперь скажи, что мне делать с этой куклой?

— Ты его убил?

— Может статься, что и убил: ручаться не могу. Удар кулаком по голове не шутка... иной раз можно и дух вышибить, коли башка не крепка. Но дело в том, что нам нужно что-нибудь предпринять.

— Постой. Я думаю, что мы одни. Достойные коллеги этих милых таможенников храпят где-нибудь во всю мочь, если не пируют с контрабандистами. Надо этим воспользоваться. Раздень поскорее твоего часового, а я сделаю то же самое со своим. Одежду свяжи в узел. Да не забудь шапку, сабли и ружья. Захвати также патроны. Ну, так. А теперь пойдем. Унесем амуницию обоих, она нам пригодится.

— Послушай-ка, сынок, не запереть ли их обоих на наше место, в хижину?

— Что ж, это было бы очень хорошо.

— Так завяжем им поплотнее рты, чтоб они не заорали слишком рано, если очнутся... Ну, теперь полегоньку просунем их в окно.

— Они упадут и расшибутся.

— Это уж их дело. Мы же пролезли, а они что за великие господа? Да и, наконец, спуститься гораздо легче, чем влезть.

Основываясь на этом убедительном доводе, старый матрос с обычной серьезностью просунул полумертвых таможенников через узкую щель между решеткой и косяком, сильным толчком толкнул их вниз, вправил решетку на прежнее место и сказал, подбирая с земли амуницию:

— Как хочешь, а по-моему, нам следует избегать городов и править свой корабль к лесу.

— Виктор, ты можешь ходить? — спросил Фрикэ у китайца.

— О, я могу ходить очень холосо.

— Так идем!

Вдруг парижанин, как ни старался удержаться, прыснул со смеху.

— Позволь узнать, сынок, чему ты смеешься?

— Да уж очень смешно. Я думаю о наших узниках. Знаешь, мне вся эта история напоминает балаганного Петрушку. Помнишь, как Полишинель в тюрьме колотит жандармов, избивает до полусмерти комиссара и убегает из тюрьмы, оставив их там вместо себя?

Виктор не имел понятия о Полишинеле, но, видя своего друга хохочущим, и сам от души засмеялся.

Приятели шли около часа и скоро очутились в густом, дремучем лесу, где они могли считать себя в безопасности от погони. Возле одного из деревьев они сделали привал и, прозаически растянувшись на земле, стали дожидаться утра. Голод начинал давать себя знать, и потому понятно нетерпение, с каким все трое ожидали восхода солнца.

По счастью, как только первые багряные лучи заиграли на деревьях, наши беглецы повстречали двух черных туземцев, которые несли продавать португальским обывателям разную провизию.

Они дружелюбно подошли к нашим приятелям и предложили им: один — превосходные золотистые лепешки самого аппетитного вида, а другой — меду, опрятно уложив его на широкие листья вместо тарелок. Великодушие этих первобытных людей глубоко тронуло наших горемык-европейцев, которые от людей цивилизованных получали в последнее время одни только мерзости.

Островитяне, радуясь, что их гостинцы пришлись по вкусу, громко смеялись и произносили своим гортанным голосом какие-то непонятные фразы. К счастью, они знали несколько слов по-малайски, и Виктор взялся быть переводчиком. Европейцы узнали, что их новые знакомцы живут в горах, в деревне, до которой можно дойти к полудню, — это значило часов через шесть, — и что чужеземцы будут радушно приняты, если пожелают туда отправиться.

— Но вы ужасно добры, мои милые островитяне, — не переставая, твердил Фрикэ. — Как жаль, что у нас нет ни копейки, чтобы вас вознаградить!

Дикари предложили им лепешки и меду

Хоть бы безделушка была какая-нибудь из тех, что так нравятся здешним жителям, — и того нет. Знаешь, этот пирог очень вкусен, точно из настоящей пшеничной муки. Хотелось бы мне знать: из чего именно он сделан?

— Твоя правда, таких сухарей я готов пожелать всем матросам в мире.

Произнося эти слова, старый боцман машинально развернул платье таможенника, которое ночью служило

ему вместо подушки. К его удивлению, оттуда выпало множество серебряных и медных монет, со звоном цокатавшихся по земле.

У островитян загорелись глаза. Они знали цену металлическим деньгам, ведь эти монеты можно превратить в водку и доставить себе несколько часов удовольствия. Фрикэ поймал этот взгляд на лету и покатился со смеху.

— Эти деньги приобретены весьма сомнительным способом, но вам до этих тонкостей нет дела. Возьмите, друзья, положите эти кружочки себе в карманы, если они у вас есть. Знаешь, Пьер, это, наверное, деньги пирата, и я очень рад, что так случилось. Только на этот раз пусть не оправдается пословица, что неправедно нажитое добро впрок не идет. Пусть оно идет впрок этим добрым островитянам.

Восхищенные дикари поделили между собой голландские флорины и, находя, что день для них выпал достаточно удачный, порешили не ходить дальше и остаться со своими новыми друзьями. В город они успеют сходить и в другой раз, а провизию можно съесть дорогой, по пути в деревню.

Европейцы охотно дали свое согласие на этот план, обеспечивающий им несколько дней отдыха. Основательно подкрепившись, они тронулись в путь вслед за островитянами. По едва заметной тропинке пришли они, после многих поворотов, к подошве высокой горы и стали на нее подниматься. Подъем был нелегок, но зато и награда за труды была немалой. Помимо прелестного вида, открывшегося перед ними, они могли насладиться чистым горным воздухом, жадно вдыхая его своими легкими, отравленными болезнетворным, сырым воздухом болотистой долины. Их больше не окутывал густой, удушливый туман, сквозь который с трудом пробиваются солнечные лучи; они легко и свободно шли по склону, на котором росли роскошные нетронутые кофейные деревья, свидетельствовавшие о непонятной беспечности колонистов.

Надо заметить, что португальцы, живущие в восточной части Тимора, вот уже в течение трех веков до сих пор не догадались построить дома на возвышенных местах, хотя редкий из них не болен болотной лихорадкой. Лениость до того въелась в них, что они оставляют не обработанными огромные участки плодороднейшей земли, на которой свободно растет кофейное

дерево. Более того, они сами лишают себя самого драгоценного на свете злака, обилие которого в этих местах поражает путешественника. Я говорю о пшенице, которая превосходно растет здесь в низменных местах.

Так размышлял Фрикэ, глядя на небольшое поле пшеницы, тонкие, но крепкие стебли которойгнулись под тяжелым золотистым колосом.

— Ротозеи! — говорил он. — Чем грабить купеческие корабли, потворствовать контрабандистам и сажать на замок безобидных путешественников, занялись бы лучше расчисткой этих плоскогорий да посеяли бы прекрасное зерно, растущее здесь само собою! Ни сохи ведь, ни плуга не нужно: доказательство налицо. Стоит лишь вверить зерно почве — и она взрастит его, не требуя даже удобрения. Как вспомнишь про наших крестьян, которые целое лето трудятся, пахут, боронят, боятся то засухи, то дождя, то града, могущих разом уничтожить все их труды; как вспомнишь все это да сравнишь нашу почву со здешней, благодатной, периодически орошаемой дождями, так невольно почувствуешь презрение к людям, оставляющим втуне такие роскошные дары природы.

— Кривляки! — пробурчал Пьер, заключая этим энергичным, но прозаическим восклицанием длинную тираду своего друга. — Послушай, однако: хоть эта сторона и очень хороша, и плодородна, и все такое, но неужели мы здесь так и останемся навсегда? Я, по крайней мерз, не вижу возможности вернуться на Суматру. Время незаметно уходит, чего доброго, подойдет и 1900 год, а мы все еще будем сидеть у моря и дожидаться погоды.

— Потерпи, Пьер, потерпи. Только одну недельку... больше я не прошу; нужно дать время позабыть про нашу ночную проделку. После этого мы потихоньку вернемся осмотреть город и, главное, рейд; а там... у меня есть план. Отличный, вот ты увидишь.

Между тем вся компания, несмотря на то, что тащилась нога за ногу, с прохладцей, добрела, наконец, до деревушки, расположенной на склоне, откуда открывался восхитительный вид на море, которое обозревалось со всех сторон, так что ни одно судно не могло бы укрыться от зорких глаз наших моряков.

На восьмой день утром какое-то судно на всех парусах вошло в гавань. Флаг, разумеется, нельзя было

рассмотреть, но безошибочный глаз Пьера сразу признал этот корабль.

— Ведь это она? — спросил Фрикэ.

— Да, голландская шхуна. Я узнаю ее из целого флота. Капитан, должно быть, продал свой груз и пришел сюда за припасами.

— Bravo! — ответил парижанин. — Теперь мы простимся с нашими хозяевами и осторожно направимся к берегу.

— А! Вот как! Это что-то новое.

— Ничего особенного. Только то, что завтра вечером мы отплываем на Суматру.

Глава XVI

Что могло показаться хвастовством со стороны Фрикэ. — Удачное переоблачение. — Мнение кузарки об яичнице. — Корабль в море. — Заснувший вахтенный. — Корабль, взятый на abordаж двумя португальскими таможенниками, которые не были ни португальцами, ни таможенниками. — Крепкое пожатие. — Вечно смеющийся Фрикэ перестал смеяться, и дело обернулось плохо. — Удар саблей. — Прибытие на Суматру. — Небольшое расстояние длиной в 25 градусов. — Вор у вора дубинку украл. — Ужасное известие.

Хотя Фрикэ, как чистокровный парижанин, не имел ни одного предка гасконца, его смелое утверждение легко могло показаться чистейшим хвастовством. При всей своей вере в изобретательность парижанина Пьер де Галь положительно опешил, услышав слова: «Мы завтра отплываем на Суматру».

Эта фраза так подействовала на почтенного моряка, что он несколько раз повторил ее себе на сон грядущий, стараясь доискаться, не было ли тут какого-нибудь иносказания. Но нет, смысл был ясен, слова могли значить только то, что значили:

«Завтра... мы отплываем... на Суматру».

«Завтра... Не через неделю, не через месяц, а именно завтра... И не в Китай, не в Америку, а на Суматру. Так сказал Фрикэ, а если он сказал, то, значит, так и будет. А между тем мы находимся в хижине у дикарей в тысяче метров над уровнем моря. За душой у нас двенадцать франков голландской монеты, одежды — два таможенных мундира. Наконец, со здешними властями мы в ссоре и как только сунемся в город, будем немедленно арестованы. Но... Фрикэ так сказал, а он на ветер слов бросать не любит. Может быть, он и разыгра-

ет какую-нибудь шутку с этими макаками. Брошу думать об этом... зачем? Утро вечера мудренее. Лучше спать».

Большинство моряков сменной вахты всевозможными корабельными шумами приучены засыпать во всякое время и при каких угодно обстоятельствах. Пьер закрыл глаза, перестал думать, — и вскоре уже звучный храп возвестил о том, что патентованный боцман переселился в область грез.

Засевшая в его голове мысль сказалась, однако, и на его снах. Всю ночь бредил он воздухоплавательными снарядами, подводными лодками и ручными китами, на спине которых он плавал по морю в особо устроенной беседке.

Его разбудил голос Фрикэ.

— Ну, ну! Вставай! — кричал тот изо всей мочи. — Да ну же, поворачивайся! Давно уж день, сам посмотри. Дверь растворилась настежь, и в скромное убежище их весело ворвался солнечный луч.

Кит, на котором гарцевал во сне Пьер, разом исчез. Моряк открыл глаза, безобразно выругался и вскочил, как на пружине, сжав кулаки и приняв угрожающую позу.

— Гром и молния! Видно, тут вся страна населена одними таможенниками! Ну, что ж! Ну, подходи! Ну!

Таможенник разразился смехом и сделал такое антраша, какому позавидовал бы любой артист балетной труппы. Тут только Пьер узнал Фрикэ, переодетого до неузнаваемости. На нем была полная форма португальского таможенного ведомства: темно-зеленый мундир, кепи с назатыльником, кожаный пояс и сабля; к довершению всего он загримировался при помощи краски, добытой у гостеприимных дикарей, и так искусно, что выглядел настоящим чиновником.

— Ну, матрос, как ты находишь?... Хорошо я переоделся? Если ты сам попался на мой обман, то я могу без опаски идти в таком виде в город!

— Ничего не понимаю. Нет, я никогда не видал ничего подобного. О, плут из плутов!

— Теперь твоя очередь. Надевай второй мундир — и в путь. Нельзя терять времени.

— Что выдумал! Хорош я, напялю все это! Ни дать ни взять... музыкант из пожарной команды в этом костюме.

— Совсем нет, ты будешь очень хорош с твоею

бородой, небритой три месяца. Настоящий таможенник строгого закала... шершавый, лохматый, не в обиду будь тебе сказано.

— Нечего делать, надо переодеваться.

— Иначе нельзя. От этого зависит наше спасение.

— А если мы встретимся... с другими таможенниками, с настоящими?

— Не бойся. В населенных местах мы покажемся не раньше вечера. Наконец, раз мы достигнем рейда, то будем в безопасности.

Разговаривая, Пьер неохотно натягивал на себя мундир. Когда все было готово, brave матрос обрел поистине грозную наружность, так что Фрикэ почти не пришлось его подгримировывать.

— Что если бы меня увидели в таком виде старые мои товарищи с «Молнии!» — бурчал Пьер. — Они приняли бы меня за попугая.

— Тем лучше, значит, переоблачение вполне удачно. Так... хорошо. Остается проститься с хозяевами и затем — на рейд. Нам достаточно оглядеть местность с высоты птичьего полета. Ошибиться нельзя.

Два друга и Виктор крепко пожали руки добрым тиморцам и медленно пошли из деревни. Провизии у них было на два дня, и состояла она из пшеничных лепешек, но этого вполне хватало на весь переход и не тяжело было нести.

Решительный момент приближался, и Фрикэ счел долгом разъяснить своему другу опасность предприятия, на которое они шли.

— Пойми, — сказал он, — что мы рискуем жизнью.

— Вот это новость! — отвечал Пьер. — Рисковать жизнью вошло у нас в привычку со времени отъезда из Макао.

— Я говорю это только для очистки совести, чтобы ты на меня после не пенял, если нам придется сложить буйные головы.

— Одна моя хорошая знакомая и отличная кухарка говорит, что, не разбивши яиц, нельзя сделать яичницы, а она свое дело знает.

— И я с ней совершенно согласен.

— Я тоже. Постараемся же не сыграть роль яиц, вот и все. А что до переделки, так это для нас не новость: мы в разных бывали и ничем нас не удивить.

— И потом, опасность, вероятно, не так уж велика, как кажется издали.

— Конечно. Это только непривычным новичкам представляется Бог знает чем переезд от Калэ до Дувра, а когда они отправляются в Алжир, то пишут завещание. Между тем они нисколько не думают о возможных повседневных опасностях, грозящих им каждую минуту, например, о взрыве газа, о несчастных случаях на улице, о падении и тому подобном.

— Или о нападении разбойников, об эпидемиях, пожарах, о сходящих с рельсов поездах.

— Да, если хорошенько подумать, то жизнь на земле окажется не безопаснее жизни на море...

— Выходит на деле, что легче взять вдвоем корабль на abordаж, чем уцелеть во время холерной эпидемии.

— Ах, ты, плут! Теперь я понял твое намерение. Чудесно, сынок. Теперь и я начинаю верить в успех. Если дело только за этим, то мы и вправду скоро поплывем на Суматру.

— Неправда ли?

— У меня нет ни тени сомнения. Как только мы заберемся на корабль, посмотришь, как я ловко скоманую тебе: «Право на борт!»

Время приближалось к трем часам пополудни, когда два европейца и китаец увидели жалкие хижины, громко именуемые городом Дилли. Развалившись в гамаках, обыватели с наслаждением предавались обычному ничегонеделанью. Лишь несколько малайцев, нечувствительных к палящему зною, копошились на самом солнцепеке. Другие, присев на раскаленной набережной рейда, со свойственным их племени азартом занимались игрой.

Фрикэ беглым взглядом оглядел порт и сделал жест разочарования. На якоре стояло с полдюжины кораблей, принадлежавших американским китоловам и малайским купцам. Далее шел целый ряд целебесских прао, постоянно разъезжающих между Купангом, Дилли и Макасаром.

— Вот несчастье! Ее тут нет.

— Кого это?

— Да шхуны; я метил на нее.

Пьер покровительственно улыбнулся и указал пальцем на море.

— У старой акулы, у этого капитана, есть свои причины не подходить близко к побережью. Он оставился не на рейде, а около него милях в двух. Видишь, вон там, вдали?

— Так ты думаешь, что это она?

— Да уж поверь мне, старому моряку. Стоит мне раз побывать на корабле, и уж я его навсегда запомню. Пусть сорвут с меня боцманские нашивки, если это судно не «Palembang».

— Хорошо. Лодок здесь много, а господа малайцы с удовольствием нас свезут. Ты сейчас увидишь, что значит здесь мундир.

С этими словами Фрикэ с нарочито важной, ленивой осанкой, присущей португальцам в колониях, сквозь зубы отдал Виктору приказание отыскать лодку и двух гребцов, сопровождая это приказание поистине величественным жестом. В двух шагах стояла толпа малайцев. Они заметили повелительный жест Фрикэ и бросились исполнять требование, переданное им на их языке гражданином Поднебесной империи.

Спустя пять минут наши приятели, удобно разместившись на туземной лодке, уже скользили по серо-зеленым волнам рейда. Гребцы, полагая, что везут представителей колониальной власти, усердно налегали на весла; видно было, что господа португальцы умеют внушать почтение.

Корабль заметно приближался. Пьер не ошибся. Это была голландская шхуна. Наступала решительная минута. На корабле, опершись на борт, бодрствовал только один человек или, по крайней мере, казалось, что бодрствовал. Фрикэ потрогал свою саблю. Пьер, ни слова не говоря, сделал то же.

Лодка близко подъехала к шхуне и остановилась, не замеченная вахтенным.

— Я пойду первым,— сказал парижанин.— Ты ступай за мной, а Виктор уже потом, когда мы будем на борту.

Два друга взобрались на корабль с обычной ловкостью, хотя им порядочно мешали ружья, надетые через плечо, и сабли, болтавшиеся у ног. Перепрыгнув через борт, они твердо стали на палубе, с видом неподражаемой важности.

Пьер два раза топнул ногой по палубе и крикнул своим командирским голосом:

— Эй! На корабле! Эй!

Спавший на вахте пробудился и вытянулся во весь рост. Фрикэ прыснул со смеху.

— Однако, у тебя акцент недурен для португальца.

— Э, черт, все равно. Язычник проснулся. Примись-ка за него.

— Я знаю.

«Язычник» был подшкипером «Palembang'a». Он в смущении сделал несколько шагов вперед, не зная, как ему быть: отвечать по-французски или спросить по-португальски. Положение было щекотливое.

Фрикэ разрешил затруднение со своей обычной находчивостью. Сделав шаг вперед, он улыбнулся самой обворожительной улыбкой.

— Как поживаете? — любезно осведомился он. И, не дожидаясь ответа, прибавил: — Мы так себе, ничего, благодарю вас. А наш милый капитан, мингер Фабрициус, в добром ли он здоровье?.. В добром, вы говорите?.. Ну, и слава Богу... А мы, как видите, немножко переоделись. Так, фантазия пришла. Костюм только уж очень неудобен, особенно для дороги. Бедняга Пьер пыхтит, точно воз везет, а меня хоть жми — вспотел до невозможности.

Подшкипер онемел от удивления. Машинально он вложил свою руку в протянутую ему руку Фрикэ, а тот, по-видимому, так был рад свиданию, что, как взял ее, так и не выпустил.

— Но, синьор француз... или господин чиновник...

— Не смущайтесь, дружище: не платье делает монаха. Мы вовсе не чиновники из таможни. Неужели вы все еще не узнали? Ведь мы ваши благородные пассажиры. Хоть мы и свалились к вам как снег на голову, но намерения у нас самые похвальные.

— Теперь я вас узнаю... Но какими судьбами вы здесь, и в этом платье?

— Мы расскажем вам это завтра или когда-нибудь в другой раз, когда выйдем в море, — отвечал Фрикэ, все не выпуская руки, которую он не шутя сжимал все с большей и большей «сердечностью».

— Но, господа, мы не принимаем пассажиров. Так решил капитан. Подбирая вас с Буби-Эйланда, он, как вы знаете, хотел завербовать вас к себе. И если бы вы не исчезли так скоропостижно, когда приехал мистер Голлидей...

— Каналья он, этот ваш Голлидей, — перебил Пьер. — Попадись он мне когда-нибудь на узенькой дорожке, я ему многое припомню.

— Что ж вам, наконец, угодно? — спросил подшкипер, не на шутку встревожась.

— Чтобы вы поставили паруса и плыли на запад, не слишком удаляясь от десятой южной параллели.

Подробности мы сообщим вам после. Если вам это неприятно, то вот мой друг согласен вести корабль вместо вас.

— Что ж, это простой каботаж. Для этого мне даже секстант не понадобится.

— Господа, — решительно отвечал подшкипер, — делайте со мной, что хотите, но я на это не согласен. Капитан на берегу, я почти один на всем корабле...

— Bravo! — вскричал Фрикэ. — Тем лучше. Дело еще проще. Ну же, командуйте скорее; я этого требую, я так хочу.

Это «я хочу» было произнесено таким тоном, от которого мог задрожать даже человек не робкого десятка.

Голландец, однако, упрямился.

— Нет, — крикнул он, стараясь отнять у Фрикэ свою руку.

Фрикэ побледнел, в его светло-голубых глазах блеснула сталь. Он сжал пальцы; рука подшкипера захрустела, точно в тисках.

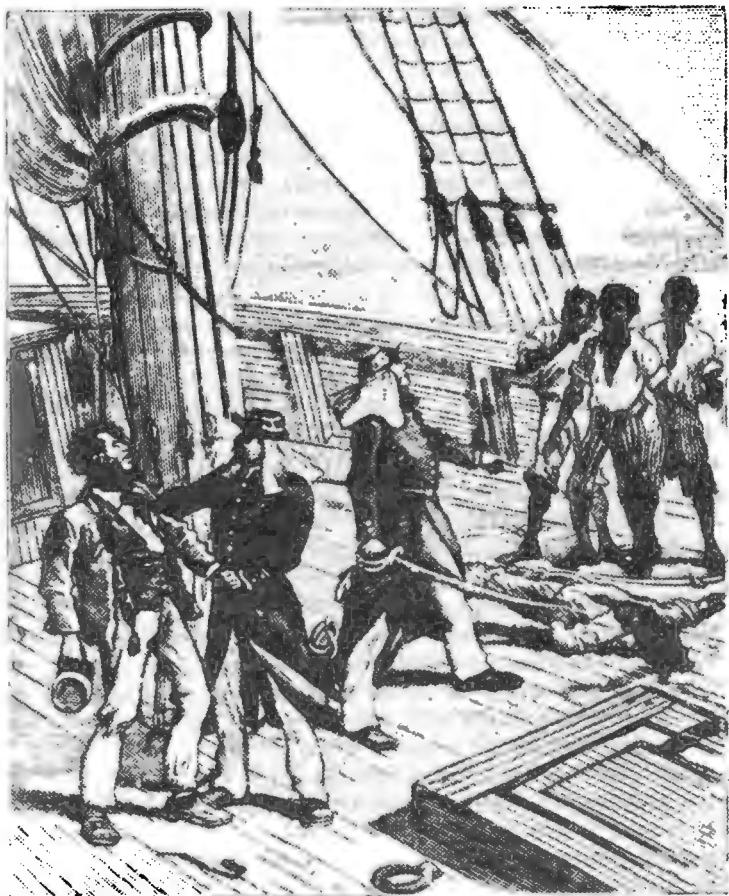
— Слушайте, — заговорил француз, — да поглядите на меня хорошенько. Я не желаю вам зла; вы взяли нас с острова, и благодарность для меня не пустое слово. Но время не ждет. Нас заставляют так поступать очень важные причины, повинуйтесь. Повторяю, мы не сделаем вам зла, напротив. Мы вам заплатим, уверяю вас. Но только, пожалуйста, не сопротивляйтесь, а то — клянусь честью — я разобью вам голову о лестницу.

Произнеся эту угрозу, Фрикэ так стиснул руку голландцу, что у несчастного посинели ногти. Он вскрикнул от ужаса и боли, поднес к губам свисток и свистнул. На палубу прибежали четыре малайца с пиками и саблями и кинулись на Пьера, который стоял к ним ближе.

— Ах, вы, гадины! — закричал тот, обнажая саблю. — Прочь оружие, не то искрошу, как репу.

Трое из них замаялись на секунду, но четвертый храбро замахнулся саблей на Пьера, который ловко скрестил с ним свою. Сабля малайца со свистом перевернулась и ударила по лбу его самого. Нападающий был оглушен и в ту же минуту получил прямой удар собственной саблей Пьера. С раскроенным черепом покатился он по палубе, мгновенно окрасившейся кровью. Остальные малайцы побросали оружие и, протянув руки, стали молить о пощаде.

Он велел им выстроиться

Повелительным жестом Пьер велел им выстроиться близ люка, а Фрикз тем временем все не выпускал руки подшкипера, который изнемогал от чудовищного пожатия.

— Я бы мог вас убить, — сказал он с ужасающим спокойствием, пронизывая несчастного глазами, — но я не хочу. На этот раз я прощаю вас ради прошлого. Но при первой попытке причинить нам вред я все позабуду, и тогда вы погибли. Сколько у вас на борту людей?

— Одного вы убили. Теперь трое.
— Европейцев нет?
— Европейцы все на берегу.
— Тем лучше. Для этой шхуны достаточно четырех человек, а нас шестеро. Прикажите готовить парус, а я обрублю канаты. Вы отдадите мне все свое оружие, я сложу его в надежное место. Не надейтесь нас обмануть, мы по очереди будем вас караулить, а вы уже имели случай убедиться, что нас нелегко зарезать, как цыплят. Ступайте, — закончил он, разжимая пальцы.

Укрощенный голландец немедленно повиновался и сделал то, чего от него требовали. Английские и голландские шхуны, как правило, — небольшие суда. На них бывает всего две мачты, наклоненные назад так, будто они поддаются ветру. Паруса самые простые. Управление такой шхуной требует немногих рук. На ходу эти суда очень быстры, но во время бури довольно ненадежны. По всему видно, что их изобрели американцы, самые безрассудные моряки, какие только есть на свете.

Паруса на «Palembang'e» были поставлены очень быстро благодаря содействию обоих французов, которые работали так усердно, что суконные мундиры их лопнули по швам и лишились нескольких пуговиц.

Подшкипер взял румпель, и Пьер, когда все было готово, взглянул на компас.

— Ну, теперь все, — прошептал он про себя. — Слава Богу, мы держим курс на Суматру.

Через три недели после этого смелого захвата шхуна бросила якорь под 5° южной широты и 105°35' восточной долготы по гринвичскому меридиану, между деревнями Кавур и Крофи, на юге Суматры. Она последовательно держалась западной линии, минуя острова Омбаи, Понтарь, Ломблем, Солор, Флориду, Сумбаву, Бали и пройдя вдоль Явы с одного конца по другому. Это расстояние длиной в 23° было преодолено, если не с исключительной быстротой, то с редкой удачей. Не перестававший дуть умеренный попутный ветер позволял судну делать по шести узлов в час, что очень недурно даже для тех, кто торопится. Наши друзья торопились: вода и припасы были у них на исходе. Читатели помнят, конечно, что «Palembang», окончив ловлю в Торресовом проливе, прямо прошел к Тимору, не возобновив дорогой припасов. Вследствие

этого экипажу приходилось теперь соблюдать строжайшую экономию.

Легко понять, как обрадовались все, когда шхуна остановилась в пустынном заливчике, за которым можно было различить в лорнет большую плантацию и десятка два избушек, прихотливо разбросанных по склону холма.

— Дома! Мы дома! — сказал с волнением Фрикэ, сжимая руку Пьера. — Господин Андрэ... доктор... Странствующие плантаторы... Я дрожу, как ребенок... Еще немного, и я брошусь в море, чтобы доплыть поскорее до земли.

— Зачем же так, господа, — сказал голландец, смягчившийся за время долгого переезда. — Я снаряжу лодку, плывите лучше в ней.

— Милостивый государь, — с достоинством обратился к нему Фрикэ. — Вы оказали нам огромную услугу, хоть сначала и не совсем добровольно. По-едемте с нами. Хотя друг или, вернее, соучастник нашего капитана и разорил нас всех, но мы все-таки можем вас наградить, если не деньгами, то натурой.

— Я ничего не хочу и ни в чем не нуждаюсь. Не станете же вы требовать, чтобы я насильно сошел на берег.

— Разумеется, нет. Напротив. Оставайтесь, если ничего не хотите принять от нас. Прощайте!

Пять минут спустя два друга уже вступили на давно желанный берег. Они поспешно устремились по торной дороге, которая вела к плантации. Пьер безотчетно обернулся назад и увидел, что шхуна на всех парусах выходит в море.

— Знаешь ли ты, что подшкипер «Palembang'a» сделал благодаря нам очень выгодную аферу?

— Это как?

— Неужели ты воображаешь, что он возвратит корабль хозяину? Вот увидишь, вор у вора украдет дубинку. Он преспокойно зайдет за припасами в какой-нибудь притон пиратов и начнет разбойничать самостоятельно. Вот будет с носом мингер Фабрициус!

— Да, действительно, вор у вора дубинку украл.

Тяжелая калитка ограды, окружавшей большой деревенский дом, отворилась, и двое рослых мужчин кинулись с объятиями к новоприбывшим.

— Фрикэ!.. Шалун ты мой!.. Пьер, дружище!..

— Господин Андрэ!.. Дорогой доктор!..

— Бедные мои друзья! Наконец-то!.. И в таком виде.... Мы уж и надежду потеряли...

Фрикэ от волнения едва мог выговорить дрожащим голосом несколько слов; Пьер, побледнев, крепко, до боли жал друзьям руки.

— Мы вернулись одни!.. Нас ограбили бандиты!

— Мы разорены, господин Андре, разорены! Но мы, ей-Богу, не виноваты!

— Ах, ну что значит денежная потеря в сравнении с ужасным несчастьем, которое на нас обрушилось!

— Что еще случилось? — воскликнули Пьер и Фрикэ в один голос.

— Бланш, ваша маленькая подруга, моя приемная дочь...

— Где она? Что с ней? — пролепетал Фрикэ, у которого подкосились ноги.

— Пропала!.. Ее похитили наши заклятые враги, «бандиты моря»!

Часть вторая

РАДЖА БОРНЕО

Глава I

Не то сигнал бедствия, не то салютная пальба, не то канонада. — Пять молодцов. — Малайцы-пираты. — Нападение на корабль, севший на мель. — Неожидавшая помощь. — На английской яхте. — План защиты, разработанный парижским гаменом. — Бутылки из-под вина, превращенные в капканы. — Абордаж. — Пятьдесят на одного. — Взорвать ли себя на воздух? — Пожар на борту. — Пятеро французов объявляют войну борнейскому радже.

— Ну, право же, это пушечный выстрел.

— Здесь-то? Помилуй!

— Да отчего же?

— Скорее всего салют.

— Кому здесь салютовать?

— Ну, так, значит, сигнал бедствия.

— А может быть, просто гром. Вот и туча; посмотри, какая черная.

— Не думаю, чтобы гром. Уж одно то...

Вдали опять глухо прогремел звук выстрела и далеко прокатился над рекой, окруженной широкою каймой лозняка.

— Моя правда, — сказал первый собеседник. — Близ устья стреляют. Звук пушечного выстрела для меня настолько знаком, что я уж никогда не ошибусь... А ты слышишь этот треск, Фрикэ?

— Это из митральезы, Пьер, да?

— Почтище митральезы, мой мальчик. Это стреляют из новоизобретенной пушки-револьвера.

— Да, прогресс не стоит на месте. Каких только усовершенствований мы не вводим в дело самоистребления!

— Да это настоящая битва, — перебил третий человек, до сих пор молчавший.

— Которая задает мне немало работы, — прибавил четвертый баском и с ясно различимым провансальским акцентом.

— А как вы думали, доктор? Ведь это не по во-робьям, конечно, стреляют. Впрочем, мы скоро узнаем, в чем дело.

Эти слова принадлежали человеку, который, по-видимому, был главным лицом в компании.

— Приготовьте оружие, друзья, — продолжал он. — А вы, ребята, — обратился он по-малайски к двум даякам, которые были гребцами на легкой малайской прао, — приналягте-ка на весла.

Легкая лодка, несмотря на то, что в ней сидело с гребцами семь человек, быстро поплыла по черным волнам реки.

Пассажиров в лодке, как сказано выше, было семь человек, из них четверо европейцев. Последние все были одинаково одеты в грубые холщовые куртки со множеством карманов, обуты в крепкие башмаки со шнуровкой и в кожаные штиблеты, прикрывающие панталоны из такого же холста, как и куртка. У всех на голове были белые шапки из сердцевины бузины, крытые фланелью, — превосходный головной убор, заимствованный у английских солдат индийской армии. Вооружены они были очень внушительно: у каждого за плечами — по короткому дальнобойному карабину, а в желтой кожаной кобуре у пояса — по револьверу крупного калибра.

Багаж у каждого состоял из полотняной сумки, вроде тех, что бывают у художников-пейзажистов; сумка была обернута каучуковой клеенкой и могла выдерживать какой угодно экваториальный ливень.

Вся эта экипировка свидетельствовала о том, что

наши путешественники — народ опытный, способный приспособиться к спартанским условиям далеких экспедиций.

Один из них — доктор — был человеком очень маленького роста, худым, как щепка. Волосы у него были короткие, жесткие и с проседью; борода подстрижена. Несмотря на свои пятьдесят лет, доктор был бодр и проворен, как юноша. Физически крепкий и закаленный, он шутя переносил и тропический зной, и болотные испарения.

Прежде доктор служил во французском флоте и слыл первоклассным хирургом, но три года тому назад вышел в отставку. Сначала он поселился у себя на родине, в Провансе, в маленьком домике с зелеными ставнями, рассчитывая пожить как скромный сельский буржуа, наслаждаясь супом на оливковом масле и марсельскими ракушками; но эта идиллия длилась ровно два месяца. Доктор Ламперриер запер свой домик, заколотил зеленые ставни и отправился сажать свою капусту... куда бы вы думали? На Суматру, в обществе своего друга Андрэ.

Последний предводительствовал в экспедиции и являл разительный контраст с другом. Тридцати двух лет, темноволосый, со строгим выражением бледного лица, он был настолько же сдержан, насколько доктор общителен. Его стройные члены обладали силой, которая, на первый взгляд, как-то даже не вязалась с их изяществом. Ловкость и замечательное умение владеть оружием делали его серьезным противником, хотя по натуре он был далеко не авантюрист, а напротив, джентльмен с головы до ног, чистокровный парижанин в одежде промышленника.

В свете вышесказанного нам незачем рисовать портреты Фрикэ, парижского гамена, и бретонца Пьера де Галья.

Пятый их товарищ, до сих пор не раскрывавший рта, был совершенно черный негр. Ему было восемнадцать лет, и европейское платье трещало по швам на его могучей фигуре, носил он его на себе довольно свободно. Умное лицо светилось добротой, хотя и с оттенком ребяческой капризности. Этот юный колосс взирал на окружающее совершенно бесстрастно. Товарищи относились к нему прекрасно, по-братски, и больше ему ничего не было нужно.

Прао неслась, гонимая веслами даяков, европейцы

вооружались, пушка гудела, а храбрый юноша невозможно развалился на дне пироги с беспечностью отдыхающего черного льва.

Голос Фрикэ заставил его привстать:

— Послушай, Князек, неужели ты не слышишь этого шума? Приготовься-ка лучше. Сейчас посыплется свинец.

Князек, выше Фрикэ на целую голову, отвечал мягким, музыкальным голосом, свойственным многим неграм:

— Да, Фрикэ, да... Ты всегда торопишься... Но и я от тебя никогда не отставал.

— А заряжен у тебя карабин-то?

— Заряжен... Да я и без карабина: возьму топор и — ух!.. А не то прикладом...

— Без глупостей. Уж я знаю тебя: начнешь колотить направо и налево, сломаешь карабин и останешься без ружья на протяжении всей экспедиции.

Князек улыбнулся и с наивной гордостью согнул руку у локтя, демонстрируя огромные мускулы, вздувшиеся под блестящей черной кожей.

— Я всегда могу найти дубину.

— Ну, уж об этом пора забыть. Дубина, юноша, для негров, а ты ведь теперь парижанин.

— Я всегда делаю, как ты хочешь. Разве неправда, мусье Андрэ?

— Не слушай его, Князек, — ласково сказал Андрэ. — Он шутит.

— О! Шутит!

— Вовсе нет, — продолжал развлекаться Фрикэ. — Сколько трудов стоило мне спасти его от рабства, увезти в Париж, воспитывать, а он — дубину! Видно, как волка ни корми, он все в лес смотрит...

— Тише! Будет вам! — прервал его Андрэ. — По местам, неприятель близко!

Четыре европейца присели в лодке и приготовили свои карабины. Река сделала вдруг внезапный поворот и расширилась в устье. Показался небольшой мысок, поросший густым лозняком, и глазам европейцев представилось странное и вместе с тем страшное зрелище.

В пятидесяти метрах от них, на расстоянии одного кабельтова от берега, неподвижно стоял окруженный облаком дыма небольшой корабль, по-видимому, севший на мель. Время от времени это колеблющееся

В пятидесяти метрах стоял корабль

облако прорезывала длинная огненная лента. Слышался звук пушечного выстрела, и картечь сыпалась на черную линию бесчисленных пирог, грозным кругом опоясавших судно.

Каждый выстрел сопровождался яростным воем. Круг сжимался все теснее и теснее. Через несколько минут должен был неминуемо начаться abordaj.

— Черт возьми,— проворчал Пьер де Галь,— чего это они торчат здесь, не двигаясь с места?..

— Что же им делать? — спросил Фрикэ.

— Да я отлично вижу трубу, это пароход. Почему бы им не развести пары и разом не опрокинуть этих пиратов, которые в противном случае сейчас с ними сцепятся.

— А если они сели на мель?

— Дать задний ход и сдвинуться с места. Распустить все паруса.

— Но теперь отлив и ни малейшего ветра.

— Опять это ничего не значит. Меры предосторожности все-таки следует принять.

— Твоя правда, Пьер де Галь, — поддержал моряка доктор. — А ловко действуют эти малайские пираты! Эта хорошенькая яхта для них клад. Они будут счастливы сделать из нее разбойничье судно.

— Вы говорите «яхта», доктор? — спросил Андрэ.

— Английская увеселительная яхта. Разве вы не видите флага и значка яхт-клуба?

— Хорошенькое увеселение, нечего сказать, — заметил Фрикэ.

Прао близко подошла к пирогам нападающих. Ее приближение сначала не вызвало тревоги у малайцев, которые подумали, что к ним идет подкрепление. Но вот стали заметны белые шапки и блестящие карабины европейцев, и разбойники поняли свою ошибку. Бандиты архипелага подняли яростный крик и, потрясая своими длинными мечами, так называемыми «кампилаंगाи», устремились к утлой лодке в надежде разнести ее немедленно. Но их надежда не оправдалась.

— Пли! — раскатисто скомандовал Андрэ.

Прао, точно вулкан, извергала огонь. С обоих бортов ее сверкали выстрелы, правильные, меткие. Крики торжества сменились воплями боли и агонии. Не прошло и полминуты, как две пироги уже вынуждены были удалиться. Подъехали две других, но и их постигла та же участь. А ружейные выстрелы все продолжались и были так же точны и метки, точно на военном учении.

Укрывшись за бортом лодки, четверо европейцев палили непрерывно, словно их было человек двадцать. Малайцам казалось, что они даже не заряжали свои карабины, что те были неистощимы.

Два даяка, склонясь над веслами, с удовольствием наблюдали это истребление своих непримиримых

врагов — малайцев. Прао прорвала линию пирог и направилась к кораблю.

— Пора, однако, кончить все это! — вскричал Фрикэ. — Дуло моего карабина так нагрелось, что жжет мне руки.

— Смочи его в воде. Я сам так делаю, и ничего.

— Отличная мысль! Стало легче. Сдается мне, что англичанам мы окажем отличную услугу, и они должны будут нам поставить свечку размером с мачту корабля.

За лодкой на почтительном расстоянии плыли пираты. Вот уже можно переговариваться с кораблем. Андрэ окликнул яхту.

У борта показывается человек, вооруженный карабином.

— Бросьте нам канат! — крикнул Андрэ.

Англичанин придумал лучше. Понимая, что взбираться таким образом на корабль и долго и на глазах у малайцев опасно, он быстро спустил им лестницу штирборта. Нижняя площадка ее коснулась воды.

— Ну, Князек, полезай! — сказал Андрэ.

Негр собрал свои доспехи и взобрался на лестницу.

— Теперь ты, Фрикэ.

— Готово! — сказал парижанин, одним духом перемахнув через лестницу.

— Теперь вы, господин Пьер... А вы, там, открывайте огонь... Доктор, что же вы?

Затем он сказал несколько слов по-малайски даякам, которые послушно покинули пирогу, на которой остался один Андрэ. Тогда последний вплотную подъехал к лестничной площадке, вскочил на нее и сильным ударом ноги оттолкнул пустую лодку, которая поплыла прочь и вскоре скрылась из вида.

Пираты между тем гребли изо всех сил, стараясь настичь Андрэ, но он остановился на середине лестницы, хладнокровно навел карабин и выстрелил.

Один за другим раздались четыре выстрела с промежутком в четверть минуты. Четыре малайца повалились как снопы. После этого молодой человек, не торопясь, поднялся по лестнице и, словно в салоне, элегантно раскланялся на палубе с пожилым господином, около которого уже собрались наши французы и негр.

Малайцы были уstraшены. Они ушли из-под выстрелов, но не оставили еще своего намерения захватить возбуждавшее их азарт судно.

Защитники имели в распоряжении несколько минут передышки перед новой отчаянной атакой. Андрэ окинул яхту взглядом и удивился, что на ней так мало народу: всего пять человек с седым джентльменом включительно.

Несмотря на близость опасности, француз, зная хорошо нравы и обычаи британцев, спешил исполнить необходимую формальность — представился сам и представил своих друзей. Англичанин крепко пожал каждому руку и объявил, что он сэр Гарри Паркер, капитан и хозяин яхты «Concordia».

Но близость пиратов не позволяла долго разговаривать. Кругом пенилась вода от ударов весел, нужно было действовать как можно скорее; англичанин с большим тактом отвел Андрэ в сторону и передал ему командование, говоря, что он очень плохо объясняется по-французски, а это может повредить делу.

Молодой человек любезно откланялся и поблагодарил.

— Хорошо. Мы постараемся оправдать ваше доверие. Господин Пьер де Галь, артиллерия — дело ваше. Сами знаете: целиться надо ниже.

Боцман взял под козырек и встал на свое место. Фрикэ подошел к Андрэ и тихо произнес:

— Monsieur Андрэ, на нас непременно нападут.

— Очень может быть.

— Не поручите ли вы мне защиту палубы?

— То есть как это?

— Я бы разбросал несколько капканов, о которых пираты поранят себе ноги, как только вступят на борт.

— Как хочешь. Только делай поскорее.

— Пошлите со мной двух человек в провиант-камеру. Князек, иди и ты.

Не прошло и десяти минут, как француз уже снова появился на палубе, таща две корзины с бутылками. За ним с такою же точно ношей шли его товарищи. В один миг ящики были опустошены...

— Клико № 1... Вермут... Эль завода «Брасс и К°». Бордо... Сколько прелестных вещей будут использованы не по своему назначению. Эй, вы, бейте все это, не жалейте... Пускай вино льется: палуба будет чище.

Раздался звон разбитой посуды. Напитки разлились, смешались и потекли по доскам, а осколки бутылок рассыпались по палубе.

— Еще разок сходим... этого мало. У нас нет иного выбора.

Второе путешествие за бутылками завершилось быстрее, чем первое; и скоро палуба почти вся была завалена битым стеклом.

— Вот и капканы готовы,— весело сказал Фрикэ.— Что значит хорошо снабженный погреб: у нас еще осталось чем освежиться после битвы.

— Эти французы очень храбры и находчивы,— бормотал про себя восхищенный сэр Паркер.

— Не угодно ли, господин Пьер,— сказал Андре своим ровным голосом.

Линия лодок была уже в одном кабельтове от яхты. Пьер быстро наклонился над двенадцатифунтовой пушкой, заряженной картечью.

— Первая! — крикнул он.

На пироги посыпался железный град. Линия разомкнулась и в прорыве показались обломки дерева и тонущие тела.

Вслед затем раздался залп из ружей. Пьер побежал к другому оружию, между тем как первое заряжали снова. Раздался треск еще сильнее, и нападавшие, не ожидавшие такого поворота, взвыли от злобы и боли.

Хладнокровие и ловкость защитников яхты уравнивали их силы с неприятелем. Но численный перевес был все-таки на стороне последнего. Долго ли может продлиться битва? Несмотря на понесенные тяжкие потери, малайцы все-таки продвинулись вперед. Переменив тактику, они сделали бесполезными и картечницу, и пушку-револьвер. Нападавшие выбрались из лодок и плыли позади, толкая лодки перед собой, так что выстрелы мало задевали их. По временам из-за лодок показывались их головы и тот час же исчезали; круг нападавших уже больше не прорывался.

Вот они уже близко от яхты. Андре хладнокровно подошел к сэру Паркеру.

— Не замечаете ли вы, сэр, что судно слегка колышется?

— Да, действительно. Начинается прилив. Через минуту мы будем подняты водой. Как жаль, что на яхте совершенно нет угля!

— Все равно мы не могли бы продержаться до тех пор, куда развились бы пары. Ох, этот штиль!.. Скажите, ваши матросы хорошо умеют управлять парусами?

Авангард демонов устремился на переднюю часть корабля

— Это все отборный народ.

— Так велите им готовить паруса. Это необходимо. А мы тем временем предпримем последнюю попытку отразить abordаж. А там, быть может, и ветер поднимется.

— All right!

Тактика малайских пиратов особенно опасна для заштителвших парусных кораблей. Если корабль с невысоким бортом, если на нем нет значительной артилле-

рии и многочисленного экипажа, то он, как правило, погибает. Пираты оцепляют его со всех сторон тесной линией, которую легко прорвать, но легко и сомкнуть снова. Страшны они бывают, в основном, своей численностью. Каждая пирога с тремя-четырьмя малайцами представляет собой боевую единицу; потеря одной из них ничего не значит в общей массе, которая обыкновенно настойчиво продолжает надвигаться на корабль; круг делается все теснее; артиллерия становится бессильна; наконец пираты заскакивают на корабль с бешенством хищников и ловкостью обезьян, бросаются на защитников и, будучи нередко в числе пятидесяти против одного, подавляют их своею численностью. Таков в большинстве случаев бывает роковой исход атаки.

Несмотря на все проворство и усилия французов, их ружейный огонь заметно ослаб, покуда англичане готовили паруса, и осаждающие этим воспользовались. Отвратительный авангард морских демонов вынырнул из воды и устремился на носовую часть корабля, так как защитники столпились на корме, где на палубе было набросано меньше битого стекла. Держа в зубах кинжалы, пираты карабкались на яхту, впиваясь в дерево своими длинными звериными когтями. При этом они испускали дикие крики, чтобы ободрить пловших сзади.

Сэр Паркер поднял с пола щепочку, зажег и положил на шпиль, поднялась тонкая вертикальная струйка синеватого дыма. Ветра не было. Англичанин покачал головой и сказал:

— Если через две минуты струя дыма не наклонится, мы погибли. Не правда ли, джентльмены, вы не хотите живыми сдаться в руки этих разбойников?

— Конечно, нет... конечно, нет, — слышались крики.

— Хорошо. Теперь я знаю, что делать.

Тем временем пираты вторглись на корабль.

— Ну, ребята, теперь все кончено! — вскрикнул Фрикэ.

Волосы у него растрепались, лицо и руки почернели от пороха.

Но вдруг победные крики малайцев сменились диким воем боли. Пираты замаялись и подались назад. Ноги у них были изрезаны и окровавлены.

Они наткнулись на битое стекло.

Задние, ничего не зная, напирали на передних; те падали; несколько минут царил невообразимый хаос.

Пьер воспользовался наступившим смятением и повернул пушку в сторону палубы. Но он не стрелял: ему жаль было последнего заряда.

Фрикэ торжествовал. Его выдумка удалась.

— Не радуйся, — остановил его Пьер, — посмотри лучше на них: передние падают, а задние по ним пробираются. Они скоро наводнят всю палубу; взгляни, их наберется с полтысячи.

— Стреляйте же, Пьер! Что вы медлите? — вскричал Андрэ.

Картечь проложила кровавую борозду по груди бронзовых тел. Но брешь почти в ту же минуту восполнилась вновь.

— По-моему, господа, все кончено, — сказал сэр Паркер, готовый сойти внутрь яхты с револьвером в руке.

— Хорошо, сэр, — отвечал Андрэ. — Я вас понимаю. Мы залетим на воздух, да?.. Так, да здравствует Англия и да здравствует...

— Да здравствует Франция! — докончил почтенный джентльмен.

Андрэ почтительно снял шапку перед английским флагом шхуны, бессильно повисшим на флагштоке. Тогда сэр Паркер прибавил:

— Мы еще успеем поднять французский флаг рядом с этим. Я тоже хочу отсалютовать благородному знамени вашей родины.

Неожиданно на корабле произошло нечто необъяснимое. Негодяи, которых не могла остановить уловка Фрикэ, вдруг отхлынули назад. А между тем пальба по ним давно прекратилась. Самые храбрые бросались в море. Что же случилось? Или неожиданно подоспела помощь? Нет. Или, если хотите, да. Эта помощь — огонь.

Палуба загорелась. По ней текли потоки пылающей жидкости. Это был спирт, пролитый по ошибке вместе с вином и зажженный последним выстрелом Пьера.

Итак, для «Конкордии» нет спасения: извне — остервенелые демоны, внутри — огонь.

Заметив свою страшную ошибку, Фрикэ побледнел, как полотно.

— Господин Андрэ, — воскликнул он в отчаянии, — что я наделал! Я хотел вас всех спасти и... погубил.

— Вы можете успокоиться,— перебил его сэр Паркер.— Вы лишь предупредили меня: я сам хотел взорвать яхту.

— Да я вовсе не хочу быть взорванным. Зачем это? Мы должны жить.

— И попасть живыми в руки малайцев, которые предадут нас самым лютым пыткам?

— Не бывать этому! Говорю вам, что не бывать! Во что бы то ни стало мы должны жить! Вы разве не знаете, каким образом мы сюда попали?

— Нет.

— Так знайте же: по одной важной, священной для нас причине мы впятером ехали объявлять войну борнейскому радже.

Глава II

Фрикэ тушит пожар.— Возобновление военных действий. Спасены! — «Concordia» поднята волнами.— Почему так мало экипажа на яхте? — Угля нет.— Фрикэ берется развести пары в один час.— Фрикэ — машинист.— Фрикэ на все руки мастер.— Позвала, которая все-таки не заслужена.— Чем на досуге занимаются даяки.— Еще головорезы.— Любопытство антрополога, своеобразно понятое.

Фрикэ не был хвастуном. Он просто принадлежал к людям с пылкою фантазией и был мастер изобретать самые смелые проекты.

Фраза, которую он произнес сдавленным голосом на яхте, попавшей между двух огней, удивила англичанина, хотя его нелегко было удивить:

«Мы впятером ехали объявлять войну борнейскому радже!». При других обстоятельствах сэр Гарри Паркер просто пожал бы плечами, подумав, что перед ним хвастун либо сумасшедший. Но он успел оценить Фрикэ по достоинству. Его поведение во время битвы было безукоризненным. Сообразительность и находчивость выше всяких похвал. То же можно было сказать и относительно всех товарищей Фрикэ. Сэр Гарри понимал, что их объединяет какая-то общая цель, вдохновляет одно общее чувство, и допускал, что при подобных обстоятельствах для пятерых преданных друзей даже невозможное может если не быть, то казаться возможным.

Уверенность заразительна. Сэр Гарри забыл громадную разницу между монархом, в столице которого насчитывается пятьдесят тысяч жителей и который

предписывает законы миллиону подданных, и пятью французами, которые объявили ему войну. Он не только уверовал в этот безрассудный поступок, но даже посчитал вполне возможным успешное завершение этих действий.

И то сказать, разве в новейшей истории Борнео нельзя найти подобного прецедента: в 1841 году англичанин Джеймс Брук сделался саравакским раджей и сохранил этот титул до 1865 года?

Все это быстро пронеслось в сознании сэра Гарри Паркера, и он ответил парижанину коротким «All right!...» Но Фрикэ уже исчез. Не заботясь о разбойниках, которые с воем плавали вокруг яхты, ни даже о тех из них, которые продолжали висеть на внешней стороне борта, парижанин собрал всю команду и принялся тушить пожар. Были собраны все швабры, какие только нашлись, из кладовой было принесено несколько запасных парусов. Поставили пожарную трубу, герметически закрыли все люки.

Швабры намочили водой и разложили вокруг горящего участка, чтобы задержать распространение огня. Фрикэ работал за четверых и все время без умолку сыпал прибаутками как настоящий парижанин, который способен балагурить даже в минуту самой крайней опасности.

— Ну-ка, пожарные, голубчики, поднатужьтесь, а то сгорим, ей-Богу сгорим! Ведь вот, право, судьба: в котел к людоедам не попал, отбоярился, зато угодил в миску со жженкой. Это же глупо... Эй, Князек, берегись — ногу испортишь. Обуйся-ка лучше. В своих башмаках ты ходишь очень интересно: вразвалку, совершенно как утка... Ну-ка, берись за трубу, качай, да посильнее. Парус-то, который мы хотим разостлать на полу, нужно сперва намочить... Вот так, ребята, валяй, spraysкивай его... Так. Ладно. Ну, теперь расстилайте... Легче, легче!.. Пьер, ты за этот конец, а я за тот... Кто это там барахтается? Господа малайцы? Здравствуйте, почтенные. Обожглись? Ну, что же делать! Вас никто сюда не звал. Сидели бы дома... Хотите — милости просим на перевязочный пункт. Там у нас есть доктор Ламперриер. Он не только зарезать, он и вылечить может... хирург!

Действительно, из-под мокрого паруса слышны были стоны пиратов, раненых во время последнего залпа и палимых огнем на месте; в удушливой атмосфере

носился приторный запах горелого мяса. Этот эпилог борьбы был просто ужасен.

Наконец, горящий участок накрыли двумя сложенными вместе парусами. Пожарный насос действовал отлично, обильно поливая полотно, которое, пропитываясь водою, уплотнялось и совершенно преграждало воздуху доступ к огню.

Пламя понемногу утихло. Но только опасность была устранена в одном, как сейчас же возродилась в другом. Малайцы, уцепившись за борт, терпеливо дожидались окончания борьбы с огнем, которая продолжалась очень недолго. И вот, увидев, что пожар закончился, они снова подняли крик, готовясь к нападению.

Европейцев снова ждал бой, отчаянный, беспощадный, — бой до истребления.

— Черт возьми, — закричал Фрикэ, весь промокший от морской воды, но по-прежнему в игривом расположении духа, — ни минуты покоя! Это просто невозможно. Это безобразие. Я буду жаловаться властям. Я судье жалобу подам.

И, моментально превратившись из пожарного в стрелка, он взял ружье и быстро зарядил его.

Андрэ собирался открыть огонь, как вдруг Фрикэ громко вскрикнул от радости.

— Спасены! Мы спасены! — крикнул он. — Мы не будем ни изжарены, ни убиты и на воздух нам не придется взлетать!

— Что с тобой сделалось? — спросил Пьер, целясь в малайца, карабкающегося на яхту.

Дело объяснялось просто. Читатель помнит, вероятно, как сэр Гарри зажег кусок дерева и положил на шпиль. Фрикэ вдруг заметил, что дым, все время вившийся отвесной спиралью, значительно отклонился в сторону, — вот в чем крылась причина его шумной радости.

Да, штиль кончился, это несомненно. По снастям пробежал легкий шелест, паруса надулись, рангоут заскрипел. В довершение благополучия прилив достиг высшей точки, и скоро должен был начаться отлив. Флаг развернулся в сторону моря, очевидно, ветер дул с берега.

Яхта всколыхнулась и сдвинулась с места. Хлопотать было не о чем: паруса уже давно поставлены. Один из английских матросов взялся за руль, другой уже бросал лот.

Видя, что добыча уходит, малайцы закричали от ярости. Но ветер был достаточно силен, и пассажирам «Конкордии» было нечего бояться.

Пожар окончательно утих. Только палуба немного дымилась. Необходимо было еще некоторое время действовать насосом, чтобы смыть следы битвы. Желая дать яхте окончательное направление, рулевой спросил у сэра Гарри, куда держать курс.

— Нам нужно курсировать в виду берега и дожидаться сигнала, который подадут нам наши товарищи.

— Так вы не одни? — спросил Андрэ.

— Прежде чем отвечать, — возразил англичанин, — позвольте, дорогой гость, засвидетельствовать вам и нашим товарищам мою глубокую благодарность за неоценимую услугу, вами оказанную. Это моя первая свободная минута, и, понятно, что я пользуюсь ею, дабы исполнить этот приятный долг и сказать вам, что я вам бесконечно обязан.

— О сэр, — отвечал Андрэ, — вы преувеличиваете нашу услугу. Мы за нее уже достаточно вознаграждены вашим вниманием.

— Вы не только спасли меня с пятью матросами от ужасной смерти, — продолжал англичанин, крепко трясая руку Андрэ, — но, избавив яхту от пиратов, вы спасли жизнь многим пассажирам, кроме нас. У меня на берегу еще девять человек: подшкипер, машинист с двумя помощниками и пять матросов. Они сошли вчера, чтобы нарезать красного лозняка для топлива. Им пришлось в бессилии и отчаянии наблюдать с берега эту жестокую борьбу. Они, как и мы, обязаны вам жизнью. Надобно поскорее избавить их от нравственных и физических страданий. У них почти совсем нет провизии, а вы знаете, что в здешних лесах ничего нельзя найти. На беду ветер дует с берега. Приходится лавировать, чтобы они могли подойти к нам на своей шлюпке. Как жаль, что нет топлива! Несколько оборотов винта — и мы были бы около них.

Пьер и Фрикэ, трудившиеся как простые матросы над уборкой палубы, услышали эти слова и перемигнулись с лукавой улыбкой.

— Знаешь что, матрос, — сказал старый боцман, — этот англичанин и молодец, и не трус, а только у него ни на грош нет сметки.

— Я слыхал от старых военных, которые были в Крыму, что все англичане таковы. Храбрые солдаты,

превосходные матросы, но не находчивы до беспомощности.

— Матрос!

— Пьер?

— Сколько времени тебе понадобится, чтобы развести пары без кусочка угля?

— Да около часу.

— Пойди и скажи ему об этом. Он будет очень рад.

— Что ж, отлично. Он в таком теперь затруднении, не знает, что делать, бедняга.

— Ну, ступай.

Фрикэ подошел к сэру Паркеру и разом переменял фамильярный тон парижского гамена на светское, учтивое обращение.

— Позвольте мне, сэр, сказать вам одну вещь.

— Сделайте одолжение, мой юный друг, — любезно отвечал сэр Гарри.

— Вы сейчас говорили про пары. Я могу исполнить ваше желание.

— Вы?

— Да, я, если позволите. Мне нужны две бочки дегтя, пила и топор.

— Отлично. А кто будет управлять машиной?

— Я в этом деле немного смыслю, спросите хоть у господина Андрэ.

— Прекрасно. Назначаю вас временно исполняющим должность главного машиниста впредь до возвращения его самого.

Фрикэ проворно повернулся на каблуках, подошел к Пьеру, и оба принялись разыскивать необходимый материал, как люди, знакомые с корабельным устройством.

— Вот мы и еще раз выпутаемся из беды, — говорил Фрикэ, роясь в сундуке с плотничьими инструментами.

— Пустяки! Стоит только выбрать несколько лишних бревен и шестов, распилить их, наколоть дров и намазать дегтем, чтобы лучше горели.

— О, наша печка жарко разгорится!

— Мы возьмем опахала, вееры!..

Парижский гамен расхохотался.

— Этот юноша, — говорил тем временем сэр Гарри Паркер Андрэ и доктору, который с вниманием антрополога разглядывал только что отрезанную голову мальчика, — этот юноша — положительно необыкновен-

ный человек. Какая ловкость, какая подвижность, какая находчивость! Ничем-то он не смущается, ни от чего не теряет присутствия духа. Наконец, какое замечательное умение сделать что-нибудь из ничего.

— Ваша оценка тем более меня радует, что я сам очень люблю Фрикэ. К тому, что вы сказали, можно смело прибавить, что у него самое благородное сердце, какое можно только встретить. Виктор Гюйон, или, как мы обыкновенно зовем его, Фрикэ, — сама преданность и самоотверженность. Доказательством тому может служить любой пример из жизни этого скромного героя. Он в полном смысле слова готов отдать свою жизнь за ближнего. Всякий слабый, несчастный, всякий нуждающийся в защите может смело рассчитывать на его помощь и никогда не получит отказа.

— Да, господин Андра. Я сам отлично это вижу.

— А про его храбрость и мужество и говорить нечего. В семнадцать лет, будучи круглым сиротой и без гроша в кармане, он захотел совершить кругосветное путешествие и совершил его. Путешествие продолжалось менее года, но за это время он успел выручить экипаж паровой шлюпки, погибавшей в волнах одной африканской реки, спасти жизнь доктору Ламперриеру, которого вы видите перед собой, и вот этому храброму матросу Пьеру де Галю, наконец, вручить из неволи вот этого молодого негра...

— А, так вот он кто! Я его знаю: мне пришлось о его подвигах слышать и даже читать.

— Но это еще не все. В начале нынешнего года он во время плавания в открытом море был захвачен в плен одним бандитом, захотевшим присвоить себе транспорт китайских переселенцев, которых вез Фрикэ. Молодой человек, однако, убежал из плена вместе с Пьером де Галем. Они проехали на пироге от Луизианских островов до Буби-Эцланда, где вашими соотечественниками устроен приют для потерпевших крушение.

— Господа, мне неизвестны причины, побуждающие вас объявить войну борнейскому радже. Каковы бы они ни были, я уверен, что они вполне уважительны. Я теперь знаю вас, я имел возможность оценить вас по достоинству и не сомневаюсь в вашем успехе... Тем более, что у вас теперь есть союзник... Мои деньги, господа, мой кредит, сам я — к вашим услугам. Располагайте мною.

— Мы можем принять от вас помощь, но только нез-

начительную. Благодарю вас за предложение: оно делает нам честь. Но вовлекать вас в свое предприятие мы не имеем ни малейшего права. Это предприятие крайне сомнительно и может даже повести к дипломатическим осложнениям. Мы должны действовать, как можно осторожнее и в строжайшей тайне. Менее чем через два месяца в пределах владений раджи может разразиться революция. Даяки, угнетаемые малайцами, естественно будут нашими союзниками. Произойдут ужасные события. Неужели вы можете участвовать в этом? Даяки, сбросив с себя цепи, не будут знать удержу. А хотите понять, что такое даяки и чем они могут быть? Взгляните на тех двух, что приехали с нами. Обыкновенно эти люди очень смиренны, гостеприимны, приветливы, а теперь посмотрите, разве не похожи они на демонов?

Сэр Гарри поднял голову, приложил козырьком руку к глазам и сейчас же отвернулся с отвращением, даже с ужасом, от картины, которую он увидел на противоположной стороне палубы.

Как только был потушен пожар и снят с палубы разостланный на ней парус, даяки принялись за довольно странное упражнение, на которое европейцы в первое время не обратили сгоряча никакого внимания.

Увидев трупы пиратов, они схватили свои паранчи, или сабли, с которыми никогда не расстаются, как папуасы со своими реда, и воткнули их крест-накрест в палубу. После того они принялись вокруг них исполнять танец, который в общем вышел недурен, замысловат и довольно грациозен. Повертевшись вокруг сабель, они стали подходить к ним, как будто желая взять их опять, но всякий раз отступали назад, словно пораженные ужасом. Это была одна из фигур танца. Наконец, они действительно подняли свое оружие и начали друг с другом фехтовать.

Окончив это вступление, даяки с криком бросились на трупы. Каждый приподнял за волосы по одному трупу и замечательно ловко отсек ему голову. Затем слетела еще пара голов, потом еще и еще, до тех пор, пока все валявшиеся на палубе ужасные, обугленные трупы не были обезглавлены.

Затем, как ни в чем не бывало, они сложили из отрубленных голов пирамиду, а трупы выбросили за борт и принялись опять танцевать.

Он взял голову и стал ее рассматривать

У каждого из них было привешено сбоку по небольшой корзинке, сплетенной из тростника и украшенной человеческими волосами. Окончив пляски, они осторожно положили себе в корзину по голове, закрыли крышку и с гордым самодовольством посмотрели на белых.

Как раз в эту минуту мимо отвратительного трофея проходил доктор. Как человек, немало на своем веку порабатывший в анатомических театрах, он не испы-

тывал особенного отвращения при виде этих смертных останков. В нем проснулся инстинкт антрополога. Он взял в руки одну из голов и стал ее рассматривать так хладнокровно, как будто это был кокосовый орех.

Даяки поняли поступок доктора совершенно по-своему. Вообразив, что белые такие же страстные любители мертвых голов, они с предупредительностью поднесли европейцам каждый по две головы. Противно было видеть, как они, весело улыбаясь, подходили с этими страшными головами, держа их за длинные жесткие волосы.

Вот эта самая картина и заставила сэра Гарри вскрикнуть от отвращения.

— Я далеко не нервная дама, — с содроганием сказал он Андрэ, — но согласитесь, что ваши дикари совершенно невозможны. Пожалуйста, велите им убрать эти отвратительные трофеи.

Менее впечатлительный и более свыкшийся с нравами жителей Борнео, Андрэ хладнокровно сказал даякам по-малайски несколько слов. Даяки отошли прочь и преспокойно повесили драгоценные для них головы с внешней стороны борта.

— Так это ваши будущие союзники? Ну, можно смело сказать, что пленниками они обременять вас не будут. Да и относительно раненых врагов вам не придется беспокоиться: кто раз упадет, тому они уж не дадут подняться.

— Я, конечно, не стану поощрять эти дикие привычки, — сказал Андрэ, — но согласитесь сами, что мы, цивилизованные люди, не вправе предавать анафеме бедных даяков, которые во всяком случае действуют по своему разумению. Оглянемся на самих себя, вспомним факты из собственной истории: разве не поступали мы иной раз несравненно хуже, хорошо сознавая, что поступаем дурно, так как не были невежественными дикарями, а считались цивилизованными людьми? Даяки отрезают головы у мертвых врагов, а что делали мы сами во время хоть бы религиозных войн? А инквизиционные пытки? А завоевание Америки? Вспомните подвиги Кортеса в Мексике, Пизарро в Перу; эти негаснущие костры, это поголовное истребление несчастных туземцев, систематически продолжавшееся целый век. И все ради обогащения, ради наживы, до которой оказались так жадны «цивилизованные» при-

шельцы. Куда до таких «великих» людей наивным даякам Борнео, этим невинным любителям мертвых голов! Даяк убивает своего врага, как и европеец, и ничуть не с большей жестокостью. Не его вина, что он не слышал никогда о гуманности, о любви к ближнему, о прощении обид. Мы-то слышали, а что делаем?

— Вы правы, я знаю это. Я много хорошего слышал о даяках, и единственно, что мне в них не нравится, это именно их неприятная привычка носиться с отрезанными головами.

— Да, даяки — хороший народ. Мы прожили у них полгода и, верите ли, я встретил среди них столько честности, бескорыстия и, не шутя вам говорю, сердечной мягкости, что просто дивился. Даяк в высшей степени гостеприимен; он превосходный муж и замечательно любящий отец. А вот пример его бескорыстия. Когда даяк идет в какой-нибудь поход вместе с вековым своим врагом малайцем, он предоставляет своему союзнику всю добычу, довольствуясь сам одними головами убитых.

— Но, скажите, на чем у них основан этот безобразный обычай? Нет ли тут какого-нибудь поверья?

— Да, я думаю, что тут большую роль играет суеверие. Ведь и человеческие жертвоприношения коренились в суеверии.

— А правда ли, что, как уверяют некоторые путешественники, у даяков жених подносит невесте в подарок только что отрезанную у кого-нибудь голову?

— Крайне сомнительно. Я, по крайней мере, никогда ничего подобного не видел, хотя в прежнее время Лейден, а в новейшее Ван-Громп и голландский резидент в Голонтало Ридель утверждали это и продолжают утверждать. С другой стороны, это опровергается Теммингом, весьма добросовестным исследователем, и госпожой Идой Пфейфер, знаменитой путешественницей, правдивость которой не подлежит сомнению. Лично я склонен разделять последнее мнение, но не потому, что считаю даякских девиц неспособными принять благосклонно подобный дар, а из того простого соображения, что даякам просто негде взять столько голов, чтобы всякий раз подносить их в подарок своим возлюбленным.

Свист разведенного в машине пара прервал эту интересную этнографическую беседу.

Из большого люка высунулось лицо Фрикэ, почерневшее от копоти до такой степени, что стало не белее, чем лицо у Князька.

— Я поспел на пять минут раньше, чем обещал. Машина готова, сэр Гарри, и я жду ваших приказаний.

— Хорошо, мой друг. Становитесь на свое место. Я буду подавать вам сигналы... Рулевой, правь к горе! Лоцман, go ahead *!

Глава III

Морской разбой, как бич Индо-Малайского архипелага.— Джемс Брук, саравакский раджа.— Гроза пиратов и освободитель Борнео.— Как попали пять французов в устье реки Кагаджана.— Положение ребенка.— Письмо и гонец.— Тайный поверенный борнейского раджи.— Восстание независимых даяков.— Открытие военных действий.— Яхта «Concordia».— Молчаливый машинист и болтливый подкипер.— Размышления доктора Ламперриера о людях с рыжими волосами.— Катастрофа.

Между 95° и 140° восточной долготы по гринвичскому меридиану, от 14-й северной параллели до 10-й южной, на пространстве в пять миллионов квадратных километров, идущей от северной оконечности острова Люцони к берегам Австралии и от восточного берега Явы к Новой Гвинее, живет и действует целая популяция хищников. Это настоящие паразиты, вся деятельность которых направлена только на то, чтобы жить за счет трудящихся народов.

Этот благодатный край, согреваемый южным солнцем, орошаемый тропическими дождями, вечнозеленеющий, вечноцветущий, был бы настоящим земным раем, если бы малайские пираты, этот страшный бич живущих там народов, не привносили в него беспрестанные грабежи, опустошения, убийства.

Малайская раса, плодовитая, как саранча, храбрая, хитрая, выносливая, умная, глубоко развращенная и в то же время не поддающаяся окультуриванию в том смысле, как мы его понимаем, питает неискоренимое отвращение к праведному труду, благодаря которому только и может процветать государство.

Таким образом, оказалось, что все население больших и малых островов Океании состоит из произ-

---

* Вперед (англ.).

водителей и из грабителей. Первые неустанно трудятся, группируясь около европейцев, научивших их правильному разделению труда, а вторые отнимают у них львиную долю того, что приносит им труд, и подрывают их благосостояние.

Нет такого уголка, нет такого заливишка, рифа или лагуны, где бы не укрывались эти стервятники моря. Нет такой глуши, куда бы рано или поздно не заглянула хоть одна ватага демонов и не оставила после себя одни развалины. Воровство, грабеж, убийство и поджигательство, — вот в какой форме понимает социальные отношения чуть не треть малайского населения.

Выше мы уже видели, как они действовали на море; подобные случаи, к сожалению, встречались сплошь да рядом.

Несмотря на средства защиты, которыми располагал цивилизованный мир, несмотря на соглашение между всеми европейскими правительствами, вопреки усилиям резидентов всех стран, язва разбоя распространялась, как проказа, все дальше и дальше по архипелагу.

Кто мог разрушить, наконец, этот огромный вертеп, успокоить потрясенный край? Чья могучая рука была в состоянии раздавить многоголовую гидру, разнести этот гнусный флот разных джонок и прао и очистить от разбоя эти моря, избавив миллионы тружеников от горя?

Чего до сих пор не смогли сделать правительства, некогда удалось отчасти достигнуть в Борнео одному человеку. Конечно, это был замечательный человек — Джемс Брук, знаменитый англичанин, сделавшийся саравакским раджей и поколебавший трон самого магараджи Борнео.

Джемс Брук был одним из потомков баронета Уайнера, который при Карле II служил лондонским лордом-мэром. Родился он в 1803 году; службу начал прапорщиком в индийской армии и отличился в одном сражении, где был тяжело ранен. Расстроенное здоровье заставило его выйти в отставку, и он для перемены климата поселился в Калькутте.

Брук объехал весь Индо-Малайский архипелаг и очень полюбил эти роскошные земли. В первую же поездку он задумал план, исполнением которого и стяжал себе вскоре всеобщую известность.

Джемс Брук поставил себе тройкую цель: уничтожить торговлю неграми, положить конец морскому

разбою и цивилизовать туземцев. Задача была трудная и не всякому по плечу, но Джемс Брук, по свидетельству современников, обладал всеми качествами, нужными для ее успешного выполнения. Он был холодно-рассудителен, без малейших признаков романичности, как это ни странно ввиду романичности его предприятия, настойчив и энергичен как истый британец. Опорным пунктом своей деятельности выбрал остров Борнео.

Сначала он обратился со своим проектом к правительству, но встретил отказ. Тогда, будучи, к счастью, человеком богатым, он снарядил и вооружил на свой счет небольшую шхуну «Роялист». Но он не стал действовать впустую, не сунулся неосторожно в самое гнездо пиратов, а сначала только крейсировал в течение двух лет, приучив понемногу свой экипаж ко всякого рода случайностям борьбы с дикарями. Наконец, в 1838 году он прибыл в Саравак и застал в самом разгаре мятеж против раджи Муда-Гассима. Брук великодушно предложил монарху помощь и совет. Через полтора года восстание было подавлено.

Тогда-то он объявил всем крупным и мелким хищникам беспощадную войну, которая прославила его имя на малайских островах. Он объехал несколько раз вокруг Борнео, берега которого слыли совершенно недоступными. Иногда, придавая своей шхуне вид мирного купеческого корабля, он приманивал к себе ватагу бандитов и наносил ей ужасный урон; в другой раз, притворившись, будто потерпел сильную аварию, он пускал шхуну тихим ходом судна, потерявшего снасти и могущего сделаться легкой добычей. Тотчас же налетали стаи пиратских лодок, но умирающий в одну минуту воскресал и разносил их, безжалостно потопляя и избивая разбойников.

Слава Брука росла день ото дня, и флаг его наводил на бандитов моря панический ужас. Жестокая борьба привела, наконец, к цели: остров был очищен. Тогда Муда-Гассим, в знак признательности за услугу, предоставил Бруку в полное владение Саравакский округ, признав за ним титул раджи.

Истребитель пиратов принял страну в 1841 году, став властителем не только со стороны борнейского раджи, но и со стороны английской власти. Его правление было не менее блистательно, чем его поход. Будучи совершенно бескорыстным, он вел свое го-

сударство к процветанию. За время, с 1841 года по 1851 год, население города Саравака возросло с 1500 до 10 000 душ, а наехавшие из соседних стран эмигранты в такой же пропорции увеличили население деревень.

Его имя повторялось всеми, а рассказы об его подвигах проникли в самые отдаленные места. Дикие даяки, населяющие внутреннюю часть острова, до сих пор чтут в нем освободителя своих единоплеменников, которые живут теперь с малайцами на равной ноге, тогда как до прихода смелого англичанина были у них в рабстве.

С того дня, как имя раджи Брука сделалось грозою бандитов моря, на огромном индо-малайском острове возродилась жизнь: купец мог спокойно торговать, мореходец смело плавал по морю, рабочий без опаски добывал золотую и алмазную руду, а земледelec перестал бояться за свои посевы.

Наконец, радже удалось разрешить трудную экономическую задачу и уменьшить налоги, которые были сведены к безделице, доставляя, однако же, в казну огромный доход. Купец платил очень мало, крестьянин вносил всего по одному пикулю риса в год, а рабочий ничего не платил.

Все эти удачи, разумеется, навлекли на Джемса Брука злобу завистников. На него посыпались всевозможные наветы; человеколюбивые британцы, которые травят собаками австралийцев и при помощи пушек заставляют китайцев покупать опиум, принялись упрекать его в жестокости, которую он якобы выказал в борьбе с пиратами.

Брук поехал в Англию, без труда оправдался от возведенных на него обвинений и вернулся на Борнео, где и прожил спокойно до 1856 года. В этом году, при известии о новом поражении Китая в борьбе с англичанами, в Сараваке вспыхнуло восстание, и благодетель всей страны Брук спасся только благодаря поспешному бегству из своей столицы, причем новый борнейский раджа, племянник Муда-Гассима, завладел всеми его землями.

Изнуренный лихорадкой, разбитый параличом, без всяких средств к существованию, вернулся он в Англию и едва не умер там с голоду; но, к счастью, у него нашлось несколько почитателей, которые устроили в его пользу митинг и подписку, давшую ему

возможность частично вернуть потерянное состояние.

Брук умер в Девоне в 1868 году, пронесшись светлым метеоритом и убедительно доказав, что, в сущности, вовсе нетрудно оцивилизовать огромные земли, которые до сих пор почему-то считаются недоступными для прогресса.

Его дело не пережило его. Не нашлось никого, кто бы поднял светильник, выпавший из рук умирающего, и флаг саравакского раджи перестал развеваться на морях Океании.

С 1869 года по 1880-й, за время, к которому относится наш правдивый рассказ, морской разбой возобновился с новой силой. Но в образе действий пиратов наметилась перемена: прежде они действовали как попало, вразброд, но с 1878 года они как будто стали повиноваться чьим-то таинственным приказаниям; какой-то невидимый руководитель словно объединил их и подчинил единой дисциплине. С того времени все сколько-нибудь важные предприятия бандитов направлялись чьей-то невидимой рукой. Сведения, сообщаемые пиратам относительно того или другого торгового судна, отличались удивительной точностью. Много кораблей с богатым грузом попадало в их руки благодаря тому, что пираты начинали следить за ними с самого момента их отплытия и, выбрав удобное место и время, сосредоточивали против них все свои силы.

Подобные операции совершались всегда в глубокой тайне. Борнейский раджа сидел себе сиднем в своем дворце, никуда не показываясь и аккуратно напиваясь ежедневно, вопреки предреканиям пророка. Дела правления он предоставил какой-то неведомой личности в зеленом тюрбане меккского пилигрима, года два тому назад появившейся на острове и завладевшей полным доверием магараджи. Англичане с соседнего острова Лабоана, лежащего к северу от Борнео, высылали время от времени крейсер, который всякий раз возвращался назад с позорной неудачей.

Дела с каждым годом шли все хуже и хуже, к великой радости бандитов суши и моря, которые не знали такого праздника с самой смерти раджи Брука.

Таково было печальное положение обширной и некогда столь благополучной территории в тот момент, когда пятеро французов весьма кстати очутились в устье реки Кагаджана и неожиданно спасли английскую яхту.

Мулатка просила доставить записку на Борнео

Появление их в этом месте не было случайностью. Читатель, вероятно, помнит, каким известием были встречены Пьер де Галь и Фрикэ при возвращении на Суматру. Дело в том, что разразилось ужасное несчастье. Их приемная дочь, Бланш, о которой мы не раз упоминали, была похищена прежними соучастниками своего отца, который некогда сам был бандитом моря.

В один прекрасный день на плантацию явился кули

с запиской, написанной карандашом. Этот кули был матросом одного голландского каботажного судна, а прежде служил на плантации и был очень предан нашим странствующим плантаторам. Находясь на острове Борнео, он разговорился как-то с одной мулаткой и упомянул про Бланш. Мулатка пришла в волнение и назначила кули свидание на другой день. На свидание она явилась с запиской и попросила кули секретно доставить записку на плантацию в Борнео. Не имея при себе денег, мулатка дала в награду китайцу маленькие золотые часики прелестной работы и скрылась, еще раз попросив его действовать как можно осторожнее и быстрее.

Терпеливый и настойчивый, как все китайцы, и преданный, как собака, кули разыскал корабль, отходивший в тот пункт Суматры, подле которого находилась плантация, поступил на него матросом и добросовестно исполнил поручение. Записка была от Бланш, оставленной опекуном в Париже на попечение начальницы одного из лучших столичных пансионов.

Сомнения в ее подлинности не было. У китайца сохранились еще часы, подаренные мулаткой. Эти часы принадлежали Бланш, их подарил ей Андреэ в прежние, лучшие дни; на крышке был ее вензель. Записка была очень коротенькая и содержала лишь несколько строк:

«Мне представился случай известить вас, где я нахожусь. Меня взяли от госпожи Л*** по письму, написанному и подписанному вами. Я думала, что еду к вам, и была очень рада. Из Марселя я выехала в сопровождении одной дамы, которая очень внимательно относилась ко мне всю дорогу. По приезде же в Борнео меня арестовали и отняли возможность сноситься с кем бы то ни было.

Что я сделала? Чего им от меня нужно? Я живу во дворце у раджи.

Это настоящая крепость. Там же живет один европеец, которого я положительно боюсь. Он хорошо знал моего отца, и все же я не могу его выносить. Зачем они лишают меня свободы, если у них нет дурных намерений? Зачем они взяли меня обманом, если действуют из честных побуждений?

Мне сказали, что я никогда вас не увижу.

Друзья, помогите мне! Я чувствую, что без вас умру. Помогите мне, если меня любите!

Этот человек называет себя здесь Гассаном, но я узнала его настоящее имя: его зовут Венсан Боскарен.

Бланш»

Одно это имя объяснило Андрэ все. Человек, носивший его, был наперстником атамана шайки бандитов, рассеянной, но не истребленной капитаном Флаксханом, который потопил своих сообщников в безымянном атолле у берегов Тимора, искупив одной этой минутой свои преступления.

Наши друзья были люди деятельные. Они быстро составили план действий. Андрэ продал за бесценно плантацию на Суматре и, получив за нее наличные деньги, отправился в Сингапур; там он купил пять английских костюмов и пять превосходных скорострельных карабинов системы Ваттерли-Гинара и соединился с товарищами в городе Банджермассинг, находящемся на юге Борнео и имеющем десять тысяч жителей.

После первого же путешествия по владениям борнейского раджи для французов стало ясно, что освободить девушку одним ударом невозможно. Прежде всего необходимо было установить с ней связь, но это было для них очень трудно, потому что они не знали мулатки, переславшей им письмо. Приходилось хитрить, тянуть время, выжидая благоприятного случая, а до тех пор тщательно скрываться, чтобы не возбудить подозрений.

Как раз в это время начались волнения среди независимых даяков, вследствие того, что раджа вздумал обложить их налогами, от которых они до этого времени были совершенно свободны.

Андрэ быстро сообразил, что этим можно воспользоваться в своих целях и в то же время помочь угнетенным. Не медля ни минуты, он отправился в глубь острова, проник в самый центр движения и ловко раздул первое пламя мятежа. Знание малайского языка дало ему возможность успешно проповедывать восставшим крестовый поход, которые, видя, что в них принимают такое большое участие европейцы, стали мечтать о возвращении героических времен раджи Брука. Их природная храбрость проснулась в результате энергичных подстрекательств белых; они решились даже напасть на регулярные войска магараджи и нанесли им несколько существенных поражений.

Возвращаясь из одного такого похода, наши французы встретили яхту и помогли ей выйти из опасного положения.

Сэр Гарри Паркер, богатый человек и страстный

любитель морских путешествий, ехал в гости к своему брату, губернатору острова Лабоана. Для британца такое путешествие равносильно небольшой прогулке. Сэр Гарри преспокойно отплыл из Глазго в Океанию, как будто ехал не далее Ниццы, с тою лишь разницей, что на яхте обыкновенные сигнальные пушки были заменены двумя орудиями системы Витворта и двумя револьверными пушками Гочкисса. Превосходно оснащенная и приспособленная к далеким путешествиям, яхта отлично выдержала продолжительный переезд.

Длиною в сорок пять метров и шириною в восемь, яхта «Concordia» при пятистах тоннах водоизмещения обладала паровиком в 75 лошадиных сил и могла поднять восемьдесят тонн угля; средней скорости она давала десять узлов в час, расходуя всего четыре тонны топлива в день.

Но хозяин этого прекрасного кораблика, будучи записным любителем маневров с парусами, пользовался паром только при штиле или при встречном ветре. Яхта имела прямые паруса на фок-мачте и косые на грот- и бизань-мачтах; она почти постоянно ходила под парусами, выказывая превосходные морские качества.

Прельстившись, как некогда Джеймс Брук, роскошной природой Борнео, сэр Гарри задумал обзавестись там плантацией. Его тешила мысль устроить в подобном месте поселок; жизнь полуплантатора, полусолдата была по душе предприимчивому англичанину. Он решил объехать вокруг всего острова, чтобы отыскать подходящий пункт. Во время этого плавания он сел на мель в устье реки Кагаджана. Что затем последовало, мы уже рассказали...

Пираты скрылись. Яхта, идя под небольшими парами, медленно маневрировала в виду берегов под руководством своего капитана, который стоял рядом с рулевым, держа в руках превосходную морскую карту. Лот показывал незначительную глубину, и подходить ближе к берегу было опасно. Англичанин велел развить пары в двух кабельтовых от берега и выстрелить из пушки. Дым еще не успел рассеяться над рекой, как уже над лозняком взвился белый флаг.

Сэр Гарри чрезвычайно обрадовался этому сигналу, сопровождавшемуся, кроме того, ружейным выстрелом.

— Слава Богу, — сказал он, — наши живы!

Вскоре от берега отошла большая, тяжело гружен-

ная шлюпка, в которой сидело девять человек, и беспрепятственно приблизилась к яхте. Устье реки было очищено, шайка бандитов вернулась в свой вертеп. Находящиеся в шлюпке под прикрытием густого лозняка, в бессилии наблюдавшие еще некоторое время назад жестокую борьбу, теперь с криком «ура» полезли на борт яхты, торопясь увидеть тех, чья неожиданная помощь решила успех боя.

При всей своей британской флегматичности сэр Гарри не мог скрыть удовольствия, которое испытывал. Подшкипера он встретил крепким рукопожатием, а матросов, которых не надеялся увидеть живыми, приветствовал ласковым словом. Все поздравляли друг друга, и только машинист, длинный, угловатый мужчина, с грубым лицом и козлиной бородой, не принял участия в общей радости. Сделав неловкий поклон, он положил за щеку новую щепоть табаку, выплюнув старую, и, ни слова не говоря, стал спускаться по лестнице в машинное отделение.

— Почтенный мистер Кеннеди не словоохотлив, — сказал, улыбаясь, сэр Гарри. — Я, впрочем, мало его знаю. Он всего две недели на яхте, и то по случаю болезни моего машиниста-англичанина, который не мог ехать дальше. Янки все-таки народ хороший, несмотря на то, что с виду нередко смахивают на нечто среднее между лошадью и крокодилом, в чем они и сами сознаются.

Насколько неприветлива была наружность машиниста, настолько же был любезен и учтив подшкипер. Его любезность граничила с назойливостью, а странная манера коверкать английские слова и непонятные фразы, отдававшие не то Италией, не то Провансом, через несколько минут успели внушить мнительному Андрэ какое-то смутное подозрение. Что-то лживое было в голосе, в тоне и во всей фигуре подшкипера.

Доктор, который сам был марсельцем, слушал-слушал и ничего не мог понять в этом наборе удивительных звуков. Наконец он не вытерпел и сказал со своей обычной прямоотой:

— Вот что, земляк, нечего нам с вами ломать прекрасный язык Шекспира: я француз и вдобавок марсец. Давайте говорить на нашем наречии, потому что, если не ошибаюсь, вы тоже родом из окрестностей Каннебьера.

— Синьор Пизани — генуэзец, дорогой доктор, —

возразил сэр Гарри. — Вот почему вы и приняли его за марсельца.

«Он такой же генуэзец, как и мы с вами, — хотел было ответить доктор, но вовремя сдержался и мысленно прибавил: — Голову даю на отсечение, что он чистокровный моко».

— Я очень рад встрече с синьором Пизани, — продолжал англичанин. — До него у меня не было подшкипера, был только боцман.

Доктор поклонился с серьезным видом, а мнимый генуэзец с нескончаемыми поклонами удалился в свою каюту.

Андрэ остался наедине с флотским хирургом. Вошел Фрикэ, сдавший паровик машинисту. Он был черен, как негр, и весь мокрый, словно только что из бани.

— Фу! Вот жара-то! — сказал он, садясь рядом со своими друзьями. — Слава Богу, отработал. По правде сказать, я очень рад, что пришлось не слишком долго. А уж мой преемник, батюшки светы, что это за тип. Медведь медведем. Вошел он, глянул так важно, свысока, словечком меня не удостоил и, повернувшись спиной, преспокойно стал на мое место. По правде сказать, я к такому обращению не привык, и мне очень хотелось плюнуть ему в бороду. В прежнее время я так бы и поступил. Но с тех пор, как я сделался «джентльменом», я научился держать себя «как следует».

— Ах, ты, шалун! — сказал доктор, которому всегда ужасно нравился шутливый тон Фрикэ.

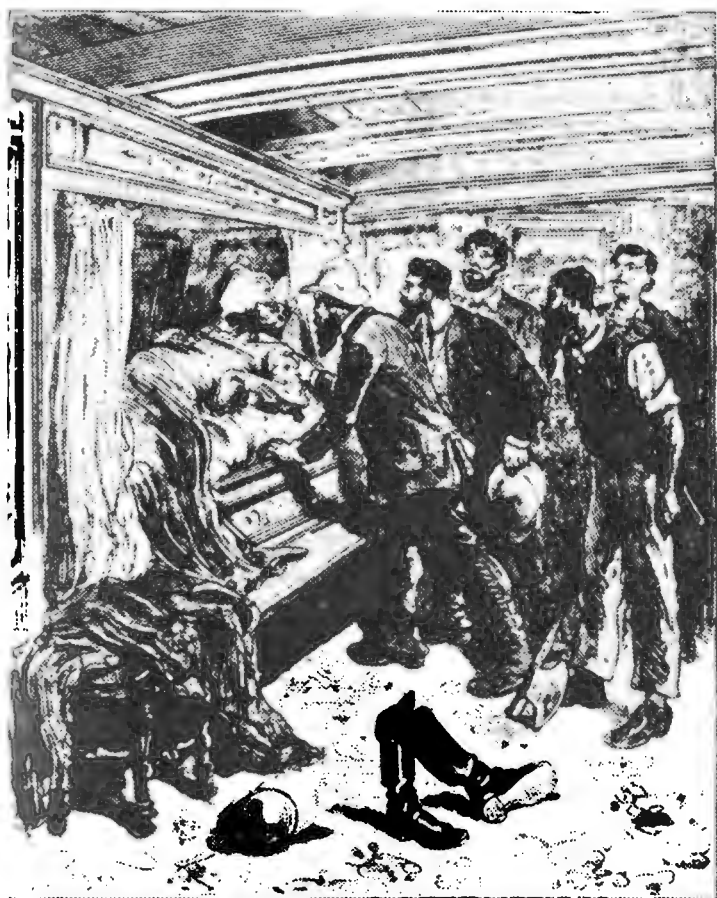
Мысль о подшкипере преследовала его неотвязно, и он опять заговорил о нем:

— Уж это последнее дело, коли провансалец скрывает свое происхождение. Как все рыжеволосые люди, моко бывает или очень хорошим человеком, или дрянью.

— Относительно его происхождения, — отвечал Андрэ, — я с вами совершенно согласен, он не итальянец. Я знаю этот язык, как свой. Я изучил все его наречия и генуэзское в том числе. Все они отличаются произношением некоторых слогов. В другое время мы не стали бы обращать на это внимания, но на этот раз будем осторожны.

— Но где я видел это лицо? — продолжал свои размышления доктор. — Наверняка могу сказать, что я не в первый раз имею удовольствие лицезреть этого молодца. Я ведь много потерся на свете. Синьор Пи-

Паркер неподвижно лежал на кровати

зани молод — так, лет тридцати двух. Темная кожа, черные волосы, борода клином, вздернутый нос, — все это не слишком характерно. Но что в нем удивительно, так это светлые глаза. Это аномалия должна была поразить меня и прежде. Ну, да после увидим.

Человек, так обеспокоивший доктора, был приглашен к завтраку, который сэр Гарри устроил в честь своих пассажиров. Разговор, разумеется, зашел об утренних событиях; и сэр Паркер, еще раз в теплых

выражениях поблагодарив французов, повторил им вновь свое предложение касательно союза.

— Что бы ни случилось, господа, я ваш душой и телом. Ваши друзья будут моими друзьями, я буду биться против ваших врагов; ваше предприятие достойно великодушного человека, и мое правительство не осудит меня за то, что я приму в нем участие. Завтра утром мы соберемся на первый военный совет.

Но этому великодушному намерению не суждено было осуществиться. Помешала непредвиденная катастрофа.

Отлично выспавшись за ночь в салоне, обращенном в спальню для пятерых друзей, которых сэр Гарри не хотел разлучать, последние поднялись с рассветом и, одевшись, тотчас же пошли поздороваться с хозяином, как и было между ними установлено.

Андрэ постучался в дверь капитанской каюты, но, к удивлению, не получил ответа. Тогда он стукнул посильнее. Опять ничего. Он силой попробовал отворить дубовую дверь, но та не поддавалась. Она была заперта изнутри. Всерьез обеспокоенный, молодой человек спросил у матросов, не видели ли они сэра Гарри.

Получив отрицательный ответ, он побежал рассказать обо всем подшкиперу. Тем временем Пьер де Галь барабанил в дверь изо всех сил, так что удары были слышны по всему кораблю.

Прибежал плотник с топором. Дверь взломали. В комнате не было заметно никакого беспорядка. Окно было раскрыто, а кровать занавешена плотным пологом. Доктор кинулся первый, отдернул полог и долго не мог прийти в себя от изумления. Сэр Гарри Паркер неподвижно лежал на кровати с открытым ртом и с пеною у рта.

Его тело успело уже остыть и закоренеть...

Глава IV

Подозрения.— Кому выгодно убийство? — Приспущенный флаг.— Нарушение карантинных правил.— Нечто о нравственности сеньора Пизани.— Почему яхта «Concordia» едва не сделалась добычей пиратов.— Открытие тайн.— Убийство капитана и его матросов.— Приказ атамана.— Пример неуязвимости.— Сеньор Пизани переживает несколько скверных минут.— Щедрость набоба из бандитов.— Противоположность делу раджи Брука.— Царь ночи.

Хотя вид смерти давно уже стал для французов привычным зрелищем, но на этот раз они невольно вскрикнули от удивления, почти от ужаса.

И было чему удивиться, о чем сожалеть. Благородный, великодушный человек, неустрашимый путешественник, джентльмен с головы до пят, которого наши друзья уже успели оценить в эти короткие минуты, этот человек, еще вчера совершенно здоровый, сегодня лежал перед ними холодным трупом.

Сэр Гарри встретился с ними в минуту опасности, когда люди поневоле теснее сближаются между собою, и они уже смотрели на него, как на друга.

Он был мертв, это было очевидно, но они долго не хотели признать совершившегося факта.

— Доктор, — спросил упавшим голосом Андрэ, — нельзя ли сделать что-нибудь? Ведь он не совсем умер, а? Скажите, не совсем?

Старый хирург принялся за осмотр бездыханного тела. Он ощупал со всех сторон грудь, выслушал сердце; тщательно осмотрел глазные яблоки, поднес свечку к радужной оболочке и, отступив на шаг, печально покачал головой.

— Все кончено! — прошептал он. — Наука бессильна. Сэр Гарри умер более четырех часов назад.

Андрэ, Фрикэ и Пьер де Галь разом обнажили головы, не проронив ни звука, тогда как подшкипер предался шумному изъятию преувеличенного горя.

Он осыпал покойника словами любви и привязанности. Он в нем терял, видите ли, единственную поддержку, терял благодетеля, отца, и все эти причитания подшкипер сопровождал громким плачем и рыданиями, что являло какой-то странный контраст с безмолвной и почтительной горестью французов.

Потом, словно не будучи больше в силах смотреть на труп своего дорогого капитана, подшкипер стреми-

тельно вышел из каюты и начал метаться по палубе из угла в угол, словно помешанный.

Когда он уходил, доктор проницательно поглядел ему вслед.

— Смерть наступила очень быстро, — сказал доктор медленно. — Но страдать он должен был ужасно, хоть и недолго. Он умер не от легочного паралича, за это я ручаюсь. Вскрытие мозга разъяснило бы нам причину смерти, но для чего? Он умер, и его уж не воскресишь... С другой стороны, вскрытие могло бы показать, что он стал жертвой преступления...

— Как, преступления?! — вскричал вне себя Андра. — Что вы говорите?

— А что же? Я ведь не утверждаю, а только делаю предположение. За неимением патологоанатомических данных, отчего мне не поискать токсикологических? Вспомните, мой друг, что мы находимся в классической стране смертоносных ядов...

— Но... какая же могла быть цель?

— Цель? А вы забыли юридическое правило: «*Is fecit cui prodest*» *.

— Так-то так, но все же я не вижу, кому из здешнего экипажа может быть выгодна эта смерть.

— Мы никого здесь не знаем. Сам сэр Паркер весьма недавно познакомился с некоторыми из лиц, находящихся на яхте... Для людей бессовестных этот кораблик представляет лакомую добычу.

— Мы готовы защищать яхту от внутренних врагов так же, как и от внешних.

— Подождите, может, еще и придется.

— Доктор, вы меня пугаете. Быть может, в первый раз в жизни я чувствую страх. Наша жизнь принадлежит не нам. Наконец, как вы можете предполагать преступление, когда дверь в каюту была так крепко заперта?

— А открытое окно?

— Такая проныра, как подшкипер, легко мог пролезть в него, — тихо перебил Фрикэ.

— Вот это именно я и хотел вам сказать, — продолжил доктор. — Вы говорите, мой друг, что наша жизнь нам не принадлежит; так знайте же, что оставаться здесь очень опасно. Нужно как можно скорее сойти с яхты на берег. Поверьте моему предчувствию.

---

* Тот сделал, кому это выгодно (лат.)

Главное же, пусть никто ничего не ест и не пьет на яхте. Что касается покойника, то я полагаю, что мы со временем узнаем тайну его смерти и, продолжая идти к своей цели, отомстим и за него.

Пятеро друзей вышли из каюты, не прибавив больше ни слова, оделись в дорогу и все вместе потребовали от шкипера, как от временного капитана, немедленной высадки их на берег. Это неожиданное решение, видимо, изумило синьора Пизани до крайности.

— Помилуйте, господа, для чего же это? Для вас здесь ничего не изменилось. Я долгом чести считаю продолжать дело покойного капитана. Вам известно, какие были у него намерения. Я их осуществляю. Все мы слишком вам обязаны, чтобы отпустить вас таким образом... Я беру на себя оплатить вам долг. Ваши враги — наши враги... В память о сэре Паркере мы добьемся справедливости, хотя бы для этого пришлось перевернуть вверх дном весь остров.

Андрэ одним словом прервал этот порыв, быть может, вполне искренний, и вернул синьора Пизани к действительности.

— Мы очень благодарны вам за предложение, — сказал он, — но принять его решительно не можем ввиду сложившихся обстоятельств. Вы забываете, что у сэра Гарри есть родные, есть наследники. У него брат-губернатор в Лабоане. Яхта по закону принадлежит ему, а вы только ее хранитель. Распоряжаться ею в чью бы то ни было пользу вы не имеете права. Поэтому спустите-ка лучше шлюпку. Мы без труда отыщем на берегу прао, которая довезет нас до голландской резиденции.

Но синьор Пизани продолжал уговаривать французов остаться на яхте и с такой настойчивостью, что снова поверг их в сомнение. Потребовался энергичный коллективный протест, чтобы принудить «итальянца» к согласию на их высадку; очень может быть, что тут сыграл свою роль отчасти и тот внушительный арсенал оружия, которым располагали наши друзья.

Они сели вместе со своими даяками в лодку, которая быстро поплыла к берегу. Через полчаса без всяких новых приключений они скрылись в непроезжей гуще прибрежного лозняка.

Прошла неделя. Яхта «Concordia», с приспущенным

флагом и желтым выпелом на грот-мачте, означавшим, что на корабле заразная болезнь, бросила якорь в открытом море в виду порта Борнео.

Вокруг яхты засновали многочисленные прао и тяжелые сампаны малайцев, но все они быстро отъезжали прочь, увидев карантинный знак, так как боялись входить в сношения с зараженным судном, за что на них самих могли наложить карантин. По карантинным правилам «Concordia» должна была остановиться в море и не вступать в прямые сношения с портом впредь до особого разрешения со стороны начальства. Припасы и воду она могла получать только издали, посредством особых понтонов, относительно способа принятия которых были тоже установлены известные предосторожности.

Всякие сношения с яхтою были строго запрещены под страхом сурового наказания.

Наступила ночь, одна из тех равноденственных ночей, когда земля бывает сплошь окутана душным туманом, насыщенным болотными испарениями. Темнота была непроглядная, вся атмосфера черна, как бездна. Несмотря на строгость санитарного надзора, введенного раджей по настоянию европейских резидентов, от берега отчалила большая прао с многочисленным экипажем малайцев и бесшумно поплыла через рейд к кораблю, который словно дремал на неподвижных волнах. Весла у лодки были обернуты материей, гребцы гребли осторожно, и ни единый звук не выдавал их движений. Прао подъехала к яхте, отыскав ее, несмотря на темноту. Раздался свист, похожий на шипение разозленной змеи. На этот таинственный сигнал с борта яхты ответил чей-то голос. Последовал обмен условными репликами, означавшими, вероятно, пароль. Затем с корабля бросили трап.

Один из сидевших в прао поспешно полез на яхту и был встречен человеком, в котором по акценту нетрудно было узнать Пизани.

— Главарь с тобой? — спросил он с некоторой тревогой.

— Может быть, — уклончиво отвечал незнакомец. — Главарь везде. Его глаз пронизывает темноту, его ухо слышит все... Исполнен ли его приказ?

— Да, и уж сколько трудов это стоило! Пришлось совершенно изменить первоначальный план: в самую решительную минуту нелегкая принесла пятерых

безумцев, которые перебили четвертую часть наших.

— Какое нам дело до убитых! Цель достигнута — вот все, что нам нужно. Главарь будет доволен. Что ты сделал? Рассказывай, да покороче. Главарь хочет знать.

— Засада была приготовлена близ устья Кагаджана. Наши малайцы, спрятавшись в прибрежном лознике, спокойно поджидали яхту. Я завел ее в ил, так что понадобился пар, чтобы съехать с мели. Но и заранее подстроил так, что угля на корабле не оказалось, и убедил потом капитана послать большую часть людей на берег за топливом. Он согласился и остался с пятью матросами. Таким образом, мне удалось ослабить яхту и сделать защиту ее почти невозможной. Все шло отлично. Наши уже хотели пойти на abordаж, как вдруг откуда ни возьмись, подъехали на прао пять человек французов, вооруженных самыми смертоносными карабинами. Наши малайцы были отброшены, а между тем это были самые храбрые бандиты архипелага.

— Уж и храбрые! Убежали от пятерых французов! — сказал неизвестный с презрением.

— Ах, ты не видел их, оттого и говоришь. Они стреляли, как будто их целый полк, и пробивались к ихте. Посмотрел бы ты, что они делали на борту. Все им казалось знакомо: и маневры с парусами, и морская стратегия, и артиллерия, и машина. Бой принял ужасные размеры. Я все время смотрел на него с берега и до сих пор не могу вспоминать без ужаса. Не переставая сражаться, они ухитрились развести пары и сдвинуться с мели. Атака была отбита. Малайцы удалились, а мы должны были вернуться на борт, чтобы не возбудить подозрений. Но так как мне было приказано завладеть яхтой во что бы то ни стало, то приходилось действовать быстро и решительно. Выбора у меня не было... и сэр Гарри Паркер скоропостижно умер на следующую ночь.

— Ты его убил? Отравил?

— Разве в таких вещах признаются кому-нибудь? Умер, и конец. В этом вся суть.

— Хорошо.

— Я принял командование, которое перешло ко мне по праву, и привел яхту сюда.

— А матросы куда делись?

— А ты разве не заметил флага на грот-мачте?

— Заметил, но при чем тут английские матросы?
— Как при чем? Флаг на грот-мачте означает, что на яхте желтая лихорадка.

— Желтая лихорадка?

— Ну, все равно, какая-нибудь другая болезнь.

— Не понимаю.

— Не знаю, что это с тобой сегодня. Чего тут не понимать!

— Да ну же, говори. Я здесь за главаря.

— Это видно: ты что-то уж очень мной командуешь, я, знаешь, этого не люблю.

— Говорят тебе, рассказывай поскорее; может быть, придется скоро ехать.

— Вот почему я наложил на яхту карантин. Захват судна малайцами преследовал цель скрыть настоящих виновников. Нужно было сделать так, чтобы власти не узнали, что корабль достался европейцам. Если бы нападение удалось, все было бы шито-крыто. Англичане были бы перебиты все, кроме меня и Джима Кеннеди. Из малайцев мы составили бы новый экипаж, вполне достаточный для всяких случайностей, и спокойно принялись бы за свои дела, обладая превосходным судном, которое ничего бы нам не стоило, но обеспечило бы тайное господство над всем архипелагом. Но когда была отбита атака и сэр Паркер умер, пришлось устранять матросов одного за другим, чтобы по приходе сюда нам осталось только заменить их своими людьми. К счастью для нас, на яхте началась желтая лихорадка и... одним словом, все они умерли, кроме превосходного Джима Кеннеди. Последние двое были нам нужны для маневров, и, представь себе, они прожили до того самого момента, как мы бросили якорь.

— Они умерли... как сэр Паркер или вроде того...

— Разумеется.

— А с ними, конечно, французы?

— Увы, нет.

— Клянусь бородой пророка, это невозможно!.. Неужели ты их пощадил?.. Они должны умереть. Это необходимо для нашей безопасности.

— Поздно хватился.

— Почему?

— Потому что их нет на яхте. Они, должно быть, давно в Банджермассинге, под защитой голландских властей. Им, впрочем, не нужна защиты: они сами отлично умеют постоять за себя.

— Их нужно было удержать всеми мерами.

— *Sangue di christo!* Да они скорее взорвали бы судно, они были сильнее. Я вынужден был их высадить, не дав им отведать своего зелья.

— Хорошо, эти французы все равно осуждены. Они умрут.

— Это все, что ты хотел мне сказать?

— Нет, я должен сообщить тебе секретные приказы. Пойдем в твою каюту и поговорим потихоньку. Не беспокойся насчет людей, которые со мной приехали: они составят твой новый экипаж. Это шестьдесят отпетых негодяев, с которыми, если захотеть, можно покорить весь остров. Они, должно быть, уже расположились на борту.

В роскошно мебелированной столовой, которая примыкала к бывшей каюте несчастного сэра Гарри, горела лампа. Синьор Пизани сел на диван, над которым на стене была развешена богатая коллекция холодного и огнестрельного оружия, и знаком пригласил своего собеседника занять место напротив.

Собеседник подшкипера был мужчина лет тридцати пяти, среднего роста, хорошо сложенный. Одет он был по-европейски, но резкие черты лица с хитрым прищуром с первого же взгляда обличали в нем малайца. Впрочем, он был не чистокровный малаец, а метис, в которых смелость, сила и мужество белого сочетаются с хитростью, жестокостью и низкими инстинктами азиата.

По-английски он говорил правильно, что еще более оттеняло безобразный выговор «итальянца». По временам он так пронзительно смотрел своими черными глазами на синьора Пизани, что тому делалось жутко.

— Вот приказ главаря, — заговорил он без всяких околичностей, вытаскивая из кармана толстую желтоватую бумагу, исписанную условным шрифтом, и разворачивая ее на столе.

Синьор Пизани мельком взглянул на бумагу и соорудил недовольную гримасу.

Документ был составлен замечательно ловко, лаконично и точно.

— «Капитан «Морского властителя»...

— Это еще что за «Морской властитель»? Что это значит?

— Это новое название корабля. Разве можно было сохранить прежнее при новом назначении? «Сопсог-

dia» — это «согласие»; бандитам моря такое название показалось бы диким. Ну, так слушай же: — «Капитан «Морского властителя» выйдет в море в два часа утра. Он направится к острову Баламбангангу и будет крейсировать в его водах впредь до нового распоряжения».

— Все? — спросил синьор Пизани.

— Пока все, — холодно ответил метис.

— А кто мне сообщит эти дальнейшие инструкции?

— Приказы?.. Я.

— У тебя, стало быть, есть полномочия?

— Увидишь. А пока повинуйся.

На лице итальянца выступил румянец и сейчас же уступил место бледности.

— Кто же здесь командует?

— Капитан, — холодно возразил метис.

— Капитан — я.

— С условием: повиноваться слепо, без рассуждений, а не то...

— Что тогда?

— А не то придется вернуться на прежнее место.

— Ты говоришь вздор. Выслушай меня хорошенько. Мне надоело быть рабом. Как бы ни было мне хорошо в материальном отношении, это не заменит независимости. Я хочу быть свободным! К отплытию можно приготовиться через час. Но корабль пойдет туда, куда захочу я. Он мой. Я слишком дорого за него заплатил, хотя пролитая кровь и не особенно тревожит меня. Слушай, на яхте находится миллион золотом. Это карманные деньги прежнего капитана. Возьми себе половину, а я другую. Если ты согласишься, я высажу тебя на цивилизованную землю...

— А если не соглашусь?

— То я разможу тебе голову! — вскричал синьор Пизани, быстро вооружась револьвером, дуло которого прикоснулось ко лбу метиса.

— Не смей, — сказал чей-то насмешливый голос.

Из спальни отворилась дверь, и на пороге появился человек среднего роста, с блестящими глазами, с бородой и волосами цвета воронова крыла и с невероятно бледным лицом.

Особой приметой вошедшего была надетая на голове зеленая чалма.

— Главарь вездесущ! Главарь всеведущ! — сказал

Человек этот стиснул руку Пизани, державшую револьвер

вдохновенным тоном метис, с каким-то фанатизмом глядя на человека, появившегося так необычно.

Пизани увидел, что он погиб. Но он был человек решительный. Ни минуты не колеблясь, он в упор выстрелил в метиса.

Пуля разможила череп, и брызги крови полетели на обои. Не успело тело грохнуться на пол, как убийца обратил уже свое оружие против человека в зеленой чалме и выстрелил ему в грудь.

— Итак, мои цепи разбиты,— закричал он торжествующим голосом.

— Пока еще нет! — сильным голосом возразил человек в чалме, бледное лицо которого проступило из дымного облака и стало еще бледнее, чем во время появления на пороге.

Пизани окаменел от изумления, но все-таки хотел выстрелить в третий раз. Однако не успел. Человек, обладавший такой странной неуязвимостью, моментально протянул руку и, словно железными когтями, схватил пальцы, державшие револьвер.

Итальянец чуть не задохнулся от боли: так он был крепко схвачен тисками.

— Дурак! В голову надо было стрелять. Ты убил моего бедного Идрисса... Эта шутка могла бы дорого тебе обойтись, тем более, что преданные люди теперь редки.

На выстрелы сбежались люди и столпились у дверей. Среди всех выделился своим громадным ростом американец-машинист.

— Джим! — позвал его человек в чалме, в руках которого, точно пойманный зверь, бился Пизани.

— Я здесь, главарь,— отвечал тот с почитительностью, которая контрастировала с его обычной бизоньей грубостью.

— Возьми этого джентльмена. Свяжи его поаккуратнее, но не причиняя боль. Так, хорошо. Теперь положи его на диван и ступай к своей машине.

— Слушаю, главарь.

— Как скоро можно развести пары?

— Через четверть часа. Печи затоплены.

— Достанет ли дров, чтобы доехать до угольного склада на Баламбанганге?

— Достанет, обойдусь как-нибудь.

— Хорошо, когда будет готово, приди доложить мне.

— Слушаю, главарь.

Машинист повернулся, чтоб уйти. Человек в чалме остановил его жестом и пригласил за собой в каюту покойного сэра Гарри, посредине которой стоял раскрытый сундук, наполненный золотыми монетами.

С шапкой в руке Джим остановился и впился глазами в это богатство. Он был ослеплен.

— На возьми... сегодня день раздачи жалованья.

— Главарь!

— Да ну, скорее. Клади в шапку и уходи... Да

позови ко мне боцмана, пусть он велит отнести этот сундук на палубу и раздаст людям все, что в нем есть.

Приказание было исполнено очень быстро, и человек в зеленой чалме остался наедине с капитаном.

— Теперь, синьор Пизани,— сказал он,— поговорим с вами по душам... Вы обязаны мне решительно всем, и вы этого не забыли. Вы — висельник, я избавил вас от петли, когда она была уже захлестнута на нашей шее. Далее, сделав вас поверенным в своих планах, я осыпал вас благодеяниями, стал делиться с вами всем, что имею. Благодаря мне вы должны были скоро разбогатеть, как набоб, и сделаться могущественным, как султан. Взамен этого, что я от вас требовал? Много ли? Я требовал от вас только слепого повиновения моим приказаниям, преданного содействия общему делу, по окончании которого каждый из нас мог свободно выйти из ассоциации и предаться наслаждению всеми земными благами. Разве я не выполнял своих обязательств всегда с величайшей точностью? Разве я не принимал на себя большую часть тягот, когда на нас обрушивались беды? Разве я не уступал охотно, без счета, тех богатств, которые доставались нам в дни удачи? Чем были вы все без меня? Жалкими грабителями, которых приводил бы в трепет всякий таможенный пост, всякий отряд морской пехоты. Разве вы не богаты теперь? Разве вы не будете могущественны в скором времени? Не сумел ли я сохранить для вас — и какою ценою! — внешний вид добропорядочности, который позволит вам мирно жить в кругу того самого общества, из которого мы высасываем теперь кровь, как вампиры? Наконец, не джентльмены ли вы с виду, — вы, кровопийцы, грабители малайского архипелага?.. Вам фактически повинуется слепо преданная и кровожадная толпа; по первому вашему сигналу целая армия демонов может поставить вверх дном этот остров, равный по величине первоклассной европейской державе; но не извольте забывать, что командую ими один я, что я один укротил этих диких зверей, что я главарь над ними, я, слышите ли, — я, царь ночи!.. Раджа Брук завоевал себе некогда княжество, объявив войну малайским пиратам. Когда он успокоил архипелаг, ему выкинули в награду кость — дали Саравакский округ... ничтожный округ, когда ему ничего не стоило бы сделаться магараджей Борнео!.. На наше счастье, этот англичанин ошибся. В каждом малайце сидит разбой-

ник. Вместо того, чтобы их беспощадно преследовать, ему следовало бы их объединить, воспользоваться ими. Человек, сумевший подчинить себе это дикое население, может стать могущественнее самого магараджи. И когда придет день, когда эти дикари обрушатся на цивилизацию, тогда человек этот явится спасителем, богом. Он умиротворит разразившуюся бурю и со славою воцарится над пиратами Океании, как некогда первые латинские цари воцарились в Древнем Риме. Этот день приближается, и скоро царь моря сделается повелителем Борнео. Я берусь воплотить то, о чем никто и мечтать не смел!.. Пизани, — уж буду называть тебя этим именем, под которым я тебя воскресил, — слушай, Пизани: я тебя, так и быть, прощаю. Но помни, как говорил Идрисс, что я везде, что все я вижу, что я слышу все. Вот приказ, который он принес тебе. Готовься к отплытию. А этот запечатанный пакет вскрыешь, когда запасешься углем. Я тебе ничего не обещаю и ничем не грожу. Одно только скажу: повинуйся мне слепо.

Станный человек, с такой непринужденностью изложивший свой чудовищный проект, взял из коллекции блестящий кинжал и разрезал им веревку, которою был связан синьор Пизани, потом открыл дверь в спальню сэра Гарри и скрылся.

Никак не ожидавший такого великодушия, Пизани был поражен. Он с усилием встал на ноги, шатаясь, как пьяный.

Стук в дверь заставил его опомниться.

— Войдите, — сказал он глухим голосом.

Вошел машинист Джим Кеннеди и обомлел, увидев своего сообщника.

— Что тебе, Джим?

— Капитан... машина... готова...

— Ну, что ж? Если готова, то в путь.

Джим Кеннеди вышел, спрашивая себя, не во сне ли он. А Пизани медленно прошел в столовую, отворил дрожащею рукою дверь в спальню и отскочил назад, полный суеверного страха.

В комнате не было никого.

Глава V

Фрикэ и Пьер де Галь упражняются в языковедении.— Кузница у даяков.— Патронное производство.— Описание одного кампонга.— Поимращение партизанского отряда.— Неприятные трофеи.— Неприятные трофеи.— Любопытный способ вопрошать фетиш.— Священное дерево.— Вместо человеческой жертвы — убийство свиней.— Подвиги европейского стрелка.— Пренники.— Опасения Туммонгонга Уюпати.— Беспольное запугивание.— Пушка малайцев.— Легенда о слоне и дикобразе.— Страшное действие разрывных пуль.

— А ну-ка, Пьер, скажи теперь, что ты думаешь о добрых людях, у которых мы поселились? Теперь твоя очередь говорить: ты слышал высказывания Князька. Он здесь как сыр в масле катается; все даяки в здешнем кампонге, от старого до малого, мужчины и женщины, носят его на руках.

— Я, мой мальчик, думаю то же, что и он. После наших злоключений в истекшем месяце нам здесь очень хорошо и привольно. Делаем, что хотим, отдыхаем, когда угодно... совсем, как матросы ластового экипажа.

— Я тоже никак не думал, что нам удастся устроиться так удобно в подобной глуши, улаживая вместе с тем понемногу и свои делишки.

— А недурно идут они, делишки-то. Даяки наши хоть и очень нежны со своими друзьями, но и врагу не дадут спуска, когда понадобится. Ловко они умеют крошить этих малайцев.

— И какие они храбрые, верные, преданные!.. Господин Андрэ набрал здесь молодецкий армейский корпус.

— Если так пойдет и дальше, то не пройдет и двух недель, как весь остров будет охвачен восстанием, и тогда держись, раджа!

— К нам каждую минуту примыкают новые союзники. Каждый день являются гонцы от разных племен и таинственно сообщают, что у них ждут только сигнала.

— Послушай, а где господин Андрэ?

— В большой хижине. Он держит совет с Туммонгонгом. У нас будут скоро новости...

— Знаешь, Фрикэ, я все больше и больше тебе удивляюсь.

— А что? — спросил Фрикэ, смеясь.

— Да ты уже начинаешь говорить по-даяки. Ты

знаешь почти все обиходные выражения и скоро будешь говорить как следует.

— Да и ты научишься.

— Ну, вот еще!

— А ты поступай вот как: каждое утро упражняйся в их диалекте, понемногу заменяя французские слова даякскими, и научишься.

— Ни за что. Это уже бывало. Пробовал я так делать на морских стоянках. Раз, помню, стояли мы у Мартиники. Так что ты думаешь? Совсем разучился говорить по-человечески. Коверкаю свой язык на тамошний лад, да и только. Стал раз командовать своей пушкой, да и глотаю «р». И Бог ты мой, что такое это было!

— Воображаю, как все потешались!

— Да нельзя было не потешаться. Вышел сплошной грех.

— Ну ничего; на Мартинике весь народ картавый, а «р» даяки произносят очень чисто. Ты здесь не испортишь выговора.

— По правде сказать, я уже начинаю понимать, что вокруг меня лопочут. Ну, да будет об этом. За дело. Если мы так будем копаться, то арсенала к нужному времени не восстановим.

Чтобы покончить с разговором, Пьер затянул вполголоса матросскую песенку и снова принялся начинать порохов патроны, которых перед ним лежала целая куча. Патентованному боцману эта работа была не в диковинку. Удивительно было видеть, как проворно действовали его толстые пальцы, приготавливая патрон за патроном. Работа кипела и быстро подходила к концу; старый матрос принялся поддразнивать Фрика, который трудился над первобытными кузнечными мехами, стараясь заставить их действовать на горн небольшой даякской кузницы.

— Что, пустомеля? Говорил я тебе: не болтай так много. Вот мои патроны-то и готовы, а твой свинец еще нет.

— Черт возьми! Да я просто не знаю, что делать с мехами: не дуют, и конец. Посмотрел бы я, что бы у тебя вышло на моем месте. Жару получается не больше, чем нужно на сотню каштанов, да и того нет. А у меня по меньшей мере три килограмма свинца.

— Дуй, сынок, дуй, ничего! Поднатужься!

Кузнечный механизм у даяков, действительно, прост

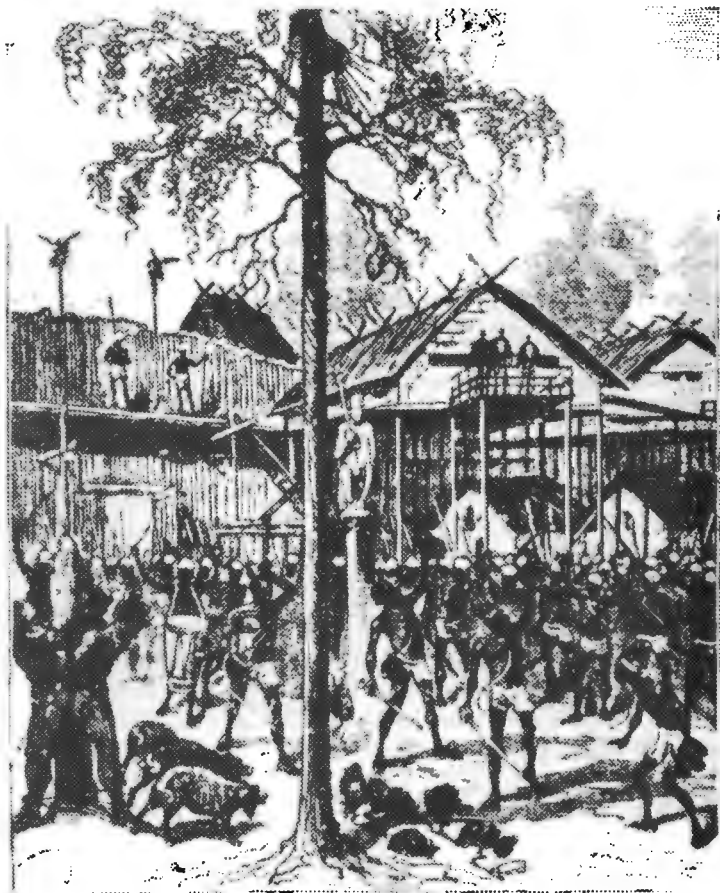

Работа кипела и подходила к концу

до наивности; это прямой бамбуковый цилиндр, в который вставлен поршень на длинном стержне; внизу к цилиндру приделана глиняная труба фута в три длиною, к концу суженная и направленная к огню. Вот и все. Поршень так и ездит по цилиндру, труба направлена превосходно, приток воздуха сильный, и бедный Фрикэ трудился до кровавого пота и все не мог довести жар до желанной степени.

— Насилу управился! Слава тебе, Господи! Пора! —

Туземная крепость на Борнео

сказал он, наконец, поднося боцману большую железную ложку с расплавленным металлом.

— Триста пуль нужно отлить; это пустяки. Через два часа наши патроны будут готовы.

— Отличная выдумка эти вечные патроны; ими можно пользоваться без конца, не нуждаясь в лишнем материале.

— То-то и оно. А то при нашей стрельбе понадобился бы целый артиллерийский ящик.

— Да, а теперь нам нужно только форму для пуля да пороху немножко. А свинец да порох везде можно найти.

— Взгляни-ка, взгляни: я уверен, что наши друзья ходили на охоту и принесли с собой несколько малайских голов.

Французы не ошиблись. Послышались радостные крики; это была встреча отряда даяков, появившегося на лесной прогалине, посредине которой была расположена котта, или кампунг, то есть укрепленная деревня, в которой жили наши друзья. Такая туземная крепость представляет в своем роде чудо. Разрушить ее можно разве что пушкой. Вообразите себе частый палисад из крепких деревянных столбов в 10 метров вышиною, глубоко врытых в землю и подпертых изнутри другими столбами длиною в четыре метра. Эта несокрушимая ограда не боится пожара и усажена узкими бойницами, возле которых сложены луки и сарбаканы с толстыми пучками намазанных ядом стрел.

На самых высоких столбах воткнуты длинные жерди с вырезанными из дерева фигурами калао, или птиц носорогов, которые держат в лапах человеческие головы, некоторые из этих голов гниют, а другие высохли как мумии. Вместо глаз у этих омерзительных трофеев вставлены длинные белые раковины, которые словно с угрозой смотрят из обезображенных орбит.

Внутри ограды стоит целое скопище грубо сработанных идолов, которые делают честь усердию мастеров, но никак не их скульптурному таланту. За ними, в центре, на пять футов от земли, возвышаются жилые помещения, соединенные между собой досками на козлах. Независимые даяки Борнео похожи на жителей Океании и индо-малайских островов тем, что любят строить дома на некотором возвышении над землей.

Внизу мычит, блеет, хрюкает, пищит и кудахтает бесчисленное множество домашних животных и птиц, приносящих большую пользу в хозяйстве. Козы, коровы, куры, собаки, кошки и свиньи плодятся и множатся в этом болоте, составляя вместе с обильными запасами риса в амбарах неистощимый ресурс на случай осады.

Прекрасные деревья доставляют жителям воздушных домов превосходные плоды и прохладную тень:

кокосы, бананы, саговые пальмы, мангустаны, коричневые и лимонные деревья, хлебное дерево и множество других древесных пород достигают там на воле громадных размеров.

Пьер и Фрикэ оставили на время свою работу и пошли к узким воротам крепости, которые были настежь открыты для вновь прибывших.

Воины проходили с видом победителей; на их пути поминутно раздавался приветственный клик «нгаиаус», выпускаемый во все горло всеми встречавшими: мужчинами, женщинами и ребятишками.

Воинов было человек двадцать; они были вооружены бамбуковыми копьями с железными наконечниками и страшными парангами, которыми они так ловко обрубают головы вровень с плечом. Недаром англичане называют даяков *headhunters*, то есть охотниками за головами, а голландцы — *koppenskneller*, — рубителями голов. По случаю торжественного вступления в родную деревню они оделись в парадное платье, то есть буквально увешали себя всеми туземными драгоценностями. У одних на шее были надеты стеклянные бусы, раковины, ожерелья из тигровых когтей и медвежьих зубов, а ноги по щиколотку и руки до локтя были покрыты медными бляшками. У других на руках не было ничего, кроме небольшого браслета из белой раковины, который считается у даяков бесценным сокровищем. В ушах у всех были медные серьги, а на головах что-то вроде колпака из красной материи, усаженного бусами, раковинами, медными блестками и украшенного великолепным аргусовым пером. Остальная часть костюма состояла из куса цветной материи, которая была обернута вокруг пояса; это была как бы небольшая уступка стыдливости.

Кроме того, на всех было надето по большому ожерелью из человеческих зубов, что служило у племени знаком высокого сана. Фрикэ в шутку называл такие ожерелья майорскими эполетами.

— Нгаиаус!.. Нгаиаус! — кричала толпа, валившая навстречу, а туземный барабан звучно и торжественно отбивал: драм-дра-дадам-дам...

Нгаиаус — это небольшие отряды в пять, десять или пятнадцать человек, уходящих на партизанскую войну с тем, чтобы иногда и не вернуться назад. Эти вольные стрелки девственного леса отправляются иной раз на неделю и больше, нападают врасплох на уединен-

ные жилища, истребляют посевы, сжигают дома, отрывают головы у мужчин и уводят в рабство женщин и детей, а в худшем случае и сами бывают перебиты все до единого.

Не следует думать, что все это разбойники без совести и чести. Напротив, это все больше люди мирные, нападающие только на лиц из того племени, с которым воюют. Воровством и грабежом они никогда не занимаются. В этом отношении они честнее и нравственнее многих цивилизованных народов, которые нередко пользуются войной для того, чтобы поживиться за счет соседа. Даяки ищут в войне только славу и не стараются запятнать себя корыстью.

Такие набеги называются сарахами и пользуются у даяков большим почетом; знаменитые воины всякий раз при этом стараются отличиться какими-нибудь небывалыми подвигами.

В этот раз сарах оказался очень удачен. Вот почему и был такой восторженный прием. Базир, или жрец, племени вышел воинам навстречу, колотя в катапанг (барабан) и предшествуемый толпою из десяти билианг (нечто вроде баядерок), одетых в богатые платья с жемчугом и золотыми зернами. Каждый кричал во все горло, испуганная скотина мычала, куры кудахтали — словом, был настоящий кошачий концерт.

Нашим приятелям было оказано особое почтение тем, что вся процессия прежде всего направилась к балаи-томой, или дому путешественников, где им было отведено помещение. Французы к ужасу своему заметили, что среди ликующей толпы медленно и с трудом двигались четыре связанные раба. Перед балаи-томой росло резиновое дерево, почитаемое у даяков священным. На верхушке дерева находился толстый резиновый ком, который служил своеобразным фетишем для идущих в поход и которому немедленно по возвращении из похода приносились жертвы.

Способ беседовать с этим фетишем был доступен не каждому. Нужно, видите ли, непременно вонзить стрелу в шероховатый ком, под страхом того, что неловкий стрелок, промахнувшийся три раза, будет обречен на бедность, унижение и на всякие несчастья — одним словом, подвергнется лишению «живота и чести». Стрелок искусный, напротив, будет осыпан всевозможными привилегиями. Он делался богат, могуществен, дом его в изобилии снабжается отрезанными головами.

Вера в этот странный фетиш была такова, что никто почти не решался обращаться к нему с вопросом.

Так как он благоволил воинам, возвратившимся из последнего сараха, то надлежало принести ему в жертву четырех рабов. Андрэ и его товарищи содрогнулись при этой мысли. Молодой человек хотел было вмешаться и просить пощады для пленных, но базир повелительным жестом приказал ему замолчать. Произнеся нараспев какие-то заклинания, жрец знаком пригласил европейца взять свой карабин и выстрелить в резиновый ком.

Для такого великолепного стрелка, как Андрэ, это было пустяки. Он семь раз выстрелил из своего ружья, изрешетив резиновый ком пулями, к великой радости всех присутствующих.

Четырех пленников поставили в ряд перед деревом, а перед каждым из них поместили по толстой свинье. От отряда отделились четыре воина и выступили вперед, размахивая парангами. Базир поднял руку. Сабли опустились с коротким свистом, и обезглавленные свиньи не успели даже взвизгнуть.

Убитых животных жрецы тотчас же принесли в жертву богам ганту, покровителям полей и золотых рудников. Затем мужчины пожали друг другу руки, пожелав всевозможного счастья. Белые, радуясь мирной развязке, торопливо развязали пленных, которые были очень удивлены, что сохранили головы на плечах, и шумно выражали свою радость.

Эти четыре малайца с раскосыми глазами и крайне неприятными чертами желтых лиц озирались по сторонам, как пойманные звери, не зная, чем объяснить такое необычное великодушие. Базир снизошел до объяснения с ними. Он им сказал, что пощадой они обязаны мастерской стрельбе белого человека, что теперь они должны считать себя его рабами, если только белый человек сам не пожелает снести им головы.

— Вот и хорошо, базир, очень тебе благодарен, — сказал Андрэ, понявший слова жреца. — Но ты знаешь, что мы не отрезаем голов у пленных.

— Может быть, ты предпочитаешь расстрелять их из карабина?

— Вовсе нет. Мы никогда не убиваем побежденных врагов.

— Но ведь их же гораздо легче убивать, когда они

рабы, когда они батанг-оранг (буквально: человеческое тело), чем когда они вооружены и могут защищаться.

— Может быть, но только это у нас не в обычае.

— Как хочешь, — заключил разговор жрец, задумавшись по поводу этого возражения.

По окончании обряда круг обошли чаши с рисовым пивом. Хмельного напитка отведали решительно все жители кампунга, не только взрослые, но и дети, и отведали в таком большом количестве, что последствия нетрудно было предугадать. Воины открыли корзинки, вынули из них головы и начали прыгать с ними, произнося какие-то заклинания, наконец, схватив их за волосы, презрительно кинули под дерево. Женщины и дети повторили этот маневр и с таким увлечением, что их лица, обыкновенно очень кроткие и спокойные, приняли выражение необузданной злобы.

После этого снова начались фантастические пляски, в которых принимало участие все население, не исключая детей и женщин, которые кружились, хлопая в такт руками.

Так окончилась церемония, произведшая очень странное впечатление на европейцев. Они направились было домой, в балаи-томои, но к ним подошел воин и пригласил их к Туммонгонгу Унопати, который хотел сообщить им очень важное известие.

Туммонгонг Унопати был начальником всей коты — укрепленной деревни. Он предводительствовал во время последнего сараха и хотел теперь отчитаться перед своим другом, белым вождем.

Унопати казался очень унылым и озабоченным. После обычных приветствий и крепкого рукопожатия по-европейски настало продолжительное молчание, которое Андрэ нарушил первым.

— Вождь, — сказал он, — ты великий воин, а даяки очень храбрый народ.

Черные глаза дикаря сверкнули гордостью, но потом он тотчас же впал в уныние, совсем ему не свойственное.

— Белые люди тоже очень храбры. Но у ваших врагов ужасное оружие. У них есть большое ружье, очень большое: с человека будет.

Видя, что Андрэ улыбается, вождь продолжал:

— Да, оно очень велико и гремит точно гром, а пуля из него вылетает больше кулака.

Андрэ отвечал, не переставая улыбаться:

— Я знаю, про что ты говоришь. Это — пушка. Но успокойся, Туммонгонг Унопати, у нас есть кое-что получше.

— Ты ошибаешься, мой белолицый друг. Вот я тебе покажу, про что я говорю.

С этими словами дикарь вынул из корзинки круглое ядро весом около двух килограммов и подал своему собеседнику.

— Я видел начальника воинов раджи, — продолжал он. — Он пригласил меня в свой лагерь и принял с почетом. Он позвал своих солдат и велел им стрелять из большого ружья. Оно загремело так страшно, что я едва не оглох. Тогда начальник сказал мне: «Туммонгонг Унопати, ты видел нашу силу; возьми этот кусок железа, покажи своим воинам и скажи им, что они ничего не смогут сделать против людей, которые бросают такие тяжести». Я ушел домой в страхе за участь бедных даяков и за участь их белолицых друзей, которые хотят защитить их от раджи... Что с нами будет, дорогой мой брат?

— Не тревожься, Унопати, успокойся. Я тебе теперь же докажу, что наше оружие лучше. Пойдем ко мне.

Вождь очень охотно последовал за европейцем в балаи-томои. Андрэ открыл маленький ящик, выложенный внутри листовой медью и наполненный овальными пулями, пересыпанными суриком. Достав несколько пуль, он попросил Пьера де Галя заложить их в приготовленные патроны.

Затем Андрэ взял свой карабин системы Веттерли-Гинара, вложил шесть зарядов в коробку у приклада, а седьмой прямо в дуло и прицелился в толстое дубовое бревно, находившееся на расстоянии трех-четырех метров.

— Может ли, по-твоему, малайский вождь пробить это бревно с одного выстрела из своей пушки?

— Нет, — сказал даяк. — И потом ее после каждого выстрела нужно чистить, а воины раджи не такие ловкие, как белые люди.

— Ну, а я сделаю лучше. Я из своего ружья перебью, если хочешь, все бревна частокола одно за другим.

— Как? Из этого ружья в палец толщиной?

— Из этого ружья в палец толщиной.

Туммонгонг недоверчиво улыбнулся.

— Когда,— продолжал Андрэ,— ты проходишь ночью через лес и слышишь крик выпи или обезьяны-ревуна, бывает ли тебе страшно?

— Нет. У нас даже дети смеются над этим.

— Ну, а когда ты днем идешь по высокой траве аланг-аланг и слышишь свист очковой змеи, ты боишься или нет?

— Тогда, конечно, боюсь и ищу глазами место, где ползет ядовитая гадина, чтобы не наткнуться как-нибудь на ее смертоносный зуб.

— Так вот, Туммонгонг Унопати, ты и слышал у малайского вождя крик ревуна или выпи; послушай теперь свист гремучей змеи.

С этими словами он приложился и выстрелил, почти не целясь. Послышался сухой и короткий выстрел; столб, пробитый разрывной пулей, закачался и упал со страшным треском.

Испуганный даяк не верил глазам. Он подбежал к бревну и принялся его осматривать.

— Хочешь,— сказал Андрэ,— я сейчас со своими друзьями сделаю в палисаде пролом для прохода десяти человек?

— Нет, мой белолицый друг. Я видел достаточно. Я верю тебе: мы победим врагов. А теперь послушай, что я тебе расскажу. Давно-давно, много лет назад, приходил к нам на остров из-за моря слон и ходил вверх по Кагаджану воевать с нашими зверями. Пришел он на остров и посылает зверям наперед свой клык — заранее напугать их хотел. Звери увидели клык и вправду испугались; подумали-подумали и решили покориться слону. Услыхал все это дикобраз и надоумил зверей: «Не робейте,— говорит,— чего вам слона бояться? А лучше возьмите да пошлите ему мою щетину. Пусть он сам подумает, каков же должен быть зверь, коли у него такая большая шерсть». Звери так и сделали, послали слону дикобразову колючку. Ну и что бы ты подумал? Слон испугался и ушел. Так у нас на острове и по сей день нет слонов. Таким обманом наши звери первого же слона, который вздумал к нам переселиться, сразу же выжили.

— Твой рассказ очень остроумен, но что же из него следует?

— А то, что малайскому вождю нужно послать твою пулю и напугать его хорошенько.

— Не думаю, чтобы это очень на него подейство-

вало. А уж если посылать, так, по-моему, лучше дерево, разбитое пулей. Пленные малайцы все это видели и с удовольствием отнесут. Их рассказ, может быть, заставит малайского вождя одуматься и отказаться от похода на нас, который не принесет ему ни славы, ни пользы.

Глава VI

Стократное подтверждение пословицы: «На чужой каравай рот не разевай».— Владения борнейского раджи.— Путеводитель по острову.— Почему был грустен Туммонгонг Унопати.— Смерть и похороны собаки.— Легенда о Патти Паланганге.— Собачий пантал.— Дурное предзнаменование.— Добыча золота на Борнео.— Бурная ночь.— Дозор Фрикэ.— Парижский гаман соперничает с героями Купера и Майн Рида.— Соображения по поводу присутствия человека, жующего бетель.— Засада.— «К оружию!.. Неприятель!..» — Положение Фрикэ.

Узнав о дерзком похищении своей приемной дочери, Андрэ даже и не подумал обратиться к различным представителям власти на Борнео. Он слишком хорошо знал, с какими проволочками бывает всегда сопряжено вооруженное вмешательство, которому предшествуют дипломатические переговоры. Они тянутся обыкновенно без конца, и у ходатая успевают нередко выпасть все зубы и все волосы, прежде чем он добьется какого-нибудь толку.

Будь он англичанин или голландец, он, быть может, и уведомил бы, для очистки совести и для получения формальной поддержки, свое правительство о предприятии, в которое он вложил всю душу и все, что имел. Но и это было бы, пожалуй, совершенно лишним. Англичане с острова Лабоана очень мало влияют на события на Борнео, и авторитет их со времени смерти Джемса Брука невысок. А у голландцев же, рассеянных по огромной принадлежащей им территории, и без того много хлопот по сохранению своего престижа.

Тщетно было бы просить разрешения на вооруженный проход через нидерландские владения. Никто бы не поверил в бескорыстную цель экспедиции; проход отряда европейцев произвел бы переполох во всех колониях; а наши друзья были бы задержаны на первых же порах и не пропущены дальше. Поэтому они решили обойтись без помощи и без позволения, а самовольно проникнуть в неведомые страны и воспользоваться

внутренними неурядицами в царстве раджи, который, сидя у себя во дворце, даже и не подозревал об угрожавшей ему опасности.

Для людей, не знакомых с образом жизни современных сатрапов Востока, с их отношениями к народам, изнемогающим под их железной тиранией, задумка европейцев должна казаться безумной, неисполнимой. А между тем только такое предприятие и могло иметь успех. Дело в том, что население государств этой страны далеко не однородно; разные племена, его составляющие, имеют противоположные интересы, питают друг к другу взаимную антипатию и постоянно склонны к мятежу. Понятно, что при таких условиях монарх, который сегодня силен и деспотически правит своими подданными, завтра может слететь со своего трона, ниспровергнутый мятежниками. Андрэ и его друзей вдохновляла, кроме того, еще и память о радже Бруке; как и тот, они защищали слабых и сражались с малайскими пиратами. Их отношения к туземцам были проникнуты чрезвычайным благородством, которое всегда пленяет первобытных людей, а тот факт, что они белые, уже сам по себе придавал им вес в глазах дикарей.

Таким образом, владения борнейского раджи, несмотря на их обширность и природное богатство, были чрезвычайно уязвимы для искусного удара, направленного ловкой рукой неустрашимого человека. Королевство Борнео в собственном смысле лежит на северо-востоке острова, простираясь от 7° до 2° северной широты. Оно занимает, следовательно, пятьсот километров по берегу Китайского моря, между мысом Торонгом на северо-востоке и мысом Дату на юго-западе. Большая горная цепь Батанг-Лупар отделяет королевство от голландских владений, так что оно представляет узкую полосу в сто километров средней ширины. Более того, от борнейского раджи находятся в зависимости — конечно, только номинальной — раджи сибакский и нандигарский. Эта зависимость до того призрачна, что два названные князя весьма решительно отказывают в дани борнейскому монарху, невзирая на европейских картографов, которые неизменно помещают их княжества в пределах владений последнего.

Если бы раджа вместо недостойного угнетения подданных стал покровительствовать их торговле,

земледелию и горной промышленности, то его столица с каналами вместо улиц и с домами на сваях и плотках сделалась бы, если и не малайской Венецией, то, во всяком случае, очень важным центром торговли с Китаем, Сингапуром и многими южными гаванями. Но так как у него есть очень скверная привычка накладывать «эмбарго» на торговые корабли, пока купцы не заплатят чрезмерных пошлин, то, разумеется, вся торговля парализована таким своеобразным пониманием ее свободы. Добывание золота подвержено еще худшей участи. Все, что удастся золотопромышленникам спасти от жадности вассальных князей, безжалостно конфискуется и исчезает бесследно в сундуках раджи.

Ввиду всех изложенных обстоятельств, а также ввиду исключительности положения наших друзей в среде независимых племен острова, читатели наши, вероятно, согласятся, что предприятие Андрэ было вовсе уж не таким рискованным, тем более, что он постарался предусмотреть все случайности и спланировал свою экспедицию с величайшей осмотрительностью. Быстро двигаясь к горной цепи Батанг-Лупар, которая, как мы указывали, составляет сухопутную границу владений раджи, он подготавливал на случай провала опорные пункты для прикрытия отступления. Кампонги и котты приводились в оборонительное положение; воодушевляемые даяки повсюду брались за оружие. В каждом селении он набирал для себя отборный отряд воинов и уходил дальше, а слава его, которая росла с каждым днем, бежала впереди него.

Сойдя с «Конкордии» после трагической смерти сэра Гарри Паркера, европейцы со своими верными даяками немедленно покинули устье Кагаджана. Но они и не подумали плыть в Банджермассинг, как уверяли синьора Пизани, а направились вверх по Труссану, природному рукаву, соединяющему реку Кагаджан с Муронгом, притоком реки Мандагии, впадающей в реку Манкатын. Благополучно достигнув 2° южной широты, их прао зашла в реку Дуссон, которая разделяется на два очень большие притока: на Банджер и на Нижний Муронг.

Река Дуссон берет начало в том месте Батанг-Лупарских гор, где от главной цепи отделяются два значительных отрога и направляются один к юго-востоку, другой к юго-западу, образуя гусиную лапу.

Первый отрог носит имя Сикангских гор, а второй известен под именем горного хребта Мади. Река делится на пять главных притоков, вытекающих из гор Бунданг, Клумпай и Мандуланских, находящихся под 1° южной широты и идущих от $111^{\circ} 30'$ до $112^{\circ} 30'$ восточной долготы.

На северной стороне долины Дуссона расположена котта, в которой начальствует Туммонгонг Унопати. От котты до границы борнейских владений не более сотни километров. Хотя номинально территория эта принадлежит голландцам, но «любезный» сосед их, раджа, через каждые два месяца насылает на ее жителей своих солдат с разными вымогательствами, причем голландский губернатор в Банджермассинге, отстоящем на пятьсот километров, даже и не помышляет о заступничестве.

Несколько дней тому назад произошло сражение, и вот причина, почему у Фрикэ и у Пьера де Галя было так много хлопот: они торопились пополнить израсходованные военные припасы. В настоящее время европейцы были исполнены надежд, а воодушевление их союзников даяков дошло до высшего предела. В сражении был разбит наголову значительный отряд малайцев, и столь же трусливые, сколь свирепые хищники вынуждены были поспешно убратся назад за Батанг-Лупарский хребет. Маленькое войско Андрэ, состоявшее из отборных воинов, было еще в четырехстах километрах от столицы раджи, но с такими крепкими и обстрелянными надежными людьми можно было дойти до нее в две недели.

Все предосторожности были приняты, и скоро войско должно было выступить в поход. Андрэ в последний раз дал наставления четырем своим товарищам употребить все усилия, чтобы достичь английских владений на Лабоане, если во время войны они как-нибудь разлучатся друг с другом или по ходу дел не смогут присоединиться к главному отряду. Каждый из них запасся голландской картой и компасом, чтобы с их помощью исполнить этот чрезвычайно важный на случай неудачи план.

Итак, в кампонге царило всеобщее воодушевление. На завтра был объявлен поход, а по возвращении предвиделось сооружение пантаха. Пантах — это квадратная утрамбованная площадка земли, обставленная деревянными идолами с протянутыми руками. Эти

божества отличаются от специфических идолов кампонга, а самые пантахи устраиваются всегда в лесу, обыкновенно на месте, где была когда-то битва.

Один Туммонгонг Унопати не участвовал в общем веселье. Храбрый вождь переживал великое горе. В последней битве у него убили любимую собаку. Это было для него тем большим горем, что даяки после детей всего больше любят собак, предпочитая их всем животным. Собака пользуется у даяков почетом не только при жизни, но и после смерти. У нее даже предполагается душа, а наивное туземное предание относит ее по прямой линии к самому царю зверей Патти Палангангу. Вот что гласит по этому поводу легенда:

«Однажды Патти Паланганг председательствовал на совете зверей. Хотя он был великий вождь, могущественный и храбрый, но был очень беден и не имел другой одежды, кроме собственной шкуры. Подданные, будучи одеты лучше своего государя, стали над ним вслух смеяться, нисколько не стесняясь. Разгневавшись, монарх бросился на них и начал наносить направо и налево удары клыками; многих убил, усеяв трупами всю окрестность, прочих обратил в бегство. Но эта жестокая расправа вызвала всеобщее негодование, и вскоре царь был низложен. Патти Паланганг долго бродил без пристанища, покуда не встретился с человеком. Человек принял его хорошо, накормил и поселил у себя. Они подружились. Со времени своего низложения Патти Паланганг возненавидел всех животных и целью его жизни сделалась месть им всем. Он стал помогать человеку охотиться за ними, и они вдвоем творили просто чудеса. Потомки отставного монарха унаследовали от него непримиримую вражду к животным и самую преданную любовь к человеку. В свою очередь, и среди даяков стала переходить от отца к сыну неизменная привязанность к потомкам Патти Паланганга».

Туммонгонг принес труп своего верного товарища домой, чтобы устроить ему великолепные похороны. Накануне выступления была вырыта глубокая яма неподалеку от того места, где животное испустило дух. Даяки, нацепив на себя все свои украшения, вышли в полном вооружении из кампонга, потрясая талавангами, или деревянными щитами, и размахивая мечами, или мандау. Через плечо у них были надеты страшные

сарбаканы, из которых они умеют так ловко пускать ядовитые стрелы, а в левой руке вместе с талавангом они держали длинные пики с зазубренными концами.

Отряд молча выстроился около ямы, на дне которой был слой риса с солью. Групп собаки, завернутый в дорогие ткани, опустили в могилу и насыпали на него несколько пригоршней рису, в который было подбавлено немного золотого песку. Это была умиловливающая жертва богам, дабы они благосклонно приняли душу умершего пса и отвели ее в собачий рай.

Могилу зарыли под звуки похоронных напевов, которые были исполнены всеми присутствующими. Был заранее приготовлен огромный толстый столб в три метра вышиной. Унопати поставил его на могиле и обвешал головами кабанов и оленей, погибших на охоте от зубов доблестного пса. Затем базир привел жирную свинью, которую вождь обезглавил ударом паранга. Это была очистительная жертва, и Туммонгонг заключил обряд громким восклицанием:

— Здесь будет пантах; я навешаю здесь голов; объявляю это место помали (священным). Покойся в мире, верный товарищ! Мы за тебя отомстим!

Толпа с шумом вернулась в кампунг, испуская иростные крики. Только опечаленный вождь шел все время молча, окруженный европейцами.

Наконец он заговорил тихим, робким голосом, обращаясь к Андрэ:

— О, мой белолицый брат, смерть потомка Патти Паланганга — невозместимая потеря для нас. Мое сердце опечалено, мои уста не в силах улыбаться. Не к добру эта смерть, я чувствую это. Мы восторжествуем, но с одним из нас непременно случится несчастье.

На другой день сто даяков выступили из крепости под предводительством пяти друзей. Отряд, в изобилии снабженный припасами, должен был идти к Батанг-Лупарским горам и соединиться с двумя другими небольшими отрядами, высланными с северо-востока и северо-запада от племен, подвластных радже, но восставших по призыву Андрэ.

После утомительного двухдневного пути по дороге, размытой непрерывными дождями, отряд остановился возле золотого прииска, по всем признакам покинутого. Но пусть не подумает читатель, что прииск на Борнео хоть сколько-нибудь напоминает богатые золотые рос-

сыпи Калифорнии, Австралии или даже Гвианы. Далеко нет. Правда, благородного металла очень много на острове, но способ извлечения его слишком первобытен. Промывка практикуется только ручная, в кадках; впрочем, золотиносный песок на Борнео содержит так много золота, что даже при такой промывке оно добывается там в огромном количестве.

Настала ночь, одна из тех мглистых тропических ночей, когда путника обволакивает густая пелена непроглядного мрака, когда сквозь эту пелену не слышно лесного шума и не видно даже мерцания звезд.

Плотная, насыщенная влагой атмосфера повергала все в какое-то непреодолимое оцепенение; цепенели даже гигантские тропические деревья, цепенели даяки, привычные к родному климату. Парило, как перед грозой, и, действительно, собиралась ужасная экваториальная гроза, во время которой раскрепощаются и свирепствуют все стихии.

Вокруг лагеря расставили часовых, дан был пароль, и каждый расположился поудобнее, как смог, в ожидании бури. Вскоре лагерь погрузился в глубокий сон.

Не заснул лишь Фрикэ. На парижанина давление атмосферы подействовало совершенно иначе, чем на остальных. Он, как кошка, почувствовал нервное возбуждение. Чувства его были напряжены до крайности; ему слышались какие-то необычные звуки, мерещились разные чудовищные образы. Даже обоняние было раздражено, и ему чудился запах диких зверей, запах чего-то враждебного, угрожающего, ощущение засады.

«Как жаль, что собака Унопати погибла,— сказал он про себя.— Вот умела разнюхивать малайцев! Наши теперешние собаки никуда не годятся в сравнении с ней... Будет очень кстати, если я всю ночь не сомкну глаз. Все эти люди спят как убитые, и все хранят на разные лады: Пьер ворчит, точно винт парохода, у доктора в носу точно кларнет свистит, Князек гудит, как труба, а господин Андрэ дышит так скоро-скоро, точно бежит куда-нибудь... Фу, до чего расходились нервы! Рубашка царапает тело, а в руках и ногах такая тяжесть, что просто не знаю, куда деться... Отличная ночь для засады... Хорошо бы сделать небольшой обход... А впрочем, что мешает? Возьму и сделаю».

У Фрикэ всегда дело скоро следовало за мыслью. Он осторожно, боясь на шуметь, зарядил револьвер,

ощупал свой нож, положил карабин на то место, где лежал сам, и пополз в темноту.

— Мало ли что может случиться, — прошептал он. — Ружье хорошо днем, а ночью стеснительно, потому что занимает обе руки. Револьвер гораздо удобнее. С ним можно ползти на четвереньках без всякого шума и в то же время пустить в кого угодно хорошую пулю.

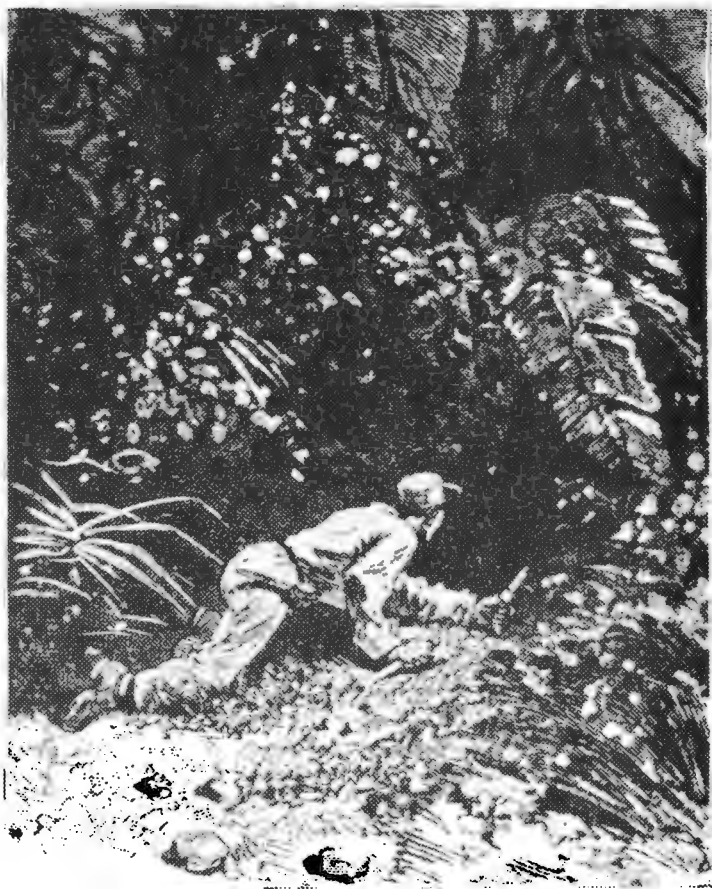
Пережив по воле судеб всевозможные приключения, одно другого страннее, Фрикэ сделался замечательным следопытом. В умении отыскивать следы он нередко одерживал верх даже над первобытными жителями девственных земель. Впрочем, это явление довольно распространенное: всякий европеец, если захочет, всегда может обострить свой инстинкт не хуже дикаря. Примеров можно привести сколько угодно: французские солдаты в Африке научились выслеживать бедуинов не хуже ищеек; английские скваттеры в Австралии отлично умеют гоняться по пятам за местными скотокрадами; далее можно напомнить баснословные подвиги канадских охотников и героев Дальнего Запада, прославленных Майн Ридом и Купером; наконец, стоит вспомнить французских золотопромышленников в Гвиане и т. д., и т. д.

Так и для Фрикэ тропическая природа почти не представляла никакой тайны. Он полз вперед по траве, извиваясь как змея, минуя встретившийся ствол, бесшумно припадая под нависшей лианой, удерживая дыхание и даже не вздрагивая, если под руку попадалось пресмыкающееся или колючка царапала тело.

Таким образом он описал около места стоянки полукруг в триста пятьдесят метров. Это путешествие продолжалось часа полтора. Несмотря на темноту, ему удалось сделать так, что радиус полукруга не превысил ста метров, а сам полукруг был описан почти с математической точностью.

Фрикэ окончательно убедился: маленькое войско попало в самую сердцевину засады. Враги были близко и бодрствовали в темноте, в этом не было сомнения. Его чуткий, опытный слух улавливал почти неприметный шелест, причина которого была для него ясна. Наконец, остановившись у корня огромного дерева, он услышал характерный звук плевка. И, действительно, в двух метрах от него кто-то сплюнул. От слюны шел едва приметный запах, но Фрикэ сейчас же понял, что это значит. Пахло бетелем, а жевать бетель мог только малаец.

Он полз по траве, извиваясь как змея

Нужно было как можно скорее возвратиться назад и поднять в лагере тревогу. Фрикэ предстояла нелегкая задача сделать это незаметно от врагов. К несчастью, в это время начал накрапывать дождик; по листьям застучали крупные капли. Фрикэ понадеялся, что под шум дождя ему можно будет ползти скорее, и попал в самую середину вражеской засады. Две сильные руки схватили его за платье, и это разом выдало его. Его нельзя было принять за своего: «свои» были все голые.

Сильным движением он вырвался из державших его рук, начал стрелять направо и налево и громким голосом закричал:

— К оружию!.. Неприятель!

За этим призывным криком раздался яростный вой, покрытый вскоре оглушительным раскатом грома. Небо от запада к востоку прорезала молния, и при свете ее Фрикэ увидел себя окруженным густой толпою малайцев. Парижанин понял, что погиб.

Он попробовал кинуться на врагов и пробиться сквозь них к лагерю. В другое время это ему, быть может, и удалось, потому что он был очень силен, почти невероятно силен, но в этот раз он ничего не мог сделать. Ему вдруг показалось, что все его тело плотно охватила какая-то невидимая сеть, и затем он почувствовал, что его связывают, затыкают ему рот и уносят куда-то с невероятной быстротою.

Глава VII

Фрикэ уносят в лес.— Бегство.— Падение в тигровую яму.— Приятная компания.— Чьи это глаза? Уж не тигра ли? — Tête à tête с мертвым оленем, больным орангутангом и нетерпеливым тигром.— Четыре метра ниже уровня земли.— Царь-создатель читает мораль царю лесных дебрей.— Фрикэ-сапер.— Завтрак из сырого мяса.— Геркулесова работа.— Последняя капля воды.— Фрикэ спасает жизнь «предку». — Отдых парижанина в обществе тигра и обезьяны.

В эту минуту гроза разразилась со всей силой, и Фрикэ среди оглушительного грома не мог даже утешиться знакомыми звуками выстрелов из карабинов Ваттерли-Гинара. Он не знал, были ли слышаны в лагере его крики и его выстрелы из револьвера, не знал, успели ли европейцы и даяки приготовиться к отражению малайцев. По всегдашней своей привычке, парижанин опять забыл про свое собственное положение и думал только об опасности, которой подвергались его друзья и союзники.

А положение его было не из приятных. Два человека несли его на какой-то плетушке, связанного по рукам и ногам частой индийской сеткой; при каждом неверном шаге похитителей он получал сильный толчок, и этих толчков было очень много, потому что местность была неровная, покрыта пнями и кочками. Нижние ветви деревьев царапали ему тело, хлестали по лицу, а он не мог сделать ни одного движения, будучи

плотно окутан крепкой веревкой. Но все это нисколько не заставило парижанина пасть духом. Из того, что враги не зарезали его тут же, он заключил, что они имеют на него какие-то виды. Может быть, отсрочка была и не долгая, но, во всяком случае, не ради же одного моциона два разумных существа тащили по лесу человека, который ни в коем случае не был слишком легкой ношей.

Буря ревела, а малайцы шли все быстрее и быстрее. Сквозь громовые раскаты Фрикэ ясно слышал их тяжелое дыхание. Вот его точно что-то подтолкнуло. Это новый человек заменил уставшего, выбившегося из сил носильщика. Такие замены повторялись несколько раз с небольшими промежутками, видно было, что нести француза стоило малайцам большого труда, хотя они, как ходоки и носильщики, не уступят, пожалуй, даже японцам, лучшим ходокам и носильщикам в мире.

По временам до его слуха долетали переговоры, в которых часто повторялись слова «батанг-оранг», то есть человеческое тело, раб, пленный.

— Батанг-оранг!.. Я!.. Я — и вдруг раб! Нет-с, уж это вы постойте! Нет, голубчики, подождите! Я сыграю с вами шутку по-своему и покажу, какой я вам раб.

Наброшенная на него сеть охватила его так неожиданно и быстро, что он не успел выпустить из рук ни револьвера, ни ножа. Малайцы поверх сетки крепко связали его по рукам и ногам тростниковой веревкой и не позаботились отобрать у него оружия, полагая, что он и так не в состоянии защищаться.

Несмотря на опасность своего положения, Фрикэ не мог не посмеяться в душе над такой оплошностью малайцев.

«К чему после этого ваша сетка? — говорил он про себя. — Она меня надолго не свяжет. Я хорошо знаком с устройством индийских пут и покажу вам сейчас, как можно от них избавиться».

В ранней своей молодости Фрикэ страстно любил всякие телесные упражнения. Сильный, как гладиатор, и ловкий, как акробат, он умел выделять самые невероятные фокусы. Теперь для него самым главным было — высвободить хотя бы одну руку, а уж остальное было делом техники. Но его руки было плотно прижаты и привязаны к телу, так что он не мог сделать ими ни малейшего движения. Еще немного времени — и они затекут кровью, а тогда наступит полный временный паралич.

Страшным усилием воли Фрикэ в продолжение двух часов сжимал и надувал мускулы правой руки. Понемногу эти последовательные сокращения расслабили несколько и сеть, и веревку. Пленник получил возможность действовать распухшей кистью и скоро высвободил ее из-под веревки, чуть не вскрикнув от радости.

— Через четверть часа я буду свободен, — сказал он.

Гроза прошла, но дождь не переставал лить как из ведра, и носильщики шли все так же быстро, как и прежде.

После многократных усилий парижанину удалось взять в руки нож. Он медленно разрезал им сеть одно за другим перерезал кольца веревки, охватывавшие его ноги, сунул в карман револьвер, который был зажат между его левой рукой и грудью, и оставил нож в правой руке. Все эти движения были исполнены им так ловко, что подстилка, на которой его несли, ни разу не колыхнулась, и сам он все время сохранял видимую неподвижность тюка.

Он не сделал ошибки и не соскочил преждевременно на землю, а подождал, покуда не размялись его одеревеневшие члены. Тогда он ощупал рукой свою подстилку. Это была грубая тростниковая плетушка. Парижский гамен сейчас же придумал что делать. В таких плетушках малайцы таскают военную добычу, собранную во время сараха; они очень прочны, но чрезвычайно тонки.

Фрикэ прорезал ножом дно плетушки до половины длины, спрятал нож в карман, быстро раздернул прорезь и выскользнул на землю.

Задний носильщик на полном ходу споткнулся о парижанина и отскочил метров на десять в сторону, закричав от ярости и удивления. Фрикэ одним прыжком достиг чащи леса и пустился напролом, не заботясь о том, гонятся за ним или нет. Пробежав метров триста, он остановился передохнуть возле большого толстого дерева. Переводя немного дух, он захохотал во все горло, радуясь удаче своего бегства.

— Вот это штука! До гроба не забуду ее и все буду смеяться. Вот рожа-то была у заднего носильщика!.. Я бы мог его ткнуть ножом, да подумал: зачем?.. Ай-ай-ай, как они там воют! Чу! Чу! Точно обезьяны на сборище. Войте, войте, сколько хотите, а мне смех. Не попробовать ли отыскать наш лагерь? Мои-то, ве-

Он вдруг почувствовал, что почва уходит у него из-под ног

роятно, уж хватились меня и ищут, а этот проклятый дождик уничтожил все следы... Здесь темно, как в печке, я ничего не вижу. Черт знает, в какую сторону пошли малайцы и где я нахожусь сам. Да и лагерь-то не знаю, в какой стороне будет отсюда. Я имел глупость не посмотреть вчера на компас. Ну, да уж снявши голову, по волосам не плачут. Дождусь здесь утра, а там что Бог даст.

К несчастью, Фрикэ был очень непоседлив. Ему не

стоялось на месте, и он машинально стал бродить вокруг дерева. Ему вдруг почудилось, что лианы и хворост стали не так густы и что он как будто вышел на тропинку. Сделав еще несколько шагов, он вдруг почувствовал, что почва уходит у него из-под ног. Он хотел было отскочить назад, но это не удалось, и несчастный француз полетел в глубокую яму. Падение его оглушило. Он лишился чувств.

Обморок был, однако, непродолжителен; когда Фрикэ очнулся, было еще совсем темно. Он сейчас же оценил свое положение, припомнил свой обход вокруг лагеря, потом похищение, бегство и падение. Далее этого его воспоминания не шли. Оставались предположения: где? Куда попал? Очевидно, не в овраг, потому что дно ямы было рыхлое, взрытое. Он с усилием привстал и к ужасу своему почувствовал, что ему невыносимо больно ступать на левую ногу.

— Вот тебе и праздник! Нога хоть и не сломана, а все же вывихнута. Впрочем, не век же мне здесь оставаться, — продолжал он по вечной своей привычке говорить с самим собой. — Что-нибудь нужно будет предпринять. Жаль, фитиль-то мой промок, как губка, а то хорошо бы было его зажечь. Попробую узнать на ощупь, велика ли яма... только бы не попасть в какую-нибудь другую.

Он пополз на четвереньках и почти сейчас же остановился, услышав позади себя чье-то прерывистое хрипение.

— Вот тебе на! Это еще что такое? — произнес он вполголоса, оборачиваясь назад.

Он увидел в темноте две неподвижные светлые точки с зеленоватым отблеском.

— Только уж, конечно, это не светляки, а что-нибудь почище, — прибавил он. — Это чьи-то глаза. Уж не тигра ли? Конечно, чьи же больше? Эта огромная кошка имеет передо мной, в числе многих других, еще и то преимущество, что может видеть меня даже впотьмах. Хорошенькая парочка глаз, точно две свечки. Будь я уверен; что не промахнусь, непременно пустил бы пулю в который-нибудь из них. Но дело в том, что если я не попаду, то буду тут же растерзан. Так. Отлично. Только этого недоставало: угодить в тигровую яму, куда малайцы привлекают этих кровожадных зверей, чтобы убивать их без опасности для себя. Хорошо еще, что тут не натекано заостренных кольев, а то мне

Фрикэ пополз в противоположную сторону

уж и вовсе был бы конец. Правда, мне и теперь не очень весело, но зато хоть есть надежда, что утро вечера мудренее. Подождем, что будет дальше. Должно быть, и тигр не в восторге от угощения; он что-то на меня не нападает. Приму на всякий случай меры предосторожности и стану подальше, на другом конце ямы...

Фрикэ пополз в противоположную от глаз невидимого зверя сторону и шагов через двенадцать опять остановился не столько в испуге, сколько в удивлении:

он дотронулся рукой до какого-то косматого тела, судорожно вздрагивавшего.

— Э, да тут у нас целый зверинец. Кого это еще Бог занес? Кто это так дрожит от страха и щелкает зубами?

Второе животное жалобно застонало.

— Отличное трио. Наверное, и у тигра что-нибудь сломано или вывихнуто, только он молчит. Три инвалида в одной яме! Авось, впрочем, мы не подеремся. Я, по крайней мере, не желаю ни на кого нападать.

Второе животное, покрытое косматой шерстью, дрожало всем телом под рукой молодого человека и, ползая по земле, старалось избавиться от этого прикосновения. Должно быть, животному было очень трудно двигаться, потому что при всяком движении оно стояло и пыхтело.

Фрикэ заговорил опять:

— Я не имею права стеснять своих товарищей по несчастью. Я пришел после всех. По старинному обычаю, всякое место принадлежит тому, кто первый его занял. Надо ползти дальше... Вот хоть сюда. Здесь место ничего, довольно удобное. Жаль только, что на дне вода, а то, право, здесь было бы недурно. Соседи смиренные, не буйные, не пристают, не надоедают, и если б не эти назойливые глаза, то я преспокойно заснул бы сном праведника, ни о чем не тревожась.

Однако Фрикэ в конце концов все-таки заснул, не забываясь о тигровых глазах, и, как это ни странно может показаться, очень крепко проспал до самого восхода солнца, который возвестили веселым чириканьем болтливые птички.

В яму проник слабый луч и разбудил Фрикэ. Парижанин не ошибся: лукавый попутал его и завел на тропинку, пробитую дикими зверями. Туземцы же устроили на этой тропе яму, прикрытую снаружи хворостом и травой. Яма была замаскирована так искусно, что даже дикие звери попались в эту первобытную, но в высшей степени опасную западню. Она была не глубока — метра четыре, не больше, но стены ее были не прямые, а наклонены внутрь, так что яма представляла усеченную пирамиду, нижнее основание которой было по крайней мере в два раза шире верхнего. При свете луча, пробравшегося сквозь закиданное хворостом отверстие, Фрикэ с досадой увидел, что выбраться на Божий свет по таким наклонным стенам невозможно.

Затем его взор проник в более темные уголки ямы. Все оказалось так, как он думал: в четырех метрах от него, положив морду на вытянутые лапы, лежал великолепный тигр, неподвижный, точно изваяние. Конечно, тигры на Борнео не так велики и свирепы, как бенгальские, но все же это было сильное и довольно опасное животное. Это между прочим пришло в голову и Фрике.

— Даже сравнительно менее свирепый тигр, — сказал он про себя, — все-таки тигр, а не агнец. Лучше оставить его в покое, благо он лежит смирно и даже как будто спит. Ну, а кто таков другой мой товарищ?.. Ба-ба-ба! Обезьяна, и преобладающая. По меньшей мере сам орангутанг... Как? Еще третий сонночлежник? Боже мой, убитый олень! Бедняжка упал и убили. Жаль, очень жаль, а все же скажу, что в нем будет мяса килограммов пятьдесят. Этим можно будет убаготворить тигра, когда он проголодается... Никто не шевелится здесь, только я один болтаю вслух сам с собою. Неужели они меня боятся? Пожалуйста, господа, не бойтесь; я не такой человек, я даже мухи не обижу. А ведь они вправду должно быть боятся. Тигр трясется, точно осинный лист, а обезьяна — так та вовсе ополоумела от страха. Как знать, быть может, они себе что-нибудь повредили. Я и сам с вывихнутой ногой. Очень мне их жалко, но лечить их я все же не могу... Надо, однако, подумать о том, как отсюда выбраться. Не век же мне здесь вековать, в самом деле!

При всей своей находчивости Фрика сперва ничего не мог придумать, решительно ничего. Да и что мог он сделать с этими нависшими стенами да еще вдобавок с вывихнутой ногой? Из ямы возможно было только вылететь на крыльях.

Насчет зверей он тревожился, правду говоря, очень мало. Он знал, что западня действует на них ошеломляюще, в особенности первое время. И, действительно, случается сплошь да рядом, что в тигровые ямы попадают одновременно различные животные — и хищные, и безвредные, — причем в большинстве случаев бывает так, что самые кровожадные из первых как будто даже не замечают присутствия вторых. Точно так же, когда пожар опустошает пампасы или какой-нибудь девственный лес, от общей опасности спасаются вместе бизоны, пантеры, антилопы, лошади и другие звери, бегут, толкают друг друга, не видят, не замечают

ничего, пораженные общим смятением, общей паникой.

Сидя на трупe оленя, Фрикэ предавался усиленным размышлениям. Но природа брала свое: ему страшно захотелось и есть, и пить. Он выпил глоток воды, которую нашел в луже на дне ямы, и посмотрел на оленя.

— Сырое мясо... это отвратительно; голод еще не настолько меня пронял, чтоб я стал его есть. С другой стороны, если я отрежу ломоть от оленя, очень легко может случиться, что вид окровавленного мяса возбудит в тигре аппетит, а кто поручится, что он не вздумает предпочесть кусок живого мяса добыче уже мертвой? Чего доброго... С животными этой породы надо держать ухо востро. Правда, здесь еще обезьяна, но как знать: может быть, человек ему покажется вкуснее, что тогда?.. Тогда я, конечно, разможу ему голову. Таково мое решение. Кстати, револьвер мой разряжен. Надо вставить недостающие заряды.

И Фрикэ принялся заряжать револьвер. Звук стали заставил тигра поднять голову. Животное поморщилось и заворчало на Фрикэ.

— Ну, пожалуйста!.. Нельзя ли без этих угроз. Никто их здесь не боится. Если льстецы и называют тебя царем лесных дебрей, то я покажу тебе, что человек — царь-создатель. Закрой свою пасть и молчи.

Тигр, словно послушался, замолчал и снова улегся, как изваяние.

Парижанин усиленно ломал голову, стараясь придумать какое-нибудь средство. Проекты один другого смелее приходили ему на ум, но через минуту же казались нереальными. Все они разбивались о наклонные стены усеченной пирамиды. Сначала Фрикэ хотел изорвать свою одежду на полосы, связать из них веревку и перекинуть ее через перекладины, прикрывавшие яму. Но он сейчас же увидел, что это не годится. Во-первых, перекладины были слишком тонки и не выдержали бы тяжести Фрикэ, а во-вторых, ему самому несколько не улыбалась перспектива явиться из ямы на Божий свет в чем мать родила. Его кожа совершенно не выносила тропического солнечного зноя. Можно было воспользоваться шкурой оленя, наделать из нее ремней... но жерди, ах, эти проклятые жерди! Выдержат ли они? Наконец, ему мог помешать тигр...

— А, как я глуп! — вскричал он вдруг, ударив себя

по лбу. — Есть над чем подумать! А ножик-то мой на что? Он довольно широк. Я отлично могу прорыть им ход в земле. Сделаю наклонную трубу в стене пирамиды, вот мне и выход. На это понадобится два дня. Мясо и вода у меня есть. Выход будет немного мешать, ну, да ничего. Зато как выберусь, побалую себя и отдохну всласть.

Из предосторожности он налил себе в шапку воды (шапка его была совершенно непромокаема) и поставил ее в углубление в уголке ямы, а мертвого оленя оттащил в сторону, чтоб не засыпать его землей. После этого он принялся за саперную работу.

Земля, на счастье, оказалась очень рыхлой; она состояла из песка и растительных остатков. Работа, несмотря на трудность, продвигалась с удивительной быстротой. Тяжелый нож, направляемый рукой неутомимого сапера, быстро и неуклонно проникал все дальше и дальше в землю, которая сыпалась на дно ямы.

Таким образом, Фрикэ довел свою, как он выражался, трубу почти до самого выхода из ямы; до уровня земли осталось метра два. Нужно было спуститься назад и отбросить скопившуюся у основания трубы землю, чтобы оставить доступ для воздуха.

Восхищенный успехом своего предприятия, он соскользнул на кучку мягкой земли и увидел, что тигр, заинтересованный таинственной работой, подошел к трубе и сунул морду в ее нижнее отверстие.

Это любопытство встревожило Фрикэ.

— Приятель, больно уж ты любопытен. Этак можно все дело испортить. Знай же, что я работаю для нашей общей пользы. Когда я выйду, ничто не помешает выбраться на волю и тебе. А теперь уходи пока в свой угол и не мешай мне. Да ну же, ступай! Или, может быть, ты голоден? Так не угодно ли: стол накрыт, насыщайся, сколько душе угодно... А, ты все-таки не уходишь. Постой же. Вот это тебя, наверное, заставит уйти.

С этими словами он взял револьвер и выстрелил над головой зверя, но так, чтобы не задеть его и не ранить. Фрикэ знал, что нет ничего опаснее не смертельно раненного тигра. Выстрел возымел свое действие. Оглушенный зверь отскочил назад и снова улегся в своем углу.

Не заботясь о нем более, Фрикэ отрезал ломоть от оленя, так как чувствовал страшный голод, и проглотил

его разом, не разжевав. Потом не вытерпел и, сжалившись над тигром, который выказал такое смирение и послушание, вырезал у оленя огромный кусок мяса и кинул голодному зверю, говоря:

— На, ешь!.. А ты, обезьяночка моя... очень жаль, что ты не кушаешь мяса. Больше же мне угостить тебя нечем. А живот-то тебе, небось, подвело от голода сильно... Ну, уж ничего, потерпи; за это я тебя так накормлю, когда выйдешь отсюда, что просто чудо. А теперь за работу.

Парижанин был положительно неутомим. Настала ночь, а ему горя мало. Копает себе да копает ножом. В глаза ему насыпалось земли, они распухли и болели, вывихнутая нога ныла, но он не обращал на это внимания и продолжал свое дело.

Прошли сутки. Фрикэ все рыл и рыл без отдыха, зная, что как только он сделает передышку, то будет не в силах продолжать: до того он утомился и замучился. И странное дело: звери вели себя тихо, точно понимали смысл его работы. И особенно тих был тигр, проученный выстрелами и, быть может, несколько привыкший к присутствию человека.

Настало новое утро. Фрикэ почувствовал, что час освобождения близок, и энергичнее прежнего заработал руками. До поверхности земли оставалось не более нескольких сантиметров. Вдруг парижанин услышал внизу в яме жалобный крик.

— Что там такое? Уж не тигр ли напал на мою обезьяну? Пойду посмотрю. Да кстати напьюсь: жажда просто измучила, а в шапке у меня есть немного воды.

Но Фрикэ подозревал тигра напрасно. Тот лежал на своем месте, а обезьяна, умирая от голода и жажды, каталась по земле в страшных корчах. Фрикэ самого мучила жажда, и он машинально поднес свою шапку к губам. Но потом его взгляд упал на обезьяну, которая глядела на него с такой тоской, что у Фрикэ все сердце перевернулось. Он нагнулся, приподнял обезьяне голову и влил ей в рот несколько капель воды. Обезьяна жадно схватила шапку руками и выпила все до капли, потом опять легла на землю и успокоилась.

— Бедное животное! — сказал молодой человек. — Не дать тебе напиться было бы грешно. Я так рад, что спас тебя от смерти, до того доволен, что даже пить перестало хотеться. Да, наконец, ученые утверждают,

что человек происходит от обезьяны; таким образом, выходит, что я спас жизнь своему предку.

Пять минут спустя, он уже буравил толстый слой листьев, покрывавших почву. Он был свободен! У него достало еще силы проползти несколько шагов от отверстия, которое было не шире лисьей норы, но тут усталость овладела всем его телом, и он впал в крепкий, но тяжелый сон.

Часа через три он проснулся от страшной рези в животе. Он открыл глаза, потянулся и вскрикнул от изумления. Тигр и орангутанг, выползшие из ямы вслед за молодым человеком, мирно лежали на земле рядышком около него, как будто дожидаясь его пробуждения.

Глава VIII

Красавица и зверь.— Твердость девушки.— Главарь озадачен.— Страшные, но правдивые сцены разбоя.— Корабли-гробы.— Морской разбой и английский парламент.— Взрыв на бременском рейде.— Кораблекрушители и корабль-призрак.— Драматическое свидание двух прежних друзей.— Последняя воля осужденного.— Темная история Флаксана.— Опека in extremis.— Обманчивая безопасность.

— Скажите же, наконец, милостивый государь, что вам от меня надобно?

— От вас — ничего. Вообще же, я хочу вашего счастья.

— Моего счастья?

— Конечно. Вы будете счастливы, хотя бы для этого мне пришлось поставить вверх дном весь архипелаг, поджечь с четырех концов этот остров.

— Все те же речи, все то же насилие!

— А от вас — все то же презрение ко мне; все то же упорство.

— Потому что я вас боюсь, и ваши предложения мне совершенно не нужны.

— Почему же это? Что я вам сделал?

— Как что сделали? Я прошу вас отпустить меня, а вы держите меня силой... Это для меня оскорбление...

— Бланш!

— Меня зовут мисс Флаксхан.

— Мисс... простите. Ах, если бы вы знали...

— Нечего мне больше знать. Я знаю, что я пленница.

— О, мисс...

— Да, да, пленница или узница, если хотите. Что же этот дворец для меня, как не тюрьма? Я здесь невольница. Зачем отняли меня у моих законных опекунов?

— Авантюристы они, ваши законные опекуны, как вы их называете.

— Не смейте говорить о них так. Им меня вверил, умирая, мой отец. Они честно заботились обо мне, трудились для меня, добывали мне кусок хлеба...

— Да чего же вам здесь-то недостает? Обстановка у вас роскошная, царская; ваша нога ступает по мягким восточным коврам, стены вашего жилища обиты дорогими тканями, у ваших ног целая толпа рабов всех восточных народов; дорогие камни, которые вы презрительно отбрасываете, годятся в любую царскую диадему; золота, от которого вы отказываетесь, хватило бы для сотен тысяч бедных туземцев. Вы повелеваете целым городом; лишь захотите — и вы будете царицей Океании.

— Когда я была совсем маленькой девочкой, я жила с матерью. Это была тихая, грустная, бледная женщина. Мы были очень бедны, она кормилась трудами своих рук, но никогда не жаловалась на свою участь. Изредка к нам приезжал человек высокого роста и горделивой наружности. Я помню, как крепко он целовал меня, прижимая к груди. Это был мой отец; он был моряк, вскоре он погиб в море. Вы знаете это, потому что сами говорите, что были с ним знакомы, слышите, сударь?

— Слышу, мисс, но нельзя ли спросить: к чему вы все это говорите?

— А вот к чему. Моя мать жила и умерла в бедности, научив и меня презирать богатство; а мой отец, герой войны за независимость, внушил мне любовь к свободе. Когда он умер, человек, которому он меня поручил, продолжал со своими друзьями воспитывать меня в том же духе. Я им всем обязана; благодаря им я стала тем, кто я есть. А вы, милостивый государь, что для меня сделали? За что я вам должна быть благодарна? Путем недостойной хитрости и бесчестного подлога вы меня выманили из учебного заведения и поселили в этом дворце, который для меня хуже тюрьмы. Я люблю простоту, а вы меня окружаете роскошью и набобом. Вы меня принуждаете ко всему, что мне не нравится. Очевидно, у вас намерения бесчестные, бессовестные.

Разговор происходил во дворце борнейского магараджи

— Как, мисс? Разве я не относился к вам постоянно с самой глубокой преданностью, с самым глубоким уважением?

— Еще бы! Недоставало только, чтобы вы к бесчестности присоединили грубость.

— Мисс!..

— Знайте, сударь, если бы я не надеялась, что рано или поздно придет час моего избавления, то я давно прибегла бы к смерти, как к надежной избавительнице от позора.

— К смерти! Сохрани Бог!.. Что вы такое говорите!

— А что же? Вас это удивляет? Знайте же, что во мне с детства развито презрение к смерти. Я не побоюсь ее, я всегда предпочту ее позору.

Такой разговор происходил во дворце борнейского магададжи. Личность, говорившая так смело с человеком, привыкшим ко всеобщему перед ним преклонению и трепету, была совсем еще молоденькая девушка, почти ребенок.

Семнадцати лет, стройная, высокая, молодая мисс бесстрашно глядела на своего собеседника, приводя его в смущение своими смелыми речами и взглядами. Голос ее по временам дрожал от негодования, и на глазах выступали непрошеные слезы обиды, но пламя, сверкавшее в этих молодых черных очах сейчас же осушало их. Прелестный контраст с черными глазами составляли белокурые волосы, падавшие густыми, тяжелыми локонами из-под легонькой фетровой шляпки с белым страусовым пером. Розовая кожа лица была нежна, как бархат, а свежий цвет ее еще не успел поблекнуть от горя и забот. Правильный нос с небольшой горбинкой и трепещущими ноздрями придавал решительное выражение лицу, которое смягчали алые губки необыкновенно нежной формы.

Несмотря на ранний утренний час и на тропический зной, мисс Бланш была одета в полный костюм из легкой серой материи с короткой юбкой; на ее крошечных ножках с высоким подъемом были надеты высокие ботинки; это был настоящий дорожный туалет. Бланш носила его постоянно, желая быть в любую минуту готовой ко всем случайностям.

Ее собеседник был тот самый человек, который привез на «Конкордию», находившуюся под карантином, экипаж из малайцев; тот самый человек, который напугал синьора Пизани и перед которым трепетали и преклонялись все бандиты моря, — одним словом, это был сам главарь. Изящно одетый в европейское платье, он для беседы с молодой особой отложил в сторону свою зеленую чалму и одежду меккского пилигрима, которые внушали фанатичным мусульманам Борнео полное почтение к неведомому пришельцу.

Несмотря на крайне учтивое, почтительное обращение главаря с девушкой, под всей его джентльмен-

ской внешностью так и проступали черты дикого зверя. Печать неукротимых страстей лежала на его бледном, бескровном лице с синими жилами на лбу. По временам эти жилы надувались при особенно резких выражениях девушки, но в ту же минуту он подавлял в себе душевную бурю и снова принимал бесстрастный, холодно-учтивый вид благовоспитанного человека. Несмотря на всю эту сдержанность, улыбка его бледных губ под крючковатым носом делала его похожим скорее на черную пантеру, чем на человека.

Главарь был удивлен сопротивлением, которое оказывало ему молодое, слабое создание. Молодая девушка знала, что, находясь в его власти, она играет в опасную игру, но храбро шла навстречу опасности. Он же видел, что она не шутит, что она способна поступить так, как говорит, и потому не отвечал на ее резкости.

Какими судьбами, однако, молодая девушка очутилась в обществе главаря в городе Борнео, во дворце у раджи? Каким образом попала красавица к зверю?

Расскажу все по порядку, начиная с истории отца мисс Флакхан и того человека, который похитил ее.

В 1876 году число морских катастроф до такой степени увеличилось, что не могло больше быть сомнения в присутствии здесь чьего-то злого умысла. Правительства заволновались, в палатах были сделаны запросы, и, между прочим, в английском парламенте, где лорд Гранвилль сказал замечательную речь, имевшую следствием созыв особой секретной конференции между представителями держав. «Милостивые государи,— сказал этот выдающийся государственный деятель,— непомерное увеличение числа кораблекрушений за последние годы убеждает меня в том, что нет нации, корабли которой были бы в настоящее время в безопасности на море. Для меня, как и для многих из вас, нет более сомнения в том, что существует целое общество кораблекрушителей; я даже могу представить документы в доказательство того, что это общество в больших масштабах эксплуатирует страховые компании, истребляя корабли с застрахованным по высокой цене грузом...»

Документы, доставленные лордом Гранвиллем, были как нельзя более убедительны. Перечислив все корабли, исчезнувшие за последний недолгий период, он привел точную цифру их действительной стои-

мости, терпеливо разыскав ее по ведомостям всех портов, и сопоставил с итогом страховых полисов. Громадная разница между двумя цифрами вызвала всеобщее изумление. Стало очевидно, что ради низкой наживы приносились в жертву тысячи людей и что многие миллионы обманом перешли в руки каких-то неведомых негодяев.

Итак, было официально констатировано существование кораблей-гробов, то есть кораблей с застрахованным грузом, заранее предназначенных к потоплению; а затем, в один прекрасный день, открыт был и самый способ «крушения» кораблей. На Бременском рейде стоял купеческий корабль «Мозель», готовый к выходу в море. Погрузка была окончена. На другой день предстояла посадка пассажиров. Оставалось загрузить еще несколько тюков, как вдруг на верфи, около которой стоял «Мозель», раздался ужасный взрыв. Четыре носильщика, несшие один из тюков, были убиты наповал. Собственник груза, некто Томас, дрезденский уроженец, наблюдавший за погрузкой, получил смертельную рану. За несколько минут до смерти этот человек раскаялся и сознался, что в тюках было огромное количество динамита. Взрыв должен был произойти по выходе корабля в море посредством особой пружины, приведенной в действие часовым механизмом, который был заведен на неделю. Этот взрыв должен был совершенно уничтожить корабль. «Мозель», застрахованный в нескольких обществах в десять раз дороже стоимости, спасся лишь чудом.

Томас так и умер, не выдав своих сообщников.

Таким образом, случайное обстоятельство обнаружило один из способов, употребляемых кораблекрушителями. Открытым оставался лишь вопрос о нападениях на корабль; он был еще сложнее и запутаннее. На помощь явился новый случай, он-то и прояснил, наконец, тайну.

Один из самых блестящих офицеров нашего флота решил взяться за преследование кораблекрушителей. При поддержке министерства, которое предоставило в его распоряжение крейсер третьего ранга, этот офицер, барон де Вальпра, после недолгого плавания убедился, что какое-то чрезвычайно быстроходное судно, снабженное боевым тараном и грозной артиллерией, являлось исполнителем замыслов преступного общества. Этот таинственный корабль обладал способ-

ностью постоянно менять свой внешний вид, так что делался совершенно неузнаваем; он плавал под всевозможными флагами; корабельные книги и документы были у него всегда в порядке и написаны на разных языках, так что никакое начальство не могло ни к чему придраться. Предназначением этого морского палача было грабить и топить почтовые и торговые суда, указанные ассоциацией. Цель почти всегда достигалась, и несметные богатства сообщества все росли и росли.

Центр пиратской ассоциации находился в Париже, а второстепенные агенты были рассеяны по всем точкам земного шара. Главарь ассоциации, при котором состоял особый совет, официально принадлежал к классу парижских финансистов. Он имел большие связи в свете и вел роскошную жизнь денежного туза. Его агенты, принадлежавшие ко всевозможным классам общества, были представителями различных национальностей. Тут был горный немецкий чиновник, и дикарь-паликар, чопорный англичанин и хвастливый бразилец, хитрый китаец и грубый янки, косоглазый малаец и людоед-зеландец, работороговец с Гвинейского берега и дикий камчадал, живорез-индус и фанатик-занзибарец. И весь этот сброд повиновался единой для всех власти; каждый участвовал в дележе общей прибыли сообразно своим заслугам.

Несмотря на превосходную организацию этого сообщества, барону де Вальпрэ удалось нанести ему смертельный удар. Он узнал от одного из матросов тайственного судна некоторые подробности, помогшие ему застичь пиратов в самом их гнезде. В экспедиции барона, командовавшего крейсером «Молния», участвовали, между прочим, и Андрэ Бреванн, доктор Ламперриер, Пьер де Галь и Виктор Гюйон.

Преследуемый корветом «Молния», корабль пиратов на глазах французов погрузился вдруг во внутреннюю лагуну одного из атоллов. Очевидно, это был привычный маневр для бандитов моря. Бывшие на корабле пираты укрылись в подземных пещерах, устроенных природой в коралловых стенах рифа. Помещения в этих пещерах были обставлены с невероятной роскошью и служили для бандитов убежищем и местом отдохновения. С «Молнии» был отправлен небольшой десант, который проник в прочно защищенное подземелье. Героизм французских матросов преодолел все препятствия, и бастион был взят с бою. Проходя по тем-

ному коридору, изредка освещавшемуся вспышками выстрелов, Андрэ Бревани наткнулся на плотную дверь из тикового дерева. Он сломал об эту дверь свой топор и призвал на помощь соратников, как вдруг дверь растворилась сама, и на пороге появился человек, вооруженный револьвером. Произошел короткий, но отчаянный бой. Молодой француз одолел и обезоружил противника. Когда свет, шедший из двери, упал на лицо побежденного, Андрэ вскрикнул от неожиданности и потрясения. Он узнал одного из героев гражданской войны в Северо-Американских Штатах, который впоследствии храбро отражал прусское нашествие на Францию. Этот человек был американец Флак-схан, капитан Флаксхан, одаренный, храбрый моряк; в последнее время Андрэ встречался с ним нечасто, и во время их редких встреч капитан казался всегда каким-то грустным, расстроенным. Разговор между приятелями был недолог. Андрэ избавил друга от позорной казни и дал ему шанс самому покончить с жизнью. В благодарность за это американец поведал Андрэ, каким образом он погрузил корабль в бездну.

— Андрэ, — сказал он, — наступила для меня великая минута. Я умру, искупив свою вину. Времени у меня немного, слушай же, что я тебе скажу... Я сделался бандитом и капитаном бандитов вследствие страсти к игре. Это меня разорило. В один прекрасный вечер я проиграл все, что имел. Я хотел застрелиться, но вспомнил о дочери.

— У тебя есть дочь! — вскричал Андрэ.

— Да, и я ужасно ее люблю. Мне не хотелось оставить ее сиротою без всяких средств. В самую критическую минуту подвернулся мой счастливый партнер, обыгравший меня. Это был богатый финансист. Он отнял у меня пистолет, который я уже приставил к виску, согласился взять с меня вексель вместо наличных денег и предложил мне место капитана на корабле, арматором которого он был. Я с восторгом принял предложение, ничего не подозревая. Судно вышло в море и... понимаешь... это судно оказалось пиратским!.. Тщетно старался я потом сбросить с себя цепи. Эти негодяи похитили мою дочь, сделав ее своей заложницей. Я боялся, что ее убьют, если я не буду повиноваться. Таким образом я превратился в злодея. Я стал убивать, чтобы жива была Бланш! Понимаешь ты это? Понимаешь ты весь ужас моего положения?.. Постепенно

я свылся с этим занятием, втянулся и стал спокойно исполнять отвратительную обязанность морского палача... Изредка мне позволяли видаться с дочерью, как бы в награду за усердие. Вывать ее из рук негодяев я не мог. Мне было объявлено, что малейшая попытка с моей стороны будет означать для девочки смертный приговор. Впрочем, моя дочь получала хорошее образование: она воспитывалась вместе с дочерью того самого господина, который держал в своих ежовых рукавицах всю пиратскую орду. Этот человек и сейчас занимает в обществе высокое положение, пользуясь самой безупречной репутацией. Теперь, Андра, ты знаешь все. Через две минуты меня не будет в живых. Вот бумаги, освещающие деятельность нашей ассоциации. В твоих руках они будут грозным оружием. С их помощью ты можешь отнять у негодяев мою дочь. Сделай это, непременно сделай. Я тебя умоляю. Тем более, что после моей смерти им не будет никакого расчета держать ее у себя. Пусть Бланш не знает, кем я был... Будь для нее отцом.

— Клянусь тебе, Флакшан, что твоя дочь будет моей дочерью. Твоя память останется для нее незапятнанною, священной. Умри спокойно! Прощай!

Через несколько минут американец умер, погубив вместе с собой всех бандитов, укрывшихся в пещерах.

Возвратясь во Францию, Андра Бревани сдержал свое слово. Пустив в ход документы, представленные Флакшаном, он добился, чтобы ему отдали девочку. Потом, в согласии с бароном де Вальпрэ, он представил властям весьма веские доказательства, вследствие чего отдало было распоряжение об аресте финансиста. Предупрежденный своими клеветами, глава ассоциации попытался бежать через водосточную трубу, имевшую сообщение с его домом. На следующий день, после проливного дождя, на мостовую выплыл труп, по многим приметам очень похожий на преступного финансиста, хотя лицо у трупа было изъедено крысами.

Как бы то ни было, после потопления корабля и исчезновения главы преступного союза наши друзья успокоились, полагая, что с сообществом покончено навсегда. Они прожили три года в совершенном спокойствии, как вдруг с ними случилось несчастье, разорившее их почти до нитки.

Андра не хотелось, чтобы его приемная дочь узнала

когда-нибудь нужду. Посоветовавшись с Фрикэ и доктором Ламперриером, он решил отправиться искать счастья на Суматру. Доктор предоставил в распоряжение своих друзей все свое состояние. Возникло маленькое товарищество, основанное на взаимном доверии, которое они сообща окрестили «товариществом странствующих плантаторов».

Бланш была отдана в одно из лучших частных учебных заведений Парижа, и три друга отправились в Индийский океан, захватив с собою Пьера де Галя и молодого негра, которого они называли Князьком.

Дела товарищества шли отлично, вплоть до описанных нами в начале романа событий, как вдруг Андре получил страшную весть о похищении своей приемной дочери.

Имя похитителя явилось для них страшным открытием. Они знали, что за человек Венсан Боскарен и на что он был способен. В следующей главе мы подробно опишем эту темную личность.

Глава IX

Страничка из новейшей истории Японии. — Тайкун и микадо. — Двадцатилетний француз делается японским адмиралом. — Печальные последствия морской битвы. — Полтора миль в железной клетке. — Торжественное лишение живота одного японского дворянина. — Удивительные приключения бывшего адмирала. — Главарь кораблекрушителей. — Учитель и его достойный ученик. — Наследство учителя. — Проекты бандита. — Опасное положение некоего монарха. — Между двух огней.

Если факт приобщения японского народа к европейской цивилизации вообще может казаться удивительным, то еще изумительнее то, что на это потребовалось лишь несколько лет. В 1853 году американский адмирал Парри совершил первую серьезную попытку проникнуть в эту империю, которая была так же изолирована, как и Китай; попытка удалась, и результатами ее воспользовались, помимо американцев, также русские, французы и англичане, открыв себе доступ в некоторые порты Японии. Тайкун Иеоски сделал в этом направлении первый шаг и решился лишить голландцев исключительной привилегии вести сношения с Японией, сделав эту привилегию правом всех наций. Японское общество довольно косо посматривало на это нововведение, одобренное принцем Икаммоном, ко-

торый сделался регентом при малолетнем Иесаду, сыне и преемнике Иеоски. Воспитанная веками ненависть японцев ко всему иностранному вспыхнула с невиданной силой и нашла себе опору в японском дворянстве, которое с ожесточением воспротивилось непопулярной политике. Даймиосы (господа, князья), лишившись права на взимание таможенных пошлин, которые всецело стали поступать в казну тайкуна, восстановили народ против иностранцев и спровоцировали его на насилие и убийства. Во время беспорядков было убито много англичан и французов; тогда в 1863 году перед Иеддо явились соединенные англо-французские силы с требованием удовлетворения. Тайкун уверил их в своей невиновности, в том, что даймиосы ему не повинуются, но все-таки возместил убытки, причиненные европейцам. После этого английский флот опустил гавани князей сатсумского и нагатского.

Явная враждебность населения и двусмысленный образ действий правительства едва не вызвали в том же году новых репрессалий со стороны названных европейских держав, но в это время (в мае 1863 года) тайкуном сделался энергичный Стотсбахи, сын Мито. С 1863 года до 1868 года Стотсбахи успешно боролся с восстанием южных даймиосов и честно исполнял договоры, заключенные с европейцами, надеясь, что сближение с последними поведет к полному возрождению страны.

В то время в Японии было два государя: духовный — микадо и светский — тайкун. Власть обоих была наследственной; а так как власть тайкуна была ограничена советом даймиосов, то неременным условием его неограниченного господства было полное повиновение даймиосам Японии, так как даймиосы были неограниченными владыками в своих феодальных поместьях. Если же он отдавался даймиосам в руки, то распорядителем судеб Японии являлись они и своевольничали во вред народу. Впоследствии в 1868 году микадо Муццукито объединил в своих руках духовную и светскую власть.

Не будучи в силах подавить восстание и видя, что затягивание спора ведет к разорению государства, Стотсбахи обратился к микадо с просьбой созвать сейм магнатов империи для пересмотра основных законов и учреждения правительственной власти на более прочной основе. Сейм оказался крайне бурным и окончился

переворотом, который устроили южные даймиосы. Они увлекли в свой лагерь микадо и его двор, разогнали приверженцев тайкуна и издали декрет, по которому исполнительная власть безраздельно передавалась микадо. Тайкун Стотсбахи приготовился к борьбе, собрал приверженцев и был побежден лишь после отчаянного сопротивления.

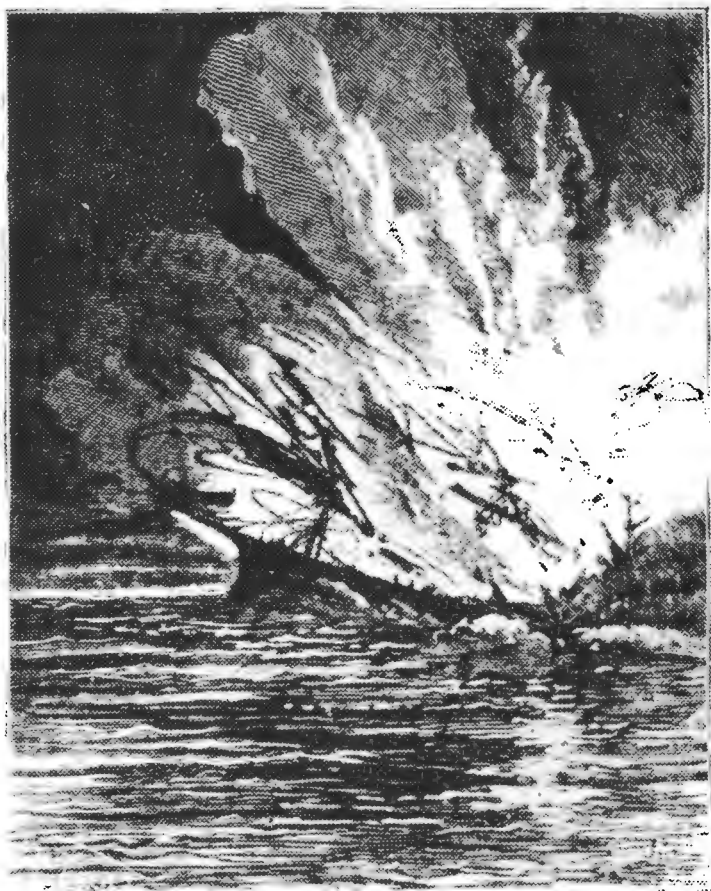
В одном из драматических эпизодов этой борьбы фигурирует та таинственная личность, с которой так смело препиралась Бланш, приемная дочь Андрэ Бреванна.

Во время созыва сейма даймиосов на Иокогамском рейде стояло французское военное судно. На этом корабле был один гардемарин, очень храбрый, предприимчивый и, несмотря на крайнюю молодость (ему было лет двадцать, не более), снедаемый ненасытным честолюбием. Звали его Венсан Боскарен. Сообразив, что в условиях смуты, раздиравшей Японию, можно сделать быструю карьеру, он, недолго думая, предложил тайкуну свои услуги. Он поделился своими надеждами с одним товарищем, увлек его своими идеями, и оба они были приняты с почетом. Тайкун, нуждаясь в опытных людях, дал каждому под командование по военному пароходу, пожаловал тому и другому чин адмирала и возвел обоих в звание даймиосов первой степени.

В проливе Цугару, отделяющем остров Нипон от острова Иессо, произошло большое морское сражение. Двадцатилетний адмирал проявил удивительное мужество и замечательное искусство. Казалось, что дело решенное и тайкун Стотсбахи одержит верх над микадо Муццукито и соединит в своих руках и духовную, и светскую власть. Боскарен уже собирался торжествовать победу, как вдруг измена голландца-машиниста погубила все дело. Изменник умышленно совершил не тот маневр, какой ему велели, и завел пароход в самый центр неприятельского флота.

Молодой адмирал разможил ему голову, но дело все же было проиграно. Окруженный превосходящими силами, он принужден был бросить свой пароход, сойти на берег и пуститься на последнее средство — поднять прибрежных жителей против духовного владыки. Измена машиниста погубила также и другой корабль, против которого были сосредоточены все силы флота микадо. Видя, что все пропало, товарищ Боскарена предпочел плену смерть и храбро взорвал себя с кораблем.

Товарищ Боскарена взорвал себя вместе с кораблем

Надежда Боскарена привлечь на свою сторону береговых жителей не оправдалась. Он наткнулся на верных подданных микадо, которые его схватили, связали и посадили в норимон — род паланкина с железной решеткой. С мыса Татсуби, что на южном берегу Нипона, его повезли в Иеддо, так что ему пришлось проехать всю страну в безобразном и неудобном экипаже, напоминающем знаменитую железную клетку кардинала Ла-Балю.

Его судили военным судом и единогласно приговорили к смерти. Декрет побежденного тайкуна, делавший французского дезертира вельможным японским дворянином, оказался вступившим в силу. Француз был признан в дворянском достоинстве и ему предстояла казнь, составляющая привилегию знати. Гражданин древнего Рима мог быть казнен только мечом. Японский дворянин удостоивался чести самому себе вспороть живот.

Эта церемония, известная под названием харакири, совершается всегда с большой торжественностью. В особую назначенную для обряда залу вводится осужденный в белой одежде в сопровождении друзей, обвинителей, защитников и судей. Он садится на белый ковер с красной каймой, а сзади него становится его лучший друг или родственник с длинной и тяжелой японской саблей в руках. Этот человек обязан отрубить осужденному голову, как только тот вспорот себе живот. Оружие казни представляет острый, как бритва, нож. Его торжественно подносят осужденному на серебряной тарелке; такой обряд напоминает церемонию поднесения шелкового шнура визирю, на которого прогневался султан. Осужденный твердой рукою хватается нож и всаживает его себе в живот по рукоятку. В эту минуту стоящий позади друг одним ударом сносит осужденному голову с плеч.

Боскарен мужественно решил подчиниться второй половине обряда, то есть отсечению головы, но от предварительной операции отказался на том основании, что он иностранец и обрядов не знает. Этот аргумент был принят во внимание; по прочтении приговора над ним занесли уже саблю, как вдруг поступил приказ, отменявший казнь. Полномочный министр Франции при японском правительстве настойчиво вступился за соотечественника и добился того, что в решительный момент казни его отпустили на все четыре стороны с должным внушением впредь не вмешиваться в дела иностранных государств.

Из списков флота он был, разумеется, вычеркнут и долго гранил мостовые в Иокогаме. Перепробовав всевозможные ремесла, чтобы не умереть с голоду, Боскарен вернулся, наконец, во Францию, поступив простым матросом на купеческий корабль. Озлобленный на весь мир, влачил он грустное существование до событий франко-прусской войны.

К этому времени он обеднел до того, что вынужден был поступить солдатом в батальон пеших егерей, чтобы избежать голодной смерти. Он сражался храбро, даже мечтал об эполетах, тем более, что обстоятельства ему благоприятствовали, и начальство готово было закрыть глаза на его прошлые грешки, как вдруг опять случилась неудача. В одной битве он попал в плен и был отправлен в Ульм. Он бежал оттуда, проявив необычайную смелость и энергию.

На австрийской границе его чуть живого нашел один французский финансист и увез к себе. Неожиданного благодетеля звали граф Заверэ. Читатель догадывается, я думаю, что этот господин был никто иной, как глава сообщества кораблекрушителей.

Граф скоро был изумлен многогранными способностями Боскарена, его замечательным упорством в труде, а также глубоким знанием морского дела и взял к себе в секретари. Граф был знаток в людях и понял, что Боскарен для него находка. Он, как в книге, читал в этом сердце, истерзанном завистью, иссушенном неудовлетворенною страстью к карьере. Он сказал себе: «Вот человек, в котором не осталось никаких иллюзий, у которого нет никаких привязанностей, никаких предрассудков, который не остановится ни перед чем, лишь бы добиться успеха. Этот человек будет мне отличным помощником». И он посвятил Боскарена в тайну своего преступного сообщничества, постепенно одну за другою раскрыл перед ним все гнусные подробности. Честолюбие неудачника выиграло, когда он понял, сколько рыбки можно наловить в мутной воде.

О, удача! Вечный горемыка и неудачник получил, наконец, возможность бороться с тем самым обществом, которое его не хотело признать.

Он очень скоро сделался правой рукой главаря бандитов моря. Он окунулся в вихрь удовольствий парижской жизни, зажив с неслыханной роскошью, и начал сорить деньгами направо и налево, тем более, что его патрон не отказывал ему ни в чем. Из своих роскошных апартаментов они руководили действиями сотен подчиненных, топили корабли, наживали миллионы. Сохраняя безупречную репутацию в свете, они долгое время действовали в полнейшей безопасности.

Главарь уже подумывал передать все свои полномочия своему помощнику и удалиться на покой, пожав лавры, а Боскарен мечтал о неограниченной власти,

как вдруг приключилась описанная нами катастрофа, когда капитан Флаксхан был загнан французским кораблем в пещеру безыменного атолла и погубил вместе с собою своих сообщников, выдав преследователям компрометирующие документы. Граф Жаверэ умер или, по крайней мере, властями было констатировано, что умер, а Боскарен вынужден был уйти со сцены, скрежеща зубами от ярости; о преемничестве не могло быть и речи, так как не все соучастники признали бы над собою власть Боскарена, да и безопасность требовала, чтобы ассоциация распалась хотя бы на время.

В руках бандитов моря осталась дочь Флаксхана — Бланш. Ее жизнь была залогом повиновения отца. Воспитанная вместе с дочерью графа, молодая девушка находилась в той поре жизни, когда ребенок превращается в девушку. Бланш произвела на Боскарена сильное впечатление, в нем загорелась пламенная страсть. Нет возможности описать ярость, охватившую его, когда Андрэ потребовал выдачи мисс Бланш. В течение нескольких лет он выслеживал покровителей девушки, опутывал их целой сетью интриг, ища случая устранить их и снова завладеть добычей.

Покровители девушки были начеку и ловко обходили все козни неугомонного врага. Боскарен, страсть которого росла, понял, наконец, что ему ничем не удастся сокрушить этих неустрашимых людей, покуда их независимость будет обеспечена хотя бы самым скромным состоянием. Поэтому он решил нанести им прежде всего имущественный ущерб, надеясь, что, разорившись, они станут уступчивее. Из троих друзей состояние было только у Андрэ и Ламперриера, да и то незначительное. Полные нежной заботы о Бланш, они, как люди бескорыстные, довольно беспечно относились к деньгам. Столковавшись с разными биржевыми дельцами, Боскарен без труда добился в несколько месяцев разорения своих противников. После нескольких банкротств все денежные сбережения трех друзей иссякли, так что разоренные даже и не предполагали, откуда был нанесен поразивший их удар.

Но для таких людей, как они, подобная катастрофа ничего не значила. Они сейчас же принялись думать о том, как бы приобрести новое состояние для их приемной дочери. В биржевой игре они ничего не смыслили, зато слыхали о девственных землях Океании, где энергичному человеку нетрудно быстро разбогатеть.

И вот, недолго думая, друзья отправились в далекий путь в неведомые страны. «Go ahead! На Суматру!» — провозгласили они. К несчастью, они совершили одну ошибку: не взяли с собой Бланш. Впрочем, как им было ее взять? Незнакомый климат, неведомые болезни, ядовитые гады, страшные звери!..

Для обеспечения безопасности девушки были приняты самые тщательные меры. Бланш была поручена заботам начальницы одного пансиона, достойнейшей, неподкупной женщины и к тому же близкой родственницы доктора Ламперриера. От нее не скрыли, что она берет на себя исполнение поручения большой важности. Наконец, друзей успокаивало еще то обстоятельство, что их неумолимый враг давно не подавал никаких признаков жизни.

И вдруг к ним примчалась неожиданная вест!

Страсть не отняла у Боскарена способностей к интриганству и не ослабила его энергии. Лишенный тайной власти, он не сложил оружия. Однажды он долго сидел над картой полушарий и изучал ее, размышляя, соображая, обдумывая. От японских островов, театра его первых неудачных подвигов, взгляд его перешел на Индо-Малайских архипелаг, пестривший большими и малыми пятнами, на которых значились названия: Суматра, Ява, Целебес, Филиппинские острова, Борнео...

«Почему не попробовать! — сказал он сам себе. — Здесь живет дикое племя, необузданное цивилизацией, да вряд ли цивилизации и удастся когда-нибудь его обуздать. Свирепые малайцы, неукротимые мусульмане, алчные китайцы, — все это разноликое племя торгует, грабит, убивает, живет и умирает без всякой пользы, повинувшись только слепой судьбе. Для них разбой и воровство — такое же природное занятие, как для наших крестьян хлебопашество. Если бы явился среди них человек, который сумел бы взять их в руки, дисциплинировать, подчинить их действия одной общей цели, то из этой смеси образовалось бы настоящее государство. С ними можно было бы вернуть эпоху морского пиратства и незримо властвовать в Индийском архипелаге... Я в состоянии это осуществить. Да. Я миллионер. Там я буду королем, императором, чем угодно, вообще властителем индо-малайских островов. Дело не в звании. Звание можно будет придумать потом. Пусть я буду хоть султаном Борнео с верхов-

ной властью над соседними островами... А она будет моею султаншей. Неужели Бланш устоит против подобного сана? Разумеется, нет! На свете не найдется ни одной женщины, которая не соблазнилась бы короной. Наконец, я увлеку ее мыслью об окультуривании варварских земель, о зарождении зачатков цивилизации... Боже мой! Я задыхаюсь! Я сойду с ума!.. Черт знает, что со мной делается при одной мысли, как это все будет хорошо... Но пока довольно. Поживем — увидим.

Ассоциация «бандитов моря» имела многочисленные разветвления среди жителей Индо-Малайского архипелага, этих неисправимых пиратов от природы. Сообщники кораблекрушителей хотя и поняли, что вождь их куда-то исчез, но не прекратили своих разбойничьих подвигов. Но все это уже было не то, что прежде; опасности возрастали; бандитам не доставало руководящего начала. Правда, в их руки попадалась иногда богатая добыча, но зато часто случались и страшные неудачи. Запасная касса, страховавшая от неудач, была закрыта; любезность консульских агентов куда-то улетучилась; кредит пропал, купцы перестали отпускать в долг товары и оружие; неоткуда больше стало получать точнейшие сведения о грузах и о маршрутах плавания купеческих кораблей. Бандитам пришлось действовать на ощупь, получая ударов более, чем нанося их.

Одним словом, разбой находился в полном упадке, когда Венсан Боскарен взялся оживить его снова. Понятно, что его приняли с распростертыми объятиями, как спасителя; он явился в скромном костюме мексикского пилигрима и с кучей подарков для беспечного монарха, которого он задумал низложить. Хорошо понимая, что в стране, куда он прибыл, фанатизм значит многое, он придавал себе строго благочестивый вид хаджи (богомольца), только что вернувшегося из святых мест. Звание хаджи и великолепное знание арабского и малайского языков, а также хорошее знание священного писания снискали ему всеобщее уважение. Он объехал и обошел весь архипелаг, собирая старых сообщников и вербуя новых, причем очень ловко сыпал подарками и религиозными текстами, разжигал мусульманский фанатизм и незаметно проповедовал нечто вроде священной войны, которая, разразившись, должна была иметь ужасные последствия. В какие-нибудь четыре ме-

сяца он взбудоражил весь остров Борнео. При этом он действовал так ловко и сумел внушить такое доверие к себе, что, несмотря на его лихорадочную деятельность, ни до местных властей, ни даже до европейских представителей не дошло никаких сведений о темной цели, к которой он стремился.

Окончив свои приготовления, укрепив свою духовную власть и кругом одурачив раджу Борнео, он решился все поставить на карту. Получая систематические сведения обо всем, что делали пятеро друзей, он прежде всего позаботился выкрасть молодую девушку из Парижа и привезти ее на Борнео. Для ловкого, опытного интригана ничего не стоило обмануть начальницу пансиона. Честная женщина легко попала в ловушку плута, и выдала ему Бланш по подложному письму.

Сделав этот первый шаг, Боскарен окончательно учредил организацию бандитов моря и так укрепил над ними свою власть, что низложение магараджи сделалось вопросом нескольких дней. Все шло как по маслу. Оставалось только добиться от Бланш согласия выйти за него замуж. Но ни мольбы, ни угрозы, ни обольщения не могли сломить несокрушимую энергию девушки, решившей во что бы то ни стало выйти из ненавистной тюрьмы и возвратить себе свободу.

Воспитанница Андрэ жила в роскошных апартаментах под строгим надзором двух фанатичных поклонников лжемусульманина и виделась только с одной мулаткой с острова Мартиники, которая исполняла при ней обязанности компаньонки. Эта преданная, великодушная креолка всей душой привязалась к своей молодой госпоже. Ей удалось отправить с китайцем на Суматру печальную весть о похищении Бланш.

Таково было положение дел в то время, когда, с одной стороны, Боскарен готовился поднять мятеж малайцев Борнео, а с другой стороны, Андрэ собирался вести восставших даяков под стены столицы.

Разговор мисс Бланш с похитителем был внезапно прерван страшным шумом, поднявшимся в городе. По улицам бежал народ с криками ужаса. Трещали барабаны, отовсюду неслись громкие призывы к оружию.

Глава X

Фрикэ берет на себя заботу о пропитании своих диких товарищей. — Зинтрак обезьяны. — Дикая выходка тигра. — Прodelка обезьяны. — Напоротники на Борнео. — Как может усталый путник найти в деревьях кувшины с водой. — Nepenthes Distillatoria. — Безграничная снисходительность Фрикэ. — Парижанин берет костыль. — Simia pitugus, или орангутанг. — Большая человекообразная обезьяна с острова Борнео.

Фрикэ очень удивился, проснувшись в обществе двух своих соночлежников; хотя он был очень храбр и силен, но все-таки положение показалось ему несколько рискованным.

Он широко раскрыл глаза, потом рот, зевнул, потянулся и попробовал встать, но тут же опять упал на землю. Обезьяна и тигр сделали точно такое же движение и точно так же повалились на землю с тяжелым стоном.

Фрикэ припомнил все, что было: плен, бегство, падение в тигровую яму, саперную работу и выход из ямы через проход, пробитый ножом. Боль в ноге напомнила ему о вывихе, а дикие звери об опасности подобного соседства.

Когда прошло первое волнение, он решил дружески поздороваться с соседями:

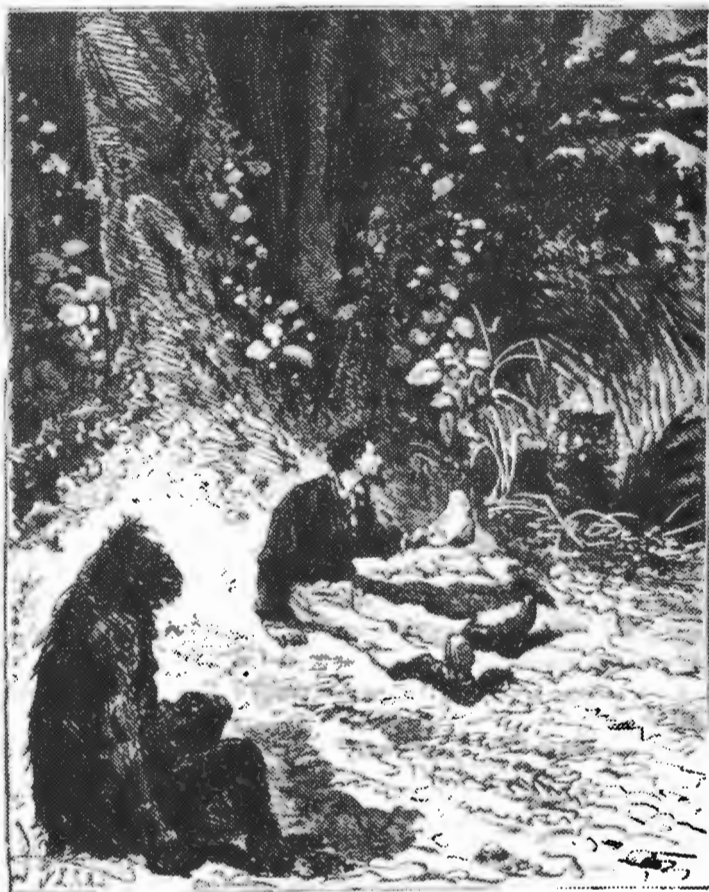
— Здравствуй, тигр... здравствуй, обезьяна... здравствуйте, подневольные мои товарищи. Мы вместе попали в яму и вместе выбрались из нее; будем же друзьями.

При звуке человеческой речи обезьяна надула щеки и с шумом выпустила изо рта воздух, а тигр раскрыл пасть и громко зарычал.

Фрикэ улыбнулся и продолжал:

— Ты, сударыня-обезьяна, говоришь: ух? Что это значит? Я не понимаю. Во всяком случае, по наружности ты добродушная, и ты не ощетиливаешься. Это очень хорошо. Зато уж ты, батюшка-тигр, никуда не годишься. Чего ты ворчишь, скажи на милость? Свежего мяса, что ли, захотел? Так знай, что у меня есть револьвер. Мне бы очень не хотелось вышибить глаз такому прекрасному зверю, как ты... А! Понимаю! У тебя сломана передняя лапа, и ты не можешь ходить. Что же делать? Я не хирург, лечить тебя не могу. А ты что смотришь так грустно, обезьяна? Знать, и ты не в лучшем положении? Заднюю ногу волочишь, а? Очень жаль. У меня у самого вывих.

Фрикэ удивился, проснувшись в обществе своих соночлежников

Странное дело. Этот поток речей произвел на животных какое-то успокоительное действие. Свирепая обезьяна поморгала глазами, почесала затылок, фукнула раза три-четыре и опять улеглась, помотав головою. Страшный тигр, укрощенный пристальным взглядом молодого человека, перестал царапать землю здоровой лапой и лишь повел несколько раз ушами.

— Очень хорошо, — сказал обрадованный Фрикэ. — Если вы успокоились и не собираетесь меня растер-

зять сию же минуту, то я уж и подавно не причиню вам зла. Напротив, я о вас даже позабочусь.

Место, где находился молодой человек и его дикие товарищи, представляло лесную чащу. Кругом высились огромные деревья всевозможных пород, а почва была покрыта растительным перегноем. Фрикэ очень скоро нашел, чем утолить голод обезьяны. Поблизости росло множество хвойных деревьев из породы *Docrudium*, выделявших своей пирамидальной формой и темною зеленью; на нижних ветвях их торчало множество спелых шишек, заключавших внутри вкусные, сочные ядра.

Не спуская глаз с тигра, свирепость которого справедливо внушала беспокойство, парижанин подполз под деревья, собрал обильный запас плодов и вернулся к обезьяне, которая смотрела на него, неподражаемо гримасничая от удовольствия.

— А, душа моя, ты, видно, действия-то понимаешь лучше слов, — сказал Фрикэ. — Хорошо. Так как мне здесь, может быть, долго придется пробыть, то я постараюсь завоевать твое сердце через твой желудок. Кушайте, господин орангутанг, насыщайтесь.

Обезьяна, увидав свои любимые плоды, радостно заволновалась. Она протянула руки, безбоязненно схватила поданную ей шишку, положила в рот и разгрызла ее своими мощными челюстями.

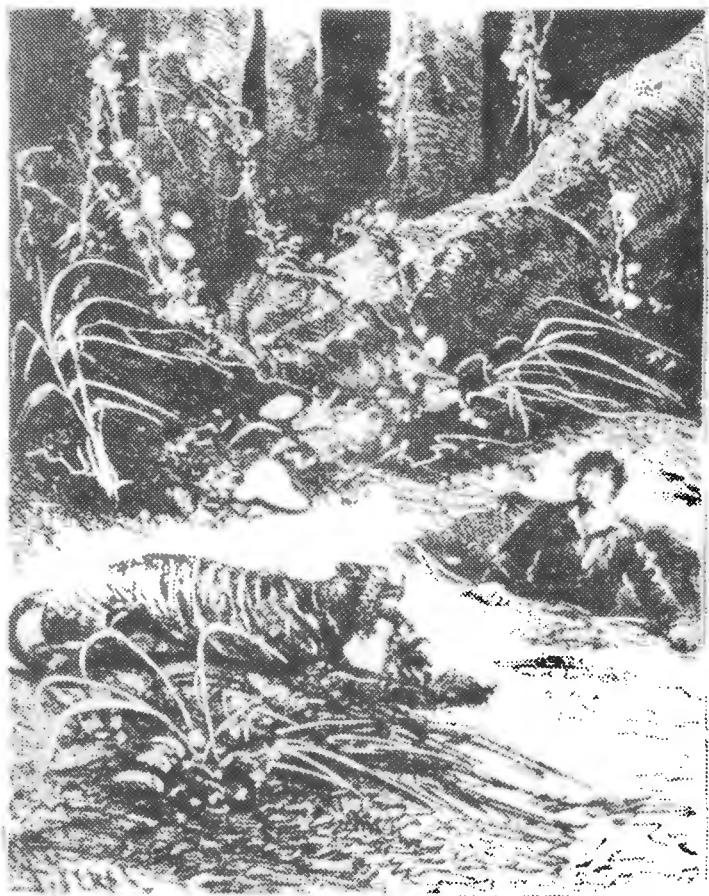
— На еще. Кушай на здоровье. А теперь, плотоядный господин, так как вы вели себя благоразумно, то я позабочусь и о вас. На дне ямы еще много оленины, и я принесу вам перекусить. До скорого свидания.

Не обращая внимания на страшную боль в ноге, Фрикэ, пятась, заполз в узкий проход, который он проделал из ямы. Отрезав огромный кусок оленины, он положил его себе на голову и медленно пополз назад. Обливаясь потом, добрался он до отверстия и тут ощутил сильный толчок, сопровождавшийся ужасным воем. Кто-то с силой сдернул мясо с головы парижанина.

— Наверное, это опять проклятый тигр, — пробормотал Фрикэ, выбираясь из отверстия.

Фрикэ был прав. Почувяв запах сырого мяса, тигр встал со своего места и улегся возле самого отверстия с обычными ухватками кошки, стерегущей добычу. Как только кусок показался из отверстия, тигр про-

Тигр схватил мясо и принялся его пожирать

тянул лапу, ловко подцепил его и принялся пожирать.

— А! Вот ты как! — вскричал парижанин. — Все себе норовишь забрать! Постой же. Я тебя проучу!

Он взвел курок револьвера и смело до безрассудства схватил рукою мясо, в которое тигр запустил уже свои громадные зубы. Парижанин выстрелил. Тигр не уступил и зарычал.

— Ты рычишь? Сколько угодно! Дело в том, что я

тоже хочу позавтракать. Если это тебе не нравится, то я размозжу тебе башку. Ну же, раз!.. Два!..

Зверь зарычал на весь лес. Он уже хотел броситься на Фрикэ, несмотря на свою рану. Парижанину оставалось только спустить курок, но вдруг тигра подбросило вверх какой-то неведомой силой, он перевернулся кубарем и выпустил добычу.

Гнев парижанина сменился безудержным весельем, когда он понял, в чем дело. Обезьяна, обеспокоенная сердитыми взмахами хвоста своего свирепого соседа, схватила этот хвост в руки и, когда тигр привскочил, дернула за него изо всей силы, так что тигр перекувырнулся и, хлопнувшись на землю, жалобно застонал.

Радуюсь своей шутке, обезьяна уперлась руками в бока, согнула спину и растянула рот до самых ушей, что должно было означать улыбку.

— Спасибо тебе, орангутанг. Ты для меня настоящий добрый дедушка. Я тебя за это отблагодарю. Хочешь, будем друзьями до гроба? А ловко ты с ним расправился, право, ловко. Взгляни, как он на нас смотрит теперь... Что, хорошо? Так тебе и надо. А теперь я буду завтракать у тебя под носом, а когда наемся, покормлю и тебя; авось это тебя научит правилам приличного поведения в обществе.

Покуда обезьяна лушила свои шишки, Фрикэ основательно закусил олениной, хотя мясо было жесткое, как подошва, и совершенно сырое. Проученный тигр терпеливо дожидался своей очереди на почтительном расстоянии и с таким покорным выражением, что человек сжалился, наконец, над неразумным зверем и сократил ему срок наказания. Он бросил тигру приличный кусок, и хищник проглотил его с жадностью, понятную после долгого поста.

— Ну, вот, на этот раз довольно. Но, пожалуй-ста, чтобы подобные дикие выходки впредь не повторялись: я их не люблю. Вероятно, тебе до смерти хочется пить? Я бы мог, пожалуй, промочить тебе горло, но боюсь, что ты откусишь мне руку. Тебя же, милый Дедушка, я с удовольствием напою. Подожди немножко.

Среди роскошных папоротников Борнео Фрикэ давно заметил одно полуползучее растение, кустами цепляющееся к их стволам. Листья у таких кустарников овальные, или ланцетовидные. Жилки этих листьев в виде спиральных усиков венчаются кувшинчиком, внутри окрашенным в синий цвет, а снаружи покры-

тым гладкой, непроницаемой оболочкой. Отверстие кувшинчика, имеющего очень изящную форму, снабжено крышечкой, самопроизвольно открывающейся и закрывающейся в известные часы дня. В кувшинчике содержится чистая, прозрачная вода, вполне годная для питья; эту воду лист не собирает, а выделяет сам ночью. В течение дня крышка бывает так крепко заперта, что вода не высыхает даже при солнечном зное. С восходом солнца кувшинчики опускаются вниз, и в это время крышку невозможно открыть без разрушения тканей. К восьми часам вечера кувшинчик начинает открываться, вода испаряется, и листья поднимаются вверх по мере высыхания воды.

Затем крышечки закрываются вновь, и тогда снова начинается выделение влаги в кувшинчики, которые к утру бывают опять полны.

Фрикэ хорошо знал свойства этого любопытного растения, известного в ботанике под названием *Nepenthes Distillatoria*; он знал, что влага его кувшинчика иногда может заменить обыкновенную воду, если нет поблизости ручья.

Жидкость эта не отличается особенной свежестью, но приходилось довольствоваться и этим. Фрикэ выпил содержимое кувшинчика *Nepenthes*, если и не с особенным удовольствием, то все-таки радуясь, что у него есть чем промочить пересохшее горло.

Обезьяна, увидав, что Фрикэ пьет из кувшинчика, с умоляющим выражением в глазах протянула к парижанину руки.

— Возьми, Дедушка, возьми! Напейся. А когда ты напьешься, я смастерю себе костыль. Я пострадал меньше всех, и потому мне следует заботиться об общих наших нуждах.

Обезьяна взяла поданный ей кувшинчик, выпила всю жидкость до капли и легла на землю, положив сломанную ногу так, чтобы было поудобнее спать.

Тем временем тигр dokonчил свою трапезу с глухим ворчанием насыщающегося хищника. Свирепый зверь жадно поводил носом в сторону кувшинчиков, но Фрикэ не горел желанием приблизиться к его страшным когтям и клыкам, чтобы влить несколько капель влаги в его покрытую пеной пасть.

«Кто их знает, этих зверей, — думал Фрикэ, — они как горькие пьяницы. Дай пьянице воды — он рассердится. Ему нужно вина, а не воды. А кровь —

это вино для тигра. Если я дам ему воды, он, пожалуй, и меня вцепится... А, хорошо, теперь знаю. Догадался».

Фрикэ опять подошел к растению, срезал самый большой лист, потом вскрыл кувшинчик и положил его на землю в двух шагах от тигра, а сам отошел в сторону.

Тигр перестал рычать. Смиренно махая хвостом, подполз он к растению и помочил свой шершавый язык в жидкости, которая как будто освежила его.

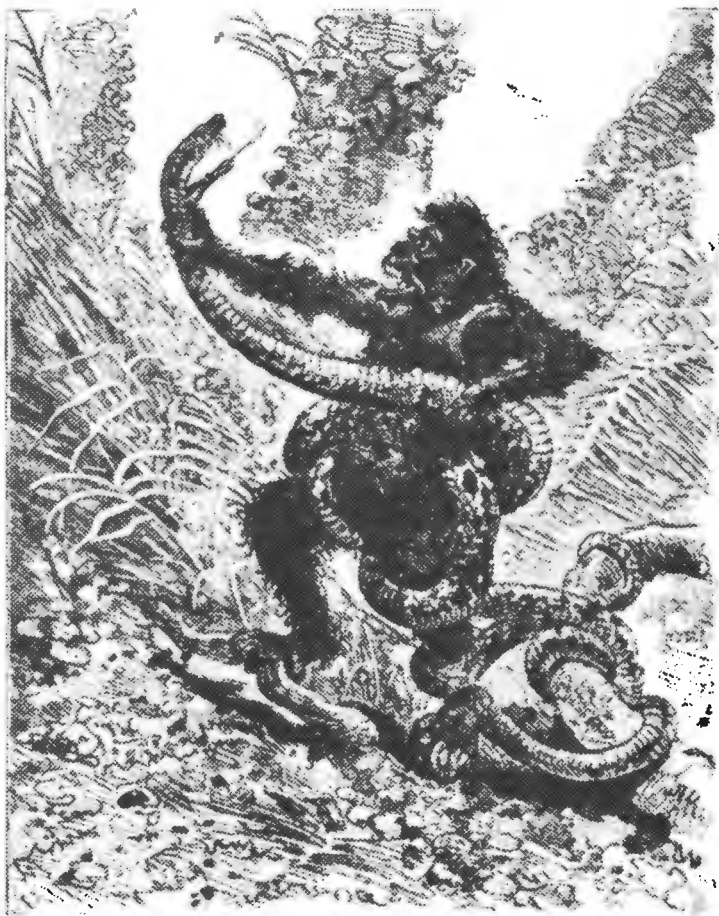
— Ну, что, хищник? Видишь, как хорошо жить в дружбе со всеми? Молодец, хорошо лакаешь. Чисто. Ничего не осталось... А, и ты спать задумал. Спи, я сам думаю сделать то же. Идти к своим друзьям я не в состоянии, так буду ждать, пока они сами меня отыщут. Если же, в чем я почти уверен, они со мной не встретятся, то я и один найду дорогу в столицу раджи, как только выздоровлю. А покуда надо немножко поспать.

Новый приятель Фрикэ — разумеется, мы говорим не о тигре — был никто иной, как большая человекообразная обезьяна, живущая на острове Борнео. Эта обезьяна называется у натуралистов *sumia satyrus*, а у туземцев — орангутанг, в переводе «лесной человек».

Это огромное животное имеет более метра высоты и покрыто густою рыжею шерстью. Сила этой обезьяны громадна. Живет она преимущественно в девственных лесах; там ее родина, там она бродит, как араб по пустыне, как краснокожий индеец по прерии. Очень любопытен способ передвижения орангутанга, когда он, съев все плоды в каком-нибудь одном месте леса, переселяется в другое, где провизии еще непочатый край. Идет ли он по земле, или путешествует по вершинам деревьев, прежде всего бросается в глаза замечательная решительность его походки. Он ходит, держась не прямо, а наклонив верхнюю половину тела под углом градусов в сорок пять. Это происходит оттого, что его ноги коротки, а руки длинны и почти доходят до земли; кроме того, он ступает на пальцы, а не на всю подошву, или скорее ладонь.

Относительно телесной силы орангутанга даяки свидетельствуют, что на него почти никогда не нападают дикие звери. Когда в лесу не останется плодов, орангутанг отыскивает себе пищу на берегах рек, где много любимых им молодых побегов и прибрежных растений; тут иногда появляется крокодил и бросается на него,

Если на него нападает удав, то орангутанг душит его

но орангутанг не робеет, наносит ему удары руками и ногами и разрывает пасть.

Если же на него осмелится напасть удав, то орангутанг хватает его руками, давит его, душит и раздирает зубами. Лесной человек силен. Нет в лесах зверя сильнее его.

Свирепо, отчаянно защищаясь, если на него нападут, орангутанг с острова Борнео в обыкновенное время довольно робок. Он сам никогда не нападает ни на че-

ловека, ни на животных, но не любит, чтоб его трогали. При встрече с людьми, если те не ищут с ним ссоры, он с любопытством оглядывает их, останавливаясь на минуту, и потом как ни в чем не бывало идет дальше.

Молодые орангутанги легко делаются ручными и обнаруживают замечательную понятливость. Во многих даякских деревнях есть, по крайней мере, по одному ручному орангу, которым очень дорожит все племя, среди которого он живет, как у себя дома, совершенно освоившись с нехитрой цивилизацией туземцев.

Не только молодые, но и взрослые оранги привлекают нередко к человеку. Приводят много примеров, когда раненые орангутанги, будучи вылечены даяками, сильно привязывались к своим благодетелям. Они свободно уходили из кампонга в лес, долго не показывались, потом вдруг приходили в гости, как добрые соседи.

Если услуга, оказанная парижанином обезьяне, действительно тронула ее сердце, то можно надеяться, что дружеские отношения между ними будут продолжаться долго, и новый друг, которого Фрикэ прозвал «Дедушкой», окажется со временем очень ему полезен.

Глава XI

После трехнедельного ожидания. — Дружелюбие обезьяны и неблагодарность тигра. — Лазарет в лесу. — Противный запах превосходного плода. — Дедушка и его палка. — Среднее между свиньей и гомяком. — Фрикэ отдает свою мясную порцию тигру. — Дезертир. — Одиночество в лесу. — Орангутанг показывает себя отличным жандармом. — На пути в Борнео. — Мрачные виды. — Черные реки. — Воспоминание о доне Бартоломео ди Монте. — Истинная дружба.

Вывих вынудил Фрикэ сидеть на месте и в течение нескольких бесконечных дней и ночей дожидаться своего выздоровления. Разумеется, он сдался не скоро, а лишь тогда, когда окончательно убедился в невозможности продолжать путь. О себе он заботился мало, терзаясь лишь беспокойными думами об ужасных опасностях, которым подвергались его друзья. Слышали ли они его призыв? Вовремя ли они приготовились отразить коварное нападение? Не провалилась ли их экспедиция в самую решительную минуту? Вот о чем только и думал парижанин, живя день за днем в густом, непроходимом лесу, куда его занесла судьба. Временами к нему приходили минуты успокоения, когда он

вспоминал про энергию своих друзей, и тогда ему представлялось уже, как европейцы и даяки победоносно переходят границу владений раджи, который трепещет на своем троне, колеблющемся под ударами революции.

— Я явлюсь, когда уже все будет сделано, — говорил он себе вслух, словно для того, чтобы не отвыкнуть от звуков человеческой речи. — Они будут смеяться надо мной, глядя, как я ковыляю, подобно водовозной кляче. А чем я виноват?.. Вот уж три недели скоро, как я здесь мучаюсь, голодая и желчно злясь... Э, все равно! Что на это смотреть? Хромота моя почти совсем прошла. Пойду. Кто меня любит, пусть за мной следует. Правда, Дедушка?

Последние слова относились к орангу, который в это время лениво лежал на траве и грыз свой любимый плод.

Обезьяна медленно потянулась, встала и присела возле молодого человека, устремив на него нежный, почти человеческий взгляд.

— Да, — продолжал Фрикэ ласковым голосом, — ты вправду наилучшее из животных. Хотя твой перелом еще не совсем зажил, но ты уже ходишь сам за провизией и отдаешь мне лучшую долю. Как жаль, что у нашего тигра такой отвратительный характер, а то он был бы очень полезен для нашего отряда. Ну, да я еще его приручу!

Очевидно, Фрикэ недаром провел в лесу так много времени; за это время он успел приручить к себе обезьяну, а это вещь нешуточная. Убедившись, что тропический ливень смыл его следы и что друзья не могут его найти, он устроил себе по возможности удобный лагерь в лесу, рассчитанный на более или менее долгое пребывание.

Благодарная обезьяна скоро с ним освоилась. Видя, что человек делится с ней каждым куском, она со свойственной всем обезьянам страстью к подражательству, стала платить ему тем же. Хотя ей было трудно передвигаться, она все-таки стала бродить понемногу вокруг лагеря и приносить своему товарищу съедобные почки, сочные плоды и вкусные ягоды. Чтобы не ложиться по ночам на сырую землю, Фрикэ устроил себе на нижних ветках нечто вроде гамака из пальмовых листьев; обезьяна сейчас же все переняла у него, сделала себе точно такое же ложе и стала спать рядом с ним.

Фрикэ ходил в лес, превозмогая боль и опираясь на палку; обезьяна ходила за ним, неуклюже потрясая дубиной и стараясь подражать всем его движениям. Когда на пути встречалось дерево дуриан, Дедушка ловко влезал на него и сбрасывал на землю обильный запас плодов.

Несмотря на постоянный голод, молодой человек до сих пор не мог превозмочь своего отвращения к плоду названного дерева. Превосходное, питательное мясо этого плода обладает отвратительным запахом гнилого чеснока, к которому, впрочем, можно в конце концов привыкнуть. Плод дуриана, действительно, представляет своего рода растительный феномен. Яйцеобразной формы, величиною с голову человека, он усажен большими острыми колючками и наполнен внутри питательной мякотью сливочного цвета и самого аппетитного вида. Одним словом, все хорошо, если бы не запах.

Вскрыть плод довольно трудно: кожа на нем очень твердая и, как сказано выше, усажена колючками. Разрезать его, держа в руках, не безопасно: можно поранить руку. Его нужно положить на землю и разрубить ножом. В ту же минуту поднимается крепкий, острый, противный запах, который у человека слабо-нервного может даже вызвать рвоту. Но как только положишь в рот вонючую мякоть, отвратительный запах пропадает, мякоть тает во рту, — одним словом, к этому кушанью можно так же привыкнуть, как привыкают к гнилому сыру.

Орангутанг вообще до страсти любит этот плод, но лакомиться им ему приходится довольно редко ввиду трудности добывания содержимого. Заметив же, что Фрикэ сравнительно легко справляется с трудной операцией, Дедушка то и дело таскал к нему эту провизию.

Таким образом, Фрикэ жил настоящим вегетарианцем. Пища его была почти исключительно растительная, так что он, разумеется, был постоянно голоден. Зато обезьяна блаженствовала в изобилии и быстро поправлялась; перелом ее почти совершенно сросся. Она, по-видимому, была безмятежно счастлива и не выказывала поползновений покинуть своего нового друга, чего нельзя было сказать о тигре, плотоядный желудок которого требовал совсем другого рода пищи. Мясо оленя очень скоро испортилось, и «батюшка-тигр» возжелал свежатинок. Он начал как-то странно поха-

живать вокруг Фрикэ, так что молодой человек вынужден был для безопасности несколько раз отгонять его от себя выстрелом.

В один прекрасный день тигр, не евший более суток, внезапно кинулся на Фрикэ, но тот очень ловко хватил его палкой по морде. Обезьяне это очень понравилось. Смутно сообразив, что у ее друга были веские причины для такого решительного поступка, она схватила дубинку и со всего размаха ударила тигра по спине. Зверь моментально притих.

На другой день тигр опять разворчался, и обезьяна опять его «отшлепала». Фрикэ смеялся до упаду над таким оригинальным способом кормить завтраками, но напоследок остановил расходившегося Дедушку.

— Довольно, Дедушка, будет, — сказал он, сопровождая речь красноречивыми жестами. — Он теперь у нас проучен, да к тому же и пожалеть его надо: ты с утра до вечера лущишь плоды, а у него желудок пуст, как сапожное голенище. Лучше давай покормим его. Промыслим ему бифштекс. Строгость должна чередоваться с лаской. Нельзя же кормить его одними колодушками.

В это время точно нарочно на опушку выбежало странное небольшое животное с черной шкурой и белой головой, неловко переваливаясь, как все стопоходящие. Фрикэ быстро прицелился из револьвера и выстрелил; смертельно раненное животное повалилось на землю, к величайшему удивлению обезьяны. Схватив издыхающего зверя, Фрикэ подбросил его тигру со словами:

— На, ешь. Дедушка предложил тебе легкую закуску, а это будет настоящий завтрак. На, ешь и успокойся.

Тигр с довольным мурлыканьем принялся пожирать дичь так, что только кости захрустели.

По счастью, этих белоголовых животных оказалось очень много в окрестных местах. Фрикэ наострил их выслеживать с ловкостью краснокожего индейца, и тигр, хотя и не каждый день, стал получать свою порцию мяса, вследствие чего сделался довольно кроток. Когда же буйная натура его давала себя знать, то Дедушка — это имя окончательно утвердилось за орангом — свирепо скрежетал зубами и гневно фыркал, что сию же минуту заставляло тигра покорно и робко ретироваться.

Но вдруг в одно прекрасное утро, дня за два до

того, как Фрикэ задумал тронуться в путь, тигр исчез. Должно быть, ему надоело однообразие пищи и муштра, которой подвергал его орангутанг. Накануне парижанин убил двух каких-то неизвестных ему животных, представлявших нечто среднее между свиньей и хомяком. В зоологии этот вид известен под названием *Gymnurus Rafflesii*. Тигр, вероятно, уже замышлявший тогда бегство, с большим аппетитом скушал одного из них и улегся с самым невинным видом, далеко не походившим на обычную его угрюмость. Фрикэ, никогда не бросавший надежды на его приручение, очень обрадовался такой перемене и уже начал размышлять про себя, как было бы хорошо вовлечь в союз такое великолепное животное. Велико же было его разочарование, когда на другой день утром он заметил исчезновение тигра.

Дедушка тоже был поставлен в тупик, когда, проснувшись, не нашел возле себя своего воспитанника. Он сердито запыхтел и взял в руки дубину.

— Это все ты наделал, — сказал Фрикэ огорченным тоном. — Ты уж слишком нападал на него, вот он и убежал.

— Уф! Уф! — фыркнула обезьяна как-то сконфуженно, словно поняв всю серьезность обращенного к ней упрека.

— Нечего фукать, ты не паровик. Этим его не пернешь.

— Уф!.. Уф!..

— Да будет тебе кашлять! Задохнешься. Сделанного не воротишь, и я буду теперь охотиться за зайцами без тигра. А я так долго отказывался ради него от своей порции мяса! Обидно! Ну, да что толковать. Нет худа без добра: зато сегодня поем жареного... Все-таки мне жаль тигра, хоть и окаянный он был зверь, я под конец к нему привык.

После этого размышления вслух Фрикэ очистил своего *gymnurus'a*, развел огонь и принялся жарить мясо, к великому удовольствию обезьяны, с любопытством глядевшей на эту процедуру. После сытного обеда Фрикэ захотел спать и отправился в свой гамак. Когда он проснулся, солнце уже начинало склоняться к западу. Молодому человеку сделалось совестно за свой долгий сон.

— Я обленился до невозможности, — пробормотал он. — Это просто ни на что не похоже. Будь у меня пища

посытнее, я превратился бы в жирную тушу. Хорошо, что нога моя почти совсем выздоровела и Дедушкина лапа тоже. Теперь можно и продолжить свой путь, простившись со здешними местами, где я так глупо провожу время. Мы пойдем вместе к городу Борнео. Вот удивятся-то Андрэ и доктор, когда мы явимся вдвоем! Пьер, так тот совсем остолбенеет, а Князек воскликнет: «Не во сне ли я?»... Ах, да где же он? Куда он девался?

Он щелкнул раза два или три языком, как всегда делал, когда звал к себе обезьяну. Видя, что обезьяна не идет, Фрикэ встал и пронзительно свистнул. Обезьяна не показывалась.

— Вот это уже скверно! — вскричал он с неприятным огорчением, когда убедился, что обезьяна, действительно, исчезла. — Уж от Дедушки-то я этого не ожидал. Как только выздоровел, так и наутек. Не хорошо... Впрочем, что же? Очень понятно: он соскучился по своим милым лесам. Ведь и я, как только поправился, сейчас же задумал вернуться к своим. Чем же обезьяна-то хуже? Только мне все-таки ее жалко: я так к ней привык, она была такая славная, преданная.

Ночью Фрикэ не спалось; он до утра проворочался с боку на бок, не смыкая глаз. Под утро он вдруг услышал треск сухих сучьев в лесной чаще и сейчас же вооружился, не зная, что ему предстоит. То ли защищаться от какого-нибудь хищного зверя, то ли самому нападать на какую-нибудь дичь, подходящую для завтрака. Шум приближался. Теперь можно было различить чьи-то легкие, довольно медленные шаги, сопровождаемые тяжелой, неуклюжей поступью.

Парижанин, вглядываясь в полумрак, навел револьвер в сторону, откуда слышался шорох, и вдруг зашелся самым неудержимым смехом.

И было чему рассмеяться.

К нему приближалась уморительная процессия. Важно подняв голову, бесстрашный, как представитель власти, с палкой в руке, шел орангутанг, подгоняя тигра, который медленно крался впереди, опустив хвост и уши, с униженным видом пойманного дезертира.

Фрикэ разом стряхнул с себя сон, соскочил с лежанки и выкинул фантастическое антраша, далеко не соответствующее достоинству рода человеческого, единственным представителем которого он здесь был.

— Bravo, Дедушка! Bravo, друг! Ах, ты Барбантон-такий! Ах, ты образцовый жандарм! Да что Барбантон: ты лучше всякого Барбантона... А я-то на тебя дулся! Ну, извини. Оказывается, ты и не думал уходить от меня, а бегал ловить дезертира. Молодец, молодец! Ну, мы уж теперь никогда не расстанемся, раз ты сам этого желаешь. Вот так история!.. А ты, дурачина, — обратился он к тигру, — хитрости-то свои брось. Оставайся с нами. Мы будем хорошо с тобой обращаться, честное слово. Так как тебе не нравятся колотушки, что и понятно, то я прошу Дедушку оставить тебя в покое. А теперь подойди ко мне и будь умницей. Так, хорошо. Когда у меня будет сахар, я тебя угощу.

Под страшным взглядом орангутанга тигр сделался кроток, как овечка. Он боязливо подошел к Фрикэ и прижался к земле с самым покорным видом. Это означало безоговорочную капитуляцию. Фрикэ забыл всю свою прежнюю досаду на зверя и стал тихо гладить его по голове; окончательно укрощенный тигр ласково замурлыкал.

— А, это уж и совсем хорошо. Мир, стало быть, заключен. Завтра мы выступаем.

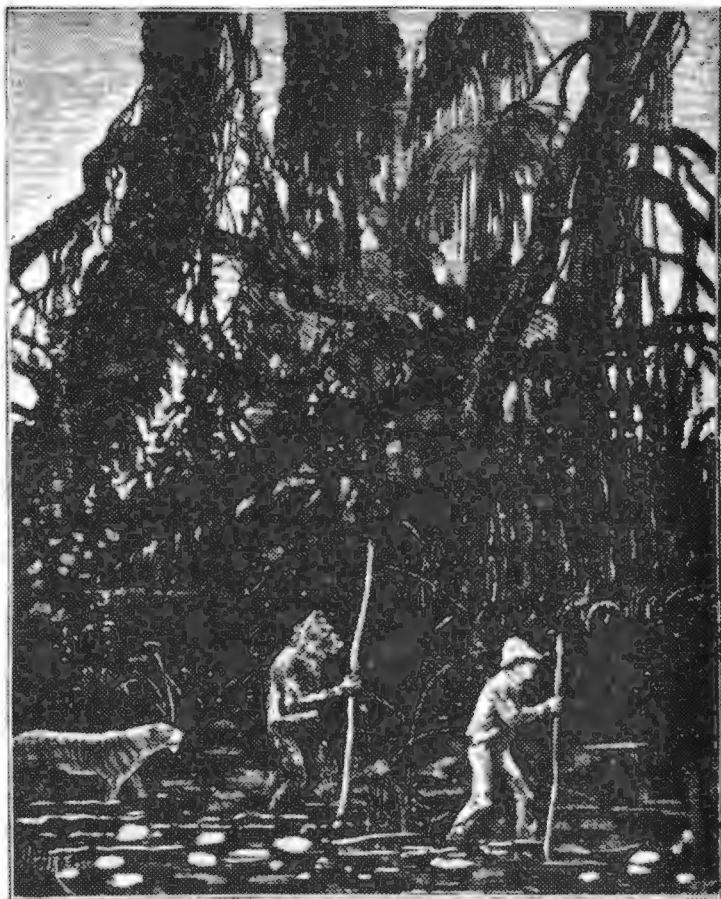
На следующее утро парижанин, тщательно сориентировавшись, покинул лесную прогалину в сопровождении двух своих «лейб-гвардейцев».

Трудную задачу взял на себя Фрикэ: пройти одному, без всяких средств, через знойную, дикую страну, населенную хищными зверями, ядовитыми гадами и вредными насекомыми. Такое путешествие было бы и здоровому едва под силу, а у парижанина все еще болела нога, до некоторой степени стесняя его движения. Но он, невзирая ни на что, смело двинулся в опасный и трудный путь. Запаса провизии у него не было, зато в лесу можно было найти пропитание — так, по крайней мере, рассуждал он. Сегодня ничего не нашлось поесть, зато завтра найдется. Так утешал он себя дорогой, слегка прихрамывая и опираясь на палку. За ним важно и медленно шествовали тигр и обезьяна, очень довольные, что меняют свое местопребывание.

— Если вам захочется есть, друзья мои, — сказал он весело, — вы обойдетесь сами, по своему усмотрению.

Тигр, окрещенный именем Бартоломео или попросту Мео, в память известного читателю португальского мулата из Макао, еще ни разу не был наказан после своего возвращения. Он, по-видимому, совсем оставил

За ним шествовали обезьяна и тигр

намерение бежать и покорно шел под бдительным оком Дедушки, неуклюже махавшего дубиной. Неизвестно, по какой причине, но орангутанг понял, наконец, что драться без нужды не следует, и не трогал больше тигра, разумеется, при условии, чтобы тот вел себя смирно и покорно.

Фрикэ держал путь на север, не боясь того, что могут встретиться препятствия. Он намеревался, перейдя экватор в месте пересечения его со 112° меридианом,

дойти до 3° северной широты и берегом реки Борнео направиться к одноименному городу. Самая большая трудность этого пути заключалась не в том, чтобы перебраться через горную цепь, пересекающую остров, — для этого требовалось лишь время, — а в том, чтобы переправиться через многочисленные ручейки и реки, которых очень много в этой части острова и низкие берега которых представляют нескончаемые болота.

Решимость Фрикэ с самого начала подверглась тяжкому испытанию. Прежде чем достичь гор, зубчатый профиль которых синел вдали, ему несколько дней подряд приходилось вязнуть по колено в мутных ручьях, болотах и стоячих водах. Обезьяна следовала за ним без особенных колебаний и довольно храбро барахталась в вонючей воде, но тигр, питавший, как и все кошки, нелюбовь к воде, входил в нее с большим отвращением, и то под влиянием сердитого фыркания понукавшей его обезьяны.

Временами три приятеля останавливались перед реками, невольно призадумавшись над черной, как чернила, медленно текущей водой. Нет ничего угрюмее этих неподвижных клоак, около которых не видно ни птиц, ни даже насекомых. Только роскошная растительность оживляет их грустные берега с исключительно тучной почвой.

Черный цвет воды был отмечен Гумбольдом у рек Южной Америки, но это явление встречается очень часто и на Борнео. Объясняют его по-разному. Некоторые говорят, что черный цвет происходит от падающих на речное дно листьев с огромных прибрежных деревьев; эти листья будто бы гниют там и окрашивают воду. Такое мнение, впрочем, подлежит сомнению, потому что на Борнео есть много рек с водой обыкновенного цвета, хотя берега их точно так же осеяны громадными вековыми деревьями.

Гумбольд заметил, кроме того, что в американских черноводных реках нет ни крокодилов, ни рыб. На Борнео же в таких реках водится великое множество и рыб, и кайманов, и водяных змей.

Превозмогая чувство гадливости, Фрикэ срезал бамбуковые палки, связал из них плот, усаживался кое-как на него с тигром и обезьяной и переправлялся на другой берег, промокнув до пояса и не помня себя от отвращения, вызванного соприкосновением

с гадами, кишашщими в черной реке. Долго ли, коротко ли, но он достиг, наконец, горной цепи. Пройдя гряды невысоких холмов, он достиг главного хребта. Невозможно описать всех лишений, которые пришлось вынести парижанину во время первой половины своего пути. Спутники его кое-как добывали себе пищу, но сам Фрикэ положительно голодал.

Не зная даякского языка, сомневаясь, хорошо ли еще его примут с такою странной свитой, он избегал торных дорог и лишь по ночам показывался на обработанных полях. Сорвав где-нибудь украдкой горсточку-другую неспелого риса, он снова убегал в лес, лишь только заслышав приближение человека. При малейшем подозрительном шуме он останавливался в страхе, как бы его свирепые от голода спутники не совершили какого-нибудь неуместного нападения и не навлекли на себя и на него вооруженных людей. Когда миновала опасность, все трое снова пускались в трудный путь, продираясь сквозь чащу.

Такая энергия была достойна похвалы. На десятый день Фрикэ, изнуренный лихорадкой, с избитыми, израненными ногами, голодный и слабый, достиг гребня Батанг-Лупарских гор. Яркие освещенные солнцем вершины купались в чистом, прозрачном воздухе. Исчезли густые туманы, вредные испарения, грязные потоки с кайманами и всякой гадостью. В усталую грудь проникал здоровый, свежий воздух, очищая кровь, оживляя все тело; Фрикэ с непривычки даже опьянел от него.

Отдых был необходим. Слишком велико было пережитое напряжение. Парижанин решил провести два дня в этом прелестном месте и оздоровить свой организм, надломленный усталостью и отравленный болотными миазмами. Плодов и дичи тут было настоящее изобилие.

Животные привыкли к нему так, что он даже сам удивлялся. Тигр ходил за ним всюду, как собака, к величайшей радости орангутанга. Добрый Дедушка несколько не ревновал. Одним словом, у горных вершин Батанг-Лупара развернулась настоящая идилия в доисторическом вкусе. Три приятеля плотно пообедали каждый по своему вкусу, и Фрикэ сибаритом улегся на постель из ароматных трав, положив голову на шелковистую шубу Мео, и с восторгом принялся следить за полетом веселых птичек в синем небе, а Дедушка с серьезным видом уселся подле и, запустив лапу

в роскошный мех тигра, предался терпеливой и очень успешной охоте.

Глава XII

Бесплодные поиски.— Тревога.— Бой в темноте.— Отбита атака.— Яма под деревом.— «Яма».— Фрикэ, как очистительная жертва.— Через лес.— Малайская крепость.— Пьер де Галь показывает себя великодушным сапером.— Пролом.— Осаждающие превращаются в осажденных.— Катехизис французского матроса.— Что поделаешь против целой армии? — Голод.— Капитуляция с военными почестями.— Прибытие в Борнео.— Страшный крик во дворце магараджи.

— К оружию!.. Неприятель! — вскричал Фрикэ, как помнит читатель, когда попал в руки грубых малайцев.

Этот крик и выстрел из револьвера вызвали тревогу в лагере Андрэ.

Друзья долго не знали, жив он или геройски умер своею смертью, спасая от верной гибели весь отряд. Услыхав его крик, они прежде всего обеспокоились его участью.

— Это Фрикэ! — вскричал Андрэ, хватаясь за карабин.

— Фрикэ! — словно эхо, с отчаянием повторили доктор и Пьер.

Князек от бессильной ярости зарычал в темноте. В лагере поднялась суматоха, возня; все вооружались и становились в строй. Блеснула первая молния, и на мгновение осветила отряд даяков, вооруженных длинными копьями. В нескольких шагах от этого живого редута толпилось отвратительное скопище голых малайцев, потрясавших своими пиками и готовых ринуться в бой.

Наступила минута томительного, грозного затишья, какое всегда бывает между блеском молнии и ударом грома. Враги стояли друг против друга с поднятым оружием. Затем вдруг раздался оглушительный треск, точно небесный свод обрушился на землю. Земля задрожала, застонали деревья, и все слилось в один смутный, протяжный гул. После этого снова настала тишина.

Тогда раздались на лесной поляне яростные крики людей, бросившихся убивать друг друга; и вскоре они были заглушены новым раскатом грома. Молния за молнией змеилась по черному южному небу, громовые удары следовали один за другим так быстро, что сли-

вались в один сплошной оглушительный грохот. Но громы небесные не мешали земным. Под вой беснующихся стихий яростно сражались люди в темноте непроглядной ночи. Буря титанических сил природы несколько не мешала человеческой буре в стакане воды.

По временам небесные громы умолкали, и тогда вместо молнии в темноте сверкали и гремели выстрелы из французских карабинов. Когда умолкала стихия, говорило оружие. Так продолжалось с час. Затем тучи разверзлись и на землю пролился тропический ливень. Человеческие крики понемногу смолкли, стихла на время людская ярость, укрощенная потопом, обрушившимся на живых и на убитых, на побежденных и на победителей.

Три француза и негр не перемолвились за все время бури ни словом. Они были слишком поглощены своим делом, чтобы говорить. Наконец буря утихла, и одновременно с нею прекратился бой. С последним порывом дождя и ветра раздался последний крик. То был дикий, победный крик даяков. Малайцы были отброшены с ужасными потерями. У всех европейцев вырвался из груди общий стон:

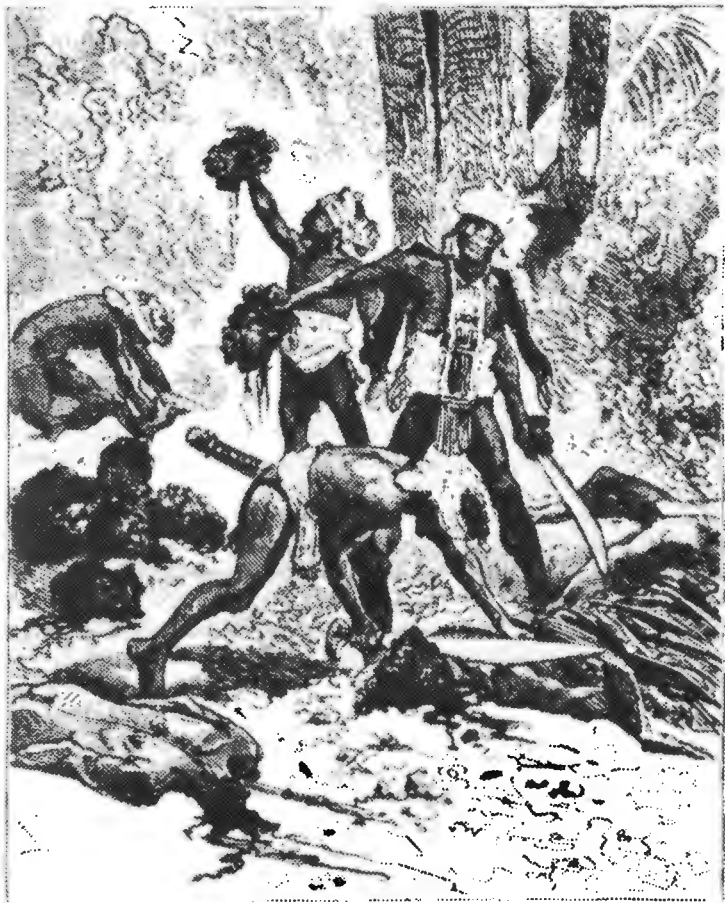
— Что с Фрикэ?!

Они даже пренебрегли собственными ранами. Вся их забота была о пропавшем друге. Дружья неоднократно звали его по имени, но парижанин не мог откликнуться на их зов, — читатель помнит, вероятно, почему. Солнце уже взошло и заиграло на листьях, обрызганных перловыми каплями дождя, птицы с громким чириканьем запорхали над залитой кровью поляной, насекомые зажжужжали в траве, а друзья Фрикэ так и не могли найти следов своего любимца.

Туммонгонг Унопати, легко раненный в бок ударом пики, со сверкающими глазами и радостной улыбкой обходил поле битвы, отыскивая трупы своих. Потери даяков были незначительны. Они сражались ночью и очень осторожно, сомкнутым строем, и яростная атака малайцев, несмотря на численное превосходство последних, разбилась о несокрушимую даякскую фалангу.

Не последнюю роль сыграло, разумеется, и великолепное оружие европейцев, но, — надо сказать правду, — даяки могли бы отразить нападение даже и одними своими силами. Вообще бандиты Индо-Малайского архипелага понесли тяжелый урон.

Битва не обошлась без обычного отрезывания голов

Разумеется, битва не обошлась без традиционного эпилога: началось отсечение голов у павших неприятелей.

Несмотря на обильные трофеи, Туммонгонг вдруг сделался мрачен. Он тоже приложил все старания, чтобы найти след Фрикэ, и тоже безуспешно. Исчезновение молодого человека приводило его в отчаяние.

— Видишь, — сказал он Андрэ, — я был прав, когда говорил, что собака умерла не к добру. Так и вышло,

несмотря на пышный пантах, который я ей сделал. Может быть, этого было мало... Хорошо, я сделаю ей пантах еще лучше прежнего. Я отдам ей все головы, которые достанутся мне в бою. Душа собаки поможет найти нам белого вожда. Не горюй, мой бледнолицый брат, ободрись!

— Будьте осторожнее, господин Андрэ,— говорил в то же время Пьер.— Не годится отходить далеко. Кто их знает, язычников: может, какой-нибудь негодяй притаился где-нибудь тут за деревом... Нужно же было случиться такой беде, чтобы дождик смыл все следы мальчика, а то бы мы его нашли.

— Правда, Пьер де Галь, осторожность необходима, а то может случиться беда. Пример перед глазами: наш Фрикэ... А все-таки нужно попробовать его найти. Может быть, нам и удастся напасть хоть на какой-нибудь след. Пойдемте же скорее на поиски, мой друг.

— Да, господин Андрэ... конечно, надо идти, конечно, надо. Я готов. Но только вы меня, я вижу, не поняли. Говоря об осторожности, я хотел сказать, что вам не следует одному заходить далеко в лес потому, что ведь они акулы, господин Андрэ, настоящие акулы. Хватит и одного несчастья... Не дай Бог с вами еще что случится... простите меня, я от горя совсем поглупел, сам не знаю, что говорю.

— Спасибо, Пьер,— перебил Андрэ, крепко, изо всей силы сжимая руку матроса.— Спасибо за добрый совет; я высоко ценю его, как совет храброго и опытного воина, которого стоит слушаться.

— Ну и хороши! Хороши! — заговорил подошедший доктор, пытаясь за грубым тоном скрыть свое волнение.— Нас, южан, упрекают в болтливости, а сами что делают? Целых полчаса лясы разводят без всякого толку, а другие за них работай.

— Что с вами, доктор?

— То, что Фрикэ теперь не найдешь.

— Я сам боюсь того же. Но откуда такая уверенность?

— Я ходил с Князьком и двадцатью даяками осматривать кусты. Ничего не нашли в радиусе двухсот метров вокруг, ни малейшего следа.

— Примемся за дело все, обобщем еще раз каждый кустик, каждую травку. Чувствую я, что Фрикэ не убит, а уведен живым; не понимаю только, для какой цели.

Я уверен, что ему не грозит неминуемая гибель.

— Дай Бог, чтобы ваша правда была, господин Андрэ,— сказал матрос взволнованным голосом и набожно перекрестился, сняв шапку.

Целых два дня продолжались терпеливые поиски, но без всякого успеха. Французы и их дикие союзники забыли даже об опасности и рассеялись по лесу, тщетно пытаясь разыскать пропавшего друга. Единственным осязаемым результатом этих поисков была находка плетушки, прорезанной парижанином во время бегства, и сетки, которою он был опутан. Эту двойную находку сделал Туммонгонг Унопати. Отсутствие следов крови на этих двух вещах сочтено было всеми как хороший признак, и каждый стал надеяться, что Фрикэ счастливо спасся от своих врагов.

Как назло никому не удалось набрести на тропинку, пересеченную тигровой ямой, в которую свалился Фрикэ. Тем не менее участники похода до некоторой степени успокоились.

— Видите, Андрэ,— сказал доктор,— наш милый шалун, наверное, отвертелся от малайцев. С минуты на минуту того и жди, что он явится к нам, отыскивая наши следы, если только он не идет уже преспокойно в столицу, куда способен прийти раньше нас.

— Но я все-таки не уйду отсюда, не оставив ему какого-нибудь знака, по которому он мог бы нас найти.

— Что же вы сделаете?

— А вот посмотрите. Это очень просто.

Андрэ высмотрел огромный кедр, стоявший несколько поодаль от других деревьев, вынул ножик и отодрал от дерева большой кусок коры, обнажив древесину, которая резко выделилась белым пятном на сероватой коре. Потом он острием ножа вырезал на этом месте крупные буквы: «яма» и выкопал у корня дерева довольно глубокую ямку.

Затем он вырвал из своей записной книжки листок, набросал на нем несколько строк карандашом и положил его в пороховницу, закупорив ее корой. Завернув в банановые листья несколько саговых хлебов, чтобы предохранить их от сырости, он положил их в ямку, поставил сверху пороховницу и засыпал все это землей. Не зная французского языка, никто не мог бы догадаться о существовании этой ямки, содержимое которой в минуту нужды могло оказать неоценимую услугу.

Когда Андрэ закончил свое дело и привел место

возле дерева в прежний вид, отряд снова тронулся в путь к столице магараджи.

Вторая половина похода совершилась без всяких приключений. После пропажи Фрикэ Туммонгонг Унопати совершенно успокоился: грубое суеверие его удовлетворилось катастрофой с парижанином, которую дикарь счел очистительной жертвой за всех, и с этих пор он перестал сомневаться в успехе.

Кроме того, и материальное положение отряда улучшилось. Даяков и европейцев всюду встречали как освободителей, безвозмездно доставляли им все необходимое, с охотой указывали удобные дороги, — одним словом, экспедиция находила всюду искренний приют и самое усердное содействие.

Всюду проход был свободен, во всех кампонгах воинов принимали с радостью. Дикие жители малайских лесов устраняли все искусственные препятствия, которые нагромождаются обыкновенно около их деревень. В самом деле, даяки никогда не расчищают лесов около своих жилищ, чтобы сделать последние недоступными для врагов. Они оставляют лишь небольшие тропинки, которые легко загородить. Нередко случается, что путник вдруг встречает перед собой на дороге высокую засеку из набросанных бревен, ветвей и прутьев, и тогда бывает вынужден или поворачивать назад, или вступать в бесконечные переговоры. Если соглашаются его пропустить, то спускают высокую лестницу, по которой путник и перебирается через преграду.

Очевидно, такие хитрые сооружения очень удобны для защиты, но представляют большую помеху в путешествиях.

Никаких подобных препятствий не встречали наши друзья, которые быстро совершили переход через Батанг-Лупарскую цепь и вступили во владения раджи. Все шло хорошо до тех пор, пока после небольшой схватки с малайцами они не подошли к блокгаузу довольно значительных размеров.

Построенный из неотесанных тиковых бревен и обнесенный со всех сторон глубоким рвом, этот блокгауз был настоящей крепостью. Он стоял не в лесу, как даякские котты, а на открытой, расчищенной эспланаде, чтобы защитникам была видна вся окрестность и чтобы нападающие не могли воспользоваться никаким прикрытием. Такая крепость была для Андрэ новостью: он никак не ожидал ничего подобного.

— Плохой сосед у нас объявился, — сказал он Пьеру де Галю. — Пробить брешь в этом блокгаузе будет нелегко.

— Ну, вот еще! — перебил доктор. — Есть над чем думать! Простая куриная клетка.

— Вы думаете осаждают эту кучу бревен? — спросил матрос.

— И даже взять ее, дорогой мой боцман.

— Что ж, хорошо. Я готов попробовать, господин Андрэ.

— Даже не расспросив, что и как?

Пьер де Галь рассмеялся от всей души и ничего не ответил.

— Чему вы смеетесь, Пьер?

— Да как же... Только уж вы извините меня, господин Андрэ. Я без дурного умысла, но уж очень вы забавно спросили. Разве об этом спрашивают? Разве французскому матросу позволительно рассуждать, когда ему приказывают что-нибудь делать? Ему скажут: матрос, плыви на батарею или на эскадру — и он плывет. Или говорят: матрос, тащи сюда Великого Могола, достань луну с неба, поймай черта за рога — и он... раз, два, три... готово, господин капитан, пожалуйста... Вот почему я и рассмеялся, когда вы мне так сказали, уж не обессудьте, господин Андрэ. Я смотрю на вас теперь, как на своего капитана или адмирала, и считаю своим долгом слепо вам повиноваться. Поэтому вы так и знайте: если нужно взять блокгауз, мы его возьмем.

Едва Пьер де Галь успел закончить эту добродушно-насмешливую тираду, как с крепости раздался громовой залп. Стены блокгауза окутались густым облаком белого дыма, и над ними взвилось мусульманское знамя: лошадиный хвост и полумесяц.

Даяки были поражены, а матрос еще пуще расхохотался.

— Пушка! Воображаю, у них пушка! Жестяная табакерка с нюхательным табаком вместо пороха, вероятно. А знамя-то, знамя! Точно тряпка какая! Ох, вы, франты!

Потом вдруг он впал в уныние и прибавил:

— Ах, Фрикэ, Фрикэ! Где ты теперь, милый мальчик? Если бы ты был здесь с нами, как бы ты порадовался! Господин Андрэ, позвольте вам сказать: успокойте этих даяков, скажите им, что бояться нечего и что завтра

же блокгауз будет взят. Я бы и сам с ними поговорил, да не знаю, по-ихнему.

Выбора не оставалось. Блокгауз необходимо было взять. Это был один из укрепленных постов, которыми в последнее время магараджа во множестве усеял свои владения. Конечно, это было только подобие крепости, которое не продержалось бы и двух часов против европейского отряда, но для даяков, не знающих военной тактики и не имеющих даже самых первобытных осадных машин, такая крепость была страшна и справедливо могла казаться неприступною.

Как бы то ни было, а взять блокгауз следовало. Он мог служить убежищем большому отряду, который стал бы грозить тылу экспедиции и сделал бы ее положение очень опасным. Этого никак нельзя было допустить, иначе все предприятие могло погибнуть.

Пьер де Галь сейчас же выработал план и сообщил его подробности Андрэ, который, успокоив и обнадежив даяков, принял все необходимые меры, как будто и впрямь был опытным полководцем.

План Пьера состоял в том, чтобы, пользуясь темнотою ночи, незаметно подобраться к стенам блокгауза, проделать небольшое отверстие, положить в него петарду с порохом и приладить к ней зажженный фитиль.

Пьер абсолютно ручался за успех. Андрэ согласился на его предложение и только попросил действовать как можно осторожнее.

Все было исполнено в самую пору. За час до восхода солнца Пьер с торжеством вернулся из своей экспедиции, весь перепачканный в грязи, которою был наполнен ров, но сияющий и довольный. Андрэ и доктор не спали всю ночь, поджидая его.

— Готово, господин Андрэ, — доложил старый боцман, улыбаясь своей широкой улыбкой. — Через несколько минут вы увидите чудесный фейерверк.

Патентованный боцман так удачно распорядился, что взрыв последовал как раз в назначенное время. Минное дело было, очевидно, ему так же хорошо знакомо, как и все другое.

Непривычные к шуму и блеску взрывов, даяки дрожали как маленькие дети. Понадобился весь авторитет Андрэ, чтобы снова успокоить их и уверить, что с рассветом блокгауз будет взят.

Желанный миг скоро наступил, и даяки, как только

Взрыв последовал в назначенное время

увидели широкий пролом, сейчас же кинулись в него, давя малайцев, которые пытались его заделать.

Ни одна душа не спаслась. Избиение было поголовное. Андре с ужасом глядел на ярость даяков, но ничего не мог сделать. Остановить убийство не было возможности. Он собирался дать приказ разрушить и поджечь толстую стену блокауза, как вдруг случилось нечто, заставившее его изменить намерение.

Невдалеке перед блокаузом показалась бесчислен-

ная толпа малайцев, вероятно, услыхавших выстрелы или получивших сведение от лазутчиков. Они шли прямо на крепость, оглашая своим диким воем утренний воздух. Осаждающие разом превратились в осажденных и едва успели кое-как заделать брешь и приготовиться к обороне.

Ряд метких залпов из ружей Гинара с первого же приема несколько охладил пыл малайцев, которые отступили за черту выстрелов и принялись рыть в земле траншеи.

— Черт возьми! — проворчал доктор. — Да они, кажется, хотят нас уморить голодом?

Старый хирург был прав. Малайцы, не имея никакого осадного инструмента, как и даяки, поняли, что открытою силой блокауза им не взять, и решили принудить противников к сдаче посредством блокады.

На беду, припасов в отряде было очень мало. Тщетно Андрэ с первого же дня осады низвел до минимума ежедневный рацион, чему все покорились без малейшего ропота; тщетно также пытался он совершить отчаянные вылазки — ничего из его усилий не вышло. Численность же врагов с каждым днем возрастала и скоро дошла тысяч до двух.

Бедные даяки от постоянного голода исхудали и ослабли до крайности, но мужественно переносили все страдания. Европейцы, изнуренные лихорадкой, без страха глядели в лицо смерти. С начала осады прошло уже двадцать два ужасных дня, и роковой исход был не за горами. Но на двадцать третий день из лагеря осаждающих, держа в руке пику с привязанным к ней белым флагом, вышел человек высокого роста, одетый полумалайцем, полоевропейцем, и направился к блокаузу.

Андрэ, еле державшийся на ногах от истощения, подошел к палисаду навстречу ему. В стене блокауза было отверстие, через которое можно было вести переговоры сколько угодно, не опасаясь предательства.

Парламентер подошел к стене на расстоянии звука голоса и предъявил требование, чтобы маленький гарнизон блокауза сдался безоговорочно. Андрэ рассердился и уже хотел дать посланнику гневный ответ, но тот вдруг как будто одумался и поспешил прибавить:

— Мы вас знаем и знаем, чего вы хотите. Нам известно, с какою целью вы вторглись на землю магараджи.

— Нечего зубы-то заговаривать! — вполголоса сказал Пьер де Галь, ни к кому, собственно, не обращаясь. —

Ступай-ка, молодец, убирайся отсюда подобру-поздорову.

— То, что вы задумали, не имеет смысла,— продолжал парламентар.— Если бы с вами шли даяки со всего острова, и то вы не имели бы успеха. Магараджа силен, войска у него много, и оно уже выступило против вас повсюду...

— К чему вы это все говорите? — спросил Андрэ.

— К тому, что почетный плен лучше бессмысленного убийства. Сдайтесь нам.

— С условием,— гордо сказал Андрэ.— Пусть даякам будет позволено свободно и беспрепятственно удалиться, а нам пусть будет гарантирована жизнь.

— Вы в нашей воле, а между тем диктуете условия.

— Где же мы в вашей воле? У нас есть порох, мы можем взорваться и, кроме того...

— Нет, зачем же,— со странным оживлением перебил его парламентар.— Мне приказано представить вас живыми на суд магараджи, который вместе с английским резидентом решит вашу участь.

— Что за историю он нам рассказывает? — спросил удивленный доктор.

— Я сам не понимаю,— отвечал ему тихо Андрэ.— Тут какое-то недоразумение, должно быть. Впрочем, вмешательство английского резидента представляет для нас определенную гарантию безопасности.

— Вы согласны? — спросил парламентар.

— Даяки будут свободны?

— Будут.

— А нам будет оставлено оружие?

— Будет.

— Чем вы это гарантируете?

— Клятвой на священном Коране пророка.

— Хорошо. Еще одно слово: зачем нам нужно будет являться к английскому резиденту?

— Для ответа по трем обвинениям: в морском разбое, в захвате корабля «Concordia» и в убийстве баронета сэра Гарри Паркера, брата лабоанского губернатора.

* * *

Через неделю Андрэ Бреванн, доктор Ламперриер, Пьер де Галь и Князек в сопровождении многочисленного караула прибыли в столицу магараджи. Их привели, не лишая оружия, в роскошный дворец в центре города, окруженный индусскими и малайскими солда-

тами. Затем их ввели в огромную залу, в конце которой было устроено возвышение, богато задрапированное дорогими тканями, на котором восседал человек, облаченный в белую одежду с огромной чалмой на голове. Вокруг возвышения, в почетном карауле, стояли телохранители, вооруженные английскими карабинами. Европейцы стали искать глазами английского резидента и невольно вздрогнули, убедившись, что его здесь нет.

Неужели парламентар их обманул? Неужели они беззащитны перед этим магараджей, лицо которого они даже не могли рассмотреть, который сидел перед ними в небрежной позе и беспечно курил длинную турецкую трубку?

— Господин Андрэ, — тихо сказал Пьер де Галь, — а мы, ведь, кажется, того... попались.

В эту минуту по огромной зале пронесся чрезвычайно странный крик, какого, вероятно, никогда не слышали ни в одном дворце мира. Так резко, протяжно, насмешливо кричат иногда в Париже уличные мальчишки.

— П-и-и-и-у-у-у-фюить.

Глава XIII

Угрозы бандита. — Узница и страж. — Бунт в городе. — Собрание нечестивых. — Арсенал заговорщика. — Вперед!.. — Ставка главаря кораблекрушителей. — Муки Тантала. — Магараджа умер... да здравствует магараджа! — Кто этот советник? — Встреча оборванца с малым чиновником. — Новые подвиги парижского гамена. — Битва, выигранная Фрикэ, тигром и обезьяной. — Мео, пылы..

Читатель, вероятно, помнит, как разговор мисс Бланш с Боскареном был внезапно прерван ужасным шумом, поднявшимся на улицах города. Это происшествие произвело на каждого из собеседников диаметрально противоположное впечатление.

Свеженькое личико девушки зарделось от нескрываемой радости, а бледное лицо бандита позеленело и искалось от ярости и тревоги.

Для пленницы этот шум мог предвещать освобождение, а для ее тюремщика — как знать? — быть может, час расплаты за все. Он одним прыжком подскочил к двери и ударил в подвешенный над нею китайский гонг. Раздался громкий звон, и вслед затем одновременно приподнялись две портьеры; из-за одной вышла женщина, из-за другой — мужчина. Мужчина был рослый,

крепкого сложения араб, с гордым лицом и свирепым взглядом черных, как уголь, глаз. В руках у него был огромный блестящий ятаган с богатою резьбой, а за поясом пара кремневых пистолетов с коралловыми украшениями на рукоятке.

Женщина была высокая мулатка с очень смуглым лицом и ярко-красными устами. Одежда ее, в подражание малайскому обычаю, состояла из богатого саронга; густые черные волосы пышными волнами ниспадали на плечи, выбиваясь из-под легкого шелкового покрывала. Она быстро подошла к девушке и встала между нею и арабом, окинув последнего пламенным взглядом. Араб застыл в неподвижной позе бронзовой статуи и молча ждал, с ятаганом в руке, приказаний своего повелителя.

— Али!

— Повелитель!

— Ты очень мне предан?

— Я твой раб. Говори.

— Сколько у тебя здесь людей?

— Тридцать человек.

— Надежных?

— И неустрашимых.

— Готовых умереть по первому моему знаку?

— Готовых на все за человека, отмеченного милостью Аллаха.

— Ты головой отвечаешь мне за эту молодую девушку.

— Отвечаю головой.

— Защищай ее до последней капли крови.

— Буду защищать.

— Убивай всякого, кто подойдет к ее дому.

— Клянусь тебе в этом!

— Хорошо. Да будет с тобой Аллах!

— Слушайте, мисс, слушайте внимательно, что я вам скажу. У нас готовятся важные события. Я могу пасть в предстоящей борьбе. Я не ожидал ее так скоро. Эти крики, это смятение означают, что весь город охвачен бунтом.

— Какое мне до этого дело? Меня несколько не интересуют неистовства бандитов, которым вы продали свою душу.

— Мисс!..

— Милостивый государь!..

— Ради Бога, скажите мне одно слово. Только одно. Я не хочу умирать, я останусь жив. Но не считайте меня

низменным честолюбцем и еще менее преступником. Только грандиозность предприятия вынудила меня принять известные меры, в которых, впрочем, нет ничего бесчестного. Завтра я буду магараджей Борнео... Слышите, мисс, магараджей, то есть султаном. У меня будет трон... Хотите разделить его со мною?

— Никогда! — звонким голосом отвечала Бланш.

Боскарен вскрикнул от бешенства, сказал что-то по-арабски Али и вышел, прохрипев, задыхаясь:

— Или моя, или в могилу!

Вся энергия бедной девушки мгновенно угасла, как только удалился ее мучитель. Ее охватила нервная дрожь, из груди вырвались долго сдерживаемые рыдания, и несчастная Бланш залилась горькими слезами, бессильно упав на грудь преданной мулатки.

Последняя, хлопоча около своей юной госпожи, напустилась на араба, забросав его гневными упреками на своем живом, образном языке. Впрочем, араб остался совершенно невозмутимым. К счастью, нервный припадок продолжался недолго, и молодая девушка скоро овладела с собой и ушла в свои комнаты.

Али немедленно приступил к исполнению приказа. Он собрал своих людей, сказал им краткую речь и, раздав оружие, расставил часовых по всему жилищу лжемусульманина.

А в городе царило неслыханное смятение. По улицам-каналам целыми вереницами мчались прао с озабоченными пассажирами; на мостах, переброшенных через каналы, теснились волнующиеся толпы людей; в центре города раздавались выстрелы; во многих местах к небу взвивались густые облака дыма: то загорались деревянные дома обывателей. Китайцы целыми колониями спешили отчалить от берега в своих плавучих жилищах, — одним словом, беспорядок был полный.

К Боскарену вскоре вернулось самообладание. Только судорожное вдрагивание побелевших губ и мрачный блеск глаз выдавали теперь бушевавшие в нем страсти. Зная цену времени, он в несколько минут переоделся в свой обычный наряд хаджи и надел на голову зеленую чалму. В сопровождении многочисленной свиты из малайцев он покинул дворец и сел в лодку с гребцами, которая поплыла к небольшой цитадели в конце города.

Расстояние было довольно большое, а лодка плыла медленно, потому что ей мешали постоянно встречавши-

еся другие лодки. Хотя Боскарен уже давно был готов к восстанию против магараджи, трон которого он стремился занять, его самого бесконечно удивил такой неожиданный взрыв. Правда, он сам все это время, не переставая, подстрекал народные массы и держал их в постоянном напряжении, которое успело даже породить отдельные вспышки гнева, но теперь он положительно терялся в догадках, чему или кому приписать такую дружную, внезапную революцию, вспыхнувшую без его непосредственного участия.

Временами его лодку обгоняли быстрые прао, в которых сидели богато одетые люди и хорошо вооруженные солдаты. Обменявшись таинственными знаками с его лодкой, эти прао летели дальше, по направлению все к той же крепости. Наконец, и его люди добрались до цитадели. Перед Боскареном отворилась массивная тиковая дверь. Он вошел в длинный коридор, в котором шпалерами были выстроены малайские воины, и проник в огромную залу, где шумело и волновалось нетерпеливое собрание.

Это собрание состояло из представителей всевозможных племен и сословий. Тут были европейцы с серыми испитыми лицами, были фанатики-арабы, были бронзовые индусы и великаны-негры, были малайцы с плоскими носами и одурманенные опиумом китайцы, были роскошно одетые раджи и оборванные метисы, — и все это толкалось, кричало, бранилось и спорило на всех языках и наречиях земного шара.

Обстановка, в которой шумела эта пестрая толпа, была не менее своеобразна. Это был настоящий арсенал, настоящий вертеп бандитов, стены которого были увешаны всевозможным оружием. Каждый мог выбрать его по вкусу из огромного запаса, которого хватило бы на несколько тысяч человек. Тут висели и английские карабины, и малайские криссы, и фитильные ружья, и кавказские шашки, и арабские ганджары, и пенджабские дротики, и кампиланги с синим лезвием, и красноперые стрелы с отравленным острием, и даякские паранги, и даже веревочные сети свирепых почитателей Шивы, — одним словом, имелось все, что угодно.

При появлении Боскарена шум в одно мгновение стих, точно по сигналу. Очевидно, влияние этого человека на собрание нечестивых было громадно. Споры умолкли, головы всех почтительно склонились перед вновь пришедшим. Человек, сумевший до такой сте-

пени подчинить своему авторитету разнузданных бандитов, мог справедливо назваться царем этого темного царства, царем Ночи.

Несколько минут он стоял молча, словно собираясь с мыслями. Взгляд его черных глаз быстро скользнул по толпе. Затем Боскарен поздоровался с присутствующими.

— Спасибо, друзья, — сказал он, — спасибо вам всем за то, что вы не замедлили собраться здесь в эту решительную минуту. Каждый из вас близко принял к сердцу общие интересы и почел долгом занять свое место в строю в час опасности, когда от нас потребуются напряжение всех сил для достижения конечной нашей цели. Еще раз спасибо. Теперь, когда подготовленное нами восстание охватило весь город, когда свирепый тиран, угнетавший Борнео, уже дрожит на своем заколебавшемся троне, теперь каждый из вас должен исполнять свой долг. Помните: впереди вас всех ждет награда за потраченные труды и понесенные лишения, и какая награда! Целое царство, богатое неисчислимыми сокровищами. Итак, друзья, вперед! Ты, Иривальти, магараджа опозорил тебя ударами батогов, держал тебя в смрадной тюрьме, морил тебя голодом. Он хотел низвести тебя до положения парии, тебя, факира из Будасуры! Отомсти же, Иривальти, и сегодня же будешь раджей... А ты, Ло-а-Кан, вспомни, как магараджа лишил тебя мандаринского звания, как он пытал тебя огнем, — твои ноги до сих пор еще хранят следы этой пытки, — вспомни все унижения, какие ты вынес от злого мучителя и, собрав своих ярых приверженцев, отомсти ему с их помощью за все! Вперед и ты, Абдулла, любимое чадо пророка! Кликни клич своим мусульманам, собери их под славное знамя свое. Джая Нагара, веди в бой своих храбрых малайцев! Вас много, ваше мужество мне известно; убейте каждый по одному врагу — и победа за нами. Мужайтесь же, братья, мужайтесь, друзья. Завтра к ногам вашим притекут несметные богатства. Вашими будут алмазные россыпи Ландака и Монго! Вашими будут морские победы на быстрокрылых кораблях, все мечты ваши сбудутся, даже самые смелые!

Толпа застонала от восторга при последних словах Боскарена; нескончаемый гул потряс до основания высокие своды огромной залы. Весь сброд заволновался, засуетился, все бросились вооружаться как можно ско-

рее. Среди общего гула раздался стук и лязг снимаемого со стен оружия.

С дикой гордостью глядел Боскарен на эту фантастическую сцену; мрачный взгляд его вспыхнул и заторелся огнем торжества. Вдруг лицо его покрылось мертвенной бледностью; к нему подошел человек в одежде араба и что-то сказал ему на ухо.

— Ты лжешь! — прохрипел Боскарен, скрипя зубами.

— Нет, повелитель! Я видел сам. Магараджа убит. Убит собственными телохранителями из индусов. Потом явился белый... настоящий демон... В руках у него сверкала сабля. Он проложил себе кровавый путь... он был неудержим, как боевой конь.

— Ты говоришь, белый? Кто же он? Откуда?

— Никто не знает. Индусы пришли в восторг, подняли его на руки и с торжеством отнесли в тронную залу. Его провозгласили магараджей среди восторженных криков толпы. И теперь...

— Говори!

— Дворец заперт. Везде часовые. Неизвестный готовится к защите. Народ за него.

— Ну это мы еще увидим! Посмотрим, кто этот неизвестный, и на каком основании думает он бороться со мной!

* * *

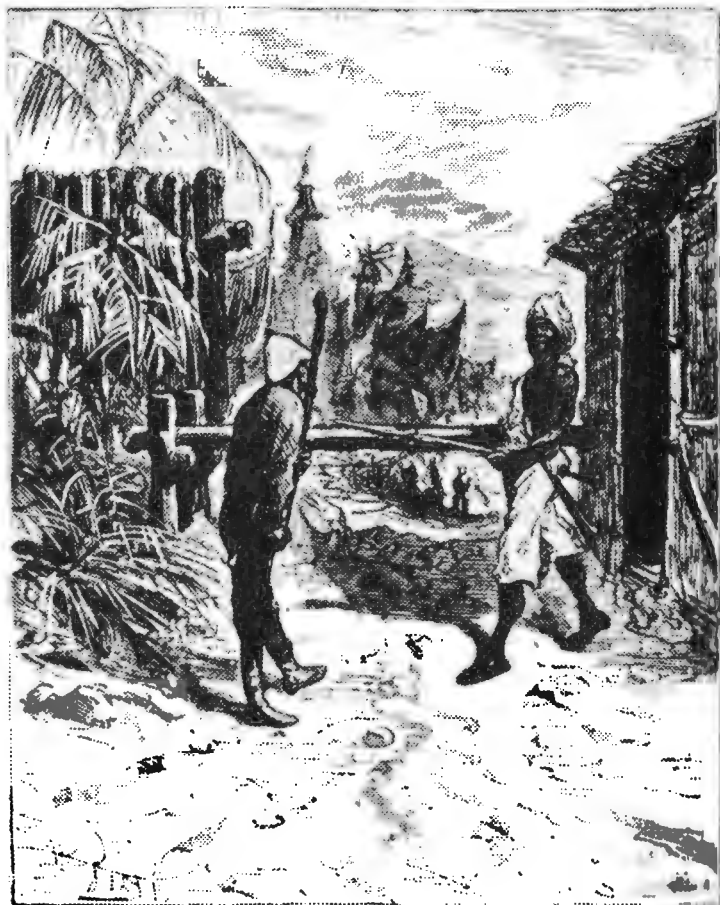
Когда занималась заря в этот памятный для Борнео день, по дороге к городу шел бедно одетый молодой человек. Плачевный вид его белого картуза, парусиновой куртки и разбитых сапог явно свидетельствовал о длинном пути, который был им пройден. В лохмотьях с трудом можно было опознать европейский костюм. Если бы Пьер де Галь, встретившись с молодым человеком, взгляделся пристальнее в его исхудалое лицо, в его походку, в его манеру держать голову, то непременно закричал бы:

— Фрикэ! Матрос ты мой!

То был, действительно, Фрикэ. Он шел спокойной походкой человека с чистой совестью, шел совершенно один, не имея, по-видимому, никакого оружия, кроме ножа, и беспечно посвистывал, размахивая довольно внушительной дубиной.

Он подошел к городским воротам, перед которыми, точно бронзовый истукан, стоял неподвижный часовой-

Часовой приставил к его груди свой кампианг

малаец с отталкивающим лицом. Увидев подошедшего Фрикэ, наружность которого, правду сказать, была весьма непрезентабельна, бронзовый человек вышел из состояния неподвижности, выставил вперед ногу, откинул корпус назад и приставил к груди путника свой кампианг.

— На-пле-чо! — вскричал Фрикэ, с хохотом взирая на подобную вражескую манипуляцию.

Но малаец несколько не был расположен шутить.

и грубо окликнул его, собираясь, по-видимому, пустить в ход оружие.

— Ну, нельзя ли без глупостей?! Этим не шутят. Ваш кампианг не игрушка для детей. Им можно порезаться.

Часовой, видимо, относившийся серьезно к своим обязанностям, отвечал парижанину таким ударом кулака, что всякий другой свалился бы на землю. Но Фрикэ, успевший, по-видимому, совершенно выздороветь, отскочил точно резиновый мячик.

— Вот так-так! Ах, ты, душечка в юбке! — сказал он малайцу, одетому в саронг.

Малаец смотрел на него с изумлением.

— Что же, разве мне нельзя пройти к вашему посылителю? Я ведь его не съем, города у него тоже не отниму. Один-то... помилуйте, что вы! Будь же рассудителен, друг. Я безобидный странник. Опусти свой кампианг и дай мне пройти.

Он сделал шаг вперед, недоверчиво косясь на малайца. Фрикэ был прав, не доверяя ему. Коварный, как все его соплеменники, малаец присел, готовясь к прыжку.

Введенный в заблуждение наружной беспечностью Фрикэ, он бросился на парижанина и... ничком растянулся на земле, зарывав от досады, точно зверь. Парижский гамен придумал новую штуку. Поняв, что повторить прыжок назад опасно, он отскочил вбок и ловко подставил ногу малайцу. Не дав ему подняться, Фрикэ завладел его кампиангом, переломил его пополам, надавив коленом, и кинул обломки в лицо разъяренному воину. У малайца текла изо рта кровавая слюна.

«Неужели я его как-то повредил? — подумал Фрикэ. — Ах, как я глуп! Я принял это за кровь, а это просто поганая жвачка из бетеля. Однако дело осложняется. Не пройдет двух минут, как их сюда явится десятка два. Это скверно».

И, действительно, на крик часового уже бежали карательные солдаты с ближайшей гауптвахты. Их было человек тридцать при одном офицере, который шел не впереди, а сзади, что, конечно, было гораздо благоразумнее. Солдаты размахивали оружием и орали во все горло. Фрикэ взмахнул дубинкой, которая резко засвистела в воздухе.

— Стойте вы, желтые морды! Если только вы меня пальцем тронете, я вас разнесу вдребезги.

Но его все-таки окружили плотным кольцом. Грозно

сверкала синеватая сталь кампилангов, нацеленных на его грудь!

— А, вот вы как! Хорошо же. Тем хуже для вас. Не я первый начал.

С этими словами он быстро отскочил в сторону, издал резкий крик и отмахнулся дубиной от острых клинков. Стоявший ближе к нему солдат повалился с раздробленным черепом. У другого от удара по руке выпал нож.

— Прочь, картонные куклы! И с другими тоже будет. Со всеми так расправляюсь... Прочь!

Малайцы невольно попятились, несмотря на свою численность. Но тут случилось нечто такое, отчего нападающие обратились в бегство.

На крик Фрикэ из придорожных кустов выскочил великолепный тигр с разинутой красной пастью и встал рядом с парижанином. Самые храбрые стушевались перед таким союзником. Они пустились назад к воротам. Но вслед крайним солдатам полетела огромная дубина, пущенная сильной рукой обезьяны.

— Bravo, Мео! Bravo, Дедушка! Мы втроем возьмем город.

С появлением диких зверей начался ужасный беспорядок. Парижанин стал у ворот, загородив проход. Солдатам ничего больше не оставалось, как бежать по равнине.

Офицер, до невозможности высоко подобрав свой сарот, первый подал пример самого безудержного бегства.

Чудная мысль озарила тогда голову Фрикэ.

— Взять бы кого-нибудь в плен. Неизвестно, что может случиться. В случае неудачи он может мне послужить заложником.

И, указывая тигру на офицера, который бежал на этот раз впереди своего отряда, он громко крикнул:

— Пиль, пиль!..

Тигр, словно дрессированная собака, кинулся за человеком, убегавшим без оглядки, довольно осторожно схватил его зубами и принес полуживого от страха с такою же легкостью, как кошка принесла бы мышь.

— Очень хорошо, мой милый. Только не очень ли ты его помял? Нет, кажется, ничего. Хорошо. Спасибо. За это я после дам тебе сахару. А вы, господин беглец, ступайте за мной. Зла я вам не причиню, но и вы ведите себя смирно, а не то будете иметь дело с Мео.

Пленник, хотя и не понял слов, но догадался, чего от него требовали, и смиренно пошел за Фрикэ.

При виде этой странной компании прохожие в городе положительно не знали, что и подумать. Носильщики разбегались, разносчики спасались куда попало, побросав лотки, лавочники запирали лавки, караульные второй гауптвахты поспешили отступить к третьей. Всеобщий переполох сначала испугал тигра и обезьяну; но потом они успокоились, видя, как спокойно шагает их друг.

По своей привычке быть всегда осмотрительным, Фрикэ взвел курок и зорко осматривался по сторонам. Но это было лишним. Его звери наводили на всех такой страх, что никто даже и не подумал о нападении.

— Шутка удалась, — сказал про себя Фрикэ. — Пробую-ка взять еще одного. Чем больше заложников, тем спокойнее будет.

Ждать долго не пришлось. Из-за угла показался туземец в богатейшем костюме, в сопровождении слуг, из которых один нес зонтик, другой — коробку с бетелем. Они направлялись к лодке, стоявшей на канале. Но Фрикэ не дал ему сесть в лодку. С самым спокойным видом приставил он ему револьвер прямо к носу и приказал присоединиться к его свите.

Но при повороте на следующую улицу перед ним появилась большая толпа индусов с чалмами на головах, в белых куртках и широких панталонах. У них были ружья. Опустив ружья к ноге, они стояли неподвижно, словно на смотру.

— Ай-ай! — пробормотал Фрикэ. — Да эти молодцы смотрятся настоящими солдатами. Если им моя шутка не понравится, то возможно, что мое дело — табак.

Глава XIV

Сипаи магараджи. — Вредные последствия деспотизма. — Отказ брамина есть свинину и что из сего последовало. — Не пора ли мстить? — Изумление батальона сипаев при виде Фрикэ и его странной свиты. — Фрикэ получает пшеничный круглый хлебец и цветок синего лотоса. — Уличная война. — Новый «аватар» бога Вишну. — Месть Иривальти. — Фрикэ, сделавшись индусским божеством, становится магараджей Борнео.

Несмотря на то, что магараджа полностью поддался влиянию Боскарена, он все-таки смутно чувствовал, что

его окружает опасная атмосфера измены. Как ни старался самозванный хаджа Гассан уверениями в преданности усыпить подозрительность полудикого монарха, тот никак не мог успокоиться, хотя и не предполагал, что именно этот Гассан и замышляет завладеть его тронном.

Не сказав ни слова приближенным, он, пойдя на большие издержки, выписал из Индии батальон сипаев, человек в пятьсот. Солдаты были как на подбор молодец к молодцу и великолепно обучены военной службе, так как принадлежали к племени гуркасов, которое из всех племен Индии одно осталось верным английскому правительству во время страшного восстания 1857 года.

Этот факт показался магарадже лучшей порукой в преданности наемных телохранителей. Желая завоевать их расположение, он сделал их предметом внимания и заботы. За неслыханную цену он выписал для них самое лучшее заграничное оружие, великолепно обмундировал и положил невероятно высокое жалованье.

Сипаям все это импонировало, и на первых порах они были признательны монарху, осыпавшему их такими почестями. Так продолжалось некоторое время к величайшему неудовольствию малайцев, которые, естественно, стали завидовать чужеземцам. На беду, магараджа не умел совладать со своими деспотическими замашками. Однажды в пьяном виде он вздумал заставить одного из сидевших за столом сипайских офицеров съесть кусок свинины.

Индусы вообще народ очень умеренный и трезвый; кроме того, они исключительно религиозны, а религия запрещает им есть свинину. Если бы офицер исполнил требование деспота, он навсегда уронил бы себя в глазах своих подчиненных. Поэтому джемадар, или поручик Иривальти, будучи уважаемым брамином, решительно отказался осквернить себя нечистым мясом. Магараджа стоял на своем. Ничто не помогало. Тогда, не помня себя от бешенства, деспот имел неосторожность ударить офицера. Малайцы пришли в шумный восторг от этой неуместной расправы. Безрассудный тиран тут же спохватился, но было уже поздно. А Боскарен шепнул ему предательский совет разжаловать джемадара, посадить его в тюрьму и наказывать палками.

Совет пришелся по вкусу грубому тирану, так как вполне соответствовал его свирепым наклонностям. У него, впрочем, достало благоразумия приказать, чтобы наказание совершенно было не публично, а в строгой тайне. Боскарен извлек из этой истории громадную пользу для себя. Он допустил, чтобы подвергли почтенного джемадара позорному наказанию, а потом дал наказанному и разжалованному офицеру возможность бежать из тюрьмы, принял его тайно в свой дом, перевязал ему раны и взял его под свое покровительство.

Во время своей болезни брамин обдумывал способы мести. Боскарен навещал его каждый день. Когда раны индуса зажили, он взял однажды руку Боскарена и поцеловал.

— Повелитель мой, — сказал он, — не пора ли мстить?

— Нет, еще рано...

— Я не могу ждать... я задыхаюсь от бешенства.

— Имей терпение!

— Но где же мне его взять? Я не белый человек, я индус, кровь во мне так и кипит.

— Так как же быть? Что ты думаешь делать?

— Я пошлю моим братьям синий цветок лотоса, символ священной мести, чтобы он, переходя из рук в руки, возвестил каждому, что час возмездия пробил. Я пошлю всем индусам острова круглые пшеничные хлебы-чапати, и, увидев их, все мои братья соберутся вокруг меня.

— Хорошо, Иривальти, хотя у меня кровь не такая горячая, как у тебя и у твоих соплеменников, хоть я только пришелец в здешних полуденных странах, но ваше дело — мое дело... Ты увидишь, что белый человек сумеет постоять за себя в бою.

— Повелитель, ты говоришь, как правоверный. Когда ты будешь готов?

— Недели через две. Да что ты торопишься? Ты еще и ходить не в силах...

Иривальти презрительно улыбнулся и, выхватив у Боскарена из-за пояса кривой ганджар, прехладнокровно вонзил его себе в бедро.

— Несчастный! Что ты делаешь?..

Фанатик пожал плечами, вынул кинжал из раны и возвратил его Боскарену со словами:

— Ничего, повелитель. Прежде чем сделаться бра-

Прощай, Иривальти, будь осторожен!

мином, я много раз обошел Индию простым факиром и нередко вешал себя на крючок, воткнутый в тело. Взгляни: все тело мое покрыто рубцами. Почти все они — следы добровольных ран; эти раны я наносил себе или для того, чтобы заработать несколько рупий, или для того, чтобы быть причисленным к лику святых.

— Хорошо. Довольно. Я никогда не сомневался в твоей твердости. Оденься же поскорее в одежду

факира. Повидайся со своими сипаями. Расскажи им, какой прозор ты вынес. Вдохни в них такую же ненависть к тигру, какая кипит в твоём сердце. Прощай. Иришальти. Будь осторожен.

Подготовив все таким образом, с дьявольской ловкостью склонив на свою сторону сипаев, которые одни могли дать магарадже серьёзную защиту, Боскарен не сомневался больше в успехе. Услыхав волнение на улицах города, он, не подозревая истинной причины его, был в полной уверенности, что оно произведено его клеветами.

Таково было положение дел, когда Фрикэ неожиданно наткнулся на сипаев, смотревших на него с изумлением и восторгом. Им было странно видеть европейца, спокойно идущего по городу в сопровождении ручного тигра и ручной обезьяны. Тому, что факиры обладают секретом зачаровывать змей и тигров, сипаи не удивлялись. Брама велик, и милость его к верным своим служителям безгранична. Но чтобы европеец мог так безмятежно выступать рядом с укрощёнными обитателями лесных дебрей, этого не в состоянии были постичь сыны Востока; да перед таким чудом встали бы, пожалуй, и тупик даже мудрецы, искушённые в книге Вед и в толковании законов Ману. Прогневите сипая — и вы обнаружите в нем кровожадного сына Туга или Фазингара, которые оба считаются мастерами в деле убийства. Неудивительно, что гуркасы магараджи с пиететом глядели на эти два орудия убийства — на обезьяну и тигра, готовых броситься в бой по первому знаку своего вожатого. Но вот к белому подошел молодой индус, лет двенадцати, держа в одной руке синий цветок лотоса, а в другой круглый пшеничный хлеб, и вручил оба эти символа чужеземцу. Тогда индусы почувствовали к европейцу неодолимую симпатию.

Фрикэ до смерти хотелось есть. С наслаждением вдохнув аромат цветка, он жадно поглядел на хлебец. Цветок он вдел в петлицу, а хлеб уже совсем было собрался есть, невзирая на присутствие многочисленной публики, как вдруг из рядов батальона вышел сам командир, высокий, стройный, мускулистый мужчина, вложил саблю в ножны и, протянув руки, приблизился к Фрикэ, взглядом и жестом умоляя возвратить ему обе вещи.

Фрикэ удивился, но, разумеется, исполнил желание командира сипаев, заметив при этом:

— Извольте, если уж вам так хочется. Очень рад доставить вам удовольствие. Я в восторге от приема, какой вы мне оказали. Там, у ворот, меня хотели огреть алебардой... или чем-то в этом роде... Конечно, то были не вы, а желторылые малайцы. Ну, да им хорошо от меня досталось. Будут помнить. А здесь мне подносят хлеб и цветы. Хорошенький знак. Очень хорошенький. Жаль, что это только символ, а то мне очень хочется есть. Страсть, как хочется... Ну, да что-нибудь дадут же мне потом. Небось и ты проголодался, Дедушка, а? И ты, Мео?

Тем временем цветок лотоса и хлеб быстро переходили у сипаев из рук в руки. Когда последний солдат дотронулся до таинственных эмблем, офицер скомандовал по-английски: «На плечо!.. Справа, слева заходи!» — и Фрикэ со свитою разом окружила двойная шеренга солдат. Забил барабан, зазвенела туземная труба, и странный кортеж тихо двинулся по улице.

Дедушка и Мео шли довольно спокойно, несмотря на воинственный шум вокруг них. Дедушка тяжело выступал своей вихляющей походкой, изумленно поглядывая по сторонам и по временам громко фукая то на барабан, то на трубу. Фрикэ всякий раз успокаивал его взглядом. Мео вел себя, к удивлению, еще достойнее. Деятельно помахивая своим пестрым хвостом и поводя ушами в такт мерному военному шагу солдат, он двигался как ни в чем не бывало.

Все шло как нельзя лучше, и Фрикэ радовался благоприятному обороту дела, как вдруг обстоятельства переменялись. Отряд проходил через малайский квартал, направляясь к дворцу.

Парижанин, не зная, что лотос и хлеб были символом близкого восстания, думал по простоте души, что его преспокойно ведут в полковые казармы. Все его честолюбивые замыслы в эти минуты сводились лишь к тому, чтобы отведать хотя бы солдатского пайка. Сипаи приняли его с почетом, и это его несколько не удивляло. «Быть может, они догадались, что я путешественник, — думал он, — что много видел и могу кое-что порассказать». Ему не пришло в голову, что тут кроется недоразумение, ошибка.

Неожиданно сипаев встретили резкими криками. В них начали бросать чем попало. Командир велел сомкнуть ряды и приготовить оружие.

— Вот тебе раз! — пробормотал Фрикэ. — Видно,

военных-то здесь не очень любят. Однако это что-то не похоже на шутку. Сначала кидали кочерыжками, а теперь в нас летят булыжники. А терпеливы эти индусы, право, хотя по лицам их видно, что они далеко не трусы.

За градом всякой всячины последовал выстрел. Один сипай упал. В рядах послышалось звяканье взводимых курков. Два индуса взяли раненого товарища на руки и унесли в середину отряда. Фрикэ подбежал, схватил его ружье со словами:

— Я на его место. Будем стоять друг за дружку!

По сторонам улицы поднялась беспорядочная стрельба. Обыватели, пользуясь случаем сорвать злобу на ненавистных наемниках, разряжали как попало свои допотопные кремниевые пистолеты, которые стреляли с какою-то судорожной икотой. Фитильные ружья чихали и сыпали на сипаев свои смехотворные пули, безвредные, как горох.

В общей сложности вышло очень много шума и очень мало толку. Но вот командир подал знак. Раздался дружный залп из английских карабинов, всю улицу заволок густой дым. Стены домов задрожали, и гул далеко прокатился вдоль каналов. Лодки остановились, повернули назад, и малайцы спаслись бегством с обычной их «храбростью». Слышны были отчаянные крики. Ответный залп сипаев, видимо, привел нападающих в замешательство.

Из рядов индусов вышли каждый третий и устремились в дома мирных жителей. Через минуту из этих домов показались клубы дыма. Крики усилились. Жители, задыхаясь, пытались выбежать из горящих домов. Тщетная попытка. Индусы в упор расстреливали всех, не щадя ни женщин, ни детей. Вся длинная улица была охвачена пламенем. Сипаи быстро прошли вперед, оставив за собой море огня. Горнисты трубили изо всех сил. Барабаны трещали.

Фрикэ, целый и невредимый, ускорил шаги, сляясь успокоить Мео, у которого пуля задела кончик уха.

По толпе сипаев пробежал ропот восторга.

Европеец, повелевающий зверями! Авторитет этого юноши с первым пухом на губах вырос в их глазах до гигантских размеров. Он не только укротил зверей, он совершенно подчинил их своей воле, и самый свирепый из них ему служит, как раб, повинаясь одному его взгляду.

Хотя Фрикэ и не понимал слов, но был польщен знаками почтения, которое ему оказывали. В его голове успел уже зародиться план, как при помощи сипаев отыскать своих несчастных друзей и Бланш.

Шествие приблизилось к дворцу, громада которого гордо возвышалась в конце улицы.

Тем временем трусливый магараджа дрожал всем телом, умоляя приближенных, на чью верность он мог еще рассчитывать, защитить его от мятежников. Шум, внезапно раздавшийся возле самого дворца, ужаснул тирана, десять лет угнетавшего миллион несчастных малайцев.

Но приближенные сами растерялись. Хладнокровие сохранил один первый министр. Он призвал малайскую гвардию, расставил часовых, раздал оружие и боевые патроны. Но вот, взглянув в окно, он увидел сипаев, которые быстрым шагом приближались к дворцу, стреляя в народ.

— Беги, государь!.. Измена!.. Спасайся скорее!..

— Ты лжешь, собака! — закричал тиран, скрежеща зубами, и выстрелом из пистолета убил верного министра.

За этим взрывом бешенства наступил полнейший упадок духа. Магараджа бормотал в беспамятстве:

— Гассан!.. Где Гассан?.. Позовите Гассана!..

— Он скоро придет, — прорычал ему в ответ человек в изодранной, окровавленной одежде.

Внезапное появление этого человека повергло в ужас гнусного тирана, который закричал коснеющим языком:

— Иривальти!.. Пощади!..

То был действительно Иривальти, выросший из-под земли, точно призрак.

Он подскочил к магарадже, схватил его за бороду и ударом ятагана снес ему голову с плеч.

— Ко мне, друзья, ко мне! — закричал неумолимый палач. — Тиран убит! Да здравствует магараджа Гассан!

Но брамин слишком поторопился возвестить победу. Малайцы, заплотившие дворец, несмотря на охватившую их панику, отлично понимали, какие последствия будет иметь воцарение лжеараба. Они не участвовали в заговоре. Им ничего не было обещано. Они почувствовали, что их счастливые дни миновали. Тогда в них заговорил инстинкт самосохранения.

Иривальти понял, что совершил ошибку. Он про-

Иривальти ударом ятагана снес голову магарадже

ник во дворец через тайный ход, думая, что заговорщики уже там. Он не понял, каким образом восстание началось без этой предосторожности. Ему не было известно, что бунт был вызван исключительно появлением Фрикэ. Малайцы бросились на него и убили на трупе магараджи.

Тем временем индусы после отчаянного сопротивления заняли дворец. Они растеклись по бесчисленным залам и коридорам, наполняя их дикими криками.

Фрикэ тоже отчаянно дрался и, бросив ружье, рубил саблей налево и направо. Он первым ворвался в тронную залу, за ним Дедушка, размахивающий своей страшной дубиной, за Дедушкой Мео, потрошащий малайцев своими страшными лапами.

Умиравший Иривальти заметил молодого человека, у которого в петлице был вдет лепесточек лотоса.

Он с усилием приподнялся, воздел над головой руки, громко воскликнув:

— Ты будешь магараджей!

И упал замертво.

В несколько минут индусы истребили малайцев всех до единого. Командир батальона, расшвыривая трупы ногою, подошел к Фрикэ и на английском языке сообщил ему предсказание умирающего брамина.

Парижанин, с грехом пополам понимая английский язык, не поверил своим ушам. Но почтение, которым его окружили, рассеяли все сомнения. Его действительно провозгласили магараджей Борнео!

Глава XV

Фрикэ не зазнается. — Фрикэ собирается составить министерство из своих отсутствующих друзей. — Достойное поведение тигра и обезьяны. — Фрикэ очень интересен на троне. — Сабля бухарского эмира. — Неожиданный приход. — Дедушка и Мео показывают зубы. — Торжественная аудиенция, данная магараджей чрезвычайному уполномоченному лабоанского губернатора. — Гнусное обвинение.

С удовольствием констатируем тот факт, что Фрикэ нисколько не возгордился своим новым саном. Тщеславие было ему чуждо, и фимиам лести не способен был вскружить ему голову.

— Магараджа Борнео!.. Каково?! Парижский гамен!.. Да может ли это быть? Ну, что ж, ничего, бывает и хуже.

В этих словах был весь Фрикэ с его пренебрежением к благам жизни. Быть повелителем Борнео, решать судьбы миллиона подданных, обладать громадными богатствами, — вся эта блестящая перспектива была оценена им коротенькой фразой: «Ничего, бывает и хуже!». Фрикэ был особенный человек.

— Да, — говорил он сам себе с обычной ясностью мысли, — трон, случайно доставшийся во время мятежа, не может быть слишком прочен. Это положение самое

большее на двадцать четыре часа. Сегодня я магараджа, а завтра меня, чего доброго, расстреляют. Нужно воспользоваться случаем и ковать железо, пока горячо. У меня станут просить мест, должностей, отличий... Там увидим. Если бы Пьер де Галь был здесь, я бы назначил его морским министром. Это ему очень пошло бы. А с Князьком, что делать? Ах, из него вышел бы отличный министр публичных работ. Господину Андрэ я предложил бы портфель министра внутренних дел. Доктору... ну, этому я поручил бы министерство народного просвещения. Всех их сделал бы министрами!.. Отличное правительство было бы в Борнео... Великолепный кабинет составил бы у магараджи. Но, увы! В том-то и горе, что их здесь нет!.. Сипаи ко мне очень расположены, это видно; надо воспользоваться ими и укрепить на всякий случай дворец, дабы обезопасить свою царственную особу.

Но индусы не стали дожидаться распоряжения и успели уже под руководством своих офицеров укрепить не только самый дворец, но и все подступы к нему. Они работали дружно и умело, и на всю работу понадобилось им немного времени. Фрикэ, ничего не евший с самого утра, вздохнул, наконец, свободно и наскоро закусил в ожидании предстоящего боя, накормив также и зверей, изнемогавших от голода.

Когда они насытились, Фрикэ сказал им:

— Вот что, друзья, смотрите в оба. Избегайте ударов, но сами старайтесь наносить их как можно больше. Ты, добрый мой Дедушка, будь осторожнее. Ты очень силен, сильнее четырех воинов, вместе взятых, но все-таки умеряй свой пыл, когда бросаешься вперед с поднятой дубиной. Я буду в отчаянии, если ты получишь увечье. Бери пример с Мео. Он очень зол, но осторожен, наносит удары исподтишка, что не мешает ему быть очень грозным в битве. Не забывай, что дисциплина на войне решает все и что благоразумие неразлучно с истинной храбростью.

Оранг и тигр серьезно выслушали эту речь, как будто и впрямь понимали ее значение. Обезьяна громко фукнула, положив свою дубину на пол, присела, склонив голову на руки, упершись локтями в сложенные бедра, и задремала. Тигр деликатно помурлыкал, прилег на мягкий ковер, сладостно впустив в него когти, и заснул, положив морду на лапы.

Вошли слуги, неся великолепную одежду, и оста-

новились на почтительном расстоянии при виде зверей.

— Вы зачем? — спросил Фрикэ. — Мне ничего не нужно.

Командир сипаев подошел и, приложив к глазам руки в виде зонтика, отвечал:

— Государь, эти люди принесли тебе царскую одежду. Начальник дворца передает тебе белую тунику — знак высшего сана. Затем он поднесет тебе чалму, которую носят все правоверные. Потом ты сядешь на трон...

— Все это очень хорошо, все вы, господа, очень милы и любезны, но я не охотник до подобных комедий с переодеванием. Да и, наконец, надевать женское платье... да еще с кринолином... право, это смешно. А эта чалма!.. Я буду точно торговец финиками.

Офицер продолжал настаивать.

— Спешите, государь. Эта одежда сделает твою особу священной в глазах всех...

— Чему доказательством пример моего предшественника...

— Народ признает тебя. Когда придет Гассан, он будет бессилен против тебя...

Имя Гассана подействовало на молодого человека, как холодный душ.

— Гассан!.. Вы сказали: Гассан?.. Он белый, да?

— Да, он европеец.

— Черт возьми! Это он и есть, Венсан Боскарен, негодяй, похитивший нашу Бланш!.. Хорошо. Я согласен. Я закутаюсь во что угодно. Дайте мне саблю. Хорошую саблю, с отличным клинком.

Парижанин весело сел на трон и подзвал к себе командира сипаев, единственного человека, с которым он мог здесь кое-как объясняться на ломаном английском языке. После продолжительного разговора индус понял, что ему поручается немедленно занять дворец Гассана и никого оттуда не выпускать.

Фрикэ хотел и сам выступить со всем батальоном, чтобы в случае нужды поддержать тех, которые шли исполнять его приказы, как вдруг к его удивлению двери тронной залы отворились настежь и в залу были введены четыре его друга, сопровождаемые малайцами. Первым его движением было соскочить с трона и броситься к ним с объятиями, но он сейчас же одумался. Сипаи, возведшие его на трон, могли неблагосклонно взглянуть на такую фамильярность нового

Парижанин сел на трон

магараджи с французами. С другой стороны, малайцы, которые привели иностранцев, были, видимо, настроены против них: несмотря на то, что друзьям Фрикэ сохранили оружие, парижанин видел, что они пленники. Это его остановило.

Тогда-то он и испустил тот странный крик, о котором мы говорили. Друзья парижанина знали его. Андре вздрогнул, несмотря на свое хладнокровие, потом побледнел от радостного волнения.

— Фрикэ здесь... — шепнул он на ухо доктору. — Стало быть, все идет хорошо.

— Да, но где же он?.. Что он тут делает? Впрочем, он такой плут, что способен сделаться раджей.

Пьер де Галь не вытерпел и загремел на всю залу:

— Эй, матрос!.. Эй!

— Пи-и-у-фьюить! — пропищал парижанин.

— Молодец ты, мой мальчик!.. Это ты, я тебя узнаю в этих белых тряпках... Господи, как я счастлив!.. Я сейчас подойду тебя обнять.

И храбрый моряк принялся расталкивать малайцев, которые уже давно посматривали на него косо.

К нему подошел богато одетый сипайский офицер и на индусском языке, которого Пьер, впрочем, не понял, объяснил ему, что он не должен приближаться к священной особе султана. Старый моряк догадался по жестам офицера, чего от него требуют.

— Да вы что в самом деле? — ответил он. — Неужели вы думаете, что я дам себя удержать? Ваш раджа — мой милый мальчик Фрикэ. Как же мне не подойти к нему и не прижать его к своему сердцу?

Сипай стоял на своем. Пьер рассердился и покраснел, как рак.

— Черт побери!.. Если бы я сделался королем Мадагаскара или чем-нибудь в этом роде, — а это случилось и не с такими, как я, — то разве кто-нибудь посмел бы помешать моему матросу подойти ко мне и пожать мне руку?.. Прочь, пустите меня! Я к нему подойду во что бы то ни стало. Господин Андрэ... доктор, Князек, идите за мной...

Малайцы уступили напору европейцев, но индусы оказались храбрее; они выровняли ряды и взвели ружья. Назревал опасный конфликт. Тогда Фрикэ одним прыжком вскочил с трона и издал резкий свист.

Свисту Фрикэ вторил яростный рев тигра и сердитое фуканье обезьяны. Оба зверя вскочили со своих мест на ковре и ждали сигнала, чтобы кинуться на того, кого им укажут.

Фрикэ с саблей в руках, подобрав свои длинные белые одежды, кричал, стоя на ступенях трона и размахивая саблей:

— Пропустите их сейчас, не то я изрублю вас в куски!

Испуганные индусы и малайцы расступились по обе стороны и образовали длинный коридор, по которому

друзья пробрались к трону, чтобы обнять своего товарища.

— Друзья! — воскликнул Фрикэ со слезами на глазах. — Мы вместе!.. Тише, Дедушка!.. Тише, Мео! Довольно. С этими господами извольте жить в мире.

— Ах, ты, бедовый мальчишка!.. Объясни же нам, наконец, что все это значит? — спросил Андрэ.

— Неужели вы вправду магараджа? — прибавил доктор.

— Или император?.. — воскликнул Пьер де Галь.

— Фрикэ!.. — захлебываясь от восторга, вторил Князек.

— Нашего полку, как видно, прибыло, — произнес опять Пьер. — У тебя я вижу двух новых солдат, и отличных солдат, надо сказать правду. Да говори же что-нибудь, что ж ты молчишь? Или у тебя язык отнялся?

— Вы все говорите разом; я не знаю, кому отвечать. Я расскажу все после, а теперь мне некогда. Я сделался магараджей только с нынешнего утра, и забот у меня по горло. Кстати, что поделывают даяки?

— Должно быть, воротились в свои кампонги.

— Бедные!.. Хотелось бы мне что-нибудь для них сделать.

Так разговаривая, Фрикэ и его друзья приблизились незаметно к самому трону. Это возмутило малайцев, тем более, что они не жаждали перемены монарха. Начальник отряда малайцев подошел к Фрикэ и сказал ему что-то недовольным голосом.

— Молчать! — закричал Фрикэ повелительным тоном. — Еще одно слово — и я посажу тебя на шпиль главной мечети!

Малаец замолчал, испуганный грозным голосом нового магараджи. Он снова вернулся в ряды, но не мог все-таки удержаться от ропота.

— Теперь, друзья мои, не лучше ли вам будет зарядить свои карабины, благо, эти негодяи оставили их у вас. Будем смотреть в оба и держаться поближе друг к другу: этот маскарад не может долго продолжаться. И не настолько глуп, чтобы верить в прочность своего воцарения. Я занял этот картонный трон только по недоразумению и вполне сознаю это, хотя не могу объяснить этого недоразумения. Вы целы и невредимы, стало быть, половина моей задачи выполнена. Но я не забыл о главной цели нашего предприятия.

— Бланш! — вскричал Андрэ.
— Девочка! — прибавили доктор и Пьер.
— Я уже отдал приказ схватить негодяя, который держит ее в плену. Его дом теперь, вероятно, уже занят моими солдатами, я послал туда сипаев. Мне хотелось идти с ними самому, но это абсолютно невозможно. Меня здесь берегут, точно зеницу ока, и ни за что не выпустят из дворца. Впрочем, Гассан-Боскарен не мог уйти далеко, и, вероятно, мы его скоро поймаем.

— Послушай, Фрикэ, — перебил его Андрэ. — Ты очень хорошо распорядился, дитя мое, но этого мало. Я хорошо знаю этого негодяя. Хитрости у него много, средства большие, он располагает целой армией. По-моему, необходимо собрать как можно больше людей и поспешить на помощь девушке. Может быть, уж и теперь слишком поздно.

— Вы правы, господин Андрэ. Надо действительно спешить.

Фрикэ уже собирався позвать своих сипаев, как вдруг у главного входа во дворец затрубили в рожок. Вслед за тем в тронную залу, в сопровождении двенадцати вооруженных матросов, вошел человек в красном мундире и с белой фуражкой на голове.

— Его превосходительство господин уполномоченный лабоанского губернатора! — пробурчала хриплым голосом какая-то личность, исполнявшая при уполномоченном обязанности драгомана.

— Что такое? — спросил Фрикэ.

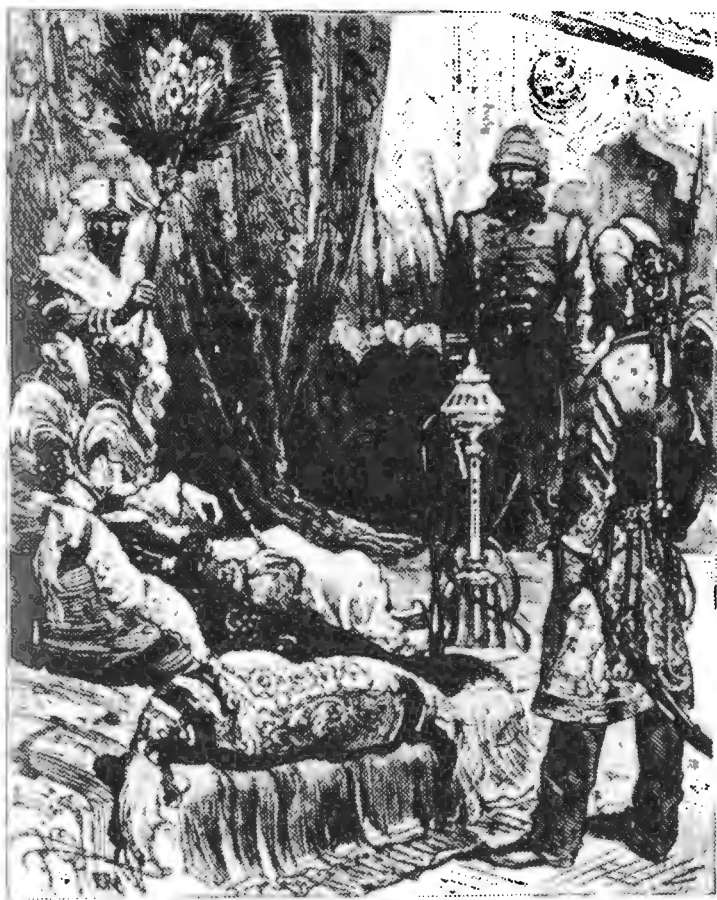
— Молчи, — шепнул ему на ухо Андрэ. — Не отвечай. Храни свое инкогнито. Пускай этот англичанин примет тебя за настоящего раджу. Не делай ничего, пока я не дам тебе знака. За всем этим кроется какая-то каверза, и мне хочется знать — какая...

Фрикэ остался неподвижен, как китайский идол, а дипломат в красном мундире гордо и важно приблизился к трону, около которого бесстрастно стояли индусы-телохранители, держа ружья к ноге.

— Приветствую высокого и могущественного магараджу Борнео от имени его превосходительства лабоанского губернатора, — возгласил на малайском языке хриплый драгоман.

По совету Андрэ, Фрикэ важно кивнул головой сверху вниз.

Дипломат важно приблизился к трону

Человек в красном мундире притронулся к козырьку фуражки рукой, затянутой в белую перчатку.

— Высокий и могущественный магараджа Борнео, — продолжал драгоман, — ужасное преступление совершено над личностью покойного сэра Гарри Паркера, офицера на службе ее величества, в то время, как он исполнял мирное поручение, имевшее целью принести благо и твоему государству, и всему острову. Виновники названного преступления — четыре фран-

цузских авантюриста и негр. Они с помощью флотилии пиратов овладели яхтой «Конкордия», которая находилась под командой сэра Паркера, перебили весь ее экипаж и предательски убили сэра Гарри, брата губернатора острова Лабоана. В настоящее время эти негодяи находятся в твоей столице, и ныне же уполномоченный его превосходительства требует от тебя немедленной их выдачи, дабы с ними обошлись по законам. В случае же, если ты откажешься их выдать, уполномоченному лабоанского губернатора поручено объявить, что этот отказ будет сочтен поводом к объявлению войны, и твоя столица подвергнется беспощадной бомбардировке... Я кончил.

По мере того, как эта речь, наполненная нелепостями, приближалась к концу, Андрэ все сильнее и сильнее бледнел от сдерживаемого гнева. Когда драгоман замолчал, молодой человек дрожащим от волнения голосом обратился к уполномоченному, который стоял по-прежнему холодный и важный.

В нескольких словах он рассказал ему на английском языке все обстоятельства, благодаря которым Андрэ и его друзья очутились на острове Борнео. Он описал битву с пиратами, отчаянное сопротивление «Конкордии», напомнил, как они оказали помощь яхте и получили признательность сэра Паркера, и, наконец, описал таинственную смерть последнего.

Англичанин слушал, неподвижный и бесстрастный.

Наконец он разжал свои длинные желтые зубы, прикрывавшие его нижнюю губу, точно клавиши фортепиано, и произнес отрывисто, точно фонограф:

— Суд разберется. Если ли у вас свидетели?

— Наши слова могут подтвердить матросы с «Конкордии».

— Они все умерли... и вы это знаете. Остался в живых только один свидетель, и его показания будут не в вашу пользу. Введите этого свидетеля.

Вошел синьор Пизани, почтительно сопровождаемый двумя английскими матросами.

— Вот так история, — проворчал Фрикэ.

Глава XVI

Жесвидетель. — Синьор Пизани оказывается моко. — Кто таков английский уполномоченный. — Покушение на убийство. — Подвиги Дедушки и Мео. — Смерть двух хабрецов. — Что происходило в доме у Гассана. — «К оружию!» — Слишком поздно. — Бланш исчезла. — Это «Конкордия»! — Паровая шляпка. — Черный флаг. — Последняя схватка. — Китайская джонка. — Перед мандарином с сапфировой пуговкой.

Бывший подшкипер «Конкордии» вошел среди всеобщего глубокого молчания. При виде негодяя, в низости которого они еще не были уверены вполне, французы подозрительно насторожились. Когда же он, став рядом с английским чиновником, выдвинул против них гнусное обвинение под присягой, сомнения все рассеялись.

Негодование французов было так велико, что они некоторое время не в силах были выговорить ни слова.

Один магараджа быстро вышел из оцепенения и незаметным знаком подозвал к себе сипайского офицера. Офицер отвесил глубокий поклон и, выбрав двадцать солдат с обнаженными штыками, поставил их у входа в залу.

Господин уполномоченный лабоанского губернатора соорил при виде этого кислую гримасу, а его солдаты тревожно переглянулись. Действительно, выход из залы был прегражден.

Синьор Пизани побледнел.

Драгоман заговорил опять:

— Магараджа Борнео, ты слышал, в чем обвиняет британское правительство названных французов. Ты слышал присягу свидетеля. Преступники даже не отпираются. Их молчание есть признание. Магараджа Борнео! Я снова требую, чтобы ты выдал убийц сэра Гарри Паркера нашим законным властям.

— Магараджа отказывается выдать своих гостей, — сказал Андрэ твердым голосом.

Англичанин нахально ответил:

— Так значит — война!

— Пусть. Мы ее не боимся.

— Не может быть, чтобы магараджа поступал обдуманно. Магараджа слишком много потеряет в случае войны...

— А вы ничего не выиграете. Ваша настойчивость только доказывает, что вы сами боитесь войны, которую

нам грозите. Подумайте прежде хорошенько. Теперешний магараджа Борнео (Андрэ сделал ударение на слове «теперешний») не испугается британского флага и мужественно примет бой, навязанный столь легкомысленно... Смотрите, не нарвитесь на нас, как нарвались на афганов и буров, на абиссинцев и на ашантиев.

— Милостивый государь, вы оскорбляете парламентаря.

— Какой же вы парламентар, если вы явились сюда с угрозами и в сопровождении вооруженных солдат? Ведь вы не предъявили никаких письменных полномочий не только от правительства государства, но даже от местного колониального управления. Неужели вы думали, что мы, люди в здравом уме и нормальной памяти, поверим Бог знает кому, позволим отдать себя в руки неведомому интригану, переодевшемуся в красный мундир? Не мы ваши пленники, а вы наши арестанты, и здесь разберутся, на чьей стороне честь и правда.

Англичанин гордо запрокинул назад голову и мужественно отвечал:

— Ваши доводы — обычные доводы убийц. Вы можете взять меня в плен, можете даже зарезать меня. Вам это ничего не стоит. Но знайте, что за мной стоит британское правительство, британский флот, лорд Гранвиль, мистер Гладстон...

Громкий хохот прервал парламентаря, пустившегося перечислять государственных деятелей Англии, которым родина британцев обязана славой.

Магараджа привскочил со своего трона и смеялся до упаду, до безумия, смеялся поистине гомерическим смехом.

— Нет тут никакого уполномоченного и нет никакого синьора Пизани, — крикнул он, досыта насмеявшись.

— Как? Что ты говоришь?

— Вы помните крейсер «Молнию»? Помните, как мы гонялись за «Хищником»?

— Да... а что?

— Помните, как мы встретились с одним кораблем, назвавшимся «Роной» и везшим на Кубу сахарный тростник?

— О, как сейчас помню. Капитан этого корабля, веселый марселец, поднимался даже к нам на борт.

— А вы не забыли имя этого веселого моко?

— Вот имя-то забыл, не помню.

— Напрасно. Эта «Рона» оказалась ничем иным, как замаскированным пиратским судном и еще накануне называлась «Франклин». Капитаном же ее был... господин Мариус Казаван... а теперь он называется синьором Пизани... Да-с, вот такие дела.

— Ах, ты, плут! — вскричал громовым голосом доктор. — Вот молодец! Ловко разоблачил! Ведь это все правда от начала до конца. Теперь и я узнаю этого негодяя. Я к нему приглядывался еще на «Конкордии», но только никак не мог узнать. Теперь я не сомневаюсь, кто он.

Пизани молчал, как громом пораженный, и взглядом умолял англичанина выручить его.

Но Фрикэ не дал англичанину времени заступиться и заговорил вновь:

— Что касается вас, господин уполномоченный, то я вам вот что скажу: довольно морочить добрых людей. Для меня все равно, англичанин вы или американец, я знаю только, что вы плут. Переодеваться вы мастер, это верно. Но я все-таки вас узнал. Ручаюсь, что когда я вам передавал паровую машину на «Конкордии», вы никак не предполагали, что нам придется с вами встретиться здесь. Что, разве неправда, мистер Джим Кеннеди?

Последние слова поразили мнимого посланника, как гром. Вся его напускная чопорность разом куда-то улетучилась. Но он не растерялся, как Пизани, а стал действовать, как отчаянный разбойник, как достойный приспешник злодея Боскарена.

Он дал быстрый знак своим солдатам, которые, моментально приблизившись к нему, взвели курки своих карабинов.

— Ну, что ж! — зарычал он яростно. — Ты прав, проклятый француз! Но тебе недолго придется торжествовать. Эй, вы, стреляйте! Пли!.. Так велел главарь, убейте их всех и бегите! Спасайтесь!

— Ложись! — крикнул Фрикэ зазвеневшим голосом.

Но друзья не успели упасть на землю. Раздался ужасный залп, и в деревянную стену ударил целый град пуль. Но французы каким-то чудом устояли на ногах, целые и невредимые, хотя Фрикэ крикнул что есть мочи. Громадная зала наполнилась невообразимым

шумом. Сипай с громкими криками бросились на убийц, но эти крики заглушил рев тигра и яростное пыхтение обезьяны.

Парижанин тоже бросился вперед с поднятой саблей; за ним его друзья; но они опоздали. Все было кончено в четверть минуты, убийцы получили достойное возмездие за предательский поступок.

— Слишком поздно! — с горестью воскликнул Фрикэ. — Слишком поздно!

— Что поздно? Что? Ты ранен, мой мальчик? — подбежал к нему доктор.

— Не знаю, ранен ли. Но вон они, эти милые, добрые звери!.. Они умерли, спасая нас от верной гибели.

Действительно, в ту минуту, когда Фрикэ закричал: «Ложись!», — тигр и оранг вскочили, как на пружине, и заслонили собой французов. Все пули, предназначавшиеся Фрикэ и его друзьям, пронзили тела великодушных зверей. Смертельно раненные, несчастные животные нашли в себе довольно сил, чтобы броситься на убийц. Фрикэ все это видел и вскрикнул от жалости.

Он побежал к ним и нашел их издыхающими среди груды растерзанных тел. Дикие жители вольных пустынь экватора погибли при первом же столкновении с цивилизацией!

Фрикэ с глубокой печалью смотрел на бездыханные трупы своих друзей, деливших с ним все невзгоды. В это время к нему подошел один из сипаев того отряда, которому было поручено захватить дом Боскарена. Он был весь в крови и пыли.

— Откуда ты? Говори скорее! — спросил Фрикэ голосом, дрожащим от тревоги.

Сипай не понял, Андрэ повторил вопрос друга.

— Государь... — с усилием заговорил он. — Мы исполнили твой приказ. Никто не вышел из дома Гассана... Но в городе бунт... На нас напали... со всех сторон... Мы защищались... Потом пришел сам Гассан с большой толпой... С ним были все бандиты Борнео... Мы ничего не могли сделать... Офицер наш убит. Все наши перебиты... я едва мог дотащиться сюда... и умираю.

— К оружию, друзья! В бой! — задыхаясь, вскричал Фрикэ. — Быть может, уже поздно. Ко мне, сипай! Кто меня любит — за мной! Вперед!

Он сорвал с себя одежду магараджи, схватил саблю и выбежал на улицу. Европейцы и Князек побежали

вслед за ним, а командир сипаев повел быстрым шагом своих солдат. Фрикэ неся так стремительно, что даже быстროногие индусы насилу поспевали за ним.

Город пылал со всех сторон. Гремели выстрелы, слышались крики раненых. Встречались толпы горожан, которые вели каких-то людей с черными от пороха лицами, в изодранных одеждах. Это были, вероятно, бандиты Гассана, пойманные на месте преступления — за убийством или поджогом. Им раскраивали головы и трупы сбрасывали в канал.

Оборона была организована всюду, и бандиты, видимо, терпели поражение. Роскошное жилище Боскарена, где томилась несчастная Бланш, находилось недалеко от рейда. На площади перед домом разыгралась главная битва; вся площадь была усеяна трупами.

Все двери и окна были выломаны. Внутри обои висели клочьями, мебель была опрокинута, лужи крови растекались по коврам. Фанатик Али поклялся умереть, но не сойти с места. Он сдержал свою клятву и мужественно пал на пороге комнаты Бланш.

Что касается самой девушки, то от нее не осталось и следа. Обшарили весь дом, но Бланш не было. Дом был совершенно пуст. Пленница отсутствовала.

Фрикэ побледнел, зашатался и едва устоял на ногах.

— Фрикэ... Виктор... дитя мое... ободрись, не унывай! — утешал Андрэ, растерянно сжимая его в объятиях. — Будь мужчиной. Мы ее найдем.

— Да, найдем. Нужно найти. Если она погибнет, я пушу себе пулю в лоб. Это я виноват... Я слишком долго медлил.

Один Пьер де Галь сохранял, по-видимому, некоторое хладнокровие.

— Друзья, — сказал он, — не может быть, чтобы негодяи утащили девочку в город, где такой беспорядок и хаос. У них, наверное, был у пристани оснащенный корабль, на котором они и ушли.

— Правда, правда! — вскричал доктор. — Бежим скорее на рейд!

— На рейд! На рейд!

Фрикэ сделал над собою усилие и стряхнул с себя оцепенение. Он был все еще страшно бледен, но бывшая энергия снова возвратилась к нему.

Французы пустились бежать к набережной, не заботясь, идет за ними кто-нибудь или нет. Между верфью и кораблями на якоре сновало множество лодок.

Тут были американские китобойные шхуны и бриги, клиперы с двойной медной обшивкой, быстрые катеры и неуклюжие джонки, и среди этого частого леса перепутавшихся мачт и рей особенно выделялся своей красотой один изящный корабль.

Высокие мачты и удлиненная носовая часть обличали в этом кораблике замечательного ходока. Дым, черными клубами вылетающий из высокой трубы, доказывал, что создатели корабля снабдили его также и паровиком, не желая вверять случайностям погоды.

Корабль стоял готовый к отплытию.

Пьер де Галь узнал его, хотя кузов корабля и был перекрашен в другой цвет. С языка матроса сорвалось самое злобное ругательство.

— Это «Конкордия»!..

На борт корабля взойшло несколько человек. Среди них отчаянно билась какая-то белая фигура.

— Бланш! — вскричал Андрэ, не помня себя от горя. — Дочь моя!.. Ах, мы, проклятые!.. Опоздали!..

— Нет еще. Видите вы эту паровую шлюпку? Она английская. Вон и флаг.

— Может быть, на ней приехал лжепарламентер.

— Хотя бы сам черт! — заорал Фрикэ. — Я беру ее, и горе тому, кто мне вздумает помешать.

На борту шлюпки был всего один человек, английский матрос. Он направил на Фрикэ штык. Фрикэ зловеще засмеялся, вырвал у матроса штык, а самого его схватил за шиворот и сбросил в море.

— Пьер, становись к рулю! Правь на яхту. Машиной займусь я сам. Полетим на всех парях, хотя бы пришлось взорваться, — один конец.

— Готово? — спросил бретонец.

— Да. Здесь все пятеро.

— А не подождать ли сипаев?

— Где ждать? Скорее в море. Мы одни захватим яхту, чего бы это ни стоило.

— Хорошо. Отчаливай.

— Вперед! С Богом!

На «Конкордии» подняли трап. Раздался свисток. На мачте нахально взвился черный разбойничий флаг. То была зловещая эмблема кораблекрушителей!

На шлюпке тоже зашипели пары. Она заскрежета-ла всем корпусом и тронулась.

— Мы выиграем расстояние. Корабль их должен еще лавировать между отмелями.

- Скорее, Пьер!
- Хорошо, хорошо.

Яхта была уже в пятидесяти метрах. Бланш вне себя металась по палубе, умоляя друзей криками и жестами поспешить к ней на помощь.

Вот подле девушки показалось бледное лицо Боскарена. Он отдал рулевому какое-то приказание. Яхта повернула под прямым углом направо и скрылась за неуклюжей китайской джонкой, которая тяжело шла наперерез шлюпке. У Пьера де Галья вырвался крик ужаса и тревоги.

- Назад, или нас раздавят!

Маневр был исполнен с неслыханным хладнокровием. Еще секунда — и было бы поздно. Кузов шлюпки скользнул по джонке в косом направлении. Удар был все-таки настолько силен, что машина испортилась.

Дело было проиграно.

Китайцы, сидевшие на джонке, подняли яростный крик. В одну минуту, прежде чем наши друзья успели опомниться, их шлюпка была наводнена сынами Поднебесной империи. Все пятеро были мигом связаны и отнесены на джонку.

На задней стороне палубы стоял толстый старый китаец с лоснящимся желтым лицом, искаженным невероятной злобой. На нем была надета богатая шелковая хламида, а на шапке блестела крупная сапфировая пуговица, указывающая на сан мандарина. Андре и его товарищей подвели к нему.

— Они самые, — сказал он, окинув их косым взглядом узеньких монгольских глаз. — Главарь будет доволен. Заковать их в цепи!

В эту самую минуту послышался визг и на палубу вбежал мальчуган в богатом китайском костюме.

Мальчуган одновременно и смеялся, и плакал, и кричал от восторга. Он бросился к Фрикэ, стал его обнимать и целовать, потом кинулся на шею к изумленному Пьеру де Галю.

— Фликэ!.. Пьер де Галь! Друзья мои!.. Как я лад!.. А это мой папа... Он не злой, он добрый... Я не дам связывать вам руки... как...

— Виктор!.. — оба вместе вскричали и Фрикэ, и патентованный боцман.

— Да, я самый... о, мои добрые друзья!..

Он сказал несколько слов по-китайски мандарину с

сапфировой пуговицей, и сумрачная физиономия старика сию же минуту озарилась улыбкой.

— Вы избавили моего сына от рабства, вы спасли ему жизнь, — сказал он с некоторым благородством. — Теперь моя очередь отплатить вам тем же. Я должен был выдать вас главарю. Вы свободны. Располагайте мною. Я к вашим услугам.

...А яхта, увозившая Бланш, была уже чуть заметной точкой на горизонте.

Часть третья

РАЗБОЙНИКИ ЗОЛОТЫХ ПОЛЕЙ

Глава I

Кошелек или жизнь! — Шляпа Гесслера. — Встреча Фрикэ с Самом Смитом, австралийским бандитом. — Хороший бокс. — Гол как сокол. — Подвиги Фрикэ. — Еще бокс. — Приход трех полисменов не вовремя. — Сэм Смит убегает, а Фрикэ попадает на удочку.

— Сэр!..

— Милостивый государь!

— Не угодно ли вам остановиться?

— Не угодно ли вам сесть?

— Что такое?

— Ничего.

— Я не понимаю, что вы сказали.

— А по мне, как хотите.

— Сэр... Ваш кошелек... положите его ко мне в шапку... вон она лежит на дороге... да поторопитесь. Дело идет о вашей жизни.

— Кошелек?.. Ах, вы шутник! Да я гол как сокол. Что же касается моей жизни, я сумею ее защитить от кого угодно.

— У вас нет денег?

— Ни монетки. А про шапку я вам вот что скажу. Был в Швейцарии фон Гесслер; вот он и вздумал повесить свою шляпу на дороге, чтобы все прохожие ей кланялись. Кроме беды, — не для шляпы, конечно, а для Гесслера, — из этого ровно ничего не вышло.

— Ну, и что же из этого следует?

— А то, что не ко всякому прохожему следует приставать, вот что.

— Как грозно!.. Впрочем, посмотрим.

С этими словами из рощи выбежал рослый мужчина с ружьем на плече. Голова его была повязана белым платком.

— Вы что это важничаете? — сказал он.

— Немножко. А вы?

— Очень рад это слышать. Можете увериться на деле.

— Я не прочь.

— К вашим услугам.

— Вы мне положительно нравитесь.

— У вас губа не дура.

— Вы француз?

— Да, и могу дать вам хороший урок.

— А... о!.. Вот как!

— Можете быть уверены, что я всегда готов подтвердить на деле свои слова.

— Я Сэм Смит!

— А я Фрикэ!

— Меня называют царем «лесовиков».

— А я был магараджей Борнео... и был бы им до сих пор, если бы хотел.

— Вас не переспоришь.

— И не поборешь.

— Мистер Фрикэ...

— Monsieur Сэм Смит.

— Мне скучно с вами.

— Бедный мальчик!

— Уже месяца два, как я не занимался боксом.

— Странно! У вас такое ремесло, что вы должны бы, кажется, получать очень много тумачков.

— О нет, — жестко возразил Сэм Смит, причем глаза его свирепо заблестели. — Люди, с которыми мне приходилось иметь дело, бывали не в силах побороть меня.

— А! Значит, вы убиваете всех встречающих?

— Всех, у кого есть золото и кто отказывается положить его в мою шапку.

— А что вы делаете с такими голяками, как я?

— Я подаю им милостыню... шлепками.

— Не всякий пожелает принять такую милостыню.

— Сэм Смит еще никем не был побежден.

— Это значит, что вы нападали только на слабосильных.

— Вы слишком молоды, чтобы так говорить.

— А вам неприлично, по-моему, прибегать к пустым угрозам.

— Эй, берегитесь, вы!

— Monsieur Сэм Смит.

— Мистер Фрикэ!

— Право, с вами очень приятно беседовать по-французски. Вы владеете нашим языком в совершенстве, и у вас на все есть готовый ответ. Вас можно принять за француза, не в обиду будь сказано для честных людей... Ну-с, так лингвист вы хороший, покажите теперь, хороший ли вы боксер.

— А... О! Сколько угодно.

— Еще одно слово. К моему прискорбию, я должен вам заметить, что вы поступаете не совсем корректно.

— То есть как это?

— Вы вооружены с головы до ног, точно джентльмен с большой дороги. Помилуйте, заряженная двухстволка, револьвер за поясом, да ведь это целый арсенал.

— Ну, так что же из этого?

— А то, что вы можете всем этим злоупотребить, когда увидите, что не ваша взяла. Согласитесь, что это с моей стороны совершенно законное опасение.

Сэм Смит захохотал, растянув до ушей огромный рот, обнажив при этом длинные и острые зубы, которыми позавидовала бы любая акула.

— Ах, французы, французы!.. Что за неподражаемый народ!.. Успокойтесь, молодой человек. Мне для вас не нужно огнестрельного оружия, с вас довольно и моих кулаков. Извольте, я все это сниму с себя и положу рядом с шапкой.

— Вы очень добры, monsieur Сэм Смит... Ну, становитесь!

— К вашим услугам, мистер Фрикэ.

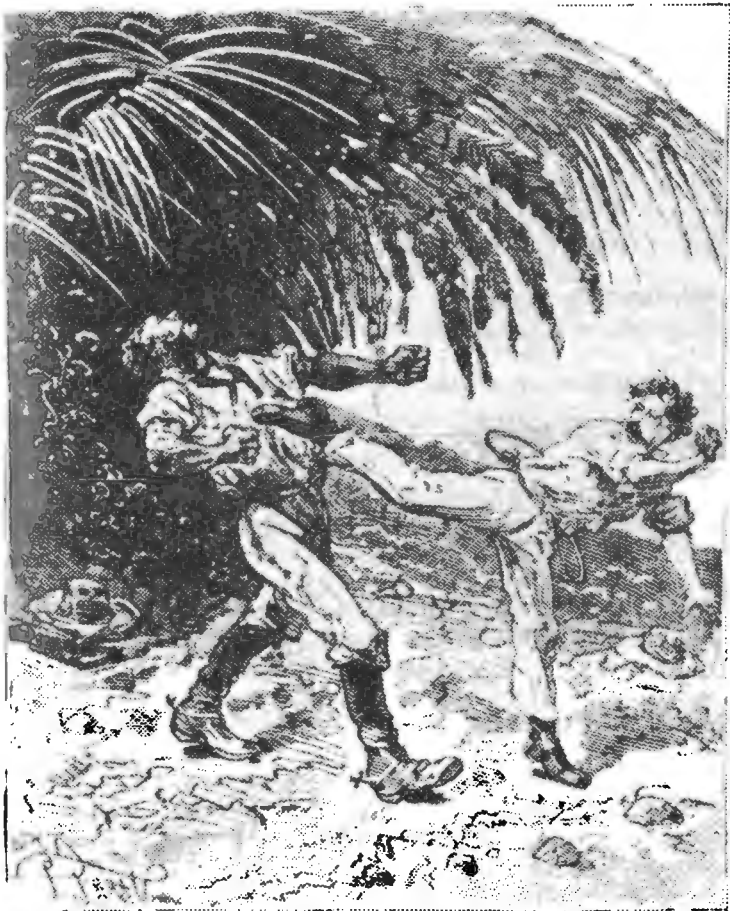
Богатырь-англичанин, ростом около шести футов, стал в позицию и скрестил перед своей бизоньей грудью два огромных и сильных кулака.

Фрикэ встал боком, сдвинув ноги, точно две трубы у тромбона. Правую руку он согнул и поднял вровень с плечом, а левую вытянул вперед; кулаков он не сжал, обратив руки ладонями к противнику.

Поза англичанина была тяжелая и сурово-сосредоточенная, поза француза — небрежная и беспечная. Но последний представлял довольно жалкую фигуру по сравнению со своим громадным противником.

Сэм Смит, как опытный боец, понимал всю важность первого удара, решающего иногда исход всей

Фрикэ ногой нанес ему такой удар, что тот вскрикнул

борьбы. Фрикэ не торопился нападать. Метнув на противника горящий взгляд, он промолвил:

— Не угодно ли вам начать, сударь!

Рука Сама Смита тяжело поднялась и опустилась на то место, где за секунду перед тем была голова парижанина.

Последний отскочил назад с неслыханной быстротою. Он коснулся земли руками и ногами, и тело его описало полукруг. Англичанин едва не потерял равно-

весие, ударив по пустому месту, а Фрикэ тем временем взмахнул и нанес ему такой удар, что тот вскрикнул от боли.

— А-о!

— К вашим услугам! Не правда ли, я действовал по правилам?

— Yes. Теперь я сломаю вам ногу.

— Едва ли. А вот я так вас усажу.

— Держите карман...

Сэм Смит не договорил и полетел на землю, получив здоровенную подножку. Он поднялся совершенно сконфуженный.

— Есть обезьяны еще более ловкие, — сказал он.

— Фи, monsieur Сэм Смит, вам, кажется, завидно. Но это еще пустяки, а дальше будет гораздо интереснее. Вы готовы?

— Yes.

— Ну-с, так давайте продолжать.

Эта удивительная борьба между австралийским бандитом и парижским гаменом происходила в месте пересечения 35° южной параллели с 143° восточного меридиана. Фрикэ потерпел крушение у берегов Австралии и был выброшен волнами в провинцию Виктория, самую богатую на австралийском материке.

Костюм юноши пребывал в жалком состоянии. Лицо бедняги похудело, осунулось, побледнело. Видно было, что он уже давно голодает. Тем не менее парижанина по-прежнему не покидало шутливое, веселое расположение духа. Он шел в одно таинственное место, куда надеялся прибыть дня через два, как вдруг был остановлен на дороге Сэмом Смитом.

Быть может, первый раз в жизни разбойнику Сэму Смигу был нанесен двойной урон: во-первых, он ничего не получил в свою шляпу, а во-вторых, неудачно вступил в борьбу.

Бой продолжался. Фрикэ увертывался от ударов, пользуясь всеми средствами. Несмотря на неудачу, Сэм Смит невольно любовался его ловкостью, забывая, что он не зритель, а сам участник борьбы.

Бойцы утомились; у Фрикэ слегка покраснелось лицо и на лбу выступил пот; англичанин дышал тяжело, точно тюлень. Восхищаясь ловкостью молодого человека и продолжая скрещивать с ним кулаки, Сэм Смит вступил с ним в разговор, пожелал узнать, кто он и зачем приехал в Австралию.

— Прогуляться захотелось! — вскричал Фрикэ и вдруг ужасным ударом кулака вышиб противнику два передних зуба.

— А-о! — вскричал англичанин, с кровью выплевывая зубы на траву. — Здесь гуляют только миллионеры да нищие.

— А я ни то, ни другое.

— А-о!.. Пойдемте ко мне. Мы вместе будем царствовать в лесах. By God, из вас выйдет отличный лесовик... А-о!..

Последнее междометие было вызвано ударом ногою в грудь, который Фрикэ нанес англичанину, лягнув его, как лошадь.

— Не довольно ли? — сказал француз. — Вы совсем избиты, ваш нос превратился в репу, под глазами у вас фонари, ваши зубы гуляют по траве. Что вам еще нужно, monsieur Смит?

— Я хочу победы, мистер Фрикэ.

— Вы идете к ней очень странным путем.

— А-о! Все эти ваши тумачи ничего не значат. — и raw flesh (сырая говядина, как говорят боксеры).

— Raw flesh... нет, вы скорее жесткий, дурно прожаренный бифштекс, который вязнет в зубах.

— Ну, мистер Фрикэ, кончим скорее.

— С удовольствием, monsieur Смит.

— Впрочем, нет; передохнем одну минутку; мне нужно сказать вам два слова.

— Слушаю.

— Вы славный парень, мистер Фрикэ. Я не буду действовать против вас не по правилам, но все-таки сделаю сейчас с вами знатную штуку. Я понял ваши фокусы и уверен, что сейчас одержу над вами полную победу.

— Вот как! Однако вы очень скромны.

— Молодой человек, мне тридцать пять лет. Я занимаюсь боксом с двадцатилетнего возраста... Было бы недостойно меня хвастаться перед таким молодцом, как вы, но желаю вам быть счастливее других моих противников.

— Спасибо за любезность, monsieur Смит. Постараюсь оказаться достойным вас. Вы готовы?

— All right.

С этими словами Сэм Смит присел, скорчился и вытянул вперед руки, опершись локтями о согнутые колена. Перед Фрикэ очутилась целая масса крепчайших

Фрикэ что есть силы хватил его по виску

мускулов, обладавших громадной силой сопротивления.

— Черт возьми, — проворчал парижанин, — да этак его, пожалуй, не пробьет и пушечное ядро. Однако попробую.

Фрикэ решился употребить в дело особый прием борьбы, когда нападающий бьет и руками, и ногами. Он разбежался и в какую-нибудь четверть минуты нанес противнику ударов двадцать. Все было напрасно: Сэм Смит остался непоколебим, точно каменная глыба.

Фрикэ, наконец, выбился из сил. Он решительно не мог понять, откуда эта неуязвимость. Но он чувствовал, что против него замышляют что-то особенное.

И, действительно, только он бросился на лесовика, как тот моментально вскочил и схватил Фрикэ за ногу. Парижанин почувствовал, что его подняли на воздух как перышко и что его нога сжата словно железными тисками. От боли он света не взвидел и едва не закричал. Бандит проговорил, торжествуя:

— Если эта чертова нога не сломалась, то только потому, что она вылита должно быть из стали...

Сэм не успел договорить и вдруг упал на землю, точно подкошенный. Фрикэ собрал последние силы и, что есть мочи, хватил его кулаком по виску.

Вслед за этим падением раздалось громкое «ура», и парижанин, все еще не пришедший в себя, увидел, как в тумане, четырех всадников, трое из которых были европейцы и один негр. Последний был одет в длинную шерстяную рубашку и сидел на высокой лошади без седла. На европейцах были белые фуражки и синие блузы с серебряными пуговицами; за спиной у них висели ружья Генри-Мартини. Кроме того, у них имелись еще за поясом револьверы и сабли. Они сидели прямо и уверенно на великолепных чистокровных лошадях.

Несмотря на свою британскую флегматичность, они не удержались и крикнули «ура» при виде ловкого удара, нанесенного французом. Они еще издали заметили бой и нарочно подъехали незаметно, чтобы не вмешиваться до времени.

Опоздай Фрикэ со своим ударом на одну секунду, и он бы неминуемо погиб, потому что Сэму удалось крепко ухватить его за ногу, которая только каким-то чудом не была сломана.

Между тем Сэм Смит лежал на земле весь багровый и пытел, точно кузнечный мех. Он был совершенно неподвижен и, казалось, не обращал внимания на окружающих.

Один из новоприбывших, ни слова не говоря, подошел к Фрикэ и предложил ему оплетенную флягу с ромом. Несмотря на антипатию к своему противнику, Фрикэ влил ему в рот несколько капель укрепляющего напитка, который не замедлил произвести ожидаемое действие.

Разбойник громко чихнул, приподнялся и сел. Он

узнал Фрикэ и поблагодарил его за заботу, потом вдруг громко вскрикнул от бешенства при виде европейцев и их чернокожего спутника.

— Черт побери!.. Полиция!..

Один из полисменов подошел к нему с вежливостью, которой не мешало бы поучиться полицейским любого из европейских государств, и сказал:

— Здравствуйте, мистер Смит, душевно рад вас видеть... Мы ищем вас вот уже четыре дня. Мы изъездили сотни миль, гоняясь за вами и, наконец, настигли-таки. Виселица давно по вам плачет.

— Не будь с вами этой черномазой обезьяны, — ворчливо ответил Сэм Смит, — никогда бы вы меня не выследили.

— Но черномазая обезьяна была с нами... и вы пойманы, и вас будут судить, и, наверное, повесят, любезнейший, — возразил полисмен с добродушной улыбкой.

— Это меня-то повесят? За что?

— Последние ваши подвиги, мистер Смит, возмутили всю провинцию. Они совершенно непозволительны.

— Возмутили всю провинцию? Слишком большая для меня честь.

— Опасная честь, мистер Смит, очень опасная. Вы на одной неделе убили четырех человек.

— Всякий делает, что может... а для меня еще и веревка не свита.

— Кстати, мистер Смит, — возразил полисмен, — я все думал, что вы подвизаетесь один, а у вас, оказывается, есть сообщник.

— Позвольте! — вскричал с негодованием Фрикэ. — Это уж не я ли сообщник грабителя на большой дороге?

— Боже мой! Француз!..

— Да, сударь, француз, и притом никогда не делавший ничего бесчестного.

— Начальство разберется.

— Начальство!.. В своем ли вы уме? Зачем я пойду к вашему начальству? По какому праву вы меня можете задержать?

— Полиция имеет право задержать всякого бродягу, тем более, что мы вас нашли в компании с известным разбойником, с которым вы, по-видимому, на дружеской ноге.

— На дружеской ноге? Это уж не потому ли, что я

чуть не забил его до смерти?.. Станный повод делать вывод о дружеских отношениях.

— Что верно, то верно: вы мистера Смита чудесно обработали. *By God*, вы молодец, и ваш арест принесет нам много чести. Вы сделаетесь героем дня. Местные газеты наперебой будут печатать вашу биографию и наши портреты.

Во время этого разговора лесовик встал с большим трудом на ноги. Он подполз к небольшой рошце мимоз и резко свистнул.

— Что это вы изволите делать, мистер Смит? — спросил полисмен.

— Зову свою лошадь; ведь вы же не намерены вести меня пешком?

— Боже упаси! Поезжайте, но только с условием, что вы будете ехать впереди, что вашу лошадь поведут на поводу и что я буду следить за малейшим нашим движением с револьвером в руке.

Великолепная лошадь подбежала к разбойнику и положила ему на плечо свою красивую голову.

— *By God!* Что за прелестная лошадь у вас, мистер Смит!

— Да, недурна. Не будь у ней содрано немного левое заднее копыто, никогда бы вам не найти моих следов. Ну да что об этом толковать. Поймали молодца, ничего не поделаешь. Приходится покориться. Этот джентльмен порядком помял меня, так уж вы помогите мне, пожалуйста, взобраться на седло.

Два полисмена предупредительно сошли с лошадей и подошли помочь раненому.

Сэм Смит только того и ждал. Слабости его вдруг как не бывало. Раз, два — и услужливые полисмены покатались по земле, пораженные в грудь кулаками бандита. Одним прыжком вскочил он на лошадь и крикнул опешившему Фрикэ:

— Вы невиновны, так и вывертывайтесь, как знаете!

Третий полисмен не растерялся: он мигом прицелился из револьвера и выстрелил в беглеца. Но разбойник дал шпоры коню и умчался, а пуля ударилась о ствол камедного дерева.

— Ну, ничего, — сказал неудачный стрелок, — мы еще найдем его. А если не найдем, то вы ответите и за него, и за себя, — добавил он, обращаясь к Фрикэ и окидывая его недобрым взглядом.

Глава II

Основание колонии.— От 1788-го до 1885-го.— Каким образом в течение одного века тысячи жителей превратилась в три миллиона.— «Царица южных морей».— Несообразности австралийской природы.— Усилия, увенчавшиеся успехом.— Влияние губернатора сэра Томаса Брисбэна.— Золотая земля.— Австралийская федерация.— Колониальная полиция, ее устройство и бюджет.— Негритосы-сыщики.— «Проворнее!..» — Бегство.

В мае 1787 года при министерстве Питта по совету знаменитого Джемса Кука была отправлена из Англии эскадра в одиннадцать кораблей под начальством капитана Филиппа. Через восемь месяцев плавания эскадра встала на якорь в Ботанибее, под 33°33' южной широты и 148°35' восточной долготы.

На кораблях эскадры находилось семьсот пятьдесят семь конвиктов, или каторжников-мужчин, четырехста девяносто две женщины и восемнадцать детей при конвое из двухсот солдат и офицеров. Всего было тысяча сто шестьдесят человек.

Метрополия выслала в эту неисследованную страну подонков общества, положив, таким образом, начало новой исправительной колонии. Все состояние новых колонистов составляли: четыре коровы с теленком, один бык, жеребец с тремя кобылами, тридцать три овцы с пятью баранами да несколько коз и свиней.

И что же? Факт невиданный, неслыханный, поражающий самих экономистов: из этой небольшой горстки людей, пополняемой новыми колонистами, выросло в настоящее время население в три миллиона душ, а несколько особей домашнего скота, заброшенных на пустынный берег, произвели 1 000 000 лошадей и 8 000 000 голов рогатого скота.

Таково в настоящее время положение Австралии, могущей смело соперничать со старой европейской цивилизацией и не без гордости добиваться звания «царицы южных морей».

Всякие комментарии излишни, когда налицо факт такой удивительной эволюции. Поневоле приходится признать, что своим вечным преуспеянием англичане обязаны своим природным качеством — настойчивости, терпению, трудолюбию, замечательному упорству в борьбе и удивительной житейской цепкости. Осознание этих качеств делает англичанина самоуверенным, но не легкомысленным. Это самоуверенность человека,

знающего, чего он хочет и какими силами располагает.

Англичане — народ положительно «счастливый на руку». Где бы ни водрузили они свой флаг, там сейчас же начинается процветание. Бесплодные пустыни, населенные голодными туземцами, под их владеятельством словно чудом превращаются в цветущие нивы и зеленые луга; пустыни заселяются; возникают, словно вырастая из земли, города; процветают торговля и промышленность... Замечательные колонизаторские способности, удивительная удача!

Австралия — наглядный тому пример. Для колонизации, казалось, это была самая неблагоприятная страна. Правда, первые путешественники, прельстившись ее могучей флорой, громадными размерами ее деревьев, мягкостью и умеренностью ее климата, сгоряча объявили ее настоящим Эльдорадо, но очень скоро наступило разочарование.

Пятая часть света была впервые замечена в 1601 году португальским мореплавателем Мануэлем Годенью, приставшим к ее северо-восточному берегу; затем ее мимоходом посетил голландец Верскоф, открывший в 1606 году мыс Йорк, и, наконец, она была исследована Гартогом, тоже голландцем, который открыл некоторые из близлежащих островов. В то время новый материк был назван *Terra Australis incognita* и в принципе должен был считаться голландским. И действительно два голландца, Петер Карпентер и Абель Янсен Тасман, открыли: первый — залив Карпентария, на севере, а второй — остров Тасмания, отделяющийся от материка Бассовым проливом.

Но ни голландцы, ни приехавшие затем в 1670 году французы, ни англичане, заглянувшие на западный берег в 1668 году, не водрузили здесь своего флага. В продолжение целого столетия мореходы упомянутых трех наций приезжали заглянуть на неведомый материк, но все дело ограничивалось основанием нескольких факторий, влачивших жалкое существование вплоть до 1770 года, когда капитан Кук неожиданно объявил Австрию владением английского короля Георга.

Спустя восемнадцать лет капитаном Арчером Филиппом была сделана упомянутая нами в начале главы попытка основать там колонию.

Трудно было первое время подневольным колонистам; но в этих тяжелых трудах пионеров и развернулся

во всем блеске колонизаторский гений англо-саксонской расы. Сначала для пришельцев все было внове.

Прежде всего сказался недостаток в водоемах. Австралийские реки, стремительно сбегая с гор, прокладывают себе глубокие русла в долинах, растекаются в болота, теряются в песках и вообще с трудом достигают моря, не имея вдобавок больших притоков, которые бы усиливали и подкрепляли их.

За неимением естественных водных путей сообщения колонисты попробовали проникнуть в глубь материка сухим путем. Новая неудача. Их встретили огромные деревья с тусклой, темной зеленью без цветов и без плодов; всюду оказался избыток бесполезных растений и обилие ненужных животных, как будто назло европейским традициям. Австралия — действительно страна нелепостей, доходящих до крайностей. Приведу отрывок из сочинения англичанина Улларторна, писателя XVIII века, трактующего об этом предмете.

«Австралия, — пишет Улларторн, — представляет контраст с Европой не только по своему географическому положению, но и во многих других отношениях. Начнем с природы. В то время, когда у нас зима, в Австралии царствует лето. Барометр поднимается перед дождем и опускается перед хорошей погодой. Лебеди там черные, а орлы белые. Есть там животное вроде крота, имеющее утиный нос, но кормящее своих детенышей молоком. Собаки в Новой Голландии имеют голову волка и тело, как у лисицы, и никогда не лают. Там водится птица с языком в виде метелки; треска ловится там в пресной воде, а окуни в море. Встречаются также крылатые змеи и летучие рыбы с крыльями, как у летучих мышей. Крапива вырастает там с большое дерево, а тополь не превышает величины обыкновенного кустарника. Громадные папоротники имеют там стволы в двадцать пять и даже в тридцать футов, и широкие листья их торчат горизонтально и виде зонтика.

Там живет огромная птица казуар, напоминающая страуса, только вместо перьев ее кожа покрыта шерстью. Голос одних птиц похож на свист и шелканье кучерского кнута; голос других напоминает серебряный колокольчик. Крик некоторых птиц похож на детский плач, а других — напоминает смех человека. Листья на некоторых деревьях никогда не опадают, зато у них периодически меняется кора, и т. д., и т. д.

Немецкий ученый Блуменбах, — пишет далее наивный автор прошлого столетия, — выдвинул предположение, что материк Австралии сотворен после того, как были уже созданы прочие части земного шара. Но другие ученые находят, что несообразности австралийской природы объясняются тем, что воды потопа пребывали на этом материке дольше, чем в других местах, и лишь сравнительно недавно удалились оттуда под кору полярного льда».

Легко представить себе удивление первых путешественников при виде гигантских деревьев из семейства миртовых и, между прочим, при виде красных и синих эвкалиптов, стволы которых достигают шестидесяти и даже восьмидесяти метров в высоту. А затем громадные сосны долины Муррея, целые рощи мимоз, заросли сирени, араукарий, казуариний, банксий и пр.? А фауна, подобие которой не встретишь нигде: ни толстокожих, ни жвачных, но зато животные, снабженные утробной сумкой? В Австралии все животные имеют эту сумку, за исключением трех видов: тюленя, нотоныря и собаки.

Понятно, что при подобных условиях первоначальная колонизация столкнулась с непреодолимыми трудностями. К природным неудобствам присоединилось еще то обстоятельство, что в качестве первых поселенцев правительство прислало каторжников, присутствие которых в стране отбивало у людей порядочных всякую охоту отправляться туда.

Несмотря на старания капитана Мак-Арчера, который первый заметил, что грубое и жесткое руно овец становится в Австралии нежным и тонким под влиянием мягкого климата, скотоводство долго пребывало на точке замерзания, и колонизация шла туго. Лишь в 1822 году сэр Томас Брисбэн, назначенный губернатором в Австралию, дал решительный толчок колониальной предприимчивости во всех отраслях. Он известил британское правительство, что обширные плодородные земли колонии только и дожидаются рабочих рук, чтобы начать приносить несметные доходы. Сообщение губернатора, как лица правительственного и притом с большим авторитетом, произвело впечатление в Англии, и колонисты хлынули на материк со всех сторон. Развилось и упрочилось скотоводство, или, по-тамошнему, скваттерство; и с тех пор промышленное развитие Австралии пошло вперед исполинскими шагами.

С 1830 до 1836 года на юге материка, около залива Спенсера и Порт-Филиппа, были открыты новые громадные пастбища. Новость быстро облетела колонию; и эмигранты, пастухи и скваттеры покинули Новый Южный Валлис со столицей Сиднеем и переселились на берега Ярры-Ярры, где теперь находится город Мельбурн. В 1836 году этот зародыш колонии, окрещенной впоследствии именем Виктория, насчитывал уже двести восемьдесят четыре человека, в том числе тридцать восемь женщин. В стадах насчитывалось семьдесят пять лошадей, полтораста голов рогатого скота и сорок одна тысяча овец.

Промышленно-торговый гений англичан с каждым днем выискивал все новые ресурсы обогащения, и колонии процветали день ото дня. Английское правительство, всегда чутко улавливающее истинные интересы государства, сумело устранить все препятствия, мешающие свободной деятельности; оно избавило страну от язвы чиновничества и заблаговременно даровало ей самоуправление. В 1848 году австралийские колонии получили представительное правительство.

В 1851 году Виктория насчитывала 75 тысяч жителей. Какие чудеса творит труд! Благодаря ему и колонизаторским способностям, англичане за полвека создали целое государство и притом государство процветающее. Их разумная настойчивость гарантировала вскоре то, что у нас обыкновенно зовется «счастьем в делах». Австралия, уже богатая благодаря скотоводству, разбогатела еще более вследствие открытия в ней золота.

3 апреля 1851 года Гаргрэв нашел золотую россыпь в Соммери-Гилл.

14 августа того же года у одного дреймена (извозчика) завязла в грязи телега. Вытаскивая ее из глины, он нашел слиток в тридцать две унции.

Весть об этом разнеслась с быстротой молнии. Всех обуяла золотая лихорадка, все кинулись на россыпи и начали потрошить почвы материка. Скваттер бросал свое стадо скота, моряк — корабль, адвокат — практику, купец — торговлю, даже доктор — своих пациентов. Город опустел, словно вымер. Началась безумная погоня за быстрой наживой, ни дать ни взять, как в Сан-Франциско, произошло настоящее столпотворение: кто нажился, кто разорился, были случаи убийств, самоубийств.

До открытия золота в Виктории, мы сказали, было 75 тысяч жителей. В 1854 году эта цифра возросла до 312 тысяч. В одном этом году на двух тысячах пятистах кораблях прибыло 84 тысячи пассажиров.

Во всякой другой стране такой внезапный прилив населения вызвал бы страшный голод. Но не в Виктории. Скота оказалось там так много, что в мясе не почувствовалось ни малейшего недостатка. Англичане с обычной своей сметливостью сейчас же организовали своевременный подвоз и поставку всего необходимого, так что беспорядок если и был, то лишь самое короткое время, и то на первых порах. Золотая промышленность очень скоро была поставлена на ноги, и в какие-нибудь два года в колонии возникли даже мануфактуры.

В настоящее время Виктория имеет около миллиона жителей и столица ее насчитывает триста тысяч душ.

Закончим сравнением: как дерево, разрастаясь, дает многочисленные побеги, так и маленькая колония близ Сиднея менее чем за век произвела пять новых провинций. После Виктории образовалась Южная Австралия, затем Западная Австралия, потом Квинсленд и Северная Австралия. И эти новые колонии живут каждая своей отдельной жизнью, у каждой собственные средства и автономное управление, сообразное с местными условиями. Но в международной политике они не действуют вразброд, а составляют крепкую федерацию под верховенством старой Англии, их общей метрополии. И залог прочности их преуспевания коренится в том же, что положило им начало в твердом и предприимчивом духе английской нации и ее способности к труду...

Поучительна и увлекательна история прогрессивного развития роскошной страны, но нам пора вернуться к нашему герою, которого, как помнит читатель, мы оставили в положении довольно скверном, если не безнадежном.

Много еще предстоит нам сказать об Австралии, очень много, даром она называется страной чудес, но это мы сделаем после и при случае. Так как действие драмы, которую мы описываем, происходит в провинции Виктории, то мы, разумеется, посвятим немало страниц самому подробному научному, промыш-

ленному и экономическому ее обзору. А теперь обратимся к нашим героям.

Будь у Фрикэ с собой деньги, он не избежал бы тогда когтей разбойника. Вместо бокса тот угостил бы его ружейной пулей и ограбил бы до нитки.

Но он попал из огня да в полымя. Избежав одной опасности, он попал в руки полицейских за то, что был с Сэмом Смитом; полицейские окончательно и бесповоротно решили, что Фрикэ — один из подручных бандита.

А полиция никогда не ошибается, это известно всем и каждому и в Старом, и в Новом Свете. Полиция непогрешима. Ее соображения бесспорны. Поэтому Фрикэ должен был заранее смириться. Правда, сокол улетел, но зато дрозда поймали, а покуда и это было хорошо. Так думали господа полисмены, а стало быть, это было с их точки зрения истиной. Фрикэ предстояло явиться перед мельбурнскими судьями. Отвертеться от этого не было ни малейшей возможности.

С аппетитом уплетая вкусный кусок бифштекса, любезно предложенный полисменами, парижский гамен сейчас же принялся обдумывать план бегства от бдительных стражей порядка. Блюстители же были народ все дюжий и зоркий, и замысел Фрикэ, с первого взгляда, мог показаться совершенно нелепым.

Хотя «каторжный элемент» уже давно перевелся в Виктории, но дороги там довольно широки и пустынные, так что вполне справедливо могут называться «большими дорогами». На них встречаются еще очень часто разные темные личности вроде Сэма Смита, которым ничего не стоит освободить проезжих и прохожих от багажа и денег. Для наблюдения за безопасностью, а также для предотвращения кровавых стычек европейцев с китайскими кули колония содержит пешую и конную жандармерию. Пешие жандармы исполняют полицейскую службу исключительно в городах, а конные назначаются для разъездов по горам и долинам провинции. Личный состав жандармерии не велик, но жалование платится им довольно сносное, что явствует из финансового отчета за любой из последних годов: общая сумма, ассигнуемая полиции, составляет в этих отчетах приблизительно 200 тысяч фунтов стерлингов.

Зато, по-видимому, количество восполняется качеством. Такую деятельную, энергичную и предприимчивую полицию едва ли где еще можно встретить.

Конные полисмены вечно в разъездах и исключительно быстро передвигаются с места на место. Сегодня их видели в Сандгерсте, Кэстльмене или Эмиранд-Гилле, а завтра они уже уехали верст за девяносто, послезавтра оказались еще дальше, и так далее, в этом роде.

При них состоят полуцивилизованные аборигены, сохранившие от прежней дикой жизни замечательный нюх по части выслеживания своих бывших врагов, белых и китайцев. Австралиец никогда не собьется со следа, чей бы он ни был; он гораздо скорее и легче выследит своего собрата, нежели представителя другой расы. Если он напал на след и помчался за беглецом верхом на лошади, последний не жди ни пощады, ни отдыха: неумолимый гонитель доконает его своим преследованием и с гнусной радостью наведет на него жандармов, при которых состоит.

Лозунг жандармов — очистка дорог. Они исполняют свое дело добросовестно и даже, можно сказать, с усердием, хотя и не всегда удачно.

Два полисмена, поваленные на землю кулаками бандита, хотя и должны были на первых порах отказаться от преследования, но утешились при виде Фрика, в котором непременно желали видеть сообщника Сама Смита. Арест в Австралии отличается от ареста во Франции тем, что полисмены относятся к задержанному не грубо, а с уважением и даже добродушием. Там не знают никаких меноток (ручные кандалы), а предоставляют задержанному относительную свободу, справедливо полагая, что бежать дорогой для него бесполезно, а укрываться в лесу, где, за неимением дичи, можно умереть с голоду, совсем нет расчета. Если же присовокупить ко всему этому еще аборигена-следопыта, то станет очевидно, что бегство при таких обстоятельствах совершенно безрассудно.

Поэтому наши полисмены, с чисто английским аппетитом подкрепившись сытной закуской, преспокойно легли отдохнуть и крепко заснули под сенью деревьев, грандиозные очертания которых скоро потонули во мраке. Фрик, которому великодушно предложили большое одеяло, завернулся в него и улегся, как человек, собирающийся основательно выспаться после многих тревожных истекшего дня.

Лошадей стреножили и привязали к дереву, дав им корму, который те принялись с шумом пережевывать.

Ночь надвигалась быстро. Вызвездило. Тишина

вокруг маленького лагеря нарушались только храпением спящих. Хотя полисмены спали по-жандармски, вполглаза, но глубокое дыхание свидетельствовало о том, что сон крепок и их не скоро добудишься.

Вдруг одна из лошадей перестала есть и шархнулсь в сторону.

— Тпру!.. — окрикнул ее хриплым голосом один из спящих.

Вслед за тем раздались звуки быстрого галопа по густой траве. Англичане и австралиец моментально вскочили. На земле смутно виднелся черный силуэт Фрикэ, завернувшегося в одеяло.

Лошади стояли на прежнем месте за исключением одной. Англичане проворно распутали их, вскочили в седла и дали лошадям шпоры, решив не править, а довериться инстинкту животных. Остался один австралиец, так как его лошадь была уведена.

Пришпоренные несчастные лошади встали на дыбы, жалобно заржали и повалились на землю, увлекая за собой всадников.

Глава III

Фрикэ забавляется. — Бегство. — Убийство лошадей. — Взялся за гуж — не говори, что не дюж. — Фрикэ в костюме полисмена. — По лесам Австралии. — Фрикэ находит, что хорошее вооружение имеет свою привлекательную сторону. — Золотое поле. — Лагерь бандитов. — Закон Линча. — Фрикэ хочет помешать самосуду. — Кстати или некстати он вынимает повешенного из петли. — Ловкий удар. — Вероятные последствия выстрела.

Пока полисмены, ругаясь, как немецкие извозчики, старались выпутаться из порванной сбруи и выбраться из-под лошадей, которые никак не могли встать, Фрикэ мчался по лесу с быстротой метеора.

— Вот еще! — веселился он. — Так я и стал сидеть с поставщиками виселицы! Как же! Держи карман!.. Да хоть бы за дело взяли, а то неугодно ли: в компании с лесовиком! Этого недоставало! Да я не был бы Фрикэ-парижанином, если бы не удрал от них. Воображаю, какая теперь у них кутерьма! Конечно, я поступил с ними немножко круто, но разве это моя вина? Вольно же им было хватать меня ни за что ни про что. Впредь им наука: не трогай честных людей, умеи отличать их от мошенников. Поделом им, если даже они и спины себе сломали; вот лошадей жалко:

Фрикэ мчался по лесу с быстротою метеора

те не виноваты ни в чем. Это с моей стороны настоящее убийство. Жаль также, что черномазый вышел сух из воды, а хорошо бы сделать ему должное внушение, чтобы он, бегая ищейкой, умел различать, кого следует беспокоить, а кого нет. В сущности, однако, я не терял время даром: поколотил Сэма Смита и приобрел великолепную лошадь... правда, не очень честным способом, но что поделаешь? Уж так пришлось!.. Эй, ты, лошадка! Пошевеливайся! Помни, что

ты удостоилась чести нести на себе матроса Пьера де Галя, и скачи во весь дух прямо на север.

Фрикэ действительно обошелся с полицейскими не только круто, но и непозволительно. Завернувшись в одеяло, он долго смотрел на звезды, мечтая о бегстве и слушая, как храпели почтенные полисмены. Он решил, что чем проще будет способ бегства, тем лучше. Обдумав и взвесив все как следует, он тихонько вынул из кармана ножик, беззвучно открыл его и ощупал острие, стараясь не произвести ни малейшего шума.

Темнота ночи благоприятствовала его замыслу, для которого требовалась предельная осторожность и самая отчаянная смелость. Терпеливо, как краснокожий индеец, он после целого ряда незаметных бесшумных телодвижений ухитрился выползти из-под одеяла, которое сохранило форму лежавшего под ним человека. После этого он пополз по траве к лошадям и, добравшись до них, в три ловких удара перерезал у трех из них поджилки. Полисмены тем временем безмятежно храпели.

Парижанин долго не решался прибегнуть к такой крайней мере. В нем сердце сжималось от жалости, что приходится жертвовать тремя благородными животными. Ему казалось, что он совершает убийство. Между тем другого выбора не было, только этим способом мог он оградить себя от полицейской погони.

Почувствовав боль, три лошади шарахнулись, а Фрикэ вскочил на четвертую, дал ей шпоры и помчался вперед как бешеный, предоставив жандармам выпутываться по своему усмотрению.

После нескольких минут бешеного галопа Фрикэ, убедившись, что за ним никто не скачет, умерил ход лошади и возобновил свой монолог:

— Что за гадость быть живорезом! К тому же я не могу видеть ничьих страданий!.. Хороша логика, однако: жалею трех лошадей, а не думаю о трех жандармах, обреченных мной в степи на всевозможные лишения. Ведь они, чего доброго, могут с голоду умереть! Положим, меня принудили к законной обороне. Дьяволы этакие! Нужно им было ко мне лезть! Да, наконец, они могут съесть своих лошадей, если проголодаются, а потом разве так уж трудно вернуться в город? Меня им теперь все равно не поймать, да и вооружен я отлично их же оружием.

Забрезжил рассвет, и Фрикэ с наслаждением погля-

дывал на привязанный к седлу штуцер Генри-Мартини и сумку с провизией. К седлу, кроме того, был при-
торочен тюк с полным жандармским одеянием и вели-
колепной белой фуражкой. Остановив лошадь, он с
торжественным видом надел на голову фуражку и
переоделся в темно-синюю жандармскую блузу, которая
была ему страшно велика. Затем он открыл патронташ,
зарядил карабин, повесил его через плечо и самодо-
вольно привстал на седле с видом полководца, объез-
жающего свои войска.

Солнце все ярче и ярче пробивалось сквозь редею-
щий утренний туман и золотило вершины эвкалиптов,
трепетавшие матовые темно-зеленые листья, словно
подернутые свинцовой пленкой. Белые какаду, застиг-
нутые внезапным появлением дневного светила,
топорщили свои желтые хохолки и кричали без умолку.
Пестрые попугайчики мелькали в воздухе яркими
движущимися точками, а миниатюрные колибри торо-
пливо порхали с цветка на цветок, словно торопясь
насладиться душистыми дарами флоры. Вдали, точно
огромные лягушки, скакали на задних лапах кенгуру,
поспешно пряча своих детенышей в утробную сумку.
С громким жужжаньем носились красные, зеленые,
голубые и золотистые жуки и мухи; пестрокрылые
бабочки взвивались и падали в душистую траву,
хлопотливо работая крыльями. Ночные толпы фаланге-
ров и оппосумов торопились уйти в темные дупла
некоторых деревьев; целые гирлянды огромных летучих
мышей качались на ветках араукарий и древовидных
напоротников, уцепившись за них лапками.

Как истинный парижанин, наслаждаясь поэтиче-
ской картиной пробуждения природы, Фрикэ не забыл
окинуть взглядом местность. Долго вглядывался он в
необозримую даль, не находя ни малейших признаков
дороги, но под конец вдруг вскрикнул от радости:
он увидел многочисленные лошадиные следы.

— Наконец-то я могу затеряться! Черт меня возьми,
если теперь поганный негрит сумеет отыскать мой след
в этой путанице! Тут, очевидно, прошли недавно
скваттеры или диггеры, направляясь в какое-нибудь
другое поселение. Мне ничего не остается больше, как
ехать по этой дороге. Торопиться мне некуда, так как
почтенные полисмены надолго лишены возможности за
мною гнаться... Ай-ай! Вот тебе и раз! Подковы у
моей лошади имеют особенную форму, так что ее след

выделяется из прочих. Что теперь делать?.. Все ли жандармские лошади так подкованы или только одна моя?.. Впрочем, все равно; дело одинаково дрянь как в том, так и в другом случае. Что-нибудь надо придумать... Ну, разумеется, если лошадь нельзя здесь перековать, зато ее можно расковать совсем. Кстати, здесь в сумке есть и клещи. Предусмотрительный народ эти англичане! Теперь следы моей лошади будут самыми незаметными. Чего же лучше?

Фрикэ, не теряя времени, слез с лошади, привязал ее к дереву и принялся за несложную работу, которую кончил в несколько минут.

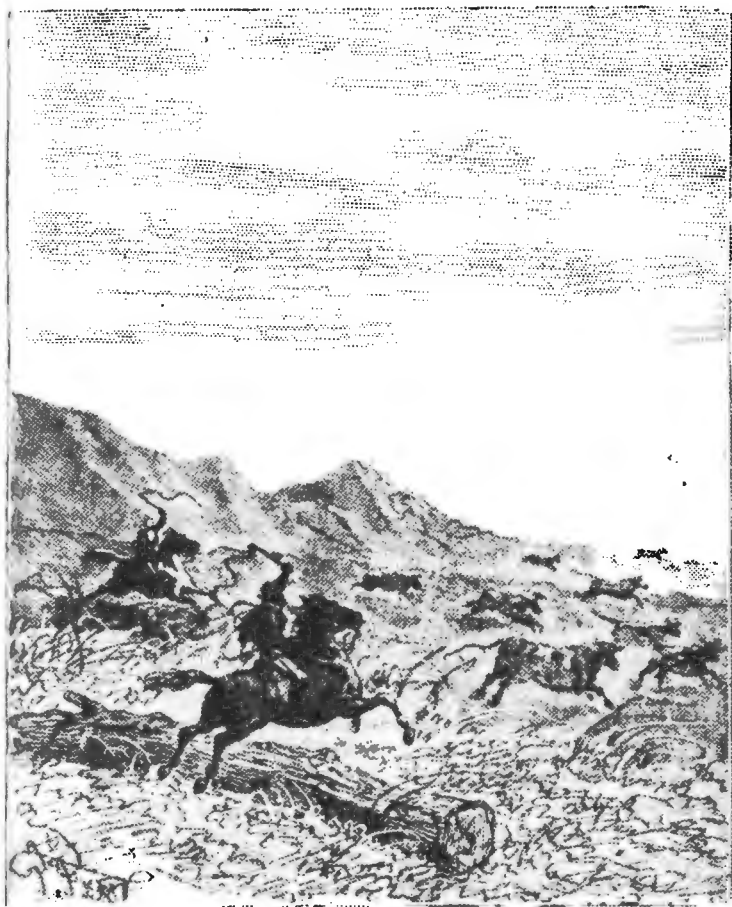
— Кажется, я теперь сделал все, что мог, для того, чтобы скрыть свой след, — сказал он, снова садясь на лошадь. — После этой предосторожности можно безбоязненно ехать вперед. Полисменам и в голову не придет, что ветреный француз проявит столько сообразительности.

Итак, самое трудное было сделано. Фрикэ оставалось только пустить своего чистокровного скакуна вперед по наезженной дороге. Он ехал благополучно два дня, почти не останавливаясь и широко пользуясь припасами английского полисмена. По мере движения вперед он все более и более замечал явственные признаки если не города, то, во всяком случае, значительного поселка. Следов виднелось больше, и они были свежее. По временам дорогу прорезали глубокие колеи, пробитые колесами тяжелых австралийских фур, в которые впрягают нередко десять и даже двенадцать лошадей. Временами также встречались всадники, которые, проезжая мимо, поглядывали на Фрикэ с нескрываемой неприязнью. Попадались бородатые гуртовщики с длиннейшими кнутами, оборванные пастухи с туземными собаками, рудокопы с заступами, измученные тяжелой работой на приисках; весь этот люд мрачно поглядывал на нашего путешественника и проходил, не кланяясь ему, вопреки обычаю, заведенному в степях Австралии.

Фрикэ удивлялся и не знал, что и думать.

«К каким это я людям попал? — спрашивал он себя мысленно. — Ничего не понимаю. Что я им сделал? Они всегда болтливы, как сороки, и крайне гостеприимны, а тут... Добро бы я был разбойник Сэм Смит, а то ведь я просто мирный путешественник, да еще в одежде жандарма. Чего доброго, они сами лесовики.

Попадались гуртовщики с длиннейшими кнутами

Странный факт скоро объяснился. Бесконечный, но редкий лес внезапно оборвался. Перед Фрикэ открылась широкая равнина, вся пронизанная яркими солнечными лучами, на которой копошилось множество людей. Зеленую мураву луга сменил желтый потрескавшийся грунт, весь изрытый ямами, в которых стояла мутная, грязная вода. Местами валялись срубленные деревья, переплетенные корни которых напоминали своим видом огромных пауков. Посреди всего этого столпотворения

бежала светлая речка, разветвляясь на множество мелких и мутных ручейков. По бокам долины виднелись полотняные шатры сомнительной опрятности. Над всей равниной стоял нестройный гам разношерстной и разноязычной толпы.

Перед Фрикэ был золотой прииск. Грязные, изодраные шатры были, может статься, зародышем будущего большого города.

Шум на поле был вызван одним из тех инцидентов, которые сплошь да рядом случаются среди неблагоустроенных людских скопищ. Пионеры — народ вообще беспардонный и жизнь человеческую ценят не дороже копейки, но принцип собственности соблюдают свято и нерушимо. Самый отчаянный головорез, которому ничего не стоит из-за пустой ссоры всадить ближнему пулю в череп, сочтет позором украсть хотя бы одну унцию золота.

В чем причина подобных парадоксов?

Причина в следующем. На исходе XVII века в Северной Америке, в Южной Каролине, до того участились преступления, что обыкновенные суды не справлялись. Тогда был выбран один ирландец с полномочиями судьи и законодателя в одно и то же время. Этот человек стал широко пользоваться своим правом и всякого уличенного преступника казнил без суда и следствия. Благодаря этой мере, в Каролине очень скоро воцарились спокойствие и законность.

Этим грозным судьей и законодателем был знаменитый Джон Линч.

С тех пор во всех английских колониях, еще не успевших обустроиться, стал практиковаться неумолимый «закон Линча». Первоначально он применялся ко всем преступлениям без разбора, но впоследствии круг его действия ограничился различными видами краж, грабежа и убийством с корыстной целью. Свирепые каратели установили различие между просто убийством и убийством с целью грабежа или обогащения. Калифорнийские золотоискатели безнаказанно убивали друг друга на берегах Сакраменто. В вертепах Сан-Франциско лилась кровь каждую ночь. Но слитки на приисках и ставки на игорных столах оставались всегда неприкосновенными. Конечно, закон Линча карал нередко и невинных, но против преступников это была единственная надежная узда.

Фрикэ понял, что как раз наткнулся на сцену

подобного самосуда. Разъяренная толпа оборванных золотоискателей грубо тащила человека с веревкой на шее, который отбивался и кричал, заявляя о своей невинности.

В сотне шагов находилось засохшее дерево. Его выбрали виселицей для предполагаемого преступника. Парижанина охватил трепет. В нем закипела кровь, он привстал на стременах, дал шпоры лошади и помчался прямо к толпе.

— Гром и молния! — вскричал он, кусая свой белый ус. — Это напоминает мне тот день, когда меня едва не повесили на Рио-Гранде. Если бы не господин Буало, болтаться бы мне тогда на пеньковом галстуке. В свою очередь и я окажу услугу этому несчастному. Будь, что будет. Вперед.

Лошадь быстро неслась по равнине, перепрыгивая через ямы и груды липкой земли.

Диггеры расступились, введенные в заблуждение костюмом всадника.

— Полисмены!.. Полисмены!.. — слышались крики среди них...

— Так, друзья, хорошо. Теперь понимаю, отчего вы на меня так свирепо поглядывали: вы боялись, что я помешаю вам. И совершенно справедливо... Прочь! Дайте дорогу! — крикнул резким голосом Фрикэ. — Этот человек мой!

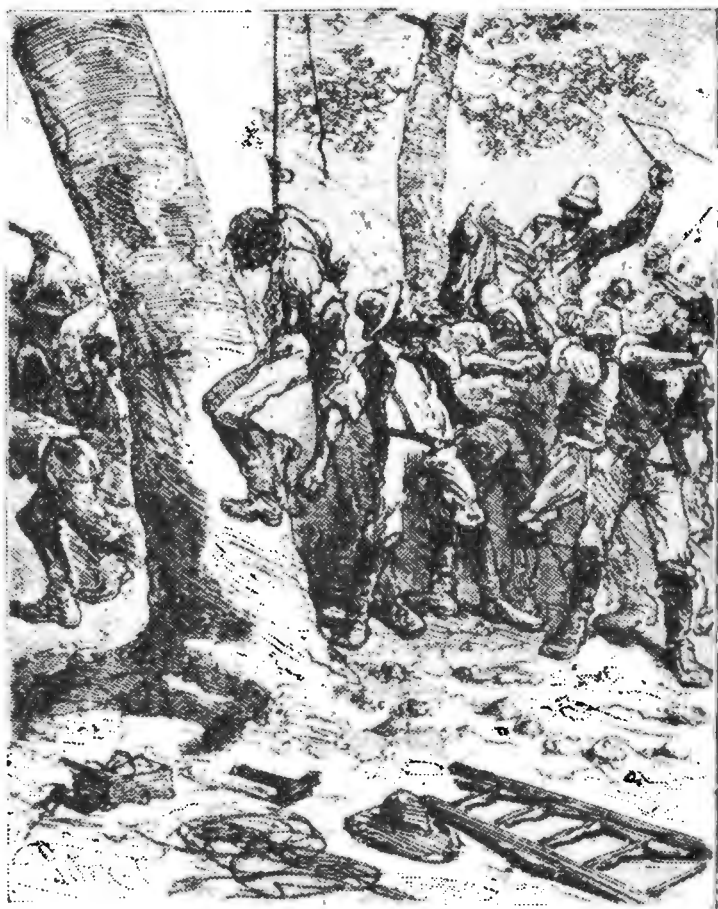
На дереве сидели два золотопромышленника и держали концы веревки, обмотанной вокруг шеи преступника.

Раздался яростный крик, сидевшие на дереве слезли на землю, не выпуская из рук веревки, а несчастный разом повис между небом и землей. Он был еще жив и отчаянно болтал ногами. Парижанин подъехал к нему, разгоняя толпу.

Привстать на стременах, обрезать веревку, подхватить несчастного и втащить его к себе на седло было для храброго парижанина делом одной минуты. Толпа с угрозой теснилась вокруг него, и крики стали еще яростнее. Не обращая на это внимания, молодой человек уколол ножом круп своей лошади, и благородное животное стрелой вынесло его из толпы вместе с ношей, помчавшись назад по направлению к лесу.

— Недурно исполнено, — сказал Фрикэ, довольный своим гуманным поступком. — Лошадей под руками у них нет, и нас они не догонят. Ну, приятель,

Несчастный разом повис между землей и небом

как ваше здоровье? Нечего умирать-то. Ведь вы не долго висели. Сядьте хорошенько.

Сзади Фрикэ раздался выстрел, и мимо него просвистала пуля.

— Эге! Свинчатки-то летают быстрее нас. Это может кончиться очень плохо. Ай!.. Так и есть.

Послышался тупой звук. Лошадь Фрикэ жалобно заржала. Это ржанье, жалобное-жалобное, точно плач, заставило повешенного очнуться. Раненная в круп

лошадь раза два споткнулась и тяжело рухнула на землю.

Фрикэ в одну секунду был уже на ногах и увидел своего протезе лежащим на куче грязи. Он взял привязанный к седлу штуцер и, прикрываясь еще не остывшим трупом лошади, стал дожидаться приближения ревущей толпы.

— Нелегко теперь мне будет уйти от них. Что за судьба! Постоянно я нарываюсь на опасности. В какую бы часть света я ни приехал, везде одно и то же. Положительно наша планета самое опасное место в галактике.

Глава IV

Золото в Австралии. — Золото промышленное и кварцевое. — Несколько хороших золотых слитков. — Золотой столб, имеющий девяносто метров в высоту и метр в диаметре. — Дальнейшая судьба золотодобычи. — Страна миллиардов и контрастов. — Австралийский Bush и австралийская Сазара. — Американские напитки. — Фонари под глазами у Сама Смита. — Благодарность бандита. — Заключение с повешенным.

Хотя золотые россыпи в Австралии официально начали разрабатываться лишь в 1851 году, можно утверждать, на основании подлинных документов, что этот драгоценный металл был найден там гораздо раньше.

Просто не верится, что осторожное правительство по непонятным причинам в течение нескольких лет упорно запрещало распространять молву об этом открытии.

Но слухи, хотя и смутные, все-таки ползли, разжигая у многих аппетит. В 1849 году прошла даже молва, что какой-то пастух обнаружил где-то в горах целый клад. По временам служащие на станциях находили совершенно случайно и продавали золотые крупинки. Но вообще первые поселенцы, занятые поиском новых пастбищ, проявляли полнейшее равнодушие к золоту, которым изобиловала эта земля.

Затем вдруг золото открыли всюду: и в виде жил в граните и диорите, и в руслах рек, и в песке, и в глине, и в известняках, и в колчеданах. И так его оказалось много, что добыче его не предвиделось, как говорится, конца краю.

Не вдаваясь в излишние подробности, скажем, что

золотодобыча в Австралии разделилась на две отрасли: на добывание золота путем промывания и на кварцевую его разработку. Первая заключалась в извлечении золота из песка и глины, а вторая — в добывании его из каменистых пород.

Первый способ заключался в следующем: поднимают заступом верхний слой почвы, где предполагается золото, или вырывают яму и приступают к промывке. Наложив в бак песку или глины, наливают туда воды и взбалтывают до тех пор, пока не образуется довольно густая масса. Эту массу кладут затем в длинное корыто, в дно которого вделана решетчатая железная пластинка. Через это сито проходит вся жидкость, оставляя на дне корыта твердые металлические частицы и камни. Этот сор промывается затем на жестяном блюде, для чего требуется определенная сноровка и опыт, и тогда на блюде остается чистое золото.

Таков в общих чертах способ, употребляемый золотопромышленниками-одиночками.

Не довольствуясь золотом, добываемым на поверхности земли, золотопромышленники ищут его и под землей, роют подземные галереи и обнаруживают там благородный металл еще в большем количестве, чем на поверхности земли. Этим способом его находят иногда в огромных слитках, или нуггетах. Несколько таких слитков можно видеть в музеях Мельбурна и Сиднея. Многие из них имеют даже свою историю. Некоторые слитки представляют по своей ценности целое состояние. Так, слиток «Welcome», найденный в Бэкери-Гилле, был продан за 238 350 франков. «Welcome Stranger» оценивается в 239 420 франков. «Hepon», найденный в Монт-Александр, был куплен в Англии за 102 000 франков. «Леди-Готсэм», найденный близ Канадиан-Галли, оценен в 75 000 франков.

Добывание кварцевого золота требует большого числа рабочих и сложных приспособлений. Оно находится в руках у больших компаний и является отраслью промышленности, требующей значительных вложений капитала и рабочей силы.

Подобный способ добычи золота требует и больших затрат. Скажем только, что в одной Виктории, самой маленькой, но зато и самой богатой провинции Австралии, число рудокопов составляет в настоящее время 42 тысячи, а в начале золотой лихорадки, в 1866 году, оно доходило до 70 тысяч человек.

Промывка австралийского золота требует около 280 паровых машин в 8 тысяч лошадиных сил, больше тысячи машин для перемешивания, 210 приводов, 15 тысяч деревянных желобов, 600 насосов, 210 колодцев, 450 машин для измельчения крупного песка и т. д.

На кварцевых рудниках занято 800 паровых машин в полторы тысячи лошадиных сил, 6 с половиной тысяч машин для дробления кварца, 600 приводов, 489 блоков и т. д.

Что касается количества извлекаемого золота, то его в одной этой провинции добывают на сто миллионов франков в год.

Австралии в общей сложности добыча золота принесла пять миллиардов франков. Предполагают, что в ее недрах сокрыто драгоценного металла еще на столько же.

— Миллиард! — вскричал в 1825 году генерал Фуа, когда министерство Вельеля внесло законопроект о вознаграждении эмигрантов. — Да знаете ли вы, господа, что со времени смерти Иисуса Христа еще не прошло миллиарда минут!

И действительно, в 24 часах заключается 1440 минут. Год равняется 365 дням 5 часам и 48 минутам, то есть 525 948 минутам; в одном веке заключается 52 594 800 минут; к моменту, когда генерал Фуа сказал свою фразу, со временем смерти Спасителя прошло, стало быть, только 959 855 100 минут.

Но обратимся снова к Австралии, то есть, собственно, к Виктории.

Освоение этой богатой страны носит несколько американизированный характер. Виктория подразделяется (по карте) на десять графств и имеет пятьдесят пять избирательных съездов, шесть избирательных советов, пятьдесят пять муниципалитетов. Ее недавно возникшие города — Эмерард-Гилль, Фицрой, Готсман, Прэн, Джилот, Сэндгерст — насчитывают каждый от 18 до 25 тысяч населения. Вместе с тем эта страна контрастов. С одной стороны, например, город Мельбурн, издающий тридцать газет и журналов, имеющий столько же банков, четыре театра, роскошный ботанический сад, множество учебных учреждений, храмов и молелен; с другой — непроходимый девственный лес, начинающийся сразу же за последним домом города.

Несколько часов ходьбы — и можно очутиться в полнейшем уединении. Еще несколько дней ходьбы — и вы

попадаете в пустыню. Беда — эти необозримые пустынные пространства! Пропадет в них человек, пустившийся в путь, не зная местных условий! Хорошо еще, если он набредет хотя бы на самое первобытное жилье, а то и вовсе можно умереть с голода среди всего этого первозданного великолепия.

Фрикэ как раз попал в одно из тех мест, куда успели проникнуть еще только первые поселенцы, пролагая путь многим тысячам будущих золотоискателей. Золотая лихорадка достигла тут своего апогея. Жаждающие наживы толпились, толкались, рыли землю, промывали песок. Бородатые, нечесанные личности в грязных лохмотьях переносились с места на место со щупами в руках и револьверами за поясом, нередко забывая даже поесть, хотя бы наскоро. Ни зной, ни дождь, ни болель, ни усталость не могли охладить их рвения к труду, результаты которого были всегда сомнительны.

Какой-то кузнец расположился с переносной кузницей. Он за сто франков берется править щупы, у которых сломалось о камень острие. За ту же цену сапожник чинит сапоги, разбитые ходьбой по твердому грунту. Распивочные заведения полны народу, и под вечер прилавки там бывают буквально засыпаны золотой пылью, которою внезапно разбогатевшие золотоискатели щедро расплачиваются за напитки, до химического состава которых не доберется никакой химик. От этих «бальзамов» пахнет и аптекой, и лабораторией, и всем, чем угодно.

Известна страсть англичан и американцев к лекарственным микстурам. Пьяницы в Сити положительно упиваются напитком из смеси опиума и эфира, а попробуйте смешать в равных дозах корицу, сахар, пачули, имбирь, спирт и одеколон — американцы за это противное питье с радостью заплатят неслыханную цену.

В ту минуту, когда Фрикэ, сняв повешенного с ветки эвкалипта, спрятался с ним вместе за свою смертельно раненную лошадь, хмель разом выскочил из голов у разъяренных искателей золота. Они предвкушали кровавую драму и заранее кричали «ура!»

Фрикэ окружила ревущая толпа. Он видел уже сверкающие ножи, слышал щелканье взводимых курков. Он был на волоске от гибели.

Казалось, наступил конец приключениям парижаина. Ему оставалось одно: сделать несколько выстрелов из своего штуцера, потом пустить в дело приклад

Он спрятался за свою лошадь

и вообще как можно дороже продать свою жизнь. Вдруг раздался чей-то громкий и грубый голос:

— Посторонись!.. Эй! Я знаю этого джентльмена и ручаюсь за него. А вы, там, не стрелять! Не то я слагаю с себя ответственность за последствия.

При этих словах Фрикэ выглянул из-за труп своей лошади и, молодецки закинув штуцер за плечо, радостно воскликнул:

— Да это monsieur Сэм Смит!.. Душевно рад вас видеть!

— Сэм Смит собственной персоной, мистер Фрикэ. Сэм Смит тоже несказанно рад встрече с вами и счастливым, что для него представился случай вас отблагодарить.

«Лесовик» подошел к французу, улыбаясь во весь рот. Его лицо было сплошь покрыто синяками. Толпа почтительно расступилась перед великаном.

— Отблагодарить, monsieur Сэм Смит? Но за что же? — спросил с удивлением молодой человек.

— Единственный человек, славившийся с Сэмом Смитом, заслуживает всяческого уважения; кроме того, я обязан вам жизнью, мистер Фрикэ.

— Вы очень добры.

— Кроме шуток. Преступно лишать жизни такого молодца.

— Право, я не заслуживаю... это такие пустяки...

— Нет, это не пустяки. Ну, да что об этом говорить. А что вы спасли мне жизнь, это тоже верно. Без вас я был бы теперь на дороге к виселице, а может быть, даже и болтался бы на ней между небом и зеленой муравою. Видите, мистер Фрикэ, здесь люди тоже честные по-своему, и никто не скажет, что Сэм Смит неблагодарная свинья. На основании всего изложенного, друзья мои, извольте оставить в покое этого джентльмена.

— Хорошо, Сэм Смит, хорошо. Мы не тронем его. Но повешенного отдайте нам... Он наш, он нам нужен.

— Как бы не так! — возразил Фрикэ. — Для того разве я его вынул из петли, чтобы вы повесили его опять? Стыдитесь! Вас пятьсот против одного.

— Он вор!.. Нам не нужно воров!.. Смерть вору!..

Парижанину хотелось воскликнуть: «Как же вы сами-то, господа пуритане, подчиняетесь такому грабителю, как Сэм Смит?» Но у него хватило ума, чтобы не высказать этого вслух.

Повешенный пришел между тем в себя и дико озираясь по сторонам. На вид ему было лет тридцать пять или сорок. У него была борода патриарха, растрепанные волосы и кирпичный от загара цвет лица. Трудно было решить, к какой нации он принадлежал.

Он пробормотал несколько слов на непонятном языке. Среди хаоса гортанных звуков Фрикэ расслышал слово «mersi».

— Да кто же он такой? Одиозный европеец, что ли? Что, если француз?.. Тогда еще больший резон его спасти.

Сэм Смит подошел к толпе и стал ее уговаривать, чтобы она оставила свое кровожадное намерение. Попытка его, впрочем, не имела большого успеха. Толпа волновалась и кричала. Дело было дрянь. Вдруг парижанину пришла блестящая мысль.

— Мистер Сэм Смит,— сказал он бандиту,— объясните этим господам вот что. Они обвиняют несчастного в краже. Хотелось бы мне знать, что именно он украл. Между нами говоря, с виду он совершеннейший идиот. Вероятно, все это пустяки... Это настоящий дикарь... он не стоит даже веревки, на которой его хотят повесить. Пусть эта веревка принесет ему счастье, и пусть он уходит вместе с ней.

Сэм Смит подхватил эти слова и вдруг придумал нечто и вовсе невероятное.

— Товарищи! — крикнул он. — Как вы думаете: ведь эта веревка принадлежит повешенному? Ему одному, да?

— Да, ему!.. Но пустите! Дайте нам его!.. Повесить его!..

— Зачем? Возьмите лучше у него веревку. Ведь веревка повешенного приносит счастье: каждый, кому достанется кусочек от нее, найдет много, много золота...

— Которое все разворуют и разграбят лесовики...

— Очень может быть. Во всяком случае, предлагаю вам подарить несчастному жизнь, а взамен получить веревку... на счастье. Согласны?

— Пожалуй... ладно!.. Давайте веревку, и пусть он убирается к черту со своим французом. Им обоим все равно не миновать петли рано или поздно.

— Увидим,— возразил Фрикэ.— Во всяком случае, очень вам благодарен, господа, за себя и за него.

Глава V

Рассказ мандарина с сапфировой пуговицей.— Лесные бродяги.— Клад разбойников.— Свидание на озере Тиррель.— Печальные результаты соперничества двух морских компаний.— Фрикэ снова герпит крушение.— Фрикэ-носильщик.— Фрикэ присоединяется к рудокопной артели.— Его болезнь.— Выздоровление.— Фрикэ принужден покинуть золотое поле.— Что может найти одичавший белый под корой камедного дерева.— Туземное оружие.— Приход кенгуру.— Бумеранг.

В конце второй части романа мы оставили Фрикэ на рейде Борнео. Он тогда находился со своими друзьями-

ми в китайской джонке. Читатель, вероятно, помнит, как друзья слышали издали крик и видели несчастную Бланш, как они едва не погибли ужасной смертью и как их спасла неожиданная встреча с Виктором, сохранившая им жизнь и свободу.

Каким же образом очутился наш парижанин на материке Австралии в том незавидном положении, из которого вышел лишь благодаря заступничеству нового своего приятеля, разбойника золотых полей Сэма Смита? Расскажем вкратце.

Отец Виктора, тучный, шарообразный китаец, в роскошной одежде мандарина, был одним из бесчисленных сообщников главаря кораблекрушителей. Он с явным намерением наехал на шлюпку наших друзей в ту минуту, когда они, опьянев от бешенства, готовы были впятером вступить в бой с «Конкордией», или, вернее, с «Морским Властителем», на борту которого находилась в плену молодая девушка. Бандит, в развращенной душе которого сохранилось одно человеческое чувство — любовь к сыну, — заплатил французам долг благодарности. Зная хорошо намерения Боскарена, он не побоялся открыть их европейцам, чтобы дать им возможность принять меры предосторожности. Он не испугался той страшной опасности, которую он на себя навлекает в том случае, если главарь проведает как-нибудь об его измене. Негодяй оказался на этот раз героем.

«Морской Властитель» направлялся под 143° восточной долготы и 12°22' южной широты. В этом месте находился маленький необитаемый атолл, в глубине которого бандиты моря некогда устроили для себя неприступное логово, куда Боскарен и намеревался отвезти молодую девушку. Оттуда он собирался в Австралию, чтобы завладеть кладом, о существовании которого ходила легенда в среде золотопромышленников Виктории.

Действительно, об этом кладе рассказывали странные вещи, не делавшие чести его происхождению. В первые годы после открытия золота Австралия, едва избавившись от каторжников, была наводнена авантюристами, которые собирали оброк с золотодобытчиков. Эти бандиты сами прозвали себя «лесовиками». До безумия смелые и ловкие, они рыскали на своих кровных скакунах от прииска к прииску, с налета наезжали на лагерь золотодобытчиков и собирали дань, сораз-

мерную количеству найденного золота. Сопротивляться им было бесполезно, обмануть их тоже никогда не удавалось, так как они заранее располагали самыми точными сведениями о количестве золота.

Если золотодобытчики не оказывали сопротивления, то подать не превышала трети и даже четверти всего количества; если же они упирались и пробовали защищаться, то у них в наказание отбиралось почти все, так что иногда им не с чем было приняться вновь за работу. Впрочем, разбойники золотых приисков были довольно благоразумны и не убивали кур, несших им золотые яйца. Они старались не доводить конфликт до крайности.

При всем том, что для австралийских бандитов ничего не значило зарезать человека, они отличались замечательным умением держать данное слово. Взяв дань с каких-нибудь диггеров, они нередко сами проводжали их по степи, чтобы защитить от нападения «вольных» разбойников, то есть не принадлежавших к ассоциации.

У разбойников был свой атаман, облеченный неограниченной властью. Он имел право казнить и миловать. На каждый прииск приходилось по шайке, над которой начальствовал подручный старшего атамана; последний принимал все награбленное и прятал в общую кассу. Время от времени происходили дележи, и каждый разбойник получал аккуратно причитающуюся ему долю, точно какой-нибудь правительственный чиновник.

Этот грабеж продолжался с переменным успехом, так как золотопромышленники подчас выходили из терпения, заключали союзы и наносили разбойникам серьезные поражения. Но несколько лет тому назад жители провинции Виктория, отделившись от Нового Южного Валлиса, устроили грандиозную облаву на «лесовиков». Облава продолжалась полгода. Атамана убили, а всех его подручных переловили и повесили по закону Линча, после чего преступная ассоциация прекратила свое существование.

Лесовикам, или разбойникам золотых полей, был нанесен такой удар, от которого им не суждено уже было оправиться. В довершение вскоре проложены были хорошие дороги с регулярным почтовым сообщением под конвоем солдат и учреждена конная полиция. В это время разнесся слух, что запасный фонд бывших разбойников остался спрятанным в месте, ко-

торое было известно только атаману и его ближним помощникам. Так как эти лица все умерли, то клад остался без хозяина и мог достаться случайному счастливцу. Где именно он находился, никто не знал; некоторые говорили, будто бы в провинции Виктория, неподалеку от озера Тиррель.

У многих разгорелся аппетит, и какого только люда не перебивало в этом бесплодном уголке Австралии! Все они искали, рыли, копали с упорством, достойным лучшего применения, но, разумеется, совершенно напрасно. Почва в этом месте была так бедна золотом, что даже расходы на путешествие туда не окупались.

Прошли годы. Города заселились, образовались золотопромышленные компании, а берега Тиррельского озера остались по-прежнему пустынными. Вдруг в конце 1879 года пронеслась молва, что какой-то пастух нашел богатый прииск, недалеко от того места, где, согласно легенде, предполагался зарытый разбойниками клад.

Предприимчивые золотоискатели, предпочитающие наемной работе в крупных компаниях вольное блуждание по приискам, толпами ринулись на берега озера. За ними, разумеется, последовали «лесовики» новой волны, которые пытались возобновить былые традиции, под предводительством Сэма Смита.

Между прочим, откопали и забытую легенду. Каждый искатель, приступая к ежедневной работе, тайно тешил себя надеждой случайно откопать зачатые миллионы.

Китаец, владелец джонки, знал об этой истории и рассказывал ее нашим друзьям. Он даже не скрыл от них, что главарю, то есть Венсану Боскарену, известно и место, где спрятан клад, и что он уже не один раз имел случай брать оттуда золото на свои нужды.

Вероятно, Венсан Боскарен имел прежде какое-нибудь отношение к разбойникам золотых полей и сумел проведать их тайну. Нет ничего удивительного, что у бандитов моря были связи с «лесовиками» Австралии. Во всяком случае, французы узнали, что Боскарен, посетив атолл в Коралловом море, намеревался посетить Викторию. Нападать на него в его вертепе было бы безумием. Гораздо разумнее было последовать за ним в Австралию.

Разумеется, мандарин не мог отвезти европейцев в Мельбурн. Он готов был оказать им услугу, но ему не хотелось навлекать на себя гнев главаря бандитов.

Он решил высадить их около Сиднея, откуда они сами уже должны были переправиться в столицу Виктории морем или сухим путем. Главарь кораблекрушителей сжал гораздо быстрее их, но друзья надеялись впоследствии отыскать его следы и затем принять надлежащие меры.

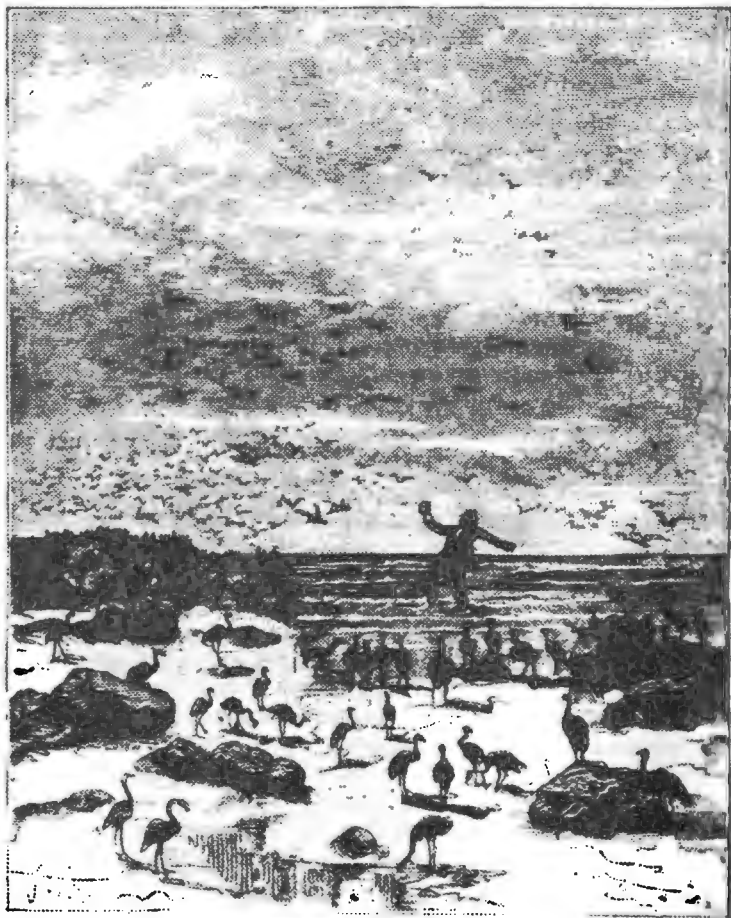
Из Сиднея в Мельбурн отходил в это время почтовый пароход. Заняв у китайца приличную сумму денег, которую тот с неожиданной щедростью предложил им через Виктора, пятеро друзей немедленно сели на пакетбот, принадлежавший, как оказалось, Восточному пароходному обществу.

К несчастью для пассажиров, сообщение между Сиднеем и Мельбурном осуществляла еще одна пароходная компания — Австралийское пароходное общество. Эти две компании соперничали между собою в роскоши и комфортабельности своих кораблей. Однако состязание между двумя компаниями велось иногда и менее позволительными средствами. Так, например, однажды пассажирский пароход Восточного общества сгорел в открытом море дотла от неизвестной причины, а через неделю после того большой пароход Австралийской компании затонул в пять минут со всеми пассажирами, получив под ватерлинией пробойну, нанесенную каким-то неизвестным клипером.

Одновременно с отправлением из Сиднея парохода, на который сели наши друзья, из Мельбура вышел пароход конкурирующей компании. Оба парохода встретились ночью недалеко от берега, идя на всех парах и не имея установленных огней, как это принято у всех цивилизованных мореплавателей. По роковой случайности, на пароходе Восточного общества оказался близорукий вахтенный, который не заметил шедшего навстречу парохода Австралийской компании, и первый пароход с ходу врезался носом в корму второго, который тут же затонул со всеми пассажирами. Нечего и говорить о том, что пароход-убийца не оказал ни малейшей помощи погибающим. Как можно? На то и конкуренция.

Но и ему пришлось туго. У него у самого оказалась пробитой обшивка, и в трюме открылась течь. Машину залило водою, и пароход остановился. Пробойну невозможно было хорошенько исследовать, и тогда даже самые оптимистично настроенные из пассажиров решили, что пароходу пришел конец.

Он выбрался на берег, населенный одними птицами

Были спущены шлюпки, из которых большая часть моментально затонула по причине большой перегрузки. Остальные понесло ветром в сторону, противоположную берегу. Андра, доктор, негр и Пьер де Галь очутились в одной из последних, а Фрикэ попал в перегруженную лодку. Ему пришлось долго плыть, после чего он выбрался на пустынный, глухой берег, населенный одними морскими птицами.

Он утолил голод яйцами, которые отдавали про

горклым маслом, огляделся и направился к югу. После невероятных трудов и лишений он пришел в Мельбурн без копейки денег, умирая от голода и беспокоясь о своих друзьях. Нужно было чем-то жить, а в Мельбурне реже, чем где бы то ни было, водится, чтобы жареные рябчики сами валились алчущему в рот.

Но Фрикэ не смутился. Он пошел в Сандриджскую гавань и нанялся грузить хлопок на корабли, отходящие в Европу, заработав таким образом несколько шиллингов. Он провел в Мельбурне две недели, расспрашивая об участии пассажиров погибшего парохода. Одни смеялись ему в глаза, а другие даже не понимали, что ему нужно. Мельбурнские газеты оповестили о столкновении в разделе мелких происшествий, и больше этим никто не занимался.

Зато парижанин узнал, что на днях к озеру Тиррель отправился целый караван искателей золота. Это было то самое озеро, о котором говорил мандарин. Кроме того, между друзьями было условлено, что если они по каким-то обстоятельствам разминутся, то каждый из них во что бы то ни стало постарается добраться до известного места, назначенного сборным пунктом. С несколькими шиллингами в кармане, но зато исполненный самых радужных надежд, бодро выступил Фрикэ в дальнюю дорогу. Долго шел он с пустым желудком, с избитыми ногами и распухшими глазами, покуда не свалился больной у дверей коттеджа, принадлежавшего одному скваттеру. Его приняли с обычным степным гостеприимством. Он выздоровел скоро, но караван был уже далеко. Скваттер отпустил с ним своего пастуха, который показал парижанину дорогу до прииска, который мы только что описали в предыдущей главе.

В это время и произошла известная встреча Фрикэ с Сэмом Смитом, который с ним сначала подрался, а потом спас от смерти, грозившей парижанину за неуместное заступничество за человека, с которым искатели золота хотели расправиться по закону Линча.

После этого ему нельзя было оставаться на прииске. Спасенный им человек, бросая на него взгляды, полные благодарности, знаками умолял его уйти с прииска поскорее в лес.

«Конечно,— сказал сам себе Фрикэ,— лучше всего мне на время уйти отсюда, чтобы обо мне успели забыть. Я могу поселиться где-нибудь поблизости и разузнать о прибытии господина Андрэ и остальных. Озеро

Тиррель обозначено у нас сборным пунктом, и они явятся сюда во что бы то ни стало. Боскарен тоже, вероятно, не замедлит пожаловать; этот господин всегда является вовремя, а клад притянет его, как мед муху. Самым удобным, пожалуй, будет жить в лесу: я могу за всеми наблюдать, а меня никто не будет видеть. Остается вопрос: чем мне питаться?..

Так, рассуждая сам с собою, Фрикэ в сопровождении «белого дикаря» спустился с пригорка и вступил под сень густого леса. Не успели оба пройти по лесу и четверти часа, как неведомый спутник парижанина издал горловой звук. Парижанин остановился.

Среди небольшой поляны гордо возвышалось камедное дерево, окруженное благовонной рощицей мимоз в полном цвету. Дикарь обошел вокруг дерева, пощупал его кору и прищелкнул языком от удовольствия. Затем он показал пальцем на ножик, бывший у Фрикэ за поясом, и знаком попросил его себе на время. Он со смешною неловкостью открыл его, с таким серьезным видом, точно припоминал, как это делается. На коре дерева находился чуть заметный надрез, сквозь который просачивалась смола. Дикарь в одну минуту просунул кончик ножа в этот разрез, отвернул кору и обнажил таким образом углубление в стволе.

В углублении Фрикэ увидал спрятанную тяжелую дубину, стальной топор, пук стрел с костяными наконечниками и две изогнутые деревянные в виде сабель. Таково было содержимое этого тайного арсенала.

Дикарь братски разделил с Фрикэ свое первобытное оружие и засмеялся, указав сначала на стрелы и сабли, а потом на свой рот и на свой живот.

— А!.. Так, так,— сказал Фрикэ.— Мы пойдем на охоту, чтобы добыть себе пищу.

— Пищу,— повторил человек беззвучным голосом, видимо, не понимая смысла слов.

— Черт возьми! Да его, кажется, придется воспитывать сызнова,— подумал Фрикэ.— Кем он когда-то был, интересно знать? Ребенком ли он попал к дикарям, и они воспитали его? Или он потерпел крушение много лет тому назад и, живя в лесу, позабыл свой родной язык и одичал? Что он европеец, в том нет ни малейшего сомнения. Лицо у него почернело от загара, но на груди между бесчисленными рубцами заметна белая кожа... Странная моя судьба! В Борнео я нашел и приручил человекообразную обезьяну, а здесь, в Ав-

стралии встречаю обезьянообразного человека... Несчастный, кажется, утратил всякое подобие человека и думает только об одной еде. Дорого бы я дал, чтобы видеть его вместе с Дедушкой. Это было бы очень любопытно. Хотелось бы также мне знать, что он украл у диггеров? Вероятно, какие-нибудь пустяки. Я уверен, что сам судья Линч признал бы за ним смягчающие обстоятельства.

Дикарь внимательно глядел на Фрикэ, погруженного в думы. В его мозгу шла какая-то усиленная работа. Он произносил бессвязные слова, в которых Фрикэ улавливал французские звуки. Взгляд дикаря несколько оживился.

Но затем этот взгляд снова потух, приняв выражение тупой жадности. Он насторожился. Вдали послышался топот, заглушаемый мягкой травой. Дикарь поспешно схватил свою деревянную саблю.

В чаще мимоз мелькнула красивая голова газели, а затем на полянку выбежала огромная кенгуру. Присев на длинные задние ноги, она с любопытством установилась на человека, который стоял неподвижно, точно каменный. Из утробной сумки у него выглядывали две бойкие гбловки с быстрыми глазенками, точно у белки. Не сознавая грозящей опасности, бедные зверьки беспечно пощипывали стебли травы, доходившие до их мордочек.

Кенгуру снова сделала прыжок и подошла еще ближе; у Фрикэ вырвался чуть слышный вздох. В одну минуту все очарование пропало. Животное подняло уши, глаза его сверкнули злобой. Кенгуру яростно заворчала и огромным скачком кинулась в рощу.

Но дикарь оказался еще проворнее. Он взмахнул своей деревяшкой и с размаху кинул ее в животное. Деревяшка свистнула, раздался треск, и кенгуру тяжело упала на землю с переломанными ногами.

Тогда, к изумлению Фрикэ, смертоносное оружие, исполнив свое назначение, словно приобрело новую силу. Кусок дерева словно превратился в мыслящее существо: отскочив от кенгуру, деревянная сабля рикошетом упала у ног дикаря.

Последний, радуясь удивлению Фрикэ, поднял саблю и, указывая на нее парижанину, проговорил гортанным голосом:

— Бумеранг!

Глава VI

Несколько южных австралийцев.— Жаркое из кенгуру по-австралийски. Различия между австралийскими племенами.— Обед в лесу.— Съедобные корни.— Кайпун, охотник за кенгуру.— Чем Фрикэ занял свой досуг.— Правда о бумеранге.— Приключение герра Блуменбата, ценского профессора.— Подвиги Кайпуна.— Бесплодные попытки Фрикэ.— Barnget и wonghit.— Что же такое бумеранг?

Едва успел доблестный охотник совершить свой изумительный подвиг, как раздался продолжительный вой, способный заглушить крик целого стада выпей, и перед парижанином словно из-под земли выросла дюжина каких-то личностей, одетых в шкуры опоссумов.

По их длинным, черным вьющимся волосам, по узкому, низкому и покато лбу, по черным бегающим глазам, наконец, по длинным рукам, лишенным мускулов, и по сухим ногам без малейшего признака икр Фрикэ сейчас же узнал в этих людях туземцев Южной Австралии, представителей которых ему доводилось встречать на улицах Мельбурна.

Дикари смотрели на парижанина с любопытством, но не враждебно. Вид смертельно раненной кенгуру возбуждал в них, по-видимому, сильнейший аппетит, потому что все они, и мужчины, и женщины, с наслаждением хлопали себя по животу, как бы предвкушая обильное угощение.

Дикий спутник Фрикэ произнес какую-то беглую фразу на непонятном языке, и знакомство сейчас же состоялось. Самый старый, он же самый грязный и отталкивающий из туземцев, подошел к Фрикэ и с ожесточением потерся носом об его нос, причем молодой человек безропотно подчинился этому экзотичному ритуалу.

— Так, так, друзья мои, — сказал он, — я знаю этот обычай. Я уже имел однажды дела с вашими родичами на полуострове Йорк. Славные они были люди: объявили богом нашего жандарма Барбантона. Скажите, друзья, вы не знаете Барбантона, красу и гордость колониальной жандармерии? Нет? Очень жаль.

Туземцы, разумеется, не понимали, что им говорил Фрикэ. Они его даже не слушали, будучи заняты умиравшей кенгуру.

Полагаясь на рекомендацию белого дикаря, они разом освоились с парижанином и больше не заботились о нем. Внимание вечно голодных дикарей гораздо более

Дикари смотрели на парижанина с любопытством

привлекал предстоящий сытный обед, который вообще редко выпадал на их долю.

Мужчины важно уселись, а женщины, которых было четверо, принялись готовить жаркое. Приготовления были несложны и непродолжительны.

Две из них проворно вырыли яму с помощью заостренных палок, которыми они обыкновенно выкапывают съедобные корни. Третья сбегала к ручью и принесла камешков, чтобы выложить изнутри вырытую

яму. Потом все три принесли из лесу сухих душистых сучьев, которыми наполнили яму. Затем высекли огонь и зажгли костер, который скоро запылал ярким пламенем. Четвертая каменным ножиком распорол брюхо кенгуру по всей длине туловища, не снимая, однако, шкуры, вынула внутренности и нафаршировала тушу шариками жира, смешанного с душистыми травами.

Приготовив таким образом мясо, туземная повариха открыла украшенный стеклянными бусами мешок, висевший у нее на ремнях за спиной, достала оттуда иголку из длинной рыбьей кости и толстую растительную бечевку и крепко зашила живот кенгуру. Затем, не заботясь о густом мехе животного, она положила его ногами вверх на горячие уголья, а сама ушла к своим товаркам отыскивать в лесу съедобные коренья, которые употребляются туземцами вместо хлеба.

Мужчины в молчании наблюдали за этими хлопотами, эпикурейски растянувшись на траве в тени древесных папоротников. А Фрикэ с беспокойством думал о том, как мерзко пропахнет жареное мясо жженым волосом и рогом.

Парижанин имел теперь возможность вдоволь насмотреться на туземцев и убедиться, что они довольно резко отличаются от других дикарей, виденных им раньше в Австралии.

Прежние его приятели, поклонники Барбантона-табу, отличались разнообразием типов, а теперешние дикари, точно вымазанные сажей, все были на одно лицо.

У первых цвет лица был не так черен и черты не так плоски, как у новых знакомых парижаина. Вообще, по свидетельству многих добросовестных исследователей, австралийская раса представляет помесь всевозможных племен, до корней которых весьма трудно добраться.

Но среди своих этнографических наблюдений Фрикэ вдруг задремал, поддавшись охватившей его истоме от перенесенных раньше трудов и тревог. Австралийцы-мужчины тоже сладко заснули на часок, женщины ушли с детьми купаться, а жаркое тем временем поспело.

Женщина, руководившая стряпнею, отодрала от каменного дерева длинное лыко и этим нехитрым инструментом извлекла с помощью своих товаров жаркое из печи, положила его на траву и снова вскрыла у туши брюхо.

Учуяв вкусный запах жареного мяса, парижанин и туземцы разом, точно по команде, проснулись. И тот, и другие потянулись, зевнули и подошли к первобытному столу, какой накрывался, вероятно, у нашего предка, доисторического человека.

Женщины, эти работающие, самоотверженные создания, снова открыли свои мешки, вынув оттуда длинные перламутровые раковинки и несколько штук варранов — съедобных корней, употребляемых вместо хлеба, мучнистых и очень питательных.

Белый дикарь, видимо, пользовавшийся у туземцев большим авторитетом, подал Фрикэ раковину и корешок, предложив ему зачерпнуть раковиной из распоротого брюха туши ароматного розового сока.

Парижанин не заставил просить себя дважды. Он с аппетитом принялся за вкусный сок, с которым не могут сравниться никакие либиховские бульоны и никакие супы; дикари последовали его примеру, и скоро от удивительной похлебки осталось одно приятное воспоминание.

Черные сотрапезники Фрикэ называли белого дикаря Кайпуном, что на южно-австралийском наречии значит кенгуру. Впоследствии Фрикэ узнал, что одичалого европейца прозвали так за необыкновенное искусство охотиться на кенгуру.

Кайпун, всячески желая ублажить своего спасителя, разрубил топором тушу, подал молодому человеку мозг, как самый лакомый почетный кусок, себе взял язык, а остальное разделил между прочими дикарями, которые принялись работать челюстями с невероятным треском.

Вкусный и сытный обед закончился питьем воды прямо из ручья.

Туземцы, спавшие до обеда, после трапезы снова отправились на боковую под деревья. Фрикэ, как человек более нервный и подвижный, не хотел последовать их примеру; он подошел к Кайпуну, хлопнул его по плечу и попросил научить его действовать бумерангом.

— Бумераг! — проговорил Фрикэ, припоминая слово, сказанное ему белым дикарем.

— Бумеранг, — повторил австралиец из Европы, в восторге, что его спаситель осваивает язык туземцев.

Он принес парижанину оружие, которое тот стал внимательно рассматривать. Оружие было вытесано из

твердого дерева каменным топором, отполировано и слегка гнулось. В длину оно было немного меньше метра, в ширину пять сантиметров, а в толщину два. В середине был сделан небольшой выем, как у сабли, а на конце оружие утолщалось и расширялось.

Действуя бумерангом, туземцы хватают его обеими руками за толстый конец, выпуклой стороной от себя, и, размахнувшись, бросают изо всех сил прямо перед собой.

В момент полета толстая рукоятка сообщает бумерангу характерное вращательное движение, и в этом толчке заключается вся сила оружия, не известного никаким другим дикарям земного шара.

Брошенный таким образом, бумеранг отлетает, пересекая воздух, метров на 20—30, падает на землю, сейчас же подсказывает кверху и с прежним свистом летит назад, разбивая все препятствия, встречающиеся на пути.

Фрик припомнился один смешной анекдот, вычитанный им недавно из книги в мельбурнской публичной библиотеке. Речь шла о знаменитом немецком натуралисте, профессоре йенского университета Блуменбахе, который, не будучи в состоянии классифицировать растения и животных Австралии, вообразил, что этот материк не что иное, как обломок кометы, упавшей на землю.

Услыхав о бумеранге, Блуменбах сначала не хотел верить, что такое оружие существует. «Это все сказки, — утверждал он, — может ли быть, чтобы тупоголовые обитатели обломка кометы, не имеющие понятия о математических и физических законах, способны были изобрести такой метательный снаряд?» И добрый немец смеялся над легковерием своих собеседников.

Губернатор Сиднея, лично видевший замечательный инструмент, вздумал убедить неверующего наглядным доказательством. Он велел привести в свой парк одного туземца, хорошо владевшего бумерангом, и предложил профессору Блуменбаху встать на место мишени. Профессор согласился и, насмешливо улыбаясь, стал сзади аборигена в позе Наполеона I.

Австралиец чрезвычайно удивился странной фантазии, но повиновался приказу без возражения. Радуюсь случаю сокрушить кости хотя бы одному белому человеку, туземец проворно стал в позицию, как опытный воин, и, презрительно улыбнувшись, метнул свое оружие.

Деревяшка пронеслась вперед на некоторое расстояние, коснулась земли, подскочила и, свистя, устремилась на герра Блуменбаха с такою силой, что бедный ученый едва не поплатился жизнью, но вовремя успел растаянуться на земле.

Дикарь предложил повторить опыт, но бедный профессор, сконфуженно отыскивая в траве свалившиеся с носа очки, объявил, что с него довольно и что теперь он вполне убедился.

К удовольствию Фрикэ, Кайпун кинул несколько раз свой бумеранг, и всякий раз дубина послушно возвращалась к ногам охотника.

Парижанин хотел попробовать в свою очередь кинуть бумеранг, но не сумел. Дубина отлетела шагов на тридцать, но назад не возвратилась.

Неудача заставила Фрикэ призадуматься. Тогда Кайпун подал ему барнегет, или военный бумеранг; опыт парижанина был столь же неудачным с этим бумерангом, как и предыдущий с уонгимом, или бумерангом охотничьим.

— Странно!.. Странно! — бормотал Фрикэ, досадуя на неудачу. — Ньютон сказал, что человек может понять все, сделанное человеком. А между тем Кайпун умеет бросать бумеранг, а я никак не могу научиться. Хотелось бы знать, понял бы гений Ньютона сущность этого оружия, изобретенного дикарями?.. Постой, постой... Да я, кажется, понял, в чем заключается тайна. Взгляни, Кайпун, взгляни: вот твой бумеранг... это лист эвкалипта, оторванный от дерева и кружимый ветром... Э, господа дикари, да вы, я вижу, не дураки.

Фрикэ был прав. Бумеранг очень похож на лист эвкалипта. Форма и размеры у обоих почти одинаковы; Фрикэ снова взял в руки wonghim и стал внимательно его рассматривать.

— Правда, оружие очень странное, — сказал он, — но вовсе не такое уж необыкновенное, каким оно кажется с первого взгляда. А! Так вот оно что!.. Ну, теперь я догадался. Концы бумеранга находятся не на одной прямой... Тут есть легкий изгиб... Герр Блуменбах, очевидно, этого не заметил... Бумеранг просто-напросто винт. Теперь я понимаю, почему эта дубина так легко держится на воздухе, когда ей сообщат колотильное движение. Это мне напомнило мое детство. Давно это было, я еще под стол пешком ходил... Моп-

сieur Надар сводил с ума Париж своим воздушным шаром. Говорили об управлении аэростатами... В это время изобрели интересную игрушку. То была просто небольшая деревянная палочка, снабженная двумя или тремя картонными крылышками, расположенными в виде лопастей винта. Игрушке сообщали вращательное движение посредством веревочки, точно волчку. Картонные крылышки вертелись в воздухе, и игрушка поднималась вверх. Мне кажется, что бумеранг и эта игрушка — почти одно и то же, с тою лишь разницей, что бечевку заменяет рука охотника... Ну, Кайпун, начинай сначала, покажи-ка мне еще раз твое искусство.

Кайпун, самолюбие которого было задето, кинул бумеранг на сто метров. На этот раз замечательный инструмент превзошел сам себя. Упав на землю, он поднялся кверху и, пролетев над головой охотника, снова упал в пятидесяти шагах сзади него, потом опять подскочил и, описав, таким образом, несколько концентрических полукругов вокруг охотника, тихо вернулся к нему и чуть-чуть не был подхвачен его ловкой рукой.

Но тут случилось нечто неожиданное. Внезапно налетел порыв ветра, и бумеранг был отнесен в сторону, так что Кайпун не успел его подхватить. Дубинка упала шагах в двадцати.

Привычным жестом моряка, желающего узнать, с какой стороны ветер, Кайпун, послунявив указательный палец, поднял его над головой и сделал знак, как будто говоря:

— Не моя вина, ветер переменился.

— Я был прав, — снова заговорил восхищенный Фрикэ. — Ветер здесь очень много значит. Теперь я понимаю, почему ты, прежде чем бросить свою дубину, так старательно исследуешь состояние атмосферы. Ты никогда не бросаешь бумеранг прямо против ветра или прямо по ветру, а всегда немножко вкось, все равно как мы направляем наши шлюпки. Если бы ветра не было совсем, то твой бумеранг не вернулся бы назад. Как бы то ни было, все это очень остроумно и нельзя назвать дураком человека, который так хорошо сумел все вычислить и так ловко действует первобытным оружием. Ну, друг Кайпун, мне с тобой придется пожить довольно долго, так ты изволь за это время научить меня управлять бумерангом. Уверяют, будто им владеть может только природный австралиец.

Твое искусство служит явным опровержением этого мнения, придуманного путешественниками, не выходящими из своего кабинета. Я тоже постараюсь доказать им, что они врут. Идет?.. Не правда ли? Ведь ты меня научишь, дружище Кайпун, да?

Глава VII

Кто он, белый дикарь.— Жан Кербегель, 1860 год.— Следствие смерти одного вомбата.— Похороны у туземцев Виктории.— Повесть о белых людях.— Еще о каторжниках.— В путь в неизвестность.— Фрикэ находит самородок золота.— Жан не хочет расставаться с Фрикэ.— Золотая пещера.— Не это ли клад бандитов моря? — На мысе, выдающемся в озеро Тиррель.— Голоса в австралийской преисподней.— Фрикэ узнает эти голоса.

При других обстоятельствах Фрикэ был бы очень рад встрече с австралийцами, но теперь ему было не до них. Уже три недели он жил в постоянной тревоге, не зная ничего о своих друзьях. Фрикэ не находил ни малейших признаков, которые бы указывали на то, что они появились где-нибудь в окрестностях озера Тиррель, как было условлено.

Принятый в свою среду австралийским племенем, вторым вождем которого был одичавший европеец Кайпун, парижанин спас себя от голодной смерти, но и только. К цели своей он не подвинулся ни на шаг.

Впрочем, его вынужденное пребывание у дикарей было не бесполезно. Приведя своего друга в деревню, принадлежащую племени, Кайпун невольно сообщил ему несколько сведений о своей личности. Эти сведения были очень незначительны, но парижанин, благодаря им, все-таки имел возможность убедиться, что его одичавший друг — француз по рождению, бывший моряк и вдобавок бретонец, следовательно, земляк Пьера де Галья.

С радостью ребенка, показывающего свои игрушки новому лицу, Кайпун достал сначала две медные пуговицы с выбитым на них якорем, очевидно, оторванные от матросской куртки, потом две полинялые нашивки с полустертою надписью «Беллона». Эти три вещицы тщательно хранились в мешке из кожи опосума. Кроме того, на руке у Кайпуна парижанин заметил мелкое синеватое клеймо, очевидно, выжженное давно, еще в ранней юности. Это клеймо состояло

из якоря с двумя словами: «Жан Кербегель», а наверху было надписано: «1860 год».

Тогда Фрикэ окончательно убедился, что он был прав, предполагая в Кайпуне одичалого европейца. Это был, вероятно, какой-нибудь потерпевший крушение юнга, которого нашли дикари, приняли к себе и затем мало-помалу приобщили к своей жизни, так что он позабыл родной язык и совершенно одичал.

Такие случаи бывали. Десять лет тому назад среди дикарей и при таких же точно обстоятельствах был найден французский матрос Нарцисс Пельтье. Он тоже забыл свой язык и вел совершенно дикий образ жизни. Он был ранен в стычке с матросами одного корабля, пришедшими к ручью за водой, взят в плен и возвращен в отечество. Его снова обучили европейскому образу жизни, заставили вспомнить французский язык, зачислили в кадры флота и дали место смотрителя одного из маяков на западном берегу Франции. Пребывание Пельтье у дикарей длилось восемнадцать лет.

То же самое случилось и с Кайпуном, которого Фрикэ стал с этого времени звать его настоящим именем, то есть Жаном Кербегелем.

Жан привязался к молодому человеку всей душой. Он ходил за ним всюду как тень и всячески придумывал способы сделать его пребывание у дикарей как можно приятнее.

Два дня шел дождь, и Фрикэ пришлось прожить в жалкой плетеной хижине, вонючей и грязной, в которой, кроме него, жило четверо дикарей. Парижанин думал, что не выдержит и задохнется. Как ни был он вынослив, но и ему оказалось не под силу жить среди всевозможных нечистот, гниющих костей и остатков мяса, а главное, в одном помещении с дикарями, от которых воняло, как от козлов.

Жан построил для него хорошенькую дуру, то есть хижину из ветвей, с занавесом из шкуры кенгуру. Всю мебель в хижине составляла лишь опрятная, чистая постель из мягких листьев папоротника, но тут, по крайней мере, не приходилось дышать миазмами.

На досуге Фрикэ занялся изучением языка дикарей и пользовался случаем говорить с Кайпуном по-французски.

Последний жадно прислушивался к его речи, повторял некоторые слова, стараясь припомнить их смысл,

и делал быстрые успехи. Недели через три его запас слов значительно пополнился. Но он еще не выучился правильно строить фразы. Он оперировал пока только существительными и, желая выразить свою мысль, путал французские выражения с австралийскими, что выходило очень смешно.

К нему понемногу стала возвращаться память, и Фрикэ надеялся, что одичавший француз скоро будет в состоянии рассказать свою историю. Парижанин мечтал, как он со временем увезет Жана в Европу и вернет на прежнее, хотя и скромное место в цивилизованном мире.

Несмотря на постоянную заботу о пище, которая вообще с трудом добывается дикарями, Жан и Фрикэ деятельно разыскивали следы Андра, доктора Пьера де Галя и Князька. Они то и дело наведывались к озеру Тиррель. Местность, к счастью, была хорошо знакома Жану, и, как ловкий охотник, он был незаменим во время этих длинных походов. Фрикэ дал ему понять, как важны эти поиски; и одичалый бретонец напрягал чутье дикаря, чтобы отыскать следы друзей парижанина.

Одна вещь чрезвычайно смущала Фрикэ. Ему очень хотелось знать, за что хотели золотопромышленники повесить Жана, но тот на все его вопросы упорно молчал, не желая или не умея связно ответить.

Между тем Фрикэ случайно узнал об одном поверье, которому суждено было значительно повлиять на будущую жизнь парижанина. Случилось это благодаря одному очень неприятному инциденту, который произошел с одним из дикарей племени.

Несчастный, желая поймать вомбата (животное из породы *phascoloma*), влез на вершину эвкалипта и упал оттуда на землю, сломав себе спину.

Так как австралийцы редко умирают своей смертью, а больше при каких-нибудь несчастливых обстоятельствах, то они смотрят на смерть, как на нечто противное природе, обусловленное чьими-то кознями. Так и в этот раз дикари заорали во все горло, посылая проклятия солнцу, луне, эвкалиптам, а главное, таинственному колдуну, принявшему образ вомбата, чтобы заманить несчастного дикаря на вершину дерева и умертвить его, сбросив оттуда.

С ревом и воем, какого не вынесла бы ни одна европейская гортань, мужчины в знак траура вымазали

себе белой краской лица, тела, обозначив на себе кости человеческого скелета, и принялись устраивать торжественные похороны.

Вечно голодающие туземцы не прочь порою отведать и человеческого мяса. В большинстве случаев они пожирают мертвецов. По счастью, Фрикэ на этот раз не пришлось присутствовать при отвратительном зрелище. Провизии у дикарей было достаточно. Озеро в изобилии доставляло рыбу, и дикари ограничились тем, что содрали с умершего кожу.

Во время этой операции, которую совершал колдун племени, каждый туземец медленно прохаживался около трупа и, приближаясь к нему, всякий раз ударял себя топором по голове в знак скорби. Фрикэ сначала думал, что это делается только для виду, но потом увидел, что удары наносились нешуточные, потому что по лицам у несчастных текла кровь. Самоистязание прекратилось лишь тогда, когда колдун, отойдя от трупа, подбежал к фанатикам, обнял по очереди каждого из них и залепил их раны пластырем из глины. После того они были допущены к созерцанию мертвого тела.

Затем приблизилось несколько жен умершего. Несчастные вдовы были облачены в полный траур: лица, руки и ноги их были вымазаны белой краской, все украшения сняты. Увидев труп своего мужа и повелителя, все жены, точно по команде, завывали. Они рвали на себе волосы, плакали и бесновались, выражая дикими телодвижениями и криками свое горе.

После этой церемонии тело дикаря положили в кожаный мешок. Этот мешок хранится вдовами в течение ста дней, а затем его кладут в дупло или какую-нибудь отдаленную пещеру.

По тем же обычаям в племени хоронят и умерших детей. Бедная мать долго не решается расстаться со своим птенцом и носит его с собою, пока тело окончательно не сгниет. Тогда она высушивает кости, заворачивает их и кладет на ночь под голову, чтобы иметь рядом с собой останки ребенка и почаще вспоминать его во сне.

Печальная церемония кончилась. Несчастные, истерзанные дикари запели в унисон веселую песню и устроили вокруг Фрикэ фантастическую пляску.

Парижанин не знал, что и думать об этом неожиданном взрыве веселости, но Жан скоро объяснил ему все на своем странном языке.

Похороны у австралийцев

У австралийцев существует поверье, что все их мертвецы оживают от присутствия белых людей. Таким образом, приход к ним Фрикэ, по их мнению, предвещал им всевозможное благополучие.

Они полагали, что скоро явятся белые, много белых, и первым из них будет сам недавний покойник, приняв обличье лучшего друга Фрикэ.

— Спасибо вам, друзья, за такое милое предсказание, от души спасибо. То, что вы проповедуете,

очень курьезно, но я готов разделить вашу веру. Если ваше пророчество сбудется, то мне больше и желать здесь нечего.

Как ни странно такое поверье, но оно, в сущности, вполне естественно. Каждый представляет себе рай сообразно со своими жизненными представлениями. Живя в страшной бедности, в лишениях, на самой низшей ступени человеческого развития, абориген Австралии видит, что белый человек пребывает в достатке и комфорте. Счастливый конец своей жизни дикарь полагает в том, чтобы начать ее вновь при условиях, о которых он в теперешнем своем положении может только мечтать; эти желательные условия: обильная еда, обильное питье и обильный сон.

Происхождение поверья толкуют по-разному. Наиболее правдоподобным кажется нам следующее объяснение, относящееся ко времени возникновения колонии.

Каторжники, привезенные капитаном Филиппом, едва успев высадиться на материке, принялись за свои прежние занятия. Воровство и убийство сделались для них источником к существованию, и против этого зла была бессильна даже железная дисциплина, обычная в английских исправительных колониях.

Случаи бегства из колоний сделались так часты, что бандитов набралось весьма значительное число, и, не довольствуясь разбоем на суше, они принялись промышлять и на море, раздобыв где-то несколько палубных судов. Вскоре их действия навели ужас на все соседнее побережье и значительно подорвали авторитет колонии. Вследствие этого английское правительство начало беспощадное преследование бандитов. Менее чем за один год десятки их были частью расстреляны, перевешаны и перетоплены, а частью загнаны в бесконечные леса центральных земель.

Оставшиеся в живых не хотели признать себя побежденными. Чтобы удобнее было грабить населенные места, они принялись красить себе кожу, татуироваться, одеваться в шкуры опоссумов, то есть выдавать себя за туземцев. Многие из них окружили себя туземными женщинами, которых стали называть уинни (супругами) и которые очень привязались к своим мужьям.

В эту неприятную для беглых каторжников годину гонимые и теснимые со всех сторон бандиты, чтобы обеспечить себе мир с туземцами, стали выдавать

себя за их умерших предков и убеждать их в том, что усопшие возвратились на землю в обличье белых людей.

Обман удался как нельзя лучше. Бледный цвет кожи, говорили левоверные туземцы, происходит оттого, что загробная жизнь смыла черную краску с «чернокожих, длинноволосых людей, сотворенных великим Му-То-Они» (гением добра).

Чудной язык, изобилующий гласными звуками, есть ни что иное, как последние стоны умирающих, которые Баланга (смерть) вложила в грудь белым привидениям.

Их блестящие ножи, их железные трубы, извергающие молнию — это оружие новых племен, а забвение австралийских обычаев объясняется тем, что коварный и шаловливый дух Вуа-Вуа помрачил память белых.

Благодаря такой изысканной мистификации, беглые каторжники обрели себе среди туземцев настоящее раздолье. В качестве предков они получали лучшее место за столом и у очага и вообще заручились прочной поддержкой со стороны дикарей. Они выбирали себе, каких хотели, молоденьких девушек, делались их супругами и повелителями, и никто не думал возмущаться таким бесцеремонным захватом чужих прав.

Легенда передавалась от отца к сыну и так понравилась своею чудесной стороною, лъстившей самолюбию туземцев, что не только до сих пор не позабыта ими, но даже и в настоящее время более двух третей австралийцев свято веруют в нее, вплоть до готовности принять мученичество за свои убеждения.

По совершении похорон австралийцы собрали свои пожитки и приготовились куда-то перекочевать. Сборы были невелики и непродолжительны. Мужчины, взяв с собою только по пуку копий и по бумерангу, медленно двинулись в путь, а женщины пошли за ними следом, сгибаясь под тяжестью мешков с провизией и обливаясь потом. Хижины, или виллумы, были преспокойно оставлены на произвол случайных посетителей: прохожих, гадов, насекомых и ночных птиц.

Фрикэ, дивясь такому непредвиденному походу, обратился за разъяснением к Жану Кербегелю.

Одичавший европеец пожал плечами, поднял глаза к небу и вытянул руки, как бы говоря:

— А почему я знаю?

— Нет, правда? — не унимался парижанин. — Будь умником. У меня здесь дела. Я не могу уходить

далеко отсюда. Я останусь здесь. Если ты меня любишь, оставайся со мною. Это еще что такое? — продолжал он, поднимая с земли желтоватый, словно окутанный табачным дымом камень, который был вырыт из ямы, куда закопали умершего. — Черт возьми, довольно тяжелый.

— Золото, — отвечал Кайпун своим горловым голосом.

— Золото?.. А! Чистое золото.

— Золото, — повторил Кайпун.

— Понимаю, друг. Тут его, по крайней мере, на тысячу франков. Впрочем, для тебя это все равно, да и для меня тоже... Однако на всякий случай я возьму его с собою. Места в кармане оно не пролежит, а при случае может и пригодиться... Вообще я начинаю копить.

Между тем аборигены ушли далеко вперед, не забываясь о двух отставших товарищах.

— Пойдем, — сказал Жан с настойчивостью.

— Куда?

— Туда... озеро.

— Туда? К озеру? С удовольствием. Но только, что мы там найдем?

— Золото.

— Как? Опять золото?

— Да... много... много.

И он жестом дал понять, что там богатый прииск.

— Нет... не прииск... там пещера... и все золото, золото...

— А! Это другое дело. Ты начинаешь говорить по-французски так, что тебя можно понять... Ну, так как же? Там золото в кусках, не так ли?

— В кусках... много кусков.

— И ты хорошо знаешь место, где оно спрятано?

— Да, — радостно сказал Жан. — Все тебе... все... ты добрый.

— Все мне... зачем же так? Лучше сказать: нам. Разделить золото будет не трудно, мы ведь не поссоримся... Ах, если бы мне напасть на след Боскарена! Я бы тогда разом поймал двух зайцев: и негодяя захватил бы, и барышню нашу выручил из плена... Решено, Жан, я иду с тобою.

Путь был долг и труден. Три дня шли аборигены вперед с неутомимостью дикарей, и Фрикэ, несмотря на всю свою энергию, начал уже уставать, как вдруг Жан скомандовал остановку, издав тихий свист.

С обрыва открывался вид на озеро

Племя остановилось на горке, поросшей тощею растительностью. Эта горка вдавалась мысом в озеро Тиррель и была доступна с суши только тем трудным путем, которым прошел Фрикэ с дикарями.

Оконечность мыса, размытая тропическими дождями, сожженная солнцем и овеянная ветрами, состояла из базальтовых наслоений, черные оттенки которых отливали порою слюдяным блеском. С этого обрывистого места открывался заманчивый вид на озеро, которым Фрикэ сейчас же залюбовался.

Вопреки обыкновению, дикари, вместо того, чтобы устроить лагерь и развести костры, хранили почти-тельное, чтобы не сказать боязливое, молчание, а женщины уселись на свои мешки спиной к озеру и, подперев голову руками, упорно не хотели глядеть на его блестящую, необозримую гладь.

Потом вдруг все дикари, словно пораженные внезапным ужасом, кинулись ничком на землю. Они услышали глухие раскаты человеческих голосов, заглушавших журчанье невидимого ручья, протекавшего где-то поблизости.

— Виами! Виами! — кричали в ужасе дикари. — Ад!.. Ад!..

— Ад!.. Ну, что же, и отлично, — сказал Фрикз, отрываясь от своего созерцания. — Но или я сильно ошибаюсь, или мне знакомы голоса бесов, живущих в этом аду. Если негодяи здесь, то, вероятно, и доблестный вождь их тоже где-нибудь неподалеку. Ну, Фрикз, будь осторожен, мой мальчик, а не то попадешься.

Глава VIII

Австралийские поверья. — Из преисподней звучит английская и португальская речь. — Огромный самородок. — Жадность двух негодяев. — Появление мистера Голлидея и синьора Бартоломео ди Монте. — Взятка с бандита. — Как Голлидей понимает отношение к людям. — Синьор Бартоломео со своим слитком разыгрывает роль пдающей звезды. — Таинственная лодка. — Выстрел на озере.

Испуганные крики дикарей: «Виами!.. Виами!..» и хриплые звуки доносившихся голосов ни на минуту не смутили Фрикз. Он не был суеверен ни по своему характеру, ни по воспитанию и сейчас же догадался, что все это значит.

Снизу раздавались то крики алчности и нетерпения, то мольбы о помощи, то брань и угрозы двух человек, которые, очевидно, боролись друг с другом. Фрикз прислушался хорошенько и понял все; он даже догадался, что соперники принадлежат к различным национальностям, и кончил тем, что заочно, по одним голосам, узнал обоих.

Один из голосов, который, дрожа от страха, молил о чем-то, был с португальским акцентом. Другой голос, охрипший от злоупотребления спиртными напитками, но резкий, как стальной клинок, сыпал страш-

ными ругательствами с интонацией чистокровного янки.

Фрикэ подполз к самому краю утеса и заглянул вниз. Его глазам представилось ужасное зрелище.

— Виами!.. Виами!..— продолжали жалобно кричать дикари, убежденные, что их нового друга ухватил за волосы злой дух Тулугал, чтобы сбросить с утеса в волны озера.

Религия австралийских дикарей сплетена из всевозможных нелепостей. Главная отличительная черта ее в том, что туземцы гораздо охотнее верят в духа зла, чем в доброго гения Баямай, или Му-То-Они.

Такой пессимизм религиозных воззрений легко объясняется тяжелыми жизненными условиями, в которых находятся несчастные туземцы Австралии, живущие между молотом и наковальней, между голодом и английскими штуцерами.

Замечу, однако, что среди грубых преданий большинства туземных религий,— а их в Австралии много, как и везде,— встречаются нередко весьма разумные нравственные принципы и почти всеобщая вера в загробную жизнь.

Они верят в награду и наказание после смерти. Особенно интересно их представление об аде или, как они называют его, о Виами, делающее честь их фантазии.

Представьте себе необозримую песчаную пустыню, без малейшей тени, воды, без единой капли росы, окруженную голыми утесами, безжалостно палимую тремя огромными солнцами, расположенными в виде треугольника. Тут пребывают грешники, осужденные вечно гореть за обиду, нанесенную жрецам, за побои, причиненные старикам, за убийство вождей и за похищение молодых девушек.

Но вернемся к парижанину, который преспокойно лежал на утесе, свесив голову вниз и не боясь головокружения. Он слушал оживленный и в высшей степени назидательный разговор между двумя лицами, присутствие которых в подобном месте являлось для Фрикэ полнейшею неожиданностью. Стоя на узком выступе мыса, какой-то человек с американским акцентом бранился с другим человеком, висевшим над бездной на веревке, которая раскачивалась и крутилась самым отчаянным образом.

Конец этой веревки выходил из круглого отверстия в базальтовой скале, внутри которой, очевидно, была

пещера, имевшая выход по другую сторону скалы и, быть может, очень далеко.

Фрикэ не вполне понимал, зачем пришли сюда эти люди. Он медленно приподнялся, знаком попросил Жана держать его за ноги и высунулся еще дальше над обрывом. Тогда он яснее рассмотрел выступ, на котором стоял человек, державший веревку.

Тут находилась узкая трещина, из которой текла говорливая струйка воды и впадала в озеро, поднимая белые брызги пены. Мелкая водяная пыль вилась около утеса, и сквозь нее, точно сквозь ореол, сверкал огромный самородок золота, застрявший среди базальтовых частиц. Ручей, словно природный диггер, вековым действием своих вод промыл и обнажил этот удивительный слиток, который сделал бы честь любому австралийскому музею.

Постоянно омываемый водяной пылью каскада, самородок блистал на солнце, как зеркало, и, казалось, каждую минуту готов был сорваться с того места, куда его посадила фея приисков. Но это только казалось. На самом деле самородок уже не одну, может быть, сотню лет сидел в углублении базальтовой скалы, не тронутый жадным человеком.

Фрикэ смотрел, затаив дыхание. При всем его бескорыстии даже его ослепило это зрелище. Но вскоре внимание его отвлекла драматическая сцена, разыгравшаяся у самородка. Два человека, спорившие внизу, тоже заметили золото и решили завладеть им сообща. Один из них, полагаясь на честное слово другого, спустился на веревке к самородку и, рискуя жизнью, с бешеным усилием вытащил его из углубления.

— Отлично! — подумал Фрикэ. — Наши два плута сделали полезное дело. Только я сильно сомневаюсь, чтобы они поделили это золото без ссоры.

В эту минуту и раздались те громкие возгласы, которые во второй раз испугали туземцев. То был крик ужаса и вместе торжества, так как человек на веревке едва не уронил слитка, но потом подхватил его и обрадовался.

Этот крик гулко пронесся над озером, повторенный многократным эхом. Золотой слиток сверкал в руках у человека на веревке.

— Поднимите же меня, синьор Голлидей, — сказал тот.

— Так... Так... Голлидей. Это он, — сказал Фри-

кэ.— Мой пират решительно мастер на все руки. Хорошо бы его повесить на другом конце веревки. Но подождем... это становится очень любопытным.

— Поскорее же, синьор... Ради Бога, я не могу больше. Это золото оторвет мне руки.

Голос был разбитый, надтреснутый, но слова были слышны отчетливо.

Американец быстро потащил вверх веревку, на конце которой болтался его товарищ. Потом его осенила дьявольская мысль, и он стал тащить все медленнее и медленнее.

— Поскорее, синьор... ради Бога... у меня позеленело в глазах... Ай! Что вы делаете!.. Побойтесь Бога!

Американец совсем перестал тащить веревку.

— Не лучше ли нам поговорить сначала по душам, синьор Бартоломео ди Монте?

Фрикэ забавлялся, точно в ложе драматического театра.

— Что, приятель? Ты, знать, здесь не так важен, как в Макао? Торговля желтым товаром не пошла тебе, видно, впрок. Кажется, тебя погубит любовь к желтому металлу.

— Поговорить! — взвыл не своим голосом несчастный. — Да разве вы не видите, что я выбился из сил и упаду сейчас в озеро?

— Так вы вот что сделайте: передайте мне сюда золото. Тогда вам легче будет подняться.

Сердце мулата сжалось смертельной тоскою. Он понял, что гибнет.

— Ни за что я этого не сделаю. Я знаю, что вы меня бросите в бездну, как только получите золото.

— А почему же вы не боитесь, что я брошу вас сию минуту?

— Потому что вы не захотите лишиться самородка. Покуда он у меня, я уверен, что вы ничего со мной не сделаете.

— Болван! Лиха беда была вынуть золото из углубления, а достать его со дна озера пустое дело для такого пловца, как я. Ну же, скорее. Отдадите вы мне золото или нет?

— Raje de Dios!.. Вы негодяй.

— Yes, sir. Подавай же сюда золото!

— Разбойник, варвар!..

— Yes!.. Давай!

— Вы грабите товарища, это подло...

— Самородок сюда!..
— Он мой... он наш... мы разделим его пополам.
— Ваша жизнь в моих руках. Это будет выкуп.
Отдавайте мне все или я брошу веревку.

Португалец заскрипел зубами. Дрожь сотрясала все его тело. На губах показалась беловатая пена. Он ничего не отвечал.

Американец вспыхнул. Вся кровь бросилась ему в лицо.

— Слышали вы? — прохрипел он яростно. — Давайте сюда золото или я бросаю все...

— Вы... меня... все равно... убьете... так уж я... лучше умру... с золотом...

— А! Хорошо же! — отвечал американец, быстро спуская вниз веревку, но не бросая ее совсем, а как будто для того, чтобы сначала показать дону Бартоломео всю прелесть безвозвратного падения в бездну.

Несчастный завыл диким голосом и еще крепче обхватил самородок руками.

— Ну, что же? Не надумали еще?..

— Сжальтесь! Мистер Голлидей!.. Старый друг!.. Сжальтесь!.. Ведь в этом золоте моя жизнь... Мы можем взять его себе тайно от главаря... мы его нашли с вами вдвоем, без него... в ожидании его прибытия...

«А! Следовательно, сюда скоро явится и сам главарь этих добрых людей», — подумал Фрикэ.

— ... И неужели вы не боитесь, что вам придется ответить перед главарем за мою смерть? Перед ним мы все равны, а наши уставы строго карают убийство товарища.

— Мы одни, никто ничего не узнает, — отвечал американец, при всей своей свирепости начиная смягчаться.

— Сжальтесь!.. Это золото наше общее.

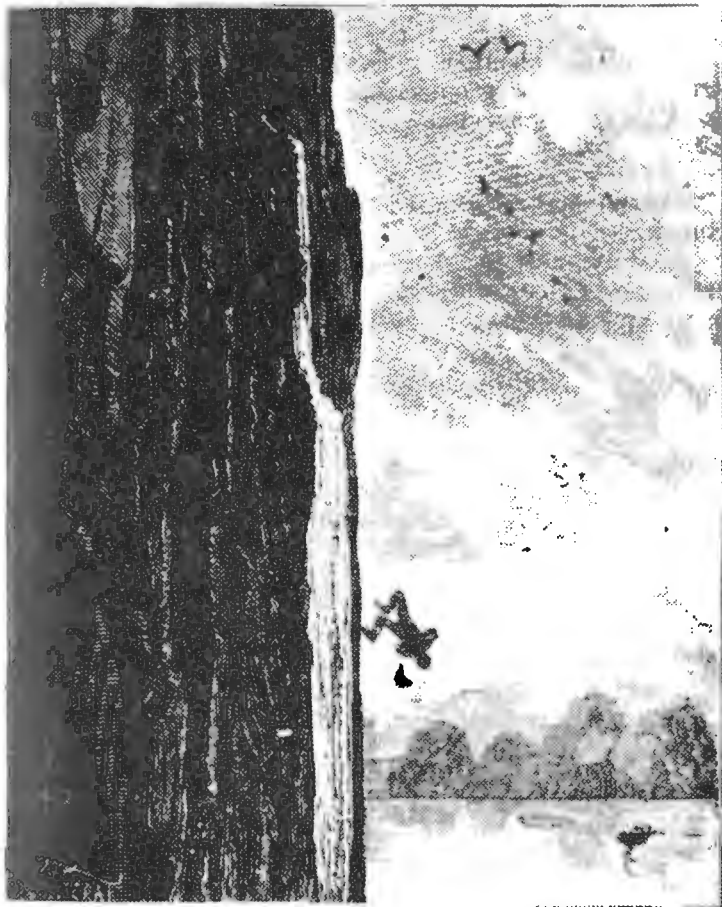
Фрикэ следил за сценой с возрастающим любопытством.

Теперь для него стало ясно многое. Главарь — это был, очевидно, Венсан Боскарен. Торговец людьми и пират, очевидно, сделались лесовиками, когда ступили на австралийскую почву.

Парижанину оставалось теперь только узнать, где находятся его друзья.

Они встретятся, придет главарь — и скорая развязка не заставит себя ждать. Фрикэ не помнил себя от восторга.

Португалец испустил вопль и полетел вниз

В ту минуту, когда дон Бартоломео ди Монте закричал: «Сжальтесь!.. Это золото наше общее!..» — вдали серебряной глади озера появилась чуть заметная черная точка.

Эта точка быстро увеличивалась. Она скользила все ближе и ближе к мысу. Как она двигалась, невозможно было разглядеть. Одно только можно было сказать с уверенностью, что это была не лодка. Туземные лодки выдалбливаются из дерева и далеко не так ши-

роки. Быть может, это был плот? Но плот не мог бы двигаться с такой быстротой.

Мистер Голлидей вскинул случайно глаза, увидел плывущий предмет и разразился ругательствами. Не понимая, в чем дело, дон Бартоломео залепетал какие-то несвязные фразы, прерываемые предсмертной икотой. Ужас перед гибелью овладел им всецело, даже алчность отошла на задний план.

Близилась развязка.

Американец еще прежде привязал веревку к небольшому выступу скалы. Как ни был он силен, но у него устали руки держать мулата, обремененного огромным слитком.

Он вынул из кармана большой складной нож и, яростно заскрежетавав зубами, вскричал:

— Околевай же, собака! Убирайся к черту со своим проклятым самородком!

И он так сильно хватил ножом по веревке, что она разом оборвалась.

Португалец испустил ужасный вопль, раза два перевернулся в воздухе и, сжимая в руках самородок, перемещавший центр его тяжести в верхнюю половину тела, полетел головой вниз со скрюченными ногами. Послышался зловеющий всплеск, и затем все стихло.

Парижанин даже бровью не повел.

— Одного не стало, — проговорил он саркастическим тоном. — Ах, если бы все они также точно истребили друг друга! Туда бы им и дорога. Меньше было бы работы палачу.

С минуту мистер Голлидей просидел неподвижно, держа в руке нож и сосредоточенно глядя на круги, расходившиеся по воде. Обрезанная веревка вертелась и извивалась точно змея.

Выйдя из задумчивости, он беззаботно махнул рукой, закрыл ножик, схватился за веревку и приготовился лезть в черное отверстие, зиявшее на гладкой поверхности скалистого мыса.

Но таинственная лодка, как птица, подлетела к утесу. Это не был ни плот, ни обыкновенная лодка, или, вернее, то и другое вместе.

Она была очень устойчива, вместительна и быстроходна.

В лодке сидело четыре человека. Двое гребли необыкновенно легкими веслами, третий стоял у кормы с подозрительной трубой в руках, а четвертый впереди целился из карабина.

Человек с подозрительной трубкой сделал знак. Легкий дымок белой струйкой вырвался из дула ружья, резко и быстро прожужжала пуля, и мистер Голлидей подскочил, как подстреленный заяц.

— Теперь твоя очередь! — вскричал Фрикэ в ту минуту, когда загремел выстрел. — Но, черт возьми, я, кажется, узнаю этот звук!

Он побледнел и замер от волнения. Потом вдруг отскочил назад, толкнув Жана и одного из дикарей.

— Конечно!.. Разумеется!.. Мог ли я ошибиться!.. Что они, разумеется, они!..

Глава IX

Дон Бартоломео ди Монте остается на дне со своим самородком, и Фрикэ узнает своих друзей. — В преисподней снова наступает тишина. — Где причалить? — Добывание лианы. — Как австралийцы в несколько секунд взбираются на высокие деревья. — Виами отдает назад свою добычу. — Доктор Ламперриер удивляется тому, что он Нирро-Ба, и тому, что он отец многочисленного семейства. — Карманная лодка. — Так кто же такой Жан Кербегель? — Трогательное свидание.

После выстрела американец исчез в зияющем отверстии пещеры, а таинственная лодка подъехала к подножию скалистого, недоступного мыса и остановилась как раз на том месте, где скрылся под водою синьор Бартоломео ди Монте.

Сидевшие в лодке люди, по-видимому, надеялись выловить утонувшего мулата, потому что они поплавали несколько минут вокруг этого места, как будто ожидая, не вынырнет ли наружу голова утопленника.

Ожидания не сбылись. Несчастный, не желая расстаться с золотом, не выпустил его из рук и пошел ко дну, как свинцовая глыба.

Сердце у Фрикэ все время так и стучало. В гребцах лодки он узнал Андрэ и Князьку, в человеке с трубкой — Пьера де Галя, а в стрелке — доктора Ламперриера.

Бросив бесполезные усилия спасти утонувшего, лодка приготовилась отъехать от мыса. Весла снова заработали, как вдруг по воздуху пронесся веселый крик парижского гамена.

— Пи-и-и-у-фью-ить! — засвистел Фрикэ, словно в горле у него был свисток от локомотива.

Услыхав знакомый сигнал, который однажды уже

сослужил им службу во дворце магараджи Борнео, четыре друга вздрогнули так сильно, что даже лодка всколыхнулась. Весла разом остановились, и глаза четырех пловцов моментально поднялись вверх в том направлении, откуда послышался крик.

— Пи-у-фью-ить! — повторил парижанин.

Пьер де Галь поднялся, приставил руку трубочкой ко рту и окликнул молодого человека командирским голосом, каким бывало командовал на своем броненосце:

— Эй!.. Ты, там, на вышке!.. Эй!..

— Эй, лодка!.. Эй! — отвечал Фрикэ, как послушное эхо.

— Матрос!.. Сынок!.. Это ты?.. Если ты, то так и скажи... не дури, а то я упаду в воду, если это не ты...

— Конечно я, старик... кому же больше быть? Фрикэ-парижанин, ваш матрос, дорогие друзья. В воду тебе незачем падать: это вредно.

— Фрикэ! — хором закричали все четверо. — Шалун!.. Гамен!.. Проказник!..

Затем доктор спросил его своим густым басом:

— Ты кем же здесь? Магараджей, как в Борнео, или просто вождем одного из австралийских племен.

— Нет еще! Престол не занят и дожидается одного из вас.

— Мы сейчас причалим к твоему берегу. Скажи, пожалуйста, куда это мы заехали?

— А я и сам не знаю. Мне кажется, вам нужно объехать мыс и причалить с другой стороны. Я пойду к вам навстречу с моими товарищами. Только смотрите, будьте осторожнее. Место здесь прескверное: водятся лихие люди.

— Мы уж видели это. Скажи, матрос, этот негодяй, подстреленный доктором, не мерзавец ли янки с корабля «Лао-Дзы»?

— Он самый. А тот, который утонул, португалец из Макао, торговавший желтыми людьми.

— Очень приятно слышать. А теперь в путь.

Пока лодка выезжала снова на середину озера, австралийцы, затаив дыхание, по-прежнему лежали ничком на утесе. Их можно было бы принять за мертвых, если бы не судорожный трепет их тел и стучанье зубов.

Туземцы еще не помнили случая, чтобы адские голоса разговаривали так долго и так громко. Руга-

тельства американца, предсмертные крики мулата, ввучные возгласы Пьера и басовитые ноты доктора показались для бедных дикарей адским концертом, а ружейный выстрел заставил их окончательно обезуметь от ужаса.

Один Жан Кербегель, успевший под влиянием Фрикэ несколько оевропеиться, — да простит мне читатель это новое и, быть может, неудачное слово, — смело встал на ноги и мужественно глядел на плывущую лодку.

— Чел-нок! — произнес он по-французски, с трудом выговаривая слоги. — Шлюп-ка!

— Да, мой друг, — отвечал ему Фрикэ, — совершенно верно: шлюпка, челнок, лодка, — все, что ты хочешь. И в этой лодке едут лучшие в мире моряки. Ты сейчас их увидишь.

В Виами снова настала тишина, и дикари немного успокоились. Более смелые из них позволили себе даже пошевелиться. Вскоре движение между ними сделалось общим, и, наконец, вся компания поднялась с земли и встала на ноги. Кошмар прошел.

Фрикэ частью знаками, частью коверкая туземный язык, объяснил дикарям, что нужно сойти с мыса и подойти к тому месту берега, где он более отлог и низок. Дикари охотно согласились на предложение своего нового друга, который, благодаря белому цвету кожи, мог так долго вести беседу с богами подземного царства.

Перед отправлением в путь они съели несколько холодных варанов, испеченных в золе, проглотили пару кусочков эвкалиптовой смолы и затем объявили, похлопывая себя по животу, что они готовы идти.

Тем временем лодка обогнула мыс и взяла вправо. Фрикэ и его спутники пошли в том же направлении, не обращая внимания на препятствия, встречавшиеся на пути. Так шли они несколько часов под палящими лучами солнца, которое накалило базальтовую почву до того, что больно было ногам. Фрикэ начинал выбиваться из сил, а между тем берег был все так же высок и крут и нигде не виднелось местечка, удобного для высадки.

Люди, плывшие в лодке, тоже устали от бесконечного плавания и насилу гребли, а между тем через час должна была наступить ночь, которая в южных странах спускается на землю быстро, налетает разом, вдруг

Фрикэ не знал, какому богу молиться, когда лодка, наконец, остановилась. Послышался голос Андрэ:

— Фрикэ, нет ли у тебя веревочки длиною метров двадцать пять или тридцать!

— Нет, господин Андрэ. А на что вам эта веревочка?

— Ты спустил бы ее к нам сюда. Я привязал бы к ней канат, он у меня здесь в лодке; ты втащил бы его наверх и прикрепил где-нибудь к утесу, и тогда мы взобрались бы к тебе сюда со всей амуницией. А то мы долго еще не найдем, пожалуй, удобного места для высадки, между тем скоро ночь.

— Простая лиана не годится?

— Очень годится.

— Хорошо. Один из моих товарищей сходит и принесет ее вам. Но скажите: неужели вам не жалко бросить лодку?

— Мы ее не бросим,— отвечал Пьер де Галь.— К лицу ли французскому матросу бросить свой корабль! С чего ты это выдумал? Вот еще!.. Лодка поднимется вместе с нами.

— На канате?

— На канате.

— Значит, она так легка?

— Да, она легка, точно сшита из бархата. Вот увидишь, она взлетит наверх, как перышко.

— Не может этого быть.

— Давай скорей лиану, полно тебе болтать, как гасконцу.

— Ну, ну, ладно! Иду.

Фрикэ обратился к Жану, объяснил ему, что нужно сделать; и белый дикарь, взяв свой каменный топор, гордо подошел к огромному камедному дереву в пятьдесят метров вышины и соответственной толщины.

С вершины гигантского дерева свешивался чуть не до земли огромный пук цепких лиан. Чтобы обрубить их у корня, нужно было взобраться на самую макушку дерева. Фрикэ с беспокойством ждал, сумеет ли его одичалый приятель успешно выполнить это трудное задание.

Жан Кербегель, сделавшись Кайпуном, приобрел такую ловкость и силу, что с ним могли в этом равняться лишь очень немногие из природных дикарей. За это, между прочим, он и был выбран в помощники вождя.

Двумя сильными ударами он вырубил в стволе

Первым взобрался Князек

дерева углубление, которое послужило ему первой ступенькой; встав на нее одной ногой, он вырубил немного повыше другое углубление, поставил в него вторую ногу и, продолжая действовать таким образом, быстро поднялся до самой вершины. Фрикэ, стоя около дерева, с интересом следил за действиями Жана и поспешно отскочил в сторону, когда тот издал резкий крик.

С вершины дерева, свистя, летела огромная лиана,

срезанная Жаном, который с быстротою акробата спускался следом за ней, радуясь, что оказал услугу своему спасителю.

Не теряя времени, Фрикэ легко и проворно взял лиану, спустил ее к лодке, втащил наверх канат, привязал к соседнему дереву и стал с нетерпением ждать, когда поднимутся его друзья.

Первым взобрался Князек. Сделал он это с такой ловкостью, что привел в восторг Жана и дикарей, которые знали толк в гимнастике. Славный негр не в силах был вымолвить ни слова. Он кинулся обнимать Фрикэ и едва не задушил его. Рыдания подступили ему к горлу, по щекам, сверкая, катились крупные, горячие слезы.

Настала очередь доктора, который поднялся методично, не спеша.

Дикари глядели на это появление белых с нескрываемым изумлением, а когда увидели доктора, то не дали Фрикэ даже времени обнять своего старого друга. Охваченные при его появлении благоговейным ужасом, они бросились к его ногам, окружили его, точно какую-нибудь святую реликвию, и забросали словами, среди которых особенно часто повторялось слово «Нирро-Ба». Фрикэ смутно понимал значение этой сцены и до крови кусал себе губы, чтобы не расхохотаться.

— Это ты, Нирро-Ба, мой брат!

— Ты пришел из Виами, о, Нирро-Ба! Ты опять будешь охотиться с нами на казуаров!

— Это ты, Нирро-Ба, наш умерший брат!

— Это ты, Нирро-Ба, воскресший в облике белого человека!

Одна женщина, с надетым за плечами мешком, источавшим ужасное зловоние, протиснулась к доктору сквозь окружающую его толпу, которая охотно раздалась и пропустила ее вперед.

Женщина тревожно окинула доктора взглядом с головы до ног и, по-видимому, осталась довольна осмотром, потому что подняла руки к небу и воскликнула:

— Это ты, Нирро-Ба, мой супруг!

Вслед за этим трое или четверо маленьких Нирро-Ба, совершенно грязных и в высшей степени вонючих, бросились к изумленному доктору, крича пронзительными голосами:

— Это ты, Нирро-Ба, наш отец!

Бедного доктора заласкали, зацеловали. Он был в отчаянии и беспомощно вертел головой.

— Черт знает, что такое! Фрикэ, да скажи мне Христа ради толком: что они с ума, что ли, сошли? Чего им от меня нужно? Это мне ужасно напоминает сцену с Барбантоном, когда его провозглашали табу.

— Не совсем так, дорогой доктор. Барбантона объявили святым, а вы просто-напросто очутились в кругу своего семейства.

— Это еще что такое?

— Конечно. Эта почтенная дама, таскающая у себя за плечами вонючий мешок с сушеным человеческим мясом...

— Эта женщина?..

— Ваша супруга, дорогой доктор. Она носит в мешке брентную оболочку, которая была на вас надета, когда вы жили на земле под именем Нирро-Ба. А эти черные стрекозы, приветствующие вас таким приятным визгом, ни более ни менее, как ваши собственные детки, ваши потомки, продолжатели вашего рода.

— Отстань ты со своими глупостями! Ну, какой я отец семейства? Я старый, неисправимый холостяк. Не хочу никакого брака, иначе я немедленно уезжаю назад.

— Оно, конечно, господин доктор, — слышался добродушно-веселый голос подошедшего тем временем Пьера де Галя, — супруга ваша не очень собой хороша, но ничего; стерпится — слюбится. А некрасива она, что и говорить. Всяких я видал уродов на своем веку, а такого не видывал, черт меня побери, если вру.

Говоря так, старый боцман крепко и дружески обнялся со своим милым матросом.

— Ну, сынок, живет за дело, — прибавил он. — Там внизу остался еще господин Андрэ. Давай поможем ему.

— Сейчас, матрос, сейчас.

Пока достойный марселец, смущенный потешною встречей, отбивался от непрошенных ласк своего неожиданно объявившегося семейства, Фрикэ, Пьер и Князек вернулись снова на край утеса.

Андрэ, закинув за спину свой карабин, сначала привязал к канату лодку, потом одною рукой схватился за него сам, а другою рукой повернул какой-то медный круг, блестевший на черном кузове лодки.

Послышался резкий свист, лодка быстро начала уменьшаться в размерах, сплющилась и погрузилась в воду.

Не заботясь о ней больше, молодой человек полез по канату с ловкостью и цепкостью белки и упал в объятия Фрикэ, удивленного тем, что он видел.

— Ну, милый мой гамен, что же ты молчишь? Или у тебя язык отнялся?

— Право, господин Андрэ, я так счастлив, видя вас всех целыми и невредимыми, что не нахожу слов... Да и потом эта чудесная лодка... Зачем вы ее потопили, она могла бы еще пригодиться...

Андрэ улыбнулся.

— Успокойся. Лодка привязана к канату, и я надеюсь, что мы с тобой еще поплаваем в ней. Ну-ка Пьер, и ты, Князек! За работу!

Пьер и Князек быстро втащили канат, на конце которого болталась какая-то странная штука, похожая на лоскут брезента.

— Это ваша лодка? — спросил Фрикэ, начиная сомневаться, не спит ли он.

— Она самая. Простая каучуковая лодка, могущая поднимать груз в добрых две тонны, когда она надута при помощи особой машинки, которую носит у себя в кармане Князек, и занимающая место немногим больше походного тюфяка, когда из нее выпущен воздух.

— Но это замечательно! Это великолепно! Это просто прелесть что такое!

— Твоя правда, это вещь незаменимая. Но скажи мне, пожалуйста, что здесь такое происходит? На доктора напали туземцы, он отбивается от них, что это значит?

Пьер и Фрикэ улыбнулись.

— Это значит, — отвечал Фрикэ, — что почтенный доктор, известный в Марселе и в других местах под именем Ламперриера, не менее известен здесь под именем Нирро-Ба, хотя, насколько я знаю, здесь даже ноги его не было ни разу.

— Ничего не понимаю.

— Очень просто. Доктора здесь зовут Нирро-Ба, он возвращается из загробного мира, чтобы утешить свою вдову и снова давать своим чадам ежедневную порцию гумми и жареной двуутробки.

Андрэ, которому были знакомы австралийские обычаи, улыбнулся, не спрашивая дальнейших объяснений, и совершенно успокоился насчет доктора. Он принялся заботливо складывать и свертывать длин-

ную непромокаемую оболочку из каучука, которая была прежде лодкой, а теперь представляла сравнительно небольшой тюк.

Фрикэ смотрел и удивлялся. Его подмывало спросить, где Андрэ достал такое чудо и каким образом спаслись они все после крушения парохода?

Андрэ собирался в нескольких словах удовлетворить его естественное любопытство, но тут произошел инцидент, отвлекший внимание обоих.

Пьер де Галь подошел к толпе дикарей, которые прыжками и скачками праздновали возвращение Нирро-Ба. Он увидел белого дикаря Кайпуна и остолбенел от удивления.

— Тысячу залпов! — прошептал он Фрикэ, который шел за ним сзади. — Толкуют о привидениях, а я теперь сам готов уверовать в воскресение мертвых.

— Как так, матрос?

— Несмотря на всклокоченную бороду и длинные, как швабра, волосы этого оборванца, я готов признать его за сына моей сестры Жанны... Право, я теперь уже не удивляюсь наивному легковерию дикарей.

— А знаешь что... — возразил Фрикэ, — это, пожалуй, правда... Я, конечно, не могу тебе сказать наверняка... но этот человек...

— И особенно похожи его глаза... тот же взгляд, добрый и тихий... совершенно, как у нее.

— Да ты слушай, что я-то тебе говорю. Этот человек не австралиец. Он потерпел кораблекрушение, и его приняли дикари. Это было уже довольно давно. Он почти совершенно одичал, но мне все-таки удалось кое-что узнать от него.

— Стало быть...

— Он был юнгой на «Беллоне».

Пьер закричал или нет, вернее, гаркнул, что есть мочи:

— Юнгой на «Беллоне»!

— Да. У него на руке есть клеймо. Два слова. Вероятно, его имя и фамилия. Прочсть еще можно.

— Имя и фамилия! Это не...

— Жан Кербегель. Но что с тобою, матрос?

Пьер побледнел, как мертвец, и бросился к изумленному Кайпуну. Он схватил его за плечи и уставился прямо ему в лицо, словно собираясь его проглотить. Взгляд старого боцмана упал на выжженное у Кайпуна повыше локтя клеймо.

Пьер бросился к изумленному Кайпуну

- Тебя зовут Жан?.. Жан Кербегель?
- Да.
- Malar Doué!.. Malar Doué!..
- Malar Doué!.. — повторил Кайпун гортанным голосом, как будто это бретонское восклицание напомнило ему что-то знакомое.
- Но ведь это ты... сын Жанны... бедный мой юнга... Помнишь море?.. Помнишь нашу страну Бретань? Помнишь скалы Конкэ?..

Дикарь тупо молчал.

— Ну же,— продолжал Пьер, задыхаясь от волнения,— не может быть, чтоб ты этого не помнил... Неужели ты не помнишь свою мать Жанну?

— Мать? — переспросил дикарь.

— Да... Помнишь песню, которую она певала, убаюкивая тебя, когда твой отец, храбрый лоцман Кербегель, выходил на утлом челноке в море на встречу свирепым валам?

И Пьер сдавленным голосом запел бретонскую песню:

Выйду ль, выйду ль я на лужочек
Босыми ногами...

Кайпун задрожал. Он сделал чрезмерное усилие, чтобы вспомнить, как дальше, и подхватил полубессознательно:

И нарву, нарву, тебе, сыночек,
Цветиков, цветочков.

И бедняга тут же разрыдался, как женщина.

Глава X

Встреча Пьера де Галья с человеком, задушившим двоих.— После крушения парохода.— Страшная встреча со скваттером.— Жилище супругов Делафуа.— Фрика с радостью узнает, что друг его Буало недалеко.— Военный совет.— Новые таинственные союзники.— Те, кого усыпляет шум и будит тишина.— Изумление Фрика и Андра.— Кража ручья и пропажа пещеры.

— Видя, что этот молодец пяти футов десяти дюймов ростом пятится прямо на меня, я подумал: «Берегись. Пьер де Галь, а то он опрокинет тебя, как фрегат лодку». Тогда я встал покрепче на ноги и встретил лицом подходящий корабль. Я уперся в него руками и не пускаю, а он говорит мне, как ни в чем не бывало, по-французски: «merci!» Это французское слово, сказанное Бог весть где человеком, на которого напали четыре негодяя и который задушил двух из них голыми руками, удивило меня просто не знаю как.

— Воображаю,— сказал Фрика, с вниманием слушавший рассказ старого боцмана.

— «Рад стараться, земляк», — отвечал я первое, что

пришло в голову. «Вы француз?» — говорит он мне. А сам все крепче и крепче сдавливает своими железными лапами двух пиратов, которые отчаянно хрипят. «Да, — отвечал я, — рад стараться. А что француз, это тоже верно, и притом бретонец». — «Ну, так будьте так добры, распорядитесь двумя другими негодьями, а то им очень хочется меня зарезать. После мы с вами поговорим». Господин Андра, доктор и Князек все еще путались в водорослях. Я пристал к берегу раньше их, воспользовавшись обломком лодки, на котором и приплыл. Видя, что незнакомец подвергается сильной опасности, я поспешил к нему на помощь.

— Вот что, старина, — перебил Фрика рассказчика, — ты рассказываешь очень хорошо, но остановись на минутку и дай мне понять все хорошенько. То, о чем ты теперь говоришь, произошло после столкновения наших пароходов. Мы потонули. Пока я барахтался в воде, вы нашли себе место на другой шлюпке.

— Так точно.

— Продержавшись до утра, вы очутились в виду берега, и вас подхватило течением... Шлюпка налетела на скалы и, разумеется, разбилась. Сбежались прибрежные жители, но вместо того, чтобы оказать вам помощь, принялись вас грабить, будучи не прочь даже зарезать вас, в случае нужды, как цыплят.

— Но цыплята оказались петухами, умеющими за себя постоять...

— Само собой. Тогда, в ту минуту, как ты выходил на берег, подбежал какой-то человек, видимо, намереваясь принять вашу сторону. Негодяи, видя, что он не их поля ягода, кинулись на него. Но он мужественно встретил их нападение, встав к тебе спиной, схватил в каждую руку по одному грабителю, между тем как ты поддерживал его руками изо всех сил.

— Совершенно верно. В эту минуту он и сказал мне «merci». Негодяи вынули ножи. Со мной был только гвоздь, которым чистят трубки. Для человека безоружного и нож — оружие опасное. На берегу валялось много валунов. Я поднял один из них, выбрав поуверснее, завязал в платок, подбежал к грабителям и... раз, раз, направо и налево... Первый из негодяев растянулся на земле с пробитым виском. «Славно! — подумал я. — Одного успокоил!» — За ним пришла очередь второго, который перевернулся раза два на месте и тоже упал, обливаясь кровью. Между тем мой

молодец окончил свое дело. Два пирата задохнулись окончательно в его объятиях. Он отшвырнул их на камни и обернулся, наконец, ко мне. Ну, как водится, протянул руку. Пожал как следует, крепко, сердечно. И тоже. И вот мы подружились. Взглянул я на его физиономию. Ничего, приятная. Глазки маленькие, голубые, так и бегают. Бородка рыжеватая, расчесанная, на лбу здоровый рубец. Одет в синюю фланелевую куртку с медалью в петлице. Вижу, что парень хороший, и радуюсь, что встретился с товарищем, с такою же морскою крысою, как сам.

— Понятно, — согласился Фрикэ.

— Возобновляем разговор. «Так вы бретонец?» — «Бретонец». — «А ваше имя?» — «Пьер де Галь». — «А я здешний скваттер, то есть скотовод, и зовут меня Даниель Делафуа. Я француз, служил на военной службе». — «Очень приятно». — Мы опять пожали друг другу руки, и новый мой знакомец продолжал: «А где же ваши товарищи? Я вас увидел всех с берега, когда вы барахтались в этих противных водорослях, и подумал: «Этим господам нужно будет переодеться и выпить глоток хорошего вина». Подумал я это и сейчас же побежал к вам. Но и те негодяи вас тоже заметили. Хотели вас ограбить, подлецы этикие, да нет, шалишь! Не таковские мы, не правда ли, земляк?» — Между тем Князек, доктор и господин Андрэ выбрались, наконец, на берег. Они пыхтели, как тюлени, не в обиду им сказано. Наш новый друг сказал нам без всяких околичностей, не расспрашивая, что и как: «Вот что, друзья мои. Вы потерпели крушение. Это скверно. Кто бы вы ни были, мне это все равно. Я гоню в город стадо быков, там у меня десять лошадей. Возьмите каждый по одной, и я вас отвезу к себе». — «Но это вас, может быть, стеснит». — «Ну, вот еще. Поверьте, я предлагаю от души. Соглашайтесь. Нечего и разговаривать. Мои работники пригонят гурт без меня». — «А вы далеко живете?» — «Нет, в двух шагах. Дней шесть ходьбы, не более».

— В двух шагах и дней шесть ходьбы, — засмеялся Фрикэ. — Хороши же шаги у твоего скваттера.

— Недурны. Одним словом, он приглашал нас так настойчиво, что мы согласились и тронулись с ним в путь, мокрые до нитки. Впрочем, солнце нас скоро высушило. Дорогой ничего примечательного не случи-

лось. Через шесть дней мы пришли к нему в усадьбу. Губернаторский дворец. Ты сам увидишь.

— Значит, это недалеко отсюда?

— В двух шагах.

— Так. Выходит, дней шесть ходьбы, не более?

— Вроде этого. Встретила нас дама, супруга самого Даниеля, прямая, как мачта, и гибкая, как флагшток. Она радостно обняла своего благоверного, приняла нас, как старых друзей, накормила великолепным ужином и проводила в замечательные спальни с настоящими, мягкими постелями. Выспались мы на славу. Утром нас ждал сюрприз, да такой, что просто уму непостижимо.

— Какой сюрприз? — спросил Фрикэ, все больше и больше интересуюсь рассказом.

— Приготовься от удивления подпрыгнуть до потолка.

Парижанин обернулся к Андрэ и доктору, но те, улыбаясь, не хотели мешать рассказчику, молчали.

Патентованный боцман продолжал после небольшой паузы:

— Нас разбудил веселый молодой голос, кричавший нам: «Андрэ! Доктор! Пьер де Галь! Князек! Вставайте, лентяи! Вы спите как сурки. Довольно с вас. Скажите лучше, где мой милый Фрикэ, отчего он не с вами?» Господин Андрэ побледнел, как полотно. Господин доктор замер, как рекрут на инспекторском смотре. Дверь отворилась разом, точно ее сорвали с петель, и в комнату пулей влетел рослый молодец в высоких сапогах со шпорами и в красной запыленной рубашке. Видно было, что он с дороги. «Буало! Это вы, мой друг!» — вскричал господин Андрэ.

Фрикэ одним прыжком вскочил на ноги.

— Буало здесь! Где он? Я хочу его видеть!

— Подожди немного.

— Ни минуты!.. Ни одной секунды!.. Черт возьми! Здесь Буало! Да вшестером мы натворим таких чудес, что чертям жарко станет.

— Я тоже думаю, — согласился Пьер де Галь, — но послушай, что было дальше. Перестань меня перебивать, а то я никогда не доскажу. Это несносно, наконец.

— Сам же ты сообщаяешь мне такую новость и требуешь, чтобы я оставался спокойным. Да разве это возможно!

— Больше минуты заняла твоя болтовня. Будешь ты слушать и молчать? А то, право, я брошу рассказывать.

— Да ты пойми, ведь это такой друг, такой...

— Очень хорошо понимаю, а все-таки дай досказать... Разумеется, сейчас же пошел обмен восторгами. Потом мы рассказали ему, каким ветром нас занесло в Австралию. «Вот и отлично, — отвечал Буало. — А я здесь в гостях у моего друга, мистера Рида. С утра до вечера охочусь на казуара, кенгуру, опоссума. С вечера до утра читаю английские газеты, которые ужасно не интересны. Вообще живу очень скучно. Я уже совсем было собирался ехать в Японию, а оттуда в Париж, чтобы снова подышать воздухом бульваров. Теперь, конечно, не поеду. Вам предстоит трудный поход. Он опасен, но зато и очень интересен. Нечего и говорить о том, что я к вам присоединяюсь. Прощусь со своим радушным хозяином и в путь».

— Значит, он здесь? — сказал Фрикэ, который никак не мог усидеть на месте.

— Да подожди же ты!.. Господин Буало отправился к своему англичанину. Это весьма приличный господин с лицом патриарха и богатый, как Крез. «Остановись! — сказал он ему. — Этого недостаточно. Бандиты прерий люди хитрые. С ними нужно действовать осмотрительнее. Экспедиция против них дело нешуточное; это все равно, что война с королем Конго. Вас очень мало. Я вам дам надежных союзников». И он послал своих слуг разыскивать людей, которые согласились бы составить наш резерв. А мы тем временем ждали и тревожились за тебя. Наконец, в одно прекрасное утро к нам явилась целая армия черномазых, цивилизованных немногим больше, чем твои новые приятели. Все они были одеты в штаны и шерстяные рубашки, имели ружья, и командовали ими тамошние метисы. Вообще народ отборный, ты сам увидишь. Мы сошлись на военный совет. Театр военных действий обозначили на карте. Это — озеро Тиррель. Уговорились так, что мы поедem по озеру в лодке, а господин Буало, наш скваттер Даниель, один из племянников англичанина-патриарха и отряд черномазых пойдут берегом. Нам доставили каучуковую лодку, которая так понравилась тебе, мы сели на этот волшебный плот и поплыли. Через несколько суток плаванья мы приблизились к мысу как раз в тот момент, когда

один мерзавец топил другого. Вот и все. Теперь ты все знаешь, сынок.

Из этого крепкого, но живописного рассказа старого моряка читатель может вполне уяснить себе теперешнее положение наших друзей, решившихся пойти ва-банк.

Пьер был весь поглощен радостью, что так неожиданно нашел своего племянника Жана, пропавшего двадцать лет тому назад. Фрикэ наслаждался счастьем близкого свидания со своим старым другом, с которым они вместе путешествовали по Южной Америке. Доктор и Андрэ мечтали о благополучном окончании экспедиции, предпринятой для разыскания их приемной дочери.

С минуты на минуту ждали прибытия вспомогательного отряда, посланного английским скваттером, а с таким подкреплением успех предприятия не вызывал сомнения.

Конечно, друзей наших несколько беспокоило соседство с негодяем-американцем, которого Пьер де Галь узнал в тот самый момент, когда он отправлял к праотцам сообщника-мулата. Выстрел доктора, по всей вероятности, серьезно ранил его. Прошло двенадцать часов после встречи друзей. Они вернулись к мысу, пытаясь отыскать вход в таинственную пещеру, но усилия их не увенчались успехом. Но что вход через расселину был не единственный со стороны озера — было очевидно уже по одному тому, что с озера туда было очень трудно проникнуть, а между тем на поверхности скалы не замечалось никаких следов.

Европейцы и их союзники-дикари, дожидаясь прибытия подкрепления, вынуждены были ограничиться весьма условной блокадой пещеры. Мы говорим «условной», потому что точные границы блокируемого места были им неизвестны. Приходилось поэтому быть особенно настороже ночью, когда и озеро, и его берега поглотила непроглядная тьма.

Австралийцы освоились с белыми как нельзя лучше. Этому способствовали два обстоятельства: во-первых, Фрикэ спас от смерти Жана Кербегеля, а во-вторых, доктора Ламперриера дикари по-прежнему принимали за воскресшего Нирро-Ба. Белые и черные жили, таким образом, душа в душу, и первые могли в случае надобности рассчитывать на самую деятельную помощь вторых.

Было решено продолжить поиски со стороны озера, как только рассветет. Фрикэ предложил спуститься по

канату и заглянуть в дыру, зиявшую в главной базальтовой скале.

Ночь прошла благополучно. Взошло солнце и разогнало по своим местам толпы летучих мышей и ночных бабочек.

За ночь случилось одно, по-видимому, совершенно незначительное происшествие, которое, однако, не укрылось ни от Андрэ, ни от Фрикэ.

Как араб спокойно засыпает под оглушительный лай своих собак и моментально просыпается, лишь только они перестают лаять, так точно просыпается и моряк, если винт парохода вдруг прекратит работать. Наши французы крепко спали под неумолкаемый шум ручья, вытекавшего из пещеры в озеро. Этот ропот воды вдруг прекратился почти мгновенно, и неожиданно наступившая тишина сейчас же разбудила их обоих.

— Господин Андрэ, — сказал Фрикэ, — что это за чертовщина? Отчего это ручей перестал течь?

— Я только что хотел сказать тебе то же самое.

— Нет ли тут какого-нибудь фокуса?

— Странно, странно. Я ничего не понимаю.

— Подождем. Завтра узнаем.

С этим философским решением Фрикэ заснул, а наутро проснулся первым. Сию же минуту пошел он на край утеса, нагнулся вниз и воочию убедился, что за ночь ручей исчез.

У него невольно вырвался крик удивления:

— Черт возьми!.. Отверстие заделано! Это сделали ночью! Да еще как искусно: место, где оно было, теперь едва можно узнать по нескольким каплям воды, которые просачиваются сквозь стену. Негодяи, очевидно, там, и скоро у нас начнется потеха.

Глава XI

Таинственный дом.— Лендлорд *.— Гостиница-ресторан-притон.— Завсегдатаи уединенного дома.— Прибытие свагменов.— Ловкость лендлорда.— Непреодолимое искушение.— Бутылъ водки и бочонок анчоусов.— Безобразная оргия.— Трездневное пьянство без просыпа.— Джентльмен или авантюрист? — Появление бывшего капитана «Лао-Дзы». — Назидательная беседа пирата с лендлордом.— Незнакомец за неимением лучшего пользуется пьяным ирландцем, как подушкой.

В ту минуту, когда Фрикэ издал неудержимый возглас удивления по поводу пропажи ручейка, километрах в четырех от того места происходила возмутительная сцена.

Если идти по узкой, едва пробитой дороге на другой берег озера, то на пути вдруг, как из земли, вырастает низкий и неуклюжий дом, в виде блокауза, окруженный высокими стройными деревьями с шапкой тусклой, пыльной зелени. Этот дом выстроен очень просто из нетесаных смолистых бревен и состоит из двух приземистых корпусов с такими узкими окнами, что их скорее можно принять за амбразуры для стрельбы из пушек, чем за окна жилого дома.

Оба корпуса почти симметричны. Их разделяет двор шириной около пятидесяти метров и окружает забор из таких же прочных бревен, какие пошли и на самое строение. Один корпус выходит фасадом на озеро, а другой на долину.

Этот некрасивый и даже мрачный дом — гостиница для мелких золотопромышленников, пастухов, рудокопов и «лесовиков».

По странному, непонятному капризу хозяин гостиницы, словно не желая привлечь посетителей, выбрал место для такого заведения совершенно неудобное: с одной стороны крутой, недоступный берег озера, с другой — труднопроходимая дорога, и ко всему этому — полнейшая глушь. Года три или четыре тому назад, когда обанкротилась одна компания, вздумавшая искать золото на пустынных и скудных берегах Тиреля, на соседний лес совершила набег толпа дровосеков, человек в двадцать, и начала безжалостно рубить деревья. Вскоре, как по волшебству, из громадных бревен возникло человеческое жилище. Затем к дому

---

* Крупный английский землевладелец.

подъехала огромная фура, запряженная двенадцатью быками, а через два дня работники получили расчет и ушли. Фура стояла за оградой дома дня три, а потом уехала неизвестно куда.

Лесной замок стоял в уединении несколько лет. Разве изредка забредет в него умирающий с голода настух или подойдет к его воротам несколько дикарей и попросят чего-нибудь поесть, зная, что белые никогда почти не отказывают в подаении. По временам, приблизительно раз в полгода, в ворота дома въезжал драг (фура) и быстро возвращался обратно, сдав в дом свой таинственный груз.

Потом неожиданно диггеры открыли богатый прииск, тот самый, где отличился Фрикс, спасая Жана. Вся окрестность разом оживилась, и таинственный дом открыл для посетителей свои мрачные ворота. Он присвоил громкое наименование гостиницы-ресторана, сохранив, однако, зловещий облик подозрительного притона.

Но золотопромышленники не обращали внимания на внешний вид. Вино в гостинице подавалось превосходное, пища сытная, а хозяин, умевший готовить замечательно крепкие приправы, столь милые англосаксонскому желудку, брал плату очень умеренную. Кто он был и откуда — никто не знал. Его называли «лендлордом», и он охотно отзывался на эту кличку, донельзя льстящую его самолюбию.

О себе он не допускал никаких расспросов. Наружность его была далеко не из привлекательных. Ростом он был пяти футов и десяти дюймов. Сложен как атлет и в обращении своем игнорировал элементарные правила вежливости. Его широкий рот с острыми, как у волка, зубами, открывался лишь для того, чтобы изречь отказ в кредите тому из потребителей, у кого потребности желудка оказывались несоразмерными с его платежеспособностью. Если такой потребитель надоедал ему своими приставаниями, то лендлорд угощал его ударом кулака. Если же побитый забывался до такой степени, что давал ему сдачи, лендлорд сурово вынимал из-за пояса огромный английский револьвер-бульдог. Раздавался выстрел, прибежала прислуга и за ноги и за руки уносила труп, который тут же выбрасывался в озеро на съедение многочисленным рыбам.

Впрочем, такие трагические инциденты случались редко. Лендлорда и его обычаи знали все и волей-

неволей мирились с ним. Зато, в свою очередь, он был в высшей степени молчалив и никогда не вмешивался в дела своих посетителей. Когда требовалось уладить ссору между двумя друзьями или, наоборот, устроить поединок между противниками, стоило только сделать ему знак, подмигнуть — и он сейчас же обращался к остальным посетителям с просьбой удалиться на другой конец залы. Между ними и дуэлянтами протягивалась веревка, и дуэль начиналась. Обыкновенно она заканчивалась смертью, но зрителей это нисколько не смущало. Они по большей части сами были народ привычный, чтобы не сказать отпетый.

Лендлорд считался богачом, и, по всей вероятности, это было справедливо, но ни один смельчак не решался совершить покушение на его кубышку. Охотников до чужого добра удерживал страх перед законом Линча, которым шутить вообще опасно, и, кроме того, никто не знал, куда прячет лендлорд свои сбережения. По крайней мере, самые ловкие пролазы, стараясь доискаться до этого, постоянно оставались с носом.

Втихомолку поговаривали, что дом лендлорда стоит на месте старых шахт, вырытых еще обанкротившимся обществом. Эти шахты вели в нескончаемые подземные галереи, из которых многие проходили даже под озером; а так как расположение этих галерей никому не было известно, то даже самые смелые головорезы не отваживались пускаться в рискованное предприятие; они дрожали, как дети, при одной мысли о спуске в этот таинственный лабиринт. Лендлорд только посмеивался, слушая эти «бабьи толки», и преспокойно занимался своим делом.

Дня за два или за три до той оргии в мрачном доме, о которой пойдет речь в нашей главе, мимо жилища лендлорда проходила толпа человек в двадцать свагменов-ирландцев, немцев и англичан. Свагменами называют поденщиков, кочующих пешком с места на место с узлом (swag) за спиной. В этом узле находится обыкновенно разная мелочь и запасная пара сапог.

Свагмены, подошедшие к дому лендлорда, представляли собой жалкую толпу оборванцев, изможденных трудом и лишениями. Они шли молча и уныло, по-видимому, не собираясь заходить к лендлорду.

Последний сейчас же почуял наживу. Не всегда внешность свагменов соответствует содержанию их

Мимо жилища лендлорда проходила толпа свагменов

кошельков. Иногда им удается хорошо заработать на прииске, или на стрижке овец, или на выпасе скота.

Всякому кабатчику хорошо известна жизнь этого рода людя. Она очень похожа на жите матросов, которые во время плавания принуждены воздерживаться от всяких удовольствий, а ступив на землю, жадно набрасываются на всевозможные соблазны. Свагмены во время работы ведут жизнь, пожалуй, еще более скучную и воздержанную, но уж зато, когда дорвутся

до возможности тряхнуть кошельком, сбрасывают с себя всякую узду и предаются наслаждениям в чисто эпикурейских размерах.

Покидая место работы, они собираются в компании и первым делом направляются в ближайший город, где можно развернуться. Уединенных гостиниц, стоящих на дороге, они вообще не признают; они считают унижительным пропивать в них свои деньги и никогда в них не засиживаются, если и зайдут по дороге перекусить. Они жаждут более широкой арены для подвигов, после которых обыкновенно возвращаются опять к прежней трудовой жизни, полной лишений.

Лендлорд, тем не менее, предложил проходящим даром по чашке чаю.

Это предложение повлекло за собой целый поток ругательств.

— Чаю! А! Нашелся, что предложить, чертов сын! Какая невидаль, чаю! Мало мы его выпили разве на работе? Мало разве полоскали мы себе желудки этой бурдой? Тогда приходилось покоряться, а теперь мы богачи. Теперь нам только пить да гулять. Чаю! Очень он нам нужен! Водки нам давай, вот чего! И не нужно нам даром, мы заплатим чистыми денежками. Да. Знай наших.

Хитрость трактирщика удалась. Он знал, что у свагменов наверняка есть золото, и пожелал переложить это золото в свой карман. Дело шло к тому.

«Теперь это вопрос двух или трех дней», — думал он, потирая руки от удовольствия.

Свагмены уселись под деревом у стола, на котором не замедлила появиться водка. Они еще не решались войти в залу, откуда так и несло одуряющим запахом винных паров. Трактирщик не стал их приглашать, зная, что они и без того не устоят против искушения.

Он предлагал чаю, а у него спросили стаканчик водки, которую вся компания объявила превосходною.

Но что такое две бутылки на двадцать человек? Это все равно, что капля воды в безводной пустыне или одно яйцо на целый полк. Глаза у всех разгорелись, языки жадно облизывали губы.

— А водка хороша. Что вы скажете, Овен?.. Как вы полагаете, Миллер?

Известно, что все немцы — Миллеры, а все ирландцы — Овены.

— Водка... ничего, забориста, — отвечал англичанин Дик.

— Ваша водка очень хороша, хозяин. Почему она у вас? — спросил лендлорда хор жадных голосов.

— Я не продаю, а подаю ее, — с достоинством отвечал хозяин.

— Черт вас дерит с вашим великодушием. Нам не нужно милостыни, мы не нищие. У нас в кошельках есть деньги. Знайте, что мы идем в Сван-Гилл, где будет опорожнена не одна бутылка и разбит не один стакан, и что мы, коли запьем, так уж пьем без конца.

— Очень приятно, господа. Очень приятно. Вы правы. Но вы выпили только по одному стаканчику водки. Этого мало. Отсюда до Сван-Гилля путь не близкий. Позвольте отшельнику уединенного дома угостить вас персиковой наливкой. Такая, доложу вам, она у меня душистая, что просто чудо, а уж сладкая, ну, что твой мед.

— Отлично, хозяин, но только, чур, на этот раз платим мы. Мы богаты. Падди (насмешливое прозвище всякого ирландца) нашел целую корзинку апельсинов, Миллер несет с собою жалованье за целый год, а Дик целых два года копил поденную плату за работу в лесу.

— Тише, ребята! Вы точно старые бабы. Что у вас за языки проклятые! Я охотно выпью за здоровье «лесовиков», но вовсе не хочу, чтобы наш скромный заработок перешел в их карманы. Ведь они всюду рыскают и, чего доброго, услышат, что вы говорите.

Лендлорд с торжественным видом притащил две бутылки, оплетенные ивовыми прутьями, местами сгнившими, свидетельствовавшими о довольно почтенном возрасте напитка.

— Но это слишком много! — вскричал Овен, тайне думая о том, какое опустошение вызовут эти бутылки в его корзинке с апельсинами.

— Падди, голубчик, — возразил с важностью хозяин, — если тебе так жаль своих червонцев, то оставь их у себя. Пить, впрочем, можешь, как и все. Это уж мое дело.

Радужные слова были встречены возгласом одобрения, и товарищи ирландца презрительно пожали плечами, с неудовольствием косясь на скрягу.

Тот рассердился, вытащил карманный нож и одним ударом сбил у бутылки горлышко, крича: —

— Ура, братцы, Овен богат! Что такое бутылка? Плевок. Кушайте на здоровье. От чистого сердца угощаю. Ты, хозяин! Получай!

Под оглушительное «ура» товарищей Овен вытащил из-за пазухи увесистый кошелек и достал оттуда целую горсть золотого песку.

Из уважения к хозяину бутыль осушили до дна. Жажда свагменов увеличилась, голод тоже дал себя знать.

— Вот что, ребята! — сказал Дик, у которого уже зарумянились нос и щеки. — Лендлорд правду говорит, что до Сван-Гилля путь не близкий. Недурно бы нам закусить чего-нибудь. Конечно, немного, самую малость. Что у тебя есть, рассказывай, чертов трактирщик?

— Бочонок анчоусов есть... чудный бочонок. Предпоследний! Сама королева, дай ей Бог здоровья, таких анчоусов не пробовала.

— Ура! Анчоусы так анчоусы!

И пьяницы перешли в залу гостиницы, где для них быстро накрыли стол. Сервировка была удивительно хороша для такого глухого места. Скатерти были ослепительно белыми, тарелки и стаканы так и сверкали, что составляло разительный контраст с рваной одеждой свагменов.

Анчоусы были солонь до ужаса и в буквальном смысле драли горло. Трактирщик предложил их с умыслом, потому что после них обыкновенно распаляется жажда. Путники, уже будучи разгорячены сверх меры, решили переночевать в гостинице, а что же делать в гостинице, как не пить? И они насыщались, как губки, влагой. Погреб лендлорда казался неистощимым.

Количество напитков могло сравниться только с их разнообразием.

Пробил час ужина. В возбуждающих блюдах недостатка не оказалось, и вскоре несчастные гости лендлорда были пьяны в стельку.

Принесли карты. Пошла самая азартная игра — надо же было убить как-нибудь время. Послышались дикие песни, прерываемые пьяной икотой. Затем многие передрались между собой, после чего победители и побежденные свалились под стол. Проспавшись немного, несчастные продолжали пить. Они делали самую невообразимую смесь из всевозможных напитков, приготавливая убийственные пунши, наливали шампанского и рому в котлы и в чугуны.

Трактирщик был не в убытке. Гуляки платили за все наличными, не торгуясь. Уже многие из них про-

пились дочиста и продолжали кутеж только благодаря любезности своих товарищей. А почтенный отравитель уже думал о том, как он вытолкает всю эту милую компанию за дверь, высосав из нее все, что можно.

Наступал третий день. По крутой дороге, ведущей к дому, поднимался в гору путник, прислушиваясь к странному концерту, доносившемуся до него. То была какая-то смесь храпа и пения. Дойдя до дома, он быстро отворил дверь, вошел в залу и, как ни в чем не бывало, сел к столу, за которым происходила вакханалия.

Пришедшему было лет тридцать. Это был видный, статный молодец, обладавший, по-видимому, и силой, и ловкостью. Из-под надвинутой на лоб широкополой шляпы блестели черные живые глаза. Небольшие черные усики обрамляли губы. Лицо его, загорелое и обветренное, отличалось изяществом черт, а небольшие руки и ноги, обутые в желтые кожаные сапоги, позволяли принять его за переодетого аристократа, несмотря на потертость его костюма, который был все-таки прекрасно сшит и сидел на нем превосходно.

Гуляки, одурев от алкоголя, едва заметили его приход, но те из них, которые были потрезвее, отнеслись к молодому человеку с братским радушием. Лендлорд в это время чуть ли не в двадцатый раз спускался в подвал, откуда слышалось сдержанное шушуканье. Этот шепот, доносившийся до молодого человека в моменты затишья, чрезвычайно заинтересовал его. Он осторожно приблизился к подвалу и прислушался, спрятавшись за огромным буфетом.

Разговор был длинный и, должно быть, очень важный, потому что молодой человек, слушая его, весь напрягся.

— Время не ждет, — говорил сиплый голос. — Нужно действовать быстро. Сегодня вечером уж будет поздно.

— Но они еще не совсем пропились, — возражал лендлорд. — У некоторых еще есть деньги. Ничего не поделаешь.

— Нужно их украсть у них... скорее. Необходимо, чтобы они были в нашем распоряжении, иначе мы погибли. Я почти один. Главарь не едет. Мы осаждены... Что тут делать?

— Да, это вещь серьезная.

— Если бы этот проклятый француз не прострелил

мне плечо, я перевязал бы их веревкой, посадил в корзину и заставил бы работать.

— Я, пожалуй, вам помогу. Но ведь они, вероятно, будут сопротивляться.

— Упрямым нож в бок, а сговорчивым — пригоршню золота. Ведь это очень много за какую-нибудь трехчасовую работу.

— Взгляните на них сами.

Из люка в подвал медленно высунулась голова, очевидно, очень сильного и крепкого молодца. Фрикэ и Пьер де Галь, наверное, узнали бы эти наглые глаза, этот плоский лоб и квадратный подбородок, на котором рос клочок черных жестких волос.

Доктор же Ламперриер, вероятно, узнал бы свою пулю по цилиндрическо-овальной ране на плече обладателя перечисленных примет.

Что нужно было здесь американцу Голлидею, бывшему капитану «Лао-Дзы»?

Быть может, он набирал новый экипаж?

— Хорошо, — сказал низкий голос. — У вас есть еще два часа. Постарайтесь напоить их еще.

И голова мистера Голлидея снова исчезла в подвале. Лендлорд занялся приготовлением состава для окончательного одурманивания несчастных свагменов, а незнакомец тем временем вышел из-за буфета и снова подсел к пьяницам, фамильярно облокотившись на туловище мертвеца пьяного Овена. Таким образом, сын зеленого Эрина сделался для него подушкой.

Только незнакомец уселся в своей небрежной позе, как лендлорд вышел из подвала.

Глава XII

Смеси лендлорда действуют. — Гуляки обезоружены. — Корзинка и колодезь шахты. — Путешествие под землей. — Таинственное хождение взад и вперед. — Под озером. — Покинутый рудник. — Пробуждение под землей. — Отведенный ручей и замурованная пещера. — Подземелье. — Бочки под водою. — Не это ли клад «лесовиков»?

Лендлорд был мастер готовить одурманивающие напитки. Он сумел воспользоваться временем и случаем настолько удачно, что все его гости скоро заснули как убитые. С минуту он любовался живописной грудой бесчувственных тел, из которой раздавался самый внушительный храп, и прищелкнул языком от удовольствия.

— Свалились наши молодцы, — сказал он вполголоса. — Теперь хоть из пушек пали, не проснутся.

Он опять наклонился к открытому люку подвала и свистнул.

Из подвала снова показалась голова американца.

— Готово, мистер Голлидей.

— All right! — отвечал тот.

Трактирщик не заметил, как пришел новый посетитель. Тот сидел, смешавшись с толпой свагменов, и для видимости даже пил вместе с ними. Но, разумеется, только для видимости, а на самом деле он преспокойно выливал всякий раз вино за воротник своей рубашки. Он подслушал разговор от слова до слова и узнал все, что затевает лендлорд.

Прикинувшись пьяным, он сохранил и физическую силу и ясность ума. Лендлорд предусмотрительно обезоружил своих гостей, отобрав у них ножи, револьверы и даже пояса с остатками золотой пыли. Новый пришелец, следивший за этим маневром из-под полуопущенных век, осторожно снял с себя револьвер и ножик и положил под стол, а когда обыск кончился, снова поднял и взял себе то и другое.

Американец с обычной бесстрастностью следил за действиями лендлорда, который выказал ловкость настоящего карманника. Потом, по знаку хозяина, явился слуга с тупым от пьянства лицом, и они оба начали перетаскивать бесчувственных свагменов в погреб.

На расстоянии метра от отверстия находилась подъемная платформа шириной в три квадратных метра, окруженная перилами на случай падения. Платформа была привязана с четырех углов канатом к огромным железным крюкам и прикрывала собою на две трети отверстие глубокого колодца, из глубин которого лился красноватый свет. На платформу положили пять человек, и она с визгом и скрипом стала опускаться вниз.

Новому пришельцу, попавшему в первую партию, спуск показался бесконечно долгим, как голодный день. Знание австралийского быта сейчас же подсказало ему догадку, что эта платформа — обыкновенная подъемная машина, которую употребляют в рудниках. Лендлорд встал около него. Чтобы руки оставались свободными, трактирщик прикрепил к своей шляпе сальную свечу и медленно развивал веревку, уравновешенную блоком. По временам виднелись боковые галереи, темные, как

туннели, и освещавшиеся беглым светом мелькавшей мимо них свечи.

Очевидно, это был заброшенный золотой рудник. В нем не слышно было ни шума, ни стука, ни людского говора. Царили мертвая, тяжелая тишина и непроглядный мрак.

Корзинка спускалась медленно, но под конец движение ее ускорилося, и она с сильным толчком легла на дно шахты. Кругом во все стороны расходились галереи. В одной из них, освещенной факелом, висевшим на железном крюке, виднелись ручные вагонетки, стоявшие на рельсах и содержавшиеся, по видимому, в порядке.

Пятерых свагменов поместили на одну из вагонеток, и корзина поднялась наверх, унося лендлорда и американца.

Корзина поднималась и опускалась четыре раза, причем ни лендлорд, ни американец за все время не обменялись ни словом.

Наконец, когда корзина опустилась в последний раз, американец первый нарушил молчание.

— Лендлорд, — тихо сказал он, — поднимитесь наверх, закройте хорошенько у себя все двери и окна и задвиньте все железными решетками, так, чтобы даже крысе негде было пролезть.

— Хорошо, — коротко отвечал трактирщик.

— Потом спуститесь опять сюда, ко мне. Да не позабудьте захватить с собой лекарство, чтобы моментально отрезвить этих молодцев. Поторопитесь же. Запаситесь, кстати, двумя револьверами, осмотрите хорошенько патроны. Неизвестно, что может случиться.

Пока американец это говорил, трактирщик уже поднялся наверх с головокружительной быстротой. Через четверть часа он также быстро спустился назад вниз.

Свагмены храпели, лежа на вагонетках. Лендлорд впрягся в первую вагонетку, к которой были прицеплены остальные, и с силой потащил их в глубь галерей. Американец шел впереди с факелом в руке, освещая ему путь.

Темная подземная дорога, часто пересекавшаяся встречными и поперечными галереями, похожими на громадные кротовые норы, тянулась почти в прямом направлении на юго-запад. Судя по размерам, это была главная артерия рудника, тем более, что рельсовый

путь был проложен только по ней. Прежде сюда, вероятно, свозился весь материал, добытый в боковых галереях.

Рельсовый путь был местами попорчен и свидетельствовал о том, что копи покинуты довольно давно. Из стен торчали острые камни, угрожая головам лендлорда и американца, и кое-где на дороге просачивалась вода, образуя довольно большие лужи.

По всему было видно, что на покинутый рудник были когда-то затрачены большие суммы; но хотя затраты и не окупались, все-таки в почве заметно было присутствие золота, потому что при свете факела в песке блестели временами золотые крупинки.

Лужи стали попадаться все чаще и чаще. Галерея заметно пошла под уклон. Лендлорду уже не приходилось тянуть вагонетки, напротив, он был вынужден тормозить их, так как они быстро катились своим ходом. Воздух стал тяжелее; сверху просачивалась вода и с шумом капала в лужи на дне галереи. Очевидно, подземные ходы проходили как раз под дном озера. Пьяницы, задыхаясь, начали совершать произвольные движения. К кошмару опьянения присоединилась гяжесть спертого воздуха, грозившего удушьем. В это время вагонетки остановились перед валом в метр высоту, состоящим из кварцевой руды.

Поезд остановился на перекрестке, где сходились несколько галерей, а над перекрестком поднимались высокие отвесные стены глубокой шахты, точь-в-точь как под домом лендлорда.

— Разбудите-ка этих свиней, — скомандовал хрипло американец.

— Это нетрудно, — отвечал лендлорд, доставая из кармана и откупоривая маленький пузырек.

Он зачерпнул в чашку воды, подбавил в нее несколько капель жидкости из пузырька и бесцеремонно схватил первого попавшегося свагмена за нос. Лишившись возможности дышать, пьяный широко открыл рот. Лендлорд проворно влил ему в глотку таинственное лекарство. Действие было мгновенное. Пьяный вскочил на ноги, точно под влиянием электрического тока, потянулся, громко чихнул и тупо посмотрел перед собою, вытаращив глаза.

— By God! — проворчал он. — Что это я такое проглотил?.. Э, черт возьми, да где же это я?

— Тише, болтун, — грубо остановил его америка-

нец. — Ну, скорее, лендлорд, принимайся за другого. Нужно спешить. Не стой за лишней каплей: у этих скотов желудки здоровые, все перемелют. Что это у тебя за снадобье? Нашатырный спирт?

— Он самый. Да я и сам знаю, что им ничего не сделается. Отрезвлять пьяниц для меня дело знакомое. Столько раз приходилось...

Снадобье подействовало очень быстро. Отрезвленные свагмены с изумлением увидали перед собой странную картину, освещенную двумя факелами. Их мозг, утомянный трехсуточным пьянством, отказывался работать; они никак не могли сообразить, что вокруг них происходит.

Пользуясь их замешательством, американец взял в руки факел и, преодолевая ужасную боль в ране, встал перед свагменами, устремив на них свой неприятный взгляд, сверкавший стальным, холодным блеском.

— Ребята, — сказал он своим обычным хриплым голосом, — вы мне нужны очень ненадолго и вам хорошо заплатят. У вас, я знаю, не осталось ни полушки. Вы все пропили. Поработайте на меня несколько часов здесь в коях и больше мне ничего от вас не нужно. Поняли?

В ответ послышался ворчливый ропот. Свагмены не привыкли, чтобы ими так бесцеремонно распоряжались. Между ними началось волнение.

— Молчать! — прикрикнул на них сердитый янки. — Слушай, лендлорд: первому, кто откроет пасть, всади в нее пулю.

— All right!

— Слушайте все! Кто из вас согласится сделать все то, что я ему прикажу, получит пригоршню золотого песка, а кто откажется, будет немедленно застрелен.

При словах «пригоршню золота» по рядам авантюристов пронесся глухой гул.

— Слышишь, Дик? Ведь на это можно будет погулять две недели... Пригоршня золота!.. Месяц благополучия!.. Что скажешь на это, Дик?

— О! Мы тогда выкупаемся в водке! — вскричал ирландец Овен, самый горький пьяница из всех.

— А нам сейчас же заплатят? — спросил один из них.

— Как только кончите работу, — отвечал американец. — Ни минуты не задержу.

— И нас проводят назад в дом лендлорда?

— Yes!

— Что же нам нужно делать? Говорите.

— Прежде всего вы должны подняться в этой корзине вместе со мною наверх и взять инструменты, которые я вам дам. Остальное уладится само собою.

— Но где мы теперь, джентльмен? Куда вы нас завели, а?

— Вы в руднике под Тиррельским озером, ребята.

— Где спрятан клад разбойников золотых полей?

— Этого я не знаю, но что вы останетесь здесь навсегда, если будете очень любопытны, так это мне известно доподлинно.

— Ну, и язык же у вас, джентльмен! Бритва, да и только!.. Давайте-ка нам лучше ваши инструменты и ведите нас куда следует. Мы готовы. Уж очень плата заманчива.

— С Богом!

На перекрестке находилась точно такая же корзина, как та, в которой лендлорд и американец опустили свагменов из гостиницы в рудник. Авантюристы уселись в нее и быстро вознеслись наверх.

Подъемная машина не дошла до самого верха шахты, а остановилась на полдороге перед входом в широкую галерею, из которой доносился громкий гул падающей воды.

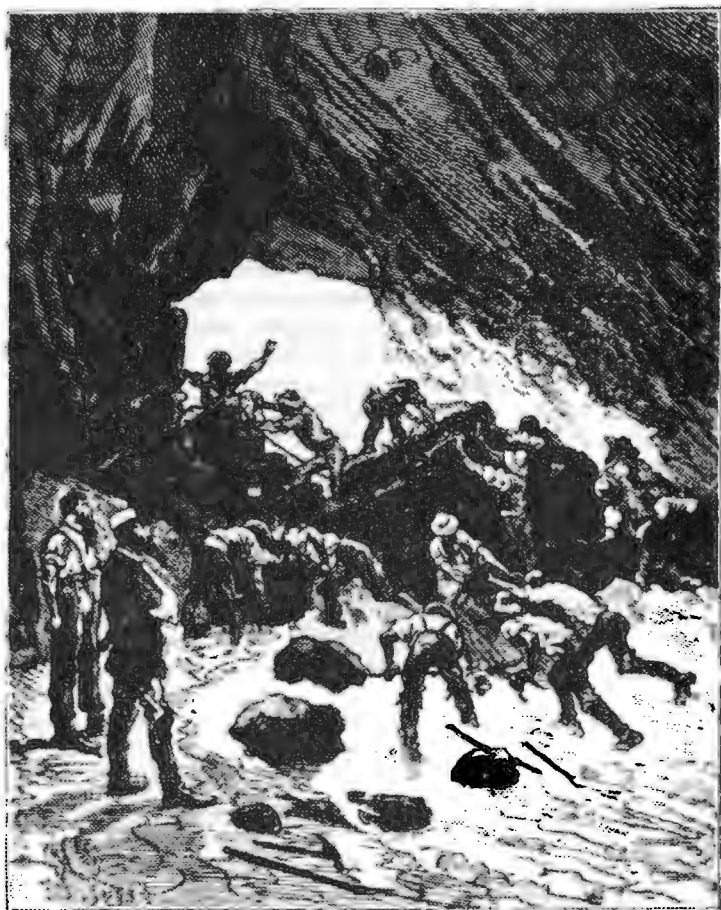
Свагмены под руководством американца и лендлорда углубились в эту галерею и пошли гуськом один за другим вдоль kloкотавшего подземного потока. Вдруг галерея сделала поворот и свагмены остолбенели от изумления; перед ними открылся широкий просвет, сквозь который виднелись синие воды озера, отражавшие на своей зеркальной поверхности плывшие по небу белые клочковатые облака. Сердитый янки опять оборвал зазевавшихся авантюристов:

— Ну чего стали? Вот вам лопаты, заступы, топоры. Беритесь за работу. Надобно как можно скорее заделать это отверстие, чтобы предупредить всякую попытку проникнуть сюда через него. Не нужно оставлять ни малейшей дырки даже для стока воды из ручья.

— Но ведь этак мы утонем! — возразил плаксивым голосом Овен.

— Болван! — вскричал янки. — Что же, я меньше тебя, что ли, дорожу своей шкурой? А ведь я остаюсь

Вода поднялась и полилась в шахты

здесь смотреть за работой. Отведенный ручей наполнит те шахты, из которых мы ушли.

— А как же мы вернемся наверх?..

— А корзина на что?

— Но...

Ирландец запнулся и повалился на землю. Янки со всего размаха ударил его кулаком по лицу.

— Пулю бы тебе следовало в башку, негодяй этакий, если бы у меня обе руки были здоровы.

Ты бы должен радоваться, что работу нашел, а не привередничать... Эй, вы, там!.. За дело!.. Поворачивайтесь!

Странная работа была исполнена чрезвычайно быстро, благодаря многочисленности рабочих и распорядительности грозного надсмотрщика. Корытообразное русло потока наполнилось камнями, а затем выросла высокая стена, зацементированная мягкой, непромокаемой и чрезвычайно прочной глиной, которой всегда очень много на австралийских золотых приисках.

Вода поднялась на шестьдесят сантиметров, потекла по природному уклону галереи и полилась в шахты, через которые совершен был подъем. Для большей прочности к стене прикатали несколько огромных камней, которые увеличили ее устойчивость едва ли не вдвое.

Американец во время работы не сказал ни слова и только, когда она окончилась, прищелкнул от удовольствия языком. Одно это уже свидетельствовало об огромном удовлетворении, потому что сердитый янки не любил проявлять своих чувств.

— Дело, ребята, наполовину сделано, — обратился он к своим подневольным работникам. — Теперь ступайте за мною, захватите свои инструменты и сделайте еще одно дельце вроде этого.

Работники не пикнули в ответ и безропотно повиновались, несмотря на то, что пот лил с них градом, руки были покрыты кровавыми ссадинами и спины ломило от напряженного труда. Между тем подкрепитьсь и освежиться они могли здесь разве только студеной ключевой водицей.

Задымились новые факелы, зажженные на смену догоревшим прежним, и рабочие под предводительством мистера Голлидея пошли назад, но не прежней дорогой, а в обход, что позволило миновать шахты, на дно которых с шумом и гулом лилась теперь отведенная вода.

После довольно продолжительной ходьбы они снова пришли к руслу подземного потока, безбоязненно вошли в него по щиколотку, дрожа от холодной воды, и с четверть часа продвигались вперед против течения. После чего они прошли в пещеру с природными сводами метров в шесть вышиною. Гладкие и блестящие базальтовые стены пещеры делали ее похожей на огромный воздушный пузырь, застрявший среди каме-

нистой массы вследствие какого-то геологического переворота. Вход в нее был только один — через низкое сводчатое отверстие, служившее также протоком и для ручья. С другой стороны пещеры слышался громкий гул воды, заливавшей дно пещеры.

— Что же нужно делать? — спросил один из свагменов, у которого зуб на зуб не попадал от страха и холода.

— Осушить эту пещеру, ребята, — отвечал мистер Голлидей.

Несмотря на пронизывавшую их дрожь, свагмены расхохотались все, как один, при этом чудовищном, как им показалось, предложении.

— Вот тебе и раз! — проворчал хриплым голосом ирландец. — Что же нам, выпить, что ли, эту воду прикажете, мистер? Если так, то уж лучше смерть. Чтобы я, Овен из Ноктовера, что в графстве Килькенни, стал пить эту мерзость, этот поганый напиток! Да никогда и ни за что!

— Падди говорит дело! — поддержали ирландца товарищи. — Вот если б то была водка!..

Бледное лицо американца исказила гримаса, которая могла сойти за улыбку.

— Нет, я от вас ничего такого не потребую. Дело вам предстоит гораздо легче. Видите вы этот камень, торчащий вон там в стене? Его вделали туда нарочно, так вот вы и достаньте его оттуда. За ним дыра, и мне нужно ее освободить от завала.

— И после этого нам можно будет вернуться к лэндлорду, принять ванну из водки и отогреться?

— Yes.

— Ну, когда так, то за дело, ребята! Да поживее! Отделаемся, да и с плеч долой! Я совсем замерз, право.

Камень был вделан крепко, цемент, которым он был впаян, отличался превосходным качеством. С полчаса свагмены пыhtели и возились над ним безо всякого успеха, но под конец громада разом подалась, уступив их дружным и отчаянным усилиям. Вода с громовым шумом ринулась в отверстие, и пещера быстро освободилась от воды.

Свагмены, выстроившись в ряд, с изумлением увидели перед собою десятка три бочонков с толстыми стенками, осклизлыми от долгого лежания под водою.

Болтливый ирландец Овен не мог не пробормотать:

— Ловкий, должно быть, тот парень, кто придумал спрятать на сто метров под землей эти бочки. Надо полагать, что в них хранится не простая вода, а что-нибудь поувесистее да поценнее. Не приведи мне, Бог, увидеть еще раз в жизни ноктоверскую колокольню, если это не клад разбойников золотых полей!

Глава XIII

Следствие пропажи подземной реки.— Наводнение.— Каучуковая лодка оказывается чрезвычайно полезным изобретением.— Изумление.— В пне камедного дерева.— Странствие Буало по заброшенному руднику.— Золото! — Заговор.— Заговорщики, не рассчитавшие, что их могут услышать.— Мистер Голлидей отчаянно обороняется.— Взрыв мины.— Человеческая гекатомба.— Один под землей.— Появление скваттера-француза.— Похищенный груз отбит.— Конфискация фуры.

Восклицание Фрикэ, увидевшего, что кто-то заделал круглое отверстие, служившее протоком для ручья, произвело на всех его товарищей сильное впечатление.

— Как ни многоопытны были они в своей бурной приключениями жизни, но их удивило это смелое и решительное «похищение» целой реки.

При сложившихся обстоятельствах этот необъяснимый факт мог повлечь за собой для всей компании весьма плачевные последствия. Стало очевидно, что враг не дремлет, а так как наши путешественники отлично знали, на что он способен, то, разумеется, не могли уже спокойно заснуть.

Парижанин поспешно обошел весь мыс и тщательно осмотрел противоположный склон его, надеясь найти какую-нибудь трещину, какой-нибудь знак, чтобы несколько уяснить себе сущность необыкновенного явления, не прибегая к гипотезе, что тут не обошлось без человеческих рук.

Тем временем Андреэ прикладывал ухо к утесу, выслушивал землю, стараясь уловить тот совсем особенный шум, которым сопровождается оседание почвы.

Пьер, доктор и Князек тоже принялись за тщательное, но совершенно безуспешное исследование; они ничего не добились, и загадка осталась неразгаданной.

Что теперь делать? На что решиться?

Благоразумнее всего было уйти, но с минуты на минуту мог подойти отряд, предводимый Буало и скваттером-французом.

Остаться на мысе? Но разве можно поручиться, что отведенный ручей не проложит под землею какого-нибудь нового русла и не наделает бед?

На туземцев рассчитывать не приходилось. От них тщетно было ожидать какие-нибудь сведения, поручить им разведку тоже не представлялось возможным. Бедняги в ужасе жались к европейцам и умоляли воскресшего Нирро-Ба защитить от злых богов, с которыми он встретился на пути из Виами.

Прошло два часа в самой томительной неизвестности. Затем произошло то, чего все давно ожидали. Лишенный своего природного русла, поток начал пробиваться сквозь землю возле корней деревьев, росших кое-где по склону. Сначала вода просачивалась в незначительных размерах, но затем наводнение стало быстро расти, и вскоре земля пропиталась водою на значительном расстоянии вокруг. Наводнением смыло камни и понесло вниз, потом по воде поплыли целые острова зеленой травы, утес обнажился, и из его трещин стремительно хлынули во все стороны потоки чистой и холодной влаги.

— Черт возьми! — вскричал Фрикэ. — Да это настоящее наводнение!

— Действительно, — отвечал Андрэ. — Причины явления нам открыть не удалось, зато ближайшние последствия его уже сказываются. Надо принять меры.

— Сдается мне, господин Андрэ, — сказал Пьер де Галь, прикладывая руку к своей белой фуражке, — что было бы недурно приготовить нашу лодку к плаванию.

— Вы совершенно правы, Пьер, хотя мы и не подвергаемся опасности утонуть, потому что место, где мы стоим, — очень высоко.

— Высоко-то оно высоко, господин Андрэ, но кто ее знает, эту проклятую воду? Береженного Бог бережет... Кто поручится, что через несколько часов она не зальет всю местность и не прервет нашего сообщения с долиной?

— Очень возможно... даже вполне вероятно... — согласился Андрэ, дивясь верности взгляда старого матроса. — А все-таки, жалко мне отсюда уходить. Я уйду лишь тогда, когда совершенно нельзя будет оставаться. Прежде всего нужно объяснить дикарям, что им здесь оставаться опасно, и пусть они лучше уйдут в камедный лес, который виднеется вон там недалеко.

— Они от нас не уйдут.

— А нужно, чтобы ушли. В случае опасности в лодку нам всем не усесться. Право, доктор, вы у них свой человек, убедите их, чтобы они уходили, а всего лучше будет, если вы уведете их сами.

— Ну, уж нет, слуга покорный!.. — отрезал доктор. — Уж от вас-то я не уйду ни в каком случае. Будь что будет с моим новым семейством, а с вами я не расстанусь. Я и так уж натосковался без моего милого гамена, поэтому теперь, что бы ни случилось, встречу опасность рука об руку с ним.

— Спасибо вам, доктор, — перебил его Фрикэ, глубоко растроганный. — Нечего и говорить, что я вам тоже предан бесконечно. И душу свою, и тело я отдаю в ваше распоряжение; конечно, это немного, но уж не выщите: чем богат, тем и рад.

— Немного!.. Нет, это очень много!.. Это более, чем весь клад разбойников золотых полей. Я богач.

— Смирно! — вскричал старый боцман. — Моя правда. Вода прибывает, смотрите!.. Эй, Князек, голубчик, надувай скорей лодку... Живо!

На склоне мыса образовалась широкая трещина. Размытая почва и вода, отыскав, наконец, выход, устремилась из-под земли шумным водопадом...

Не помня себя от страха, дикари кинулись бежать с мыса, испуская пронзительные крики. Они очень скоро достигли безопасного места и начали делать европейцам умоляющие знаки, чтобы те поскорее последовали их примеру и бежали от проклятого места.

Князек немедленно приступил к исполнению приказа, данного ему старым моряком. Он взял мехи для надувания лодки, вставил их в приспособленное отверстие и принялся торопливо ими орудовать.

Лодка быстро надулась. Бока ее закруглились, отвердели, и странный плавучий снаряд был готов к плаванию. С помощью Пьера молодой африканец перенес его на небольшую площадку, устроил все как следует, и затем они оба преспокойно уселись в лодку, дожидаясь, когда придет время тронуться в путь.

Поток ревел все громче и громче, и вода беспрестанно прибывала. Утес начинал дрожать. Опасаясь какого-нибудь внезапного разрушения, Андрэ решил, наконец, убраться с утеса подобру-поздорову. Деревья качались во все стороны и, уступая напору, беспомощно переворачивались корнями вверх, отдаваясь не-

Лодка быстро надулась

победимой силе потока. С громом и треском проносились мимо камни, обломанные ветви, кусты.

Андрэ стоял, прислонившись к гигантскому стволу давно засохшего камедного дерева, возносившего чуть не до облаков свой тощий ствол. Крепко упершись вековыми корнями в землю, лесной великан стоял как непоколебимый утес. Дуплистый, толстый ствол его мог бы дать приют двум десяткам человек, и, вероятно, он нередко служил прибежищем для туземцев, укрывая их от дождя и бури.

Андрэ уже открыл было рот, чтобы скомандовать к отплытию, как вдруг по всему телу его пробежала дрожь. Он отпрыгнул назад и взвел курок револьвера, направив дуло на широкое отверстие дупла.

— Кто тут? — крикнул он громовым голосом.

Послышался глухой стон, потом самое нецензурное восклицание.

— Кто тут? — повторил Андрэ тоном, не допускающим возражений.

В сумраке показалась человеческая фигура, освещенная солнцем.

— Не стреляйте!.. Черт вас возьми!.. Я задыхаюсь совсем, умираю, озяб до смерти. У меня рот забит землею, в ушах вода, в глазах тина...

При звуках этого голоса у всех пятерых друзей по спине побежали мурашки.

Разве только по голосу можно было узнать человека, вылезавшего из дупла. Он был весь перепачкан кровью и тиной, волосы прилипли к лицу, грудь и руки были покрыты кровавыми ссадинами, одежда изорвана в клочья. Вообще он имел до невозможности жалкий вид.

— Гром и молния! — вскричал он, отдышавшись немного. — Как хорошо дышать свежим воздухом! Какое солнце славное, какое синее, ясное небо! Я давно такого не видал. Ведь подумайте только, я более пятнадцати часов провел под землею, исполняя обязанности каторжника!.. Э, да тут вода. Надо хоть умыться. Что вы на меня так смотрите? Чем это я вас так удивил? Вы, господа, кажется, перестали узнавать друзей.

— Господин Буало! — вскричал Фрикэ. — Вы здесь!.. И в таком виде!..

И он с раскрытыми объятиями бросился к другу и судорожно прижал его к своей груди.

— Ах, господин Буало, как я счастлив!.. Как я рад, что вижу вас снова, что снова могу вас обнять!

— Сколько угодно, дружок, я тоже рад прижать тебя к своему сердцу. Только предупреждаю: я грязен, как поросенок...

— Буало! — вскричали Андрэ и доктор, не помня себя от крайнего изумления. — Откуда вы?

— Сами видите: из дупла вот этого самого дерева, проблуждав под землею, и по железной дорожке, и по дну ручья, и по крытым галереям, и черт еще знает где. Но это я расскажу вам потом. Здесь теперь очень

скверно. Нужно уходить, и чем скорее, тем лучше. Здесь пока только еще наводнение, но может произойти, чего доброго, и взрыв, а это будет куда как кстати. Не правда ли, вы тоже согласны со мной? Вы ведь не желаете взлететь на воздух?

— В лодку! — крикнул Андрэ, не отвечая.

Лодка отплыла и через десять минут причалила к суше, где устроили свой временный лагерь туземцы.

Буало, как истый парижанин, привыкший к чистоте и комфорту, немедленно переоделся, взял у Андрэ полный костюм, наскоро съел сухарь и выпил рюмку рому; потом, немного подкрепившись, рассказал друзьям свои приключения.

Он описал уже известное читателю: приход в таверну лендлорда, пьянство свагменов, появление американца, похищение свагменов и принуждение их к работе, замуравывание пещеры, выходявшей в озеро, обнаружение бочек, спрятанных под водою, — и продолжал так:

— Способ хранения емкостей был в высшей степени остроумен и вместе с тем заставлял предполагать, что в них заключено громадное богатство. Эта мысль пришла в голову одному из моих подневольных товарищей. Он даже высказал ее вслух. «Молчать! цыкнул на него американец. — Вы знаете мои условия: пригоршня золота за работу и пуля в голову за болтовню». Этот гнусный человек произносил свои угрозы так, что способен был навести страх даже на храбреца. «Возьмите каждый по бочонку, — продолжал он, — вставьте себе на спину и донесите его по дну ручья до первой галереи направо. Там вы увидите вагонетки, стоящие на рельсах. Положите на них бочонки, и тогда мы с вами рассчитаемся. Go ahead! И, пожалуйста, без разговоров». Проклятые бочонки были тяжелы, страсть, как тяжелы! В каждом было, наверное, по сотне килограммов без преувеличения. «Золото!.. Не премини золото!» — шептались люди, идя гуськом друг за дружкой и спотыкаясь чуть не на каждом шагу. Алчность разгорелась в них. Полагая, что им легко будет справиться с двумя надсмотрщиками, не сводившими с них глаз, они задумали овладеть богатством, которое тащили на своих плечах. Обменявшись несколькими словами, сказанными чуть слышным шепотом, свагмены уговорились напасть врасплох на американца и на лендлорда, как только бочонки будут

уложены на вагонетки. План был принят всеми без возражений. Свагмены сами превратились в «лесовиков». Я шел впереди всех, находясь в десяти метрах от американца, который нес перед нами факел. Негодяй принял эту предосторожность, опасаясь нечаянного нападения. Ирландец Овен сообщил проект и мне, а я сделал вид, что соглашаюсь принять участие в его исполнении. Но бедный Падди не рассчитал, что подземные галереи необыкновенно усиливают звук. Американец слышал все от слова до слова и даже бровью не повел. Дойдя до места, он воткнул факел в стену, подозвал к себе лендлорда и с револьвером в руке стал спокойно наблюдать за погрузкой, как будто ему не грозила никакая опасность. Когда все было кончено, он сделал лендлорду знак, чтобы тот сел на последний вагончик, ударом ноги вышиб тормозную колодку из-под колеса передней вагонетки, вскочил рядом со своим товарищем, и поезд медленно двинулся по рельсовому пути, проложенному, очевидно, под уклон. Раздался яростный вопль. Свагмены бросились, как бешеные, за ускользавшей от них добычей. Вспыхнуло несколько выстрелов. Предвидя суматоху, я бросился на землю, и очень хорошо сделал, потому что в двадцати метрах от меня галерея вдруг осветилась ярким светом, точно вулкан во время извержения. Меня оглушил страшный гул взрыва, и кругом со всех сторон посыпались обломки. Затем настала тишина, и только вдали слышался заглушаемый расстоянием стук вагонеток, катившихся по рельсам. Верите или нет, но уверяю вас, друзья мои, что в жизнь свою я не испытывал такого страшного чувства, как в эти минуты. Я думаю, это было именно то, что называется страхом. Во всяком случае, я до сих пор не имел понятия об этом чувстве. По странной случайности, воткнутый в стену факел каким-то чудом уцелел и еще светил. Я потихоньку направился к месту взрыва и пришел в длинную галерею; американец, должно быть, взорвал ее миной, заложенной заранее. От прежнего прохода не оставалось и следа. Свагмены были погребены под развалинами. Я был один, совершенно один и без припасов; я умирал от голода и холода на расстоянии двухсот футов от поверхности земли. Нельзя было терять ни минуты. Я взял в руки факел и осмотрел груды обломков, чтобы удостовериться, не могу ли я помочь какому-нибудь несчастному, уцелевшему от катастро-

При шахте имелась и бочка в хорошем состоянии

фы. Было тихо, как в могиле. Я вернулся назад и пришел к пещере, где был до взрыва.

— По вашему мнению, господин Буало,— перебил рассказчика Фрикэ,— в этих бочонках было золото?

— Я склонен это думать ввиду и тяжести бочонков, и тех предосторожностей, которые были приняты при их перевозке:

— Но ведь сумма должна быть огромная.

— Да, не маленькая. Примерно миллионов десять...

Но я продолжаю. Около часа проблуждал я из галереи в галерею, отыскивая выход. Наконец, я нашел вторую шахту, которую за приметил еще в то время, когда вместе со свагменами работал над заделкой отверстия. При этой шахте имелась и бочка, находившаяся в довольно хорошем состоянии. Вы, я думаю, были на приисках и видали, как там это устроивается. Я поспешил воспользоваться бочкой. Поднявшись наверх, я вдруг почувствовал над собой что-то крепкое, точно свод. «Господи! — подумал я. — Неужели мне суждено быть погребенному заживо?» Мой факел догорал. При потухающем свете его я разглядел, что сквозь слой земли проросли какие-то корни. Из груди у меня вырвался вздох облегчения. Я достиг верхних слоев земли, я был на пути к спасению. Как бешеный, принялся я рыть ножом землю. Земля оказалась рыхлая, комья ее отделялись легко и в изобилии падали вниз. Я заметил, что она состояла наполовину из сгнивших листьев. Вскоре мне удалось проделать отверстие, достаточное для того, чтобы пролезть. Я подался вверх всем телом и очутился в дупле того самого камедного дерева, в котором вы меня увидели.

Только бесстрашный парижанин кончил свой рассказ, как вдали показался всадник, скакавший во весь опор прямо к лагерю.

То был Даниель, француз-схваттер.

— Как! Это вы, господин Буало? Откуда вас Бог несет? — вскричал он. — А мы о вас так беспокоились!

— Я пришел из рудника через другой ход. Сведения, сообщенные вами, оказались в высшей степени верны. Что новенького?

— Очень много новостей. Мы арестовали фуру, нагруженную десятью лошадьми.

— С какой радости?

— С той радости, что фурой, нагруженной тридцатью бочонками странной формы, правил некто ленд-лорд, первый мошенник в околотке, что вместе с ленд-лордом ехал в фуре один субъект, которого я часто видел в компании с разбойником Сэмом Смитом. Ввиду этих обстоятельств я не мог не остановить их и не полюбопытствовать, что такое они везут и откуда держат путь.

Глава XIV

Тщетное искушение. — Решительный отказ доктора от наследства Нирро-Ба. — Фура. — Сын Красного Опоссума. — Появление Сэма Смита. — Бандит, конвоирующий честных людей. — Доводы делового человека. — Кайпун умер, да здравствует Жан Кербегель! — Фрикэ удостоверяется, что в бочонках золото. — Прибытие в Мельбурн. — «Лесовик» просит и получает свободу. — Мистер Голлидей не хочет говорить, и его сажают в тюрьму. — Визит к генерал-атторнею. — Страшное разочарование. — Все погибло! — Добыча и тень. — Следы золотого песка. — Бегство.

Известие о захвате фуры имело для французов громадное значение. У них появилась надежда на счастливый исход предприятия. Они думали так: если их предположение, что в громадной австралийской фуре перевозится золото, подтвердится, то главный бандит Боскарен не замедлит явиться лично, чтобы отбить свое сокровище. Произойдет сражение. Тем лучше. Прекратится, по крайней мере, война с неуловимым призраком, предстанет враг из плоти и крови. Главный их интерес сосредоточится на перехваченном кладе; злодеи поневоле будут вынуждены действовать открыто, отбросив свое инкогнито, которое столько лет обеспечивало им успех деяний, из которых самое незначительное заслуживало для их творцов виселицы.

Маленький отряд собрал свои пожитки и, не мешкая, тронулся в путь. Туземцы пошли за французами под предводительством Жана Кербегеля, который пока не выказывал ни малейшей охоты отказаться от прав и преимуществ, обеспечиваемых ему званием Кайпуна.

Доктор полушутя-полусердито посылал ко всем чертям австралийского Виами, свое неожиданное семейство, члены которого не давали ему ни минуты покоя.

Вдовствующая мадам Нирро-Ба, превозмогая робость, то и дело надоедала ему, таская за собой многочисленное потомство. Бедняжка употребляла решительно все средства, какие только были в ходу у туземных красавиц, чтобы понравиться. Она нацепила на себя всевозможные украшения и разрисовала свой лик самыми яркими красками. Смешно и жалко было видеть, какие отчаянные взгляды бросала она на доктора. Нос бедной вдовы был выкрашен в белую краску, а щеки в синюю; вообще мадам Нирро-Ба была так обольстительна, что только такой черствый привередник, как доктор Ламперриер, мог устоять против подобных прелестей и не растаять, как воск.

Судя о вкусах доктора по своим единоплеменникам, падким до всякого рода гастрономических наслаждений, черномазая Пенелопа, пользуясь малейшей оплошностью своего воображаемого супруга, время от времени пыталась всунуть ему в рот горсть искусно приготовленного опоссумьего жира, приправленного всевозможными душистыми травами.

Но, увы! Неблагодарный варвар был глух ко всем нежным речам, он отворачивался от блестящего наряда, а вкусные яства не хотел даже нюхать, не то что есть.

И мадам Нирро-Ба испускала с горя такие отчаянные вопли, что белые какаду пугались и вспархивали, как очумелые. Отдав приготовленные для супруга лакомства своим чадам, она в отчаянии царапала себе лицо, так что кровь текла красными струйками по ее прелестной татуировке.

— О женщины, женщины! — твердил доктор, не зная, что ему делать, а товарищи его так и покатывались со смеху.

Наконец, доктору помог случай избавиться от непрошеного ухаживанья. Показалась фура, или по местному — дрэй. В тяжелую повозку было запряжено десять сильных чистокровных ломовых лошадей той здоровой породы, которую до сих пор с успехом выращивают скваттеры.

Вокруг фуры стояло два десятка туземцев, вооруженных штуцерами, одетых в широкие полотняные панталоны и шерстяные рубашки. Старшим над ними был молодой мулат с умным лицом и крепкими мускулами. Он подошел к Буало и пожал ему руку. Буало сейчас же представил его своим друзьям, которые обменялись с ним крепким рукопожатием.

Они, к своему удивлению, узнали, что мулата зовут Дик Мэк-Найт и что он сын знаменитого Джона Мэк-Найта, называвшегося прежде Красным Опоссумом и сделавшего много для приобщения местного населения к цивилизации.

Молодой Дик, которого мистер Рид называл скваттером, по первому зову явился на помощь европейцам и с удовольствием отправился в экспедицию с Даниэлем, к которому был искренно привязан.

По-английски он говорил правильно, что чрезвычайно понравилось доктору. Почтенный медик сейчас же решил воспользоваться услугами юноши для обузда-

ния легковерной вдовицы, приставаания которой становились просто невыносимыми.

В этот день наших героев ожидал еще один сюрприз. Когда Фрикэ и Пьер де Галь подошли полюбоваться мистером Голлидеем, хмуро забившимся в глубь фуры, к ним подъехал всадник, осадил лошадь и ловко соскочил на землю, беспечно бросив поводья на шею взмыленному коню.

— Ба! — вскричал парижанин. — Да это почтеннейший мистер Сэм Смит!

— Он сам лично, к вашим услугам, мистер Фрикэ.

— Душевно рад вашему счастливому возвращению, мистер Сэм Смит.

— Сердечно восторгаюсь свиданием с вами, мистер Фрикэ.

— Простите за нескромный вопрос, мистер Смит, но скажите, пожалуйста, за каким чертом вы изволите здесь быть?

— За таким, что мне хотелось прогуляться по очаровательным берегам реки Лоддона до того пункта, где эта река поворачивает к Ингльвиду, первой железнодорожной станции. Там я рассчитываю сесть на первый поезд, проехать в Сандгерст, не останавливаясь, добраться до Кэстльмэна, пересечь в Кайнтоне и благополучно прибыть в Мельбурн.

— Вы в Мельбурн? Вы? Недавний царь «лесовиков»? И вы не боитесь, что мельбурнский климат окажется вредным для вашей светлости?

— Оставьте напрасную тревогу, которая, впрочем, доказывает, что вы сохранили приятное воспоминание о нашей встрече с вами. Я уж больше не «лесовик».

— Изволили выйти в отставку?

— Для того, чтобы получить отпущение грехов.

— Вот как! Позвольте узнать, чем вы надеетесь заслужить прощение?

— Тем, что буду конвоировать сию фуру, которая под моим покровительством может ехать совершенно безопасно, потому что «лесовики» при мне ее не тронут. Они по старой памяти повинуются еще малейшему моему знаку.

— Так вы можете не утруждать себя, мистер Смит, потому что труд конвоировать фуру принимаем на себя мы и джентльмены, которые в ней сидят.

— Это ничего не значит. Мы можем совершить путь вместе. Так будет еще лучше, еще надежнее.

— Вот что, мистер Сэм Смит, будем говорить серьезно. Вы спасли мне жизнь. Мне будет очень неприятно видеть вас вздернутым на виселице. Уезжайте. Отправляйтесь на все четыре стороны и оставьте нас в покое.

— Оставить вас в покое?

— Да. Мы едем в Мельбурн, чтобы передать в руки правосудия отчаяннейшего злодея, совершившего всевозможные преступления.

— Но это нисколько не помешает мне проводить вас до Мельбурна.

— С какой стати? Или вы тоже один из собственников груза, находящегося в фуру?

— О, да, я в нем несколько заинтересован.

— Тем хуже. Фура будет обыскана властями, которые, вероятно, пожелают узнать, откуда получен ее груз.

— Так что же? Пускай. Я ничего против этого не имею, да и мой милый куманек Голлидей, вероятно, тоже со мной согласится.

— А! Так вы кум тому негодяю, что прячется, как сова...

— Голлидей ни от кого не прячется,— слышался из фуры хриплый голос,— он готов смотреть прямо в лицо всякому, кто пожелает.

Американец, придерживаясь здоровой рукой за штаг фуры, соскочил с этими словами на землю.

— Вот и я,— продолжал он, глядя на европейцев с бесстыдством, но, нужно ему отдать справедливость, и с бесстрашием также.— Что вам от меня угодно?

— Нам угодно связать вам руки и ноги и бросить вас в фуру, как вы бросили нас... помните... в трюм на «Лоа-Дзы»,— отвечал Пьер де Галь.— А потом нам угодно передать вас палачу.

На бледном лице пирата мелькнула улыбка-гримаса.

— Вы меня не выдадите властям, и меня не повесят.

— Это почему?

— Потому что я вам нужен. Я знаю ваши планы и могу принести вам пользу, если вы будете умны. Я человек деловой. Мне нужны деньги и свобода. Дайте мне их, а себе берите остальное... то, за чем вы гонитесь. Поверьте, так будет лучше.

— Хорошо. Но мы сначала подумаем, а до тех пор, покуда мы не решим, что с вами делать, вы будете находиться под неослабным надзором. Если же вы сделаете попытку убежать, то извольте пенять на себя.

— Не беспокойтесь, от фуры не уйду.

— Надемся, что нет. Ну, а вы, мистер Смит, все еще намерены нас провожать?

— Разумеется, намерен. Лихих людей много в этих местах, а со мною безопасно.

— Очень жаль, потому что мне ужасно не хочется отбирать у вас оружие, сажать вас в фуру вместе с господином Голлидеем и приставлять к вам обоим почетный караул. Как хотите, но мы не можем вам полностью доверять. Что, если вам вдруг вздумается навести на нас целый эскадрон «лесовиков»? Ведь вы так еще недавно обратились на истинный путь.

— Делайте, что вам угодно, мистер Фрикэ, хотя ваши подозрения совершенно напрасны. Я человек честный, мистер Фрикэ.

Фура двинулась в путь под надежным конвоем людей Дика Мэн-Найта. Даниэль вернулся на свою станцию, провожаемый благословениями своих новых друзей. Буало отправился провожать экспедиционный отряд.

Направление взяли на юго-восток и скоро прибыли к тому месту, где в Муррей впадает приток Лоддон, а затем двинулись далее вверх по течению этой реки. Отсюда пришли в округ Бендино, одно название которого пахнет золотом, по выражению колонистов Австралии.

Оставалось пройти расстояние градуса в два, на что требовалось шесть дней. По мере приближения дикарей к цивилизованным местностям, их беспокойство возрастало. Я имею в виду аборигенов, приютивших Кайпуна.

Соседство белых пагубно не только для туземных растений, но и для туземной расы, которая быстро вымирает.

Наступал час разлуки. Уже вдали показался густой черный дым, стлавшийся над Сандгерстским прииском и наводивший мглу на поредевшие окрестные араукарии и магнолии, уже начавшие подсыхать.

Сомнения терзали сердце Кайпуна, ставшего опять

Жаном Кербегелем. Он не знал, что ему делать. Ему жаль было расстаться с ясными полянами, по которым он так свободно и весело гонялся за казуарами и кенгуру. С другой стороны, в нем зарождалось нежное чувство к отыскивавшемуся дяде и к новым своим друзьям. Они убеждали Жана Кербегеля вернуться в Европу и занять на родине свое скромное место, но Кайпун никак не мог решиться бросить великодушных дикарей, которые так радушно приняли его к себе, когда он умирал с голода, и делились с ним последним куском.

Наконец Дику Мэн-Найту удалось убедить его окончательно. Молодой мулат на своем гортанном наречии представил одичалому европейцу такие веские доводы, что тот решил, наконец, сделать выбор.

Бледный, со слезами на глазах, бросил Жан последний взгляд на туземцев, раскрыл объятия, как будто желая прижать к своему сердцу всех своих черных братьев, потом схватил свой бумеранг, разломал его надвое, бросил обломки на землю и вскричал надорванным голосом:

— Здесь умер Кайпун!..

Спустя час после этого фура подъехала к Сандгерстскому вокзалу. Грузчики при помощи лебедки поставили ее на открытую платформу, вся компания уселась внутри фуры, и поезд покатил в Мельбурн.

Обнаружив при первой встрече с врагами несвойственную разговорчивость, американец во все остальное время не раскрывал рта. Он охотно позволил доктору лечить рану, которую тот сам же ему нанес, но не сказал больше ни слова по поводу сделки, которую предложил французам.

Последних очень тревожило это не то притворное, не то искреннее равнодушие. Они не без основания дивились тому странному обстоятельству, что ни Боскарен, ни его клеветы не делали попытки отбить свое сокровище. У них даже начало зарождаться сомнение, не напали ли они на ложный след, не сыграли ли с ними самую nepозволительную комедию; явилась даже мысль, что в бочках находится вовсе не то, что они предполагали.

Вскоре, однако, сомнения рассеялись. Фрикэ просверлил в каждой бочонке по отверстию, и из них посыпался золотой песок. Но что же в таком случае означала эта безмятежная самоуверенность янки ввиду

близкой утраты всего, чем так дорожили и он, и вся его клика? Чем объяснялось его спокойствие перед лицом перспективы быть переданным в руки правосудия?

Андрэ, доктор, Пьер де Галь, Фрикэ и даже Князек — все внимательно следили за пленниками, контролируя малейшее их движение, малейшую с их стороны попытку вступить в сношения с внешним миром. Но это ни к чему не привело. Ни пират, ни лендлорд, ни Сэм Смит не сделали ни одного подозрительного движения. До самого приезда в Мельбурн все они сохраняли полнейшую невозмутимость, не выдав себя ни разу.

Когда поезд стал подходить к огромному вокзалу, о каких в Европе не имеют даже понятия, «лесовик» прервал молчание и заговорил, обращаясь преимущественно к Фрикэ:

— Надеюсь, господа, что я не был надоедливym спутником и что мое присутствие в фуре до некоторой степени содействовало благополучному окончанию вашего путешествия. Согласитесь, что мне ничего бы не стоило натравить на вас сотню молодцов, а это могло бы кончиться для вас очень плохо.

— Да и для них также, мистер Сэм Смит.

— Пожалуй. Во всяком случае, я поехал с вами совершенно добровольно, потому что вы вспомнили услугу, которую я вам оказал, избавивши вас от диггеров вместе с мистером Кербегелем.

— Я вам уже сказал, что вы свободны.

— Очень приятно. Теперь вам нечего бояться «лесовиков». Теперь вы находитесь в цивилизованной стране, в благоустроенном городе с 300 тысячами жителей. Надеюсь, вы позволите мне удалиться?

Друзья переглянулись. Господин Андрэ встал и сказал:

— Вы спасли жизнь моему названому брату. Вы свободны, уходите. Мы квиты теперь.

— Спасибо вам, джентльмен. Я иного и не ожидал от вас.

Он исчез в самый момент остановки поезда, соскочив на ходу и обменявшись странным взглядом с мистером Голлидеем, который улыбнулся сатанинской улыбкой.

— Теперь поговорим с вами, мистер Голлидей, — продолжал Андрэ. — Вы нас заманили ложной надеждой, хотя нам не очень нравилось вступать в сделку с таким негодяем, как вы. Вы дали нам понять, что не прочь выдать своих товарищей. Допустим, что мы

согласны, отчего же нет? Ведь пользуются же на войне даже самые знаменитые генералы услугами перебежчиков. Цель иногда действительно оправдывает средства. Что вы на это скажете?

— Ничего.

— Хорошо. Через два часа вы будете в тюрьме, а ваши бочки будут взяты под секвестр *.

— Сделайте одолжение.

Андрэ прямо с вокзала отправился к прокурору, или к генерал-атторнею, и имел с ним продолжительный разговор. Внимательно выслушав подробный рассказ о таинственном деле европейцев, о преступлениях бандитов моря и суши, о борьбе с ними друзей Андрэ, атторней печально покачал головою.

— Боюсь, сэр, — сказал он господину Андрэ, — что, несмотря на все ваши старания, несмотря на всю вашу бдительность, вас в конце концов все-таки обманули и провели. Относительно американца я могу сказать только то, что мы теперь же предадим его суду. Но вы и сами, я думаю, понимаете, что казнь негодяя не возвратит вам украденной девушки. И еще, вы вполне уверены, что в этих таинственных бочках, извлеченных со дна озера Тиррель, заключается золото? Уверены, вы говорите? Хорошо. Во всяком случае, вы можете рассчитывать на полное мое содействие. Если бы даже у этих негодяев не было вины против английского правительства, если бы они не топили английских кораблей, я все-таки стал бы помогать вам во имя правосудия, во имя солидарности честных людей всех наций. Знайте, сэр, что во всякое время дня и ночи я буду готов вас принять по вашему делу и выслушать всякое ваше сообщение.

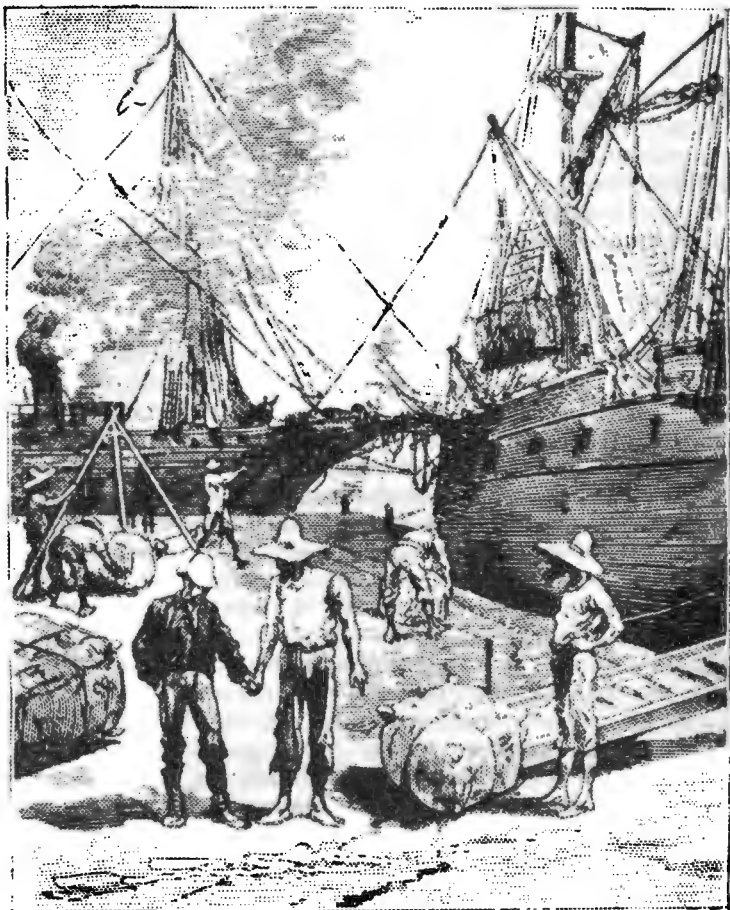
Долголетний опыт не обманул старика-атторнея. Секвестрованные, опечатанные казенной печатью бочки содержали в себе... не что иное, как свинец. Но дело в том, что у бочек было двойное дно, и в промежутках хитрые разбойники насыпали золотого песка, вследствие чего Фрикэ и был введен в заблуждение, когда пробуравил бочки.

Когда этот печальный факт был официально констатирован, друзья наши повесили носы; их надежда на успех поколебалась.

---

* Запрещение, налагаемое государственной властью на пользование каким-либо имуществом.

Фрикэ встретил на пристани одного старого товарища

На другой день после разговора Андра с атторнеем Фрикэ ходил по пристани унылый, стараясь рассеяться среди толкотни.

Он встретил одного из своих бывших товарищей по тем временам, когда, умирая от голода, он таскал тяжести на пристани. Этот человек задумчиво смотрел на землю, покрытую угольной пылью.

— Это вы, Билл? На что это вы так уставились?

— Посмотрите сами, — отвечал англичанин, крепко пожав Фрикэ руку.

— Ба!.. Угольная пыль какая-то, а по ней точно след золотого песку.

— Совершенно верно. Если во всех тридцати бочонках, что я сейчас нагрузил на этот хорошенький пароходик, заключается только такой уголь, то я готов взяться за его промывку. В два часа я заработал бы себе на хороший стакан виски.

— Тридцать бочонков!.. Вы их грузили... на этот вон пароходик... Тридцать бочек с золотом!.. Гром и молния!.. Теперь я понимаю!..

С этими словами он, как сумасшедший, кинулся прочь от изумленного носильщика, прыгнул в кэб, приехал в гостиницу и, как ураган, ворвался в комнату, где сидели его друзья.

— Нас ограбили... ограбили, как на большой дороге... Мы гонялись за тенью... Покуда Сэм Смит, лендлорд и американцы вели нас по ложному следу, рискуя жизнью, лишь бы убедить нас в том, что они действительно везут клад «лесовиков», настоящий-то клад переправили другой дорогой. Нас провели, жестоко провели!

— Черт возьми! — вскричал Буало. — Это ясно, как Божий день. Негодяи поехали, вероятно, берегом реки Авока, а потом прибыли в Мельбурн по железной дороге из Сент-Арно через Мериборо и Балларат. Они опоздали часов на двенадцать, но это им несколько не повредило. Теперь нам нужно начинать все сначала, потому что проклятый корабль их уже вышел в море. Ну, что ж, делать нечего, начнем сначала. Во всяком случае, у нас остается американец. Быть может, нам удастся что-нибудь вытянуть из него, а если нет, то он поплатится за всех.

В эту минуту в комнату вошел коридорный гостиницы и подал телеграмму на имя господина Андре Бреванна.

В телеграмме стояло несколько кратких зловещих слов:

«Голлидей среди белого дня убежал из тюрьмы вместе со своим сторожем. Приходите. Генерал-аторней».

Глава XV

Похороны «Конкордии». — Опять мистер Голлидей. — Андрэ рассуждает о золоте и о веревке. — Война на пушках и на стерлингах. — Английский бронированный крейсер «Цербер». — Генерал-атторней полагает, что всякого негодяя можно купить за деньги. — Перед коралловым рифом. — Экспедиция Фрикэ и Князька. — Опять корабль-хищник. — Водовоздушная цепь инженера Тоделли. — Подводный грот. — Бланш!.. Куда бежать? — Плен Князька. — Расплата за все.

Почти одновременно раздались два пушечных выстрела. Две длинные огненные струи пронизали дымное облако, разлетевшееся густыми клочьями, и в воздухе просвистели два ядра. Пьер де Галь с видом знатока проверил прицел двух вульвических пушек и одобрительно кивнул головою вслед полетевшим снарядам.

Вдали, на невысокой ряби Торресова пролива, виднелся темный кузов и стройные мачты красивого кораблика, служившего мишенью для этих выстрелов.

— Бедная «Конкордия»! — сказал старый боцман, обращаясь к Андрэ, смотревшему на море в бинокль. — Для того ли спасли мы ее от пиратов Борнео, чтобы теперь громить ее своими пушками!

— Что делать, корабли имеют свою судьбу. «Конкордия» пошла дурной дорогой. Хотя это и не ее вина, но мы все-таки не можем признать за нею смягчающих обстоятельств.

— А все-таки мне, старому моряку, очень грустно видеть, как погибает хороший корабль.

— Оно так, но знаете пословицу: клин клином вышибают?

— Да, делать нечего. И на беду, эти англичане такие ловкие артиллеристы!

Раздались в унисон два новых выстрела.

— Раз!.. В самый борт, — вскричал Фрикэ, которому Андрэ передал свой бинокль. — Действительно, бедный кораблик! Вон какая большая дыра. Ай! Бедная яхта!.. На ней образовалась течь, она тонет... Ах! Вот тебе и раз!

— Что такое?

— Ничего. Затонула. Пропала. Разбита в щепки.

Послышался глухой треск; по воде поплыли обломки...

Убийство сэра Гарри Паркера, прежнего хозяина «Конкордии», и кража яхты вызвали бурю негодова-

ния среди колонистов и побудили правительство начать преследование бандитов. Бесчестная клевета, возведенная последними на пятерых друзей для своего оправдания, не имела ни малейшего успеха, тем более, что мятеж на Борнео, убийство магараджи и бегство Боскарена обратили на себя внимание европейских резидентов, заставив их поглубже расследовать гнусную деятельность преступного общества.

Губернатор Виктории, извещенный об этих преступлениях, не подозревал, однако, что пять героев находятся на подведомственной ему территории. Сообщение, сделанное Андрэ Бреванном генерал-атторнею, и дальнейшие события, относящиеся к тому же делу, вынудили губернатора принять энергичные меры.

В двадцать четыре часа снарядили в плаванье башенный корвет «Цербер». Это был великолепно оснащенный и вооруженный корабль водоизмещением в две тысячи тонн при четырех вувлических пушках большого калибра с сотней человек экипажа. С таким кораблем можно было смело начать военные действия против бандитов моря. Наши друзья делали у себя в гостинице последние приготовления к отъезду, когда к ним в комнату вошел торжествующий Буало, подталкивая впереди себя хмурого человека с искаженным от ярости лицом.

— Господа и милые мои друзья! — сказал он звучным голосом. — Я веду к вам пленника, которому вы, надо полагать, будете очень рады.

— Неужели! — вскричал Фрикэ с шутливым восторгом. — Неужели это вы, достопочтеннейший мистер Голлидей! Откуда вас черт принес?

Янки в ответ только проскрежетал зубами.

— Очень просто, — отвечал за него Буало. — Вы знаете, когда этот господин убежал из тюрьмы, для его поимки поставили на ноги всю здешнюю сыскную полицию.

Он не мог ни уйти из города, ни сесть на корабль, его сейчас же бы схватили. Он спрятался в одном частном доме и никуда не показывался, но потом, скучая от затворничества, возымел непростительную неосторожность выйти на улицу. Как на грех, я проходил по этой самой улице, и бедный мистер Голлидей столкнулся со мной нос к носу. Я, разумеется, сделал то, что следовало сделать на моем месте. «Мистер Голлидей, — сказал я, — извольте молчать, а то я всажу

вам пулю в живот. Пожалуйста со мною. Смею вас обнадежить, что вам, быть может, удастся спасти свою шкуру. Только уж, пожалуйста, не пробуйте бежать, уговор дороже денег». Почтенный мистер Голлидей оказался умником; и вот мы пришли сюда. Я уверен, что он теперь проникся самыми миролюбивыми намерениями.

Андрэ, не медля, отправился к генерал-атторнею, чтобы уведомить его об этой важной поимке. Во всякой другой стране подобного бандита, не теряя ни минуты, отдали бы под суд. Но австралийский прокурор очень хорошо знал, с какою целью снаряжен в путь броненосный корвет «Цербер». Как настоящий практичный англичанин, он понимал, что войну ведут не одними пушками, но и червонцами. Поэтому он отвечал Андрэ так:

— Очень хорошо, сэр. У вас легкая рука. Нет разбойника, которого нельзя было бы подкупить. За хорошую сумму ваш бандит выдаст всех своих сообщников, увидите сами. Таким образом, у нас сократятся и расходы, и время, и народу меньше погибнет. Надобно взять бандита под крепкий караул и доставить на борт «Цербера». Капитану мы поручим позаботиться, чтобы он не ушел, куда корвет стоит в гавани.

Несколько часов спустя корвет вышел в море и на всех парах полетел в Торресов пролив. Он приплыл к атоллу как раз в то время, когда бандиты высаживались с «Конкордии», которая немного опередила гнавшийся за нею корабль. Капитан «Цербера» немедленно подал «Морскому Властителю» сигнал сдаться, предупреждая, что в случае отказа яхта будет потоплена.

С «Конкордии» не последовало никакого ответа. Тогда заговорили вульвические пушки. Дело было сделано в десять минут. Оставалось завершить самую трудную и опасную половину предприятия — проникнуть в атолл и выкурить оттуда разбойников. Но для этого нужно было сначала проверить, насколько верны сообщения американца. Если Боскарен укрылся в пещере, то необходимо было взять его живым, потому что, вероятно, только он один знал, где спрятана Бланш.

Фрикэ и Князек превосходно помнили все коридоры и закоулки подводного жилища и предложили командиру «Цербера» произвести рекогносцировку. Капитан, уже слышавший об их подвигах, охотно дал свое согласие, вверившись их опытности и ловкости. Решили,

что они поедут ночью в яlike с двумя матросами.

Американец начертил план атолла и обозначил места, где были заложены торпеды. Фрикэ вместе с матросами тщательно изучил этот план; и в десять вечера они отправились, сверяясь со звездами. Указания Голлидея были до такой степени точны и подробны, что Фрикэ сразу отыскал коралловый свод, прикрытый водою. Но Фрикэ не сунулся в него очертя голову, а велел лодке остановиться, осторожно взобрался на выступ утеса и ползком направился по кольцу атолла под тенью кокосовых пальм, кивавших своими перистыми верхушками.

Атолл казался необитаем. Глубокую тишину ночи нарушали только огромные крабы, шелушившие своими крепкими клешнями кокосовые орехи. Парижанин подался еще на несколько шагов вперед, изучая внимательным взглядом внутреннюю лагуну, освещенную каким-то странным фосфорическим светом.

Крепки были нервы у нашего парижанина, но и его на минуту приковало к месту зрелище, которое он увидел сквозь прозрачные воды лагуны.

Он произнес про себя:

— Вот тебе раз! Я чуть-чуть не угодил в самый вертеп негодяев. Однако то, что они делают, меня чрезвычайно интересует. Пойду и попрошу капитана дать мне такой же костюм, какой надет на этих господах. Тогда можно будет смешаться с ними, чтобы никто не заметил, и узнать во всех деталях, что и как.

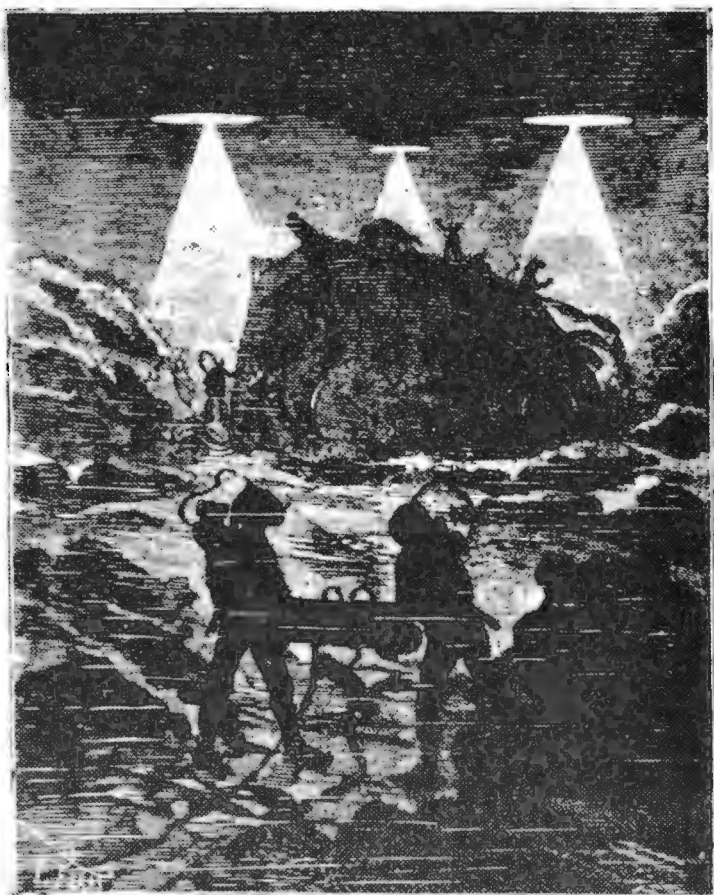
Фрикэ поспешно вернулся на «Цербер» и предложил капитану свой план действий, чему тот при всей своей британской флегматичности крайне удивился.

Весь штаб собрался на военный совет, на который пригласили также Фрикэ, Андрэ и доктора Ламперриера. После непродолжительного обсуждения приняли единогласно план, предложенный Фрикэ, и тут же решили, что парижанин и Князек опять поедут на атолл в период между приливом и отливом.

Около полуночи от корабля отделилась шлюпка с четырьмя гребцами, увлекая за собой под водой огромный металлический цилиндр.

Но где же парижанин и его «мальчуган», громадный чернокожий гигант? Их не было на шлюпке. В момент спуска последней на воду Андрэ, доктор, Пьер и Буало с волнением крепко пожали им руки. Через полчаса из корабельного люка вышли две чудовищно-неуклюжие

Он разглядел линии красивого корабля

фигуры с огромными сферическими головами, в которые вместо глаз вставлены были круглые стекла в медных ободках, ярко блестевшие в темноте. Шлюпка, медленно плывшая вдоль бронированного борта, остановилась, две фантастические фигуры сели в нее и крикнули гребцам: «Go ahead!» То были Фрикэ и Князек, надевшие на себя пробковые костюмы Рукайроля, усовершенствованные инженером Ватсоном. Молодым людям дали опасное поручение заложить в подводный грот

под лагуной огромную торпеду, которая должна была разнести весь атолл, обратить его в прах до самого основания.

Проследим действия Фрикэ с той минуты, как матросы остановили лодку у входа в пещеру.

Парижанин и негр осторожно выбрались из лодки, нырнули в воду, поймали торпеду и стали подталкивать ее в залитый водою проход, ведущий в пещеру. Они шли вперед осторожно, и зрелище, поразившее Фрикэ в первый его приезд на атолл, развернулось перед ними во всем блеске. По двойному дну атолла бежали люди в пробковых костюмах и деятельно работали над чем-то при свете огромного яркого фонаря. Чтобы этот свет не пробивался на поверхность воды, фонарь закрыли сверху большими экранами, которые направляли свет исключительно вниз, на дно атолла, где виднелась какая-то странная, бесформенная масса.

Понемногу перед Фрикэ яснее выступили очертания этой массы. Он разглядел изящные линии красивого корабля, затопленного на дне лагуны. Вокруг этого корабля и хлопотали люди в пробковых костюмах. Фрикэ сейчас же догадался, что это за корабль. Это был несомненно «Хищник», затопленный в лагуне капитаном де Вальпре, когда храбрая команда «Молнии» проникла в атолл. Ужасный корабль, казалось, насколько не пострадал, до того прочно и старательно был сделан. Так как он лежал на самом дне, на глубине около тридцати сажений, то деятельность кораллов его не коснулась: как известно, эти зоофиты не могут жить на такой глубине.

Парижанин сейчас же разгадал намерения бандитов. «Морской Властитель» закончил свое существование под выстрелами английских орудий, и у разбойников не осталось никаких средств ни для нападения, ни для обороны. Они видели, что теперь они в руках у преследующего их корвета. Тогда им вздумалось испытать последнее средство спасения — поднять, если можно, со дна останки верно служившего им некогда «Хищника». Мысль была очень верная. Если б их замысел удался, то положение их было бы не столь отчаянным.

Способ, с помощью которого они собирались поднять затопленный корабль, обещал несомненный успех. Фрикэ разглядел аппарат, который бандиты пустили в ход — аппарат исключительно простой и практичный.

То была так называемая водовоздушная цепь инженера Тоделли, блестящего итальянского офицера, гению которого наука обязана многочисленными полезными открытиями в области инженерного искусства.

Вообразите себе несколько труб из непромокаемого полотна пятидесяти метров длины и шестидесяти сантиметров в поперечнике. Каждая труба снабжена на концах бронзовыми трубками, которые могут завинчиваться посредством особой гайки или привинчиваться одна к другой, так что все трубы вместе могут составить цепь какой угодно длины.

Длина всего аппарата может доходить до тысячи и даже до двух тысяч метров, смотря по весу и размерам тела, которое желают поднять на воду. Цепь внутри абсолютно пуста. Ее прикрепляют одним концом к поднимаемой массе и затем обвивают несколько раз. Затем накачивают полотняные трубы воздухом из насоса. Цепь надувается и превращается в плавательный пузырь. Вес затопленного корабля разом становится меньше веса вытесняемой им воды.

Бандиты работали дружно и толково, работа быстро подвигалась вперед. Фрикэ увидел, что люди в пробковых костюмах привинчивают конец последней трубы к одному из ящиков с газом. Сжатый газ устремился в цепь и начал быстро наполнять ее.

Кузов уже начинал слегка приподниматься. К ужасу своему, парижанин увидел, что скоро весь корабль всплывет на поверхность воды. Мурашки пробежали у него по спине при мысли, что подводный корабль обретет прежнюю смертоносную силу, выйдет из лагуны и пробьет своим стальным носом бок «Цербера», неспособного защищаться против подобного нападения. Он сделал Князьку знак. Тот понял. Объединенными усилиями они втащили торпеду в темное береговое углубление и крепко привязали ее к выступу скалы, убедившись, что провод не порвался.

Два друга находились в это время у входа в галерею, в конце которой было некогда жилище капитана Флакхана. Вода, заливавшая галерею, не доходила на два метра до крепкой тиковой двери, о которую некогда сломался топор Андрэ. Парижанина осенила счастливая мысль:

— Если Боскарена нет среди людей, хлопчущих около корабля, то он наверняка за этой дверью. Нужно туда проникнуть во что бы то ни стало.

Фрикэ тихо выплыл из воды и, убедившись, что кинжал его находится при нем, с трудом направился вперед, едва переступая ногами, к которым были привязаны свинцовые подошвы. Он дошел до двери и постучал. Дверь отворилась, и молодой человек оцепенел, увидев в ее светлой раме Бланш, свою названую сестру.

При виде пробкового чудовища молодая девушка закричала и отшатнулась назад. Но Фрикэ не слышал ее крика, благодаря своему шлему. Молодая девушка дрожащими руками стала затворять дверь, но Фрикэ поспешно подставил ногу и помешал двери захлопнуться. Ему хотелось крикнуть ей:

«Бланш! Это я! Фрикэ! Мы хотим тебя спасти!»

Но у него не было сил. Его точно давил какой-то кошмар. Он не мог пошевелить ни языком, ни членами, сознавая, однако, всю опасность своего положения.

К счастью, он, наконец, пересилил этот необъяснимый припадок слабости и, сильно толкнув ногою дверь, написал на ней концом своего кинжала: «Фрикэ». Потом, схватив до смерти перепуганную девушку за руку, подвел ее к двери и указал ей на надпись.

Бланш прочла, поняла и, слабо вскрикнув, упала без чувств. Фрикэ протянул руки и подхватил ее. В это время появилось третье лицо тоже в пробковом костюме. Этот субъект вышел из-за портьеры, прикрывавшей дверь в соседнюю комнату. Увидев Фрикэ, он направился к нему, стараясь разглядеть его лицо через стекло наголовника. Вдруг взгляд его остановился на слове, написанном на дверях. Он разом понял все и, вынув кинжал, бросился на парижанина.

Застигнутый врасплох, Фрикэ, державший к тому же на руках молодую девушку, не имел времени подготовиться к обороне. Еще секунда — и все было бы кончено. Но Князек заметил движение бандита. Он схватил его за руку, повалил на землю и наступил ему на грудь своей тяжелой стопой.

Вся сцена, начиная с того момента, когда молодая американка отворила дверь, длилась не более трех минут. Оставалось бежать, не теряя времени, потому что бандиты с минуты на минуту могли поднять со дна свой корабль. Но как бежать? Вход в пещеру был залит водою. До отлива было еще долго. Как переправить молодую девушку под водой? Выбора не оставалось. Как-никак, а нужно было уходить.

Фрикэ решил прибегнуть к героическому, отчаянному

средству: пройти под водой, неся на руках молодую девушку.

Вдруг у него мелькнуло опасение: «А что, если она погибнет?». И две слезинки покатались у него из глаз под непромокаемым шлемом.

Он сделал Князьку знак и, подняв молодую девушку как можно выше, бесстрашно устремился в узкую галерею, вдоль стен которой плескалась вода. Князек, поглядев на поваленного человека, лежавшего на дне пещеры, подумал, что не мешает взять его в плен, и, подняв на руки, понес с собою, как тюк. В ту минуту, когда Фрикэ и Князек вступили в лагуну и собрались уже не идти, а плыть, они при свете электрической подводной лампы увидели какую-то массу, медленно поднимающуюся со дна. Свет в это время погас, но парижанин успел разглядеть кузов «Хищника», опутанный воздушной цепью, надутой водородом.

Вынуть кинжал и, проплыв мимо кузова, прорезать в нескольких местах непромокаемое полотно цепи было для молодого человека делом одной минуты. Газ, вытесняемый водою, с шипением устремился в прорези, и цепь вследствие неравномерного давления лопнула по всей длине. Лишенный поддержки, корабль снова опустился на дно, замутив вокруг воду, а Фрикэ под шумок уплыл как ни в чем не бывало.

По невероятно счастливой случайности он вдруг задел рукою за проволоку провода, соединявшего торпеду со шлюпкой. Он крепко схватился за провод, а матросы на шлюпке, не зная, чему приписать необыкновенную тяжесть торпеды, потащили проволоку на себя.

Молодой человек был в ужасном положении. Кузовом «Хищника» задело и повредило баллоны с воздухом. Он задыхался. Матросы принялись усиленно грести к «Церберу», Бланш начинала приходить в сознание, а Князек старался отвинтить шлем, под которым задыхался его несчастный друг.

Но вот подъехали к «Церберу». На корвете уже не чаяли их возвращения. Героев встретили громкими приветствиями. Доктор немедленно стал хлопотать около Бланш и полумертвого Фрикэ, а Князек тем временем стащил пробковый костюм со своего пленника.

О судьба! Пленник оказался Венсаном Боскареном! Он медленно открыл глаза. Все лицо его исказилось от бессильной злобы, когда он увидал Бланш среди друзей, а себя в плену на английском корабле.

Он знаком дал понять, что желает говорить, и попросил унтер-офицера помочь ему сесть. Когда тот поднял его под мышки, Боскарен вдруг вынул из-за пояса револьвер и выстрелил в молодую девушку с яростным криком:

— Говорил я: или мне, или могиле!..

Это было так неожиданно, что никто из присутствующих не успел помешать злодею.

За выстрелом послышался крик, но то кричала не мисс Бланш. Чье-то тяжелое тело рухнуло на палубу. Пуля попала в грудь мистера Голлидея, который имел неосторожность подвернуться.

Матросы набросились на убийцу, чтобы отнять у него револьвер. Предвидя, что его ждет, бандит обратил свое оружие против самого себя и выстрелил в висок.

В то же время послышался адский шум. Вдали поднялся громадный столб воды, освещенный бледноватым светом. Вокруг корвета заходили волны, с плеском ударяясь об его бронированный борт. Командир «Цербера» приказал взорвать торпеду, положенную в подводном гроте. Атолл взлетел на воздух. Динамит снес с лица земли неприступное гнездо бандитов моря.

Андрэ взял Бланш за руку и вложил ее маленькую ручку в сильную руку парижанина со словами:

— Будьте счастливы, милые дети!.. Борьба окончена. Враги уничтожены... Будьте счастливы, мои дорогие!

Молодые люди молчали. Они не в силах были говорить...

В это время на небе появилось бледное созвездие Южного Креста. Взволнованные неожиданно выпавшим на их долю счастьем, Бланш и Фрикэ долгое время сидели молча, следя, как это чудное созвездие разгоралось ярким светом.

— Дорогая Бланш! — воскликнул вдруг Фрикэ. — Помнишь ли ты такой же чудный вечер в Нанси четыре года тому назад? Мы с тобой подозвали цыганку и гадали о своем счастье. «Ваше счастье свершится, — сказала она, — но не здесь, а на чужбине, под далекой звездой». Вот она, эта далекая звезда, она над нашей головой, дорогая Бланш, посмотри, как она ярко светит!..

И молодой человек упал на колени, устремив глаза, полные слез, на блестящее созвездие Южного Креста.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ РОМАНОВЪ
ЛУИ БУССЕНАРА

ЛЕДЯНОЙ АДЪ

Переводъ А. Сергѣева

Издательство П. П. Сойкина
Спб., Стремянная ул., 12.
1911.

ЛЕДЯНОЙ АД

Часть первая

ПРЕСТУПЛЕНИЕ В МЕЗОН-ЛАФИТ

Глава I

Ужасный контраст.— Таинственное письмо.— Шантаж.— Пятьдесят тысяч франков или смерть.— Полицейский агент.— Княгиня ожидает.— Потерянная нить.— Дьявольская ловкость.— Лошадь без всадника.— Последняя угроза.— Зарезанный человек.— «Красная звезда».— Самоубийство.

Великолепное весеннее солнце. Первые апрельские ласточки с веселыми криками преследуют друг друга и, как безумные, кружатся в лазури неба. На деревьях раскрываются почки. В прохладном воздухе носится тонкий и нежный аромат весны... Хорошо жить на свете!

Да, хорошо жить в двух шагах от превосходного Сен-Жерменского леса, в прекрасных виллах, окаймляющих дорогу из Мезон-Лафита к древней королевской дубраве.

Несколько парижан, тосковавших по деревне и считавших за счастье укрыться там от суеты большого города, наслаждались поэтическим пробуждением природы. В числе их была семья Грандье, уже две недели как поселившаяся на вилле «Кармен».

Рассказ начинается 25 апреля в 8 часов утра.

Глава семьи, высокий и красивый мужчина лет сорока пяти, с непокрытой головой, потным лбом и багровыми щеками, нервно шагал по большой конторе, из окон которой были видны рощицы, лужайки ухоженного английского сада. На маленьком столике стояла нетронутая чашка с чаем. Забыв о ней, хозяин дома тяжело вздыхал, произносил бессвязные слова, стиски-

вал зубы и ломал пальцы. Видно было, что у него страшное горе.

Между тем в дверь постучали.

— Войдите!

Вошел слуга с подносом, на котором кипю лежали журналы, письма, газеты, и произнес:

— Ваша почта, месье.

— Хорошо! Благодарю, Жермен!

Едва слуга успел выйти, как господин наклонился над подносом, порывшись и нашел плотный квадратный конверт из толстой бумаги желтоватого цвета, на котором вместо печати была красная звезда с пятью лучами. При виде его он испустил глухой стон, побледнел еще больше и пробормотал прерывающимся голосом:

— Красная звезда!.. Ах! Я погиб... Это седьмое... Последнее!..

Нервные пальцы разорвали конверт, и оттуда выпало письмо. Пробежав его глазами, господин после минутного убийственного молчания глухо произнес:

— Денег!.. Хотят денег... Огромную сумму... а я разорен... Эта роскошь только показная... Они грозят умертвить моих детей!.. Дорогих, любимых... И сегодня последний срок!.. Но денег нет... и попытки вернуть их убили мой кредит, ускорили мое разорение... Вот!.. Я был добр, честен, доверчив. Теперь расплачиваюсь за это!

В то время как Грандые предавался своему горю, из соседней комнаты через открытое окно ворвалось несколько фортепьянных аккордов. В саду, в кустах, соловьи, малиновки, зяблики заводили свои трели. Бабочки упивались нектаром первых цветов. И очарование, разлитое везде в природе, составляло такой резкий контраст с отчаяньем бедного отца, что несчастный не мог удержаться от рыданий. Вскоре, однако, устыдясь своей слабости, он протяжно вздохнул и сказал вполголоса:

— Надо с этим покончить! — и порывисто нажал кнопку электрического звонка. Тотчас же явился слуга.

— Там есть кто-нибудь? — спросил господин Грандые.

— Да, какой-то человек дожидается уже добрую четверть часа!

— Просите его немедленно!

Вошел незнакомец. Это был молодой человек, среднего роста, с живым, проницательным взглядом.

— Это вы — агент, присланный полицейской префектурой? — спросил господин Грандье после короткого поклона.

— Да, сударь!

— Как поздно вы явились!.. С каким нетерпением я ждал вас!

— Был в отлучке и немедленно по получении депеши отправился к вам, не заходя даже домой.

— Вы меня спасете? Это в ваших силах?! Только говорите честно...

— Постараюсь сделать все, что возможно. Предупреждаю, однако, что буду состоять при вас в качестве официального лица, чтобы содействовать Версальскому суду, так как мы уже не в департаменте Сены!

— Ловки ли вы?.. Опытны?..

— Вы увидите это на деле; на всякий случай я приглашу еще двух товарищей. Но прежде познакомьте меня с сутью дела!

— Читайте это письмо: оно объяснит вам все!

Агент взял письмо, пощупал бумагу, взгляделся в почерк и прочел:

«Милостивый государь!

Пишу вам в седьмой раз. В седьмой — и последний: вы богаты, а мне нужны деньги. Это письмо как пистолет, направленный на вас. Выбирайте: кошелек или жизни!.. Пятьдесят тысяч франков, или я убью вас, умертвив прежде одного за другим всех членов вашей семьи.

Мне нужны эти тысячи, чтобы добиться успеха в Клондайке — стране золота, где энергичные люди становятся миллионерами в месяц-два.

Неделя, предложенная вам для поиска означенной суммы, истекла. Больше я ждать не намерен.

Не пытайтесь укрыться, вы всецело в моей власти! Я знаю все, что час за часом вы делали последние дни: ездили два раза в Версальский суд и раз в полицейскую префектуру, приказали охранять свой дом ночью и днем... Напрасно! Только выкуп, врученный мне сегодня же, спасет вас.

Вложите деньги в конверт и отдайте лицу, которое ровно в полдень покажется у опушки леса. В назначенный час мужчина в каштановой ливрее перейдет дорогу в десяти шагах от въезда в лес. Скажете ему: «Я — господин Грандье». Он ответит: «Княгиня ожидает», — и примет конверт. (Некто в ливрее — не соучастник мой и даже не ответствен за свою роль, это наемник, считающий себя доставителем политической почты — арестовывать его бесполезно.) Предупреждаю, если не выполните мои условия, нынешней же

ночью совершится убийство: я готов уничтожить человека так же легко, как раздавить улитку,— у жертвы будет перерезано горло от уха до уха, а на левом виске окажется моя эмблема — красная звезда.

Примите к сведению!»

— Ну, каково? — спросил несчастный Грандье.

— Думаю,— отвечал с важностью агент,— что все сводится к простому шантажу!

— Но эти страшные угрозы, повторяемые каждый день в течение целой недели?

— Шантаж! Красные звезды, бумага неупотребительного формата, сильные выражения — все это не больше, чем дешевый спектакль. Вы имеете дело с простым мошенником, которого мы и поймаем. Другого не могу предположить!

— А если...

— Я отвечаю за все. Никто не будет убит. Об убийстве не кричат за целых двенадцать часов вперед!

— Что же делать?

— Вложите в конверт пятьдесят фальшивых билетов и отправьтесь в полдень на свидание с человеком в ливрее. Остальное — мое дело!

Уверенность полицейского ободрила Грандье; он начал оживать. Между тем агент продолжал:

— Теперь девять часов. У меня хватит времени, чтобы переодеться и связаться со своими помощниками. Не волнуйтесь! Мы спасем вас! Это так же верно, как то, что мое имя Жерве!

Агент удалился, уверенный в успехе.

В назначенный час господин Грандье находился у опушки леса. Он заметил только верхового, по-видимому, внимательно изучавшего план леса. На мгновение этот всадник кинул незаметный взгляд в его сторону, и Грандье скорее угадал, чем узнал в нем полицейского агента. Несколькими шагами далее какой-то субъект в коротком пиджаке и переднике пил что-то из стакана у прилавка с винами; там же остановился железнодорожный служащий, державший под мышкой небольшой пакет, похожий на почтовую посылку. Все трое, казалось, совершенно не знали друг друга.

С замиранием сердца господин Грандье услышал первый удар часов, бивших в полдень. Он пошел по дороге в лес и увидел человека в ливрее, пересекавшего путь. Приблизился к нему и проговорил:

— Я — господин Грандые!

— Хорошо! Княгиня ожидает! — ответил тот.

Не прибавив ни слова более, Грандые вручил ему письмо. Незнакомец вежливо поклонился, опустил конверт в карман и стал быстро удаляться.

Между тем всадник успел уже сложить свою карту и очень ловко объехал таинственного посланника: известно, что самый верный и оригинальный прием выследить кого-нибудь — находиться впереди него. Железнодорожный служащий и таинственный субъект следовали за незнакомцем на недалеком расстоянии, готовые в любую минуту броситься на него. Тот же шел уверенным шагом, с видом человека, имеющего спокойную совесть и достаточно средств к жизни. Скоро он достиг перекрестка двух дорог. На одной из них стоял лесник, держа за повод лошадь. Незнакомец остановился, обменялся с ним несколькими словами, потом вскочил в седло и помчался с быстротою поезда.

Жерве предвидел этот маневр и, пока его помощники стояли в замешательстве, прищипорил своего коня, чтобы догнать беглеца. Последний, казалось, не мог ускользнуть от превосходного наездника, обладавшего к тому же великолепным иноходцем. Тем временем Шелковая Нить и Бабочка — двое переодетых полицейских — занялись подозрительным лесником.

Они следили за ним и видели: он направился к одной из решеток, какими отделяют охотничьи участки, и минут десять шел вдоль нее, пока не остановился перед маленькой железной дверцей, сделанной в изгороди. Потом быстро отпер дверь ключом, проскользнул в нее, опять запер и скрылся во рву.

Одураченные агенты двинулись вперед и приблизительно через полчаса вышли на совершенно пустынную лесную дорогу.

— Постараемся сориентироваться и определить, где мы находимся! — сказал Бабочка, вынимая из кармана план леса.

Неровный лошадиный галоп отвлек его внимание и заставил поднять голову от карты. Его товарищ уже насторожился. Прямо на них скакала лошадь, вся покрытая пеной, повод был накинут ей на шею, а стремяна болтались по бокам. Инстинктивно они бросились на перерез, цепляясь за гриву обезумевшего животного. Но, остановив его, сами остановились как вкопанные: конь Жерве!

Господину Грандые понравился полицейский агент, хладнокровие которого невольно внушало доверие. Он забыл беспокойство, мучившее его целую неделю, лег рано в постель и первый раз за все восемь дней уснул крепким сном. В шесть часов утра его разбудил шум голосов — лакей разговаривал с садовником, исполнявшим в то же время должность привратника:

— Я говорю вам, Жермен, что письмо заказное и его нужно передать господину во что бы то ни стало. Так требовал человек, чуть не оборвавший звонок.

— Подайте сюда почту, Жермен, подайте! — сказал Грандые, уже предчувствуя катастрофу. Ледяной холод проник в грудь: он заметил красную звезду, напечатанную на толстом конверте из желтой бумаги. Лихорадочно разорвав пакет, несчастный прочел следующие строки, ходившие ходуном перед глазами:

«Вы обманули меня! Чтобы побудить вас к повиновению, я совершил этой ночью убийство, как и предупреждал. Отправляйтесь на улицу Сен-Николя — увидите там мертвеца с моей печатью на левом виске. Завтра в полдень доставите мои пятьдесят тысяч франков, или ваш сын погибнет будущей ночью.

— Знайте — я держу свое слово!»

Поспешно, сам не сознавая, что делает, господин Грандые оделся и бросился по указанному адресу... Улица Сен-Николя... Взволнованные прохожие суешили. Растрепанная женщина что-то душераздирающе кричала. Во дворе — беспорядок и отчаянье.

Жандарм прибежал в момент, когда Грандые, не понимая, что делает и говорит, вошел в дом и произнес задыхающимся голосом:

— Я хочу видеть... труп!

Толпа расступилась, и он вбежал в комнату, где рыдали какие-то люди. На постели, обгазированной кровью, лежал зарезанный, с широко раскрытыми остекленевшими глазами. Страшная рана пересекала его горло от одного уха до другого.

Похолодев от ужаса, но словно влекомый неведомой силой, Грандые наклонился над этим застывшим лицом...

Левый висок исполосован ножом... Линии разрезов изображали пятилучевую звезду...

— Красная звезда... — пролепетал через силу Грандые. — Я также... должен умереть!

Он оставил комнату, толкая встречных, и спешно

возвратился на виллу «Кармен»; вошел, задыхаясь, в кабинет и заперся там, потом, без всяких размышлений и выжиданий, взял лист бумаги и трепещущей рукою написал:

«Разоренный, доведенный до отчаянья, не имея возможности удовлетворить требования бандитов, умираю, завещаю детям мщение.

Ш. Грандье».

Перечитав эти строки, он склонил голову, открыл ящик бюро и вынул револьвер. Затем приставил его к виску и решительно, без тени колебания, спустил курок.

Глава II

Два друга. — Ученый и репортер. — Поль Редон и Леон Фортен. Как теперь убивают. — Кое-что о морских свинках. — Чудесное открытие. — Тайна золота. — Новый металл. — Леон Фортен хочет, чтобы то ни стало иметь пятьдесят тысяч франков, чтобы стать царем золота. — Арест.

— Редон, дружище! Тебя ли я вижу? Вот приятный сюрприз! — вскричал Леон Фортен, увидя входившего к нему в лабораторию приятеля. Тот, в свою очередь, радостно приветствовал его.

Поль Редон был журналистом, или, вернее, репортером, но репортером высшего класса. Он обладал даром разведчика и писателя, ловкостью и чутьем, вызывавшим зависть самых опытных полицейских. Имея небольшое состояние, Поль работал, когда хотел, и получал большие деньги от самых известных парижских журналов, ценивших его работы на вес золота.

Это был красавец лет двадцати с темными волосами и бородой, с матовым, как у креола, цветом кожи и голубыми глазами, острыми и проницательными.

Натренированный, склонный к иронии, донельзя отважный, Редон имел две оригинальные слабости: он всегда зяб, кутался целый год в меха, приходил в ужас от сквозняков, и не пропускал ни одного объявления о новооткрытом средстве, исцеляющем какой-либо недуг, поскольку вбил себе в голову, что страдает сразу всеми хроническими болезнями.

С Фортеном они подружились еще детьми в заведении св. Барбары. Будучи одних лет со своим другом

репортером, Леон Фортен совершенно не походил на него.

Этот здоровяк с широкими плечами и могучей грудью состоял как бы из одних мускулов. Прекрасная и гордая голова его напоминала маски старых галлов. От предков достались ему в наследство большие, цвета морской волны, глаза, изящно обрисованный нос, выразительные губы. Сильный и смелый, не потерявший, казалось, хладнокровия даже при ниспровержении небес, он обладал почти детской мягкостью и добротой, привлекавшей к нему все сердца. Говорили, что Леон Фортен замечательный, может быть, даже гениальный ученый. Открытия его наделали много шума. Вся жизнь молодого исследователя была сосредоточена на работе.

— Скажи же, что привело тебя в сию обитель пробирок и реактивов? — шутя спросил он приятеля.

— Помилуй, неужели не знаешь, что в двух шагах от тебя совершено преступление?

— Преступление?! Здесь?!

— Представь! Я видал за время своей репортерской карьеры много убийств, но там были мотивы...

— А тебе известно, кто жертва?

— Да, погиб невинный человек, не имевший даже врагов; убит по каким-то необъяснимым побуждениям... я сказал бы даже — из любви к искусству.

— Странно, — произнес Фортен задумчиво и печально, — как нынче мало ценят человеческую жизнь! Убивают, кромсают людей ни за что... не зная их... Для некоторых пролить кровь им подобного значит то же, что для меня — кровь бедных морских свинок!

— А ты все еще мучишь морских свинок?

— Увы, да, мой старый филантроп!

— Но покажи, что ты прячешь на этом столе!

— Изволь! Видишь эти опилки? Я произвожу теперь опыты над новым металлом, открытым мною благодаря периодическому закону элементов великого русского химика Менделеева. Этот металл обладает способностью притягивать к себе золото, как магнит железо. Понимаешь, что будет, если из него сделать компас? Неоткрытые сокровища Клондайка, Юкона, Аляски — все золото мира будет принадлежать мне! Я назвал свой металл «леоний». Ну, что скажешь?

— Я восхищен твоим открытием!

— Теперь мне очень нужны пятьдесят тысяч фран-

ков. Необходимо начать широкомасштабные исследования лезния, получить в достаточном количестве чистый металл и потом организовать под большим секретом экспедицию в Клондайк.

— Вот что мне особенно по душе!

— Но под эти работы я не могу найти ни единого су. При словах «пятьдесят тысяч франков» французские магнаты падают в обморок.

— О!.. Непроходимая глупость нашей буржуазии!

— В Америке, где обращаются с деньгами не так идиотски, я имел бы уже тысячи долларов!

— Да, наша французская бережливость придерживается еще старого шерстяного чулка!

— В отчаянье я отправился на виллу «Кармен» к богатому промышленнику Грандье, которого считал другом прогресса. Он рассеянно выслушал, а когда я попросил пятьдесят тысяч франков, попросту указал мне на дверь, назвав меня сумасшедшим. Правда, я изложил дело несколько запальчиво, даже резко и только впоследствии вспомнил, что богач имеет права на мое уважение.

— Как это?! Какие права?

— Маленькая тайна, которую узнаешь потом!

— Ну, если Грандье имел глупость отказать, от кого-нибудь другого, ручаюсь, ты получишь нужную сумму. И в скором времени!

Тяжелые шаги, сопровождаемые бряцаньем шпор, прервали беседу.

— Здесь! — донеслось у самого порога маленькой лаборатории.

— Он страшно силен, — предупредил кто-то.

Два раза громко постучали.

— Войдите! — разрешил молодой ученый.

Дверь отворилась, и показался жандармский унтер-офицер. Он, не кланяясь, приблизился к Фортену и строгим голосом спросил:

— Вы — Леон Фортен?

— Да!

— Именем закона вы арестованы!

— Я? Но это бессмыслица!.. В чем же меня обвиняют?

— В том, что вы убили человека по имени Мартин Лефер, проживавшего по улице Сен-Николя!

При этом чудовищном обвинении из груди Леона Фортена вырвался крик:

— Именем закона вы арестованы!

— Я?! Убийца?!

— Молчите и повинуйтесь, в противном случае...

Поль Редон сделал было попытку вмешаться, но жандарм скользнул взглядом по закутанному в меха человеку, которого видел утром вблизи места преступления, и отчеканил:

— С вами я никаких дел не имею! Фортен Леон, следуйте за мной!

— Я не оставляю друга! — сжимая кулаки, заявил Редон.

Вышли все вместе.

Глава III

Тягостный путь.— Истинный друг.— Перед судом.— Вопросы.— Цветы обвиненного.— Дама в голубом.— Донесение агента.— «Это вы — убийца!»

На улице полиция с трудом сдерживала шумную толпу. При виде Поля и Леона раздался дикий рев.

— Убийцы!.. Вот они, негодяи!.. Бандиты! Смерть им!.. Смерть убийцам!

Вопли, проклятия долго преследовали молодых людей.

Наконец, они прибыли в мэрию. Там уже находились следователь и товарищ прокурора Республики, приехавшие из Версаля, а также мировой судья из Сен-Жермена.

Редон нежно обнял своего друга и прошептал несколько слов утешения.

— Ну, довольно! — положил конец их беседе жандарм.

Редон был знаком с ними со всеми, а с магистром находился в наилучших отношениях. Он живо отвел в сторону своего знакомого и шепнул на ухо:

— Поверьте, вы страшно заблуждаетесь; даю честное слово, что Фортен невиновен!

— Я очень бы желал этому верить, но мы арестовали его, имея важную улику!

— Какую же?

— Этого я не могу сообщить.

— Хорошо, но дадите мне возможность расследовать дело?

— Охотно.

— И разрешите свободный доступ в дом, где совершено преступление?

- Это можно.
- Благодарю. Я не останусь в долгу!
- Советую вам не горячиться, чтобы не впасть в ошибку и не повредить делу.
- Еще раз благодарю.
- Через два часа, после завтрака, мы будем допрашивать обвиняемого. Вы придете?
- Да, до свидания.

В зале остались только трое судей, писарь, жандармский унтер-офицер и Леон Фортен.

Следователь приказал жандарму удалиться в коридор и не впускать никого, потом учтиво предложил задержанному сесть и приступил к одному из тех ужасных допросов, которые числом вопросов, неожиданностью и странностью их постановки приводят в замешательство и людей совершенно невиновных.

— Фортен, Леон-Жан, 26 лет, доктор наук, преподаватель парижского университета Сорбонны, получает содержания сто пятьдесят франков в месяц, живет у родителей в Мезон-Лафит, ездит по делам своей профессии три, четыре, иногда пять раз в неделю в Париж, имеет абонементный билет третьего класса Западной железной дороги.

Пока писарь заносил эти сведения на бумагу, следователь впился глазами в Фортена и спросил его:

— Знаете вы господина Грандье?

При этом вопросе Фортен явно покраснел и в замешательстве отвечал:

— Да, я знаю господина Грандье... но очень мало... Я с ним говорил один раз... при затруднительных... или, скорее, смешных для себя обстоятельствах.

— Сообщите, пожалуйста, эти обстоятельства.

— Охотно, так как это свидание не оставило во мне ни стыда, ни упрека. Я — изобретатель. Нуждаясь в большой сумме для работы, которая должна произвести экономический переворот в целом свете, я ходил на прошлой неделе просить денег у господина Грандье.

— Сколько? — спросил небрежно следователь.

— Пятьдесят тысяч франков!

Услышав такой ответ, судейский чиновник слегка повел глазами и закусил губы, как человек, начинающий убеждаться в справедливости своего предположения.

— Итак, вы хотели занять пятьдесят тысяч франков у Грандье?

— Да, хотя эта попытка оказалась величайшей из глупостей, когда-либо сделанных мною!

Тогда следовательно перешел к другому.

— Где вы были вчера в полдень?

— В лесу.

— Когда завтракаете?

— В двенадцать часов, так что я должен был бы находиться в это время дома, но вернулся, против обыкновенного, только к часу.

— Зачем же вы изменили привычке?

— Я шел своей обычной дорогой, как вдруг увидел взмыленную лошадь без всадника. Пытаясь ее остановить... был отброшен и сбит с ног.

— В котором часу это случилось?

— В четверть первого.

— Когда же вы могли вернуться к родителям?

— Для этого потребовалось бы около десяти минут.

— Почему же вы вернулись через час?

Вторично Леон Фортен покраснел и обнаружил волнение.

— Отвечайте мне с полной откровенностью, — прибавил следовательно, — скажите всю правду!

— Уверяю, что занимался делом, абсолютно чуждым печальному предмету, о котором мы говорим.

— Я забочусь о ваших же интересах!

Фортен, сделав над собой усилие, начал:

— Хорошо! В тот момент, когда встретила лошадь, у меня был букет из фиалок и первоцвета... Имея свободной одну только руку, я не смог удержать лошадь. Букет очутился под копытом. Пришлось набрать свежих цветов.

В ответ на это следовательно иронично улыбнулся, слегка пожав плечами.

— Можете сказать, кому предназначались эти цветы?

— Нет, — возразил с твердостью Леон, — не могу и не хочу!

— Подумайте, к каким последствиям может привести ваше стремление недоговаривать детали столь маловероятной истории!

— Это мой секрет, и вы его не узнаете!

— Как угодно... Встретили вы кого-нибудь по дороге?

— Никого... или — не обратил внимания ни на кого. Может быть, прошел даже мимо нескольких человек, не заметив их!

— Однако вас видели!

— Возможно: я не прятался. Впрочем, видевшие меня могут подтвердить справедливость моих слов.

— Да, без сомнения, но не всех!

Следователь наклонился к писцу, после чего тот положил перо и быстро вышел, а через несколько минут вернулся в сопровождении Шелковой Нити и Бабочки, двух помощников Жерве, все еще одетых один рабочим, другой — служащим в Западной компании.

— Узнаете вы этого господина? — обратился безо всяких обиняков следователь к Бабочке.

— Да, я встретил его вчера в лесу, когда мы пытались остановить коня Жерве. Мой товарищ, Шелковая Нить, поймал-таки скакуна и поехал на нем в Мезон-Лафит, я же возвращался пешком, когда заметил господина, находящегося теперь перед вами. Он привлек мое внимание тем, что шел быстро и казался взволнованным, но особенно меня поразила его запачканная пылью одежда и помятая шляпа. Удивленный исчезновением своего начальника, я искал тому причины и, увидя незнакомца, так мало походившего на гуляющего, принялся его выслеживать.

Этот господин достиг Мезон-Лафита, и я видел, как он шел вдоль решетки богатой виллы, затем остановился и положил за столбом букет, который держал в руке. Следуя за ним на расстоянии почти двухсот метров, мне удалось заметить очень элегантную фигуру дамы в голубом, под белым зонтиком, которая торопливо взяла букет.

— Известно вам название этой виллы?

— Оно обозначено золотыми буквами на мраморной доске, находящейся над главным входом, — вилла «Кармен»!

— Ну-с, господин Фортен, хотите что-нибудь сказать? — спросил с иронией следователь.

— Скажу, что это показания шпиона, которому нечего здесь делать! — ответил раздраженный молодой человек. При слове «шпион», неосторожно сорвавшемся с языка Леона, полицейский агент побледнел и бросил на него гневный взгляд.

По знаку следователя он продолжал:

— Я шел за господином до самого его дома и узнал, кто он такой. Потом мы занялись Жерве, которого обнаружили вечером того же дня в Сен-Жерменском госпитале в отчаянном положении. Он не узнал нас

и не мог дать никаких указаний относительно нападения на него.

— Вы продолжаете думать, что здесь было преступление, а не случайность?

— Преступление, утверждаю! Кроме того, заявляю, что этот молодой человек, занятый в лесу собиранием маргариток и находившийся так близко от места преступления, имеет к нему какое-то отношение.

Тут Леон Фортен потерял свое обычное хладнокровие и порывисто вскричал:

— Что же такое случилось?! Вы арестовали меня без всякого основания, под предлогом, что я собирал цветы в лесу! И ваша совесть, господа, не возмущается?! Вы допускаете, что человек, вся прошлая жизнь которого — работа и честность, может сделаться преступником в один день! Это чудовищно!.. Я протестую!

В ответ следователь молча вынул из кармана небольшой пакет, завернутый в газетную бумагу, потом надорвал его и открыл маленькую книжку, снабженную карандашом и каучуковой тесьмой.

— Узнаете? — спросил он ледяным тоном.

— Да, книжка принадлежит мне! — отвечал Фортен без малейшего колебания. — Я потерял ее вчера, вероятно, в лесу, когда был сбит с ног лошадью.

— Так! А может, вы объясните происхождение кровавых пятен на переплете и некоторых листках?

— Очень легко: я изучаю на морских свинках новое анестезирующее средство и, когда произвожу вивисекцию над маленькими животными, заносу наблюдения в книжку. Я работаю быстро, рук не мою в это время и не могу, таким образом, избежать пятен на страницах.

— Вы лжете и нагромождаете обман на обман!

— Я говорю правду!

— Мотив ваших преступлений — непомерное честолюбие: просили пятьдесят тысяч франков у Грандье, он отказал... Тогда вы подвергли этого несчастного шантажу и страшным угрозам, доведшим его до самоубийства.

— Я!.. Шантаж... но это клевета!

— Молчите! У нас в руках ваши письма. Чтобы запугать Грандье и покорить его своей воле, вы совершили убийство на улице Сен-Николя.

— Мои письма!.. Мои письма, — пробормотал Фортен. — Я никогда не писал Грандье!

— Да, письма с красною звездой, почерк которых поразительно напоминает ваш. А эта книжка для заметок? Вы не в лесу ее потеряли... Знаете, где она была найдена? У постели жертвы на улице Сен-Николя!

Глава IV

Редон принимается за дело.— Первые признаки.— Труд паук.— Западня. — Это — англичанин.— Луч света.— Возвращение в Париж.— По телефону.— Удар ножом.

Допрос продолжался еще долго. Измучив Леона Фортена, следователь вырвал из него только негодующие возражения. Затем весь судебный персонал часа два завтракал с аппетитом, который ничуть не уменьшили утренние волнения. Полю Редону тем временем было не до еды. Он помчался к месту преступления. Все хозяйство убитого состояло из маленького домика, расположенного между двором и садом, прачечной, каретника и дровяного сарая, упиравшегося в забор, и занимало около ста двадцати квадратных метров. Строения и забор находились в плохом состоянии, видно было, что хозяин не заботился об их поддержании. Покойный был мужчина за пятьдесят лет, избегавший общества и слывший скупым; с ним жила старая глухая ключница. Близ трупа, строгий и трагический силуэт которого обрисовывался под запятнанным кровью одеялом, дежурила монахиня.

Репортер прежде всего тщательно осмотрел наружную сторону ограды. Его внимание остановилось на кусочках черепицы, валявшихся на земле, — она упала с верхней части стены. Под лестницей, приставленной со стороны сада, видны были следы ног — свежие и отчетливые.

«Здесь убийца перелез через ограду! — подумал репортер, изучая отпечатки обуви. — Стена не выше двух с половиной метров, и он мог соскочить с нее без всякой опасности».

Полю еще утром решил, что убийца перебрался в дом, разбив стекло террасы, но тогда не заметил ни малейшего повреждения окон. Теперь он был внимательнее. Оказалось, что одно стекло очень искусно вырезано. Редон покачал головой и пробормотал:

— Чистая работа! Не обошлось без смолы и алмаза.

Он был почти уверен: преступник, размягчив предварительно смолу, прилепил ее на середину стекла, а по бокам, по периметру рамы, прошелся алмазным резцом. Потом левою рукою схватился за кусок смолы, а правой легонько ударил — стекло отделилось без всякого шума и не упало благодаря крепко державшей его смоле.

Редон скоро нашел и самое стекло, стоявшее вдоль стены, под окошком, почти совсем скрытое кустом ревеня.

Он поднял его и осмотрел, обнаружив работу опытного мастера. Затем взгляд остановился на двух темных, слегка волнистых волосках длиной по крайней мере в пятнадцать сантиметров, приставших к смоле. В голове сразу промелькнуло: «Человек, вынувший стекло, имеет длинную бороду. В моих руках парочка существенных уликов — крайней необходимо получить отпечаток следов!»

С этой мыслью он вышел из ограды и сказал дежурному жандарму:

— Вернусь через минуту... Дайте, пожалуйста, адрес гипсовой лавки.

Получив адрес, наш сыщик-репортер помчался в лавку, купил полмешка гипса, взял лопату и бегом вернулся назад. Накачав у колодца воды и отыскав в прачечной маленькую кадуюшку, он принялся растворять гипс, не обращая внимания на брызги, летевшие во все стороны.

Когда раствор приобрел известную густоту, он наполнил им обе выемки, образованные ногами ночного посетителя. Заинтересованный жандарм, переставший уже считать помешанным элегантного молодого господина, подошел к нему и сказал:

— Хитрец же вы, сударь. Полагаю, эти куски будут иметь в суде немаловажное значение.

— Согласитесь письменно удостоверить тождество их со следами?

— Конечно, как и все, что вам удастся открыть здесь для выяснения дела!

— Благодарю! Вы — благородный человек!

Пока гипс затвердевал, Редон отправился в комнату, где лежал труп. Он почтительно раскладывался с монахиней, читавшей молитвы над покойником, объяснил ей причины своего визита и приступил к осмотру жилища.

Внутри, как и снаружи, оно не отличалось привлекательностью: везде лежала пыль и тянулась паутина. Одного из ткачей-пауков репортер увидел в складках занавеса, отделявшего кровать от комнаты. Тот заботливо исправлял невесомую сеть, очевидно, недавно подпорченную. Может быть, в момент преступления убийца наклонился над кроватью несчастного, а потом быстро выпрямился и порвал паутину?

Редон попробовал даже воспроизвести эту сцену и нашел, что злоумышленник должен быть одинакового с ним роста.

Осмотр мебели и пыли не дал никаких результатов. Репортер собирался уже уходить, как вдруг нога его наступила на что-то твердое. Он наклонился и поднял пуговицу, простую пуговицу от панталонов. Без сомнения, она была с силой оторвана, так как при ней остался кусок материи. Сама по себе пуговица была широкая, очень крепкая, имела особенную форму и надпись «Барроу Т., Лондон», — очевидно, имя портного и его местожительство.

— Итак, — сделал заключение Редон, — ночью или утром здесь находился мужчина, заказывающий свои костюмы в Лондоне. Не думаю, чтоб это был кто-нибудь из судейских или мой бедный Леон... Черт возьми! Что, если убийца — англичанин? Надо посмотреть гипс!

Он крепко завязал в уголок носового платка пуговицу и быстро спустился в сад. Гипс был тверд как камень. С бесконечными предосторожностями Редон разрыхлил землю, не жалея ногтей, и скоро в его руках очутились два великолепных отпечатка, воспроизводивших с замечательной точностью все детали подметки — ботинки были английской работы, а нога — длинная, плоская и узкая, словом, характерная нога англичанина.

Репортер торжествовал. В его руках находилась уже нить к разгадке преступления.

— Если это англичанин, — говорил он, потирая руки, — искать его можно только в округе Сен-Жермен... Итак, живее туда!

Не теряя времени, он направился к извозчику за каретой, а пока запрягали, стряхнул пыль и постарался привести в порядок свой туалет. Заботливо отчистив известку, он нашел еще минуту сочинить следующую записку товарищу прокурора:

«Не имею возможности присутствовать при допросе. Я напал на след. Завтра подробности к вашим услугам. Берегитесь ловушки!

Ваш Редон».

По прибытии в Сен-Жермен наш следователь первым делом решил обойти все отели, начиная с самого шикарного, «Павильона Генриха IV».

Появление в знаменитом отеле известного журналиста вызвало любопытство служебного персонала. Поль отвел директора в сторону и, дружески пожав руку, торопливо спросил:

— Не остановился ли у вас джентльмен приблизительно такого же роста, как я, с длинной темной бородой? По-видимому, англичанин.

— У нас был только один англичанин, подходящий к вашему описанию, но...

— Он уехал?

— Да, три часа тому назад!

— А, черт возьми!.. И не оставил адреса?

— Он отправился, насколько я мог догадаться, в Лондон!

— Не можете ли вы по крайней мере назвать его?

— Охотно: Френсис Бернетт. Он прибыл из Индии и останавливался здесь только на две недели.

— Благодарю! Как досадно, мне крайне необходимо было встретиться с ним. Но, может быть, я могу видеть того, кто прислуживал ему?

Такому важному клиенту, как Поль Редон, неловко было отказать. Директор велел позвать Феликса и предоставил его в распоряжение репортера. Редон вынул из кармана два луидора, опустил их в руку слуги и сказал:

— Вы знаете, Феликс, у людей иногда являются странные фантазии.

— О, господин волен иметь фантазии, какие ему заблагорассудится!

Репортер продолжал легкомысленно, хотя сердце вырывалось из груди:

— Сегодня утром мне попалась пуговица в таком месте, где она не должна быть... Я подозреваю, что владелец ее — господин Бернетт...

Лакей улыбнулся и наклонил голову, как человек, привыкший понимать все с полуслова.

— И мне думается, Феликс, — прибавил Редон, —

что профессиональная тайна не мешает вам сообщить, насколько основательны мои подозрения. Впрочем, вот и само доказательство.

Он развязал уголок своего платка, вынул оттуда пуговицу и показал слуге, который сейчас же ответил:

— Вы правы: пуговица от одежды господина Бернетта. С надписью «Барроу Т., Лондон». Утверждаю с тем большей уверенностью, что сегодня утром господин Бернетт просил меня пришить к его панталонам точно такую же.

Эти слова чуть не свели с ума Редона, но он сдержался и произнес, наполовину смеясь, наполовину сердясь:

— Вот видите, какой плут сей англичанин. И выглядит, верно, хуже меня?

— Еще бы! Ему около сорока лет, высок, напоминает боксера и носит дымчатые очки...

— Так он уехал?

— Да, сударь!

— И забрал свои сундуки, чемоданы?

— Чемоданы и три английские ивовые корзины, покрытые просмоленным полотном.

— Хорошо, благодарю!.. Держите, Феликс! — сказал Поль, вручая третий луидор слуге, рассыпавшемуся в благодарностях.

Узнав все, что было нужно, Редон вышел из «Павильона» и помчался на станцию. Поезд только что отошел, пришлось около получаса дожидаться другого. Кстати, репортер вспомнил, что, кроме чашки чая, у него ничего не было во рту целый день, а время близилось к четырем часам. Он съел два сэндвича, выпил стакан малаги, выкурил сигару и вскоре покати́л в Париж. Пятьдесят минут спустя поезд остановился на станции Сен-Лазар. Справедливо полагая, что путешественники, едущие из Сен-Жермена, редко сами заботятся о багаже, он опросил сейчас же всех носильщиков, не принимали они вещей у владельца трех ивовых корзин. Никто такого не видал. Редон, памятуя, что терпение — необходимая принадлежность всякого следователя, продолжал расспрашивать всех подряд, щедро давал «на чаек» и в конце концов выяснил, что господин высокого роста с бородой, похожий на англичанина, вышел на станции, но только с двумя корзинами.

— Это он! — сказал себе Редон. — Но где же третья корзина?.. А!.. В кладовую!

При помощи денег, открывающих все двери, он проник в кладовую и сейчас же узнал корзину. Сомневаться было невозможно, на ней значился адрес: Френсису Бернетту, Лондон.

«Однако я играю сегодня счастливо, — подумал репортер. — Теперь — к телефону!»

Он вошел в телефонную будку и позвонил.

— Прошу соединить с Версальским судом!

Прошло несколько минут.

— Кто вы?

— Поль Редон, журналист. А вы?

— А! Это Редон! А я прибыл из Мезон-Лафита с нашим пленником... Он упорствует... но он виновен... Не пытайтесь что-либо сделать в его пользу...

— Убийца, мой дорогой прокурор, англичанин по имени Френсис Бернетт, и завтра я докажу вам это. А пока прикажите задержать сундук, принадлежащий сэру Бернетту и находящийся в кладовой на станции Сен-Лазар. Затем рекомендую навести справки во всех отелях и арестовать этого Бернетта, приметы которого сообщаю. Наконец, хорошо бы еще приказать охранять станционные выходы. Ответственность за все беру на себя; а что касается моего бедного Фортена, то не пройдет и трех суток, как вы первый заявите о его невиновности. До завтра! В девять часов я буду в Версале.

— Но, Редон, вы с ума сошли!

— Сделайте то, что слышали, и будете благодарить меня на коленях... На коленях! Прощайте!

После этого Редон возвратился к себе, наскоро привел в порядок костюм и пообедал.

Вечером побывал в нескольких редакциях и к часу вернулся на улицу Ларошфуко, где занимал домик, расположенный в саду. Отослав кучера, он позвонил, вошел, произнес свое имя перед сторожкой, и... тут на него набросился какой-то человек. Блеснула сталь, — лезвие кинжала с поразительной быстротой погрузилось в тело. Он почувствовал сильную боль в груди, потом ледяной холод. Кричать Редон уже не мог, хотя в мозгу его перед потерей сознания пронеслась мысль: «Бедный Леон! Кто за тебя заступится?»

Глава V

Брат и сестра у родителей обвиняемого. — Мадемуазель Марта. — Удивление жителей. — Следователь и его помощник. — Известие об убийстве Поля Редона. — Что заключалось в таинственных чемоданах.

Погребение Мартина Лефера и Грандые происходило в один день и час, в присутствии множества народа. У первого не было родных, одна ключница шла за гробом. А останки второго сопровождали сын и дочь, оставшиеся сиротами без всяких средств к существованию. Сын, едва достигший шестнадцатилетнего возраста, воспитывался в Парижском лицее и теперь шел за гробом с измученным лицом, задыхаясь от рыданий. Дочь была на два года старше. Она машинально двигалась за процессией, вся закутанная крепом, и никак не могла поверить, что обожаемый ею отец и лежащее человеческое тело с простреленным черепом — одно и то же.

По окончании печальной церемонии, когда посторонние разошлись, сироты также покинули могилу. Молодая девушка сказала несколько слов брату, на которые он ответил кивком головы, потом взяла его под руку, и они направились не на виллу «Кармен», а в город и, к удивлению всех, вошли в дом Леона Фортена.

Убитые стыдом и горем, старики безмолвно ответили на их поклон.

Девушка медленным движением руки подняла вуаль и сказала:

— Я — Марта Грандые, а это — мой брат Жан!

Старый Фортен-отец не нашелся, что ответить, но жена его, тронутая неподдельной симпатией, сквозившей в прекрасных глазах гостыи, взволнованно произнесла:

— Мадемуазель Грандые!.. Вы!.. Вы здесь!..

— Ваш сын, Леон... месье Леон... обвинен в ужасном преступлении... но он невиновен... я знаю... уверена... И вот, когда все его проклинают и отворачиваются от вас, мы пришли сюда... с разбитым сердцем... но с надеждой, что спасем Леона!

При этих звучавших из глубины души словах у старушки покатались слезы из глаз:

— Невиновен!.. О да, невиновен!

Она бросилась к молодой девушке и крепко, до боли, сжала ее в объятиях.

— Вы считаете моего сына, моего Леона невиновным! Вы его знаете, не правда ли?

— Совсем немного! — отвечала мадемуазель Грандье, милое личико которой озарилось улыбкой. Она замолкла на несколько секунд, покраснела и продолжала с достоинством: — Каждый день и с давних уже пор... он клал на решетку, идущую вокруг нашей виллы, маленький букет из простых лесных цветов. Эти цветы предназначались мне. Я принимала их, потому что сын ваш был так скромен, так почтителен. Мы ни разу не обменялись даже словом, и я не знала его имени до тех пор, пока он не пришел к отцу по делу. Теперь на нас обрушилось несчастье... Отец завещал нам отомстить за себя.

— И мы отомстим! — звонко воскликнул юноша.

— Наше мщение и оправдание вашего сына тесно связаны друг с другом, — продолжала мадемуазель Грандье, — и, следовательно, они будут единой целью нашей жизни! Не так ли, Жан?

— Да, Марта!

Такая решимость этих детей, совершенно не ведающих еще жизни, не имеющих поддержки ни дружеской, ни материальной, была поистине трогательна. Впрочем, какова бы ни была их слабость, они все-таки обладали той верой в себя, которая всегда оборачивается силой, сдвигающей горы.

Вид этих прекрасных молодых людей вызывал в стариках Фортен добрые чувства и зарождал в их сердцах луч надежды.

Выше среднего роста, скорее даже высокая, Марта Грандье не походила на девушек-куколок из высшего общества. Грациозный, но крепкий стан ее обнаруживал здоровье. Ее густые волнистые белокурые волосы составляли очаровательный контраст с большими глазами, вспыхивавшими по временам черным огнем. Изящный нос с трепещущими ноздрями указывал на пылкость характера, а резко очерченный подбородок обнаруживал вдумчивость и склонность к размышлениям. В общем, это было странное, но пленительное лицо, в котором отражались кротость и энергия, нежность и решительность.

Брат был похож на сестру, несмотря на свои темные волосы и голубые глаза.

Они охотно воспользовались приглашением супругов Фортен присесть, тем более что на вилле «Кармен»

их ждали одиночество, горькие воспоминания и печальные дела. Предстояло определить оставшиеся средства, отпустить слуг и установить новый порядок жизни. Видя неопытность молодой девушки, госпожа Фортен предложила ей свои услуги.

— В хозяйстве много встретится затруднений и мелочей, о которых вы не имеете понятия! Не отнимайте у меня удовольствия служить вам. О, не говорите «нет!», — произнесла она.

— Соглашаюсь с радостью, с благодарностью!

— Так едем. Чем скорее, тем лучше.

Все трое покинули старика Фортена.

Мирное посещение детьми убитого родителей убийцы произвело на обитателей Мезон-Лафита огромное впечатление. Когда же маленькая группа дружно двинулась к вилле «Кармен», соседи стариков от удивления раскрыли рты и замерли, как будто пораженные столбняком. На вилле в это время находились мировой судья и следователь со своими письмоводителями. Первый прямо обратился к Марте и Жану Грандые и сообщил, что накануне смерти отец объявил их совершеннолетними. Согласно закону, господин Грандые сделал заявление судье в присутствии письмоводителя, и — по 477-му параграфу Свода гражданских законов — этого совершенно достаточно, чтобы получить право обходиться без опеки. Тут следователь, ведущий дело, прервал объяснения своего коллеги и пригласил молодых людей на беседу в кабинет отца.

— Знаете ли вы, кто эта женщина, прибывшая с вами сюда? — спросил он их.

— Да, мадам Фортен! — сухо ответила молодая девушка.

— Мать бандита!

— Нет, милостивый государь! — гордо возразила Марта.

— Да-да, мать негодяя, подло убившего старика на улице Сен-Николя, и нравственного убийцы вашего отца!

— Нет же, нет! И если вам угодно так продолжать, мы с братом предпочтем удалиться!

Немного сконфуженный, следователь быстро сорвал печать с ящика стола, вынул оттуда пачку писем и положил их на бюро; затем, вынув из кармана другие письма вместе с записной книжкой Леона Фортена, сказал:

— Вот, смотрите!

Марта с братом наклонились и стали читать.

— Теперь сравните почерк этих писем и заметок!

— Можно подумать, писала одна и та же рука! — вскричал Жан.

— Действительно, сходство поразительное! — подтвердила Марта, не понимая, к чему все клонится.

— Эта книжка и письма, бедные дети, принадлежат обвиняемому Леону Фортену. Что же касается других писем, то они написаны убийцей вашему отцу... Вы сами подтвердили тождество почерка тех и других.

— Эти письма — подделка! У Леона Фортена выкрали записную книжку с целью свалить на него вину за убийство на улице Сен-Николя!

— Эксперты решат...

— О, эксперты! — с презрением произнесла молодая девушка. — Они воистину непогрешимы!

— Наконец, — сказал следователь, выдвигая свои последние аргументы, — считаю своей обязанностью указать, как рискованно вам продолжать знакомство с женщиной, находящейся в гостинной!

— Но, милостивый государь, у меня другой взгляд на вещи! Я буду посещать кого хочу и когда сочту нужным!

Из разговора было совершенно ясно, что следователь твердо уверен в виновности Фортена.

Действительно, все, казалось, было против Леона: визит к Грандье с просьбой ссудить роковую сумму, проекты относительно Клондайка, ужасное сходство почерков — его и шантажиста, окровавленная книжка, найденная на улице Сен-Николя. Он не мог даже доказать своего алиби. Следователю пока не были известны открытия Поля Редона.

Когда товарищ прокурора передал ему телефонное сообщение репортера о Френсисе Бернетте, тот небрежно бросил:

— Вымыслы журналиста!

Однако товарищ прокурора упорствовал, зная ловкость и решительность своего друга:

— Кто серьезно рассчитывает сделать судебную карьеру, не должен обращать внимания на рассказы водевильных писак! — все больше раздражался следователь.

— Прикажите, по крайней мере, задержать корзину в кладовой Западной дороги!

— Хорошо, я доставлю вам это удовольствие и докажу, что ваш друг комедиант. Впрочем, вы говорили, мы завтра утром увидимся с ним?

— Да, он назначил свидание в суде, в девять часов!

Читателю уже известно, почему репортер не смог прибыть на это свидание. Целый день его напрасно ждали. Следователь торжествовал. На другой день он должен был возвратиться в Мезон-Лафит для производства дополнительного следствия и снятия печатей как на вилле «Кармен», так и на улице Сен-Николя. Товарищ прокурора ехал с ним, всю дорогу подвергаясь язвительным шуточкам по поводу своей излишней доверчивости. Сойдя с поезда, товарищ прокурора купил несколько газет, развернул одну из них, вскрикнул и побледнел. Взгляд его привлекли следующие строки, напечатанные крупным шрифтом:

«Покушение на убийство журналиста Поля Редона! Поля Редон смертельно ранен!»

— Вот читайте! — сказал он следователю. — Да читайте же!

Тот пробежал глазами сообщение и прибавил:

— Очень жаль, но это никоим образом не может находиться в связи с преступлением в Мезон-Лафит!

— Так думаете?

— Вы, должно быть, изучали полицию по романам Габорио!

— Я не нужен вам пока? — не стал возражать товарищ прокурора. — Тогда еду в Париж и возвращусь сюда к завтраку!

— Чудесно! Будете очень любезны, если пришлете знаменитую корзинку, которую я велел задержать по вашему желанию!

— Привезу ее сам!

...Только в два часа товарищ прокурора вернулся. Казалось, он был очень озабочен. Оба судьи находились в мэрии, куда только что доставили корзину. Жан-дарм привел слесаря, и началась трудная операция отмыкания запора.

— Ну, что Редон? — отрывисто спросил следователь.

— Он в агонии, состояние совершенно безнадежно. Вероятно, не увидит завтрашнего дня!

— А его розыски?

— Ничего не известно. Нет ни малейших следов! После долгих усилий слесарь отпер корзину. Скеп-

тически, с насмешливой улыбкой на губах следовательно поднял крышку и закричал:

— Вот так странная вещь!

В корзине были аккуратно уложены принадлежности полного костюма лесного сторожа из зеленого сукна с желтой выпушкой и суконная ливрея каштанового цвета. Обе одежды казались совершенно новыми, не надетыми ни разу.

Глава VI

Бедя. — Предчувствие. — Доктор. — Раненый. — Трепанация. — Лас-со. — Мнимый сторож. — Начало доказательств. — Возвращение. — Кража. — Угрозы. — Письмо. — «Красная звезда».

Перебирая бумаги и записные книги отца, Марта и Жан узнали все обстоятельства, побудившие его к самоубийству. С точки зрения покойного, финансовые дела семьи были из рук вон плохи. После уплаты долгов и расчета со слугами (при условии продажи дома и мебели) могло остаться только несколько тысяч франков и нищета в скором будущем. Впрочем, молодые люди храбро заглянули в глаза этому будущему, решив неустанно трудиться.

Ликвидация дела не требовала особой срочности, и они сочли за лучшее употреблять время на поиски того, кто сделал их сиротами.

Марте было известно, что отец до последнего момента имел дела с парижской полицией, агенты которой не показывались с самой катастрофы; это становилось подозрительным. Не попали ли они также в какую-нибудь западню? Она вспомнила, что накануне убийства в лесу был подобран человек и отправлен в госпиталь.

— Что, если этот несчастный — один из агентов, помогавших отцу? — спросила она брата.

— Возможно! — отвечал тот.

Молодая девушка порывисто встала и произнесла:

— Жан, дорогой мой мальчик, я еду в Сен-Жермен!

— Я буду тебя сопровождать!

— Нет, ты останешься здесь. Ни слова не говори о моем путешествии никому! Ни мадам Фортен, ни следователю, ни кому бы то ни было другому!

В течение получасового путешествия в Сен-Жермен Марта наметила простой, но оригинальный план действий.

Прибыв на место, она направилась прямо в госпиталь. Молодая девушка хорошо знала, что нельзя иметь свидание с раненым, не назвав даже его имени; да и вообще в больницах существуют свои правила, нарушать которые, без особого разрешения, нельзя. Поэтому она спросила у швейцара адрес главного врача и, к счастью, застала его дома.

После разговора с девушкой главный врач решился допустить ее к больному, предупредив только, что потерпевшему был нанесен удар чуть выше уха каким-то тяжелым предметом, кастетом или молотком, и серьезнейшую операцию трепанации черепа он едва вынес.

— Теперь я вам скажу все, — произнесла девушка, — свое имя, происхождение, события...

— Не надо, дитя мое! Храните свой секрет — он принадлежит вам одной, а мне необходимо знать только то, что поможет восторжествовать справедливости!

Десять минут спустя доктор провел Марту в госпиталь, где в маленькой комнате лежал раненый. Марта подошла к больному, голова которого, вся покрытая бинтами, покоилась на подушке, и дотронулась до его горячей руки, не решаясь заговорить. Агент видел это колебание и, понимая, что только очень серьезная причина могла привести в госпиталь эту молодую особу в глубоком трауре, сказал ясным, но тихим, как дыхание, голосом:

— Что вам угодно, сударыня?

— Я — Марта Грандье!..

— А!.. Его дочь... в трауре... и одна... Боже мой!.. Что случилось?

— Отец умер!.. В Мезон-Лафите совершенно убийство... Вы сами тоже сделали жертвою преступления. И в этом обвиняют невиновного!.. Сжальтесь и скажите, что знаете. Кто вас ударил?.. Чем?.. При каких обстоятельствах?.. Постарайтесь вспомнить... Умоляю вас!

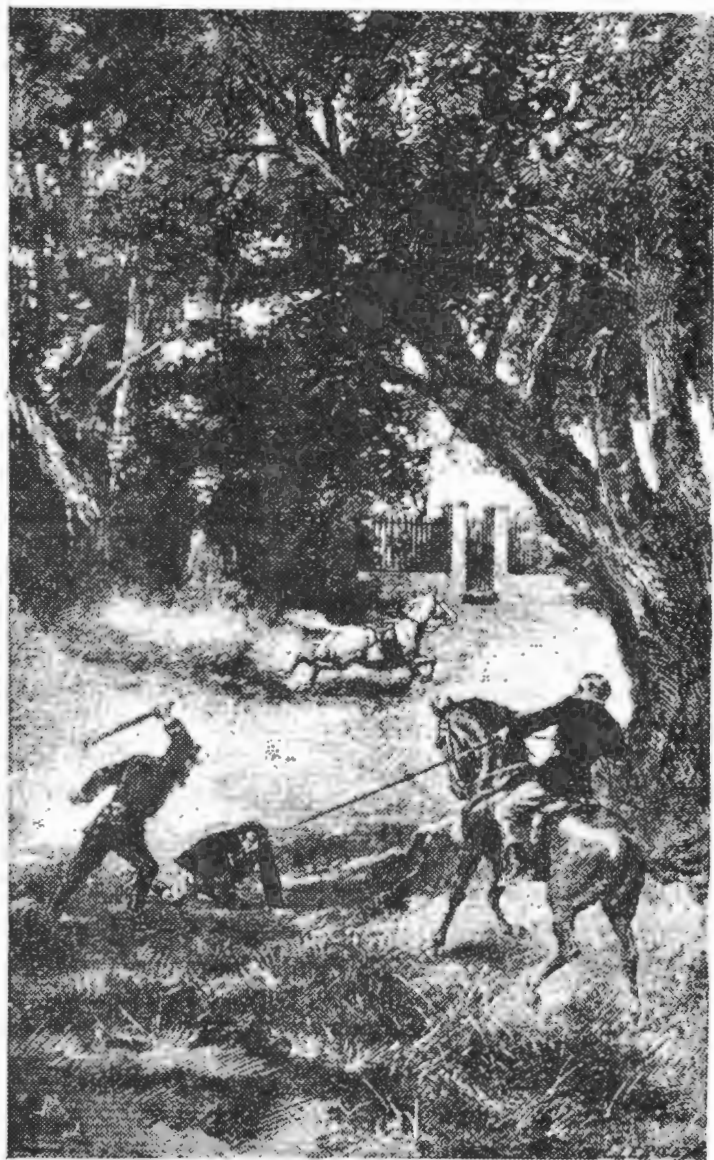
Больной отвечал своим слабым голосом:

— Все, что могу сообщить, сводится к весьма немногому. Я на коне преследовал человека в каштановой ливрее, которому ваш отец вручил письмо. Этот человек вскочил на лошадь, которую держал за повод лесной сторож.

— Вы не помните, как он выглядел?..

— Кажется, был высок... силен... блондин... и очень

*Лассо вызывает меня из седла
и с силой бросает на землю*

напоминал слугу из хорошего дома... скакал... подпускал к себе... потом опять мчался вперед, как будто хотел завлечь в западню... Я это заметил слишком поздно. Ожесточенное преследование продолжалось с четверть часа, но, кажется, мы вертелись в довольно ограниченном пространстве, в пустынном доме, где нельзя было встретить ни души... Припоминаю это место: несколько сучковатых дубов, решетка с запирающейся дверцей.. я один, безоружен... официального приказа не имею... Положение показалось очень серьезным... Еще несколько прыжков, и я ... перед дверью решетки, широко открытой. Человек, которого преследую, оборачивается в седле... смеется и издает свист. Он мчится как стрела между стволами дубов... Что-то задевает меня по ушам, обвивается вокруг головы... я в петле. Лассо выхватывает меня из седла и с силой бросает на землю. Оглушенный этим падением, хочу все-таки бороться, кричать, защищаться, но не успеваю. Человек, одетый в костюм лесного сторожа, прыгнул из-за дуба. Это он держал за повод лошадь другого... О!.. я узнал бы его и через сто лет. Коренастый, с длинной темно-русой бородой. Все произошло с быстротой молнии! Страшный удар по голове каким-то предметом. Казалось, я умираю!..

Марта, дрожащая и заплаканная, слушала этот прерывистый рассказ.

— Довольно, пожалуйста, довольно! — пожимала она руки утомленного больного. — Благодарю!.. От всего сердца! Вы освобождаете от отчаяния бедных неутешных стариков, возвращаете свободу, жизнь и честь невинному. Теперь, если вам не вредно, кое-что хочу рассказать и я.

— Говорите, прошу... Но позвольте сначала небольшое замечание... Человек, набросивший на меня лассо, сделал это с поразительной ловкостью, на какую способны только южные американцы, гаучо или мексиканцы. Он иностранец...

Марта облегченно вздохнула: часть обвинения против Фортена исчезла. «Раненый — живое доказательство его невинности. Мы докажем также, что не Леон виновник преступления на улице Сен-Николя!» — подумала она.

Потом молодая девушка рассказала все, что знала об аресте Фортена и ходе судебного разбирательства.

Жертва, которого мало-помалу охватывала уста-

лость, находил всю историю страшно запутанной и жалел, что пока не в состоянии помочь, но обещал, как только поправится, употребить все силы, чтобы распутать дело.

Девушка горячо поблагодарила его и обещала в скором времени опять навестить. Затем вырвала листок бумаги из книжки, в которую заносились заметки о ходе болезни, и набросала:

«Я, нижеподписавшийся, удостоверяю, что человек, покусавшийся на меня в Сен-Жерменском лесу, одет был в костюм лесного сторожа и на вид имел около сорока лет. Он коренастый, сильный, среднего роста. С длинной темно-русой бородой.

Сен-Жерменский госпиталь.
28 апреля 1898 года».

Марта прочла текст вслух и спросила раненого, согласен ли он под ним подписаться.

— С большим удовольствием! — ответил тот, поставив внизу листа свое имя.

— Еще раз благодарю и до скорого свидания! — сказала сияющая девушка, оставляя агента.

Она вкратце передала результаты свидания ожидавшему ее доктору и отправилась на станцию, чтобы вернуться в Мезон-Лафит. Идя быстро, счастливая своей удачей и возможностью утешить родителей Леона, молодая девушка и не заметила, что за нею следуют какие-то два господина. На станции, купив билет и удостоверившись в целостности записки агента, она положила портмоне обратно в карман и туда же сунула носовой платок.

Вскоре один из двух следовавших за нею людей оступился на лестнице и упал на колени. К нему сейчас же подбежали, чтобы оказать помощь. Виновницей падения оказалась апельсиновая корка; произошла суматоха, и Марта, унесенная человеческой волной, вошла в вагон. Приехав в Мезон-Лафит, она сошла с поезда, опустила руку в карман и хотела вынуть портмоне, где, кроме расписки Жерве, лежал дорожный билет. Дрожь пробежала по ее телу, ноги едва не подкосились, она прошептала: «Бумаги пропали!»

Дойдя до дома, Марта рассказала все брату, но только ему одному, и решила на другой день опять поехать в госпиталь, но прежде дожидаться почтальона. Последний принес одно из тех ужасных писем, какие

погубили ее несчастного отца. «Фортен виновен! Не будучи в состоянии спасти, соучастники — товарищи из «Красной звезды» — покидают его. Свидание с раненым из Сен-Жермена бесполезно. Новая попытка стоила бы ему жизни. Берегитесь сами. Вам запрещается под страхом смерти хлопотать в пользу того, кто должен искупить свою ошибку. При убийстве не оставляют улики». Как и письма, адресованные Грандье, это послание запечатано было красной звездой.

Глава VII

Маленький старикашка с улицы Ларошфуко. — Молодой человек. — Париж. — Кале, Дувр, Лондон. — Товарищи из «Красной звезды». — Тоби 2-й. — По телефону. — Доказательства невинности.

Прошла неделя. К Редону допускался только доктор, давнишний друг его. О состоянии здоровья репортера в журналах не печаталось ни строчки. Известно было только, что он, против ожидания, еще жив, но что нить этой жизни готова порваться каждую минуту.

Непроницаемая таинственность окружала некогда веселый дом репортера. На девятый день, в восемь часов утра, из него вышел маленький старичок в очках, с седой бородой, закутанный в темный широкий плащ. Очевидно, он вошел к больному рано утром, когда никто не мог его видеть. Впрочем, дом был обширен, так что носильщики, слуги, жильцы, постоянно сновали взад и вперед, и старик мог пройти совершенно незамеченным. Он бодрым еще шагом дошел по улице Ларошфуко до улицы Сен-Лазар и очутился на площади Св. Троицы. Здесь остановился, выбрал одну из карет, двигавшихся по Антенскому шоссе, и сделал кучеру знак остановиться. Но прежде чем сесть, старик довольно долго вел переговоры с кучером, который сначала казался удивленным, а потом кивнул и даже улыбнулся, получив золотую монету. Седок поместился в карете, и она покатилась. Лошади бежали крупной рысью. Вот карета завернула на улицу Лафайет и дальше домчалась до улицы Тревиз. Там скопление экипажей ненадолго задержало ее; дверца открылась — и пассажир вышел. После этого кучер сейчас же, не поворачивая головы, уехал.

Но старик с почти белой бородой и расслабленной походкой подвергся чудесному превращению. Теперь это

был молодой человек отважного вида с очень бледным лицом. Одет он был в клетчатый костюм с узким воротником, заколотым булавкой в виде подковы, и очень походил манерой держаться на жокея. На вид ему можно было дать двадцать два-двадцать три года. Быстрым взглядом юноша-старик окинул шоссе, увидел свою карету и быстро двинулся к станции Монтолон. Здесь он выбрал кучера, заплатил ему, открыл дверцу кареты, проскользнул между сиденьями, вышел через вторую дверцу и спокойно зашагал за вереницей экипажей в то время, как карета мчалась вперед. Наконец, эта странная личность, нуждавшаяся в таких предосторожностях, села в третью карету, сказав кучеру:

— На Северный вокзал.

Спустя несколько минут неизвестный подошел к кассе. Взяв билет первого класса до Шантильи, он занял место в купе, где оставалось еще одно свободное место, забрался в угол и казался заснувшим, между тем как пронизательный взгляд его следил внимательно за всем.

В Шантильи трое пассажиров сошли, но наш молодой человек продолжал спать. В Лонжо вышли еще трое, а он, добавив контролеру двадцать шесть франков сорок пять сантимов, продолжал путь в Кале, где, по-видимому, намеревался выйти. В Кале-приморском очутился он в двадцать часов пятьдесят минут. У пристани уже разводил пары пакетбот.

Наш молодой человек, не колеблясь, поднялся на судно. Прошло пять минут, раздались свистки, и «Вперед» тронулся в Англию. Морской ветер, обороты винта, немножко боковой и килевой качки — и переезд совершен. Ровно через восемьдесят минут судно вошло в Дуврскую гавань.

Поезд на Лондон готовился уже отойти...

Таинственный незнакомец, проехавший через сушу и море без всякого багажа, съел два сандвича, выпил стакан вина и вскочил в лондонский поезд. Через час и три четверти поезд остановился на станции Чаринг-Кросс. Было четыре пополудни. Незнакомец взял кеб, дал кучеру адрес и помчался по улицам Лондона, как недавно мчался по улицам Парижа. Кеб остановился перед старым домом на Боу-стрит, и путешественник смелыми шагами перешел аллею, пересек двор, поднялся на второй этаж, три раза постучался

в дверь, вошел и, увидев служителя, спросил, принимает ли мистер Мельвиль.

Служитель встал, открыл дверь и привычным жестом пригласил посетителя войти. Тот вошел и увидел высокого, плотного господина, сложенного подобно Геркулесу, с умным и симпатичным лицом, на котором особенно выделялись серые блестящие глаза. Это был знаменитый Мельвиль, один из самых опытных сыщиков английской полиции. Несколько выдающихся процессов принесли ему известность и уважение во Франции. Обладая удивительной памятью, он знал всех мошенников Лондона, на которых наводил настоящий ужас. Два раза пытались его убить, но колоссальная сила и ловкость предохраняли его от смерти. Относительно его мужества и хладнокровия рассказывали вещи, бросающие в дрожь любителей душераздирающих криминальных драм.

Мэтр поднялся навстречу гостю, молча протянул ему руку и крепко, по-английски, пожал ее так, что тот не мог удержаться от легкого вскрика.

— Больно? — спросил он на чистом французском языке, без всякого акцента.

— Легче!.. Ну и рука же у вас, мой дорогой Мельвиль!

— Вы устали?

— Не так, чтобы слишком, но достаточно!

— Поспите два часа на моем диване!

— Когда мы будем беседовать?

— Сейчас же. Вы голодны?

— Как волк!

— Так поедим... Ленч особенный. Я вас ждал и позаботился обо всем!

— Дорогой Мельвиль, вы настоящий друг!

— Равно как и вы! И еще вы — настоящая ищейка, как говорят у нас!

— Ба! Маленькая работа любителя! Но ваши слова особенно льстят мне, и я чувствую себя счастливым, имея возможность брать уроки у такого учителя!

— Вы прекрасно пользуетесь ими! Получили мое письмо?

— Третьего дня!

— Как думаете, удалось вам вырваться незамеченным?

— Думаю, что да, я очень постарался запутать свой след!

Хозяин встал с места, свистнул в слуховую трубку,

отдал через нее несколько приказаний и, снова садясь на место, прибавил:

— Дом охраняется. Теперь будем говорить за столом, который уже накрыт.

Незнакомец сел за стол, сделал несколько больших глотков вина и без обиняков сказал:

— Известен вам некий Френсис Бернетт, лет...

— Сорока!

— ...Сильный, коренастый... с длинной бородой... одевается у...

— Барроу, портного на Оксфорд-стрит.

— Именно! Но вам цены нет, Мельвиль. Откуда вы это знаете?

— Пустяки, мой друг!

— Поразительно!

— Вы в таком доме, где ничему не удивляются.

— Итак, вам известен Френсис Бернетт?

— Да, еще бы! Это один из самых ужасных бандитов Англии. Злодей, всегда ускользавший из моих рук. Правда, по моей милости пребывание его в Англии сделалось довольно опасным.

— В течение последнего месяца он жил во Франции. Дело в Мезон-Лафит...

— Я не сомневался в этом, читая о преступлении в ваших журналах... Красная звезда — его эмблема или, лучше, эмблема ассоциации...

— А, так это шайка?

— ...Называемая шайкой двух тысяч...

— Их две тысячи?..

— Нет, название произошло от того, что они не берутся за дело, обещающее меньше двух тысяч фунтов стерлингов. Еще их называют, то есть они сами себя называют, «Рыцари красной звезды» или «Красная звезда»!

— О, как напыщенно, словно заглавие бульварного романа! А хорошо организованы эти «рыцари»?

— Увы, да! — отвечал полицейский сыщик более серьезным голосом. — Это сборище самых ужасных и ловких негодяев. Там встречаются инженеры, химики, врачи, клоуны, механики, ученые — отвергнутые обществом, объявившие ему ожесточенную войну. Это цвет шайки; есть и бандиты второго сорта, исполняющие всю черную работу. Им досталось от нас серьезно. А вот главари ускользнули, некоторые из них переправились через пролив и работают на материке!

— Интересно! Как захватывающий роман!

— Да, — подтвердил полицейский сыщик, — уголовные дела и доставляют, главным образом, сюжеты для подобных романов!

— Я должен записать то, что вы мне расскажете!

— Не беспокойтесь! Уже приказано одному из моих людей переписать для вас часть дела о «Красной звезде»! Вам остается только перевести ее, что нетрудно, — вы владеете английским языком, как своим!

— Поразительно!.. Успеваете подумать обо всем!

— О, немного порядка в мыслях и поступках — сущие пустяки! К тому же я рад сделать приятное джентльмену, которого глубоко уважаю!

— Вы знаете, Мельвиль, что это чувство взаимно!

— Да, знаю и очень счастлив! — сказал английский агент, снова пожимая руку своего таинственного собеседника. — Но возвратимся к нашим баранам, напоминающим скорее волков. Находя, что действовать дальше в метрополии трудно и опасно, один из них решил завладеть Клондайком, громадной сокровищницей золота...

— Так они для этой цели хотели иметь пятьдесят тысяч франков?..

— Да, две тысячи фунтов стерлингов или пятьдесят тысяч франков — минимальная цифра у этих мерзавцев. На всякий случай я послал двух моих агентов преследовать их и получаю время от времени донесения из Франции, пока очень скупые.

В эту минуту зазвонил телефон.

— Вы, патрон?

— Да.

— Ваш агент, Тоби 2-й.

— Где вы?

— В Париже!

— Что нового?

— Важное сообщение относительно убийства французского журналиста Поля Редона!

— Очень хорошо, Тоби! — ответил Мельвиль агенту и обратился к своему таинственному гостю:

— Это интересно... Возьмите один из приемников и слушайте!

Голос Тоби 2-го продолжал:

— Мистер Поль Редон был убит Бобом Вильсоном, хорошо нам известным.

— Да, ловкая рука у друга Френсиса Бернетта

— Мистер Поль Редон, извещая по телефону Версальский суд о своих успехах, говорил слишком громко, так что бывшие по соседству Боб Вильсон и Френсис Бернетт все слышали. Эти бандиты, найдя, что мистер Редон стал опасен, решили немедленно уничтожить его и намерение свое выполнили.

— Тоби, мой мальчик, хорошо, что вы напали на след! Получите четыреста фунтов награды!

— Благодарю, патрон!

— Что еще?

— Известно, что убийцы как бы гипнотизируются своей жертвой и возвращаются на то место, где пролита кровь.

— Мы дежурили близ дома мистера Редона, но не видали ни Боба Вильсона, ни Френсиса Бернетта.

— Так-так.

— И еще: комиссар по юридическим делам должен был допросить мистера Поля Редона и обратился за разрешением к своему начальству. Когда он вошел в спальню репортера, то увидел, что постель того пуста, остыла, мебель в беспорядке... Сам журналист исчез. Его искали по всему дому, в саду, в других флигелях. Ничего! Пропал!

Несмотря на британское хладнокровие, сыщик не мог удержаться от смешка, передававшегося по телефону в уши Тоби 2-го. Гость же Мельвиля расхохотался так, будто необъяснимое исчезновение репортера было самой комичной вещью в мире.

— Вы смеетесь, патрон? — вскричал Тоби 2-й, но сейчас же спохватился: — У вас кто-то есть?

— Да, надежный человек, говорите не стесняясь!

— Хорошо! Итак, мы с товарищем узнали, что мистер Редон убит членом «Красной звезды», но у нас не было доказательств! Теперь же они есть, и в случае надобности можно передать дело в суд.

— Ага! — вскричал друг Мельвиля. — Если у ваших людей, дорогой Мельвиль, есть такие доказательства, то невиновность Леона Фортена очевидна!

— Я думаю так же. Ваше путешествие сюда может оказать действительно громадную помощь в этом загадочном деле!

Потом он прибавил в телефон:

— Мистер Тоби 2-й?

— Слушаю, патрон!..

— Теперь шесть часов, согласны вы завтра, в этот

же час, сообщить свои доказательства человеку, объявившему, подобно нам, беспощадную войну членам шайки «Красная звезда»?

— Да!

— Прекрасно! Ровно в десять часов будьте на улице Ларошфуко у флигеля исчезнувшего репортера. Позвоните и спросите Поля Редона. Увидите его во плоти, а не в качестве призрака, хотя он теперь имеет двойника.

Глава VIII

Опять маленький старикашка. — Удивление. — Воскресший из мертвых. — Ужасная рана. — Железная энергия. — Разоблачения Тоби 2-го. — Слепок ног. — Отождествление. — Свет. — Преступление в Батиньоле.

Как только начало бить шесть часов, у двери дома, занимаемого Полем Редоном, остановились двое мужчин. Один — высокий, сухощавый, с длинными зубами и маленькими белокурыми локонами — имел вид английского слуги. Другой — одетый по последней моде, молодой, интеллигентного вида — был джентльменом с головы до ног. Последний поглядывал на англичанина; тот со своей стороны украдкой бросал ответный нерешительный взгляд, нажимая кнопку электрического звонка. Дверь тотчас же открылась, и на пороге появилась экономка журналиста.

— Господин Поль Редон дома? — спросил на чистейшем парижском жаргоне джентльмен.

— Мистер Поль Редон? — переспросил по-английски слуга.

— Потрудитесь пройти! — сказала тогда женщина, давая дорогу.

Они вошли в спальню и увидели в ней низкого старичка, стоявшего спиной к камину, плешивого, с мутными глазами и дрожащими руками и ногами.

— Поль Редон, — сказал он тонким, как у щура, голосом, — это я!

— Ах! — вскричал озадаченный англичанин. — Вы смеетесь надо мною!

— Эй, голубчик, нельзя ли без подобных шуток! — воскликнул и джентльмен.

Старичок быстро выпрямился и крикнул задыхающимся от смеха голосом:

— Да, это я!

В то же самое время плащ упал, седой парик полетел прочь, такая же борода отстала от щек и подбородка, и в результате перед пришедшими оказался молодой, немного бледный человек, с тонкими чертами лица.

— Да! Это я — Редон! Не сомневайтесь в этом, дорогой прокурор! Я сам вчера телефонировал вам из Лондона в Версальский суд, назначив свидание здесь в шесть часов. Вы очень мило сделали, что не опоздали!

— Но вы все еще неузнаваемы! — вскричал пораженный чиновник. — А борода? Ваша настоящая борода? Красивая шатеновая борода, так шедшая вам?

— Сбрита совершенно! Я пожертвовал ею ради дружбы и еще — чтобы запутать своих недоброжелателей!

— Удивительно! — произнес судейский чиновник, пожимая ему руку. — Но как ваша рана? Честное слово, мы вас собирались оплакивать!

— Да, я знаю... Благодарю! Моя мнимая смерть имела добрые последствия: мы сейчас поговорим об этом... А теперь прежде всего, дорогой мой друг, имею удовольствие представить вам мистера Тоби 2-го, одного из самых тонких и ловких сыщиков Англии!

Англичанин поклонился просто, но с достоинством, а Редон прибавил:

— Это с вами я вчера говорил по телефону от моего друга Мельвиля, в Лондоне?

— Да, сэр.

— Садитесь, мистер Тоби, сюда, а вам, дорогой прокурор, предлагаю это кресло. Я чувствую себя разбитым непрерывным путешествием из Парижа в Лондон и обратно, а потому прошу разрешения растянуться в шезлонге!

— Но, дорогой мой Редон, скажите, что сие значит: переодевания, путешествие в скором поезде, рана, затворничество, слухи о вашей смерти?..

Журналист распахнул свою рубашку, снял повязку на груди и, показав ужасную рану, наполовину затянувшуюся, прибавил:

— Человек, желавший моей смерти, напряг все свои силы при нанесении удара и мог рассчитывать на удачу: я должен был скоро умереть. Но удар пришелся по пластрону моего шелкового галстука, причем плот-

ная ткань изменила его направление. Вследствие этого нож вместо того, чтобы пронзить мне грудь, только перерезал слой мускулов до самых ребер, на которых и остановился!

— И вы ходите с этим?

— Уже тридцать часов!

— Ну и человек же вы!

— Человек, у которого есть цель. В первый момент я считал себя пораженным насмерть. Мысль распространить слухи о своей скорой кончине пришла мне только после перевязки. Этим маневром я хотел усыпить бдительность своих врагов и ускользнуть от них!

— Умно придумано!

— Но эта ужасная рана... еще побаливает, хотя сегодня одиннадцатый день и она на три четверти уже залечена. Доктор промыл ее, зашил, обеззаразил. Благодаря его врачебному искусству процесс заживления прошел нормально, не причинив мне лихорадки.

— Удивительно, я не знаю, чему больше удивляться: вашему ли терпению или науке, совершающей подобные чудеса. Но скажите, друг мой, не подозреваете вы, кто ваш убийца?

— Вот мистер Тоби 2-й, может быть, сообщит нам о нем.

— Да, сэр! Я скажу всю правду!

— Мистер Тоби, мы с этим джентльменом владеем английским языком, как своим собственным, поэтому вам будет удобнее изъясняться по-английски!

— Хорошо, сэр! Покинув «Павильон Генриха IV» в Сен-Жермене, где некоторое время выдавал себя за путешественника, я поступил в гарсоны парижского «Виндзор»-отеля.

— В Сен-Жермене!.. Вы были в Сен-Жермене в момент совершения преступления?!

— За неделю до него и видел Френсиса Бернетта с Бобом Вильсоном; мы с товарищем следили за ними в течение нескольких дней. К сожалению, агенты французской полиции в решительную минуту помешали нам!

При этом сообщении странная мысль мелькнула в уме репортера; он ударил себя по лбу и вскричал:

— Но... вы должны узнать эти ноги!

— Какие ноги? — спросил товарищ прокурора, которого поражало несоответствие поступков, слов и мыс-

лей его друга, их неожиданность и оригинальность.

Журналист подошел к двери своей туалетной комнаты, открыл ее, отыскал спрятанный под обоями маленький сундучок и вынул два отпечатка, сделанных в саду на улице Сен-Николя.

— Вот отпечатки следов, мистер Тоби, их можно зачернить для большего сходства с ботинками!

— Лишнее, так как я чистил вчера утром в «Виндзор»-отеле такую же обувь и сразу узнал форму ноги: ее длину, необыкновенную даже для англичанина, обтертый задник, маленькую выпуклость большого пальца левой ноги, указывающую на начало подагры. Поверьте совести честного человека, эти ноги принадлежат Френсису Бернетту, одному из главарей «Красной звезды».

— Но тогда, если он в отеле «Виндзор», нет ничего легче, как арестовать его! — вскричал Поль Редон.

— Он оставил отель вчера вечером.

— Тысяча молний!

— Впрочем, мой товарищ должен его выслеживать.

Этот быстрый обмен словами остался совершенно непонятным для товарища прокурора, так что он, наконец, осведомился, что все это значит.

— Помните, по телефону я просил задержать корзину на станции Сен-Лазар? — вместо ответа спросил его репортер.

— Помню!

— Корзина принадлежала негодяю, а это изображение его ног! Отпечатки сделаны мною в саду дома, где совершено преступление, на улице Сен-Николя... Следы находились под стеной ограды, в том месте, где убийца приставил лестницу. Мистер Тоби признал их за отпечатки ног Френсиса Бернетта, английского бандита, главаря шайки «Красная звезда»...

— Подтверждаете все это, мистер Тоби?

— Да, хоть бы под присягой!

Живо заинтересованный, чиновник начал теперь замечать свет, все более рассеивавший потемки, окружавшие это трагическое и таинственное дело.

Между тем Редон продолжал:

— Я передал вам полное дело, врученное мне при отъезде из Лондона старшим агентом Мельвилем. Когда прочтете его, мы поговорим о Леоне Фортене.

— Назначив вчера по телефону мне свидание, —

вполголоса произнес товарищ прокурора, — вы сообщили, что надеетесь узнать имя своего убийцы и представить доказательства того, что он — виновник преступления.

— Я думаю, мистер Тоби удовлетворит любопытство нас обоих! Не так ли, мистер Тоби?

— Да, сударь!

— Прекрасно, — заявил судья. — Итак, у вас есть доказательства, что убийца из «Красной звезды»?

Тоби 2-й порывлся в своих карманах и начал, обращаясь сперва к Редону:

— Вот прежде всего нож, которым вы были поражены. Это прекрасный шеффилдский клинок, на буйоловой рукоятке которого вырезаны инициалы В и W, а под ними маленькая красная звезда о пяти лучах.

Поль Редон взял оружие, попробовал острие пальцем, провел им легонько по нитке и сказал наполовину серьезно, наполовину смеясь:

— Черт возьми! И колет, и режет: доказательством тому мое бедное поврежденное тело.

— Это нож Боба Вильсона, вытащенный мной из его собственного кармана! — продолжал Тоби. — Впрочем, он ценен только благодаря инициалам, красной звезде и происхождению. Но вот что более всего важно!

При последних словах агент вынул из внутреннего кармана своего пиджака конверт, в котором находилась бледно-красный листок, покрытый буквами.

— Это лист из бювара номера, который занимал Боб Вильсон в отеле «Виндзор». Я сам возобновил в нем бумагу в надежде, что бандит воспользуется ею в качестве промокательной для своих писем, и не ошибся. Вот, потрудитесь прочесть!

Так как буквы находились на листке в обратном виде, агент поднес его к зеркалу. После этого товарищ прокурора и репортер могли с большим трудом разобрать следующие три строки:

«Я покончил с Редоном: он знал слишком много. Человек из Мезон-Лафита окончательно погиб!

Боб Вильсон».

Тоби 2-й продолжал своим спокойным голосом:

— Это письмо Боба Вильсона. Впрочем, вот образчик — потрудитесь сравнить, господа!

Образчик и строки бювара имели такое сходство,

что всякое колебание было невозможно: оба письма несомненно вышли из-под пера Боба Вильсона. Он — убийца Редона.

Дрожащим от волнения голосом товарищ прокурора обратился к журналисту и его помощнику.

— Ваша храбрость и изобретательность, дорогой Редон, вместе с терпением и ловкостью мистера Тоби, дадут восторжествовать справедливости. Благодаря вам ошибка в отношении Фортена будет исправлена, невиновный получит свободу и оправдание. Мне остается только сообщить следователю все, что я сам узнал! Надеюсь, вы не откажетесь мне помочь?

— О, всеми силами! — ответил журналист. — Вот документы, добытые английской полицией и переданные Мельвилем. Прочтите их... это поразительно. А теперь нельзя ли мне свободно общаться с Фортеном? Хотел бы сообщить хорошие известия ему и старикам родителям.

— Я сейчас возвращаюсь в Версаль, увижу вашего друга и сообщу всю правду!

— Благодарю, дорогой друг, благодарю от всей души!

— Вы взволнованы, отдохните до завтрашнего полдня, а тогда приезжайте в Версальский суд.

— Не премину это сделать.

— И вы также, мистер Тоби.

— Да, сударь, по приказу своего начальника, старшего агента Мельвиля, я остаюсь с мистером Редоном. Очень рад повиноваться его приказанию и, увидите, буду вам полезен. Прежде всего, мне нужно сделать так, чтобы негодаи не смели приблизиться к вам. Увидя рядом сыщика английской полиции, они поймут, что открыты, и быстро оставят Францию.

— В этом есть свой смысл, мистер Тоби. Располагайтесь здесь... вот комната... вы у себя... пейте, ешьте, а я — в постель! До завтрашнего полудня, дорогой прокурор! Вот документы... возьмите их!

— Благодарю!

— Прав я был, когда кричал «ловушка»?

— Да, были правы, и я благодарю вас от имени правосудия.

— Ба! Не стоит!

— Нет, стоит, вы разъяснили печальное заблуждение. Но это останется между нами, не так ли?

— Даю слово!

— Я и не ждал иного от такого человека, как вы! Мы иногда ошибаемся, потому что ошибки свойственны людям, но всегда действуем по совести и стараемся не преступить закона! До завтра!

Товарищ прокурора уехал. Редон пообедал с аппетитом, лег в постель и уснул как убитый.

В восемь часов Тоби вышел из дому, взял карету, вернулся в отель «Виндзор» и потребовал расчет. Получив его, сложил в маленький сундук свой тощий багаж, снес его в экипаж и направился в квартиру Редона.

На улицах продавали второй выпуск газеты «Ле суар». Разносчики выкрикивали: «Берите последние новости... Читайте о Батиньольском преступлении... убийство капиталиста... кража пятидесяти тысяч франков! Требуйте последние новости!»

Тоби подумал:

«Пятьдесят тысяч франков... Две тысячи фунтов... Что, если и здесь замешана «Красная звезда»?

Он купил газету, пробежал глазами описание события и сел в карету...

Глава IX

Тщетные предосторожности.— Дьявольская ловкость.— Это английская работа.— На свободе.— Вознаграждение.— Истинный друг.— Отправимся в Клондайк! — Отъезд в Америку.

Убийство в Батиньоле осталось навсегда тайной. Совершенное с неслыханной ловкостью и смелостью, оно сильно взволновало общественное мнение; но парижской полиции, несмотря на все ее искусство, не удалось отыскать ни одного следа преступников. Только, может быть, Тоби 2-й да его товарищи, агенты Мельвиля, догадывались о правде.

Жертвою был семидесятилетний старик, очень скупой и богатый, собиравший драгоценные вещи и деньги. С ним жила единственная служанка, шестидесяти лет, плохо слышавшая и любившая пропустить стаканчик.

В день убийства старик получил в банке «Лондонский кредит» пятьдесят тысяч франков и возвратился веселый, любясь шелестящими синими бумажками, потом заперся в маленьком кабинете, где находился денежный сундук и куда никто, кроме него, не входил,

даже прислуга. Предосторожность скупца доходила до чрезвычайных размеров, он сделал все, чтобы превратить эту комнату в неприступную крепость: ставни, плотно закрывавшие окна, были покрыты стальными листами и снабжены целой системой запоров и пружин. Кроме того, входная дверь запиралась цепями и стальными перекладинами. Наконец, отверстие каждого камина закрывалось на высоте человеческого роста прочной решеткой. К несчастью, хозяин забыл обить железом пол и стены, тогда бы он жил в настоящем металлическом кубе.

Но как бы то ни было, восьмого апреля освободилось помещение над квартирой старика, находившейся на четвертом этаже старого дома по улице Бурсольд. Какие-то люди перевезли сюда скудную мебель, они уходили и приходили в свое скромное жилище в определенное время, как мастеровые или служащие, и с дьявольской ловкостью ухитрились проделать отверстие в полу, как раз над комнатой-сейфом богача. Работали без всякого шума и выполнили эту каторжную работу за восемь ночей.

Должно быть, когда злоумышленники спустились к нему, старик услышал легкий шум, потому что встал и взял спичку, найденную потом в безжизненной руке, — воры ворвались в комнату, схватили его, задушили и бросили на ковер, сами же кинулись к денежному сундуку. Предпочитая грубой работе с ломом ювелирную точность, они пробили металлическую стенку при помощи стального наконечника, приложенного к маленькому коловороту с зацепками — чудо механики! Сделав одно отверстие, принялись за второе, потом заменили коловорот маленьким ручным буравом, снабженным пилой. Мало-помалу, менее чем в два часа, в стенке на уровне замка получилось широкое круглое отверстие. Однако вырвать запорный механизм не удалось; тогда один из взломщиков просто просунул внутрь узкую руку и вытащил связку в пятьдесят тысяч франков, находившуюся сверху. Почему воры удовлетворились такой добычей? Не услышали ли они какого-нибудь подозрительного шума вблизи? — неизвестно, только проделывать отверстия с другой стороны денежного сундука не стали.

Поднявшись в свою квартиру, грабители переменили одежду и покинули помещение в три часа утра.

Служанка ничего не слыхала. В шесть часов

постучалась к хозяину, дверь комнаты которого была, по обыкновению, наглухо закрыта. В восемь часов она опять подошла к двери, испугалась, спустилась к привратнику и попросила привести полицейского.

Убийство было обнаружено, равно как и кража. Но подозрений ни на кого не пало. Один Тоби провидел истину. Он добыл от французских агентов некоторые разъяснения, видел улики и сказал Редону:

— Это английская работа! Ваши французские бандиты не имеют таких совершенных приборов!

— Очень возможно, Тоби, — с важностью отвечал журналист, — впрочем, у меня нет национального самолюбия!

Английский агент при помощи своего товарища начал розыски, но они ни к чему не привели. Пришлось сделать заключение, что убийцы покинули Францию, увозя с собою и пятьдесят тысяч франков — предмет их преступных вожделений. Кроме того, агент заявил журналисту и его друзьям:

— Вы сбиты с толку деятелями «Красной звезды». Думаю, два злодея уехали, как и предупреждали, в Клондайк — ловить в мутной воде миллионы. В их преступных руках оказался основной капитал, необходимый для начала предприятия, — пятьдесят тысяч франков.

— Но тогда молодчиков легко арестовать в Гавре или Ливерпуле на пути в Америку?

— Они слишком хитры, чтобы сесть на французский или английский пакетбот. Я думаю, преступники уже достигли границы, бельгийской или германской, и продолжают путь в Антверпен или Бремен. Ах, если б я мог быть разом в двух, трех местах!

— Ну, поезжайте сами в Бремен, а своего товарища отправьте в Антверпен.

— Не смел просить вас об этом! — сказал агент, и глаза его заблестели. — Ведь я имею приказ наблюдать за вами, охранять вас!

— Благодарю, мой Тоби, я теперь сам себя могу охранить и защитить. Не бойтесь ничего и посылайте каждый день известия!

Когда оба агента уехали, Редон вернулся в Версаль и подоспел как раз к освобождению Леона Фортена. Несчастный пленник очутился на свободе, ничего не понимая, как и в день своего ареста.

Его выпустили из заключения точно так же, как

и арестовали, без всяких разъяснений. Он сначала не узнал своего верного друга Редона, без бороды, бледного, с лихорадочным блеском в глазах.

По дороге в Мезон-Лафит Редон рассказал вкратце все, что произошло, скромно приписав себе только незначительную долю хлопот для освобождения товарища.

Когда они достигли дома, Леон открыл дверь, влетел в комнату вихрем и, увидев мать, протянул к ней руки, крича сквозь слезы:

— Мама!.. Бедная моя мама!

Старушка обняла его, проронив разбитым голосом:

— Мальчик мой, дорогой... Наконец-то... Мы не жили... разлученные с тобою... О, эти судьи!.. Тебя, саму доброту, честность... подозревать!..

Он вырвался из объятий матери и кинулся на грудь к отцу, который не произносил ни слова, а только плакал, как ребенок; он был бледный, почти бездыханный.

Только после этого Леон и его друг заметили двух молодых людей, поднявшихся навстречу. Это была прекрасная девушка в глубоком трауре, растроганная и не пытавшаяся сдерживать слез, и ее брат.

В то время как Поль Редон пожимал руки старикам, знавшим, какое участие он принимал в освобождении сына и не находившим достаточно слов, чтобы отблагодарить его, Леон с восхищением вскричал:

— Мадемуазель Грандьё! Вы здесь? О, да благословит вас Бог за это!

— Милостивый государь, — сказала та с достоинством, — роковая судьба соединила ваши страдания с нашими, и мы с братом желали первыми, после ваших родителей, засвидетельствовать свое уважение!

Растроганный, забывший все пытки заключения, он горячо пожал протянутые руки молодой девушки и ее брата.

— А что у вас нового, мадам Фортен? — спросил Редон.

— Плохие новости, на нас все указывают пальцем, нельзя выйти на улицу, бедный Леон потерял свою должность в Сорбонне, вот письмо, извещающее об этом!

— Ах, — с горечью сказал Леон, — судебная ошибка не проходит даром! Теперь я без должности, имею массу врагов. Что делать. Боже мой, что делать?

— Покинуть отечество, — посоветовал Редон, — устроиться за границей и отплатить презрением за презрение!

— Но я беден, а мои родители тоже не имеют средств!

— Это устроить очень легко! — возразил журналист. — Папаша Фортен, сколько вам нужно в год, чтобы прожить прилично?

— Я не знаю, право, — робко заявил тот.

— Ну, вот, у меня есть на берегу моря, в дорогой Бретани — я бретонец — прелестный домик с садом. Вы поселитесь в нем и будете сажать овощи... Жизнь там дешевая. Довольно ста франков в месяц!

— Но, дорогой Поль... — прервал его Леон.

— Что ты хочешь от дорогого Поля? Я твой компаньон, не так ли? Мы создадим, если хочешь, общество. Я внесу капитал, ты — свой ум и свои технические познания, а материальная жизнь твоих родителей будет обеспечена частью капитала.

— Я перестаю понимать!

— Изволь, объясню: тебе нужно пятьдесят тысяч франков, чтобы начать дело в Клондайке. Я даю эту сумму, поскольку уверен, что заработаю на ней пятьдесят миллионов! На Север же мы отправимся вместе.

— Итак, решено, едем наживать капиталы?

— Чем раньше, тем лучше, и думаю, с помощью твоего открытия миллионы быстро потекут в наши руки. Вероятно, там мы встретим и злодеев «Красной звезды», которые совершили столько преступлений, принесли столько горя. Я бы не прочь отплатить им той же монетой.

Брат Марты поднялся при этих словах и, дрожа от гнева, произнес:

— Господа, они убили моего отца, возьмите и меня!

— Хорошо, молодой мой друг! — с горячностью отвечал журналист. — Сколько вам лет?

— Шестнадцать, но, клянусь, я по храбрости не уступлю взрослому!

— В 1870 году многие юноши ваших лет были неустрашимыми солдатами. Вы едете с нами!

— Благодарю, не пожалеете. Что касается сестры, то...

— Она не покинет тебя, друг мой! — прервала молодая девушка, вставая, в свою очередь.

— Как, мадемуазель?! — вскричал Леон. — Вы ре-

шаетесь подвергнуть себя пыткам ледяного ада, лишениям, холоду... ужасному, мертвящему холоду?!

— Наш покойный отец завещал отомстить убийцам, и я буду везде преследовать их, перенесу любые страдания, даже смерть, без колебания, без сожаления, без жалоб!

Все это сказано было спокойно, с холодной решимостью человека, не желающего передумать.

Чувствовалось, что под нежной кожей девушки кипит горячая кровь, а в ее сердце — отвага героя. Оба друга почтительно склонились, не будучи в силах устоять перед такой энергией.

Тогда девушка продолжала:

— Будьте уверены, я не помешаю. Бедный отец как будто предчувствовал и воспитал меня по-американски. Я приучена к трудностям, занималась всевозможными видами спорта. Наконец, у нас есть небольшие деньги — около десяти тысяч франков. Это наш с братом пай в предприятие. Таким образом, мы сделаемся компаньонами, не так ли?

— Мадемуазель, — почтительно отвечал журналист, — для нас ваши желания — закон! Теперь последнее слово! Надо подготовиться к отплытию в Америку в течение недели!

— Но мы готовы! — в один голос отвечали брат и сестра.

— Чудесно! А ты, Леон?

— Мне надо три дня, чтобы устроить свое снаряжение!

— Решено! Я со своей стороны жду важного известия, которое рассчитываю получить не раньше, чем через два дня. От этого зависит время нашего отъезда!

Марта с братом вернулись на виллу «Кармен», которую они вскоре должны были покинуть навсегда. Леон Фортен заперся в своей маленькой лаборатории и с увлечением отдался работе. Старики Фортен, удрученные мыслью о близкой разлуке с сыном, но, сознавая ее неизбежность, готовились к отъезду в Бретань.

Таким образом прошло двое суток. Редон начал уже волноваться, как вдруг получил телеграмму. Он запер сундуки и в омнибусе Западной компании отправил их на станцию Сен-Лазар. Сам же, дав необходимые инструкции консьержке, пешком отправился на вокзал Западной дороги.

К ночи Редон прибыл в Мезон-Лафит. Здесь собра-

лись предупрежденные депешей, Марта Грандые, ее брат и Леон Фортен с родителями. Каждый чувствовал, что решительная минута наступила. После обычных приветствий Редон вынул из кармана телеграмму и прочел:

«Бремен, четверг, 5 мая 1898 года, 2 часа. Компаньоны «Красной звезды» сегодня утром сели на пакетбот «Император Вильгельм», отправляющийся в Нью-Йорк, потом в Канаду и Клондайк. Уезжают в полдень. Я следую за ними. Адресовать письма — Силька-Ванкувер, потом Доусон-Сити. Тоби 2-й».

— Поняли? — спросил Редон. — Нет, конечно! Сейчас объясню! — и он подробно передал им свои приключения, начиная с того момента, когда сделал отпечатки следов ног убийцы в саду на улице Сен-Николя.

Когда все было выяснено, сообщены все сведения относительно «Красной звезды», он прибавил:

— Сегодня пятница, вечер, шестое мая. Завтра утренним поездом мы отправляемся в Гавр, в шесть часов. В прилив снимаемся с якоря и — вперед! В Америку, куда зовут нас мщение и богатство!

Часть вторая

ГНЕЗДО САМОРОДКОВ

Глава I

Страна золота. — Золотая лихорадка. — Рудокопы передового отряда. — Огильви. — Бескорыстие. — Нищета и миллионы. — На приступ. — Вторжение. — Много званых.

Два года тому назад географы не знали даже названия Клондайка, этого скромного ручья, притока могучего Юкона, катящего свои воды по вечно мерзлой почве Канады и Аляски, а сегодня все повторяют это имя, происходящее от индейского слова «трон-дюнк», что значит «много рыбы». Клондайк теперь полон золота!..

Это — Эльдorado страны снегов, таинственное место, где должна находиться громадная золотая сокровищница... золотой мешок, открытие которого привело бы к

падению стоимости драгоценного металла во всем мире. Но Клондайк вместе с тем представляет также ледяной ад, где дрожат от золотой лихорадки, где носятся в воздухе алчные желания, где мечется отчаяние, где гибнут во множестве люди, пораженные безумием.

Да, ледяной ад, где свирепствуют страшные холода в сорок пять, пятьдесят и пятьдесят пять градусов, где скалы трескаются с громовым шумом, где мясо рубят топором, сало и масло пилат пилой, где ртуть доходит до плотности свинца, где жизнь кажется невозможной и где во время бесконечных месяцев полярной ночи работают как бешеные люди, стекшиеся сюда почти со всего света.

Уже два года близ места, где скрещивается шестьдесят четвертая северная параллель со сто сорок вторым западным меридианом, люди всех племен, говорящие на всевозможных языках, охваченные одинаковой алчностью, бьют кирками мерзлую почву, содержащую золотые зерна.

17 июля 1897 года судно «Портланд», возвращаясь из Клондайка, доставило в Сан-Франциско шестьдесят рудокопов. Истощенные, оборванные, измотанные дорогой, эти люди казались пораженными всеми болезнями, какие только может вынести человеческий организм. Сгибаясь под тяжестью сундуков, мешков и всяких причудливо завязанных тюков, которых никому не передоверяли, они остановились у банка и здесь, перед воротами, раскрыли свою поклажу. В ней было около двух тысяч килограммов самородков... Миллион сто двадцать тысяч долларов!.. шесть миллионов франков!

Старатели обменяли золото на деньги, и богатые или, по крайней мере, хорошо обеспеченные устремились опять на участки, концессионерами которых были. На расспросы они отвечали: «Мы из Клондайка», — и рассказывали о своих мучениях в ледяном аду, о зиме, проведенной в палатке при пятидесятипятиградусном морозе, об ужасном труде, о смерти товарищей...

— Да!.. Да!.. Все так... Но золото?

— Золото?.. Оно там везде!

И это была правда.

Приезжие привели город в лихорадочное состояние, скоро новость, поведенная ими, достигла берегов Атлантического океана, старой Европы... целого света. В не-

сколько дней Клондайк и его притоки сделались знаменитыми. Рудокопы окрестили их: Хонкер, Бир, Эльдорадо, Бонанза — это наиболее известные, изобилующие золотом места.

Очень быстро были организованы экспедиции, намечены стоянки, чуть ли не разбиты будущие города, где устраивались склады одежды, орудий, провизии. Потом суда, нагруженные людьми, скотом, собаками, инструментами, припасами, стали отплывать то из Ванкувера, то из Сан-Франциско. Негоцианты, ковбои, пасторы, хористы, земледельцы, авантюристы, промышленники, моряки, ремесленники — все превращались в старателей и присоединялись к пионерам.

Между ними находился и В. Кормак, опытный золотоискатель. Он грезил о золоте, спрятанном под Полярным кругом, двадцать лет. Двадцать лет, как в лихорадке, искал его, не теряя мужества, стойко перенося неудачи. Впрочем, в мерзлой земле ему попадались золотые зерна.

В нескольких стах милях от Кормака, на юге, трудилась другая группа рудокопов; их было около тысячи, и лагерь назывался Форти-Миль. Завороженные индейскими легендами, они в действительности находили очень мало золота и жили весьма скудно.

В августе Кормак, работая вместе с деверем своим, индейцем, намыл золота на три сотни франков. Удивленный, он набрал еще земли и опять намыл на четырехста франков.

В течение двух дней ему удалось заработать семь тысяч франков, а россыпь, казалось, нисколько не истощалась. В неделю он стал обладателем двадцати тысяч франков, но тут вышла вся провизия. Тогда он отправился в лагерь Форти-Миль, купил сала, муки, картофеля, сообщил некоторым товарищам о своем богатстве и уехал обратно.

Те, не колеблясь, последовали за ним и прибыли на берег ручья, названного Кормаком «Эльдорадо». По обычаю рудокопов, они разделили землю на участки в семьдесят шесть метров каждый и лихорадочно принялись за работу.

Первые результаты были головокружительны. Никогда еще старатели, даже в сказочные времена Калифорнии и Австралии, не видели подобного богатства. Двое из близких приятелей Кормака, старый Джон Казей и молодой Кларенс Берри, вступили в това-

рищество. У последнего была грациозная и миниатюрная жена, распутившийся цветок, роза Севера среди снегов. При усердной помощи мадам Берри компаньоны добыли за двенадцать дней из выемки около трех метров глубиною золота на сорок тысяч франков.

Четверо других товарищей, Джон Мак-Найт, Дуглас, Фир и Гартман, оказались еще более счастливыми: в течение трех недель они намыли золота на сто двадцать тысяч франков.

Наконец, охотники меховой компании из Сан-Луи, работая одни, извлекли из земли драгоценного металла на тридцать шесть тысяч франков за восемнадцать часов.

Все эти люди, до тех пор зарабатывавшие по пятидесяти су в день, казалось, обезумели. Они не пили, не ели, не спали, до крайности возбужденные лихорадочной работой.

Как и у Кормака, у них вышла вся провизия, так что нужно было отправляться в Форти-Миль. При виде мешков, наполненных золотыми зернами, тысяча с лишком рудокопов как один человек отправились в Эльдorado, захватив все, что могли.

Двое молодых людей, Рид и Лерминье, добились успеха, почти беспримерного в летописях рудокопов. Они в две недели извлекли из выемки в восемь метров триста тысяч франков!

Тогда канадец Жозеф Леду, владевший лесопилкой на реке Сикст-Миль, перенес свою фабрику на новое место, туда, где Клондайк сливается с Юконом. Через два года здесь лежал уже целый город с тридцатью тысячами жителей, Доусон-Сити.

Однако неизбежным следствием наплыва народа в Клондайк явились раздоры между поселенцами, соперничество, убийства. К счастью, межевщик канадского правительства, Вильям Огильви, во время одной из вспышек раздора находился неподалеку во главе группы топографов, посланных определить границу между Америкой и Канадой. Он согласился измерить все участки, установить все границы владений и быть беспристрастным судьей среди людей, привыкших выяснять отношения с помощью револьверов. Он один сохранял среди всеобщей лихорадки хладнокровие и упорно отказывался от богатых даров, заявляя, что «государство платит ему жалованье за добросовестную работу, а не за устройство собственного материального благополучия».

Такой поступок снискал Огильви высокое уважение, его решения стали почитаться законом. Он один мог установить порядок между этими сумасшедшими.

Тем временем золотоискатели, рассеявшиеся было по обширным пустыням Аляски и влачившие там жалкое существование, все больше наводняли Клондайк.

Сколько ужасных драм породила эта погоня за золотом! Руководствуясь компасом, в ужасную полярную ночь люди шли через снега, таща сани, питаясь замороженным мясом собак, когда выходило сало, подвергаясь страшным холодам, ночуя прямо на снегу... Сколько их погибло ужасной смертью! Но зато как награждены были те, которые победоносно вышли из грозного испытания!

Зима проходила среди лишений и сверхчеловеческого труда. Большинство жило в снеговых хижинах или в палатках из шерстяной ткани. Впрочем, неумолимая золотая лихорадка воспаляла их кровь, сжигала тело, держала в пламени весь организм до мозга костей и делала невосприимчивыми к холоду. Весной уехала партия из шестидесяти пяти рудокопов, богатых настолько, чтобы позволить себе некоторый отдых. Это были пассажиры «Портланда», прибытие которых в Сан-Франциско произвело на горожан известное уже читателю волнение.

Вслед за ними месяц спустя «Эксельсиор» привез и вторую партию рудокопов в шестьдесят человек. Среди них был калифорниец Берри и его неустрашимая подруга. Берри собрал за зиму на восемьсот тысяч франков золотой пыли и зерен и приобрел участок, стоящий более пяти миллионов.

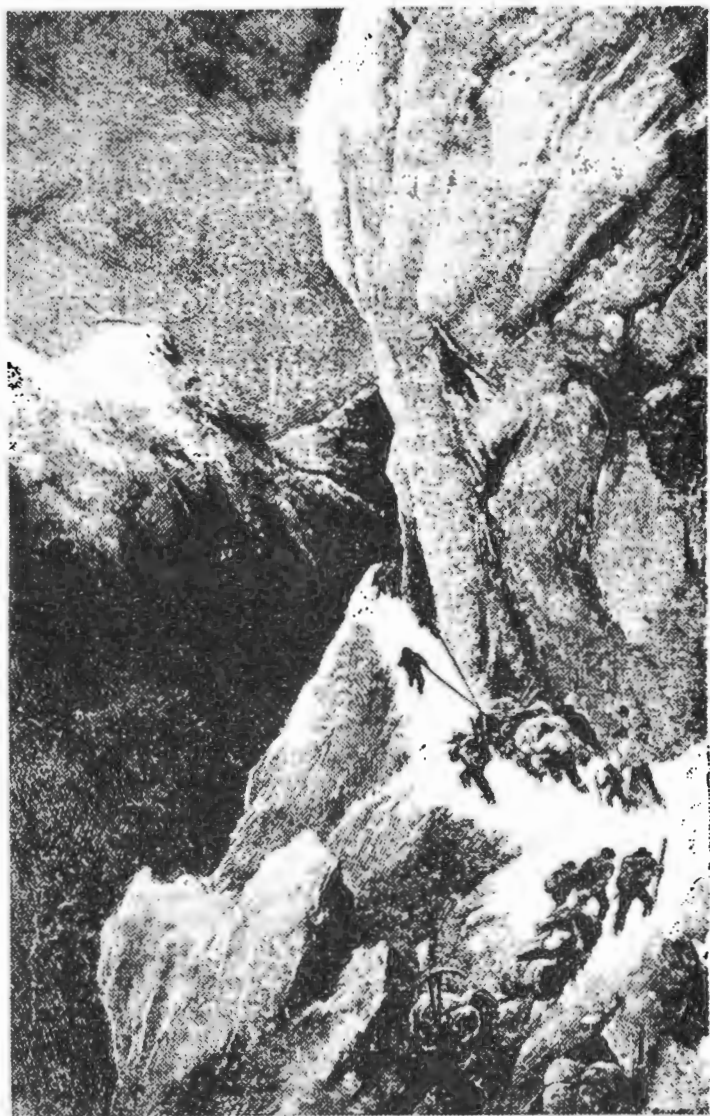
Его товарищ Балти привез шестьсот пятьдесят тысяч франков; Жозеф Леду, основатель Доусон-Сити, — пятьсот тысяч.

Канадцы с именами, похожими на французские — Дефонтен, Мишо, Бертонне, Денонвилье, Бержерон, Жильберт, прибыли, владея полумиллионом каждый! И это — за десять месяцев работы!

Тогда-то и началась горячка. Со всех сторон стекались жаждущие золота, бравшие буквально приступом пароходы. Они отправлялись на поиски без провизии, не обращая внимания на ужасный климат, не считаясь с тем, что с октября реки промерзают до дна и почти прекращается снабжение провиантом.

Несчастные безумцы бросались на штурм страны

На половине пути возвышается скала, покрытая снегом

льдов, терпя голод, холод, переступая через замерзшие трупы, устилавшие снеговую пустыню. Отовсюду прибывали бесчисленные партии. Пароходы останавливались в Скагуэй или в Дика.

От последнего пункта до Беннета, где начинается санный тракт, считается пятьдесят километров. На половине пути возвышается скала высотой в 1068 метров, покрытая снегом, на вершину которой ведет узкая дорожка. Ни собаки, ни лошади, ни мулы не могут по ней карабкаться — ни одно животное, кроме человека.

Навьюченные поклажей в четыре пуда весом, согнув спины, с разбитыми поясницами и подбородками, чуть не касающимися колен, будущие миллионеры усердно взбирались по тропинке, цепляясь за уступы пальцами рук и ног, пытая, ворча, кляня судьбу и все-таки медленно продвигаясь вперед. Как муравьи, двигались они черной лентой, отчетливо видневшейся на белом снежном покрове. Изнуренные до крайности, в пару, будто только что выйдя из бани, достигали искатели золота вершины и резким движением сбрасывали с плеч ношу, скатывавшуюся далеко вниз. За первым тюком следовал другой, потом третий... по числу забравшихся людей. Внизу все это смешивалось, иные вещи наполовину зарывались в снег.

Так скатывалось до тысячи килограммов съестных припасов и пожитков, необходимых рудокопу в течение года.

Иные разделяли свой тюк на десять маленьких, которые постепенно доставляли на вершину и спускали вниз, десять раз повторяя страшно опасный путь. Затем поклажа разбиралась и нагружалась на сани, которые тянули собаки и люди вместе.

Это место называют перевалом Чилькот.

Ужасна эта дорога при ледяном ветре, поднимающем снежную бурю! Страшен привал несчастных, старающихся укутаться потеплее, чтобы заснуть и проснуться потом наполовину замерзшими!

От озера Беннет до Доусон-Сити считается пятьсот километров. Это расстояние пароходом проходят в пять дней в конце весны, когда воды свободны ото льда. В разгаре же зимы санный путь занимает по крайней мере двадцать пять дней. И как он мучительно тяжел!

Само вашингтонское правительство и пароходное начальство, стремясь предупредить катастрофы, часто телеграфирует своим агентам в Сан-Франциско и Ванкувер:

«Задержите отъезд... Остановите рудокопов... Скажите, чтобы дожидались весны».

Но пятнадцать тысяч любителей легкой наживы неудержимы:

— Мы хотим ехать!.. Вот деньги... Плата за проезд... Нас не имеют права задерживать... Место!.. Место!.. И вперед!

И пароходы отходили, а народ прибывал все более иступленный, и замерзшие трупы все чаще устилали горестную дорогу к золоту. Ничто не могло остановить этого безумия, этой алчности, этой дьявольской погони за миллионами. Мученики ледового ада падали, умирали, но, несмотря ни на что, число их все увеличивалось. Впрочем, впоследствии, когда первое волнение, произведенное вестью о клондайкском золоте, прошло, приняты были некоторые меры для поддержания порядка и предохранения ловцов удачи от гибели: образовались общества для упорядочения прибытия и отправления золотоискателей; в газетах, журналах стали появляться различные путеводители с полезными советами, с перечислением необходимого в этих краях снаряжения и его стоимости, со сведениями о местных требованиях гигиены. Предпринимались также меры к облегчению трудностей ужасного перевала через Чилкот. Делались даже попытки устроить подвесную канатную дорогу в ожидании постройки настоящей железнодорожной линии, проведенной два года спустя через Уайт-Пасс — перевал, соседний с Чилкотом.

Однако, не ожидая более удобных путей сообщения, и бедные и богатые, и сильные и слабые, — словом, все, решавшиеся на это путешествие зимой, выносили бесчисленные муки и часто умирали страшной смертью среди ледяного безмолвия. Те же, кто были достаточно разумны, чтобы дожидаться весны, совершали это путешествие водой быстро и даже приятно.

Глава II

Впечатления лицеиста. — Новые друзья. — Канадец и его дочь. — Что следует запасть, отправляясь в Клондайк. — Летнее путешествие. — От Ванкувера до Скагуэя. — Перевал Мертвого коня. — От Скагуэя до озера Беннет. — На пути в Доусон-Сити.

— Ну, что вы скажете об истекших двух неделях? — спросил Редон молодого лицеиста.

— Это какой-то сон, какая-то феерия! — отвечал тот. — Я положительно восхищен! Этот неожиданный отъезд из Гавра, прекрасный переезд через Атлантический океан, неделя в Нью-Йорке, затем Монреаль, путешествие по Канадской тихоокеанской железной дороге и, наконец, Ванкувер!!! Мне просто не верится, что все это не сон!

— Да, да, Жан прав, — хором воскликнула вся маленькая компания, — путешествие прелестно!

Невольными свидетелями этих восторженных возгласов стали двое симпатичных посторонних: громадного роста человек, плечистый, с ясным, светлым взглядом и крупными грубоватыми чертами лица, носившими отпечаток недюжинной энергии, чистосердечия и удивительного добродушия (на вид ему казалось не более тридцати пяти лет, хотя в действительности было полных сорок пять, если только не все пятьдесят), и молодая девушка, красивая, рослая, румяная, с густой каштановой косой, большими синими глазами, с кротким и вместе с тем смелым и решительным выражением лица, несколько похожая на своего спутника. Очевидно, это были отец и дочь.

— Ну, а вам, господин Дюшато, эти шесть суток в железнодорожном вагоне не показались скучными и утомительными?

— О нет! Канадцы неутомимы, а радость знакомства с настоящими французами ни с чем не сравнима. Я уверен, что и дочь моя Жанна того же мнения! Вы не поверите, господа, как мои соотечественники бывают счастливы, когда судьба сталкивает их с людьми, прибывшими прямо оттуда, с нашей далекой прародины!

— Для нас, — сказал журналист, — эта встреча тоже счастье. Вы, Дюшато, так внимательны и заботливы: закупили на всех полную экипировку, съестные припасы, причем по ценам вдвое более низким, чем ожидалось.

— Э, господа, стоит ли об этом! Ведь земляки же! Мы с дочерью отправляемся в Клондайк, вы едете туда же; мне издавна знакома эта страна, а вам внове. Как же не помочь?!

Разговор этот происходил в общей столовой, откуда все перешли в комнаты, загроможденные самым разным снаряжением.

Громадный ньюфаундленд с умными глазами вни-

мательно следил за людьми, ласково виляя хвостом.

— Вот, господа, — говорил Дюшато, — необходимая обувь для четверых мужчин и двух дам... Шесть пар резиновых сапог, шесть пар кожаных, шесть пар сапог, подбитых гвоздями, шесть пар лыж и шесть пар мокасин из оленьей шкуры!

— И только?..

— Все это необходимо в стране льдов и снегов! А вот и чулки: сперва носки шерстяные, потом чулки пуховые, чтобы надевать поверх носков, и, наконец, меховые чулки, что надеваются поверх всего!

— Но у нас будут ноги, как у слонов! — воскликнул журналист.

— Да, конечно, особенно с шерстяными кальсонами, теплыми панталонами, меховыми штанами и парусиновыми шароварами!

— Ну, нечего сказать, завидная перспектива! Да в таком наряде и двигаться-то нельзя!

— Морозы здесь суровые, и надо защищать себя от холода! — наставительно проговорил канадец.

— Ой, да я не хочу здесь зимовать! Я ужаснейший мерзляк!

— Что делать! Здесь никогда нельзя поручиться, где будешь зимовать. Иной год лето длится четыре месяца, а иной — два; холода могут застигнуть невзначай, и тогда волей-неволей нельзя будет двинуться с места!

— Боже правый! При морозе в пятьдесят градусов я и жив не останусь! — воскликнул журналист.

Слушая все эти вопли, Дюшато не мог удержаться от улыбки и продолжал:

— Мы купили фланелевые рубашки, шерстяные куртки, шерстяные верхние одежды и, сверх этого, капюшоны мехом внутрь! А это вот меховые колпаки для головы. Видите, как тепло и удобно! Для рук же, которые очень чувствительны к холоду, заготовлено по две пары перчаток и по паре меховых минеток.

— И это все?

— Ах, нет! Еще полный комплект непромокаемых одежд... Знаете, клеенок матросских! Не забыты и каучуковые плащи.

— Но тогда потребуется канат, чтобы мы могли сдвинуть с места наши драгоценные тела; отягощенные тремя, четырьмя, пятью обертками!

— Не бойтесь, вы пойдете легко, как если бы ничего не имели на себе, полетите в холодном воздухе с легкостью птиц!

Девушки, Леон и Жан весело рассмеялись.

— С одеждами покончено, — продолжал канадец, сохраняя свою серьезность, — теперь надо немного белья, платков и салфеток; затем меховые мешки-постели, одеяла из мехов... Наконец, я купил еще две печки и две палатки! Видите, как хорошо! Это покрывала из просмоленного полотна для наших тюков, весом от семидесяти до восьмидесяти фунтов каждый, в них масса вещей: кухонные принадлежности, железные тарелки и блюда, вилки, ложки, ножи, стаканы, различные инструменты, ящики для промывания золота, веревки, пакля, пилы, гвозди, топоры, ножницы, точильный камень, рыболовные снаряды, прекрасные багры, красивая коллекция удочек и бечевочек, нитки, иголки, булавки, шерсть, дымчатые очки от солнца и снега, табак, фитили, спички, охотничьи ножи, ружья и патроны, сетки от москитов и масло против них.

— В снегу-то москиты?

— Теперь лето, сударь! Воздушная тварь, голодавшая в стужу, не пощадит нашей кожи. Теперь перечислим съестные припасы; они остались в магазине, где под моим наблюдением были упакованы приказчиками. Тут есть: пшеничная мука, овсяная крупа, морские сухари, сахар, сушеные яблоки и лук, сушеный картофель, овощи для супа, шпик, масло, соль, перец, горчица, сушеная шептала, сушеный виноград, рис, чай, искусственная закваска, ящик с различными консервами, плитки лимонного сока — за исключением небольшого количества лакомств для дам, это все!

— Прекрасно! Какая жалость, что там так холодно зимою, а то путешествие обратилось бы в прекрасную увеселительную поездку!

— Зато лето начинается, и вы можете наслаждаться москитами и жарою. Здесь она недолгая, но поистине адская. А теперь, дорогие соотечественники, если вы действительно торопитесь с отъездом и не желаете даром тратить время — за работу! — и, первым подавая пример, канадец схватил мешок, запрягал в него несколько вещей, измерил глазом тяжесть и объем тюка, завернул, скруглил его, пристукнул и сказал:

— Видите, это совсем нетрудно! Несколько оборотов просмоленной бечевки, крепкие уалы, и готово.

Примеру его последовали молодые люди и девушки. Работали безостановочно, и мало-помалу груда мешков становилась все больше. Потребовалось не менее

десяти часов усиленной работы, чтобы покончить с этим делом, от которого зависел самый успех экспедиции. Когда же, наконец, все было готово, канадец, взяв горшок сурика и громадную кисть, изобразил несколько символических линий на каждом тюке, чтобы их можно было узнать с первого взгляда.

Настала ночь. Французские путешественники планировали маленькую поездку в город Ванкувер, Дюшато им отсоветовал:

— Посетим его на обратном пути, когда будем миллионерами... Минуты дороги! Наш путь совершится на борту «Гумфри», который отправляется завтра днем... Сейчас унесут наши тюки... Вот носильщики... Плуты зарабатывают по шестидесяти франков в день... Мы переходим улицу, и по другой стороне, в пятидесяти шагах — пристань. Вот номера наших кают. Понесем лучше сами наш ручной багаж для большей сохранности.

Они шли среди людей, сгибавшихся под грузом тюков, среди мулов, тащивших дроги, достигли пристани, перед которой свистел, качаясь и выпуская клубы дыма, большой пароход. На следующий день наши путешественники взошли на борт «Гумфри». Дюшато с собакой Портосом последним переправился через мостик. Суматоха кончилась. У каждого пассажира попроще было свое место за столом на нижней палубе, у привилегированных — на верхней. Наши друзья устроились попарно: Марта Грандье в одной каюте с Жанной Дюшато, Леон Фортен с Жаном Грандье, Поль Редон с Дюшато, к последним присоединился и добрый Портос.

Через пять с половиной дней пароход достиг Скагуэя, конечного пункта пути. Началась высадка, затем таможенные формальности, так как Скагуэй находился на американской территории.

Благодаря терпению и нескольким долларам, незаметно опущенным в руки неподкупных американских чиновников, Дюшато выиграл время и проводил в город, лежащий в километре от таможни, свою храбрую маленькую компанию. Хорошо изучив путеводитель, он избрал дорогу через Белый проход — более длинную, но зато несравненно более удобную, чем перевал Чилькот. Разборка пакетов, переговоры с содержателями пунктов перевозок, погрузка бесчисленных тюков на лошадей и мулов заняли немного времени, — и скоро

наша компания отправилась в путь. Дорога, пролежавшая через Белый проход, называлась «Дорогой мертвой лошади». Вся она была усыпана конскими костями — прошлой осенью на ней пало более трех тысяч животных. Благополучно преодолев ее, наши паломники прибыли к озеру Беннет, где начинается уже речной путь, и здесь погрузились на пароход «Флора», сидевший в воде не глубже двух футов.

Глава III

На «Флоре». — Высадка. — Юкон. — В Доусон-Сити. — Действие от тепели. — «Высший свет» страны золота. — Гостиница «Бель-Вю». — Ценою золота. — Конная полиция. — Безопасность.

От озера Беннет до Доусон-Сити около 870 километров, примерно столько же, сколько от Парижа до Марселя. По расчетам пароходного начальства, чтобы пройти это расстояние, требуется пять суток. В действительности же все иначе, свободному плаванию очень мешают многочисленные пороги, которые нужно обходить с величайшей осторожностью. Пословица «человек предполагает — случай располагает» особенно справедлива при таком путешествии. Навигация только началась, пароходы совершали первые рейсы, и было неизвестно, как пройдут они два труднейших порога, расположенных в каналах Идеальная Миля и Белая Лошадь (река принимает в себя несколько озер, которые сообщаются одно с другим естественными каналами).

За озером Беннет следует озеро Тагиш. Их соединяет канал Рука Ветра. Озеро Тагиш соединяется с озером Марш Бродом Антилоп, и, наконец, довольно длинный канал соединяет озеро Марш с последним озером — Лабарж. Этот канал и принимает в первой части своего пути название Идеальная Миля, а в последней, где течение достигает страшной быстроты — сорока пяти километров в час, — Белая Лошадь. Во время ледохода эта скорость увеличивается, а с нею вместе возрастают и опасности.

Стояла адская жара. Не будь в отдалении совершенно белых снежных гор и ледяных скал, можно было бы подумать, что это Прованс. Редон, вечно зябнувший и воспевавший дифирамбы солнцу, схватил на оба уха по так называемому солнечному удару. Они по-

краснели, вздулись, и из опухоли потекла сукровица, даже немного крови. Он первый же, впрочем, начал смеяться над своими ожогами.

Между тем пароход прибыл к устью озера Лабарж. В европейской стране самая элементарная осторожность требовала бы останавливаться ночью, но здесь в это время года ночи, собственно говоря, нет. Солнце закатывается в одиннадцать часов вечера и всходит в час утра. Таким образом, заря смешивается с сумерками, и день царит в течение всех двадцати четырех часов. Поэтому пароход шел без передышки. Но вот встретились страшные пороги Пять Пальцев и Ринк, находящиеся в четырех верстах друг от друга.

«Флора», счастливо переправившись через первые, застряла на последних и дала течь. Нужно было направиться к берегу реки, укрепиться якорями, разгрузить кладь, облегчить судно, осмотреть трещину и заложить ее с помощью кусков дерева, пакли, меха, кожи и т. п.

Когда пробоина была заделана, пароход двинулся дальше в сопровождении целой флотилии лодок с пассажирами и их пожитками... Вот и форт Селькирк, один из старых укрепленных магазинов, какие компании торговцев мехами Гудзонова залива строила повсюду. Вокруг магазина раскинулось шестьдесят индейских хижин и около двадцати палаток рудокопов. Они образуют маленькую деревню, в которой энтузиасты видят даже будущую столицу канадской Северо-Западной территории.

Отсюда, уже по Юкону, одной из величественных рек Дальнего Севера, пароход доходит до Доусон-Сити — новой столицы страны золота. Вид первого города золотого царства, однако, был мало привлекателен для людей, с самого Монреаля, то есть более двух недель не знавших отдыха и вздыхавших по хорошей постели и ванне.

Капитан «Флоры» указал нашим друзьям меблированную гостиницу «Бель-Вю», самую «выдающуюся» в Доусоне. Сюда и направились наша компания.

По примеру американских городов Доусон состоит из авеню (прогонов) и улиц, пересекающихся друг с другом под прямым углом. Улицы тянутся с востока на запад, а авеню — с юга на север.

Первое авеню, модное, задающее тон, идет севернее Юкона и называется Фрон-стрит. Но вид его далеко не респектабельный.

— Черт возьми! — произнес Редон, коснувшись ногой земли. — Добрая пара непромокаемой обуви была бы нелишней!

— А еще лучше — маленькая плоскодонная лодка или плот! — прибавил Леон.

Молодые девушки только засмеялись и отважно, зная наперед, что жизнь, полная приключений, имеет много неудобств, пошли по тротуару, похожему на болото. По нему прогуливались, задравши нос, с сигарами в зубах местные франты — сливки общества Дюссон-Сити.

— Честное слово! — вскричал озадаченный Редон. — Судя по одеждам и физиономиям, эти типы со двора чудес.

В самом деле, представьте себе, читатели, кучу грязных и причудливых лохмотьев; плешивые, паршивые, как спины бродячих собак, меха; желтые клеенки, рваные каучуковые сапоги с бесчисленными дырами, смятые до неузнаваемости шляпы, дырявые фланелевые рубашки; набросьте все это на человеческое тело так, чтобы башмак был соседом сапогу, а мех — клеенчатым панталонам; затем дорисуйте исхудалые головы, с лихорадочно горящими глазами, с растрепанными волосами и бородами, — и вы получите полное представление о лучших людях «золотого общества», которые бродили по грязи в ожидании шести часов.

Весь этот балаганно-пестрый, но самоуверенный народец обменивался фамильярными поклонами, а больше разговаривал о добытом днем металле и держался с апломбом сказочных богачей. Лохмотья, было видно сразу, ничего здесь не значили, и субъект, задирающий нос, у которого одна нога в сапоге, а другая в башмаке, штаны в заплатках, а на плечах дырявый каучуковый плащ, мог обладать полумиллионным состоянием в Канадском коммерческом или в Британском Северо-Американском банке. Поэтому никого не удивляло, что дамы, одетые вполне прилично, подают руки этим джентльменам, не замечая их «вечерних» нарядов.

Да и самый вид «золотого царства» производил отталкивающее впечатление своей грязью и вонью. Зимой пятидесятиградусный холод придавал всему плотность камня и скрывал грехи в общественном благоустройстве. Летом же тут везде стояли лужи,

тепловатые, отваратительные, с тучами мостиков — земля не всасывала уже воды, а на глубине семи вершков оставалась замерзшей, непроницаемой и твердой, как скала. Ко всему этому присоединялась еще и страшная сырость, порождавшая лихорадку и невообразимое злобование от гниющих отбросов, кучами валявшихся повсюду.

Несмотря, однако, на это, в Доусон-Сити живут весело, и всевозможные казино, игорные дома, рестораны, танцевальные залы процветали, как нигде.

В такой-то город судьба и привела наших друзей. Остановились они, по совету капитана «Флоры», в лучшей гостинице, и Редон в качестве опытного путешественника справился о цене у клерка:

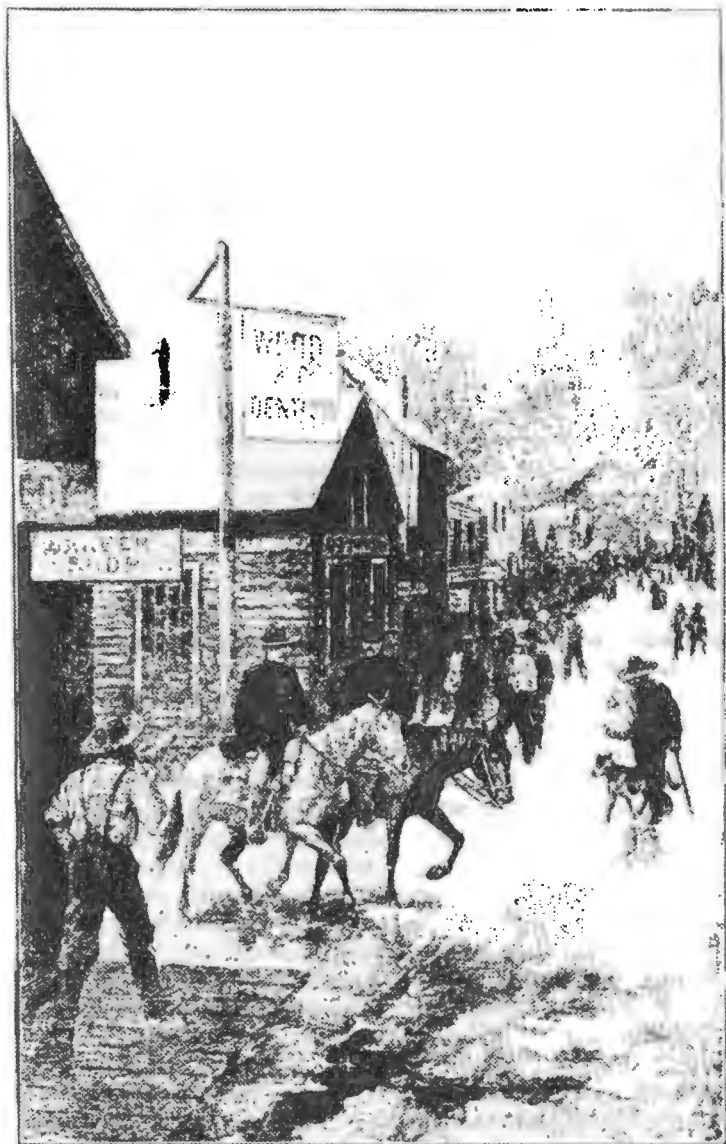
- Сколько в день?
- Десять долларов с персоны! — был ответ.
- Хорошо, нас шестеро!
- Тогда шестьдесят долларов... Плата вперед!
- Мы рассчитываем пробыть два дня, а потому вот сто двадцать долларов!
- Собака остается с вами?
- Да, а как же?
- Ее содержание будет стоить два доллара в день.
- Браво! Вот кто умеет обделывать дела!
- О, — продолжал клерк, — собака такого джентльмена, как вы, не может искать себе пищу в кучах мусора!

Вообще все в Доусон-Сити оказалось баснословно дорогим. Свежий картофель стоил три франка штука, дорожке трюфелей во Франции, апельсин — пять франков, яблоко — два с половиной франка, пара цыплят — сто семьдесят франков, а в ресторане — сто двадцать франков за штуку, кусок бифштекса с вареным картофелем тридцать франков, бутылка абсента, коньяка или даже просто виски — сто франков, бутылка пива — от двадцати пяти до тридцати франков, за шампанское же и другие вина платились баснословные суммы в триста франков и более.

Соответственно этому назначались и цены за квартиры. На главной улице, например, нечего было и думать нанять помещение дешевле ста пятидесяти франков за квадратный метр в месяц. А между тем это ведь не квартиры, а грязные, вонючие конуры!

Словом, жить в Доусон-Сити могли позволить себе только проезжающие, которые останавливались в го-

Конная полиция строго наблюдает за всеми

роде всего на несколько дней, или те, кто, обогатившись на приисках, желал спустить здесь известную часть своей баснословной добычи.

Публика же менее удачливая, только ждущая улыбки фортуны, селилась на самой окраине, — здесь раскинулся настоящий палаточный пригород: на грязной, вонючей почве разбито семьсот — восемьсот парусиновых жилищ, где незадачливые золотоискатели задыхаются летом от жары, а зимою мерзнут от холода.

Эти палатки служат вместе с тем и провиантскими магазинами. Тут в течение почти семи месяцев все съестные припасы: сыпучие, мясные, жидкие, не исключая даже спирта, замерзают как камень, так что двое приятелей, желая угоститься рюмочкой вина, просто подходят к небольшой дощечке, служащей подносом, где стоят две небольшие ледяные сосульки в виде наперстков, берут их прямо рукой, чокаются и затем препровождают в рот, где замороженная водка тает. Просто, мило и оригинально!

Что касается общественной безопасности, то Редон получил следующий ответ клерка:

— О, вы можете быть вполне спокойны! Здесь никогда не случается ни краж, ни насилий, ни каких-либо происшествий, нарушающих общественную тишину и спокойствие, несмотря на то что наследие состоит в большинстве из весьма подозрительных личностей. У нас здесь превосходнейшая конная полиция из двухсот пятидесяти человек, строго наблюдающая за всем, что происходит в городе и его окрестностях! Это люди недюжинной силы, необычайно выносливые и всеми уважаемые, каждый гражданин охотно оказывает им содействие, когда необходимо. На их ответственности всецело лежит и безопасность горожан, и неприкосновенность всех богатств города. А здесь во всякое время хранится золота больше чем на пятьдесят миллионов долларов, но старатели не припомнят ни одной серьезной попытки украсть его! Что же касается съестных припасов, то их вообще принято оставлять в палатке или в избушке не закрытыми, и никто никогда не трогает ни крохи чужого добра!

«Право же, наш век — золотой век для воров и мошенников, — подумал про себя Поль Редон, — все основано на доверии! Какое обширное и благодатное поле деятельности для ловких и искусных мошенников, вроде членов шайки «Красная звезда!»»

Глава IV

Новички.— Хозяйки и работники.— Законы, указы и концессии.— Сколько золота! — Явились или слишком рано, или слишком поздно.— Эксплуатация золотоносных участков.— Первая промывка золота.— Разочарование.— Находка Портоса.— Гнездо самородков.

Наши будущие миллионеры стали понемногу устраиваться. Проведя два дня в гостинице, они сняли потом квартиру на Шестой авеню стоимостью в тысячу франков в месяц, куда и сложили провизию и зимнее снаряжение. Сами же поселились в палатке за городом среди тысяч рудокопов.

Настала новая жизнь, полная странностей и неожиданностей и лишенная самого элементарного комфорта. Спать приходилось на земле, подостлав, чтобы предохраниться от сырости почвы, пропитанной водою, как губка, звериные шкуры вместо матрасов.

Молодые девушки разместились в одной из палаток, где хранились провизия и снаряжение. Они стряпали и занимались хозяйством, а мужчины приносили воду и дрова.

Каждый исполнял свои обязанности с готовностью, как бы тяжелы они ни были.

Жанна Дюшато была для Марты Грандье опытной и любящей наставницей. Оказалось, молодая канадка еще раньше сопровождала своего отца и дядей в далекие экспедиции летом и зимой и не терялась нигде и ни в чем. Так, с помощью простого сучка она могла развести огонь при ветре; все находило у нее применение и приносило пользу: ящик из-под консервов, кусок доски...

Отец девушки, в свою очередь, приобщал своих новых друзей к трудной и очень утомительной профессии дровосека. Ходить за дровами приходилось далеко, так как окрестности Доусон-Сити уже лишены леса. Обыкновенно на эти поиски отправлялись Леон, Поль и Жан под предводительством канадца. От непривычной работы на руках молодых людей вздувались волдыри, поясницу ломило, со лбов катился градом пот. Зато когда нагруженные, как мулы, они возвращались домой, их встречал превосходный стол из поджаренного сала, овсяного супа и тяжелых, как свинец, блинов.

Так прошло несколько дней. Вокруг наших друзей шумела толпа, где каждый жил сам по себе, не заводя никаких знакомств, не интересуясь соседями,

даже не глядя на них, как будто мысль о деньгах убила в людях всякую общительность.

Всех занимало золото и только золото.

Теперь, чтобы читатель мог понять все детали нашего рассказа, нужно объяснить организацию золотопромышленности в Клондайке.

Золотоносные участки Северо-Западной территории Канады разделены на четыре округа, получивших названия по именам своих главных рек — Юкон, Клондайк, Индиан-Ривер и Стюарт-Ривер. В долинах здешних рек и речек и встречается золото в виде россыпей и самородков. Каждый рудокоп, прибывший сюда, имеет право получить участок (клем), заплатив семьдесят пять франков; таких клемов он может взять только четыре за всю жизнь. Зато ему предоставлено право перекупать их сколько угодно у других. Получив право на клем, охотник за золотом выбирает свободное место для работы, руководствуясь своей опытностью, раскопками, предварительной промывкой земли. Когда этот этап завершается, является правительственный чиновник-землемер и определяет границы участка. Участки, перпендикулярные реке, имеют обыкновенно с каждой стороны тридцать восемь сажен, если они лежат на плоскогорье; тридцать восемь — в долине и сто пятьдесят на склоне; напротив, если они лежат по реке и занимают берега ее, то — тридцать восемь сажен с каждой стороны. Когда размеры клема уточнены, золотоискатель получает документ, по которому имеет исключительное право производить разработку золота на своем участке, построить дом, бесплатно пользоваться водою, протекающей через указанный участок, чтобы промывать землю. На саму же почву концессия не дает никаких прав, и договор аннулируется, как только участок перестает постоянно и добросовестно разрабатываться.

Из всего этого видно, что быть свободным золотоискателем недешевое удовольствие. Поэтому сюда едут люди с капиталами. Но часто, после тщетных попыток найти богатое месторождение, все припасенные раньше деньги исчезают, и тогда неудачник становится носильщиком, поваром, землекопом, — словом, работает на других, превращаясь в пролетария, впрочем, совершенно безобидного, так как здесь закон строг, да и существует суд Линча, выносящий иногда ужасные приговоры, воспоминание о которых врезывается в мозги навсегда.

Однако довольно предисловий. Возвратимся к прерванному рассказу.

Дюшато и Жанна, Марта Грандые, Леон Фортен, Поль Редон и Жан Грандые — все шестеро сделались свободными золотоискателями, так как канадский закон дает мужчинам и женщинам одинаковые права на владение участками; затруднение вызвал только возраст Грандые-младшего, которому исполнилось только шестнадцать лет, тогда как по закону искатель золота должен иметь не менее восемнадцати. Но когда наша шестерка представилась правительственному агенту, чтобы сделать свои заявления, последний при виде высокого роста, широких плеч и пробивающихся усов юного Грандые великодушно дал ему все восемнадцать, на что польщенный Жан, конечно, не возражал. Друзья получили право взять двадцать четыре участка для эксплуатации, выбрав для предосторожности по одному клему в каждом округе.

Когда все формальности были закончены, они покинули Доусон-Сити и направились в золотое поле вынимать первые номера грандиозной лотереи, помрачавшей умы двадцати тысяч больных золотой лихорадкой, прибывших сюда со всех континентов.

Дорога к этому Эльдorado была ужасная. Грязь стояла по колено, а тут еще нападение целых стай москитов, укусы которых может довести непривычного человека до иступления. А каково было при таких условиях тащить поклажу! К счастью, средства наших друзей позволили им нанять повозки для багажа, хотя и по чудовищной цене. Бедняки же, взвалив весь груз на себя, еле тащились, согнув спины, опустив головы...

Но золото, притягивающее к себе, подобно магниту, человечесьи души, заставляло забывать про все, люди свыкались и с дороговизной, и с москитами, и с усталостью.

Против ожидания лето на Севере — мертвый сезон. Работают здесь в это время только от шести до восьми недель и единственно те, кто с ноября по конец апреля рыл шурфы, извлекая из них золотосодержащий песок для дальнейшей промывки. Операция эта требует самых простых приемов и приспособлений. Они называются по-английски sluice и roker.

Sluice-box (шлюзный ящик) представляет собою де-

ревянную трубу, точнее, желоб, открытый с обоих концов, имеющий форму корыта. Дно его устлано шерстяным ковром с продольными перекладинами. Несколько таких ящиков, наполненных землей, ставят один на другой и наклоняют на тридцать градусов посредством подставок. Потом направляют на них сильную струю воды, искусственно отведенную из соседнего ручья. Вода увлекает глину и камни по деревянным желобам, а золото, вследствие своей тяжести, падает вниз и остается на шерстяной ткани.

Когда рудокоп находит, что возжеленного металла намыто достаточно, он очищает шерсть жесткой щеткой, затем продолжает промывку.

Что касается гокега (качалки), то это — колыбель, составленная из железных сит, прикрепленных к качающейся раме. Рудокоп кладет в сито столько земли, сколько может уместиться, потом одной рукой, с помощью широкого ковша, льет воду, а другою действует, как бы качая колыбель. Вода отделяет примеси, и золото, проходящее через сито, падает на платформу, покрытую шерстяным покрывалом.

Примитивнейшее оборудование дает сказочные доходы — так много в Клондайке золота!

Но чтобы летом начать промывку, необходимо трудиться всю зиму. Поэтому многие новоприбывшие, мечтавшие собирать золото, как картофель, смущенно посматривали друг на друга и печально возвращались в Доусон. Им нечего было делать, летом рыть ямы невозможно: земля не тверда, обваливается; нужно дожидаться, пока почва замерзнет.

Но наши друзья философски отнеслись к этому обстоятельству и хотели уже возвращаться в Доусон-Сити, когда Марте пришла в голову неожиданная мысль:

— Так как мы имеем еще один клем по соседству, надо познакомиться и с ним! — предложила она.

— Грязь не пугает вас, мадемуазель? — сказал Редон, с важностью шлепая по колена в грязи.

Девушка только беззаботно улыбнулась, проговорив:

— Ба, грязь! Немного больше, немного меньше, не все ли равно? Ведь правда же, Жанна?

— Конечно, правда!

— Так идемте, господа? Эта концессия моя, и, предчувствую, наше путешествие не будет бесполезным.

И вот они снова пустились в путь и шли более полусуток. С помощью плана отыскиали свой участок на скате холма. Благодаря этой покатоности вода с него сбежала, и потому можно было двигаться посуху.

Наши друзья разбили палатки и поспешили прежде всего приготовить обед, уже в пятый раз в этот день, так развился у всех аппетит. Впрочем, это был скорее ужин: часы показывали одиннадцать ночи, но солнце еще не зашло. Наконец, за полчаса до полуночи оно скрылось, и золотоискатели, отложив до следующего дня свои дела, легли спать. Но уже в половине четвертого утра все были на ногах. Солнце, поднявшееся двумя часами раньше, стояло высоко и сильно пригревало.

Люди, успевшие здесь получить участки, давно были за работой. Довольные, что день продолжается без малого круглые сутки, они трудились, точно негры-невольники или каторжники, до истощения сил, до полного изнурения.

Соседи познакомились между собой, вступали в разговоры, но и здесь все интересовались только золотом, говорили лишь о нем.

Однако участки были бедны, что не мешало, впрочем, рудокопам испытывать свое счастье: «Авось, — думал каждый, — я все-таки наткнулся на богатое месторождение?»

Работа старателя, в сущности, очень несложная. Сперва поднимают верхний слой почвы, затем роют все глубже и глубже, добывая большие комья земли, которые кладут в железное корытце, вмещающее с полпуда. С этим корытцем идут к ручью и, присев на корточки, погружают в воду по самые края, все время покачивая. Мало-помалу камешки, глина и другие примеси отделяются и уносятся водой, а на дне остается лишь чистое золото.

Этот простой прием требует, однако, известной ловкости и умения. Обыкновенно соседи всегда с охотой обучают новичков такому способу промывки, и обе наши девушки сразу показали большое проворство; мужчины же оказались менее способными.

Все шестеро горячо принялись за дело, но — увы! — на первых порах их ждало разочарование: на дне корытца скапливалось ничтожное количество золотого песка. Проработав двенадцать часов без перерыва, наши друзья решили прекратить работу и, усталые, измученные и разочарованные, хотели уже возвратиться

*Жан поспешно схватил комок земли и произнес:
«Кажется, это — золото!»*

в свой бивуак. Вдруг какой-то маленький зверек, выпрыгнув из норки, стремглав кинулся между лапами Портоса. Обрадовавшись развлечению, собака стала гоняться за ним, но едва успела сделать три-четыре скачка, как грызун скрылся, словно провалившись под землю.

— Ищи! Ищи, Портос! — крикнул ему Жан.

Собака принялась разрывать землю.

— Апорт! — командовал лицеист.

Портос на мгновение уткнулся носом в землю и вытащил что-то, но затем, бросив, стал рыть глубже. В этот момент луч солнца, упав на находку пса, заиграл ослепительно ярким блеском. Жан поспешно схватил комок и произнес:

— Весит более десяти фунтов, и мне кажется, что это золото!

— Золото! Покажите-ка его сюда! — и ком стал переходить из рук в руки. — Вот когда счастье-то привалило! — воскликнул Редон.

Услышав про находку, с соседних участков бежали старатели.

— Да, это в самом деле золото, самое чистое, самое превосходное, какое мне только случалось видеть, а я ведь двадцать лет пекусь и мерзну в этой проклятой стране! Поверьте, друзья, этот самородок стоит не менее десяти тысяч франков, — проговорил старый рудокоп.

— Десять тысяч франков — кусок металла величиною с крупную картофелину мутно-желто-землянистого цвета!

Между тем Портос продолжал усердно рыть лапами землю.

— Надо посмотреть, нет ли там еще таких самородков! — проговорил Жан, взглянув на собаку. Все кинулись к яме, вырытой ею, и громкий крик радости вырвался из десятка уст.

— Клянусь честью! — воскликнул старый рудокоп. — Вот гнездо самородков! Ну, в добрый час вы начали свое дело!..

Глава V

Что называется гнездом самородков.— Золотая лихорадка.— Кровь и золото.— На замерзшей почве.— Почему не делают раскопок летом? — Дровосеки.— Рудокопы.— Журналы, газеты и их делегаты.— Неизвестность.— Планы бандитов.

И в Калифорнии, и в Южной Африке, и в Австралии рудокопы называют золотым гнездом такое место, где в земле, подобно клубням картофеля, лежат рядом разной величины самородки. В данном случае таких самородков оказалось двенадцать штук, причем самые мелкие — с хорошее куриное яйцо, а самые крупные — много больше мужского кулака.

— О, вы счастливые люди! — при виде этого неожиданного богатства воскликнул старый рудокоп, весь бледный от волнения. — Ведь это разом целое состояние! Вам будут завидовать!

— Но это еще не все! Я уверен, мы будем золотыми королями! — воскликнул Поль Редон и, взяв в руки два клубня, стал подбрасывать их, взвешивая на руке, играя с ними. — Никогда не поверил бы, что вид этого богатства так подействует на меня: хочется петь, плясать и скакать от радости. Да вижу, что и вас всех, друзья мои, охватила также золотая лихорадка, такой же золотой бред! Вы хотя и молчите, но глаза такие безумные!

И действительно, золото как-то особенно действует на человека, опьяняя, подобно хорошему крепкому вину. Ведь странно: когда люди наталкиваются на громадные залежи железа, меди, угля, представляющие собою те же миллионы и сулящие порой несравненно большие богатства, не бывает такого бреда, таких галлюцинаций, грозящих потерей рассудка. Происходит ли это оттого, что золото даже в грубом виде является воплощением всех человеческих наслаждений, радостей жизни и одновременно воплощением роковой, тяжелой работы, мучительной борьбы за существование — трудно сказать. Но даже суровый Дюшато сперва побледнел, затем покраснел и был не в силах произнести ни одного слова. Между тем глаза его горели как раскаленные угли.

— О, и я хочу видеть... Хочу дотронуться своими руками до этого золота... Дайте, дайте мне его сюда! — с трудом выговорил он, наконец. — Ах, Жанна, дитя мое... наконец-то мы будем богаты!.. Жанна, слышишь

ли?.. Ведь это богатство! Громадное богатство!..

Молодая девушка тоже оживилась, за нею Леон, потом сама Марта. Только Жан остался нечувствителен к припадку сумасшествия, вызванному подарком судьбы: для Дюшато и его дочери это открытие означало конец убогой жизни в канадской хижине без радости и надежды; для Марты оно оборачивалось независимостью; Леону Фортену обеспечивало достойную жизнь родителей и осуществление научных проектов. А Жан видел в золоте прежде всего средство отомстить за смерть отца. Но поможет ли оно ему? Как эти слитки накажут убийц?!

Между тем, пока люди волновались около самородков, Портос продолжал ожесточенно рыть землю и добрался-таки до грызуна. Бедная землеройка билась у него в зубах, но, увлеченные видом золота, Редон и его друзья не обращали на это внимания.

— Сколько здесь... скажите? Тысяч на сто франков будет? — дрожащими губами произнес журналист.

— Как знать? — отвечал старый рудокоп. — Когда найдена жила, то этим дело не кончается! — Он взял кирку и с удвоенной силой увеличил отверстие. Камни полетели, и всюду засверкали блестящие точки.

— Вот!.. Я говорил! — продолжал он прерывающимся голосом. — Вот... Вот!.. Еще!.. Но что вы смотрите? Возьмите лопату и поднимите это все... Прекрасно! Золотая масса!

Редон схватил лопату и бросился к груде обломков, среди которых блеснули новые самородки. Он рылся с жадностью, упоением, из груди его вылетали короткие восклицания — «ах, еще, еще!».

Канадец собирал «золотые картофелины» и клал их в кучу.

Вдруг кирка ударилась о твердое, как скала, препятствие.

— Кончено! — сказал канадец, бросая орудие.

— Как!.. Нет больше золота! Уже! — вскричал разочарованным тоном Редон.

— О, чувствую, даже уверен, его еще множество, но я коснулся замерзшего слоя, а люди еще не выдумали инструмента, чтобы раздолбить такую землю!

— Но как же поступают зимой?

— Зажигают огонь в ямах: через двенадцать часов лед подтаивает, земля размягчается на два фута. Вот ее-то и пускают для водяного промывания.

— Значит, надо ждать зимы?
— Да, два с половиной — три месяца!
— Нет, я хочу сейчас же начать разработку, как зимой! Не правда ли, ведь это и твое желание, Леон?.. И ваше, Дюшато?..

— Конечно! — энергично ответили оба.

— Смотрите, опасно! — проговорил старик. — Почва не тверда; по мере того как вы будете рыть, она станет обваливаться.

— Можно укрепить лесами!

— Вода доберется до вас!

— Мы ее вычерпаем!

— Здесь летом из глубины почвы выходят смертоносные газы: они вас задушат.

— Умирают один только раз.

— Ну, и молодец же вы! — воскликнул восхищенный рудокоп. — Право! Дайте мне хорошую цену, и я готов пойти на риск!

— Сколько же угодно за день?

— Сто франков, если не дорого!

— Получите двести... Мои друзья согласны?

— Да!.. Да!.. Двести франков! — вскричали в один голос молодые люди и девушки.

Итак, эксплуатация началась, несмотря на опасности. Теперь нужно было добыть дрова. Немедленно приступили к делу.

Леон, Поль и канадец, под предводительством старика, очистили место и стали копать четырехугольное отверстие в два квадратных метра; Жанна же, Марта и Жан отправились за дровами. При помощи рюкзаков и топоров они скоро набрали по связке сучьев. Молодой человек помог своим спутницам взвалить эти связки на плечи, и все трое, обливаясь потом, достигли участка. Потом пришлось принести еще столько же. Затем дрова сложили в яму и зажгли.

— Теперь, — произнес Редон, — пока земля оттаивает, нам не мешает наполнить чемоданы!

Эта мысль пришла всем по душе.

Самородки были собраны и снесены под просмоленный навес.

Неслыханное обилие и чрезвычайная величина их вызвали среди соседей настоящий столбняк; на памяти рудокопов не было видано ничего подобного. Золота здесь, считая по самой низкой цене, было не менее шестидесяти килограммов на сумму сто восемьдесят тысяч франков.

Весть о счастливой находке наших друзей быстро распространилась, полетела в Доусон-Сити и произвела там всеобщую сенсацию. Репортеры двух главных в столице золота газет — «Клондайкский самородок» и «Юконская полночь» — немедленно выехали на клем, еще не имевший названия. Им нужны были автографы, интервью, документы, фотографии счастливцев! Конечно, Редон прекрасно понял коллег. Новые знакомые проглотили несколько кусков мяса и сухарей, выпили по стакану виски и уехали через два часа.

Работа, прерванная на некоторое время, возобновилась, так как почва уже оттаяла на глубину метра. Оставалось только удалить пепел.

Кирки старого рудокопа и Дюшато застучали по горячей земле, и Леон Фортен и Поль Редон стали поднимать лопатой куски и бросать наружу. Здесь Жанна, Марта и Жан осматривали их и выбирали большие и маленькие самородки.

В яме, где работало четверо мужчин, наступила адская жара. Засучив рукава своих рубашек, они все ушли в работу.

— Ну, друзья мои, и денек! — сказал Редон, вытирая рукой пот, струившийся по его лицу. — Мы получаем тысячу франков в час. Недурно!

— Черт возьми! — произнес в это время старый рудокоп. — Взгляните-ка сюда! Можно подумать, найдена «Мать золота», пресловутое золотое гнездо Юкона! — С этими словами он отколол киркою почти такую же глыбу, какую отрыл Портос.

Леон и Поль взглянули на нее, друг на друга и без слов поняли все.

— Ну, товарищ, берите ее в свою собственность! — сказал восхищенный журналист.

Старик сначала не понял.

— Берите же, говорят вам, — продолжал Редон, — это вам... Не так ли, дамы?

— О, от всего сердца! — воскликнули девушки.

Старик сначала побледнел от волнения, затем кровь прилила к его худому лицу, побуревшему от двадцатилетней работы на открытом воздухе, и он едва мог произнести:

— Вы... золотые сердца... Вы — достойны своего счастья!.. Моя благодарность... принадлежит вам навсегда!.. Я — ваш... Мое имя — Пьер Лестанг, уроженец прихода св. Бонифация, близ Виннипега, в Канаде.

— А, моя родина! — вскричал Дюшато, протягивая ему руку. — Я должен был догадаться об этом по вашему произношению!

— Но мы все соотечественники!.. Да, по доброй, старой Франции! — прибавил Фортен.

Во время этого разговора к золотоносной яме приблизилась небольшая подозрительная компания. Лохмотья доусонцев были не лишены живописности, а вид довольно красноречиво свидетельствовал о преступных замыслах; но счастливые искатели золота не обратили на это внимания, как не заметили взглядов, брошенных гостями на палатки, яму и кучу самородков.

После долгого немого созерцания чужой удачи незнакомцы медленно направились к дощатому барaku, где наскоро был устроен трактир, и уселись за бутылкой виски. Один из них, оглянувшись кругом, тихо проговорил:

— Все ли вы видели? Смотрите, не забудьте! Особенно позаботьтесь о собаке! Черт возьми! У них более ста килограммов золота, стоящего, по крайней мере, триста тысяч франков! Нужно, чтобы оно было нашим.

Глава VI

Два человека конной полиции. — Западня. — Два трупа. — Страшная резня. — Еще один мертвец. — Упорный сообщник. — Пожар. — Мьямские полицейские. — Охрана для гнезда самородков.

Неделю спустя зловещие незнакомцы, положившие глаз на золото наших друзей, собрались в деревушке Фурш. Расположенная при слиянии двух рек, Эльдорадо и Бонанзы, Фурш была малой копией Доусон-Сити — такая же грязь и топь, те же увеселительные заведения, те же люди, только общественная организация более первобытная, жизнь более дорогая, а удовольствия более грубые.

Здесь имелся полицейский пост, но стражи порядка из-за множества дел никогда не сидели на одном месте, разъезжали по горам и долам и при случае не отказывались от угощения.

Около трех часов того же дня два полисмена вернулись в Фурш. У первого дома, харчевни, где радостно веселились рудокопы, один из кутил остановил их, по-

желал по-английски доброго дня и прибавил хриплым от виски голосом:

— Вы чокнетесь с нами, не так ли?

— Идет! — ответили они. — Мы уже четыре дня в дороге и хотим пить, а еще больше есть! Но позвольте раньше вычистить лошадей!

— Ни за что! Это сделает харчевник!

Явился хозяин трактира. Это был высокий и крепкий мужчина тридцати лет, с белокурыми волосами и длинной бородой. Он с видом знатока осмотрел лошадей.

— А я вас не знаю! — сказал один из полисменов.

— Ничего удивительного! Я здесь только неделю... Сменил Джо Большую Губку, умершего от белой горячки.

— Это должно было произойти! — подхватил второй полицейский. — Бедный Джо не пил меньше галлона в день!

— Мы познакомимся, господа, и вы будете приняты с не меньшим радушием, чем у моего предшественника! Но довольно болтать!.. Входите же... Я займусь лошадьми.

Сопровождаемые человеком, пригласившим их на улице, полисмены вошли в довольно большую залу, где всего четверо посетителей с аппетитом пили и ели. Их познакомили и дали место за монументальным столом, заставленным разными яствами.

Тут же два бокала были наполнены немного дрожавшими руками до краев, и для начала все звонко чокнулись.

Привыкнув к шумному радушию местных рудокопов, оба гостя принимали угощение, не дожидаясь упрасиваний.

Хорошие едоки и любители выпить, что не удивительно в людях, несущих службу при пятидесяти градусах мороза, они опрокинули полные стаканы и потом принялись за еду с поспешностью солдат во время похода.

Хозяин харчевни вернулся с новыми бутылками и закуской. Обменявшись с одним из выпивавших значительным взглядом, он проговорил:

— Лошади приведены в порядок, джентльмены, вы можете быть спокойны!

Полисмены поблагодарили и продолжили пиршество. Они расстегнули сюртуки, ослабили пояса и, работая челюстями, стали слушать застольную песню

одного из собутыльников... Правда, это была убогая поэзия, сомнительная музыка, но пища и поглощаемые напитки восполняли отсутствие слуха и голоса у певца.

Так протекли часы. Наконец, видя, что попойка вот-вот превратится в грязную оргию, полисмены объявили, что обязанности службы заставляют их удалиться.

— Как!.. Уже?.. Ведь так весело! — вскричали их собеседники.

Но те настаивали и встали.

— Ну, еще бокал... прощальный! Стакан вишневого ликера... Это «Черный лес», стоящий двенадцать долларов бутылка!

Полисмены вынуждены были согласиться. Оба выпили. Вдруг глаза их расширились и сделались неподвижны, рот сжался, пальцы скрючились, — и стаканы выпали из рук. Конвульсивное подергивание пробежало с ног до головы, и оба, без крика или вздоха, упали замертво.

— Умерли, Френсис? — спросил один из пьяниц, которого это страшное событие, казалось, отрезвило.

— Да, я убил их без колебаний и угрызений совести! — отвечал совершенно спокойно убийца. — Добрая порция синильной кислоты, добавленной в стаканы, — и готово! Они перешли от жизни к смерти без всяких страданий!

— Но против нас будет все население... Закон Линча!..

— Не бойся, кара за убийство здесь не сильнее, чем за кражу! Лучше помоги — нужно раздеть догола джентльменов, пока теплые. — С этими словами разбойник направился к тому несчастному, что, согнувшись пополам, упал лицом на стол, раскинув руки, расстегнул ему пояс, к которому крепилась кожаная кобура с револьверами, снял один рукав мундира, потом другой и сказал:

— Мы одинакового роста... Будет мне как раз впору!

Но человек, только что говоривший о законе Линча, опять принялся за свое:

— Не согласен убивать... Я хочу воровать, но отказываюсь убивать... слышишь, Френсис?.. Не рассчитывай же на меня впредь — наш договор разорван.

— Твое последнее слово?

— Да!

— Подумай, ведь ты получишь более миллиона фунтов.

— Цифра грандиозная, но повторяю: не хочу быть убийцей!

Тогда с быстротою молнии Френсис схватил револьвер полисмена и выстрелом в упор наповал убил собеседника.

— Сам виноват, дурак! Я хочу иметь дело только с готовыми на все людьми и устраняю слабых, которые завтра могут сделаться изменниками!

— Bravo, Френсис! — вскричал охрипшим голосом один из трех оставшихся собутыльников. — Ты — настоящий предводитель! Мы последуем за тобою даже в преисподнюю, если вздумаешь туда прогуляться. Не так ли, товарищи?

— Да!.. Да!.. Френсис хорошо сделал. Долой трусов! Долой изменников!

В этот момент в зал, наполненный пороховым дымом, вошел содержатель харчевни.

— Пистолетный выстрел! Френсис, ты виноват? Забыл, что мы не в Калифорнии или Австралии?!

— Боб, он не был надежен! Однако нас стало четверо, а должно быть пятеро!

— Брось! Мы здесь легко найдем еще одного компаньона, а если нет — призовем кого-нибудь из Англии. Теперь же надо срочно освободиться от этих тел!

— Лишь бы только выстрел не привлек кого! Разве зарыть их здесь во дворе? — проговорил хозяин.

— Ты забываешь, что земля промерзала на два фута глубиной и тверда, как скала!

— Верно! Какая идиотская страна!

— Ну, не говори, это — страна миллионов!

— Я вижу только одно средство избавиться от этой кучи мяса, — сплевывая, промычал один из разбойников. — Разрезать тело на куски, зашить в брезент и бросить в реку или в заброшенную рудокопами яму!

— Твое средство великолепно! Ну, не будем терять ни минуты. Я запру дверь, как будто бы ушел куда!

С этими словами четверо бандитов, раздев несчастных полисменов донага, положили трупы на стол и принялись кромсать. Страшная работа была быстро и, как это ни кощунственно звучит, споро исполнена. Злодеи словно веселились — отпускали непристойные шутки, пили вино... Внутренности и члены отравленных были запакованы в просмоленное полотно и по виду напоминали свертки провизии. С трупом человека, убитого из револьвера, бандиты собирались поступить точно

так же, как вдруг Боб, ударив себя по лбу, вскричал:

— У меня — мысль, хорошая мысль, избавляющая от лишней работы! — и, не вдаваясь в подробности, взял веревку, довольно длинную и прочную, сделал петлю и затянул ею шею мертвеца. — Мы сделаем так, как будто он повесился или, точнее, повешен: гениальный способ узаконить выстрел в голову.

— Не понимаю! — проговорил Френсис.

— Увидишь!

Он взял кусок белого картона и, написав «Обвиненный и казненный за кражу судом Линча», повесил его на грудь несчастного.

— Воспользуемся двумя часами ночи, чтобы унести труп отсюда и повесить на дерево.

— Чудесно придумано, товарищ! Но прежде — маленький маскарад.

Френсис разделся, надел полную форму полисмена и сказал Бобу:

— Делай то же!

Боб повиновался и в несколько минут сделался неузнаваемым. Оба бандита в костюмах конных полисменов могли теперь обмануть самый опытный глаз. Между тем два соучастника вымыли стол, на котором производилась ужасная операция, потом принесли бутылки, и попойка продолжилась.

Вдруг в дверь раздалось несколько ударов.

— Кто там? — проревел Боб. — Убирайтесь! Здесь сидят счастливыцы, желающие веселиться без посторонних! Приходите завтра!

Стук прекратился: новые посетители харчевни удалились, хорошо понимая желание миллионеров веселиться в своей компании.

Время шло; настала темнота. Оба бандита, переодетые в полицейских, с бесконечными предосторожностями вынесли труп товарища, не встретив никого, повесили его на первое дерево и возвратились в харчевню; здесь Френсис, казавшийся начальником, дал им последние приказания:

— Условьтесь, как избавиться от человеческих останков! Будьте осторожны, никоим образом не возбуждайте подозрений и терпеливо ждите нашего возвращения в таверну «Человек-Пушка». От этой первой операции зависит, будет ли у нас ослепительное богатство, которое я обещал... Миллионы!

— Решено, рассчитывай на нас!

Мнимые полисмены немедленно отправились в конюшню, оседлали коней и поехали по направлению к холмам. Двое их товарищей остались в харчевне и стали думать, куда спрятать окровавленные тюки. Тюков было шесть, и каждый весил около шестидесяти фунтов. Френсис советовал спустить их в заброшенные ямы. Но таких по соседству не было. В воду! Но они могли всплыть, кроме того, переноска потребовала бы троекратного длинного, трудного и опасного путешествия к реке. Тогда одному из бандитов пришло в голову разломать внутренние перегородки трактира, прикрыть ими останки и вместе с маслом, окороками, салом поджечь. Они так и сделали — выпили сколько могли спирту, остатки плеснули в огонь и вышли, заперев дверь. Все воспламенилось в мгновение ока.

В деревне Фурш не было ни пожарной бочки, ни пожарных, и жители, расселившиеся редко из боязни красного петуха, теперь оставались спокойными зрителями того, как огонь уничтожал последние следы чудовищного преступления. А два поджигателя двинулись в Доусон-Сити на свидание с двумя лжеполисменами. Между тем последние неторопливо ехали по течению Эльдорадо, провожаемые по дороге поклонами и приветствиями встречных. Как ни в чем не бывало они отвечали поклоном на поклон, пожатием на пожатие, словно были самыми честными людьми на свете.

Богатые участки следовали один за другим, затем по мере приближения цепи холмов, разделявших бассейны Бонанзы от бассейна Индианы, встречались все реже.

Тут бандиты дали лошадям несколько часов отдыха и потом продолжили свой путь, направляясь к клему французов.

Они приехали, когда утомленные тяжелым и непрерывным трудом, счастливые рудокопы сели за стол: его, впрочем, заменяла простая подставка, перед которой каждый устроился на корточках.

Кушаний, приготовленных молодыми девушками и приправленных ни с чем не сравнимым соусом — апетитом, было в изобилии.

Полицейских встретили приветствиями, пригласили освежиться и разделить завтрак.

Те с готовностью приняли приглашение, слезли с коней, заботливо осмотрели их, как своих преданных помощников, и лишь затем присели перед импровизированным столом.

— Вот так счастье! — вскричал старый рудокоп. — Перевозим в банк более двухсот фунтов золота, и эти двое молодцов будут сопровождать нас!

— Это действительно счастье! — сказал Редон. — Нам много говорили о порядке и безопасности в этой стране, но я не совсем доверяю живущей здесь бедноте!

— Я тоже, — прибавил Леон, — и успокоюсь только тогда, когда наше имущество окажется в надежном месте!

— Можете рассчитывать на нас! — с важностью произнес мнимый полисмен Френсис.

— Мы скорее позволим себя убить, чем дотронуться до вашего добра! — подтвердил его соучастник Боб.

— Верим вам и будем спать, ни о чем не тревожась! — заключил канадец.

Глава VII

Хитрость разбойников. — Во время сна. — Гнездо самородков переходит в другие руки. — Умерли ли они? — Хлороформ. — Неприятное пробуждение. — Обокрадены. — Бешенство Редона. — Поиски Леона. — Тревоги ученого.

Полицейские казались очень утомленными, что для рудокопов, знавших их трудные и опасные обязанности, не было удивительным. И потому, когда ужин подошел к концу, французы предложили гостям отдохнуть. Те сначала отговаривались, впрочем, больше для приличия, потом согласились; место для ночлега им отвели в большой шелковой палатке мужчин. Марта же и Жанна, как и в Доусон-Сити, поселились в самом маленьком шатре, где был также и склад съестных припасов.

Наступила ночь, и громадное багряное солнце скрылось за горизонтом, но все-таки царивший полумрак давал возможность различать окружающие предметы, пусть и в неопределенных очертаниях. Наши друзья Леон Фортен, Поль Редон, Дюшато, старый рудокоп Пьер Лестанг и Жан Грандье растянулись на своих постелях и крепко заснули. Полисмены расположились у входа в палатку, чтобы наблюдать за лошадьми, стреноженными и жевавшими стебли злаков, скошенных по соседству.

Прошло около получаса. Вдруг на земле, приподняв ткань, занавешивавшую вход в палатку, показалась

голова, потом через минуту — другая. Около колышка отверстие осталось плотно закрытым, возможно, затем, чтобы помешать воздуху проникнуть внутрь жилища. Там чувствовался легкий эфирный запах; запах странный, возбуждающий, похожий на аромат зрелых ранетов. Скоро головы пришельцев скрылись.

Прошло еще полчаса. Люди за палаткой слегка зашевелились. Поднялся неясный шепот, невнятный разговор.

— Дело сделано! Я налил изрядную дозу, способную превратить их всех в деревянных человечков.

— А собака?

— И она, кажется, готова! Теперь можно приняться за сокровища!

— У меня захвачена свечка, чтобы рассмотреть самородки.

— А если, против ожидания, один из спящих проснется и будет шуметь?

— На то есть нож; первый, кто попытается поднять тревогу, будет зарезан, как цыпленок! Но я спокоен!

— Идем же!.. Только тихо, без малейшего шума, чтобы не разбудить женщин!

Одна из двух голов опять появилась, и ее обладатель вполз в палатку, наполовину выпрямился, чиркнул спичкой, зажег свечу и внимательно осмотрелся.

Никто не просыпался, из уст спящих вылетало едва заметное дыхание, бывшее недавно шумным и глубоким. Все разбросались в живописном и трагическом беспорядке. Лица спящих, бледные и вытянутые, при колеблющемся свете казались лицами трупов. Губы были сжаты, ноздри раздуты, глаза плотно закрыты, руки скрещены. Одна собака лежала с широко раскрытыми тусклыми, мертвыми глазами.

Человек, державший свечу, был Френсис. Он потрогал массивными сапогами со шпорами неподвижные тела, как бы желая убедиться в их полной нечувствительности, потом пробормотал:

— Их не разбудила бы и пушка... все идет хорошо! Боб, будь наготове!

Бандит бесшумно, ползком выбрался из палатки, держа в зубах кинжал. К счастью, утомленные Жанна и Марта спали очень крепко, не то при малейшем слове или жесте негодяй безжалостно прирезал бы их. Подышав чистым воздухом, Френсис вновь вернулся в палатку.

Самородки были разделены на четыре части и упакованы в пакеты, каждый весом около пятидесяти фунтов; хранились они под матрасами четырех компаньонов в маленьком углублении.

Френсис без всякого стеснения воткнул свечу в землю и, приподнимая правой рукой одно за другим неподвижные тела, левой вытаскивал пакеты с золотом. Его соучастник принимал их. В десять минут все было кончено. Обокрав дочиста золотодобытчиков, бандиты оседлали лошадей, крепко привязали сокровища к седлам и сплывали в путь по направлению к северу. Через несколько минут они исчезли в пустынной дали, не будучи замеченными редкими соседями, спавшими в своих палатках.

Между тем часа в два утра молодые девушки почему-то пробудились и, удивленные окружающей тишиной, медленно поднялись с мест. Жанна первая, покинув то, что Редон в шутку называл дамским купе, направилась к мужскому отделению и принялась звать отца, не понимая, каким образом деятельный канадец, всегда встававший раньше других, мог спать столь глубоким сном.

— Ну, отец, вставай! Солнце уже высоко!

В ответ не раздалось ни шороха, ни даже лая собаки, обыкновенно очень чуткой.

Молодую девушку охватил страх; звенящим от отчаяния голосом она позвала подругу.

— Марта! Идите скорее... несчастье... О Боже мой!.. Я боюсь!..

Марта быстро подбежала к палатке и, войдя в нее, при виде пяти неподвижных, как трупы, мужчин испустила горестный крик.

— Мертвы... О!.. Нет... это невозможно!

Обезумев от ужаса, она бросилась в глубь палатки и остановилась, пораженная каким-то запахом, напоминавшим запах хлороформа. В то же время ее подруга обнаружила отсутствие лошадей.

— Полицейские уехали!

Подозрение закралось в сердце Марты, невольно спрашивавшей себя, чем объяснить это внезапное исчезновение; однако рассуждать было некогда. Призвав на помощь все свое хладнокровие, она закричала подруге:

— Воздуху!.. Нужно воздуху!.. Скорее!.. Вынесем их отсюда!

С откуда-то взявшейся силой обе девушки вынесли

из палатки по очереди всех мужчин и положили на землю. Тела были еще теплые.

— Жанна!.. Холодной воды... Бегите, пожалуйста!

Пока канадка, захватив кружку, бегала к соседнему ручью, Марта расстегнула ворота больных, обнажила их грудь и стала растирать, но вскоре пришла в отчаяние, видя бесполезность этих усилий. Наконец, когда возвратилась Жанна с водой, она, намочив платок, стала прикладывать его к неподвижным лицам.

— Делайте то же, Жанна, трите сильнее! — сказала она подруге.

Розоватый оттенок показался на коже Лестанга, и девушка, пытаясь вспомнить некоторые правила гигиены и помощи раненым, решила применить искусственное дыхание. Она нажимала на грудь старого рудокопа, чтобы уменьшить объем легких, потом внезапно отпускала, желая вызвать сильный вдох. Средство оказалось действенным, старик стал слабо шевелиться. Теперь очередь была за Леоном.

Руки молодой девушки дрожали при прикосновении к доброму, преданному другу. Язык его был слегка сжат зубами, и пульс почти незаметен. С изобретательностью, удивившей ее саму, девушка схватила железную ложку, всунула ручку между челюстями, с силою раскрыла их и, не зная, что делать, влила большой глоток виски в рот. А нужно заметить, Леон употреблял только воду. Потому, как только горячительный напиток коснулся рта и обжег его, горловые мускулы молодого человека подернулись и живот слегка поднялся. Тотчас после этого кровь хлынула к лицу, легкие наполнились воздухом, тело порозовело, глаза открылись, — и Леон внезапно ожил.

Энергичным усилием он поднялся на ноги и при виде молодой девушки, улыбавшейся сквозь слезы, нетвердым голосом произнес:

— Мадемуазель Марта, я спасен вами, благодарю!

Тут Фортен заметил других мужчин, все еще распростертых на земле, и Жанну, смачивающую их свежей водой. Ему тотчас же пришла в голову мысль об отравлении ядовитыми газами, вырвавшимися из почвы.

— Задохнулись? — спросил он молодую девушку.

— Покушение, полисмены исчезли... Проснувшись, мы нашли вас умирающими!

Леон тотчас поднялся, дотащился до Жана, на-

сильно открыл ему рот, схватил пальцами, обернутыми носовым платком, язык его и произвел несколько ритмичных движений. Это средство, лучшее при удушье, подействовало очень быстро и возвратило к жизни молодого человека.

В то время как Марта занялась старым рудокопом, а Жанна своим отцом, Леон принялся за Редона. Опять вытягивание языка сделало чудо, но потребовало от еще слабого Леона доброй четверти часа труда.

— А Портос? — вспомнили о собаке. Однако оказалось, что ньюфаундленд отлично обошелся без врачебной помощи. Он явился из глубины палатки, зевая и шатаясь как пьяный. Собака присоединилась к людям, старавшимся прийти в себя.

— Где же полицейские? — спросили, едва ворочая языками, канадец и репортер.

— Уехали!

Этот отъезд, слишком похожий на бегство, показался всем более чем подозрительным.

— Лишь бы они не обокрали нас! — воскликнул Леон.

Эта же мысль беспокоила и других, и все нетвердыми еще шагами бросились осматривать кладовые под своими постелями. Они, как известно, были пусты. Только присутствие молодых девушек удержало поток проклятий, готовых было сорваться с губ компаньонов. Но от этой сдержанности ярость не уменьшилась.

— Нас провели самым жестоким образом! — вскричал Дюшато.

— Но глупее всего, — пробурчал Редон, — что мы обобраны в тот момент, когда журналы Доусона публикуют наши интервью, наши портреты, наши фотографии, когда всякий завидует нам, принимая за счастливейших, сказочных владельцев знаменитого гнезда самородков!

— Лучше внушать зависть, нежели жалость! — философски вмешался Леон Фортен. — Мы поквитаемся, добыв новые богатства!

— Болтай себе на здоровье! — возразил на это с комическим оттенком Редон. — Неужели ты думаешь, что найдется вторая землеройка, которая, зарывшись во вторую нору, натолкнет Портоса на второе гнездо?

— Как знать?! — прервал загадочным тоном Леон Фортен. — Я сам мог бы действовать, без Портоса.

— Так не теряй же времени и поищи! Скучно

заносить в разряд убытков великолепную груду золота, похищенного полицейскими чинами! А я находил их такими добряками!

— Ну дай же мне начать поиски!

— Ты хочешь остаться один?

— Да!

С этими словами Леон повернулся спиной к остальным членам группы и стал медленно пересекать клем по всем направлениям. Время от времени он наклонялся, потом на минуту становился на колени и вскоре продолжал поиски, вызывая живой интерес друзей. Он работал около часа. Потом, утомленный, покрытый потом, возвратился к палатке, где его ждал накрытый стол.

Фортен сохранял непроницаемость, заставлявшую девушек улыбаться, но раздражавшую мужчин и особенно Редона.

Завтрак затянулся. За исключением Марты и Жанны каждый чувствовал боль в конечностях и затрудненное дыхание. К физическим последствиям хлороформа присоединялось еще и уныние по поводу кражи. Наконец, Редон, будучи не в силах сдерживаться, воскликнул:

— Ну!.. Пожалуйста, скажи нам о золоте. Что ты нашел?

— Клем почти везде имеет золото, но в малом количестве!

— Ах, Боже мой! Мадемуазель Марта, ваш клем плох! Итак, ни малейшего гнезда самородков?

— Я нашел кое-что, но не смею раскапывать. Слишком боюсь неудачи!

— Напротив, возьмем кирки и лопаты, осмотрим место, и дело с концом! А ты, дружище Портос, сопровождай нас!

Все семеро — мужчины, женщины и гьюфаундленд — быстро оставили палатку и отправились к месту, указанному Леоном.

Последний, слегка побледнев, кусал свой длинный ус и казался сильно взволнованным. Конечно, в нем сказывался обыкновенный человек, который никогда не может равнодушно смотреть на золото. Но ученый имел и другую причину волноваться: он хотел знать, чего же в действительности стоит его открытие — открытие особого металла, притягивающего золото.

Глава VIII

Новое открытие.— Не случайность.— Гнездо самородков.— Редон пал дулом.— Избалованный счастьем.— Золотая буссоль.— Периодический закон Менделеева.

Итак, Фортен направился к клему в сопровождении всей компании, включая и девушек; все были крайне заинтригованы поведением молодого ученого. Дюшато просто решил, что Леон не в своем уме, увидев, как тот ходит и размахивает своим брелоком. Старый канадец, с двадцатилетнего возраста бывший на золотых приисках и принадлежавший к числу самых опытных рудокопов континента, напоминал сейчас тех крестьян, которые, слушая речи профессора земледелия, говорят под сурдинку:

— Посмотрите, этот прекрасный господин из города хочет научить нас, как выращивать морковь и капусту!

Группа пересекла клем и пошла к западной границе его, до которой едва осталось два метра.

— Здесь! — произнес немного дрожащим голосом Леон, обозначив место крестом, начертанным на почве.

— Ну, будем рыть! — сказал Редон, делая первый удар киркою.

Старый канадец пожал плечами и, обращаясь к Дюшато, заметил вполголоса:

— Нет!.. Это детская затея... Ничего не найдут!

Тот понимающе кивнул, как бы говоря: «Э, я и сам хорошо знаю! Но что делать, если это доставляет удовольствие нашим землякам!» — и принялся за работу.

Рыли уже полчаса. Яма увеличивалась в ширину и в глубину. Через минуту должен был начаться ледяной слой. Вдруг лопата журналиста наткнулась на что-то твердое и издала отчетливый звук.

— Что это?

Старый рудокоп, бросив свою кирку, наклонился и, подняв небольшой ком, вскричал от изумления:

— Боже!.. Золото!..

Потом, будто взятый предмет жжет его, он бросил к ногам Фортена прекрасный слиток золота, величиной с каштан.

— Черт возьми! — вскричал, с свою очередь, Редон, разрывая рукояткой своей лопаты кусок зем-

ли.— Жила возвращается! Bravo! Мы вновь разбогатеем!

— Опять счастливый случай, или француз приходится сродни дьяволу?!

Леон подобрал слиток, поднес Марте и с улыбкой сказал:

— Надеюсь, мадемуазель, здесь нет ни малейшей случайности, как думает наш brave товарищ!

— Кажется невероятным, но я верю вам!

— Это чисто научное открытие, смысл которого, если позволите, объясню немного позднее.

— А мне, месье Леон, скажете? — спросил Жан, внимательно смотревший на слиток в руке сестры.

— Да, друг мой, на случай несчастья я хочу вас сделать своим наследником, а это наследство сделает вас царем золота!

— О, не говорите так, прошу!

Восклицание Дюшато прервало эту беседу, шедшую вполголоса.

— Еще слиток!.. Меньший по величине, но такой же чистоты!

Действительно, второй кусок золота был величиною с орех.

— Еще один! — На этот раз кричал старый рудокоп Лестанг.

Мало-помалу после трех часов работы самородков набралось около трех килограммов на кругленькую сумму в десять тысяч франков. Такого на участках Клондайк не бывало еще никогда. Даже отъявленные скептики пришли в экстаз от подобного результата.

Однако вскоре все стали чувствовать сильное недомогание. Было ли это следствие хлороформа или просто усталостью — неизвестно. Только журналист, Леон и Жан отказались от работы.

— В таком случае, господа, мы с Жанной останемся здесь, чтобы закончить начатое! — проговорила Марта.

— Но, мадемуазель...

— Пожалуйста, идите отдыхать! Мы прекрасно поработаем без вас и... за вас!

Мужчины удалились и молча пересекли клем наискось.

На губах Жана Грандье был вопрос, и он поглядывал на Леона, колебался, но все-таки в конце концов вымолвил:

— Месье Леон... вы обещали сейчас...

— Что, мой дорогой друг?

— Сказать Марте и мне... Секрет открытия... золота... Марты нет, правда... но вы можете объяснить ей потом...

— Тс-с!.. Тише... Войдем в палатку... вы узнаете все!

Убедившись, что ни одно нескромное ухо не слышит их, Леон вынул из внутреннего кармана жилета маленький инструмент, насаженный на прочную никелевую цепочку.

— Поль, ты хочешь спать?

— О нет! — вскричал журналист. — Я узнаю штучку, помогающую открыть золото...

Леон улыбнулся и, обращаясь к Жану, проговорил:

— Видите сию «штучку», как назвал ее сейчас шутник Редон? На самом деле это — буссоль, но буссоль особенная: ничто не может привести в движение ее иглу. Поворачивайте, отклоняйте, направляйте по всем четырем сторонам света, она окажется неподвижной. Но если, держа ее одной рукой, другой поднести кусок золота, то игла придет в движение и направится к золоту, которое ее притягивает, как магнит железо. Видите: она вертится, отклоняется вправо и влево по мере того, как перемещается кусок золота. Прибавим еще, что способность ее к движению проявляется только в присутствии золота, исключая все другие до сих пор известные металлы.

— Но, месье Леон, это ведь чудо! — с удивлением вскричал молодой человек.

— Чудо?

— Очень хотелось бы знать причину столь странного явления!

— Мне тоже, — отвечал добродушно ученый, — но пока просто констатирую факт, как и вы... пользуюсь им, а объяснить — увы! — затрудняюсь...

— Из какого же металла сделана игла?

— Это могу объяснить, так как сам открыл его незадолго до известных вам ужасных событий и назвал металлом «Х», как когда-то Рентген свои знаменитые лучи. Но старинный друг отца настоял, и минерал пришлось окрестить «леонием».

Затем Леон продолжал:

— Я не думал сразу поразить ученый мир своим открытием, решив прежде проверить его здесь, в Клондайке. Эта игла и привела меня сегодня ко второй

залежи клема, точно указав место, где лежит гнездо самородков.

— Как это? Скажите, месье Леон!

— Очень просто! Я руководствовался буссолью, как мореплаватель компасом.

Сначала в вертикальном положении игла оставалась неподвижной, потом направилась к западу... Тогда я стал держать ее горизонтально, и это дало мне направление, потом опять поставил вертикально, и игла, повернувшись вокруг своей оси, образовала некоторый угол. Таким путем маленький инструмент и вел меня к цели, пока игла не остановилась вертикально. Здесь обозначилась залежь золота.

— Тогда мы можем философски отнестись к краже, совершенной мнимыми полисменами? — произнес все более пораженный молодой человек.

— Да, по-видимому!

— Что же касается леония, вашего металла, то я воображаю, скольких трудов и осложнений он стоил...

— О нет! — возразил Леон. — У меня ведь, подобно всем химикам, занимающимся открытием новых элементов, был руководитель. Вся моя заслуга, если только она была, состоит лишь в приложении к практике теории знаменитого русского химика Менделеева!

— Как это?

— Вы хотите знать?

— Чрезвычайно любопытно.

— Постараюсь, насколько возможно, объяснить. Как известно, Леверье, исходя из закона, что путь светила зависит от его массы, массы окружающих тел и от расстояний между ними, пришел к выводу: «В некотором месте небесной сферы существует планета, которую никто не видел и существование которой даже никто не подозревает. Эта планета занимает такое-то положение, весит столько-то, описывает такую-то орбиту... Ищите ее; направьте свои телескопы на такое-то место и обязательно найдете».

Вычисления Леверье оказались так точны, что вскоре действительно астроном Галле нашел планету Нептун. Замечания Леверье аналогичны теории знаменитого Менделеева. С давних пор химики заметили, что некоторые элементы по своим химическим и физическим свойствам имеют определенное сходство, вследствие чего их и подразделили на группы, например, галогены — бром, хлор, йод.

Позднее установили периодическое отношение между атомными весами тел и другими их свойствами. Эта идея была разработана, проверена, приложена ко всем известным фактам и дала возможность установить более рациональную классификацию химических веществ. Менделеев еще глубже исследовал вопрос и придал ему полноту, приложив это периодическое отношение к будущим открытиям, так что теперь можно безошибочно обозначить наперед свойства неизвестных еще элементов. Великий русский химик, исходя из того принципа, что «химические и физические свойства простых элементов составляют периодические функции масс атомов этих элементов», расположил элементы в группах в порядке возрастания их атомных весов. Таким образом, получилась таблица, где собраны все до сих пор известные элементы, но со значительными промежутками между ними. Менделеев утверждал, что эти промежутки будут заполнены впоследствии открытием новых, еще неизвестных элементов, и заранее определил физические и химические свойства их.

— О! — произнес Редон со вздохом, похожим на мычание. — Кровь прилила к голове, в глазах мутится, хочется рычать, стрелять из револьвера, разбить что-нибудь!.. Леон, дружище, говори со мной по-китайски, по-ирокезски, по-патагонски, на овернском и нижнебретонском наречии, но, ради нашей дружбы, ради всего, что тебя трогает, не говори более химическим языком!.. Умоляю тебя!..

— Но все это очень ясно, не правда ли, Жан? — сказал Леон. — Вы хорошо поняли?

— Гм!.. Мне кажется, я могу сформулировать тезис: так же как Леверье мог сказать астрономам после своих вычислений: «Там существует планета, ищите ее», так и Менделеев может сказать химикам: «Там существует элемент, ищите его».

— И его находят. Упорные, настойчивые умы долго бились и, наконец, заполнили некоторые пробелы в Таблице элементов Менделеева. Для примера назову вам галлий, открытый нашим соотечественником Леком де Буабодраном, скандий, открытый шведом Нильсоном, и германий, открытый немцем Винклером; все свойства этих элементов в точности соответствуют тому, что предвидел Менделеев... Со своей стороны и я пожелал прибавить свое звено в эту цепь. После долгих трудов мне удалось открыть леоний.

В этот момент послышался громкий храп: Редон, отчаянно боровшийся против одолевавшего его сна, сдался на милость Морфею, то же сделал Жан, и Леон, посмотрев на друзей, решил, что и ему не мешает последовать их примеру.

Глава IX

Серьезный случай.— Спасение.— Тяжелые раны.— Неожиданность.— Тоби 2-й.— Выводы полицейского агента.— Удивление пострадавших.— Приходится покинуть участок.— Возвращение.— Тоби не теряет времени.

Печальный случай увенчал открытие золотого гнезда, найденного Леоном Фортенем с помощью таинственной буссоли.

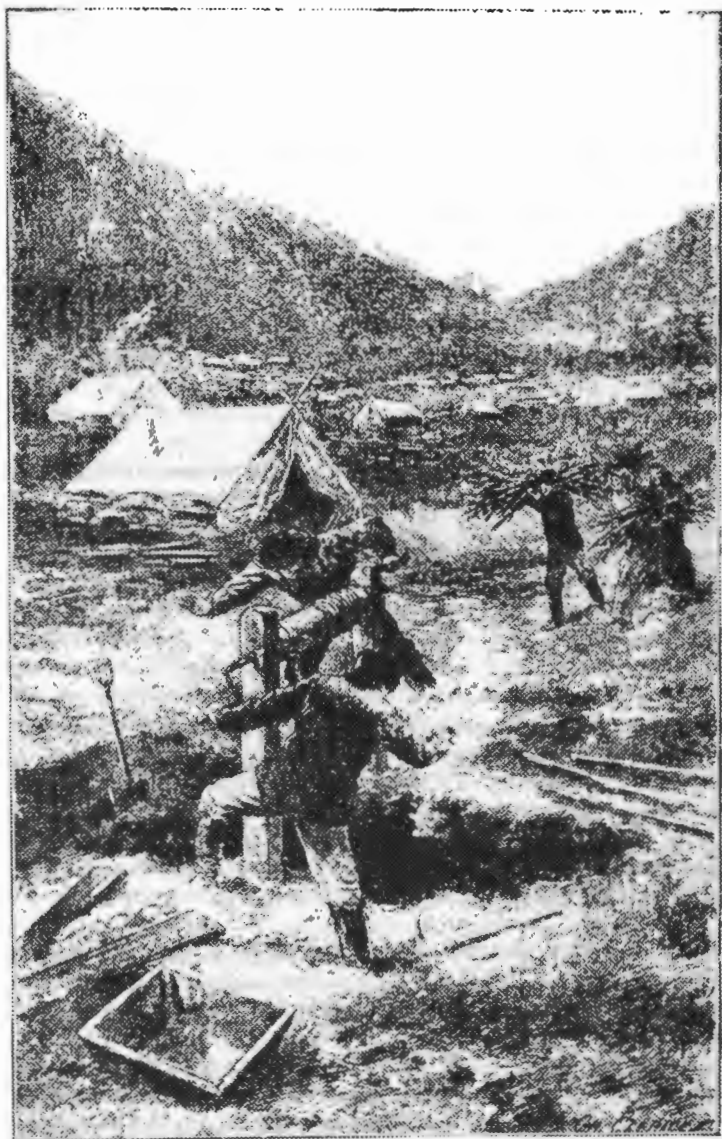
Не подлежит сомнению, что лето действительно неподходящее в этих местах время для земляных работ: несмотря на крайние предосторожности, всегда следует опасаться обвалов, которые могут заживо погребсти под собой неосторожных рудокопов. Другой, не менее страшной опасностью для золотоискателей является выделение газов.

Лестанг и Дюшато усердно работали на участке. Усомнившись сначала в чудесных свойствах буссоли Леона, они теперь горячо уверовали в нее и, подстрекаемые жадной наживы, трудились, не жалея ни сил, ни пота, откапывая почву, кое-как подпирая стены ямы и углубляясь все больше и больше.

На третьи сутки случилась та катастрофа, какую и следовало предвидеть: произошел обвал и началось сильнейшее выделение газов.

Жан, Марта и Жанна возвращались из леса с вязанками дров, а Леон и Поль вертели ворот над ямой, доставая со дна с помощью большого ведра золотиносные комья земли, добываемые канадцами. Вдруг послышались какой-то глухой шум и страшные крики: «Помогите! Помогите!» Одновременно с этим из ямы распространился удушливый, отвратительный запах сероводорода. Не теряя времени, Леон спрыгнул на дно ямы, имевшей полторы сажени глубины, и, убедившись, что рабочих засыпало чуть не до половины, крикнул: «Скорей давайте лопаты, заступы! На помощь!» К спасательным работам подключались Жан, обе девушки и Поль Редон. К счастью, выделение газов

*Вдруг послышался какой-то глухой шум и страшные крики:
«Помогите, помогите!»*

прекратилось и на дне можно было дышать, хотя и с трудом. Подгоняемые страхом за своих друзей, молодые люди работали с удвоенной энергией, и спустя два часа удалось, наконец, высвободить двух несчастных, без признаков жизни, с запекшейся кровью на губах.

Удрученная горем, Жанна бросилась к отцу, которого считала уже мертвым, испуская раздирающие душу крики. К счастью, Леон имел очень серьезные медицинские познания, и после двухчасовых усилий Дюшато и Лестанг были возвращены к жизни. Первый получил несколько ран, а второй сломал ногу. С большой ловкостью Леон с помощью Жана и Поля занялся лечением. Раненые испытывали большое облегчение, но — увы! — на долгие недели оказались неспособными ни к какой работе. Следовало во что бы то ни стало возвратиться в Доусон-Сити, чтобы посоветоваться с врачом и обеспечить беднякам необходимый уход.

Это значило: вся летняя компания потеряна и новые раскопки участков придется отложить до конца зимы! Однако, ко всеобщему изумлению, оба канадца были рады случившемуся.

— Наконец-то мы освободились от дела! — говорил старик, с благодарностью пожимая руки Леона. — Теперь обстоятельства не будут противодействовать вам!

— Да, — прибавил Дюшато стоически, — слишком большое счастье искуплено теперь нашими страданиями. Чтобы ублажить судьбу, требовалась жертва — и ею явились мы! А вы, господин волшебник, будете... человеком легендарным... откроете в долине Юкона громадную сокровищницу золота... гору или пещеру... «Мать золота»... Вы найдете ее, найдете!

В этот момент бедно одетый человек, утомленный дорогой, вежливо приблизился к нашей компании. Он был один и, должно быть, шел долиной вдоль речки.

Оба раненых находились уже в палатке вместе с девушками. Молодые люди вышли, чтобы позаботиться о возможно быстрой перевозке Лестанга и Дюшато в Доусон, и здесь, увидев незнакомца, ответили на его поклон с заметной холодностью: печальное приключение с мнимыми полисменами сделало их подозрительными. Однако пришедший, несколько не смутившись, любезно проговорил:

— А! Месье Редон... Как я счастлив видеть вас!

Удивленный журналист внимательно посмотрел на незнакомца и вдруг воскликнул:

— Тоби!... Вы здесь, мой бравый Тоби! — и, протянув обе руки, обменялся коротким дружеским пожатием. Затем прибавил: — Дорогой Леон, позволь представить мистера Тоби, правую руку знаменитого Мельвиля. Мой добрый Тоби, рекомендую — мой друг Леон Фортен, первая жертва «Красной звезды»!

Оба энергично пожали друг другу руки, и Редон, который еще не пришел в себя от этой встречи, воскликнул:

— Ах, сколько произошло необыкновенных событий со времени получения вашей депеши из Бремена! Но скажите, пожалуйста, вы знали, что найдете нас здесь, или это счастливая случайность?

— Вы забываете о доусонских журналах, где помещены и биографии, и портреты, и автографы, и сообщения о ваших необыкновенных удачах. Сообщения очень опасные, поверьте мне, так как лучше скрывать свое богатство, чем кричать о нем на всех перекрестках!..

— Кому вы говорите это — наученным горьким опытом?!

— Разве уже произошло несчастье?

— Нас обчистили с неслыханной ловкостью. Украли все наше золото, это около трехсот тысяч франков!

— Так, значит, я прибыл еще раз слишком поздно. О, почему вы не написали мне, как договаривались, в Ванкувер или в Доусон-Сити!..

— Глупость... Непростительная забывчивость!

— Несчастье!.. Случилось большое несчастье!.. Худшее, может быть, чем вы думаете.

— Но извините, дорогой Тоби, я заставил вас стоять и даже не предложил выпить и закусить. Извините и не думайте худо о нашем гостеприимстве! Все, что здесь находится, принадлежит вам.

— Распоряжайтесь по своему усмотрению! — прибавил Леон.

— Благодарю, господа, от всего сердца, но не сейчас! Поговорим вначале о деле, так как время не ждет!

— Ну что же! Слушаем!

— Меня привело сюда не только желание увидеть вас: я отслеживаю бандитов.

— А местная полиция не спешит помочь вам?

— Она пускает в ход все средства, чтобы осложнить мою задачу, и даже не хочет признавать меня!

— Почему же?

— Желает во что бы то ни стало скрыть все совершающиеся здесь преступления, даже мелкие, чтобы не помешать новому притоку рудокопов в Клондайк. Ведь для новичков надо создать хотя бы видимость, что люди и капиталы здесь в полной безопасности, а в обществе царят спокойствие и доверие. Так, например, скрывается, что двое конных полисменов недавно обратились в дезертиров...

— Черт возьми! Наши воры! — вскричал Леон. — Должно быть, они уже далеко!

— Я имею основание думать, что их исчезновение не будет оглашено. Пропавших отнесут к умершим случайно во время отправления своих обязанностей.

— Но это преступление!

— Но, господа, не думаете ли вы, что начальник полиции будет рассказывать каждому встречному истину, которую я подозреваю и которую скоро подтвердят новые доказательства: оба полисмента, завлеченные в западню в Фурше, были убиты в харчевне и трупы их сожжены.

— Черт возьми! Что вы говорите, Тоби?!

— Убийцы же, взяв их форму, вооружение и лошадей, отправились на северо-западный клем и украли у обладателей клема сто килограммов золота...

— Тоби!

— После этого они переехали через Клондайк, убили лошадей, сожгли форму, уничтожили оружие и вернулись пешком в Доусон-Сити; награбленное же золото превратили в слитки и обменяли на банковские билеты... Войдя во вкус, бандиты остались в Доусоне, часто посещают увеселительные заведения, готовятся к новому подвигу и ждут благоприятного момента.

— Но, Тоби, вы рассказываете ужасные вещи!

— Ужасные или не ужасные, но это факты, которые, конечно, не увеличат доверия здешнего народа к властям и не будут способствовать успешному бизнесу. Отсюда ясно: власти все скроют. И только я буду знать, что убийцы несчастных полисменов и ваши воры — Френсис Бернетт и Боб Вильсон, главари «Красной звезды».

— Мои палачи! — вскричал Леон Фортен вне себя.

— Мошенники, продырявившие мне кожу, чтобы отпавить на тот свет! — прибавил журналист.

— Гениальные бандиты, — продолжал важно Тоби, — с которыми я один веду войну!

— Но мы вам поможем!

— О, господа! Не сомневаюсь ни в вашем желании, ни в вашем мужестве, но...

— Сомневаетесь в нашей ловкости, не так ли? — спросил Редон.

— Скорее в ваших полицейских способностях!

— Не бойтесь, дорогой Тоби! Я сделал донесение, которое, скажу не хвастаясь, возбудит удивление самых ловких полицейских. Вы увидите, Тоби, увидите!

— Если так, господа, то лучше мне быть с вами. Оба бандита не оставили никакого следа в этой пустыне, но предчувствие говорит: они вернулись в Доусон. Нагрянем и мы в столицу!

— Ну, хорошо! Время, однако, и поесть!

Полицейский агент, приглашенный в палатку, был представлен маленькому обществу в качестве преданного друга Редона, прибывшего из Европы, случайно встретившегося здесь, в золотых полях. За столом ему рассказали о краже, о сопровождавших ее обстоятельствах, о бегстве двух ложных полисменов. И Тоби, слушавший внимательно, произнес между глотками кофе: «Кража при помощи хлороформа — их излюбленный прием. Кто эти бандиты, сомневаться долее невозможно».

По старой привычке, которую никогда не забывает настоящий полисмен, он бегло осмотрел канадцев и определил, что никогда раньше не встречал их, поэтому держался настороже и побуждал других к тому же. Это взволновало Редона, который по выходе из-за стола, а затем и из палатки начал пылко протестовать:

— Дюшато — отец Жанны, этой удивительной девушки, которая находилась около мадемуазель Грандье! Я люблю ее от всего сердца, и высказывать недоверие невозможно!

— Кому?.. Отцу или дочери? — с улыбкой спросил Тоби. Редон не отвечал, он засмеялся и вернулся в палатку, где Жан и Леон начали уже приготовления к отъезду. Через шесть часов все было кончено, оставалось только условиться с перевозчиком, что было сделано в минуту. Затем положили в повозку обоих раненых, и она неспешно двинулась.

Это медленное путешествие заставляло Тоби бездействовать. Наконец, он потерял терпение и сказал:

— Подожду вас близ гостиницы. У меня будут уже наверное новости! — и помчался вперед.

Когда тридцать часов спустя караван остановился перед скромным приютом, Тоби, загримированный, неузнаваемый, мог с полным основанием сказать Редону:

— Я не потерял даром времени! Как только устроитесь, покажу вам лицом к лицу ваших воров!

Глава X

Увеселительные места в Доусон-Сити.— Тоби сдержал свое слово.— Лицом к лицу.— Воры и убийцы.— Скандал и арест.— Перед судом.— Обвинение.— Свидетели.— Поражение.— Приговор.— В тюрьме.— Торжество бандитов.

Наши друзья провели в Доусон-Сити уже двадцать четыре часа. Удобно устроив раненых во второй хижине, соседней с первой, они пригласили американского врача, и больные стали терпеливо ждать выздоровления. Никаких осложнений не предвиделось.

Тоби прибыл живописно одетым — был в широкополой шляпе, в голубой куртке с золочеными пуговицами, в галстук цвета индиго с белыми горошинами. На ногах — высокие сапоги. При этом — монокль в глазу, закрученные усы, довольный вид; он, словом, выглядел настоящим франтом... Полярного круга!

— Идите! — сказал он тихо в тот момент, когда наступила одиннадцатичасовая темнота.

Сделавшись равнодушными к обычаям европейской моды, надев панталоны и сапоги, измятую шляпу, фланелевую рубашку и куртку сомнительной свежести, Леон и Поль последовали за полицейским.

Оборванцы в живописных лохмотьях фланировали по улицам и медленно направлялись в увеселительные заведения — салуны, кофе, отели, освещенные приметными светильниками.

Отовсюду разнообразные инструменты издавали нестройные музыкальные аккорды, прерываемые выкриками людей-зазывал, которые за плату должны были завлекать в заведения возможно больше посетителей. Тоби провел спутников в обширное помещение, разделенное на три части: концертный зал, бальный зал и салун. В первом — бритые мужчины и накрашенные дамы выкрикивали модные куплеты. Во вто-

ром — джентльмены и леди, руководимые дирижером, усердно танцевали. В третьем — играли в рулетку, в трант-карант, в покер и баккара. Во всех трех залах пили, курили и жевали табак.

Однако нигде не замечалось ни тени настоящей веселости. Казалось, здесь веселятся по заказу, аплодируют без увлечения, танцуют нехотя, пьют, не чувствуя жажды, и играют не умея. Преобладал американский стиль, а всем известно, что американская веселость далека от шаловливости.

Но содержатели притонов, распределив в таком порядке развлечения, знают, что делают. Зрители концертного отделения мало-помалу приходят в возбужденное состояние, влекущее их к напиткам. Танцы усиливают разгоряченность гостей, и в игорную залу они переходят, что называется, совсем готовенькими...

Леон, Поль и Тоби, остановившись на несколько минут из любопытства в бальном и концертном залах, прошли в салун.

— Вы игроки? — спросил Тоби.

— Нет! — ответил Леон.

— А я слегка! — сказал в свою очередь журналист.

— Тем лучше! тут проигрываются огромные суммы и, подозреваю, банкометы ловко передергивают!

В казино рассчитывались не деньгами, а жетонами, обмененными на золото в кусках или в виде песка. Сведенная к обмену фиктивных ценностей, игра, несмотря на азарт, теряла тут драматическую сторону, делавшую ее такой убийственной в игорных домах Калифорнии, Австралии и Южной Африки, со времени открытия там копей. Настоящая трагедия происходила разве только в вертепе казначея, куда стекались действительно в неисчислимом количестве всевозможные ценности.

Наши трое друзей, войдя в зал, сразу были окружены дымом папирос и сигар, запахами вина и виски. Относительная тишина царила только среди игроков, теснившихся у столов, при свете керосиновых ламп. Слышался только шепот, и то скоро смолкший, звяканье стаканов, глухой шум постоянной ходьбы, иногда — крепкая брань, и над всем этим возвышался сухой, отрывистый голос банкометов, произносивших таинственные слова:

— Господа, ставки!.. Больше нельзя!.. Нечет, чет, красное!..

Пробыв несколько минут в зале и привыкнув к его атмосфере, Поль и его друг остановились близ стола, за которым восседало двое мужчин. Они были видны только на три четверти, но голоса их казались подозрительно знакомыми. Тоби прошептал только одно слово:

— Подойдем!

Ловко маневрируя среди понтеров, они скоро пробрались в первый ряд, посмотрели на лица говорящих, и взгляды их скрестились со взглядами более чем когда-либо невозмутимых банкометов. Молодые люди едва могли подавить крик удивления и гнева. Это они!.. Ложные полисмены!.. Воры!.. Двое негодяев, похитивших самородки!

Дрожь пробежала по телу, друзья побледнели и не слышали даже Тоби, напоминавшего о спокойствии. Наконец, они раздвинули игроков, подошли к банкометам и, ни слова не говоря, схватили их за шиворот. Те, застигнутые врасплох, стали сопротивляться и звать на помощь, но руки Поля Редона и Леона Фортена были как клещи.

— Что происходит? Прекратите насилие! — вмешались игроки, готовые принять сторону банкометов.

— Эти люди — бандиты! — вскричал звонким голосом журналист. — Неделю назад они украли двести фунтов золота, переодевшись в форму полисменов, которых убили!

А Леон подхватил с еще большей горячностью:

— Да, бандиты, совершившие в Англии и Франции самые ужасные преступления! Это два главаря шайки «Красная звезда»!

Услышав такое обвинение, симпатии общества уступили место весьма понятному негодованию. Некоторые игроки стали даже награждать банкометов очень чувствительными пинками. И тогда в интересах правосудия и справедливости начал действовать Тоби.

— Джентльмены! — вскричал он. — Прошу выслушать! Вот документ, подписанный лорд-шефом Лондонского суда, с приказанием задержать этих людей во всяком месте британской территории...

— Хорошо! Арестуем их! — прервал один игрок.

— Отведем к начальнику полиции! — прибавил другой.

— На суд! — сказал третий.

Негодяи, лишённые возможности убежать и даже сопротивляться, вскричали:

— Мы лучшего и не желаем! Ведите нас к судье! Он оправдает нас!

Двое добровольных полисменов, какие всегда ходят в подобных случаях, взяли по веревке и крепко связали руки банкометам. Последние, боявшиеся сначала подвергнуться суду Линча, ободрились, подняли голову, вздернули плечи и иронически посматривали на окружающих, как бы говоря: смеется тот, кто смеется последним!

Это была невиданная дерзость, и французы едва сдержались.

Судьи не оказалось дома, как и начальника полиции. И все-таки арест, узаконенный указом, имевшимся у Тоби, был произведен. Банкометов посадили в тюрьму.

Через сутки, в соответствии с английским законом, состоялся первоначальный допрос в присутствии двух адвокатов подсудимых; как и везде, в Доусон-Сити быстро появились ловкие юристы, ищущие золота и кляузных дел. Тоби и оба француза присутствовали здесь в качестве обвинителей.

Пленники назвали себя: один — Ребен Смитом, другой — Джо Нортоном.

— Это ложь! — вскричал Тоби. — Высокого зовут Боб Вильсон, а того, кто пониже, — Френсис Бернетт. Оба хорошо известны лондонской полиции, их приметы есть в Скотланд-Ярде. Вот, впрочем, господин судья, дело, снабженное печатями и подписями.

Судья взял бумаги, быстро пробежал их, обратив внимание особенно на приметы, и велел обвиняемым приблизиться, затем сказал:

— Невозможно сомневаться... Впрочем, я громко прочту эти документы, чтобы все: адвокаты, свидетели и обвиняемые — могли удостовериться в тождестве примет преступников и обвиняемых.

Когда он кончил, адвокаты не могли удержаться от многозначительной мины: бесполезно было отрицать полное сходство банкометов с убийцами.

— Что вы имеете сказать? — спросил судья ловких проходимцев.

— Прежде всего, в чем нас обвиняют? — нахально спросил Ребен Смит, или Боб Вильсон, до сих пор молчавший.

— Потрудитесь сформулировать свои жалобы! — обратился судья к трем друзьям.

— Я обвиняю этих людей в том, что они украли из нашей палатки около двухсот фунтов золота, погрузив нас самих при помощи хлороформа в глубокий сон! — сказал Леон Фортен.

— А я, — подхватил Тоби, — обвиняю их в том, что в деревне Фурш они завлекли в ловушку и убили двух конных полисменов, а трупы своих жертв сожгли вместе с домом, где совершили преступление.

— Есть у вас доказательства? — спросил судья.

— В свое время я представлю их!

— Хорошо! Это все?

Между тем обвиняемые только улыбались, тихо переговариваясь с адвокатами, глядевшими на них с изумлением. Наконец, Редон заговорил:

— Я, в свою очередь, обвиняю этих людей в попытке умертвить меня около шести месяцев тому назад в Париже... В подлом убийстве ночью старика на улице Сен-Николя в Париже, в преступлениях, при разборе которых предписано британскими властями выдать преступников французскому суду...

— А я, — опять поднял голос Леон Фортен, — обвиняю их в дьявольских махинациях, доведших до самоубийства француза Грандые... Обвиняю в том, что они выдали меня за виновника своих преступлений и засадили в тюрьму!..

— Подтверждаю, что это истина! — прервал Тоби. — Я был тогда во Франции по приказанию своего начальника, инспектора Мельвиля. Потеряв и вновь найдя след этих людей (слишком поздно, к несчастью!), я отплыл вместе с ними пятого мая из Бремена в Нью-Йорк на «Императоре Вильгельме» и все время держал их под наблюдением.

— Но, — спросил судья, — почему же вы не арестовали их раньше?

— Потому что английские власти не позволяют этого в случае, если преступления совершены во Франции. Кроме того, я тогда еще не получил приказа об аресте, присланного недавно по телеграфу. Наконец, они в то время еще не совершили преступления на канадской территории. Все эти условия, делающие арест законным, существуют только несколько дней.

— Верно! — произнес судья и прибавил, обращаясь к подсудимым: — Что вы имеете сказать?

— Многое, господин судья! — отвечал Джо Нортон,

или Френсис Бернетт. — Прежде всего, несмотря на сходство примет, вы в заблуждении; я это сейчас докажу. Полицейский агент, обвиняющий нас, утверждает, что мы пятого мая сели в Бремене на немецкий корабль. Вот паспорт и расписание, доказывающее, что мы сели седьмого мая в Ливерпуле на «Луканию», судно общества Кунарда. Агент был, вероятно, жертвою сходства или мистификации. То, что мы были в Ливерпуле между пятым и седьмым мая, могут под присягою подтвердить капитан, счетный агент и пассажиры «Лукании». Далее, наши обвинители утверждают, будто мы убили в Фурше двух полицейских и украли на клеме двести фунтов золота. Я прошу их сказать, в какой день и час совершены оба преступления. Это можно?

— Конечно! — сказал судья. — Господа, вы слышали вопрос обвиняемого, потрудитесь отвечать!

— Убийство полисменов было совершено второго июля между четырьмя и шестью часами вечера! — сказал твердым голосом Тоби.

— Вы хорошо знаете день и час?

— Называю точное время!

— Что касается кражи, — сказал, в свою очередь, журналист, — то она была совершена четвертого июля, между одиннадцатью часами и полуночью.

— Хорошо! — проговорил Джо Нортон. — Теперь мы уличим вас в клевете, злоупотреблении силой и ложном свидетельстве.

— Посмотрим!

— Господин судья, прикажите, пожалуйста, привести всех свидетелей, обыкновенно посещающих наш дом. Мой товарищ и я представим вам лист с тридцатью подписями... Можете получить еще столько же, если пожелаете!

— Значит, вы не признаете себя виновными?..

— О, мы невинны, как новорожденные младенцы!

Судья приказал отвести их в тюрьму, пока не будут допрошены свидетели, назначил завтрашний полдень для продолжения разбирательства и прибавил, обращаясь к трем друзьям:

— Что касается вас, господа истцы, то потрудитесь пожаловать в этот же час!

Леон, Поль и Тоби удалились, заинтересованные и даже обеспокоенные такой уверенностью бандитов, дьявольская ловкость которых была им хорошо из-

вестна. Сыщик, наскоро определив положение, прибавил:

— Надо ожидать всего, особенно — невозможного и неправдоподобного!

И он не ошибся. На другой день тридцать наиболее почтенных граждан Доусон-Сити явились в суд. Честные и справедливо уважаемые, они шумно болтали, курили, жевали табак, спрашивая себя, зачем этот вызов. Здесь были представители всех стран, особенно много канадцев и янки.

В то же время прибыли адвокаты и обвинители; последние все больше беспокоились. Затем ввели обвиняемых, и допрос свидетелей начался.

Френсис Бернетт с ироническим спокойствием сказал судье:

— Мы, мой товарищ и я, обвинены в том, что совершили убийство в деревне Фурш второго июля, между четырьмя и шестью часами вечера и на другой день украли между одиннадцатью часами вечера и полночью двести фунтов золота на клеме Верхнего Эльдорадо. Хорошо! Я клятвенно утверждаю, что мы не покидали своего жилища с самого приезда в Доусон, что нас все видели в эти дни здесь и что, стало быть, мы не могли быть разом в двух местах, так далеко друг от друга находящихся. Потрудитесь допросить свидетелей!

Это заявление произвело действие взрыва и сразило троих друзей.

Первый свидетель назвал свои имена и прозвища, приложил губы к переплету Библии и громко сказал:

— С первого июня я посещаю каждый день заведение господина Ребена Смита и Джо Нортон. Утверждаю, что с первого июня видел того и другого по крайней мере два раза в течение суток.

— Не помните, видели ли вы их второго и четвертого июля? — спросил судья.

— Я только что сказал и повторяю — все дни без исключения!

— Хорошо! Другой свидетель!

Второй свидетель дал аналогичное показание. Он также часто бывал в заведении, в шесть часов и в полночь. Никогда Смит и Нортон не отсутствовали.

Третий, четвертый видели их каждый день, говорили с ними, пили в их компании, проигрывали деньги.

Остальные, вплоть до двадцатого, тридцатого и далее, подтвердили то же.

Ни Ребен Смит, ни Джо Нортон, обвиняемые в преступлениях, для совершения которых необходимо было несколько дней, не покидали даже на шесть часов Доусон-Сити.

Убитые этим, Леон, Поль и Тоби не верили своим глазам, своим ушам...

Конечно, свидетели говорили правду. Но трое друзей сохраняли, несмотря на это, уверенность, которую ничто не могло поколебать. К несчастью, это загадочное явление было необъяснимо, а одной уверенности, чтобы выиграть дело, недостаточно: требовались доказательства. Между тем бандиты, спасенные благодаря алиби, стали в позу оскорбленных. Устами своих адвокатов они принесли на обвинителей жалобу в преступном доносе, ложной клятве, незаконном аресте, оскорблении чести и т. д. и т. п.... Обвинители стали обвиняемыми! Толпа свидетелей покрыла их руганью, а судья приказал взять под арест.

Таким образом, в тот момент, когда убийцы получили свободу, жертвы были заключены в тюрьму. Но и это было еще не все: Смит и Нортон, в которых наши друзья (более, чем когда-либо) видели Бернетта и Вильсона, потребовали компенсацию за моральный ущерб в двадцать тысяч долларов!

Тоби, Поль и Леон, бывшие только что героями дня, вооружили против себя общественное мнение. Голос народа, редко бывающий голосом Бога, осудил их единодушно.

Судья также осудил их, и причем жестоко, назначив каждому трехмесячное заключение в тюрьме и десять тысяч долларов судебных издержек в пользу Ребена Смита и Джо Нортон.

Затем он приказал немедленно отвести виновных в тюрьму и дал только три дня на сбор нужной суммы денег.

Леон и Поль с твердостью встретили страшный удар и не произнесли ни слова.

Тоби же повернулся к негодяям и, взглянув прямо в лицо, сказал на прощание:

— Не торжествуйте слишком скоро и слишком сильно! Мы еще встретимся!

Часть третья

«МАТЬ ЗОЛОТА»

Глава XI

Восход и заход солнца. — Пятиминутный день. — При сорока пяти ниже нуля. — Ружейный выстрел. — Возвращение Жана. — Караван. — В пути. — В стране холода. — Жестокое разочарование.

— Ну что? Сколько градусов?

— Да всего сорок пять ниже нуля!

— Всего?! Вот это мило!

— А ты, дорогой Поль, не так уж болен и вовсе не такой уж мерзляк, как сам старался себя уверить. Скажи на милость, для чего ты вылез из своего спального мехового мешка?

— Все приедается, мой Леон, даже и сон, а я ведь проспал почти целые сутки и теперь захотел взглянуть на восход солнца. Только и лениво же оно здесь! Ну, поторопись, сонное светило, мы ждем тебя!

В ответ на это раздался звонкий молодой смех.

Стоявшие среди круга, образуемого рядом нагруженных саней на гладкой снежной полянке, Поль Редон и Леон Фортен обернулись.

В десяти шагах от них стояла заиндеветшая юрта, откуда вышли два человека, пол и возраст которых трудно было определить. Залитые красноватым светом багрового сияния, фигуры приближались к молодым людям.

— Здравствуйте, мадемуазель Марта, не правда ли, я угадал, что это вы?

— Ну да, на этот раз угадали! — отвечала Марта Грандьё. Поль Редон и Жанна Дюшато также обменялись рукопожатиями.

— Не правда ли, мы теперь похожи на медведей, поднявшихся на задние лапы? — засмеялась Марта.

— Редон и я — пожалуй... но вы...

— Мы до смешного похожи на вас в этом полярном наряде с поднятыми меховыми воротниками, доходящими до глаз, в шапках, надвинутых на самые брови, в меховых шароварах, заменяющих юбку, в синих очках, скрывающих глаза.

— Не желаете ли прогуляться немного? — предложил журналист.

— Охотно! — согласилась уроженка Канады. —

Но надо надеть лыжи. Не бойтесь, я не буду смеяться, если вам случится разок-другой растянуться на снегу с непривычки. С моей помощью вы все скоро станете заправскими лыжниками, что необходимо в наших краях.

И обе молодые пары, надев лыжи, обошли круг, огражденный саними и охраняемый надежно стражей из упрямых собак, тоже проснувшихся и лениво потягивавшихся на снегу, в котором ночевали.

Такие встречи и прогулки происходили ежедневно во время восхода солнца, когда звезды постепенно бледнеют и затем исчезают, а утренние сумерки становятся все лучезарнее, и вдали выплывает из тумана безбрежная снежная равнина, окутанная идеально чистой и прозрачной атмосферой. В воздухе тихо, не ощущается ни малейшего дуновения ветерка — только благодаря этому и можно выносить здесь страшные морозы. Но вот над землей, показывая вначале лишь багрово-красный краешек, медленно выплывает громадный малиновый диск, окрашивающий своими лучами девственно-белый снег в нежно-розовый тон. Соприкасаясь нижним своим краем с линией горизонта, этот диск минуты две-три остается неподвижным, а затем постепенно начинает таять и, наконец, совершенно исчезает.

Внезапное исчезновение дневного светила невольно производит удручающее впечатление и на людей, и на животных. И хотя после того несколько часов длятся сумерки, все-таки день, в астрономическом смысле слова, уже прошел, и до следующего восхода остается ждать двадцать три часа и пятьдесят минут — не более и не менее.

Наши друзья готовили обед, снимали кое-что из верхней одежды, грелись у печки, затем опять выходили на двор кормить собак, а в промежутках между делом дрогли в юрте, на дворе, у печки, в постели, — словом, повсюду и везде.

— Бр-р-р! Однако не сладко зарабатывать насущный хлеб в этом ледовом аду! — промолвил Редон.

— Не грехи, мы получили сто двадцать тысяч долларов за клем. Разве это худо? Право, нам не так плохо живется здесь!

— О, ты неисправимый оптимист! По-твоему, все прекрасно!

— Да, потому что я счастлив! — сказал Фортен, кинув многозначительный взгляд Марте, опиравшейся на его руку.

— Да, конечно! Ты счастлив... но от этого теплее в Клондайке не становится. Вперед, мадемуазель Жанна, не то, я чувствую, сейчас превращусь в ледяной столб.

— Во всяком случае, ваш язык еще не замерз, месье Поль, это не подлежит сомнению! — отвечала девушка, и все трое весело рассмеялись. — Вы называете эту страну снегов и морозов Ледяным адом, господа? Но, право, грешники здесь — люди веселые, хотя иные и ропщут на свою судьбу!

— Как долго нет Жана! — проговорила вдруг Марта, слегка озабоченная продолжительным отсутствием брата.

— Не беспокойся о нем, — сказала Жанна, — ведь он уже не ребенок: ему шестнадцать, а в этом возрасте молодые канадцы предпринимают в одиночку экспедиции, которые продолжаются иногда целые недели.

В этот момент, как бы в подтверждение ее слов, в тощих кустарниках, росших на гряде небольших возвышенностей, тянувшихся к западу, раздался выстрел.

— Вот видите! — воскликнула Жанна. — Это его винчестер... а там вон и дымок от выстрела!

— Я решительно ничего не вижу! — произнес журналист. — И положительно не понимаю, как вы можете отличить выстрел из его ружья от выстрела такого же винчестера вашего батюшки или Лестанга!

— Выстрел — это голос ружья, и каждое имеет свой характерный, особый звук, который для нас, детей страны охоты, представляет ту же разницу, как и голоса людей! — наставительно проговорила канадка. — Что же касается отца или Лестанга, то они с индейцем, который обещает показать дорогу к Золотой горе, не могут вернуться раньше, чем через два дня.

— У вас просто на все имеются ответы, и мне волей-неволей приходится молчать! — отвечал молодой человек.

Между тем Жан на своих легких лыжах с удивительной быстротой приближался к ним. Чувствуя себя превосходно в наряде эскимоса, бодрый и румяный, юный лицеист казался сильным, здоровым мужчиной.

— Ну что? Какой была охота? — спросил Леон.

— Очень удачной, — весело отозвался юноша, — я уложил на месте двух зайцев, белых, как горностаи, и, кроме того, прелестное животное, которое

по некоторым соображениям принял за вапити *, оно ростом с жеребенка, с роскошными ногами. Я захватил с собой всего один окорок, но и тот весит не менее двадцати фунтов!

— Ну да, конечно, это вапити, — подтвердила молодая канадка. — Вас можно поздравить: таким трофеем гордятся даже самые ловкие и смелые охотники моей страны.

— Нет, право, удивительный молодчина наш юный Немврод: по двадцати часов кряду проводит в снегах, без всяких путеводителей, кроме небесных звезд да своего компаса, спит под открытым небом на морозе, когда и белые медведи замерзают, — и все ему нипочем!

— Нет, месье Поль, прошу извинить, на этот раз я спал не под открытым небом, а в чудном гроте или, вернее, в пещере с песчаной почвой, где температура даже без костра и печей весьма высокая. Туда я стащил разрубленного топором на части вапити и, завалив вход снегом, явился к вам, чтобы захватить санки и отправиться обратно за мясом, которое, судя по всему, должно быть превосходнейшего вкуса!

— О, ваше открытие, Жан, неоценимо для нас! Мы превратим пещеру в склад для провианта и, если она достаточно велика, сможем даже жить в ней, пока будем разыскивать «Мать золота».

— По всей вероятности, очень велика: над нею возвышается целый холм!

— А далеко это отсюда?

— Да часов семь ходьбы для привычного человека, а для нашего каравана с собаками и санями не менее полусуток!

— Ну, все равно, как только Жан успеет обогреться и отдохнуть, надо будет пуститься в путь. В этой пещере нам будет несравненно лучше, чем под открытым небом!

— Я готов хоть сейчас! — сказал Жан.

— Нет, нет, — необходимо плотно поесть на дорогу и собраться!

После хорошей, основательной закуски стали снимать палатку и вырывать железные скобы креплений, все это сложили вместе с домашней утварью. Маленький караван, состоявший из пяти саней, запряженных двадцатью эскимосскими собаками, дружно тронулся в дорогу.

---

* Канадского оленя.

Местность повсюду была совершенно ровная, а плотный снег настолько тверд, что полозья почти не уходили в него, и возки легко скользили по поверхности, что значительно облегчало путь. Собаки бежали бодро, люди на лыжах иногда подсобляли им, подталкивая сани сзади. Жанна направляла поезд, и собаки, повинаясь ее голосу, весело бежали к востоку. Луна светила вовсю, время от времени Жанна останавливала караван, кто-нибудь из мужчин брал привязанную сверху лопату, нагребал довольно высокий снежный холм, и поезд трогался дальше. Эти возвышения служили путеводными столбами для Дюшато и Лестанга: прибыв к месту прежней стоянки, они должны были по этим знакам отыскать новое место пребывания своих компаньонов.

Долгое время путь был гладкий, томительно-однообразный, но удобный; вдруг местность изменилась: со всех сторон теснились темные глыбы камней, казавшихся черными при ярком свете месяца. Руководствуясь указаниями Жана, маленький поезд спустился в небольшую ложбинку, окруженную со всех сторон скалами и замыкаемую высоким холмом, почти горою, у подножия которой, точно тоннель, чернел вход в пещеру.

— Вот она! — воскликнул Жан.

Еще минута, и все принялись весело расчищать снег. Туша вапити была на месте, только успела уже совершенно заледенеть. Собак поспешно выпрягли, предоставив их самим себе, а сани выстроили полукругом перед входом; только затем наши друзья начали осматривать новое жилище.

Они утомились, и каждый думал прежде всего о своей постели. Все спешили достать из саней предметы первой необходимости и устроиться на ночлег, а Жан, вооружившись маленькой керосиновой лампой, проник в глубь пещеры. Суженная у входа до полутора аршин в ширину и менее сажени в высоту, пещера эта представляла собой нечто вроде коридора, затем вдруг расширялась настолько, что образовывала большой круглый зал, стен которого не было видно в темноте.

Здесь оказалось настолько тепло, что меховые одежды стали излишни. Все восторгалось открытием Жана, сознавая, что впоследствии, когда входное отверстие завесится какой-нибудь шкурой, жилище будет просто превосходным. Поставили печку, зажгли лампу и стали готовить чай. Леон в это время достал свою буссоль.

Удивительная точность прибора была такова, что ни разу с момента, как наши путешественники вступили на золотоносную почву, стрелка не оставалась абсолютно неподвижной. Так как золото здесь встречается повсюду, она постоянно отклонялась то в одну, то в другую сторону, то вниз, то вверх, указывая на присутствие драгоценного металла в недрах земли. Но на этот раз стрелка была совершенно неподвижна. Напрасно он наклонял и встряхивал буссоль, напрасно постукивал по ней ногтем, — ничто не помогало; он встревожился: уж не испортился ли прибор, и, достав из маленького кожаного мешка самородок золота величиной с орех, поднес его к своей буссоли. Обыкновенно в таких случаях игла делала быстрый поворот и следовала направлению самородка, но теперь она даже не дрогнула. Холодный пот выступил на лбу молодого человека: очевидно, золото уже не действовало на леоний... Что же теперь делать?

Глава II

Фанатики золота. — Тайна индейца атна. — Отправление. — В пути. — Надо водействовать. — Первая победа. — Подвиги школьника. — Пир. — Кошмар. — Смертельная опасность.

Все золотоискатели Клондайка одержимы мечтою найти «Мать золота» — ту сказочную залежь драгоценного металла, которая, по рассказам, должна содержать золота более, чем на целый миллиард. На эту тему существует даже легенда, известная индейцам с незапамятных времен и распространяемая теперь с особым усердием золотоискателями. Многие уже стали ее жертвой, но, несмотря на это, находятся все новые и новые фанатики, готовые переносить самые страшные мучения, идти на верную смерть ради своей золотой мечты.

Это те же алхимики средних веков, ищущие философский камень: им мало богачейших россыпей золотоносного песка, мало даже самых крупных самородков; подавай лишь те сказочные залежи, те сплошные пласты драгоценного металла, которые прозваны «Матерью золота». Остальное для них не представляет почти никакой ценности. Это какие-то маньяки, загипнотизированные жаждою несметных богатств. Одним из таких фанатиков был и Пьер Лестанг, рудокоп

и страстный золотоискатель, влекомый химерой «Матери золота». Между тем он был, пожалуй, единственным человеком, невероятные, упорные усилия которого могли в конце концов увенчаться успехом. Долгие годы он жил среди индейцев, скрытных и недоверчивых по отношению к бледнолицым; только в прошлом году, когда Лестанг спас жизнь одного из вождей, индейцы подружились с ним, еще раз доказав свету, что благодарность и признательность — добродетели, присущие людям любого цвета кожи.

— Я знаю, что ты хотел бы найти желтое железо, до которого так жадны все бледнолицые, — сказал ему однажды индеец, — и укажу место, где его так же много, как простых камней, и где глыбы его так велики, как вот эти обломки скал!

Лестанг слушал с замиранием сердца. Индеец дал понять, что залежи «желтого железа» находятся очень далеко, места те труднодоступны и опасны, но человек, упорный и настойчивый, смелый и отважный, всегда достигает желаемого.

«О, это, наверно, «Мать золота»! Да! Да! Не подлежит сомнению!» — обезумев, мысленно повторял Лестанг.

— Знаешь, брат мой, надо идти искать это желтое железо! — обратился он к краснокожему.

— Если брат мой хочет, пойдем! — просто отвечал индеец.

Дело было зимою, а в том году холода доходили до пятидесяти двух градусов ниже нуля. И все-таки двое смельчаков пустились в дальний и трудный путь. Претерпевая страшные лишения, эти отважные люди упорно шли к цели; однако, несмотря на все усилия, им не удалось достигнуть обещанной земли. Лишившись всего необходимого, полуживые от холода и голода, съев по дороге своих собак, потом их шкуры, ременную упряжь саней, они вернулись к индейцам более похожие на живые скелеты, чем на людей, состоящих из мяса и костей.

Тогда Лестанг понял: для достижения цели необходимы другие средства и условия и, расставшись со своими друзьями-индейцами атна, отправился на Юкон, где нанялся в рудокопы и стал копить деньги, в надежде набрать необходимую сумму для снаряжения новой экспедиции.

Случай столкнул старика с нашей компанией фран-

ко-канадцев, и вскоре он сделался одним из членов этой дружной семьи, окружившей его уходом, ласками и заботой. И чувство глубочайшей признательности побудило рудокопа, как когда-то индейского вождя, открыть друзьям все, что он знал о «Матери золота».

— Надо идти туда, надо отыскать эти чудовищные сокровища! — Лестанг услышал в ответ почти то же, что много лет назад сам произнес в подобной ситуации.

Но теперь, как раз теперь, труднейшая экспедиция имела хорошие шансы на успех. После первого блистательного дебюта в стране снега наше маленькое общество испытало немало горьких неудач: во-первых, кража гнезда самородков, затем ужасный случай с двумя канадцами, чуть было не стоявший им жизни, потом несправедливое и возмутительное обвинение, арест, трехмесячное тюремное заключение и штраф в пятьдесят тысяч франков, которому подверглись Поль, Леон и Тоби. Когда же им вернули свободу, пришла зима, холодная, долгая, суровая. Правда, это самая благоприятная пора для разведок, но наши франко-канадцы были не особенно склонны к подобного рода работе, к тому же громадное большинство золотоискателей, англосаксов или космополитов, стало смотреть на них после тюрьмы косо и недоверчиво — интриги господ Боба Вильсона и Френсиса Бернетта сделали свое дело: друзьям не хотели сдавать внаем ни одной, даже самой жалкой лачуги под жилье, никто не соглашался работать на их клеме, порой они наталкивались и на прямые публичные оскорбления.

Дальнейшее пребывание в Доусон-Сити оказывалось невозможным, и они продали свой великолепный участок, получив сто двадцать тысяч долларов чистоганом, хотя эта концессия стоила вчетверо больше. Ничем более не связанные, смельчаки решили, невзирая на все ужасы Ледяного ада, готовиться к встрече с «Матерью золота». Быстро снарядили экспедицию, сделали громадные запасы провианта, необходимой одежды, динамита, орудий и оружия, снарядов и керосина. Все это разместили на шести санях так, чтобы на каждом находилось по шестой доле всего перечисленного — мера, необходимая на случай гибели или пропажи одного или нескольких возков.

Каждые сани должна была везти упряжка из пяти сильных, здоровых, хорошо обученных собак. Но для сбережения их сил Лестанг предложил по крайней

Маленький караван продолжал путь по снеговым горам

мере на первой части пути заменить собак лошадьми, нанятыми пусть даже за неслыханно высокую плату.

Маленький караван двинулся через проток Юкона по льду толщиной в двенадцать вершков; лошади везли кладь, а сами участники экспедиции шли пешком, почти по колено в сиегу.

В шесть дней они успели пройти восемьдесят миль, затем лошади и проводники вернулись обратно в Доусон-Сити, и наши друзья остались одни. План старого Лестанга, избранного единогласно начальником экспедиции, заключался в том, чтобы сначала достигнуть всем вместе того места, до которого с индейцем он прежде уже доходил, а затем, разбив стоянку и оставив там почти всю экспедицию, вдвоем с Дюшато отправиться в индейскую деревню за старым другом из племени атна. Под предводительством последнего маленькое общество должно было отправиться туда, где, по словам легенды, находится золотое сердце Юкона.

Вся первая половина программы была выполнена, и молодые люди вместе со своими мужественными спутниками ожидали только возвращения двух канадцев с индейцем атна. Прошло более двух недель с тех пор, как Лестанг и Дюшато ушли, более двух недель оставшиеся скучали в своих палатках.

Чтобы избежать сидячей жизни, столь пагубной в этих широтах, молодые люди решили ежедневно посвящать несколько часов занятиям на вольном воздухе.

Леон и Марта совершали длинные прогулки, беседуя о прошлом и при сорока пяти градусах мороза строя планы на будущее. Что же касается журналиста, то он сначала предпочитал оставаться в палатке, греясь у печки, невзирая на подтрунивания товарищей. Только Жанна смогла, в конце концов, переупрямить его.

Это была первая победа молодой уроженки Канады над парижским «зябликом», утонченным и мниморасслабленным. Девушке удалось заставить Редона выходить на воздух ежедневно хоть на полчаса, и с этого времени здоровье репортера начало заметно улучшаться. Он понемногу привыкал к морозу, меньше кутался, перестал вечно сидеть у огня.

Ну а Жан Грандье чувствовал себя в этой насквозь промерзшей стране, как в родной стихии. Смелый и отважный, полный сил и здоровья, он не пугал-

ся никакой стужи, никакой непогоды, охотился целыми днями и почти никогда не возвращался без добычи. Этот шестнадцатилетний мальчик, не поморщившись, шел на медведя, на вапиту — большого северного оленя, который, даже насмерть раненный, обыкновенно кидается на охотника и одним ударом рогов пропарывает ему живот. Презирая всякую опасность, юноша далеко уходит от лагеря в сопровождении лишь верного ньюфаундленда Портоса, тоже чувствовавшего себя прекрасно среди морозов и снегов. Товарищи часто называли юношу траппером, настоящим траппером — североамериканским охотником, ремесло которого требует особой силы, ловкости, мужества.

Во время одной из своих экскурсий юноше и удалось, как мы знаем, найти пещеру, где и поселилось все маленькое общество. Здесь им уже не грозила никакая опасность ни от мороза, ни от диких зверей. При более основательном осмотре оказалось, что уже на некотором расстоянии от входа температура была не ниже минус трех, а немного подальше вглубь термометр показывал нуль, тогда как в палатке, несмотря на раскаленную печь, никогда не бывало выше минус пятнадцати.

Пещера эта разветвлялась в разные стороны в виде гусиной лапы тремя узкими коридорами.

Наши друзья, не имея особой надобности, не дали себе труда осмотреть их, разместившись в среднем круглом зале, достаточно просторном и удобном. Собаки устроились у входа на мягком песне и тут же принялись пожирать остатки убитого Жаном вапиту. Между тем хозяева их принялись с особым наслаждением жарить на вертеле, приспособленном к печке, сочный окорок этой дичины. Вкусный запах жареного мяса распространился по всей пещере, проникая и во все темные коридоры. После долгой веселой беседы все с удовольствием предались сну.

Только одна маленькая керосиновая лампа, надетая на высокую бамбуковую трость, освещала эту общую спальню, разделенную надвое занавеской из полотнища палатки.

Все мирно почивали в продолжение нескольких часов.

Вдруг Поль Редон, спавший в глубине пещеры, внезапно пробудился от ночного кошмара. Ему снилось: какая-то страшная тяжесть налегла на грудь и давит его,

потом кто-то перекатывает с бока на бок и топчет, топчет... В висках застучало, сердце усиленно забилось, наконец, он сделал страшное усилие и открыл глаза.

Ужаснейшее зрелище представилось ему при свете маленькой лампы, из груди вырвался страшный хрип: действительность оказалась кошмарнее сна.

Глава III

Серый медведь. — Прерванный сон. — Выстрел. — Жан и Леон. — Редон представляет собою поле битвы. — Героиня. — Самообладание. — Свойство минеральной эссенции. — Смерть гризли.

Без сомнения, самое громадное, самое сильное и самое свирепое животное из всех диких обитателей Нового Света — серый медведь, или гризли. Несмотря на свои размеры, он проворен и ловок, как пантера, сильнее, чем бизон, и всегда находится в ярости, всюду оставляет за собой смерть и разрушение. Средней величины гризли имеет в длину сажень и двенадцать вершков и весит около сорока пудов, при этом отличается необычайной живучестью: были примеры, когда пробитый несколькими пулями медведь, из которого кровь лилась, как вино из бочки, нагонял коня, пущенного вскачь, ударом своей могучей лапы переламывал ему хребет, сбрасывал всадника и, растоптав его ногами, раздирал в клочья.

Облаченный непроницаемой броней из мускулов, жира и толстой, плотной кожи, он почти неуязвим; не только холодное оружие, а даже и пули редко могут достать главные жизненные органы этого страшного исполина. Чтобы уложить зверя, свинец должен пройти ему в глаз, в ухо или прямо в сердце.

Вот почему ожерелье из когтей серого медведя считается самым славным и драгоценным украшением воина-индейца, явным доказательством его несомненно-го мужества, ловкости и силы. К счастью, эти страшные животные встречаются редко, но зато там, где появляются, наводят ужас на целую окрестность.

По чистой случайности пещера, открытая Жаном, оказалась берлогой пары таких чудовищ. Эти медведи, вероятно, недавно поселились в одном из темных коридоров и легко пробудились от зимней спячки под влиянием вкусного запаха жареного мяса и приятной

теплоты. Кроме того, гризли, отличающиеся тонким обонянием, возможно, почуяли и присутствие человека, мясо которого для них особенно лакомо. Поэтому немудрено, что один из серых гигантов, руководствуясь инстинктом, отправился прямо туда, где наши друзья прекрасно расположились на ночлег.

В первый момент полярный господин остановился, удивленный видом непривычных предметов и фигур спящих людей, и, поднявшись на задние лапы, словно о чем-то размышлял; нечто похожее на звериную усмешку исказило на мгновение его громадную пасть, но любопытство взяло верх, и он, опустившись на все четыре лапы, осторожно подкрался к ближайшему спальному мешку, где лежал укутанный в меха Поль Редон.

— Медведь! Медведь! Помогите!! — завопил не своим голосом несчастный, как только успел прийти в себя. Одним прыжком Леон вскочил со своего ложа и стал озираться, отыскивая оружие. Жан сделал то же. Крик ужаса невольно вырвался у них при виде страшного зверя, угрожавшего другу.

От этого крика пробудились и две девушки. Не понимая, что случилось, они стали растерянно суетиться, опрокидывая кое-какие вещи на своем пути. Шум смутил на мгновение серое страшилище. Тем временем Жан схватил ружье, у Леона очутился в руках нож; зверь при виде врагов с яростным ревом поднялся и пошел на людей.

— Не стреляйте! — крикнула Жанна, к которой вернулось ее обычное самообладание.

Но уже было поздно. Раздался выстрел — и густое облако дыма застлало на минуту все кругом. Выстрел раздробил зверю челюсть, но это сделало его еще опаснее. Он конвульсивно замотал головою, леденящий душу рев заполнил пещеру, кровь ручьем полилась из раны, но чудовище продолжало стоять на задних лапах и как будто топтало что-то под ногами.

Боже правый! Да ведь это Леон, кинувшийся с ножом на медведя, Леон, который одной рукой вцепился в косматую шерсть зверя, а другой наносил ему бешеные удары ножом в грудь и живот! Сам того не подозревая, отважный молодой человек повторил прием индейцев-охотников, решающихся вступать в рукопашный бой со свирепым гризли. Помертвев от страха, бледная, как саван, Марта, полагая, что Леон погиб, отчаянно протянула к нему руки, что-то крикнула и упала без

Леон стал наносить медведю бешеные удары ножом

чувств. Жанна подхватила ее, брызнула в лицо водой, не успевшей замерзнуть после ужина, и стала тереть виски, с замиранием сердца следя за ходом борьбы. Вдруг среди наступившей тишины — слышалось одно только тяжелое дыхание борющихся — раздался прерывающийся, придушенный голос:

— Черт возьми, господи! Никак не могу выбраться из своего мешка... Пощадите, вы совсем растоптали меня; я вам не поле битвы!

Это был голос Поля Редона, принужденного лежать неподвижно, — гигантский медведь и Леон топтали его ногами. Увидав это, Жан сделал другой выстрел; на этот раз пуля снесла зверю половину морды и глаз, но все-таки не проникла в мозг, и потому чудовище осталось живым.

Тогда, почти задыхаясь под тяжестью гризли, Леон по самую рукоятку всадил ему нож в живот. Зверь разжал свои лапы, пошатнулся и опрокинулся навзничь. Все было кончено, опасность миновала. Жан, бросив ружье, поспешил на помощь Полю Редону. Вдруг из глубины пещеры появился другой медведь, еще больших размеров. Свирепое животное набросилось на путешественников, — и пещера огласилась страшным ревом. Трое мужчин, которым все еще приходилось бороться с издыхающим врагом, не могли прийти на помощь двум бедным девушкам, а на них-то и собирался напасть второй медведь. Марта, непривычная к такого рода ужасам, снова лишилась чувств. Жанна же, более сильная, находчивая и энергичная, не найдя под рукою оружия, схватила висевшую над печкой салфетку, смочила в керосине, затем обмотала ею конец бамбуковой палки и быстро поднесла к лампе. Салфетка мигом воспламенилась и разом озарила всю внутренность пещеры. От вида яркого пламени медведь на минуту приостановился, но затем расшвырнул еще больше и двинулся на Марту. Тогда мужественная девушка, собрав все силы, стала как можно глубже заталкивать шест в огромную открытую пасть зверя. Мгновенно шерсть на морде медведя опалилась, язык и небо, гортань и бронхи оказались сожженными. Несчастное животное опрокинулось, а барахталось, сжимая передними лапами обгорелую морду, затем началась страшная мучительная агония, длившаяся, впрочем, всего несколько минут.

Между тем Леон и Жан, сляясь выбраться из желез-

ных когтей первого чудовища, опрокинутые им, оглушенные ревом, подавленные его непомерной тяжестью, почти не заметили второго медведя и не видели схватки с ним. Марта в нескольких словах рассказала мужчинам про смелый подвиг подруги.

— В минуту опасности всякий делает что может и что знает! — скромно отвечала молодая канадка в ответ на поздравления и возгласы восторга.

— Да, — сказал Редон, — а я служил только подмостками для трагической сцены, в которой вы, господа, были героями и героинями!

— Тут добрых семьдесят пять пудов мяса и пара славных шкур на одеяла, постели или плащи, смотря по желанию! — заметил Жан, задумчиво следя за последними копульсиями двух гризли.

— Эти чудовища не менее ужасны, чем пресловутая «Красная звезда»!

Леон невольно содрогнулся при упоминании имени, из-за которого столько выстрадал и пережил.

— Впрочем, что вспоминать об этих негодях теперь, когда они нашли в Доусоне свою «Мать золота»; им, вероятно, нет никакой охоты преследовать нас еще и здесь! — закончил Поль Редон.

Леон задумчиво покачал головой, промолвив свое любимое:

— Как знать!

Глава IV

Возвращение. — Канадцы и краснокожий. — Ожерелье вождя. — Утомимые. — В пути. — Стрелка вновь вращается. — Сомнения. — Кто прав? — «Здесь!» — сказал индеец.

Четыре дня или, вернее, четыре ночи, длившихся каждая двадцать три часа и пятьдесят пять минут, прошли с тех пор, как новые обитатели Медвежьей пещеры поселились в ней. Рожденным в средних широтах очень трудно бывает привыкать к тому, что мерцающие звезды, лучезарные сумерки и пламенеющие северные сияния — единственные светлые гости полярной тьмы. Мрак, царящий здесь долгие месяцы, удручающе действует на нервы. Среди снежной равнины, заглушающей шум шагов и всякий другой живой звук, люди движутся как тени. Дух и тело здесь начинают погружаться в спячку. Единственной отрадой стано-

вится восход солнца, быстро сменяемый закатом. Впрочем, день ото дня великое светило все меньше и меньше поднимается над землей и со временем окончательно уходит за линию горизонта.

Прошло уже четверо суток со дня нападения на экспедицию гризли, шкуры которых были сняты и превращены в покрывала, а мясо разрублено на части, заморожено и убрано в одной из боковых галерей, превращенных в кладовые.

Наступила ночь, обитатели Медвежьей пещеры спали, когда вблизи слышались человеческие голоса. Собаки глухо зарычали, проворные тени в облаке беловатого тумана засновали у входа.

— Отец! Это вы, да? — воскликнула Жанна, выйдя вместе со всеми навстречу шуму.

— Да, да, дитя мое! — воскликнул Дюшато, кинувшись обнимать дочь.

— Ну, съездили благополучно? Никаких бед? — наперебой задавали вопросы молодые мужчины.

— Все идет как по маслу! — отвечал Лестанг.

Собаки прибывших путников знакомились, виляя хвостами, с остальными собаками, один Портос продолжал рычать — не мог успокоиться из-за незнакомца, приехавшего с канадцами.

— Молчи, Портос! — крикнул на него Жан. — А вас, друзья, прошу пожаловать в наше жилище! — указал он рукою на пещеру, ярко освещенную внутри двумя лампами.

Трое путников медленно и осторожно, чтобы не задохнуться от внезапного перехода к теплу после пятидесятиградусного мороза, направились внутрь. Очувтившись в круглом зале пещеры, где весело топилась печь, они сбросили с себя меховые одежды и ощутили неопишемое блаженство после трудного пути.

— А, вот и грог готов! Как мы рады, что вы вернулись и что все обошлось благополучно!

— Грог — дело доброе, — произнес Лестанг, — но всему свое время. Позвольте мне прежде всего познать вас с моим другом Серым Медведем, которому известна тайна «Матери золота», тайна, которой он готов поделиться с нами!

— Ах, так его зовут Серый Медведь! Какое странное совпадение! — воскликнул журналист, кидая испытующий взгляд на вновь прибывшего — типичнейшего представителя краснокожей расы, с горбоносым,

как на древнеримских монетах, профилем, с железными мускулами, с телом, точно вылитым из бронзы, с глазами черными, как уголь, и блестящими, как алмаз. Одет он был в простую охотничью блузу, индейские штаны с бахромой и мокасины, а на плечах носил шерстяной плащ, заколотый спереди длинной косточкой.

«Да... закаленный человек,— подумал про себя Редон,— в такой мороз и так налегке!»

На шее индейца висело любопытное ожерелье из медвежьих когтей.

— Это ожерелье вождя! По нему узнают человека отважного, героя! — пояснил Лестанг, давно уже знакомый с нравами и обычаями краснокожих.

— А ведь и мы, Лестанг, герои и героини: мы здесь убили двух серых медведей! — произнес один из молодых людей.

Девушки в это время разносили кипящий грог. Индеец, постоянно живший среди канадских охотников и научившийся понимать по-французски, воскликнул:

— Ах! Брат мой убил двух гризли? Брат мой — великий вождь!

— О восторг! Он говорит языком героев Купера и Эмара! — воскликнул журналист. — Нет, уважаемый краснокожий, не я могу похвастать сим славным подвигом, в отличие от этой молодой девушки, мадемуазель Дюшато, моего товарища Леона Фортена — отважного галла, воина, ученого, знахаря, да вот этого юноши, — указал он на Жана, — прирожденного траппера и вольного охотника!

Заинтересованный индеец попросил подробно рассказать все, как было. Леон тотчас же согласился удовлетворить его любопытство, и мудрый атна почувствовал невольное сердечное влечение к этим незнакомцам, совершившим тот же подвиг, каким сам он снискал славу соплеменников и звание великого вождя.

Затем мало-помалу разговор перешел к вопросу, наиболее занимавшему всех, — к вопросу о золоте. Встретив дружеский прием и ласку бледнолицых, угрюмый краснокожий и сам стал дружелюбным и общительным, — рассказав, что «желтого железа» там, куда они пойдут, много-много.

— Так много, что вот настолько от земли! — вождь поднял руку на добрые три четверти аршина от поверхности пещеры. — Тянется оно далеко-дале-

ко! — Индеец принялся шагать большими шагами, приговаривая: «Вот настолько и еще, и еще...»

Очевидно, речь шла о пласте золота невероятных, колоссальных размеров.

— Нет сомнения, это и есть «Мать золота»! — воскликнул Лестанг.

— Да, да! — произнес Редон, которому вдруг стало жарко.

— Надо посмотреть, так ли это, — заметил вполголоса Леон. — Во всяком случае, такие месторождения — нечто невиданное. Скажите, краснокожий брат мой, далеко ли отсюда это место?

— На расстоянии приблизительно восьми дней пути.

— Да, но каких дней? Как теперь, в пять минут солнца и света и трех часов сумерек, или же летних дней, когда солнце стоит двадцать четыре часа над горизонтом?

— Не слишком длинных и не слишком коротких дней! — серьезно отвечал индеец.

— Ну, если так, отправимся теперь же! — произнес журналист. — Впрочем, вы, может быть, утомились с дороги?

Вождь рассмеялся, как будто Редон высказал какое-нибудь детски забавное и совершенно невероятное предположение.

— Утомился? Я не знаю, что значит это слово, хотя и понимаю, что другие так называют! Готов сию же минуту идти куда надо!

— Тогда, отдохнув часов десять, мы тронемся в путь.

Так как путешествие должно было продолжаться всего каких-нибудь двадцать дней, то решено было часть багажа и запасов оставить в пещере, где их зарыли в мелкий сыпучий песок, представлявший собой почву пещеры. Затем, облачившись в костюмы эскимосов, наши друзья стали запрягать собак в сани и, когда все было готово, весело пустились в путь, рассчитывая недели через три, в крайнем случае, через месяц вернуться назад и провести в Медвежьей пещере всю остальную часть зимы. Поезд тронулся по твердому, хрусткому снегу. Мороз был настолько силен, что, несмотря на меха и постоянное движение, кровь стыла в жилах.

Облачившись в костюмы эскимосов и взяв сани, запряженные собаками, наши друзья тронулись в путь

— Пятьдесят градусов ниже нуля! — пробормотал журналист, взглянув на термометр, прикрепленный к первым саням.

— Да вы не туда смотрите! Смотрите лучше на индейца: глядя на него, не поверишь в мороз! — проговорил Лестанг.

Действительно, Серый Медведь проделывал довольно своеобразную гимнастику. Отойдя немного в сторону (вероятно, из чувства стыдливости), он разделся донага и стал кататься по снегу, кувыркаясь, подсакивая и ныряя с удивительным проворством; и это на морозе, от которого трескаются камни, трещат и превращаются в щепки громадные деревья. Поль Редон смотрел и не верил своим глазам, а между тем Серый Медведь, вдоволь набарахтавшись и накувыркавшись, проворно надел свой несложный наряд, накинул на плечи плащ и, бодрый, улыбающийся, присоединился к остальным.

— Ну что? — спросил его Редон.

— Даже жарко теперь! — отвечал индеец.

Путешественники с завистью смотрели на вождя — победителя не только серого медведя, но и врага еще более страшного по имени «мороз». Им всем было холодно! Малейшее прикосновение к чему-либо металлическому заканчивалось плачевно. Это испытал на себе Леон: вечно озабоченный своей буссолью, он задумал еще раз убедиться, окончательно ли она испортилась. Сняв на мгновение перчатку, Фортен достал прибор из внутреннего кармана меховой куртки, рассчитывая, что мороз не сразу остудит его металлическую оправу. Но, увы! Не успев произвести желаемый опыт, он ощутил страшный ожог пальцев, кожа пристала так крепко к металлу, что ее пришлось отдирать. Несмотря на сильную боль, Леон поспешно натянул перчатку и продолжил свой эксперимент.

Теперь стрелка вращалась и дрожала, но все-таки упорно останавливалась на одном и том же месте, указывая на Медвежью пещеру, которую наши путешественники покинули шесть часов тому назад.

Удивленный до крайности, Леон положил свою буссоль обратно в карман и долго оставался задумчив и молчалив. Куда ведет их этот индеец, по-видимому, совершенно уверенный в себе? Следует ли так слепо доверяться ему? Уж не хочет ли он завести их в какие-нибудь дебри, чтобы завладеть санями и упряжками, несравненно более драгоценными для

него, чем самые громадные глыбы золота? «Кому верить,— спрашивал он себя,— индейцу или его непогрешимой до сих пор буссоли?»

Наконец, Леон пришел к заключению, что его стрелка после необъяснимого, странного повреждения там, в Медвежьей пещере, хотя и стала снова действовать, но уже в обратном направлении, как это бывает иногда и с компасом после сильной грозы.

Истомленные трудным и длинным переходом, наши путники сделали привал под защитой снеговой стены, нанесенной недавним бураном. Голодные, а главное, мучимые жаждой, они с нетерпением ждали горячего грога, который готовили тут же на маленькой керосиновой печке. Жажда, даже еще большая, чем та, какой страдают путники в песчаных пустынях, здесь, в пустынях ледовых, тем более ужасна, что искушение утолить ее горстью снега представляется постоянно, но стоит только ему поддасться, и минутное облегчение превращается в настоящую нестерпимую пытку: все внутренности начинают гореть, слюна пересыхает, язык прилипает к гортани,— словом, человек испытывает такие мучения, какие не поддаются никакому описанию.

Наши друзья, зная это, с нетерпением дожидались дымящегося напитка. Благодаря печке в шатре установилась приятная для путников температура: всего минут десять. Расположившись на меховых мешках, служивших одновременно и постелями, и коврами, потатарски сложив ноги, они с особым удовольствием принялись за скромный ужин. Разговор не клеился: все были измучены; в печку подлили топлива, и затем каждый, зарывшись в свой тройной меховой спальный мешок, постарался заснуть. Индеец же, которому была не по душе атмосфера шатра с запахом керосина, приютился под открытым небом между собаками, сбившимися в кучу, и только по настоянию друзей согласился укрыться медвежьей шкурой. Но ему было жарко, он время от времени вставал, чтобы освежиться, и затем снова ложился на свое прежнее место.

После восьмичасового сна краснокожий разбудил приятелей-канадцев, и те принялись за стряпню; затем мало-помалу пробудились и остальные. Жан, босой, без перчаток, с непокрытой головой, вышел из шатра.

— Куда ты, Жан? — встревоженно спросила его сестра.

— Иду снегом растираться! Это прекрасно: разом и чистым будешь и согреешься, — ответил он и действительно спустя некоторое время возвратился в шатер румяный, пригожий, остальным было просто радостно на него смотреть. Индеец отнесся к юноше с нескрываемым одобрением и, подойдя, крепко пожал руку. Сели за завтрак, с утра у всех на душе было весело, ели с охотой, особенно Поль Редон. Леон, заметив это, сказал:

— Здесь ты не можешь похвастаться отсутствием аппетита!

— Да, диспепсия, из-за которой я так мучился, глотая пилюли и всякие другие лекарства, излечилась пятидесятиградусным морозом! В Париже через год-другой меня пришлось бы, наверное, тащить на кладбище, здесь же я становлюсь настоящим обжорой!

Все рассмеялись.

— Ну, пора в путь! — И поезд саней с провожатыми на легких больших лыжах тронулся.

Дни шли за днями без малейшего разнообразия: все та же беспредельная равнина, те же привалы, те же ночлеги под открытым небом, те же утомительные переходы и тот же мороз. Минуло три, теперь четыре, пять дней; люди продвигались все дальше и дальше, как автоматы, почти не ощущая усталости, но с каким-то ноющим чувством томления. Казалось, они идут вперед потому только, что останавливаться просто нельзя, — самый организм требует движения, чтобы бороться со стужей... Леон еще раз справился со своей буссолью, и стрелка опять показала направление к Медвежьей пещере — обратное тому, каким они следовали.

Позади оказались еще два дня. Путь становился все труднее и труднее; вместо снежной равнины нашим путешественникам приходилось теперь идти какою-то взрытой холмистой местностью, напоминавшей взбаламученное море с внезапно оледеневшими волнами. Друзья уже стали падать духом, бодрым оставался один индеец.

— Немного терпения, братья, — и мы будем у цели! — говорил он.

Наконец, путешественники совсем выбились из сил. Тут вдруг все небо зарделось великолепнейшим северным сиянием. Окрестность озарилась чудным пурпурным заревом, придававшим всему окружающему какие-то фантастические размеры и очертания.

Окрестности озарились чудным пурпуровым пламенем

Тогда краснокожий, выпрямившись во весь свой богатырский рост, указал величественным жестом на откос скалы, залитый отблеском красноватого сияния и отсвечивавший металлическим блеском:

— Бледнолицые братья, я сдержал свое слово! Вот желтое железо!

— Теперь светло как днем. Очевидно, эти роскошные бенгальские огни предназначены для того, чтобы осветить наше торжество! — произнес журналист.

— О! Так это «Мать золота»! — воскликнул Дюшато громовым голосом.

— Тот гигантский кошель с золотом, который я искал целых двадцать лет! — бормотал Лестанг.

Что касается Леона, то он, вопреки всем, думал только о буссоли и стрелке, упорно направленной и теперь в сторону Медвежьей пещеры. Вместо крика радости, крика торжества с губ его сорвались все те же слова сомнения: «Как знать?!»

Глава V

Золотой бред.— Вождения.— Взрыв динамита.— Недоумение.— Разочарование.— Медь.— Легенда об Эльдorado.— Вознаграждение.— Возвращение.— По пути к Медвежьей пещере.

Какое-то безумие, какой-то золотой бред охватил разом всех при вести об открытии «Матери золота»; только бесстрастный индеец и рассудительный ученый не разделяли общего восторга. Между тем благородный металл действительно был здесь в изобилии, виднеясь всюду толстыми пластами среди каменных глыб.

Индеец оказался прав: они видели перед собой настоящую, феноменальную залежь чистого золота, чудовищно грандиозный слиток высотой в полторы сажени от земли.

Лестанг с восторгом простер руки, воскликнув:

— Именно так я и представлял себе «Мать золота»! Да! Сразу видно, здесь драгоценного металла на многие миллионы.

Дюшато тоже обезумел.

— Жанна, дитя мое, — кричал он в восторге, — теперь мы с тобой богачи! Теперь мы будем счастливы и сможем сделать много добра!..

Жан на радостях дал несколько выстрелов в воздух, а Редон громко воскликнул:

— Да здравствуют морозы и мы... и все, и все!..
Ура!

— Они — безумны, их хоть веревкой вяжи! — шепнул Леон Марте.

— А вас, друг мой, золото нисколько не волнует?

— Нет, я даже удивляюсь; быть может, вид этих маньяков, исполняющих пляску медведей, так расхолаживает меня.

Между тем проводник, указавший бледнолицым эти сказочные богатства, безучастно смотрел на происходившее вокруг, небрежно прислонившись к откосу скалы.

После первых минут дикого восторга разум все же взял верх, и Дюшато первый заявил, что необходимо придумать какое-нибудь средство добыть хоть часть открытого золота.

— Добыть! Но как? Никакие металлические орудия не возьмут этого кварца — все наши усилия будут тщетны! — вздохнул Лестанг.

— Несколько снарядов динамита сделают свое дело! — утешил его Леон.

— Да, правда! Динамит нам поможет!

Действительно, в ледяных равнинах Клондайка, где рабочие руки так дороги, а труд страшно тяжел, горящие нетерпением золотоискатели постоянно прибегают к динамиту, запас которого имелся под рукой и у наших друзей. Правда, динамитные снаряды совершенно замерзали. Тогда Дюшато, Поль, Леон, Жан и Лестанг спрятали их под одежды, чтобы дать отогреться. Затем старый рудокоп и Фортен начали отыскивать в скале трещину или щель, куда можно было бы подвести мину. Случай помог им; между тем через полчаса снаряды уже достаточно отогрелись от соприкосновения с человеческим телом. Немедленно принялись за дело. Пока Леон с помощью Лестанга подготавливали взрыв, другие члены экспедиции отводили подальше сани и собак. Наконец, все было готово. Леон подошел к фитилям с дымящимся трупом, зажег их и спокойно отошел в сторону. Прошло минуты четыре. Вдруг послышалось что-то похожее на глухой удар, затем последовало непродолжительное землетрясение, почва будто дрогнула под снежным одеялом, и высокий белый столб поднялся к небу. Затем раздалось еще несколько раскатов, целый град обломков взлетел в воздух и рассыпался во все стороны, как при

извержением вулкана. Собаки страшно завывали и пустились бежать; люди же, точно повинувшись могучему инстинкту, ринулись вперед к месту взрыва. Часть отвесной скалы оказалась взорванной, и ее черные, еще дымившиеся обломки валялись повсюду, обнаженный разрез выступил ярко-желтой блестящей полосой на темном фоне камня. Индеец не мог надивиться тому, что только что видел: колдовской взрыв вместе с утесом сотряс и его разум, все его существо. Он стоял онемевший, замороженный, в то время как остальные устремились к громадной глыбе металла весом не менее двадцати пудов. Прежний безумный восторг уже был готов охватить наших друзей, но несколько слов Леона охладили их пыл. Нагнувшись и подняв с земли осколок величиной с крупный орех, он с минуту рассматривал его, затем проговорил как бы про себя: «Дурной цвет и скверный вид!»

Сердца путешественников учащенно забились, дыхание стеснилось в груди, все подвинулись ближе. Между тем, сильно потеряв кусок металла о свою меховую куртку и поднеся его к носу, Фортен продолжал:

— Скверный запах!

— Что вы хотите сказать?.. — спросил его дрожащим от волнения голосом Лестанг, у которого даже в глазах потемнело. — Вы пугаете меня... Голова идет кругом!..

— Увы, мой бедный друг, — произнес Леон, — как ни неприятно разочаровывать вас, но должен сказать, это не золото... а медь!

— Медь! Медь! — воскликнуло несколько голосов, полных отчаяния. — Возможно ли, о Боже!..

— Правда, это самая превосходная руда из существовавших когда-либо в целом мире! — продолжал Леон, подготовленный к подобному разочарованию своей непогрешимой леониевой стрелкой.

— Медь! Это медь! Выходит, индеец — наглый лжец и обманщик! — раздраженно воскликнул Дюшато. — Он насмеялся над нами!

— Но ты вполне уверен в том, что это медь? — спросил Поль Редон своего приятеля. — Докажи нам!

— Смотри, — ответил молодой ученый, — ты, верно, слышал о существовании пробирного камня?! Это — особого рода твердая базальтовая порода, посредством которой испытывают золото. Кусок его трут о про-

битый камень, на шершавой поверхности которого остается желтая полоса легкого слоя металла. На эту-то желтую полосу наливают несколько капель соляной кислоты, и, если данный металл — медь, он мгновенно исчезает — медь растворяется в соляной кислоте; если же — золото, оно останется без изменения вследствие своей безусловной нерастворимости... Все это мы имеем здесь под рукой, стоит только достать из саней...

— Не утруждайте себя напрасно, месье Леон, — произнес старый Лестанг разбитым голосом, — я могу смело подтвердить, что вы правы! Это действительно медь... Стоит только попробовать на язык... Да и как можно спутать такой подлый металл с настоящим золотом?! — презрительно добавил он. — Правда, в первый момент я хотел себя уверить, что ошибаюсь, что «Мать золота» именно такая, но...

— Все это вина индейца! — воскликнул раздраженный, не похожий сам на себя Дюшато. — Ты обещал нам золото, а ведь это простая медь?!

— Я не знаю, что значит золото и медь, — спокойно отвечал вождь, — я знаю только, что обещал Лестангу и его бледнолицым друзьям указать место, где много, много желтого металла! Скажи, разве это не металл? Разве он не желтый? Разве его здесь не много? Не страшно много? Отвечай, так это или нет?

— Да, так!

— Так на что же ты жалуешься?

— И ради этого мы претерпели столько мучений!.. — задумчиво проговорил Лестанг. — А все-таки существует пресловутая легенда о «Матери золота», и эта легенда не пустой вымысел! — закончил он.

— Что не говори, а я весьма опасаюсь, что «Мать золота» есть Эльдorado полярных стран, иначе говоря, плод воображения! — произнесла Жанна. — Но вы не знаете, что такое Эльдorado? Я сейчас объясню. Близ экватора, в Гвиане, также стране золота, где царит не мороз, а страшная жара, невыносимый зной, сохранилось предание, будто где-то в таинственном, почти никому не доступном месте стоит громаднейший, великолепный дворец Эльдorado, принадлежавший знатному властелину, богатств которого нельзя было даже и счесть. Весь его дворец, гласила молва, был из литого золота — вся мебель, утварь, украшения, — словом, все, даже статуи, изображавшие людей в натуральный рост. Замок этот люди отыскивали в течение нескольких

веков, и многие пали жертвой своей страсти. Но вот однажды кому-то случайно посчастливилось найти громаднейший грот, поддерживаемый бесчисленными колоннами, где все горело и блестело; в пещере двигались люди, совершенно нагие, но походившие на золотые статуи. Оказалось, что стены грота, колонны — все натерто порошком слюды...

— Что же теперь нам делать? — со всех сторон слышались вопросы.

— Забыть о своем разочаровании, не оглядываться назад и бодро идти вперед! — отвечала Жанна.

— Да, дитя мое, ты права! Я был жестоким безумцем, когда так резко и неблагодарно отнесся к бедному индейцу! — произнес Дюшато. — Он повинен, для него нет разницы между золотом и медью. Он сдержал свое обещание и самоотверженно переносил ради нас все, не рассчитывая ни на какое вознаграждение. И потому его следует отблагодарить за труды и доброе намерение.

— Да, да! — хором воскликнули все.

— Брат мой, не твоя вина, что ты и мы обманулись! — продолжал Дюшато, обращаясь к краснокожему. — Видишь эти сани со всем снаряжением, с поклажей и собаками? Возьми их: они твои!

Такого рода подарок в полярной стране — громадная ценность, особенно для краснокожего, который ничего не имеет и постоянно влачит самое жалкое существование. Индеец едва мог вымолвить несколько слов благодарности от душившего его волнения; долго-долго смотрел он на свои санки, на собак, на тщательно увязанные тюки, на упряжь и, наконец, произнес:

— Ах... белые люди — добры и щедры! Серый Медведь никогда не забудет этого: он будет братом для белых. Прощайте! — Краснокожий один тронулся в путь и вскоре исчез во мраке.

— А мы что будем делать? — еще раз спросил Редон.

— Вернемся немедленно в Медвежью пещеру, — был ответ Леона.

Глава VI

Стая волков.— Нападение.— Резня.— Как Редон грел своим пальцы.— Отступление.— Они пожирают друг друга.— Медвежья пещера.

Возвращение было нелегким. Пятидесятиградусные морозы не ослабевали, а надежда, прежде гревшая путешественников, сменилась унынием. Ко всему добавились встречи с ужасными полярными волками — свирепыми, хитрыми хищниками. Животные эти, обладающие поистине удивительным обонянием, чуют на громадном расстоянии всякую живность, и потому неудивительно, что уже на второй день обратного путешествия они появились вблизи поезда наших друзей. Резкий, хриплый вой этих вечно голодных разбойников преследовал людей среди томительного полумрака полярной ночи. К счастью, мужчины, скорее по привычке, чем из предусмотрительности, имели при себе ружья и потому не испугались непрошенных гостей. Зато собаки, охваченные паническим страхом, вдруг остановились и, сбившись в кучу, жались к ногам людей, прятались за сани.

— Берегите патроны! — вскричал канадец, видя, что его товарищи готовы дать общий залп в громадную стаю, выделявшуюся темным пятном на белом снегу.

Мужчины и девушки выстроились полукругом, ошетилившись рядом ружейных стволов; но против них было по меньшей мере две сотни волков. Фосфорический блеск глаз хищников виднелся уже на расстоянии пятидесяти шагов. Лестанг выстрелил первым, и один из волков передовой линии упал замертво. Примеру рудокопа последовали другие, — полдюжины волков не стало. Выстрелы раздавались подобно грому среди морозного воздуха снежной пустыни. Испуганные волки на минуту приостановились, но затем с новой решимостью устремились на людей.

Пальба продолжалась.

— Вот заряженный винчестер! — проговорил Редон, принимая из рук соседа уже разряженное ружье и вручая ему свое, с полным зарядом патронов. Поль сумел достать большой ящик с боеприпасами, готовя к сражению одно ружье за другим.

Еще две атаки были с успехом отражены, — и

более половины волков полегло под непрерывным огнем. Наконец, звери перестали подступать; хищный огонь их глаз как будто угас, затем послышался хруст костей и слабый вой, точно плач ребенка: очевидно, уцелевшие пожирали теперь убитых и раненых собратьев.

— Ну, я думала, пришел конец! — сказала Жанна, с видимым облегчением опуская свою винтовку.

— Однако как ни прекрасно, что серые отстали от нас, а все-таки у меня руки замерзли, особенно правая, — сказал Жан.

— И у меня тоже!.. И у меня!.. И у меня!.. — слышалось со всех сторон.

— А у меня руки теплые! — подсмеивался над ними Редон.

— Быть не может! Вы — вечный мерзляк!

— Честное слово! Делайте как я: грейте руки о горячие стволы ружей! Это прекраснейший способ!

— В следующий раз им воспользуемся, а сейчас надо бежать, — уверенно говорил Лестан. — Волки занялись своим делом, и два дня их нельзя будет отогнать от этого места. Мы за это время должны далеко уйти, так далеко, чтобы они нас не нагнали.

— Да! Да! Вперед! — согласились все.

Собаки, обезумевшие от близости волков, неслись что есть мочи.

Несколько часов спустя изнеможенные, разбитые от усталости путники остановились на ночлег, разбив палатку, сварив ужин и обогревшись, насколько было возможно. Собак пришлось привязать, чтобы не разбежались: воспоминание о волках, очевидно, преследовало их теперь. К счастью, ночь прошла благополучно, и после отдыха наши друзья снова отправились в дорогу. Они уже стали немного успокаиваться, хищники не показывались. Однако канадцы, знавшие упорство волчьей натуры, не рассчитывали, что опасность совершенно миновала, и были постоянно настороже. Дальнейшее подтвердило их опасения.

Жан, шедший в хвосте поезда и поминутно оборачивавшийся назад, крикнул: «Опять!» — затем, не теряя ни минуты, вскинул свое ружье к плечу и выстрелил. Дюшато сделал то же. Они стали стрелять поочередно, и каждый убивал все новых и новых волков. По прошествии нескольких секунд двенадцать их уже лежало на снегу; уцелевшие приостановились, но

все-таки не обратились в бегство: очевидно, голод был сильнее страха. Стая стояла под выстрелами, пожирая, как и в прошлый раз, павших.

Этим и воспользовались путники, уносясь к своей Медвежьей пещере, но — увы! — волки снова и снова нагоняли их, только теперь, наученные горьким опытом, нападали не сплошной стаей, а отдельными группами по пять-шесть особей, зато разом со всех сторон. Пришлось расправляться с каждым серым поодиночке, что под силу лишь искусным стрелкам. Наконец, четвероногие хищники как будто поотстали; истомленные путешественники сделали привал, поужинали и расположились на ночлег. Пока они спали, собаки перегрызли свои путы и пустились бежать в разные стороны, чуя близость волчьей погони. Но на каждую из них в ледящей пустыне пришлось по десятку волков... Между тем путешественники, пробудившись, с ужасом заметили отсутствие собак. Как же быть с санями? Волей-неволей пришлось тащить их по глубокому снегу на себе и вместе с тем обороняться от волков.

До Медвежьей пещеры оставалось два дня пути. В первую очередь впряглись в сани Леон, Дюшато и Редон, а обе девушки, Жан и Лестанг подталкивали сзади. Было очень трудно, не раз наши друзья спотыкались и падали, проклиная убежавших собак, но продолжали путь. Наконец, показалась и Медвежья пещера.

— О! — со стоном вырывалось из груди каждого. — Мы спасены!

Напрягая последние силы, несчастные достали из саней свои меховые спальные мешки, втащили их под своды пещеры, где царил сравнительно высокая температура, затопили печь, зажгли лампу, но ни у кого не хватило сил приняться за приготовление ужина — все, кое-как устроившись, немедленно завалились спать. Тяжелый крепкий сон сковал их веки; казалось даже, что пушечный выстрел не сможет разбудить измученных людей. Между тем Портос, единственный верный пес, оставшийся при своем господине, давно уже стал рычать и злиться, наконец громко залаял и выскочил наружу, оскалив зубы.

Более сильный и чуткий, чем остальные, Жан, сделав над собой усилие, тоже встал и вдруг сообразил: перед пещерой происходит нечто необычайное.

Очнувшись окончательно, он ползком направился к выходу, протер лицо снегом, схватил за ошейник собаку и вместе с нею исчез во мраке.

Глава VII

Пробуждение. — Это динамит! — Опять враги. — Быть может, «Красная звезда»? — Золото! — Вот она — «Мать золота»! — Суждено ли погибнуть?

Трудно сказать, сколько времени длился у путешественников тяжелый сон, похожий на летаргию. Во всяком случае, несколько часов, после чего наступило ужасное пробуждение. Жан не вернулся в пещеру, но никто даже не заметил его отсутствия. Вдруг почва заколебалась, готовая разверзнуться под спящими, — и пещера потряслась до самого основания: раздался оглушительный удар, целый град обломков, как при взрыве, обрушился сверху. Душераздирающие крики вырвались у внезапно пробудившихся, они стали звать друг друга голосами, полными ужаса и отчаяния.

— Жанна! Жанна, где ты? Где вы? — восклицали одновременно Дюшато и Редон.

— Марта! Жан! — звал Леон.

Ни звука, ни слова в ответ.

— Лестанг! Лестанг! — кричали несчастные.

— Я здесь! — отозвался старый рудокоп. — А молодежь-то где? Господи Боже! Да где же они?

— Огня! Огня! Скорее огня! — кричал Редон.

У каждого были постоянно при себе кремень и огниво, коробка спичек и свеча в маленьком футлярчике. Канадец проворно зажег фитилек и прежде всего осмотрел постели. Постель Жана не только была пуста, но и совершенно холодна, как и постели обеих девушек. Это необъяснимое исчезновение товарищей до того поразило друзей, что они даже забыли на мгновение о страшном взрыве.

Мужчины направились к выходу, но, к их удивлению, он был завален громадными обломками. Несчастные оказались теперь заживо замурованными в этой пещере.

— Черт побери! Что же случилось здесь? — воскликнул журналист.

— Вероятно, произошел какой-нибудь геологиче-

ский обвал. Но у нас есть орудия, дружно примемся за дело, отроем себе выход и...

— Да разве ты не чувствуешь запаха? — прервал его встревоженным голосом Леон. — Запаха динамита!

— Да, да... Но неужели ты полагаешь, что был умышленный взрыв? Кто же мог это сделать?

— Кто?! Да те, кто увез наши сани, похитил наших дорогих спутниц и Жана...

— Эх, черт возьми! Весьма похоже, это дело рук «Красной звезды»!

— Да, я тоже так думаю! — сказал Леон.

— Как бы то ни было, нам следует как можно скорее выбраться отсюда! Где наши заступы и кирки?

— Да я же тебе говорю, они унесли решительно все: и оружие, и инструменты, и съестные припасы, словом — все!

— Будем искать лаз, — заявил решительным тоном Дюшато, — здесь обитали двое медведей, следовательно, в пещере должен быть еще и другой выход!

— Весьма возможно! Прежде всего осмотрим коридор, из которого проникли к нам в пещеру медведи. Я пойду вперед, следуйте за мной, друзья! — произнес канадец.

Они вышли в коридор. Вначале он был широкий и высокий, но потом суживался так, что местами несчастные боялись задохнуться от недостатка воздуха. Наконец, они очутились в своего рода яме, где можно было стоять во весь рост. Яма эта имела от двух с половиной до трех сажен в диаметре и вся оказалась устланной мягким мхом, на котором еще валялись там и сям обглоданные кости.

— Это спальня медведей, — объявил Лестанг. — Как видите, зверь любит удобства! Какая у него мягкая постель!

Стены ямы состояли из сыпучего песка, и Редон, проведя по ним ладонью, заявил:

— Будь у нас когти, как у медведей, мы могли бы прорыть себе выход!

— Ничего не поделаешь! — проговорил Леон. — Выхода нет: я осмотрел все!

— Надо осмотреть еще и другой коридор! — произнес Дюшато. — Не отчаивайтесь!

Они снова отправились на поиски и, наконец, вышли в главный круглый зал пещеры. Второй коридор располагался гораздо ближе к месту взрыва и потому зна-

чительно больше пострадал: свод его был сильно расшатан, некоторые глыбы над проходом едва держались, поэтому прежде чем решиться войти сюда, наши друзья сочли необходимым удалить их. Леон, как самый сильный и самый рослый, принял эту задачу на себя.

— Берегись! — крикнул он, захватывая руками одну глыбу.

Все посторонились. Раздался треск, шум. Когда поднятая пыль немного улеглась, из уст наших друзей вырвались крики изумления — им под ноги упала целая груда мутно-желтых камней, величиной с два здоровенных кулака. При свете одной свечи, бывшей в руках путешественников, трудно было разобраться, сколько тут золота — на целые миллионы или миллиарды. У всех мелькнула одна и та же мысль, а высказал ее Лестанг: «Мать золота»!

На этот раз привычный глаз рудокопа не ошибался: это было действительно золото, чистое золото, а не «желтое железо» простодушного индейца.

Старик набросился на эти глыбы, прижимая их к груди, смеясь и плача, словно ребенок.

— Да... да... это она, которую я так искал и уже не надеялся найти. Теперь можно умереть спокойно... О, чудо!..

Несмотря на весь ужас своего положения, и остальные невольно поддались странному, опьяняющему обаянию золота. Всех невольно тянуло взглянуть на эти сказочные богатства. Поль Редон и Леон зажгли свои свечи, чтобы как следует насладиться волнующим зрелищем. Перед этими грудами сокровищ все забыли про грозящую ужасную смерть: любящий отец забыл про свое дитя, единственную дочь; бескорыстные, в сущности, и прекрасные молодые люди — про своих исчезнувших невест. Все было забыто, душу поглотило какое-то безотчетное чувство алчности.

— Глыба эта свалилась оттуда, — точно в бреду, бормотал Лестанг. — Там, может быть, есть еще золото... много!

Несчастному рудокопу уже показалось мало этих миллионов, мало всех этих несметных богатств, валявшихся под ногами; он простирали дрожащие от волнения руки к своду, сверкающему самородками при свете поднятой вверх свечи! О! Сколько золота! Его так много, что больно глазам! Дикий порыв безумия снова готов

был охватить этих людей, но Дюшато и двое молодых людей очнулись все-таки от золотого бреда и вспомнили о дорогих их сердцу существах.

— О, Жанна, дитя мое ненаглядное, где ты? — воскликнул несчастный отец.

— Марта, это все было для вас! — прошептал Леон.

— Какая злая насмешка судьбы! Теперь, став царями золота, мы пойманы здесь, как в ловушке, зарыты, замурованы!

— Надо придумать что-нибудь, если не хотим умереть от голода!

— Умереть! Кто произнес это страшное слово? — воскликнул Лестанг. — Теперь, когда мы нашли «Мать золота», — умереть?! Нет!..

«А ведь моя стрелка была права, — подумал Леон, — ясно, почему она оставалась неподвижной — здесь повсюду золото».

Наконец, и старый золотоискатель пришел в себя и понял весь ужас положения: эти архимиллионеры были несчастнейшими из людей! У них не было ни капли воды, ни крошки пищи, все они легли спать без ужина, и голод уже напоминал о себе. Время шло, а выход из пещеры не находился: второй коридор также оказался заваленным обрушившимися обломками. Видя, что все их усилия не приведут ни к чему, Леон мрачно произнес:

— Нет, друзья, то, что наделал динамит, можно ликвидировать только динамитом же, а у нас его нет!

— Стало быть, остается только ожидать помощи извне?

— Да, но могут пройти десятки лет, прежде чем явится эта помощь! — с горькою усмешкой отвечал Леон.

— Может случиться и невозможное! — произнес Лестанг. — А Жан, а наши барышни?

— Они, быть может, сильнее нас нуждаются в помощи!

— А мне кажется, тот, кто на воле, сможет помочь тем, кто в заключении!

— Дай Бог, чтобы все стало по-вашему! — проговорил с глубоким вздохом Дюшато.

Глава VIII

Подвиг лицеиста.— Человек и собака.— След.— Под сенью шатра.— Бандиты и их жертвы.— Мертвецки пьяные.— От жизни к смерти.— Новый подвиг Жана.— Те, кого не ожидали.

Встревоженный сердитым ворчаньем Портоса, Жан, наконец, как мы помним, преодолел свой сон и в сопровождении собаки выбрался из пещеры, чтобы посмотреть, в чем дело. Он прошел уже саженой двести, когда вдруг спохватился, что при нем нет ни оружия, ни даже простой палки, а близко, может быть, бродят волки. Едва он успел об этом подумать, как Портос, вырвавшись, с громким, яростным лаем кинулся вперед. Вслед за этим из мрака раздался чей-то резкий и странный голос.

— Да возьмите же вашу собаку: мы — друзья!

— Люди... здесь?! — удивился молодой человек. — Портос! Ко мне!

Собака с видимой неохотой повиновалась, но продолжала рычать; скоро Жан ясно смог различить очертания пятерых мужчин, укутанных в теплые меховые одежды. Один из них обратился к юноше по-французски, но с сильным английским акцентом.

— Мы — золотонскатели; сани и собаки немного поотстали! Возвращаемся в Доусон-Сити и ищем, где бы укрыться на ночь!

Голос незнакомца показался знакомым Жану, и какое-то предчувствие подсказало, что перед ним — враги. Тем не менее он вежливо отвечал:

— Здесь неподалеку пещера, где отдыхают мои спутники! Если хотите, провожу вас туда!

С этими словами он кинулся к товарищам, надеясь поднять тревогу. Но — увы! — его окружили.

— Уложите молодого волчонка на месте! — крикнул тот же жесткий голос. — Это братец той барышни, я признал его!

Сильный удар в голову оглушил Жана; инстинктивным движением он протянул было руку вперед, но тут же упал, шепча: «Они убили меня... Марта! Леон! Я умираю!»

Верный Портос с остервенением кинулся на злодеев, но их, вооруженных ножами, было слишком много, — верный пес упал почти замертво подле своего безжизненного господина.

— Юнец, думаю, готов? — спросил кто-то из шайки.
— Этот молокосос? — презрительно переспросил кто-то из бандитов. — Я не таких разом отправлял на тот свет!

И они поспешили далее, оставив на снегу, в луже крови, несчастного мальчика и его верную собаку.

Однако Портос остался жив. Эти громадные сильные собаки вообще очень живучи. Вскоре он стал шевелиться, сопеть, чихать и, наконец, совершенно пришел в себя. Увидев рядом своего хозяина, пес стал лизать ему лицо, отогревать своим дыханием, но так как это не действовало — юноша не оживал, — умная собака стала разрывать вокруг снег и всем своим телом прижалась к раненому как можно ближе. Вдруг раздался глухой подземный гул, затем звук страшного взрыва, и слабый крик вырвался из его груди. Портос, услышав этот крик, стал всячески выражать радость, визжать, ласкаться. Сделав над собой усилие, Жан разом припомнил все, — и ужас охватил его при мысли о страшной опасности, настигшей, наверное, товарищей. Он хотел встать, бежать к ним на помощь, но не мог подняться: подтаявший под ним снег снова успел оледенеть; меховые одежды примерзли, и, несмотря на все усилия, он остался неподвижен. Сознание своей слабости и беспомощности вызвало невольные слезы у смелого юноши.

— Но ведь мне надо же идти! Надо спасти друзей или умереть вместе с ними! — шептал он, снова делая попытки приподняться; ему удалось, наконец, ухватиться за ошейник Портоса, и доброе животное вырвало-таки его из снега.

Жан приподнялся; в ушах шумело, в голове ощущалась страшная боль, что-то тепловатое, мокрое, липкое смачивало рубашку и нижнюю одежду: «Вероятно, крови!» — думал мальчик. Его томила мучительная жажда.

Вдруг вдали послышался легкий скрип лыж. Портос глухо зарычал.

— Молчи, Портос, молчи! — стал унимать пса Жан, одной рукой зажав ему морду. Где-то в темноте различимы были и голоса. Он узнал их: голос убийцы — угрожающий, злобный, и голос Марты — молящий и рыдающий.

«Боже, они уводят мою сестру!.. О, я найду в себе силы следовать за ними! Я еще мальчик, но сумею справиться с негодяями!» — думал отважный юноша.

Марта плакала и вырывалась из рук злодеев. С нею была и Жанна, и никто не мог помочь им!..

При этой мысли у раненого как будто выросли крылья. Шатаясь, точно хмельной, спотыкаясь на каждом шагу, Жан решил продвигаться ползком, следя за похитителями и не упуская их из виду.

Умная собака поняла, что надо следовать за хозяином крадучись, и перестала рычать.

Голосов уже не стало слышно, но Портос безошибочно вел своего господина по следу бандитов. Однако бедный Жан чувствовал, что силы его стремительно уходят, он все больше слабеет.

— Я дойду, дойду!.. — шептал юноша, несмотря на то что дыхание с хриплым свистом вырывалось у него из груди.

Вскоре он увидел перед собой большое темное пятно на снегу — ряд саней, а за ними палатку. Не подлежало сомнению: это был лагерь бандитов. Жан припал ухом к шелковому полотнищу и стал слушать с замирающим сердцем. Доносился отвратительный запах спиртных напитков и грубые, пьяные голоса. Скоро, однако, все стихло, раздавался только пьяный храп уснувших подлецов.

Бедные девушки, связанные веревками по рукам и ногам, тихо плакали, прижавшись к углу шатра. Вдруг послышался легкий звук, и струя холодного воздуха разом охватила их: острое лезвие ножа пропороло тонкую ткань палатки, и покрытый инеем человек в сопровождении такой же заиндеветшей косматой собаки вошел в шатер.

— Жан! — прошептала Марта.

— Тихо! Ни звука! — проговорил он чуть слышно каким-то чужим голосом. Потом этот мальчик, едва ли не смертельно раненный, исходящий кровью, с остановившимся сомнамбулическим взглядом, склонился над спящим разбойником, схватил его за бороду и хладнокровно, как присяжный палач, перерезал горло. Слабый храп, фонтан крови — и с первым бандитом было покончено. Затем он точно так же поступил со вторым. Обезумевшие от ужаса девушки закрыли глаза и прижались еще крепче друг к другу. Между тем Жан продолжал свою кровавую расправу.

— Хватило бы только сил!.. — шептал он все время.

Еще один из разбойников отправился на тот свет. Рядом лежал совершенно без всяких признаков сознания его сообщник. Жан, собрав остаток сил, прирезал и его. В живых оставался последний. Юноша замахнулся и нанес ему удар, но ослабевшая рука уже не имела силы заколоть негодая. Раненный, притом легко, тот вскочил на ноги, схватил ослабевшего юношу поперек тела и вмиг обезоружил.

Еще секунда — и отважный мальчик стал бы жертвой злодея, но Портос, видя, что господину грозит опасность, сильным прыжком кинулся на преступника, опрокинул его, схватил за горло и довершил начатое Жаном. В этот момент за палаткой слышались голоса запыхавшихся людей.

— Сдавайтесь или все не сойдете с места! — И трое мужчин ворвались в палатку с заряженными пистолетами в руках.

Марта узнала этот голос.

— Мистер Тоби! — воскликнула она. — О, мистер Тоби! Помогите брату, пока еще не поздно... Жан лишился чувств!

— Вы здесь?! Как вы сюда попали, милые барышни?

— После, после, помогите мальчику!

Но Жан уже очнулся; шатаясь, поднялся на ноги и с довольной улыбкой оглянулся кругом. Мистер Тоби разрезал веревки, которыми были связаны молодые девушки.

— О! Мы опоздали! — проговорил он. — Все дело сделал милый юноша! Вы — герой, мистер Жан!

Глава IX

Сила воли. — Возвращение к пещере. — Живы. — Опять динамит! — На свободе. — Рассказ Тоби. — Вознаграждение. — Выяснившаяся тайна. — При свете пламени. — «Красная звезда». — Последнее открытие.

— Жан! Жан! — воскликнула Марта, кинувшись на шею брата. — Боже! Жанна, помогите сделать ему перевязку!

— Да, да, дорогая Марта, но какой холод! Прежде надо закрыть щель какой-нибудь шкурой!

— Сейчас, барышни, дайте нам только убрать отсюда эту падаль! Тут можно потонуть в крови! — про-

говорил Тоби и принялся вместе со своими товарищами вытаскивать одно за другим тела убитых.

Девушки суетились около Жана, желая ему помочь.

— Не надо, — сказал он, — я чувствую только некоторую тяжесть в голове, но это пройдет на морозе. Здесь душно и смрадно! Я ничего не ощущаю в груди; если и есть рана, так кровь на ней застыла и она заживет сама собой. Поспешим скорее туда, к пещере, где остались наши друзья! Пока оставим все так, как есть, но захватим с собой хоть какое-то снаряжение: бандиты ограбили нас дочиста!

— Зато наши сани в полной исправности! — возразил мистер Тоби.

— Тем лучше, избыток имущества никогда не мешает, захватим все.

Без дальнейших проволочек маленький отряд направился к Медвежьей пещере, отстоявшей от них в полумиле. Там царила мертвая тишина, безмолвие. Тоби схватил кирку и принялся бить что есть силы по скале; вдруг, о радость, изнутри также послышались ответные удары и крики.

— Они живы! Живы! Скорее сюда петарду!

Чтобы избежать обвала, Тоби поместил снаряд как можно выше и при этом крикнул несколько раз:

— Отойдите, господа, в самую глубь пещеры: сейчас мы взорвем верхний свод!

Спустя несколько минут послышался взрыв, и, когда дым рассеялся, Тоби воскликнул:

— Ура! Друзья мои!

— Ура! — отозвались изнутри счастливые голоса.

— Все ли живы?

— Все! Живы и невредимы!

Мужчины выбрались наружу через брешь, сделанную взрывом; последовали объятия, бессвязные радостные восклицания, поцелуи.

Выждав, пока первые моменты волнения пройдут, мистер Тоби, со свойственной англичанам корректностью, поспешил представить своих товарищей: мистера Паскаля Робена и мистера Франсуа Жюно, канадцев родом.

Все бросились благодарить их, причем Леон добавил:

— Мы, мистер Тоби, обязаны вам и вашим товарищам жизнью, а потому одной словесной благодарности мало, и хотя в любом случае мы останемся

вашими неоплатными должниками, все-таки просим, мистер Тоби, принять от нас миллион, а вас, господа, по пятьсот тысяч долларов!

— Да! Да! — подтвердили остальные.

Затем все отправились в пещеру, затопили печь и стали готовить ужин. Расположившись на медвежьих шкурах у печки, Тоби рассказал своим друзьям, каким образом он разыскал их.

— Я принадлежу к числу людей, — говорил он, — которые, начав какое-нибудь дело, любят непременно довести его до конца. История с Джо Нортон и Робеном Смитом не давала мне покоя. Я решил во что бы то ни стало вывести мистификаторов на чистую воду.

— И вам удалось?

— Сейчас узнаете. Конечно это было нелегко; я наблюдал, выслеживал и, в конце концов, убедился, что Джо Нортон и Робен Смит не одно и то же, что Боб Вильсон и Френсис Бернетт!

— Значит, судьи были правы?

— И да, и нет! Существуют все четверо: и Смит, и Вильсон, и Нортон, и Бернетт, причем Джо — двойник Боба, а Ребен — двойник Френсиса. При помощи легкого грима, каблуков повыше или же пониже, подкрашенной бороды и волос они достигали поразительного сходства и их нельзя было отличить друг от друга. В том и состоял весь секрет! Раскрыл я его с помощью целого ряда фотографических снимков. Фотографии показали и внешнее сходство, и некоторые различия в облике этих личностей, которые, надо заметить, никогда не бывают в присутствии друг друга!

— Вы просто гений, Тоби!

Тот самодовольно улыбнулся и продолжал:

— Заручившись снимками и сдружившись вот с этими господами, которые во всем оказывали мне помощь и содействие, я обратился к суду, и так как последний отнесся к делу довольно холодно, написал большую обличительную статью, в которой беспощадно разгромил и суд, и судей, изобличил и четверых негодяев, приведя все их преступления, злодеяния и проделки. Одна из влиятельных газет приняла мой опус и тут же напечатала его, уплатив громадный гонорар.

Статья имела такой успех и так подействовала на общественное мнение, что немедленно были приняты меры для ареста преступных двойников, но бандиты

успели бежать. Судьи пересмотрели дело, и мы были объявлены невинно пострадавшими.

Тогда я и двое моих товарищей с тремя санями и полным снаряжением полярной экспедиции пустились преследовать негодяев по снежной пустыне. Вдруг мы заметили, что их след сливается с другим следом — вашим. Решено было удвоить скорость погони, но, если бы не мистер Жан, все наши усилия оказались бы тщетными...

— Но скажите, что же случилось с «Красной звездой»?

— Вы желаете знать, что с нею случилось? Прекрасно! Потрудитесь последовать за мной!

Все вышли и быстро направились к шелковой палатке.

Не доходя пятидесяти шагов до нее, Тоби попросил всех остановиться и подождать немного, а сам побежал вперед, вылил на снег бутылку керосина и зажег его. Громадное пламя взвилось вверх и озарило кровавым заревом равнину. Крик ужаса вырвался из груди зрителей: на снегу горело пять окровавленных тел. Случайно или умышленно, но объятые пламенем тела расположены были правильной пятигранной звездой.

— «Красная звезда»! — воскликнул Тоби. — Вот она!

Заключение

Теперь нашим друзьям предстоял выбор между зимовкой в Медвежьей пещере и зимовкой в Доусон-Сити. Все единогласно решили вернуться в блестящую молодую столицу Клондайка, выждав несколько дней, пока Жан совершенно оправится от раны. За это время путешественники добыли множество драгоценных слитков и загрузили ими сани умерших членов «красной звезды». Произведя расчистку второй галереи, старик Лестанг воскликнул:

— О нет, это уже слишком! Здесь все своды и стены из чистого золота! Право, я умру! Тут более чем на сотни миллионов!

— Да, поистине сон из «Тысячи и одной ночи»! — согласились с ним остальные, но теперь вид несметных богатств уже не опьянял их; путешественников целиком захватило одно-единственное желание — вернуться скорее домой.

Возвращение совершилось сравнительно благопо-

лучно, без особо печальных приключений, а въезд в столицу Клондайка оказался поистине триумфальным. Прежде враждебное отношение обитателей этого города к нашим друзьям сменилось восторженным благоговением. Но ни шумные орации, ни празднества, ни сказочная роскошь лучшей гостиницы не занимали и не радовали их. Доусон-Сити они считали первым этапом на пути в возлюбленную Францию.

— Мы все, все едем на милую родину! — говорили они.

Один только старый Лестанг пожелал остаться и умереть в стране золота.

— Я, — говорил он, — буду вашим доверенным, управляющим и уполномоченным, и, поверьте, никто лучше не сумеет разрабатывать «Мать золота»!

Все согласились со старым рудокопом.

Предстоящее путешествие во Францию приводило в восторг и Дюшато, и его дочь: осуществлялась их заветная мечта, мечта каждого канадца французского происхождения — хоть раз в жизни повидать Париж.

Кроме того, общие печали и радости, общие волнения, лишения и опасности до того сблизили путешественников, что даже Жанна, далеко не сентиментальная, положительно не могла себе представить разлуки со своими друзьями.

У них у всех была теперь как бы одна душа. Все случилось как бы само собой, и, по словам Леона, само собой стало ясно, что Поль Редон и Жанна созданы друг для друга, так же как и сам Леон и мадемуазель Марта.

— Не подлежит сомнению, — добавил Фортен, — что по возвращении домой во Францию все это кончится, как в романе, двойной свадьбой, и, если ты, Поль, ничего не имеешь против, мы поженимся в один и тот же день!

— Браво! Я благословляю страну морозов, где нашел свое счастье! — вскричал Поль.

— До сих пор ты, кажется, только проклинал этот Ледовый ад!

— Пусть же он отныне будет Снежным раем! — воскликнул журналист. — Никогда не соглашусь называть его иначе!

Печатается по изданию:
Луи Буссенар. Полное собрание романов. —
Спб.: Книгоиздательство П. П. Сошкина. — 1911

Перевод Е. Киселева, А. Сергеева

Текстологическая работа выполнена
Южно-Уральским книжным издательством

В книге сохранены иллюстрации
французских художников начала XX века

Б 92   **Буссенар Л.**
Под Южным Крестом; Ледяной ад:
Романы. — Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во,
1993. — 624 с.
ISBN 5-7688-0630-X

Острсюжетные приключенческие романы «Под Южным Крестом» и «Ледяной ад» переносят читателя на острова Океании, в Австралию и Северную Америку. Любимый персонаж французского писателя XIX в. Луи Буссенара — парижский гамен Фрика, герой многих его произведений — вновь главное действующее лицо романа «Под Южным Крестом».

Б 4703010100 — 017 6—93
М 162 (03) — 93

ББК 84.4 Фр

ISBN 5-7688-0630-X

- © Текстологическая работа.
Южно-Уральское книжное
издательство, 1993.
- © Виталий В. Г.
Художественное оформление,
1993.

СОДЕРЖАНИЕ

Под Южным Крестом	6
Ледяной ад	470

Луи Буссенар
ПОД ЮЖНЫМ КРЕСТОМ
ЛЕДЯНОЙ АД

Редактор *Е. П. Журавлева*

Оформление *В. Г. Витлифа*

Художественный редактор *Т. А. Спивак*

Технический редактор *Т. В. Анохина*

Корректоры *В. И. Мельник, О. Э. Дюкалова*

ИБ № 3049

Издание для юношества

Лицензия ЛР № 010024 от 17.09.91. Сдано в набор 12.05.93.
Подписано в печать 28.10.93. Формат 84×108/32. Бумага
тип. № 2. Гарнитура Обыкновенная новая. Печать оф-
сетная. Усл. п. л. 32,76. Уч.-изд. л. 35,18. Тираж 50 000 экз.
Заказ № 206.

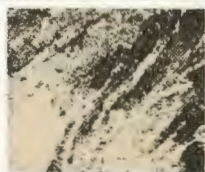
Южно-Уральское книжное издательство, 454113, г. Челя-
бинск, пл. Революции, 2.

Издательско-полиграфическое предприятие «Уральский
рабочий», 620219, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Произведения Буссенара — это увлекательный рассказ
о необыкновенных приключениях!

Это страшные тайны, которые разгадываются
ценой опасности и подвига!

Это благородство и человечность в мире зла.
Книги Луи Буссенара с удовольствием прочтет
не только юный, но и взрослый читатель.

**ЮЖНО-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО**

